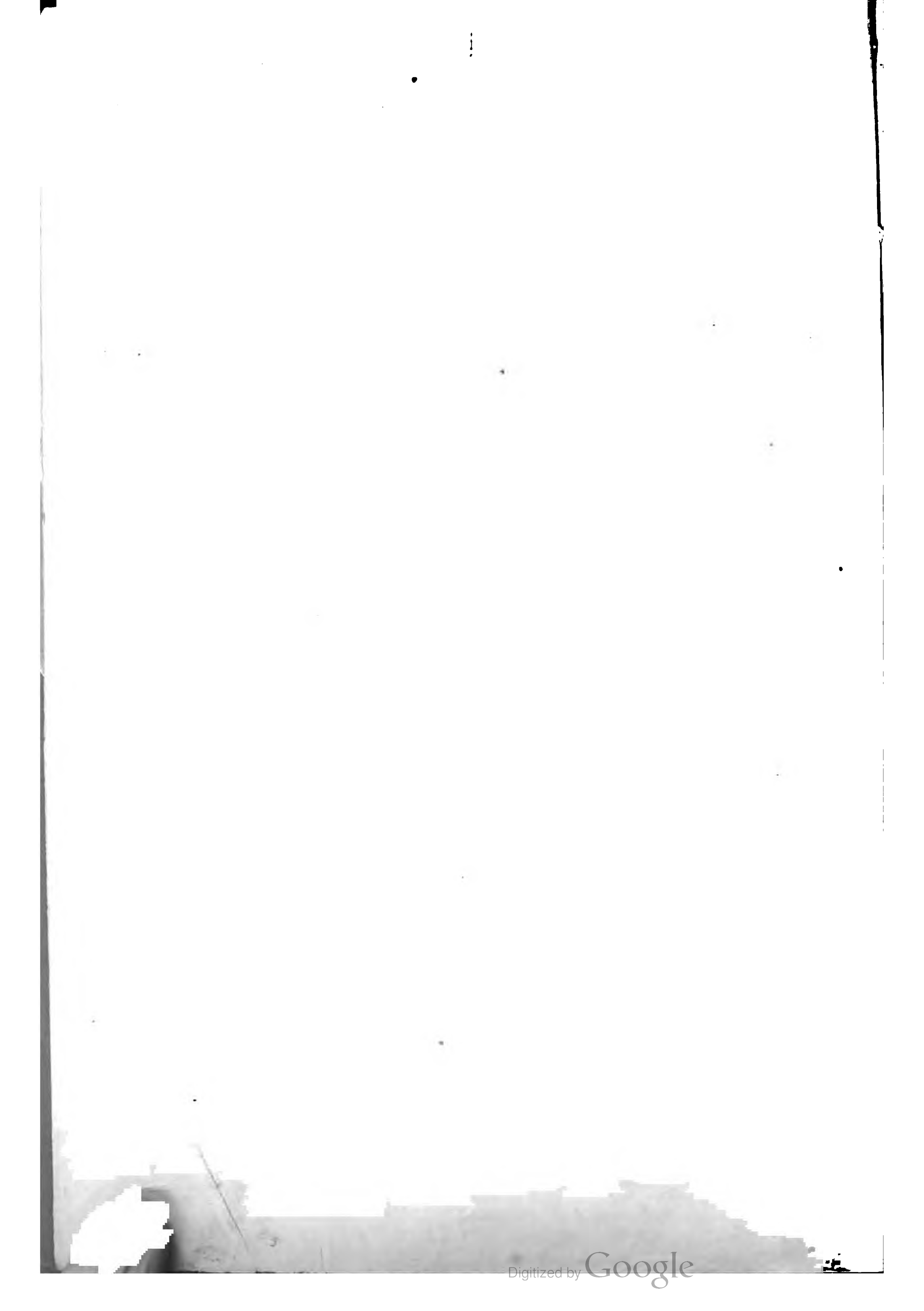

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY
FOUNDED BY EZRA CORNELL

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY
3 1924 106 822 764

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Декабрь № 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.

1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 ноября 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 12 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1896 г.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

школы Н-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. **М. Слобожанина**; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. **П. Ѳ. Каптерева**; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. **Л. Н. Модзалевскаго**; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. **Я. Г. Гуревича**; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) **М. А. Лялиной**; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). **Е. Чебышевой-Дмитріевой**; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго **А. А. Красева**; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. **А. С. Виреніуса**; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. **Л. Е. Оболенскаго**; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. **Д. Д. Семенова**; 15) О подготовкѣ учителей для сельскохозяйственныхъ школъ. **И. И. Мещерскаго**; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. **А. С. Симоновичъ**; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. **Кл. Фармаковскій**; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. **В. Афанасьева**; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». **Графа Павла Капниста**; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? **В. П. Вахтерова**; 21) Народныя чтенія. **Его же**; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. **А. Ѳ. Гартвига**; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства **Д. Д. Лобанова**: 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи **В. Ю. Скалона**; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? **В. И. Фармаковскаго**; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? **А. Раменскаго**; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. **Я. В. Абрамова**; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. **О. Х. Павловичъ**; 29) По вопросу о введеніи въ програму начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. **С. А. Бобровскаго**; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. **И. А. Анастасіева**; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. **С. Брайловскаго**; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. **Л. Рутковскаго**; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **А. А. Гофмана**; 34) Неожиданныя темы. **Ц. П. Балталона**; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. **Ив. Созонтьева**; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. **И. П. Бѣлоконскаго.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою **6 р. 50 к.** для иногородныхъ— **7 руб.**, за-границу—**9 руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Удача.

(Изъ «Сказокъ Дѣйствительности»).

I.

Уходя съ выставки, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Все сливалось въ однообразный гулъ. Лица, картины, статуи мѣшались и пропадали и еще ярче и выпуклѣе выступалъ передъ нимъ такъ трудно давшійся ему успѣхъ. Костецовъ съ утра болтался здѣсь и пока у него не закружилась голова, онъ ловилъ каждое слово, долетавшее до него. У его полотенъ—стѣной стояли зрители. Еще вчера никому неизвѣстный, — сегодня онъ возбуждалъ общее любопытство. Спрашивали, гдѣ онъ, каковъ онъ? Молодъ или старъ? Продавщица фотографій съ выставленныхъ картинъ и каталоговъ смѣялась:

— Вашего портрета требуютъ, а у меня нѣтъ. Снимитесь!..

— Кто проситъ?

— Больше дамы!..

И ему дѣлалось еще веселѣе. Онъ зналъ, что у насъ репутаціи создаются именно дамами. Мужчинамъ некогда. Тѣ на черной работѣ и на выставки являются по обязанности. Сбыть-бы ее поскорѣе — и съ плечъ долой. Биржа, канцелярія, департаментъ, казармы, страховыя общества, банки — ждутъ. Онъ передъ картиною стоитъ, а у самаго въ мозгу гвоздемъ: какъ мнѣ съ запросомъ № 1,821 раздѣлаться, и въ золоченой рамкѣ передъ нимъ вовсе не шпинатный пейзажъ съ яичнымъ желткомъ въ видѣ заката, — а «дѣло» въ синей обложкѣ и выступающее изъ него сухое и строгое лицо директора, у котораго и бакенбарды-то на страхъ врагамъ щетинятся. За то дамы — кричатъ, судятъ, разносятъ вѣсти, звонятъ во всѣ уши, такъ что наконецъ бородатая половина человѣчества начинаетъ вѣрить: Ивановъ великъ, а Федоровъ малъ...

Но тутъ не только дамы! Костецовъ не пропустилъ ни одного рецензента. Они вѣдь его почти не знали. Еще недавно онъ былъ для нихъ—ноль-нолемъ. Зато онъ всѣхъ ихъ разсмотрѣлъ ранѣе. Съ жаднымъ любопытствомъ на безчисленныхъ выставкахъ вглядывался въ ихъ лица. Соображалъ про себя,—придетъ и мой часъ и эти господа будутъ писать обо мнѣ. Ему удобно былъ наблюдать за ними, прислушиваться къ нимъ. Они вѣдь на него не обращали никакого вниманія. И когда теперь онъ слышалъ ихъ отзывы,—ему не разъ хотѣлось крикнуть имъ: это я. Я именно и есть Костецовъ... Очень-де вамъ благодаренъ за вниманіе... Но вмѣсто того молодой художникъ только краснѣлъ и отходилъ въ сторону. Еще не привыкъ къ успѣху, не сбросилъ съ себя застѣнчивости... Разъ даже, когда барышня-продавщица издали показала на него дамѣ съ большимъ носомъ и съ еще бо̀льшею эгреткой на крашеныхъ волосахъ, онъ убѣжалъ въ другія залы. Привычные люди въ тѣхъ-же обстоятельствахъ принимаютъ живописныя позы и глядятъ спокойно, небрежно, даже, повидимому, скучая: «мы-де привыкли къ общему поклоненію, намъ все равно. Смотрите на насъ, мы не запрещаемъ. Мы вѣдь васъ не замѣтимъ!..»

— Костецовъ, поздравляю... Вы сегодня «царица бала», какъ выражались въ старинныхъ романахъ.

Костецовъ поклонился и еще ярче засіялъ. Вчера вѣдь тотъ-же Сталинскій его-бы не замѣтилъ. Сколько разъ онъ, старый, извѣстный художникъ, даже не отвѣчалъ на поклоны этого новичка въ искусствѣ...

— Очень хорошо, очень хорошо... Сочно, красиво... Контуръ увѣренный, композиція смѣлая... Все живетъ у васъ...

Протянулъ руку. Ужъ не два пальца, какъ въ прошломъ году, когда засталъ его передъ своею картиной, а всю. Точно цѣлковый на чай пожаловалъ! Костецовъ вовсе не преклонялся передъ «старымъ сатиромъ», какъ звала его молодежь, а тутъ согнулся въ три погибели. И не отъ подобострастія, а такъ—ужъ слишкомъ душа была переполнена.

— Только вотъ что, молодой другъ мой...

«Старому сатиру» очевидно польстила почтительность юнаго «таланта».

— Вы меня простите, — я вамъ практическій совѣтъ дамъ: подите сейчасъ-же и удвойте цѣны. Не бойтесь, раскупятъ. Ничего не останется непроданнымъ.

И величественно кивнувъ сѣдою головою, заигралъ широкими бедрами къ выходу изъ залы.

Совѣтъ былъ хорошъ и безкорыстенъ. Сталинскій ничего своего не выставилъ, да и сверхъ того, все что онъ ни писалъ, у него брали два-три милліонера, при которыхъ онъ состоялъ по особымъ порученіямъ.

— Вотъ этотъ работать умѣетъ... Не шваброй наворочено,—доносилось къ Костецову. — Я его въ своемъ отчетѣ поставлю въ укоръ нашимъ Юпитерамъ отъ живописи. Посмотрите, тутъ вѣдь не одно дарованіе. Трудъ, и немалый! Строгость къ себѣ, уваженіе къ искусству. И никто его не знаетъ. У насъ, у рецензентовъ, онъ не обивалъ пороговъ, я его даже и не видѣлъ, каковъ онъ. Говорятъ—молодой... А нѣжность кисти. Вѣдь это сама весна! Цвѣтами пахнетъ картина... Тѣло какъ выписано,—теплое... Каждою порою дышетъ.

И за спиною у Костецова, казалось, отростали крылья.

Онъ уже не шелъ, а плавалъ въ воздухѣ. Все впереди тонуло въ розовомъ свѣтѣ,—безконечная заря съ ея радужными красками и дивными, чистыми небесами. Такъ-бы и унесся туда, въ манящую лазурь... На душѣ пѣло, радовалось, сіяло—и природа казалась прекрасна и люди великодушны. Даже старый сатиръ явилъ себя въ такомъ ореолѣ безкорыстія, что Костецовъ невольно устыдился, какъ онъ еще недавно могъ смѣяться надъ такимъ превосходнымъ человѣкомъ. Когда у выхода тускло и холодно встрѣтилъ молодого художника обычный сѣренькій петербургскій день, — Костецову и онъ почудился прелестнымъ. Въ туманѣ карандашомъ намѣченные дома были полны строгой и тихой красоты безмолвнаго страданія. Изчезавшія въ остуженномъ парѣ улицы являлись такими меланхолическими, таинственными, безотвѣтно покорными передъ смертью, что Костецовъ невольно самъ себѣ говорилъ: «какъ хорошо, какъ хорошо. Боже мой, что можетъ быть лучше, счастливѣе жизни... И сколько поэзіи разлито вездѣ и во всемъ, тонкой и скромной!..» Онъ теперь-бы нашелъ ее даже и въ брызгахъ слякоти изъ подъ колесъ рванаго извозчика, нанятаго имъ въ одну изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова.

II.

Онъ жилъ высоко. «Къ Богу ближе!»—смѣялись его знакомые, подымаясь въ пятый этажъ. «И воздухъ чище», отшучивался онъ.—«Потомъ для лѣниваго человѣка всегда оправданіе: отчего никуда не ходишь? — А ты попробуй сто двадцать двѣ ступени отмахать. Вѣдь это двѣсти сорокъ четыре въ оба конца. Ну, и сидишь дома—точно птица въ клѣткѣ, подвѣшенной къ самому потолку». Сегодня даже онъ и не почувствовалъ, какъ оказался у себя. И странное дѣло — еще вчера его мастерская такъ нравилась ему. Въ ней много свѣта и простора. Все здѣсь пропитано его творческими замыслами. Сколько разъ цѣлые часы онъ проводилъ у себя, полузакрывъ глаза, и въ сизыхъ сумеркахъ передъ нимъ точно души, жаждавшія воплощенія, носились облики будущихъ картинъ. Онъ былъ съ ними и потому ни разу не испытывалъ горечи одиночества. Скука не касалась Костецова. Она

заглядывала къ нему въ окна, но не влетала сюда никогда. Не бросала сѣрую тѣнь большихъ крыльевъ въ рабочую комнату, казавшуюся такой холодной и пустой. Прошлое въ своихъ опредѣленныхъ формахъ, настоящее — яркое и распадавшееся на подробности, будущее въ таинственной дымкѣ, въ мистическомъ полумракѣ—поочереди окружали его призраками, отраженіями и уходили прочь, уступая мѣсто причудливымъ образамъ, вызваннымъ его мыслью изъ небытія. Онъ чувствовалъ себя богомъ передъ начатыми холстами. Это для него былъ тотъ же хаосъ, изъ котораго, повинуясь его «да будетъ», должны были возникнуть міры... Онъ зналъ родовыя боли созиданія и мучился ими. Онъ испытывалъ всю горечь и муку неудовлетворенности, разочарованія при видѣ того, какъ воплощеніе было блѣднѣе и безобразнѣе угаданной имъ души. Онъ не разъ томился безсиліемъ истиннаго художника, съ отчаяніемъ складывающаго кисти, потому-что на палитрѣ нѣтъ красокъ, въ глазахъ— очертаній передать, что ему смутно чувствовалось, что открывалось въ безсонныя ночи... И тогда онъ спускался по безконечной лѣстницѣ, мѣшался въ толпу, терялся въ улицахъ и на площадяхъ, одурманивалъ себя безобразнымъ шумомъ и глупою суетою чуждаго міра. Ему случалось встрѣчать вечеръ въ сладкомъ самоопьяненіи восторга. Тайны искусства, казалось, ужъ были у него въ рукахъ. Его работа являлась совершенной... Онъ засыпалъ счастливцемъ—и просыпался мученикомъ. Бросаясь къ картинѣ, съ отчаяніемъ видѣлъ, что это еще не то, что какъ оглашенный онъ стоитъ у притвора храма, въ которомъ невѣдомому богу молятся другіе. Онъ соскабливалъ работу нѣсколькихъ дней— или свертывалъ и бросалъ ее въ уголъ и какъ паукъ, сѣтку котораго разорвалъ палкою мимо пробѣжавшій мальчикъ, опять начиналъ плести звено за звеномъ, съ угрюмою рѣшимостью, часто съ бѣшенствомъ, со злобою, даже съ ненавистью. Онъ не жилъ этими ощущеніями, онъ сгоралъ въ нихъ. Въ немъ не было ремесленника—и потому онъ блѣднѣлъ, худѣлъ, иногда кашлялъ. Искусство, какъ вампиръ, пило его кровь, обманчивыми взмахами крыльевъ нагоняя на него чудныя сновидѣнія. Другіе въ это время ужъ дѣлали себѣ имена. Ихъ работы какъ акціи чуть-ли не котировались на биржахъ. А онъ еще искалъ и стучался въ запертыя двери. Хотѣлъ у солнца подсмотрѣть его тайны, у тѣней ихъ неуловимые переходы, у красокъ ихъ загадочныя сочетанія. Какъ полусумасшедшаго композитора чудившаяся и недававшаяся подъ руки мелодія—Костецова мучили идеи и замыслы и иногда ему казалось — вотъ они. Онъ ихъ видитъ и знаетъ. Въ поту и нетерпѣніи онъ кидался къ кистямъ и изъ подъ нихъ выходили безобразныя пятна только съ намеками на то, что ему грезилось. Положимъ и въ этихъ пятнахъ было что-то, но вѣдь и въ грязной лужѣ отражается солнце, но лужа не оно!..

— Что, вы еще нащупываете?..— иронически встрѣчали его товарищи.—Все прицѣливаетесь?.. Ну, толцыте, толцыте, авось отверзется! И тутъ же, какъ будто мимоходомъ, сообщали:

— А мнѣ Брюхановъ шесть панно заказалъ—по полторы тысячи каждое... Да фонъ-Блютвурстъ наклевывается—потолокъ ему расписать, а это, душа моя, знаете чѣмъ пахнетъ? Менѣе пятнадцати и не подумаю!..

Костецовъ слушалъ и, таково ничтожество человѣческой природы, искренно завидовалъ. Еще ни разу не доставались ему ни панно, ни плафоны. Онъ понималъ, что встрѣченный имъ пріятель бездарнѣе его неизмѣримо... А между тѣмъ тотъ дѣлалъ уже карьеру, собиралъ «тысячи», имѣлъ гдѣ-то на храненіи капиталъ и случалось писалъ чеки на христопродавческій банкъ... Въ газетахъ о немъ живописали: «нашъ извѣстный, нашъ высокодаровитый, нашъ популярный и блестящій», а о Костецовѣ зналъ только издатель иллюстрированнаго журнала, покупавшаго у него рисунки гуртомъ по двадцати-пяти рублей за пятокъ... Костецовъ до того доходилъ, что для башмачнаго магазина придумывалъ «Объявленіе», гдѣ женскую туфлю, перевитую гирляндами, уносили въ небеса амуры, а для парфюмеріи изображалъ несуществующихъ въ природѣ и не упоминаемыхъ зоологіей бабочекъ и птицъ. Что касается до цвѣтовъ—въ нихъ не разобрался бы никакой ботаникъ. Итакъ онъ до сихъ поръ бѣжалъ къ неясной цѣли, гонимый фуріями имъ самимъ создаваемыхъ замысловъ. Онѣ не давали ему покою. Такъ работать, какъ это дѣлали другіе, онъ не могъ. Торныя дороги къ «панно» и «плафонамъ» были противны. Онъ скорѣе мирился съ сапожникомъ Караваемымъ, который ему заказывалъ: «изобразите-ка вы мнѣ ботинокъ поживописнѣе, такъ, чтобы у давальца, какъ онъ его увидитъ въ газетахъ,—слюнки бы потекли».

III.

Отчаянье и недовѣріе къ себѣ часто смѣнялись, повидимому, ни съ того ни съ сего, самымъ заносчивымъ убѣжденіемъ, что впереди «все—мое». Костецовъ подымалъ голову и будущаго первородства не продалъ-бы ни за какую чечевичную похлебку. Въ эти минуты онъ былъ почти счастливъ. Весь міръ казался ему гдѣ-то внизу, а онъ наверху горы стоящимъ. Еще вчерашняя зависть къ авторамъ панно и плафоновъ вдругъ являлась до-нельзя смѣшной, мелочной и глупой. Онъ хохоталъ надъ собою, говорилъ «пусть ихъ!... На здоровье», и бодрый, смѣлый, вдохновенный живо принимался за работу, отваливаясь отъ нея только тогда, когда рука у него деревенѣла, глазъ переставалъ различать оттѣнки и въ головѣ шмелиный рой жужжалъ. Онъ ложился

на кровать и весь погружался въ горделивое созерцаніе славы, можетъ быть и отдаленной, но для него несомнѣнной. Разумѣется, она достанется трудно, да развѣ что-нибудь большое и хорошее легко дается? За иное стоитъ страдать и терпѣть цѣлые годы, хоть всю жизнь, чтобы оно, наконецъ, улыбнулось тебѣ и увѣнчало вѣнкомъ даже и посѣдѣвшую голову. Какой-то шутникъ-товарищъ изобразилъ его въ каррикатурномъ видѣ Наполеономъ на Аркольскомъ мосту. Вдали ему чудится вѣнецъ, поддерживаемый секретаремъ академіи и В. В. Стасовымъ. Много смѣялись надъ столь неожиданнымъ сочетаніемъ именъ, но Костецовъ принялъ это серьезно, спряталъ рисунокъ въ столъ и часто имъ любовался. Когда вечерѣло и работу надо было поневолѣ бросать, онъ садился къ окну и смотрѣлъ на затихавшій Петербургъ. Отсюда онъ любовался моремъ крышъ и трубъ, узкою щелью пустынной улицы, куполомъ Исакія и безконечнымъ маревомъ шпилей, верхушекъ деревьевъ, фасадовъ, блиставшихъ стеклами, точно они обернулись лицомъ къ западу и въ глазахъ у нихъ отражается его червонное золото. Нева была недалеко. Ее онъ не видѣлъ, но слышалъ свистки пароходовъ, часто въ прозрачномъ воздухѣ ловилъ ихъ дымки и когда въ его комнату врывалась свѣжесть рѣки, остывавшей къ ночи, онъ жадно дышалъ, воображая, какъ теперь покрывается сѣрою пленкою, точно нагаромъ, ея жидкое стекло. Ему казалось: онъ слышитъ грохотъ колесъ по Николаевскому мосту, гулъ ихъ по торцовымъ мостовымъ и отвратительный трескъ по булыжникамъ Васильевскаго острова. Краски заходившаго солнца ложились неожиданными сочетаніями. У горящаго полымемъ купола вдругъ раскидывались темною синью рѣзкія длинныя тѣни, какая-нибудь красная дымовая труба сіяла будто рубиновая, нахальная каланча выростала и въ этомъ блескѣ казалась даже изящной, а около были провалы, изъ которыхъ курился сѣрый туманъ, обезцвѣчивая еще минуту назадъ такія живые и веселые цвѣта. Но отдѣльныя подробности были не причемъ. Неизъяснимымъ волненіемъ охватывало безпредѣльное общее, дали постепенно сливающихся формъ и силуэтовъ, по которымъ медленно и капризно скользили лучи и тѣни. Глазъ не зналъ, гдѣ ему остановиться, а мысль подо всѣмъ этимъ чувствовала неизмѣримый океанъ жизни, гдѣ тонутъ отдѣльныя существованія. По океану носятся свои теченія, свой отливъ и приливъ бьются къ невѣдомымъ берегамъ — и тайну ихъ нужно угадать и схватить, чтобы создать себѣ счастье. Оно не дается безъ побѣды надъ этимъ океаномъ. Нужно и свой корабль направить по прихотливымъ водамъ, справиться съ ураганами, роющими въ нихъ пропасть за пропастью, одолѣть валы, хотя и одного такого довольно, чтобы захлеснуть неопытнаго пловца. Да подъ этими кровлями, трубами, куполами и башнями — бьется страшная издали жизнь. Онъ еще готовится къ

борьбѣ; чѣмъ-то она кончится? И въ предвкушеніи побѣды, въ сладкомъ ожиданіи славы, богатства, счастья, онъ изъ окна ко всему этому таинственному міру невольно протягивалъ руки—точно загодя уже охватывая его, обнимая, прижимая къ груди. Ему чудились подъ скучными кровлями и упоительный шумъ похвалъ и кружащая голову ласка женщины и поклоненіе толпы, живущей его идеями, его образами—и тысячи блестящихъ молодыхъ глазъ, останавливающихся на немъ съ восторгомъ и надеждою. Онъ долженъ бросать въ эту живую ниву плодотворными сѣменами—высокія чувства, благородныя формы, чистыя мысли, все что дается добромъ, правдою и красотою. И по мѣрѣ того, какъ западъ гасъ и краски его тускли, какъ червонное золото куполовъ и тлѣющіе края тучекъ по блѣдному небу отгорали—эти мысли, формы и чувства выступали все ярче и выпуклѣе, смѣняя своею призрачною сказкой блекнувшую дѣйствительность уходящаго дня. Въ мечтательномъ самозабвеніи онъ оставался такъ—пока бѣдная, утомленная сѣверная ночь не смѣняла краткій, лихорадочный день. За окномъ загорались огни, въ темныхъ небесахъ отражались издали зарева электрическаго освѣщенія. Кое-гдѣ, робко-робко точно крадучись, вспыхивали звѣздочка за звѣздочкой, а съ сѣвера уже тянулась заволакивая все, осенняя марь... Костецовъ вставалъ, ходилъ по комнатѣ и думалъ...

Этотъ громадный, сотнями тысячъ искръ горѣвшій городъ, говорившій безчисленными голосами, бившійся миріадами пульсовъ, чувствовавшій, любившій и ненавидѣвшій неисчетными сердцами, казалось, уже принадлежалъ ему. Стѣны его мастерской исчезали куда-то, онъ былъ одинъ въ пространствѣ и, мѣряя его горящими глазами, восклицалъ:

— Мое, все мое!.. Надо только умѣть ждать, терпѣть и работать...

Такія минуты мечтательнаго созерцанія точно новую энергію вливали въ его душу.

Пусть преуспѣваютъ другіе—онъ на маломъ не мирится. Его время придетъ. Онъ это знаетъ и довольно!

IV.

Были товарищи, но не друзья.

Правда, разъ судьба свела его съ забытымъ художникомъ. Когда-то небольшое имя, теперь пропоица. Встрѣтились они на Николаевскомъ мосту, ночью. Костецовъ шелъ домой и вдругъ: «а, нѣтъ ли у васъ гривенника?» У Костецова гривенникъ оказался... «Вотъ благодарю, только вы не думайте, что я на хлѣбъ насущный. Просто выпить хочется, а не на что! Прощайте. Если вамъ надо мое родительское благословеніе,—могу!..» Но Костецову родительское благословеніе не понадобилось, за то, всмотрѣвшись подъ фонаремъ въ лицо нищаго, онъ

поразился его своеобразною старческою красотой. Длинная сѣдая борода, горячіе глаза и лобъ такой формировки, какого Костецовъ еще не встрѣчалъ, заставили его забыть и лохмотья уличнаго пьяницы и обстоятельства, при которыхъ они столкнулись. «Я вамъ вотъ что хочу предложить—не согласитесь ли вы позировать для меня?..»

— Для васъ... А развѣ вы художникъ?..

— Да.

— Ну, если такъ—получите вашъ гривенникъ назадъ. Я съ товарищей, какъ доктора, не беру.

Костецовъ ничего не понялъ.

— Позировать коли хотите и такъ буду... Я самъ... Словцова помните?

— Какъ же... Куда онъ дѣвался? Я его по картинамъ знаю. Онъ точно въ воду канулъ.

— Въ воду не въ воду, а въ кабакъ... Имѣю честь рекомендоваться—собственною персоной.

— Вы... Вы Словцовъ?

— Гдѣ пиръ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ! Сегодня—я, завтра—вы... Каждому свой чередъ,—а все вмѣстѣ называется—круговоротъ жизни... поняли?

— Могу я васъ пригласить поужинать? Я ѣсть хочу.

— Можете. Я не гордъ.

Они пошли въ третьестепенный трактиръ—куда-нибудь получше Словцова пожалуй бы и не пустили. И вдругъ пьяный старикъ какимъ-то чудомъ сбросилъ съ себя уличный обликъ. Передъ Костецовымъ, точно по щучьему велѣнію, оказался благородный художникъ—пропившій все, кромѣ души. Онъ какъ самородокъ сквозь сѣрую и грубую кору сверкалъ ему чистымъ золотомъ Словцовъ жилъ неисправимымъ идеалистомъ—пожалуй и спился отъ этого. «Прежде былъ дѣйствительно жрецъ искусства, высокопарно объяснялъ онъ,—а нынѣ все гильдейскіе художники пошли. Ну, а я въ гильдію не хотѣлъ записываться. И попалъ посему на мель. Они—цеховые-то—локоть къ локтю приспобились, вижу—никуда мнѣ не протолкаться сквозь эту охрану. Я и туда и сюда, а меня по носу, по носу... Давалецъ то-же полоумный сдѣлался. Вѣдь у меня—имя, а онъ все привыкъ съ выставокъ покупать. Потому ему лестно—публика читаетъ: пріобрѣтено имя-рекъ, и сейчасъ во всѣхъ газетахъ. Ну, а я газетъ съ младыхъ когтей не уважаю. Во-первыхъ, врутъ, а во-вторыхъ, искусство для нихъ—апельсины. Гдѣ же имъ понимать? Выпилъ разъ—легче! Ахъ думаю, чортъ возьми, какой медикаментъ подъ руками — и давай имъ лѣчиться. И долѣчился. Встрѣтилъ какъ-то стараго друга... Пріютилъ онъ меня, облагородить захотѣлъ. Въ баню водилъ—пахучими мылами обработывалъ—и одѣлъ.

Да не то, чтобы на апраксиномъ—парочку фабричнаго производства, нѣтъ, у настоящаго портного съ французскою вывѣскою. Комнату у себя далъ—пиши... Попробовалъ я, взялъ кисть, а дьяволъ-то (народъ его піанымъ бѣсомъ называетъ)—толкъ да толкъ подъ локоть. Можетъ быть я бы и очувствовался. Да у пріятеля жена завязалась. Ахъ какая дама! Не дама, а такъ сказать блонда! И все сочувствуетъ. Придетъ ко мнѣ, сядетъ напротивъ и—сейчасъ слезу на глаза: «какъ мнѣ васъ жаль, Иванъ Афанасьевичъ, какъ жаль!» И до того она доплакалась, что я разъ ночью въ окно (слава Богу, въ первомъ этажѣ дѣло случилось) да со всѣхъ ногъ бѣгомъ и прямо, братецъ ты мой, въ кабакъ. Недѣлю пилъ—едва отъ ея доброты очнулся! Съ тѣхъ поръ старые знакомые на меня рукой махнули. Ну его! говорятъ, не исправишь. Встрѣчаются—на другую сторону улицы переходятъ, а то вывѣсками вдругъ увлекутся и не замѣчаютъ. Да мнѣ что... Я, вотъ тебѣ Богъ—не завидую. Я душу сберегъ, а они всю ее по меценатамъ растаскали... И хоть бы меценаты стоющіе были. А то у иного россійскаго мецената сторублевой бумажки наплачешься... Я вотъ по выставкамъ теперь хожу...

— Вы бываете? вырвалось у Костецова.

— Это васъ костюмчикъ мой съ толку сбиваетъ?—засмѣялся Словцовъ. Ну, знаете, подчистишь, подправишься. Выпросишь у кого-нибудь, только не у своихъ, не у художниковъ, тѣ, вѣдь, сейчасъ жалѣть начнутъ, а ихнія дамы слезоточивыя—плакать... И идешь. Швайцары—помнятъ. Смотрятъ этакъ косвенно, въ полглаза, и головой качаютъ.

— Какой господинъ былъ и до чего себя довелъ.

Одинъ даже высказался:

— Эдакій художникъ—вамъ бы профессоромъ въ Академію, съ генералами знакомство водить, а сколь вы себя унизили, Иванъ Афанасьевичъ! Развѣ мы не помнимъ, какіе обоего пола персоны вамъ руку подавали—страшно даже.

— Ну, вотъ, пробѣжишь по заламъ—и вдругъ поглупѣешь. Сотню картинъ посмотришь — и только отъ нихъ зеленые круги въ глазахъ. Какое-то обезглавленное поколѣніе! О мысль не споткнешься. Пейзажикъ да жанрикъ, жанрикъ да пейзажикъ... Душу *они* что-ли чорту продали?.. Выйдешь на улицу — отдышешься и думаешь— полно ужъ, куда мнѣ теперь. Ни къ селу, ни къ городу... Мы въ свое время и чувствовали и волновались. Безсонными ночами бывало обдумывали—да въ холодномъ поту. Мы—какъ родильницы—потугами изводились. Муки настоящія знали... А теперь все, братъ, по распредѣленію. Отъ такого-то часу и до такого аккуратный мерзавецъ, работаетъ... Самъ впередъ знаетъ, насколько рублей въ день ему надо. А если онъ и мятется — такъ при мысли, какъ бы меценатъ раньше времени

не проворовался и въ Сибирь не попалъ. Бѣгай тогда—ищи новаго... Вы, какъ думаете, юный другъ мой, такъ кажется привыкли съ вами разговаривать выжившіе изъ ума и набившіе себѣ зобки старцы?..—вы какъ думаете — вѣдь меня даже на свои старыя картины посмотрѣть не пускаютъ. Слезъ мнѣ какъ-то захотѣлось. Всю подоплеку вывернуть — измучиться и истерзаться. Бываютъ въ пьяной душѣ такія теченія. Сладострастіе своего рода! Вотъ и я тоже — пошелъ для этого къ Воробьеву—знаете вы его?

— Нѣтъ, не случалось. Не имѣю чести.

— Ну, честь не особенная. Ворище сверхъестественное! Двѣ арміи обокралъ. Сунулся я къ нему. Вышелъ онъ самъ. «Что вамъ угодно?»—спрашиваетъ.—Позвольте мои картинки посмотрѣть.—«Не могу-съ»,—отвѣчаетъ.—Почему?—«Какъ же я васъ пущу въ такомъ видѣ къ себѣ въ комнаты. Потомъ въ недѣлю вашего запаха не выкуришь». И сейчасъ грудь впередъ, руку за обшлагъ и правую ногу въ сторону—точно для моментальной фотографіи... Я было ему резоны: поймите вы — вѣдь въ этихъ картинахъ душа моя вся... Какъ-же вы мнѣ да отказываете?—«Не могу-съ». И глаза у него свѣтлые, на пятнадцать шаговъ передъ собою смотрятъ по уставу. Повернулся и заигралъ плечами... Такъ мнѣ и не удалось, какъ евангельской блудницѣ, оплакать себя самого...

Костецовъ вслушивался не въ то, что говорилъ Иванъ Афанасьевичъ, а въ то, какъ онъ говорилъ. У молодого художника была эта привычка. Голосъ — никогда не обманывалъ. Лгали только слова. И съ этого раза Костецовъ невольно привязался къ пьяному старику. Онъ угадалъ въ немъ такое глубокое затаенное горе, что ему даже страшно сдѣлалось... Да и самъ Словцовъ выдалъ себя.

— Боюсь я этихъ мостовъ проклятыхъ и набережныхъ.

— Почему?

— Очень просто, въ воду тянетъ. Зоветъ кто-то оттуда: чего тебѣ еще мучиться да мыкаться по свѣту? Рѣшись — однимъ разомъ перемахнулъ черезъ перила и конецъ всему... Дѣтскія воспоминанія мѣшаютъ. Въ безсмертную душу вѣришь, а что какъ вдругъ?.. Можетъ быть ей такъ и надо изстрадаться да измотаться—пока наступитъ предѣлъ, его же не прейдеши. Былъ у меня человѣкъ одинъ. Именно «человѣкъ». Великій умъ заключалъ въ себѣ. Тоже пропоица. Мѣщанинъ изъ сапожниковъ. Его какъ-то хозяинъ въ дѣтствѣ колодкой ушибъ—ну онъ и оглохъ на правое ухо, а другой ему ногу перебилъ полѣномъ — и вышелъ красавецъ. Такъ онъ именно — какъ напьется, сейчасъ-же и оретъ: терпи! Такъ значитъ тебѣ указано свыше. Богу и мы нужны—чтобы прочіе человѣки поучались сколь сіе безобразно. И за это за самое, за примѣръ, ждетъ насъ награжденіе. Это понять надо... Нищіе мы, ну которые, побогаче въ милостынѣ упраж-

няются, и намъ зачтется. На землѣ всякая дрянь надобна. Потому она въ глазахъ людей мерзка, а сверху-то можетъ совсѣмъ иной представляется. Оттуда виднѣе — духовнымъ очамъ... Такъ-то...

— Вы ко мнѣ заходите... — прощался съ Словцовымъ молодой художникъ.

— Къ вамъ—могу... Потому вы не изъ нынѣшнихъ. Что-то отъ васъ гильдіей не пахнетъ, да и «давальцы» васъ грязными лапами еще не захватали. Въ наше время, такіе какъ вы случались часто. И плакать и ненавидѣть умѣли. Былъ у меня учитель... Я молюсь его памяти. Такъ вотъ онъ говаривалъ: «дана тебѣ кисть—тотъ-же мечъ. Рази имъ всякую неправду, стой съ нимъ на стражѣ передъ храмомъ искусства, чтобы свиньи грязными рылами не перерыли землю у алтаря. Ихъ только пусти! Мсти за насиліе—пиши такъ, чтобы сердца людей трепетали. Пусть всякій кто на твою картину смотритъ—очищается... Понимаешь?» Вотъ мы какъ росли, думали и чувствовали. А теперь свиныя рыла именно и побѣждаютъ. Ихъ полѣномъ по мордѣ не ударишь, потому что налѣзло ихъ тьмы темъ... Сами они растерзаютъ тебя. Клыки-то вѣдь и имъ отъ природы положены. Плачь и молись—авось не обростешь щетиной и саломъ не покроешься... А заходить я буду. Только ради Христа не жалѣй ты меня—нечего!..

V.

Иванъ Афанасьевичъ дѣйствительно на первыхъ порахъ часто заходилъ къ Костецову. Подымется, отдышется и блестящими глазами уже отыскиваетъ новыя работы своего любимца. Часто такихъ не оказывалось. Словцовъ спрашивалъ—почему.

— Да не стоитъ работать...

— Что такъ? Юбку себѣ какую присмотрѣлъ?

— Нѣтъ... А такъ. Какой толкъ?

— То-есть какъ-же это: какой толкъ?

— Кому нужно?

— Вона!

— Убѣдился: таланта у меня нѣтъ, а бездарностей, засиживающихъ академическія стѣны, и безъ насъ сколько угодно.

— Это хорошо.

— Вотъ именно.

— Нѣтъ, не то хорошо, что вы думаете, а то, что у васъ сомнѣніе къ себѣ, первый признакъ настоящаго дарованія. Это только нахаламъ легко. Они въ себя вѣруютъ, да и другихъ умѣютъ убѣдить. Помню, я разъ сунулся къ Ромоданову. Ходитъ весь сіяющій, точно его сейчасъ отлакировали и онъ пока на солнцѣ сохнетъ.

Не лицо, а ликъ. Прямо надо сказать—боговдохновенный! Что съ тобой? спрашиваю... А онъ мнѣ, эдакъ сверху, будто съ Синая: «Нѣтъ, какой талантъ!..» Кто—гдѣ?.. «Да—я!..» Что-же изъ него вышло: учитель гимназіи, на купчихѣ женился, два лабаза въ приданое взялъ. По воскресеньямъ пироги жретъ, а по субботамъ съ супругою въ баню ходитъ. Вотъ-те и талантъ. Нѣтъ это у васъ хорошо. Я уже имя себѣ сдѣлалъ. И бывало всѣ моей картиной любуются, а у меня подъ ложечкой сосетъ. Недоразумѣніе-де. Ни на грошъ у меня способностей—такъ и себя и весь свѣтъ обманулъ... Потому вѣдь у насъ какъ — мы свои созданія (фу, ты — сколь великолѣпно выражаюсь) примѣряемъ не на общественные восторги, а на то, что у насъ въ душѣ живетъ. Ну и кажется блѣднымъ все, что изъ-подъ кисти выходитъ. Такъ-бы взялъ да и изодралъ зубами съ отчаяніемъ и злостью. Видѣлъ я разъ на ярмаркѣ, въ Нижнемъ, какъ цыганъ въ балаганѣ живую кошку ѣлъ. И противно ему, и больно самому и бѣшенство душитъ, а нельзя — публика деньги заплатила, сидитъ и нацѣлилась: какъ это онъ Ваську зубами потрошить будетъ. Совсѣмъ то-же самое... У насъ, у настоящихъ (я вѣдь, другъ, о себѣ не малаго мнѣнія!), всегда такъ. Какъ это въ физикѣ: уголъ паденія равенъ углу отраженія. Сегодня восторгъ — кажется Юпитера за хвостъ на землю сволоку съ Олимпа, а завтра носъ на квинту и все не мило. Взялъ-бы петлю да и задавился. Правда, есть преспособныя, уравновѣшенныя твари. Да вѣдь тѣ болѣе по гильдіямъ да по цѣхамъ располагаются. У нихъ другое. Имъ вѣры въ себя не надо. Лишь-бы давалецъ имъ вѣрилъ. Они его женѣ — трехпробной кувалдѣ — въ ручку чмокъ. Ну и та цѣнитъ уваженіе. Заберется съ своимъ бегемотомъ подъ одѣяло—и посреди супружескихъ ласкъ благородство перво-гильдейскаго художника живописуетъ... Всѣмъ берутъ... Имъ и сомнѣваться некогда... Работа не ждетъ...

И послѣ такихъ бесѣдъ съ Словцовымъ молодой человѣкъ чувствовалъ себя вспрыснутымъ живою водою. И писалъ бодрѣе и понималъ глубже. Сидя у окна надъ крышами всего Петербурга, онъ уже начиналъ думать, что придетъ такой моментъ, и сердца, бьющіяся подъ ними, исполнятся чувства восторга къ нему и его созданіямъ. Въ это время онъ хотѣлъ сдѣлаться историческимъ художникомъ. Въ далекомъ прошломъ вѣдь такъ много уроковъ настоящему. Тамъ цѣлый океанъ страданій, захватовъ, несправедливости и въ этихъ сплошныхъ потемкахъ—вдругъ, словно молнія—подвиги величайшаго самоотверженія, великодушія... И Иванъ Афанасьевичъ одобрялъ.

— Забрѣй-ка лобъ этимъ подлецамъ. Подъ красную шапку ихъ... Пусть люди плачутъ надъ чистыми жертвами и негодуютъ и воспитываютъ въ себѣ непримиримую ненависть къ насильникамъ. Дерзай, Петръ

Фомичъ. На шпинатный жанрикъ да на кожухи съ горильими мордами и безъ тебя много охотниковъ найдется. Давай намъ истинно прекрасное, одухотворяющее... Знаешь—есть такія картины. Стоишь передъ ними—и точно тебя въ небо унесло—просторъ, чистота, лазурь, святость. Вмѣсто крыльевъ—восторгъ. Опять спустишься на землю — ни на какую подлость долго способенъ не будешь, точно въ гостяхъ у Бога побывалъ... Дерзай... Эхъ, жаль старики перемерли—они-бы рукоположили тебя...

VI.

Вотъ уже года четыре какъ Словцовъ пропалъ.

Въ послѣдній разъ у Петра Фомича онъ больше отмалчивался и смотрѣлъ въ уголъ...

— Что съ вами это?—спросилъ его Костецовъ.

— Ничего... я думаю Навуходоносоръ тоже чувствовалъ передъ тѣмъ, какъ его Господь на травку перевелъ... У меня всегда передъ запойнымъ сезономъ. Понимаю, что я съ завтрашняго дня свиньей буду, ну и казнюсь... И вѣдь никакъ этимъ сего самаго утрія отмѣнить не могу. Придетъ неизбѣжно...

Ждалъ послѣ того Петръ Фомичъ мѣсяцъ, два и три Словцова— и не дождался. Такъ и не являлся больше «падшій ангелъ», какъ тотъ самъ называлъ себя. Справлялся Костецовъ о немъ всюду. Съ вина могъ сгорѣть или искушенія не одолѣлъ, проходя по мосту, а то и такъ въ дракѣ пьянаго зашибли. Въ полиціи ничего о немъ не знали. Дневникъ происшествій тоже по сему предмету безмолствовалъ...

— А вы-бы шарили по неизвѣстно кому принадлежащимъ мертвымъ тѣламъ,—посовѣтовали ему.

— По какимъ?

— А которыя безъ имени и званія... Ихъ у насъ не мало. Особенно весною, когда рѣка тронется. Сейчасъ они себя и оказываютъ для протоколу!

Но гдѣ-же ихъ было обшарить?

Во всякомъ случаѣ благообразно Иванъ Афонасьевичъ не умеръ.

Случись это, хотя-бы въ пріемномъ покоѣ или больницѣ, сейчасъ-бы репортеръ Простовъ на его некрологѣ десять цѣлковыхъ заработалъ. Безъ этого вѣдь никому, кто хоть что-нибудь въ жизни да совершитъ, нельзя пріять кончину праведную. Какъ-никакъ, хоть по малости, а г. Простовъ и гробовщики да попользуются. Такой ужъ имъ путь указанъ: отъ мертвецовъ питаться...

Два года еще вспоминалъ старика Костецовъ, и позабылъ наконецъ. Въ калейдоскопѣ жизни мало-ли мелькаетъ лицъ и образовъ. Исчезнетъ одно — на смѣну ему десятки. Дай Богъ только глазамъ

здоровья уловить эту пестрядь и занотовать, чтобы при случаѣ воспользоваться ею. Сверхъ того и обстоятельства такъ складывались, что не до прошлаго было Петру Фомичу. Имени себѣ онъ все-таки никакъ составить не могъ, а тутъ новыя теченія его захватили. Какой-то дуракъ пустилъ въ ходъ мнѣніе, что старое искусство умерло — точно есть смерть для вѣчнаго. Былые боги ушли изъ міра, а другіе еще не народились. Имъ даже и храмовъ не выстроено. Вчерашніе всѣмъ надоѣли, а для новыхъ надо кирпичи и цементъ заготовлять. Что тутъ думать о созданіяхъ, которыя міръ удивили-бы. Во-первыхъ, міръ пересталъ уже удивляться — все перевидѣлъ. Если его и можно было взять чѣмъ-нибудь, такъ только новыми формами, новыми способами и пріемами. Все до сегодняшняго дня существовавшее — въ архивъ. Этимъ не побѣдишь общественнаго равнодушія. Новое искусство приходится-де создавать съ новой манеры письма и наблюденія. Всматривайся въ природу и подгляди въ ней то, что пропущено искателями общей гармоніи и общихъ впечатлѣній. Вѣдь моментальная фотографія открыла же такіе переходы движеній, какихъ и не подозрѣвалъ никто. Улови также у солнца—зеленый блескъ на тѣлѣ, багровой отсвѣтъ, тамъ, гдѣ его никто и не усматривалъ, голубые лучи, все проникающіе насквозь и дѣлающіе людей похожими на призраки... И вдругъ, душа искусства, его высокая цѣль померкли передъ Костецовымъ. Пусть-де надъ этимъ старики изводятся. Нужно общество — топоромъ въ носъ. Такимъ поразить, чего и не подозрѣвалъ никто, хоть оно живетъ рядомъ — и стоитъ его только открыть и всѣ изумятся, какъ это до сихъ поръ ничего подобнаго не замѣчали?.. Французы упорно идутъ по этому пути, небывалыхъ способовъ воспроизведенія ищутъ... Природа страстная, характеръ безповоротный и рѣшительный—Петръ Фомичъ забылъ все чему учился, во что вѣрилъ—и съ ревностью неофита кинулся ловить впечатлѣнія и отблески. Охота за мимолетнымъ довела его до забвенія вѣчнаго и неизмѣннаго. Красота была для него единственнымъ закономъ теперь, и онъ очертя голову отдался служенію ей. Еще никогда онъ не работалъ такъ, какъ послѣдніе три года. Безъотходно, пристально, задорно. Ослѣпъ для всего другого, омертвѣлъ... Изрѣдка ему издали звучалъ голосъ: старики художники монахами жили—оттого и творить умѣли. Онъ тоже словно въ схиму постригся и обѣтъ молчанія на себя наложилъ. Ни знакомые, ни товарищи ужъ не встрѣчали его больше и начали забывать о немъ, какъ вдругъ его картины на выставкѣ напомнили имъ потускнѣвшее имя—и чуть-ли не откровеніемъ показались. Траппистъ вышелъ изъ своего застѣнка. Всѣ кинулись узнать, что онъ надумалъ въ добровольномъ заключеніи, въ молчаливыхъ вдохновеніяхъ своей для міра замкнутой кельи...

VII.

Картины очевидно понравились.

Рецензенты точно сговорились. Явилось рѣдкое у насъ и столь трогательное единодушіе въ газетныхъ отзывахъ, что обычные читатели ихъ диву дались, чѣмъ это Костецовъ обошелъ строгихъ судей. И вмѣстѣ съ этимъ немедленно выступили и другіе несомнѣнные признаки настоящаго успѣха. Во-первыхъ, обозлились уже признанные художники и начали при одномъ имени счастливаго соперника поджимать губы и иронически улыбаться: гдѣ-то сядетъ!.. Во-вторыхъ какъ дождевые пузыри на водѣ, чуть не на каждомъ шагу вскакивали передъ изумленными любителями искусства самыя невѣроятныя сплетни и клеветы. У Костецова нежданно оказалась масса ближайшихъ друзей, которые какъ по писанному разсказывали и въ гостинныхъ, и въ редакціяхъ, и въ клубахъ, и въ ресторанахъ всю его жизнь. Онъ нѣсколько разъ женатъ и всѣ его жены брошены съ дѣтьми на произволъ судьбы. Одна даже кончила самоубійствомъ. Онъ увезъ дочку богатаго купца, разумѣется съ наличностью его несгораемаго шкапа, и, расшвырявъ доставшіяся такимъ образомъ деньги, утащилъ жену у банкира и чуть-ли не продалъ ее въ костантинопольскій гаремъ. Онъ путешествовалъ по Европѣ съ московскою милліонершей и на ея счетъ и былъ уволенъ безъ прошенія, когда на смѣну ему явился испанецъ изъ Бердичева. Короче, никто не навралъ на него чего-нибудь хорошего, а всѣ придумывали невѣроятнѣйшую пакость, причемъ по слабости человѣческой природы и въ этомъ звѣрски ему завидовали. Скромный затворникъ Петръ Фомичъ вдругъ обернулся такимъ Каиномъ, которому на землѣ и мѣста нѣтъ, а надо придумать какую-нибудь особенную, нисшую планету. Рядомъ съ этимъ тотчасъ-же любители легкой наживы воспользовались внезапною популярностью Костецова и, присвоивъ себѣ его имя и профессію, являлись къ богатымъ людямъ за заказами и, случалось, рвали задатки. Литературный оцѣнщикъ новоявленныхъ знаменитостей, г. Гоппе, прислалъ къ нему рисовальщика. Требовалось немедленно предъявить публикѣ его портретъ и біографію. Бойкіе интервьюверы соперничествовавшихъ газетъ съ утра осаждали его вопросами: что онъ вообще думаетъ?

— О чемъ?—изумлялся онъ.

— Обо всемъ!..—смотрѣли они на него, не моргая.

— Какъ это обо всемъ?

— Такъ... Ибо мы обязаны... для публики...

Его на высотѣ воздушной отыскивали слезливыя дѣвицы поблекшаго вида и неопредѣленнаго возраста съ просительными письмами, старые

знакомые, еще вчера незамѣчавшіе его на улицѣ, провинціальныя актрисы, приглашенныя на чудовищныя гастроли въ Варшаву (imaginez vous—двѣсти-пятьдесятъ за вечеръ,—двадцать спектаклей гарантировано), утратившія деньги, вещи и гардеробъ на Николаевскомъ вокзалѣ и нуждавшіяся въ билетѣ I-го класса на мѣсто назначенія и, наконецъ, изъ глубокой провинціи, ни съ того, ни съ сего, съ чемоданами и слюнявыми поцѣлуями, явился какой-то двоюродный братъ.

— Я уже, Петя, къ тебѣ... Погостить... Спасибо, дешевъ проѣздъ... Читаю въ газетахъ. Батюшки, да это вѣдь нашъ. Сынъ почтеннаго Фомы Игнатьевича... Мы его всѣмъ городомъ уважали. Думаю— авось онъ (ты вѣдь въ знаменитости попалъ) мнѣ при случаѣ и мѣстечко въ Питерѣ. Тысченки эдакъ на три... Мнѣ вѣдь много не надо, я малымъ доволенъ.

Явились и современныя песьи мухи—дамы благотворительницы за чужой счетъ. Эти выпрашивали «картинокъ» для лоттереи въ пользу отвлеченныхъ младенцевъ 1-го участка Рождественской части. «Какихъ-нибудь этюдиковъ, мы за шедеврами не гонимся. Плюньте, размажьте, да подпишите фамилію,—а мы билеты распустимъ... Мы вѣдь съ благою цѣлью, — въ случаѣ чего и за горло...» Филантропическія учрежденія посылали къ нему членскіе билеты съ скромною надписью: «на оборотѣ сего». На оборотѣ сего значилось, что онъ долженъ внести отъ 10 до 25 рублей. Еще вчера никому неизвѣстный, онъ вдругъ сдѣлался средоточіемъ самыхъ необычайныхъ вожделѣній, безцеремонныхъ посягательствъ, неутолимыхъ аппетитовъ, назойливаго любопытства. Вокругъ него завертѣлся цѣлый міръ всевозможныхъ шараповъ, срывавшихъ, подобно плавтовскому репейнику, клокъ шерсти съ каждаго проходившаго мимо барана. Передъ дверьми выростали невѣдомые товарищи, начинавшіе бесѣду съ благородною откровенностью: «подлецъ будешь, если не поможешь». Онъ пробовалъ не сказываться, но претенденты на его особу дежурили на его лѣстницѣ или силой пробивались къ нему, да еще изъявляли негодованіе: «какая гадость, вы не владѣтельная особа, чтобы не принимать имѣющихъ нужду до васъ. Позвольте вамъ сказать,—это вѣдь попросту называется свинствомъ». Ему теперь никуда нельзя было показаться, чтобы репортеры не оповѣстили на цѣлый міръ: «видѣли въ ложѣ бель-этажа художника Костецова, характерное и вдумчивое лицо котораго невольно остается въ памяти». Не прошло такимъ образомъ и мѣсяца, какъ Петръ Фомичъ вдругъ почувствовалъ себя общимъ достояніемъ, публичнымъ мужчиною, захватаннымъ всевозможными руками. Принадлежи онъ къ числу нахаловъ, имя-же имъ легіонъ, дѣлающимъ (грудь впередъ и локти врозь) карьеру напроломъ, во что-бы то ни стало,—онъ-бы обрадовался этому. Костецовъ былъ человѣкъ скромный

и потому это назойливое преслѣдованіе его напугало и онъ началъ прятаться ото всего міра...

VIII.

Завоеваніе Петербурга начиналось. То, о чемъ онъ мечталъ когда-то, теперь дѣлалось явью. Захоти онъ и его портреты выставилъ-бы Шапиро, а Абрикосовъ изобразилъ бы новоявленную знаменитость на коробкахъ съ пряниками «nec plus ultra». Но странно: то, что ему грезилось еще недавно въ такомъ чудномъ радужномъ блескѣ, — слава, популярность—теперь точно полиняли въ его глазахъ. Будто декораціи въ театрѣ. Издали — очаровательная венеціанская ночь, а вблизи — дырявыя, старыя кулисы съ дурацкими пятнами и вонючей масляной лампой, исправляющей должность луны. Прежде казалось страшнымъ — умереть, ничего не сдѣлавъ, никому невѣдомымъ иксомъ; теперь ему еще ужаснѣе представлялось это море человѣческой жизни, гдѣ каждому есть до него дѣло и не только до него, какъ художника, но и до его прошлаго, до сокровенныхъ изгибовъ его души, до тайнъ его сердца, до того, кто ему нравится, что онъ любитъ, до поцѣлуя, даннаго имъ во мракѣ, до каждой цѣломудреннной ласки. Онъ чувствовалъ: у него нѣтъ въ сердцѣ уголка, куда во всякій данный моментъ не смѣла бы просунуться грязная лапа. Женщины отъ тридцати-пяти лѣтъ и выше, засыпанныя пудрой и продушонныя до необходимости карболовой дезинфекціи, при встрѣчѣ съ нимъ обнаруживали предпріимчивость, доходившую до свирѣпости. И вдругъ отъ чуднаго міра—міра его мечты, гдѣ все тонуло въ нѣжномъ полу-свѣтѣ, ничто не оскорбляло глазъ рѣзкостью контура, яркостью краски, гдѣ все, какъ эмаль на старомъ фарфорѣ, было неопредѣленно, чуть тронуто кистью — ничего не осталось. Не было мѣста творческимъ вдохновеніямъ, потому-что имъ нужно уединеніе, одиночество, а тутъ грубая дѣйствительность отовсюду втягивала его на крикливыя, пестрыя, наглыя торжища. Какіе-то корявые верблюды лазили къ нему безъ церемоніи съ заказами. У нихъ были деньги, они могли заплатить ему, чего-же имъ стѣсняться? Лопоухая сволочь, дѣлающая имена и репутаціи, хлопала его по плечу. Чортъ знаетъ съ кѣмъ и по какому случаю онъ пилъ на «ты» и тотчасъ же вслѣдъ за симъ новорожденные друзья обзывали его «свиньей» и «дуракомъ». Одна ночь принесла бы съ собой успокоеніе. Въ ея мракѣ онъ чувствовалъ себя прежнимъ бѣднякомъ. Но, подойдя къ окну и видя за нимъ огни тонувшаго въ потемкахъ города, онъ впервые испытывалъ желаніе не протянуть имъ руки, точно обнимая издали весь этотъ океанъ невѣдомыхъ существованій, но собраться сейчасъ же и бѣжать куда-то, во что бы то ни стало, сломя голову... Минуты бѣшенаго счастья, такого полнаго, что въ немъ кру-

жилась голова и замирало сердце, скоро прошли. На другой же день успѣхъ пріѣлся, точно оставилъ дурной вкусъ во рту. Костецовъ самъ не понималъ, какъ еще недавно могъ выходить изъ академіи такимъ потрясеннымъ отъ общихъ похвалъ, точно приподнятымъ въ недосягаемыя небеса, гдѣ онъ одинъ въ высотѣ, а все остальное живущее, чувствующее и мыслящее внизу, далеко подъ нимъ... И точно изъ безконечной дали послышался ему голосъ Словцова:

— Слава, братъ, какъ гоголевскія канчуки. Въ маломъ количествѣ ничего, а въ большомъ вещь нестерпимая. Отъ нея, голубчикъ, никакъ не отмоешься. Мыла еще такого не придумали. Потому—толпа большой подлецъ. Сегодня она на тебя молится, а завтра грязью зашвыряетъ, какъ ты смѣлъ быть выше ея... Ты, братъ, за всякую минуту счастья заплатишь ей, какъ Шейлоку, съ громадными процентами. И не отвертишься, небось. Она съ тебя за все получитъ—и за твою довѣрчивость къ ея одури и болтовнѣ, и за свои восторги на первыхъ порахъ...

Правъ былъ старикъ... Что-бы онъ теперь сказалъ?..

Въ немъ дѣйствительно Богъ жилъ. И съ Словцовымъ именно пріятно было бы встрѣтиться! Да гдѣ? Пожалуй перерой всѣ кладбища, не найдешь ямы, куда бросили тѣло отслужившаго свое и отмучившагося сколько ему было положено человѣка... Костецовъ пошелъ-было даже въ трактирчикъ, гдѣ онъ когда-то проводилъ вечера съ Иваномъ Афанасьевичемъ... Но и тамъ все было неузнаваемо. Половой и тотъ подлетѣлъ къ нему такъ, точно Костецовъ могъ сейчасъ озолотить его.

— Помилуйте, какже-съ читали... Весь трактиръ на выставкѣ перебывалъ... Ужъ на что въ «Шутѣ» хороши картинки... которыя краской... но куда-жъ имъ до вашихъ...

— Убирайся ты къ чорту!

— Помилуйте... Мы—маленькіе точно... Насъ ни откуда не видать... Но ужли-жъ намъ нельзя показать свою образованность?

И, показавъ образованность, лакей удалился съ чувствомъ обиды.

Костецову сдѣлалось жаль его. Онъ подозвалъ половаго.

— Такъ и пропалъ Словцовъ?

— Ужъ давно не бывали... Нѣсколько лѣтъ...

— Жаль...

— Что ужъ если такой господинъ и не могъ себя возвысить до предѣла. Мы вотъ — ничтожество и всю жизнь округъ графинчиковъ съ водкой витаемъ, но строго блюдемъ трезвость. Потому ее только запусти, она сейчасъ тебя до подлости доведетъ...

Костецовъ посидѣлъ еще.

Рядомъ одинъ чиновникъ изъяснялъ другому:

— Ты можешь-ли понимать меня—каковъ я есть?

— Понимать нечего. Формуляръ-то у тебя на мордѣ написанъ... «Въ битвахъ бывалъ и поврежденія на физіономіи получалъ неоднократно».

— Я?

— Ты!

Чиновникъ съ гордымъ видомъ откидывался назадъ, презрительно щурясь на собѣсѣдника.

— Я вотъ каковъ. Сегодня начальникъ отдѣленія призываетъ меня и говоритъ: никто, господинъ Пѣтушковъ, не можетъ такъ угодить директору департамента почеркомъ, какъ вы. У васъ истинный талантъ въ пальцахъ.

— А въ головѣ?

— Что въ головѣ?

— Таланта нѣтъ.

Чиновникъ на минуту погружался въ мрачную задумчивость.

— А что, если я тебя да графиномъ?

— Скучно у насъ теперь,—опять нашелъ нужнымъ показать свою образованность лакей.—Извѣстно господа чиновники. Двадцатое число—жалованье получили, только у нихъ и просвѣту... Умственныхъ разговоровъ они не могутъ. Что и отчего.

Костецовъ вышелъ въ мракъ и сырость петербургской ночи.

И тотъ же мракъ былъ въ его душѣ...

IX.

На другой день, впрочемъ, все это отошло.

Ему доставили нѣсколько газетъ... Появились большія статьи о выставкѣ. Выступала тяжелая артиллерія художественной критики, не торопившаяся на первыхъ порахъ дать скороспѣлый и бѣглый отзывъ о картинахъ.

Петръ Фомичъ именно ея-то и боялся.

Онъ хорошо зналъ, что вся мелюзга, застрѣльщики-рецензенты, живо отступитъ, если эти господа неодобрительно отнесутся къ нему. А вслѣдъ за мелюзгой и общество отвернется. Еще-бы, трубы іерихонскія хоть кого оглушатъ. Стѣны отъ нихъ падали древле, удержаться-ли наскоро созданнымъ репутаціямъ?.. Онъ помнилъ какъ это случалось и не разъ. Вздернетъ голову счастливый товарищъ: «Слышалъ ты, какъ обо мнѣ—сегодня газеты»?.. И чортъ ему не братъ. Ходитъ грудь впередъ, плечи—точно они у него картономъ подбиты, не говоритъ, а изрекаетъ. И вдругъ завтра полное превращеніе... Курица-курицей. Обиженно и жалостно клохчетъ и крылья внизъ и хвостъ растрепанъ. Еще-бы тя-

желая артиллерія выступила и вслѣдъ за трубами іерихонскими тѣ-же «листки», что недавно ему молебны пѣли, теперь беззастѣнчиво на цѣлый міръ объявляютъ: настоящія-де яйца болтунами оказались...

Костецовъ заперся и съ жадностью перечиталъ все, что ему прислали.

Онъ могъ успокоиться.

Точно подъ него прочный фундаментъ подвели. Теперь онъ—истинная знаменитость.

Онъ себя почувствовалъ опять если не счастливымъ — острое сознаніе счастья бываетъ только на минуту — то удовлетвореннымъ. Въ этомъ потомъ сказалось что-то неожиданное, непріятное. Точно какая-то пустота, разумѣется не на долго, охватила его: ему нечего было *пока* дѣлать, и некуда приложить руки. Нѣчто общее со скукой. Онъ оглядѣлъ прислоненные къ стѣнамъ картины, этюды, наброски и все это было ниже его теперешняго. Надо идти впередъ. Успѣхъ—обязательство. Съ нимъ повторяться нельзя. А то въ самомъ дѣлѣ сдѣлаешься гильдейскимъ художникомъ. Развѣ не талантливы были нѣкоторые изъ его товарищей? Но одинъ застрялъ на закатѣ солнца за соснами, на его красныхъ пятнахъ по ихъ корѣ; другой Богъ знаетъ въ который разъ раскачиваетъ потрескавшуюся старую лодку у зеленаго сочнаго берега; третьему какъ удались разъ водяныя лиліи, такъ ужъ онъ и отвязаться отъ нихъ не можетъ, а четвертый одержимъ рваными кожухами—все онѣ ему застятъ и ничего онъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта изъ-за нихъ не видитъ... Нѣтъ—уйти изъ Петербурга. Бѣжать отъ тумановъ, отъ тусклой одури и болотной глади — навстрѣчу лазури, теплу. Пусть это тепло отъ его картинъ струится и будитъ въ остуженной душѣ жажду иной красоты — пышной, развившейся на волѣ...

Костецовъ еще разъ пробѣжалъ, что о немъ пишутъ.

Онъ еще не дошелъ до самообожанія. Обыкновенно художникъ, имѣющій успѣхъ, самомнѣненъ и идоловатъ до презрѣнія къ чужому указанью. Расхвалите его картину, но притомъ замѣтьте въ ней крохотный недостатокъ,—и ревнивый къ своимъ совершенствамъ онъ закорежится какъ береста на огнѣ. Эдакое больное самолюбіе—ничего съ нимъ не подѣлаешь. Ну, а Костецовъ не доросъ еще до самообоготворенія. Ему-бы хотѣлось узнать кое-что другое. Не такъ-же онъ великъ. Нужно еще кое-что выработать, надъ чѣмъ-нибудь потрудиться. Увы—никто изъ присяжныхъ оцѣнщиковъ живописи этимъ и не задавался. Каждый, придравшись къ случаю, съ кѣмъ-нибудь да сводилъ счеты. Хваля Костецова, непремѣнно разносилъ того или другого художника. У насъ вѣдь иначе не могутъ. Или пожалуйте ручку, или бацъ въ морду. А чаще у васъ поцѣлуютъ руку, а попутно рядомъ

стоящаго по физіономіи. Завелись такіе даже, которые при томъ или другомъ имени засучиваютъ рукава. Вотъ-де я его отдѣлаю. Такъ и приглашаются «для отдѣлки» — ни для чего другого. Эти господа не любятъ искусства. Хоть пропади оно, имъ в•е равно. Будь у нихъ искра Божія въ душѣ, ихъ заплечное мастерство имъ самимъ-бы опротивѣло. Вѣдь и палачи, прежде чѣмъ кого-нибудь драть на кобылѣ, недѣлю пили мертвую, чтобы убить въ себѣ на это время человѣка, а нашихъ — хлѣбомъ не корми, только припусти ихъ изорвать живье зубами... Странное дѣло — когда прошли первыя пріятныя минуты — на Костецова напала оторопь. Почему-то, казалось, похвалы должны были его еще болѣе утвердить въ вѣрѣ въ себя самого, — онъ напротивъ задумался. На настоящей-ли дорогѣ онъ стоитъ? Не свернулъ-ли въ сторону? Вѣдь эдакъ, пожалуй, залѣзешь въ такія трущобы, откуда, какъ сказочному Иванушкѣ дурачку, никуда пути нѣтъ. Топчись на мѣстѣ да ожидай кончины праведной. Всего и дѣла. Ему, безсознательно, сдѣлалось жаль самого себя, и именно когда ему всѣ завидовали...

Онъ вышелъ изъ дому и внизу въ воротахъ столкнулся носъ къ носу съ какою то противоестественною дубиною въ соболяхъ... Около стучалъ копытами въ снѣгъ породистый рысакъ, едва сдерживаемый кучеромъ такого вида, что хоть сейчасъ съ него Ваала пиши, точка въ точку выйдетъ.

— Вотъ они и есть г. Костецовъ! — вѣжливо тыкалъ въ него пальцемъ дворникъ, вѣроятно уже заполучившій двугривенный и потому сіявшій...

— Петра Ѳомича, имѣю честь?..

— Къ вашимъ услугамъ.

— Тарасъ Бубновъ. Изволили слышать.

А у самаго на лицѣ хитрая улыбка: посмотрю-де, какъ ты сейчасъ запляшешь передо мною.

— Какъ-же... кто-же изъ художниковъ васъ не знаетъ.

— То-то и оно...

— Угодно вамъ ко мнѣ?

— Нѣтъ, знаете... При этакихъ атурахъ, — обвелъ онъ себя рукою, — я собственно къ воздухоплаванію не склоненъ. Вы вѣдь для чистаго воздуха, въ сосѣдство къ небесамъ забрались. Мы и тутъ поговоримъ. У меня видите-ли — простѣнокъ есть...

— Ну-съ? — ничего не понималъ Костецовъ.

— Направо «плещутъ воды Флегетона» — Айвазовскаго, а налѣво: «о чемъ шумитъ сосновый лѣсъ» Шишкина... Такъ вотъ для этого самаго простѣнка — надо мнѣ васъ заполучить. Потрошите купца и дайте мнѣ натуру, да попышнѣй... Эдакую знаете-ли Бобелину во всей ея неприкосновенности, чтобы старикъ Рубенсъ перевернулся, и

съ сквозными бликами по тѣлу. Хорошо это у васъ выходитъ. Снять шапку передъ вами надо. Вы, батюшка, природу обокрали. Даже не понимаю, гдѣ это вы ее писали. Здѣсь вѣдь нельзя... Свѣту нѣтъ того.

— Лѣтомъ, въ Царскомъ

— Развѣ!.. Вы вотъ что. Тѣлеса питаете въ полдень или въ часъ?

— Все равно.

— Пагубной привычки къ аккурату еще не завели?

— Нѣтъ.

— И отлично. Для давальца удобнѣе. Такъ вотъ что. Теперь всего двѣнадцать. Смахаемъ ко мнѣ завтракать, кстати вы и простѣнокъ посмотрите.

— У васъ кажется и Словцовскія картины есть?

— Какъ же... Одною даже горжусь... Осень: все туманомъ заволокло и слякотью залило... То есть вчужѣ страшно отъ родной палестины. И посреди этой жути—бурлаки возвращаются домой... Хозяинъ ихъ обманулъ, голодные... Такъ тифомъ и пахнетъ. Особенно есть тамъ—старикъ. Въ грязи увязъ—тѣло наскрозь видно—а глаза—повѣрите, у такихъ броненосцевъ сердце переворачивается, что...

— Вы не знаете,—прервалъ его Костецовъ,—гдѣ теперь Иванъ Афанасьевичъ?

— Должно быть пріялъ кончину праведную—подъ заборомъ. Пилъ онъ вѣдь.

— Да... Это мой другъ большой...

— Старались его спасти—да куда! И думать нечего. Эй! Подавай! Ваалъ шевельнулъ вожжами и рысакъ, меча глазами пламя, остановился, какъ вкопанный, у троттуара.

— Домой, Семенъ... Да живо у меня...

Вѣтеръ засвисталъ мимо ушей Костецова.

«Хорошо быть богатымъ», соображалъ онъ, когда по сторонамъ мелькали дома, деревья, площади и церкви. «Развѣ и мнѣ записаться въ первую гильдію... Чѣмъ я хуже другихъ—тѣ будутъ праздничать въ жизни, а я молиться да спасаться въ затворѣ. Разъ вѣдь только мы видимъ и небо и солнце... Въ четвертомъ измѣреніи еще пожалѣешь, что дуракъ былъ, ни отъ чего не вкусилъ.

— У меня, батюшка, сегодня блины. Оно хоть до масленицы и далеко, но я люблю, знаете, предупреждать событія... И вамъ совѣтую — жить въ свое удовольствіе. Средства у васъ будутъ. На вашемъ пути—вы полъ міра ограбите, дай вамъ Богъ здоровья... Нашелъ даму съ природнымъ кузовомъ и пиши ее въ натуральную величину, а хорошему человѣку это любо: и мозги не отягощены и гла-

замъ весело... Смотришь—точно по земному шару съ попутнымъ вѣтромъ путешествуешь.

«Однако?—подумалъ Костецовъ и вздрогнулъ.—Неужели въ этомъ вся моя задача?..»

— Вы эти кузова, знаете, какъ бриллiанты по каратамъ продавайте. Средней величины кузовъ и цѣна ему средственная... А чуть на фунтикъ больше, гонораръ въ геометрической прогрессiи гоните. Дерите шкуру съ нашего брата, мы живо новой обростемъ... Вообще вы человѣкъ неопытный, я вамъ совѣтъ дамъ: больше къ намъ прилежать. Потому нѣтъ, нѣтъ, да на чай и очистится... Мы вѣдь иной разъ, не считая, деньги на вѣтеръ бросаемъ. Сами живемъ и другимъ жить даемъ. Такъ-то... Ну, вотъ и мой шалашъ. Милости просимъ.

X.

Странно, Петра Фомича теперь уже не удивляли господа Бубновы, привыкшiе хватать прямо за шиворотъ людей, въ услугахъ которыхъ они нуждались. Костецовъ уже присмотрѣлся къ «давальцамъ» и понялъ, что (какъ ему нѣкогда объяснялъ половой въ трактирѣ) «хозяйскому характеру надо подражать». Еще писателю или музыканту куда ни шло. Тѣхъ масса кормитъ и поитъ. А у художника покупателей одинъ, два и обчелся. Въ самомъ дѣлѣ, кто у насъ заводитъ галлереи и прiобрѣтаетъ оригинальныя картины? Мало-ли такихъ эфiоповъ, которые, несмотря на большiя средства, безстыдно украшаютъ «аппартаменты» олеографiями и скверными гравюрами. А если и покупаютъ работы извѣстныхъ художниковъ, такъ больше на аукцiонахъ, гдѣ маклачеству и плутовству полный просторъ. Поневолѣ и за Бубновымъ побѣжишь и блинами у него въ неуказанное время объѣшься... «Ты сначала старайся мнѣ понравиться, а потомъ и грабь съ легкимъ сердцемъ». Не всѣ выражаются такъ грубо, но вѣдь сущность отъ этого не измѣняется. Другой думаетъ также и поступаетъ по той-же программѣ, но при этомъ говоритъ плавно и руку жметъ ласково. Впрочемъ, эти, пожалуй, похуже Бубновыхъ. Бубновъ цѣну платитъ, а тотъ-же Бубновъ «съ вѣжливостью» уже наровитъ поймать художника, когда тому приходится плохо, и заполучить съ него картину за бездѣлицу. «Все равно вамъ, опять напишете: матерiалъ-то не дорого стоитъ». Встрѣчаются такiе финансисты, что, задумавъ украсить стѣны работами того или другого живописца съ именемъ—къ всевозможнымъ зайцамъ и ростовщикамъ бѣгаютъ. «Нѣтъ-ли гдѣ вексельковъ на него и нельзя-ли ихъ, не медля, предъявить ко взысканiю», чтобы прижать «великаго» человѣка къ стѣнѣ. Нашъ россiйскiй меценатъ всетаки лыкомъ шитъ и мошенникомъ подложенъ съ изнанки.

Онъ, со всѣми своими тонкими вкусами и пониманіемъ искусства, на разбоѣ выросъ и считаетъ отечественнаго художника крѣпостнымъ. «Зачѣмъ ему деньги? Съ деньгами еще ожирѣетъ и работать перестанетъ. Его надо въ черномъ тѣлѣ держать, тогда отъ него будетъ толкъ». И вѣдь какъ безграмотные хозяева пропившихся артелей—не заплотитъ сразу, поприодержитъ, отжилитъ, что можно, наругается сколько его хамской душѣ угодно, но добродушно, такъ чтобы «любимый имъ» художникъ постоянную зависимость отъ него чувствовалъ. «Пусть ему некуда отъ меня уйти будетъ, тогда я надъ нимъ повлавствую». Таже самая миткалевая политика, только на другой подкладкѣ.

Вспоминая по пути домой картины Словцова, Петръ Фомичъ изумлялся, какъ тотъ спиться спился съ кругу, но не озлобился. Даже о Бубновыхъ добродушно разсказывалъ. Или это тоже въ крови русскаго «умственнаго» человѣка — считать, что его можетъ хватать за горло всякій, у кого въ карманѣ лишній рубль завязался? Одни выжиги стоятъ крѣпко за свое, а у труда нѣтъ не только права, но и самое сознаніе какого-бы то ни было права отсутствуетъ. Гдѣ тутъ равенство. Капиталъ приказываетъ, а талантъ по-собачьи служитъ и даже лапами изъявляетъ полную готовность на все... Дѣйствительно—«давалецъ»! Только напримѣръ, хорошій сапожникъ съ давальцемъ зубъ за зубъ. Не хочешь—убирайся, другіе придутъ. А художникъ знаетъ, что другіе къ нему не придутъ и разъ является кто-нибудь съ деньгами—лови его, не упускай. Подъ ложечкой сосетъ, носъ по вѣтру вытянутъ, и на глазахъ слеза: бери де меня, весь я здѣсь со всѣми моими потрохами.

Однако, это совсѣмъ не похоже было на то, къ чему стремился и о чемъ мечталъ Костецовъ.

Слава—положимъ, но съ нею съ голоду у насъ околѣешь или сопьешься. Какая же слава, ежели тебя господинъ Бубновъ, отъ котораго за версту артельщикомъ пахнетъ, по плечу хлопаетъ и думаетъ при этомъ, что ты ему не вѣсть какъ благодаренъ за «ласку». Вѣдь вся эта армія, на которую ты работаешь, только недѣлю назадъ «спинжакъ» надѣла, а относительно носоваго платка, такъ еще и сегодня оглядывается: никого нѣтъ около — и двуперстіемъ обойдется. Оно у него ловче выходитъ и національнѣе, да и къ лицу ему больше...

Опять старое чувство горечи охватило Петра Фомича, когда вдругъ онъ различилъ вдали что-то знакомое, даже вздрогнулъ и глазамъ не повѣрилъ: неужели онъ самый? Дѣйствительно, та же сутоловатая спина, точно на ней богъ вѣсть какая тяжесть, большая серебряная борода, лохмы волосъ изъ подъ свалявшейся шапченки... И походка та же. Все въ сторону забираетъ, точно у него лѣвая нога за свой собственно счетъ орудуетъ, предоставляя правой дѣлать, что той угодно... Нѣтъ, вѣрно Костецовъ ошибается. Сходство, положимъ, но вѣдь Словцова Ивана Афа-

насьевича давно всѣ похоронили. Сколько лѣтъ пропадалъ, и вдругъ вынырнулъ. Откуда? Если-бы и вынырнулъ, весь-бы мокрый былъ, въ тинѣ, а тутъ тѣ-же знакомые ободранные ризы, точно онъ ихъ и не смѣнялъ за это время. Какъ были, такъ и остались... Уѣзжалъ! Да куда ему уѣзжать?.. Петръ Фомичъ погнался за нимъ, когда тотъ свернулъ за уголъ. Настигъ: въ самомъ дѣлѣ—онъ, Словцовъ, и въ землю такъ-же смотритъ вдумчиво, точно она ему сейчасъ покажетъ такое важное и большое, что сейчасъ-же разсѣетъ всѣ его недоумѣнія и разомъ отвѣтитъ на великіе вопросы. Разумѣется онъ! Вотъ и знакомый пріемъ откидывать на ходу лѣвое плечо назадъ... Костецовъ обрадовался и вдругъ будто кто-то схватилъ его за шубу и удержалъ. Не стыдъ, не боязнь показаться на улицѣ съ такимъ пріятелемъ, до этихъ гильдейскихъ добродѣтелей онъ еще не дошелъ, а какая-то жуткость, боязнь чего-то. Вѣдь до сихъ поръ ихъ встрѣчи проходили не даромъ. Петръ Фомичъ на нихъ точно провѣрялъ себя. Пристальный и острый взглядъ нѣсколько опухшихъ отъ пьянства глазъ Ивана Афанасьевича наводилъ на него и прежде смущеніе. А теперь? Теперь Костецовъ зналъ, что нѣсколько словъ, какія скажетъ о его картинахъ Иванъ Афанасьевичъ, будутъ позначительнѣе всего, что наорали о немъ трубы іерихонскія. Да при этомъ Словцовъ вѣдь заговоритъ прямо о предметѣ, безъ всякихъ посылокъ въ сторону и кивковъ на Петровъ и Ивановъ... Старикъ рѣшительный. У него нѣтъ заслуживающихъ снисхожденія. Онъ полу не оборачиваетъ и на изнанку не смотритъ. Его не обойдешь... Петру Фомичу самому было странно, чего это у него такъ сердце бьется...

— Иванъ Афанасьевичъ... А мы всѣ думали: «великій Панъ умеръ, нѣтъ больше великаго Пана!..»

Словцовъ обернулся, поднялъ на него глаза и видимо не рѣшался подать руку.

— Вы не узнаете меня?..

— Нѣтъ, какъ-же... высокоталантливаго господина Костецова да не узнать. Помилуйте, всѣ колокольни звонятъ!.. Я польщенъ даже... Ваше превосходительство! Не знаю только, что мнѣ дѣлать по этому случаю... Поцѣловать вамъ ручку, что-ли? Спасибо, не забыли, стараго пьяницу... А впрочемъ, прощайте... Наши дороги разныя... Вы по одной, а мнѣ ужъ дозвольте по другой... У меня своя...

— Что съ вами, Иванъ Афонасьевичъ. Я такъ радъ нашей встрѣчѣ.

— Напрасно-съ. Я вовсе не въ восторгѣ. И видаться намъ не зачѣмъ.

— Да почему—объясните?

— Почему?—И вдругъ глаза у Словцова загорѣлись. Онъ подошелъ къ Петру Фомичу въ упоръ.

— Да почему?

— А вотъ-съ.—Хриплый и вздрагивавшій голосъ его даже сталъ силенъ и звонокъ.—Вотъ почему-съ. И безъ того много всякой дряни мамонѣ служитъ. Въ васъ Богъ былъ, а вы его изгнали. На васъ надежды покоились, а вы, какъ свинья Генисаретская, бѣса въ себя пустили... Потому-съ, что въ васъ обманулся, что вмѣсто... Ахъ да зачѣмъ это. Оставьте меня, ради Христа...

— Постойте, вы были на выставкѣ.

— Былъ... На торжищѣ...

— Картины мои смотрѣли?

— Еще бы!.. Всѣ-съ... До одной. Подходилъ, сердце билось. Откровеніе, думалъ, найду.

— Ну?

Словцовъ плюнулъ и ногой растеръ.

— Видѣли? Вотъ и вашимъ картинамъ такая же цѣна... Подлость одна и ничего больше. Медали не получили?

— За что?

— За развратъ искусства, вотъ за что. Нынче очень одобряютъ вашего брата и поощряютъ. Вы вѣдь изъ мѣщанъ? Ну такъ васъ за это надо въ потомственные, почетные... Для освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія... Будьте здоровы.

И тою же колеблющеюся походкой онъ исчезъ вдали, даже не оглянулся на приросшаго къ мѣсту Петра Фомича... Костецовъ только замѣтилъ, что, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, старикъ еще разъ и рѣшительнѣе прежняго плюнулъ. Видимо, весь кипѣлъ негодованіемъ.

— Да онъ съ ума сошелъ!..—крикнулъ невѣдомо кому Костецовъ. Или—завидуетъ!—тихо ужъ закончилъ онъ про себя.

Но что-то въ глубинѣ души говорило ему, что и «съ ума не сошелъ и не завидуетъ». Иванъ Афанасьевичъ даромъ обидѣть не захочетъ, да и его, Петра Фомича, онъ любилъ. Даже теперь, когда клеймилъ его работы и «подлостью» и «развратомъ», по лицу Словцова бѣжало что-то, точно ему самому было жутко и больно.

XI.

Петръ Фомичъ будто въ туманѣ вернулся къ себѣ.

Хотѣлъ взяться за работу, но теперь ему не до того было. Въ головѣ мутилось, руки отнимались. Сосредоточился было на идеѣ картины, она его давно дразнила и сегодня ночью еще онъ ее видѣлъ въ явь передъ собою и думалъ и мечталъ о ней. Но вмѣсто ея красокъ и силуэтовъ, передъ нимъ горѣли негодующіе и печальные глаза Ивана Афанасьевича. Они его преслѣдовали всюду. Даже когда онъ

легъ въ постель, Словцовъ, казалось ему, наклоняется надъ нимъ и повторяетъ грозно и громко: «да, подлость, одна подлость и развратъ и ничего больше. Пускай тебя со всѣхъ колоколенъ хвалятъ, а для меня твои картины, къ которымъ ты сердцемъ приросъ, вотъ что».

И старикъ плевалъ на полъ, растиралъ ногою и заканчивалъ:

— И ничего больше. Понялъ ты... Потомственный почетный гражданинъ эдакій...

Петръ Фомичъ вскакивалъ съ постели, открывалъ форточку, рискуя простудиться, высовывалъ голову на воздухъ. Тамъ стоялъ морозъ. Лицо щипало. Луна полная и крыши города были точно кованы изъ серебра подъ нею... Далеко, въ ея бѣломъ царствѣ, подымался мрачный куполъ Исаакія, опредѣленно и рѣзко рисуясь надъ маревомъ спящаго Петербурга... У Костецова точно въ сердцѣ образовалась трещина. Болѣло и ныло и его всего, вмѣсто покоя и тишины, охватило страстною жаждой найдти опять Ивана Афанасьевича, допроситься у него, въ чемъ дѣло, за что онъ ошельмовалъ человѣка, котораго любилъ когда-то. Домучиться до конца, до послѣдней буквы выслушать отъ него упреки, утонуть въ его негодованіи. Костецову теперь хотѣлось оскорбленій. Все, что до сихъ поръ онъ слышалъ о себѣ, отошло назадъ. Отъ одури похвалъ, отъ ливня восклицательныхъ знаковъ, отъ чада всевозможныхъ восторговъ осталась одна тоска. Чувствовалось, что правда была не тамъ, а въ выкрикахъ пьянаго старика, въ его презрѣніи. Да, да, непремѣнно надо узнать: «почему подлость, почему развратъ?» Нельзя-же такъ, безъ объясненія...

Вѣдь это былъ единственный человѣкъ, любившій его.

Костецовъ вспомнилъ сравнительно недавнее прошлое. Ихъ длинныя, часто до утра тянувшіяся бесѣды, ихъ споры горячіе, безпощадные: каждому вѣдь было дорого свое. Иванъ Афанасьевичъ ко всякому наброску его, къ простому этюду относился, какъ къ чему-то необыкновенно важному, значительному, большому. Старикъ, извѣрившійся въ себѣ, свое личное самолюбіе, свое чувство перенесъ казалось, на работы Петра Фомича, и неудача молодого художника дѣйствовала на Словцова болѣзненно. Онъ потому и хвалилъ и ругалъ преувеличенно, приподнято. «Нѣтъ, ты имъ покажешь, гильдейскимъ. Ты, если не продашься за чечевичную похлебку, устроишь имъ бенефисъ съ подношеніями. Будутъ они насъ помнить, головотяпы. Надо, понимаешь, такъ начать, такую имъ, подлецамъ, выставочку въ зубы устроить, чтобы послѣ тебя никому и неповадно было на ихъ мазню смотрѣть. А то ишь какъ завѣлись. Все подѣлили между собою—однимъ академія, другимъ передвижники, и ужъ чужая собака не приставай, загрызутъ. Весь міръ на военномъ положеніи объявили!.. (Онъ всегда, воодушевляясь, переходилъ на *ты*). И сюжетцы-то у нихъ готовенькіе. Точно изъ ларчика вынимаютъ, но-

выхъ вѣдь ни у кого. Лѣнь мозгами пошевелить, жиромъ заплыло все... Ты знаешь, такъ, чтобы и имъ совѣстно стало. Оно, положимъ, трудно въ такихъ идолищахъ душу разбудить, ну да авось. Недаромъ у тебя Богъ въ душѣ. Вѣруй и все тебѣ дасться. Пусть они удобненькіе ватеръ-клозетцы себѣ вмѣсто капищъ построили, а ты все-таки молись предъ алтаремъ!.. Вонъ ты этой анаѳемѣ «Иродіадѣ» черточку въ глаза бросилъ — одну искорку, и сразу въ ней человѣка разбудилъ. Во взглядѣ страданіе видно. Чувствуетъ она, значитъ, и мучится. Смотришь и миришься съ нею. Въ этомъ, братъ, все. Въ просвѣтленіи. Есть въ сердцѣ оно у тебя — каждаго ты имъ надѣлишь. А нѣтъ — будешь одно тѣло писать... Тѣмъ наше искусство и велико, что въ краски и формы оно должно духъ одѣвать и духомъ духу говорить. Можетъ быть я это и не совсѣмъ понятно, только у меня здѣсь, — дотронулся онъ до головы, — все ясно написано чернымъ по бѣлому. Если высказываюсь не такъ — значитъ самъ у себя читать не умѣю...»

И мало одной любви, съ какимъ уваженіемъ Словцовъ относился къ Петру Фомичу!

Бывало пьяный ни за что не сунется. На улицѣ встрѣтится, издали еще машетъ рукою.

— Петръ Фомичъ, не подходите. Я въ образѣ звѣриномъ.

И ковыляетъ поскорѣе въ сторону...

— У меня, братъ, на такіе моменты для свинства другіе пріятели есть.

— Вы-бы мнѣ показали ихъ.

— Для коллекціи, что-ли?

— Нѣтъ, не для коллекціи, а такъ...

— «Такъ» этого міра трогать нельзя. Больной народъ и съ самолюбіемъ больнымъ. До него не дойдешь сразу. Онъ тебѣ такимъ покажется, что ты съ омерзеніемъ отступишь, а надъ нимъ плакать нужно. Онъ, братъ, по своему цѣломудренъ. Замѣтитъ посторонній любопытный глазъ и вмѣсто того, чтобы муку свою обнаружить, такимъ охальствомъ пройметъ: «ты-де не смѣй насъ трогать, мы въ твоей добродѣтели не нуждаемся». Самому плакать хочется, а онъ непристойныя слова на всѣ четыре страны свѣта оретъ!.. Вотъ они какіе. Своимъ ты съ нами не будешь, а чужимъ мы не очень чтобы рады. Да и что за сласть тебѣ съумасшедшихъ видѣть. Если для картины, такъ вѣдь самъ ты не пьешь, значитъ хочешь не хочешь, а вмѣсто правды, которая-бы по сердцамъ ударила, каррикатуру напишешь. Тутъ, братъ, такимъ патологомъ надо быть. Да и зоркости у тебя еще нѣтъ надлежащей, чтобы въ грязи золото различить. Слишкомъ глубоко схоронилось. Не дороешься... И не пробуй лучше — руки замараешь...

Должно было случиться что-нибудь особенное. Даромъ Иванъ Афа-

насьевичъ не оскорбилъ-бы сегодня Костецова. Тѣмъ болѣе послѣ долгой разлуки.

Петръ Фомичъ заснулъ поздно и утромъ всталъ съ тяжелой головою.

Хотѣлъ провѣрить себя и опять пошелъ на выставку.

Странно! Точно его картины поблекли и полиняли. Теперь все въ нихъ—блѣдно, недокончено, недодѣлано. Тѣ особенные законы красоты въ освѣщеніи, которыми онъ кичился, вдругъ показались ему ничтожными и жалкими. Новое и оригинальное, о чемъ столько кричали, умалилось до полнаго ничтожества. Зеленоватыя пятна отъ луча, упавшаго сквозь листву на розовое тѣло, смѣлые раккурсы и повороты фигуръ— яйца выѣденнаго не стоютъ.

— Богъ былъ въ душѣ, гдѣ-жъ онъ выразился здѣсь?..

Красота одна и она вѣчна. Скоропроходящее не красота, а мода. Надъ Венерой Медицейской и Сикстинской Мадонной до сихъ поръ плачутъ, а пастушки Ватто и Буше давно забыты!

Вѣдь усовершенствуй фотографію, чтобы она точно передавала цвѣта, еще лучше выйдетъ. И таланта не понадобится. Солнце все за тебя само сдѣлаетъ. Неужели это ремесло и ремесло жалкое, бездарное, безъидейное, не одухотворяющее и не возвышающее никого и ничего?.. Однако, вотъ она толпа,стоитъ здѣсь и любуется. Многія лица онъ узнаетъ, нѣсколько разъ уже видѣлъ ихъ у своихъ полотенъ. Что-нибудь да не такъ. Не можетъ-же одинъ Словцовъ быть правъ, а всѣ остальные ошибаться?..

XII.

Подъ вечеръ на другой день дождило...

Бываетъ такое гнилое время въ Петербургѣ зимою. Сыро, скверно, туманно. Снѣгъ разваливается, мокнетъ, распускается въ холодную слякоть. Стѣны домовъ потѣютъ противною слизью. Низко ползутъ тучи и въ каждой чудятся призраки тифовъ, лихорадки, дифтерита. Злы всѣ,— ни въ какую шубу не закутаешься отъ этой насквозь пронизывающей сырости. Ругань виситъ во влажномъ воздухѣ. Плакать хочется или спать, еслибы можно было только проснуться съ тепломъ и солнцемъ. Люди оживаютъ къ ночи. Въ нагрѣтой огнями атмосферѣ всетаки лучше себя чувствуешь. Ушелъ-бы куда-нибудь, да это болото на сотни верстъ кругомъ растянулось. Будто въ дантовомъ аду, только безъ его громадныхъ образовъ и глубокой поэзіи. Это и есть дантовъ адъ въ чухонскомъ пересказѣ.

Петръ Фомичъ сидѣлъ у себя за самоваромъ.

Онъ только-что отобѣдалъ у знакомыхъ и вернулся рано.

Очень ужь ему надоѣли псалмопѣвцы и псалмопѣвки. Теперь ихъ истерическіе восторги совсѣмъ не сходились съ тѣмъ, что онъ самъ начиналъ думать о себѣ. Впрочемъ, и то вѣдь: сколько разъ прежде онъ испытывалъ то-же. Даже Иванъ Афанасьевичъ ему говорилъ: одни остолопы да нахалы не чувствуютъ сомнѣнія въ себѣ. Дома ему хорошо сдѣлалось. Кругомъ было тихо, а онъ за послѣднее время полюбилъ тишину. Суета и суматоха успѣли ему надоѣсть до смерти. Онъ развернулъ какую-то книгу и читалъ, чуть-ли даже не съ середины. Ему хотѣлось одного—общаго ощущенія покоя... Самоваръ началъ уже затихать и только изрѣдка шипѣлъ, точно просыпаясь, чтобы тотчасъ-же еще крѣпче закрыть глаза... По окну ползли капли, оставляя слезящіеся слѣды. Сквозь двойныя рамы ничего не было видно... Костецовъ уже сложилъ-было книгу и хотѣлъ прилечь на диванъ, какъ въ дверь стукнули.

— Кого это несетъ?—невольно подумалъ онъ.

Не изъ своихъ, потому-что стучали нерѣшительно...

Потрогали оттуда ручку дверей...

— Войдите, кто тамъ...

— Можно... Не прогоните меня... За вчерашнее невѣжество?

— Иванъ Афанасьевичъ, голубчикъ...

И Костецовъ кинулся къ нему.

— Да вы весь мокрый...

— Точно водолазъ...—смѣялся старикъ, смущенно глядя въ сторону и стараясь не встрѣчаться съ нимъ глазами. — И холодно-же... Кажется, въ печку головой-бы готовъ...

— Надѣньте мое пальто... Вонъ то.

— Прежнее... Я его помню...

— Гдѣ это вы пропадали?

— Одного пріятеля въ добродѣтели утверждалъ.

— Четыре года?

— Около того. Взялъ онъ меня изъ Петербурга и увезъ къ себѣ. Другіе на его мѣстѣ женятся на модисткахъ, плодятъ нищихъ да расписываютъ вывѣски или въ богомазы идутъ. Величайшее для нихъ счастье,—иконостасъ заполучить. Поправляются на иконостасахъ. А этотъ, шалишь: занялся на желѣзной дорогѣ подрядами, теперь въ двухъ милліонахъ считается, дешевле его не купишь. Женился на францyженкѣ, хоть и второй руки, а всетаки не нашимъ тетехамъ чета. Только очень къ адюльтеру склонна. Того и глядитъ, съ кѣмъ-бы мужа рогами утѣшить. Но зато благородно! Наши вѣдь какъ: сейчасъ завязалась у нея интрига, она и наровитъ съ избранникомъ сердца въ воронинскія бани съѣздить, а эта. шалишь, братъ. Ей подавай cabinet-particulier, устрицы, шампанское, тройку. Она тутъ и живетъ.

Мужъ въ глуши пропадаетъ на дѣлѣ, а она съ офицерами въ Питерѣ. Центавровъ изъ себя изображаютъ—верхомъ катаются.

— Хорошенькая?

— Ну вотъ...

Обоимъ не хотѣлось переходить къ настоящей сути. Ни Словцовъ не заикался о вчерашнемъ, ни Петра Фомича еще не тянуло за языкъ спросить объ этомъ.

— Развѣ между француженками есть хорошенькія? У нихъ вмѣсто этого высшая школа. Коли у нея красивыя ноги, она сядетъ передъ тобой и такъ ими заорудуетъ, что ты и лица не увидишь. Все время ноги мелькать будутъ. Глаза хороши, кромѣ глазъ ничего не замѣтишь. А грудь—еще и того хуже, схватитъ тебя эта самая союзница наша за-шиворотъ: удивляйся-де. И притомъ арифметику знаетъ вотъ какъ. Препротивныя въ сущности бабы! И непремѣнно у каждой разныя особенности: во-первыхъ, вѣчно у нее животъ болитъ, вовторыхъ безъ сводничества и сплетень жить не можетъ..

— Такъ что вамъ съ нею не пришлось видѣться?

— Мало. Муженекъ отъ нея въ кусты больше. Увезъ онъ меня къ себѣ. Какъ зайца въ семи водахъ вымылъ. Одѣлъ, обулъ. Сладкія блюда подавалъ. И на лицѣ у него было написано—«какой я благородный человѣкъ». По вечерамъ окончитъ съ дѣлами, сядетъ противъ и давай меня отчитывать: сколь пьянство вредно. Терпѣлъ я, терпѣлъ. Должно быть старѣть началъ, ужъ очень къ лакомому куску привязался. Проснусь лѣтомъ, окна — настежъ... Уйти, думаю — ночь синяя, звѣзды такъ и зовутъ: чего, дуракъ, лежишь колодой, понюхай, какъ сѣномъ хорошо пахнетъ... На самомъ краю — въ степи дѣло-то было — рѣчка свѣтится и не свѣтится даже, а мерещится, такъ знаете, чуть-чуть ее кисточкой тронуло... И вставалъ случалось. Разъ даже ногу за окно перекинулъ, да вспомнилъ, что на завтра охотники дупелей принесли и остался. Такимъ подлецомъ сдѣлался. Ужасно дупеля характеръ портятъ, а ежели да къ этому стерляжья уха — ставь крестъ. Пропала душа христіанская!.. Притомъ вина тонкія съ золотыми ярлыками. Это чтобы château la pompe—простую воду на столъ, ни подъ какимъ видомъ. Подлостью считалъ. Отъѣлся я — даже лицо отлакировалъ, въ темнотѣ блестѣло. Экваторъ поперекъ живота, какъ и слѣдуетъ, выпятился. Рисуй глобусъ и только... Но вторая весна доняла меня. Можетъ быть совсѣмъбы я съ нимъ опрохвостился, да ужъ очень меня пріятель показывать началъ. Какъ пріѣдутъ къ нему инженеры, онъ сейчасъ меня на буксиръ: вотъ-де какая сволочь была, въ кабакѣ нашелъ вѣдь, а посмотрите, что я изъ него сдѣлалъ: даже въ галстухѣ булавки носить выучился и перчатки gris de perle у него про всякій случай въ карманѣ.

Губернаторъ на ревизіи завернулъ, онъ и губернатору меня. А тотъ: «вы, говоритъ, къ вашему благодѣтелю признательность должны чувствовать. Вѣдь онъ васъ утопавшаго изъ воды вытащилъ». Я разозлился, да ему: «не утопалъ я, ваше превосходительстто, потому въ водкѣ кто-же утопаетъ. Такой еще и посудины не придумали, а захлебывался точно». Протоіерей въ уѣздномъ городѣ около — проповѣди читалъ съ намеками на меня и съ амвона возглашалъ моему спасителю: благо тебѣ, призрѣвшему заблудшую овцу сію... Ну, знаете, какъ весна пришла, да цвѣтами запахло—такъ меня и затомило. Сижу за обѣдомъ—примёры ѣмъ, а у самого въ головѣ: «что ежели я «призрѣвшаго-то» бутылкой по лбу. Хорошо это будетъ? Вышелъ какъ-то гулять — смотрю нищіе идутъ. Куда, спрашиваю,—въ Кіевъ, на поклоненіе мощамъ... Тутъ меня и осѣнило: а не возьмете-ли, добрые люди, меня съ собою?—Да ты, интересуются,—ничего не укралъ?—Не случалось пока.—А паспортъ у тебя есть?—Есть...—Что-жъ, иди, дорога общая... Только, братъ, уговоръ,—съ тебя четверть на всю компанію. Такъ и удостоилъ Господь кіевскія святыни повидать, а оттуда насъ на Кавказъ потянуло... Безъ мала два года мы странствовали на вольномъ воздухѣ—и до сихъ поръ-бы, пожалуй, да становому отличиться захотѣлось. Отъ исправника онъ выговоръ получилъ, надо было ему возстановить доброе имя, онъ всѣхъ насъ и сцапалъ въ Купянскомъ уѣздѣ. Вы о такомъ слышали?

— Нѣтъ.

— Хорошій уѣздъ. Я тамъ галушки ѣсть выучился... а впрочемъ, что-жъ это мы...

— Что?

— Шассе-круазе какое-то танцуемъ.

— То есть, какъ-же это?

— А такъ... и вамъ вовсе не интересно, какъ меня на родину по этапу гоняли, да и мнѣ не особая охота разсказывать. Развѣ только что блохи въ пересыльной тюрьмы кровожадны, а то больше ничего выдающагося не было... Вамъ вѣдь хочется знать, за что это я васъ вчера уязвилъ, да и мнѣ объясниться.

— Дѣйствительно... я не совсѣмъ понялъ.

— Чего ужъ яснѣе...

— Такъ это было неожиданно... И послѣ успѣха...

— Еще-бы! Даже Слоновъ, на что ужъ дубина, и тотъ васъ со всей деликатностью. А самъ онъ олеографіи отъ масляныхъ красокъ не отличитъ.

— Я не про него... И другіе то-же.

— Ну, на это вы не очень-то. Напримѣръ Косачевъ—зачѣмъ васъ хвалилъ?.. Какъ вамъ кажется?.. А затѣмъ, чтобы Фадѣева обидѣть.

Знаетъ, что тому ножъ вострый. И шолъ вѣдь я сюда за этимъ. А поднялся, взялъ ручку звонка—и стыдно. Куда ужъ намъ обличать. Что мы сами-то изъ своей жизни создали? Знаю—что не мнѣ, а тянетъ. Потому во всемъ что вы читали о себѣ, слова правды нѣтъ. А я ее вижу хоть и пьяными глазами. Трезвый и не разглядѣлъ-бы!.. Позвонилъ—и прочь, было, пошелъ, Потому въ четыре года можетъ быть воды-то сколько утекло..- И вы сами, пожалуй, выйдете и крикнете: гоните въ шею стараго дурака.

— Ну вотъ... Я цѣлую ночь и день проволновался... Мнѣ дорого ваше мнѣніе.

— А дорого, такъ вотъ что...

И глаза Ивана Афанасьевича вдругъ сверкнули опять строго и неумолимо.

— Измѣнникъ вы нашему дѣлу. Въ мерзость по уши влѣзли и нѣтъ вамъ оправданія. Язычнику простительно, онъ вѣдь евангелія не слышалъ, а вы сами въ себѣ Христа носили... Я на выставку какъ шелъ? точно у меня крылья выросли. Вспомнилъ наши бесѣды!.. Вотъ-де русскому искусству праздникъ. Думалъ въ церковь, а попалъ? какъ-бы это повѣжливѣе—въ лупанаръ, что-ли!..

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Видимо волненіе его душило.

XIII.

— Вамъ пожалуй смѣшно, что я такъ отношусь ко всему этому. Прежде-бы я не задалъ подобнаго вопроса!..

— Нѣтъ не смѣшно...

— Ну то-то... У насъ вѣдь такъ: какъ прокричатъ о комъ-нибудь, сейчасъ онъ себѣ морду нагуляетъ и весь погрузится въ самодовольство. Точно кладеный котъ у хорошаго мѣховщика. Сидитъ, жмурится на весь свѣтъ и вѣрно въ глубинѣ своей кошачьей души убѣжденъ, что человѣчество создано Господомъ Богомъ съ двумя цѣлями: во-первыхъ, покупать ему печенку, а во-вторыхъ, чесать его за ухомъ...

Какъ не было грустно Петру Фомичу, онъ усмѣхнулся.

— Не очень-то радуйтесь. Года не пройдетъ и вы обратитесь въ такого-же...

— Кладенаго кота?

— Да ужъ тамъ называйте какъ хотите... Дорога одна, другой нѣтъ. Пока вы еще слушаете. Совѣсти ни утратили, а потомъ плевать вамъ на меня будетъ. Не для искусства работать начнете, а для заказовъ. Въ первую гильдію выскочите... Да и въ мозгахъ пыль заведется. Только вамъ и останется, что самого себя переписывать на разные лады.

— Авось нѣтъ.

— Первый порадуюсь. Только гдѣ ужъ, — на моихъ глазахъ не мало такихъ прошло...

— Позвольте, Иванъ Аѳанасьевичъ, вы вотъ мнѣ что: чѣмъ такимъ вы не довольны? что вы нашли въ моихъ картинахъ?

— Это по вашему картины? а по моему, вывѣски для пансіоновъ безъ древнихъ языковъ. Въ Помпеѣ, сказываютъ, нашли подходящія изображенія въ домахъ, гдѣ были такіе благородные проституты. Вѣдь вы что написали? Смотритъ сытое животное и глаза у него масломъ подергиваются. Такъ-бы и обернулъ «картинку»: нѣтъ-ли на изнанкѣ адреса натурщицы, съ обозначеніемъ условій... И каталоги глупо составляюся. Для удобства публики слѣдовало-бы непремѣнно такія указанія помѣщать съ прейсъ-курантомъ. Дѣвица Матильда, изъ Ревеля, практикуетъ въ Столярномъ, домъ № такой, пріемные часы отъ и до... Тьфу ты пакость!.. Эта ваша «римская оргія» что такое? Голье одно— за версту пачулями несетъ, хорошо что дамы чулки сняли, а то-бы у каждой за ними по жолтому билету оказалось... А лѣсная глушь?.. И съ чего это въ лѣсной глуши вдругъ дама во всей своей неприкосновенности и даже безъ винограднаго листка? Откуда она въ такомъ костюмѣ пожаловала? Разбросали вы ей зеленыя пятна по тѣлу. Чѣмъ удивили? Новое слово, видите-ли...

— Красота вездѣ и...

— Позвольте, красота въ сліяніи идеи или чувства съ формою. Вотъ настоящая! А у васъ однѣ формы, футляры.

— Помните вы Магдалину Гверчико?

— Магдалину? Кстати вы о ней. Вы лицо ея забыли. Думаете все дѣло въ томъ, чтобы натурщицу повернуть, да яркій лучъ на нее бросить. Эхъ вы! Передъ Магдалиной люди и плакали и молились. Она имъ образа замѣняла. Тамъ красота, страданія, искупленіе покаяніемъ и пустыня кругомъ... Тамъ строгость есть, вдумайтесь только. А у васъ одни зеленыя пятна по розовому тѣлу. И выписано какъ: до подлости, до сладострастія... Вѣдь вы на кого работаете? Биржевику, если онъ мильонъ выигралъ, банкиру—удалось ему сотни тысячъ чужихъ трудовыхъ сбереженій прикарманить, да шесть нулей къ своему активу приписать, купцу, надувшему таможню контрабандой, подрядчику, у котораго землекопы отъ тифа подохли, — вотъ кому ваши картины нужны, красота футлярная. Они вѣдь о душѣ не безпокоятся. И безъ нея отлично. Сядетъ эдакая протоплазма пухлая послѣ обѣда, икаетъ да на вашу Магдалину любуется, даже перстами шевелитъ, точно по зеленымъ пятнамъ ими прохаживается. А въ глазахъ у него сало. Нечего сказать, молитвенный восторгъ передъ перломъ созданія. И это вы— вы!.. Помните—«кисть какъ мечъ. Она на стражѣ всего слабаго и без-

защитнаго. Она мститъ за безвинно измученныхъ, призываетъ людей къ любви, добру, покаянію, къ состраданію. Васъ должны бояться, а не по плечу трепать, заходи де, я тебѣ на чай дамъ. Въ васъ смыслъ созданія, оправданіе его. Ва служите Богу, а не... И слова-то настоящаго не приберешь, все пакостныя на языкъ навертываются...

— Я нѣсколько лѣтъ искалъ новыхъ пріемовъ... Мнѣ кажется, нашелъ ихъ.

— Да на что мнѣ новые ваши пріемы, если въ нихъ содержаніе мерзостное? Вѣдь это паденіе искусства, когда люди талантливые собираются брать только формою. Кому она нужна? Вы для глазъ или для сердца работаете? Чѣмъ васъ, развратителей, помянуть? Осиновый колъ что-ли вбить вамъ въ спину, чтобы вы какъ-нибудь изъ гроба не поднялись. На какіе инстинкты вы дѣйствуете? Голова у васъ закружилась отъ дешеваго успѣха. Ну, французамъ еще простительно, они вышептались и ничего у нихъ за душою не осталось, а мы вѣдь и не жили по-настоящему, Формы! Оставьте ихъ тѣмъ кто уже выработалъ и идеи и понятія. Что мы съ вами сдѣлали для этого?.. Бездонный океанъ непонятаго народа, ему-бы служить, пока рука кисть держитъ, а вы бурьяномъ да чертополохомъ тощую ниву глушите. Вы выше этого были. Хоть и тогда уже случалось... Помните вашу дочь удѣльнаго князя? Набрали татарскихъ мордъ кругомъ, для родимчика, что-ли, одна другой свирѣпѣе, а посрединѣ о земь бросили Татьяну Васильевну — такъ кажется вашу натурщицу звали? Только совлекли съ нее все, что каждой дѣвицѣ полагается.

— Я и прежде говорилъ, что вы судите слишкомъ по-монашески.

— Нѣтъ-съ, помилуйте... Понадобилось вамъ трактовать этотъ сюжетъ, отчего-же. Пускай-бы въ этой дочери удѣльнаго князя ужасъ отразился. Вѣдь ее, поди, эти эфіопы-то ваши какъ истрепали? И тѣло должно быть посинѣвшее, въ подтекахъ, въ ссадинахъ. Безсиліе въ немъ, измученность, смерть надъ нимъ. Глаза воспаленные, по лицу судороги, а вы точно кошку весною посреди влюбленныхъ котовъ изобразили. Она и эту позу и другую. И мурлычетъ, шельма, доводя своихъ кавалеровъ до свирѣпости.

— Не могутъ же всѣ ошибаться.

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ. Я свое говорю. Да и ваше, недавнее. И вы четыре года назадъ такъ судили. Новое слово нашли. Въ чемъ оно у васъ? Вдохновеніе! Разумѣется, рядомъ съ какой-нибудь «Половецкой битвой» безъ перспективы ваше покажется Богъ вѣсть чѣмъ. Такъ вѣдь Половецкую битву оселъ писалъ. Онъ и половчанъ всѣхъ съ банщика Гаврила изобразилъ на-одно лицо, а нашихъ съ кухоннаго мужика Еремки... И то не кистью, а шваброй. У него развѣ глаза? Плошки, а не глаза. Что онъ ими увидитъ, невѣжа? Вотъ

продать картинку, это онъ мастеръ, сдѣлайте одолженіе. На это у него отъ родителей ухватка...

— Если правду говорить, мнѣ самому иногда кажется, что я на ложную дорогу попалъ.

— Кажется?

— Я вчера всю ночь проворочался... Спрашивается, зачѣмъ же я потратилъ столько труда...

— Мало-ли что. Вы думали настоящее дѣло сразу дается. Тяпъ-да-ляпъ... Нѣтъ, батюшка... А вы вотъ что. Коли сознаете дѣйствительно, что гадость сдѣлали, такъ, по-евангельски, изъимите око, соблазнившее васъ.

— Это что-же, натурщицъ перебить, что-ли?

— Вы не скальте зубовъ. Не натурщицъ... А знаете, что я-бы сдѣлалъ?

— Что?

— Не легкое дѣло. Сколько вамъ за эти картины придется?

— Тысячъ двѣнадцать.

— Ишь уйма какая... Нѣтъ, эдакъ пожалуй, и я совѣтовать не стану. Легкое дѣло—двѣнадцать тысячъ. Языкъ прилипъ къ гортани...

— А что вы-бы сдѣлали.

— Я? взялъ бы эти картины, всѣхъ этихъ дамъ вашихъ и сжегъ въ печи. Разомъ бы... Душу спасти тоже не легко... Сердце-бы перевернулось — а я бы ихъ уничтожилъ... Хоть и двѣнадцать тысячъ. Тоже и цифры есть. Точно колокольный звонъ въ ушахъ. Такъ взболтаетъ мозги-то, что сразу и не очнешься. Кто-же это даетъ.

— Бубновъ...

— Знаю. Живоглотъ 84 пробы... У него мои картины есть.

— Красовскій.

— Жеребчикъ... Какже. Самому поди за сто лѣтъ перевалило, а онъ за дѣвицами въ платочкахъ по пассажу бѣгаетъ. На солдатскій-то паекъ чѣмъ свой дворецъ украсилъ, гадъ этакій... Ну, довольно... Давайте о чемъ-нибудь другомъ... Я противъ тебя, братъ, злобу цѣлый мѣсяцъ въ душѣ носилъ. Полной чашей,—и зубы стискивалъ—расплескать ее боялся. Ну теперь ты получишь сполна, и здравствуй. Мнѣ больнѣй твоего было. Она меня извнутри всего обожгла. Я такъ запьянствовалъ отъ нея, чертямъ тошно было... Потому у насъ одинъ исходъ, другого нѣтъ... И вѣдь что странно нынѣ: здороваго человѣка не найдешь... У всякаго душа кровью сочится... Ну не душа, улыбаться нечего, такъ сердце...

— Всякое сердце сочится кровью.

— Ты знаешь о чемъ я... Такъ вотъ, больнѣе поколѣнія не было, а передать эту муку мы безсильны. Все какъ-то внутри перегораетъ,

не находитъ исходу. То-то-бы эту тоску и смертную скуку въ картины да въ книги вложить. Міръ-бы перевернулся, а какъ возьмешься за перо или за кисть, чортъ знаетъ что изъ-подъ нихъ лѣзетъ. Вотъ,— три года назадъ, какъ я пріятеля своего, подрядчика, въ добродѣтели собственною особою упражнялъ и утверждалъ, не спалось мнѣ какъ-то, я на удачу вынулъ у него изъ шкапа «Манонъ Леско и кавалеръ де-Гріе». И книга-то неважная, цѣна ей грошъ. Оба они, и Манонъ эта самая и кавалеръ ея, собственно говоря, сантиментальная дребедень, а надъ ними сколько поколѣній плакало?.. Какъ ты думаешь, нынѣшняя литература оставитъ ходь одну такую книгу?

— Какую?

— А чтобы наши внуки зарыдали надъ ней... Не бойся—ни одной! Потому мы стѣсняемся сердцу волю дать. Новыхъ пріемовъ ищемъ, Богъ знаетъ въ чемъ копаемся, а забываемъ, что людямъ для души слезы нужны... Сказываютъ, объ этой Манонъ два композитора оперы написали,—все старыми живутъ образами!..

XIV.

Къ этому-ли онъ шолъ? Объ этомъ-ли мечталъ, сидя у своего окна, передъ многоочитымъ лицомъ громаднаго города, вслушиваясь въ его отдаленный глухой говоръ, похожій на шумъ волнующагося океана. Развратитель! Да... Тамъ могутъ думать, писать и говорить что угодно, а Словцовъ тысячу разъ правъ. И если не осиновый колъ, то, во всякомъ случаѣ, безславіе и забвеніе ждутъ Костецова. А онъ такъ страстно хотѣлъ взойти на самую вершину искусства, по его крутымъ ступенямъ. Въ самомъ дѣлѣ: сегодня ему сказалъ это Иванъ Афанасьевичъ, а завтра? Когда найдется хоть одинъ незагипнотизированный человѣкъ, какъ ребенокъ, увидѣвшій голаго халифа. «Положимъ все это хорошо, да къ чему оно? Какому богу служитъ художникъ? Не культу-ли Пріапа? а тогда долой его съ пьедестала, и та-же толпа, которая бѣгаетъ за Костецовымъ, первая закидаетъ его насмѣшками, поздними осужденіями и грязью клеветы... Гдѣ-же тѣ храмы, куда онъ хотѣлъ войти посвященнымъ жрецомъ? Вѣдь лупанаръ не можетъ сдѣлаться капищемъ... Кто это сказалъ: тотъ идетъ впередъ и за собой другихъ ведетъ, кто несетъ крестъ?.. Какъ вѣрно, какъ мѣтко!.. А тутъ какой-же крестъ, когда Бубновы и Красовскіе тысячи отваливаютъ за развращающія толпу картины?..

Сердце щемило, голова болѣла.

Подушка казалась жаркой. Она мягкими и удушливыми объятіями охватывала его. Одѣяло игомъ лежало на горѣвшемъ тѣлѣ,—а сбрасывалъ его Петръ Фомичъ и мгновенно испытывалъ неодолимый ознобъ.

Сердце стучало усиленно, съ натугою, до боли, точно хотѣло разбить удерживавшую его грудную клѣтку. Глаза жгло, Онъ упорно смотрѣлъ во мракъ, пока въ немъ не начинали проступать какія-то едва-едва замѣтныя очертанія, колебавшіяся, кружившіяся и распадавшіяся мелкими и слабыми искрами. Вѣрно кровь приливала къ головѣ. Дышать нечѣмъ въ этой большой и высокой комнатѣ.

Развратитель... Измѣнникъ.

Теперь ему понятно, почему тѣ немногіе, кто одинаково съ нимъ думалъ когда-то, не заходятъ къ нему. Онъ ихъ не видитъ больше. Нѣтъ, впрочемъ, одного встрѣтилъ надняхъ. Петръ Фомичъ поклонился ему, а тотъ взглянулъ на Костецова какъ на пустое мѣсто и опустя голову направился дальше. Ясное дѣло—онъ опозорилъ себя подлымъ успѣхомъ. Его удача — знаменіе обезстыженнаго и изподличавшагося времени. Теперь онъ плоть отъ плоти, кость отъ костей его. Будущій историкъ, опредѣляя признаки періода упадка, укажетъ и на Костецова, какъ на одно изъ самыхъ яркихъ и гнусныхъ его характеровъ. Все что онъ любилъ, чему онъ молился, далеко отошло! Какъ онъ могъ дойти до такого ослѣпленія, увлечься деталями, формами, футлярною красотою, какъ назвалъ это Иванъ Афанасьевичъ. Онъ, Словцовъ, спился, погибъ, а не сдѣлалъ уступки новымъ требованіямъ растлившагося общества. Оно не побѣдило стараго художника, а Костецовъ безъ всякой борьбы самъ побѣжалъ ему навстрѣчу. Да еще какъ! Имъ корятъ людей дѣйствительно служившихъ хорошему дѣлу, ставшихъ на рубежѣ стараго, лучшаго времени... И вдругъ всѣ эти еще вчера смѣшные художники выростали передъ нимъ въ гигантскіе образы. Точно ангелы съ огненными мечами у вратъ рая, куда ему нѣтъ пути... Что самое высшее въ удѣлѣ художника, писателя,—уваженіе молодежи нетронутой пошлостью житейскаго опыта. Увы! Ему, Костецову, въ этой средѣ уже не удастся встрѣтить сіяющихъ восторгомъ глазъ. Его руку не пожмутъ съ любовью и увлеченіемъ. Напротивъ! Эта живо чувствующая и воспринимающая «публика»—отвернется отъ него. На его долю достанется брюхатая шушера, давно размотавшая по всевозможнымъ притонамъ свою душу...

Жарко, душно... Точно какой-то шаръ подкатилъ къ горлу, дышать нельзя. Боль въ груди. Тоска до отчаянія. А вѣдь онъ мыслилъ, онъ готовился къ настоящему дѣлу.

Онъ помнитъ одну статью объ идеалахъ испанскихъ художниковъ, явившихся мстителями за униженія и насилія прошлаго. Эти дѣйствительно воспитываютъ свой народъ, ведутъ его прямою дорогой, это не клоуны, потѣшающіе сытыхъ и безмозглыхъ людей, а учителя. Имъ и муки ожиданія и восторги торжества. Имъ—монументы и рукоплесканія въ дальнемъ будущемъ и ненависть всего озвѣрѣвшаго въ настоящемъ...

И у насъ были такіе, онъ ихъ знаетъ. Они ему какъ звѣзды свѣтили во мракѣ. Хотя-бы тотъ-же Словцовъ!..

И чѣмъ увлекся!.. Во что увѣровалъ, какихъ идоловъ поставилъ на своемъ алтарѣ!..

Когда скупой и скудный свѣтъ тусклаго зимняго дня забрезжилъ въ окнѣ, Костецовъ всталъ, одѣлся и вышелъ.

Прежде чѣмъ на что-бы то ни было рѣшиться, нужно заходить себя, утомить до послѣдней степени. Онъ безсмысленно бродилъ по улицамъ, ни на что не глядя, ничего не слыша. Точно молотками въ виски стучало: измѣнникъ, развратникъ, пакостникъ!.. Вотъ онъ очнулся и оглядѣлся: въ холодномъ туманѣ тонулъ, возносясь въ небеса, промерзлый шпиль Смольнаго монастыря. Вернулся. Невскій уже просыпался. Блѣдные, изморенные, озабоченные, больные рабочіе люди спѣшили куда-то, унося съ собою слѣды великой тоски, безконечнаго разочарованія жизнью, мучительной гоньбы за дорого достающимся хлѣбомъ, и какимъ скуднымъ и жалкимъ! Вотъ типы, вотъ міръ, вотъ кому онъ долженъ служить, передъ кѣмъ ему слѣдовало-бы разчищать дорогу. А онъ?.. Женщины, измученныя покупными ласками, бѣжали домой, хороня отъ подымавшагося солнца безконечный стыдъ, глубокое, сочащееся какъ гнойная язва страданіе. Ему именно мѣсто между ними. Только онѣ куда выше и прекраснѣе его. Онѣ себя загубили, ихъ стыдъ—стыдъ разбитаго существованія. Ихъ примѣръ не заразитъ никого. Напротивъ, при видѣ ихъ, страхъ охватывалъ уцѣлѣвшихъ, онѣ бѣгутъ съ тѣхъ дорогъ, на которыхъ споткнулись эти.

— А ты?—самъ себя спрашивалъ Костецовъ.

Ему хотѣлось рыдать надъ собою. Онъ едва удерживалъ непрошенныя слезы. Только-бы и не доставало разревѣться на улицѣ...

Попадая на бульвары, онъ шелъ по нимъ, встрѣчалась площадь—безъ цѣли пересѣкалъ ее, изчезая въ первой подвернувшейся подъ ноги улицѣ. Шагалъ по тротуарамъ, сталкивался съ кѣмъ-нибудь порою. Ни съ того ни съ сего останавливался передъ окнами и смотрѣлъ туда. Разъ онъ поймалъ себя на томъ, что заглядѣлся на громадную свиную голову, отдѣланную лаврами, въ колбасной лавкѣ. «Настоящій памятникъ такимъ какъ я», подумалъ онъ, отходя прочь. Въ другой разъ вниманіе его привлекли женскіе корсеты и онъ съ полчаса простоялъ передъ ними. Хорошенькая приказчица приняла было это на свой счетъ но, всмотрѣвшись, увидѣла, что она тутъ не при чемъ. «Ужъ не сумасшедшій-ли?» Еще-бы, не отводитъ глазъ отъ чернаго корсета съ красными лентами. Сняла его съ окна и другимъ замѣнила. Онъ даже не замѣтилъ этого и также облюбовалъ новый, голубой съ бѣлыми тесьмами. Около часу онъ оказался у кухмистерской на Васильевскомъ островѣ, куда ходилъ когда-то завтракать и обѣдать. Тамъ лѣтъ пять

назадъ собирались молодые художники, неудачники въ большинствѣ, мечтавшіе о звѣздахъ небесныхъ и влачившіе жалкое существованіе въ земномъ прахѣ. На словахъ они міръ побѣждали. Рафаэли и Тиціаны тускли передъ величіемъ ихъ замысловъ. На дѣлѣ, увы, каждый, окончивъ академію, непремѣнно обзаводился семьей и дѣтьми, точно за сихъ послѣднихъ имъ выдавали золотыя медали. Потомъ, когда у нихъ спрашивали: почему васъ нѣтъ на выставкахъ?

— Стану я всякому кланяться. Кто меня судить будетъ? благодарю покорно!..

И гордо работали всякую мелочь, въ ожиданіи персидскихъ пословъ съ дарами, которые призвали-бы ихъ къ торжествамъ, давно заслуженнымъ ими.

Талантовъ не было, но за то идей и идеаловъ сколько угодно.

Вотъ ужъ съ развратителями и Вааловыми жрецами у нихъ не оказывалось ничего общаго.

Петра Фомича опять потянуло сюда.

Онъ поднялся на третій этажъ. Только что двери отворилъ, такъ и пахнуло на него знакомымъ чадомъ пригорѣлаго маргарина и всякой снѣди непервой свѣжести, за то дешевой. Новая горничная, эта не знала его, серьезно (онѣ всегда съ чужими таковы: брови нахмурены, губы въ ниточку), поставила передъ нимъ солонку и уксусъ, ткнула ему меню и остановилась въ позѣ безконечной готовности претерпѣть.

— Дайте мнѣ чего-нибудь.

Горничная почему-то обидѣлась.

— Вы приказывайте... У насъ разное... Я не обязана выбирать для васъ.

Онъ заказалъ что-то. Она ловко метнула хвостомъ и шурша безбожно накрахмаленными юбками вышла.

Осмотрѣвшись Петръ Фомичъ замѣтилъ вдали въ самомъ углу двухъ прежнихъ завсегдатаевъ. У одного на вискахъ сѣдина пробилась, другого еще ниже прибило къ землѣ. Костецовъ пошелъ туда.

-- Сколько лѣтъ!

У маленькаго чубъ на лбу какъ-то самъ шевельнулся. Онъ ничего не сказалъ, только торопливо пожалъ ему руку.

— Что это вы такъ посѣдѣли.

— Дѣла не красятъ... За то вамъ теперь самый цвѣтъ. Роза-сентифолія.

— На счетъ чего вы?

— Читалъ о васъ. Поди менѣе тысячи «объ это мѣсто» съ покупателями и не разговариваете.

Маленькій хмыкнулъ въ сторону, но тотчасъ-же поднялъ на Петра Фомича полный благоговѣнія взглядъ.

— Даже странно видѣть васъ въ нашемъ капернаумѣ. Помилуйте, вѣдь завтракъ тутъ — двадцать пять копѣекъ. Вамъ-бы къ Кюба, къ Донону, къ Контану. А вы—и нами не брезгуете. По настоящему благодарить-бы васъ за это надо. Не гнушаетесь.

— Какой у васъ странный тонъ. Я не виноватъ въ моемъ успѣхѣ. Я вамъ отъ души желаю такого-же.

Посѣдѣвшаго повело точно бересту на огнѣ.

— Нѣтъ ужъ зачѣмъ-же: мы вамъ не завидуемъ. У каждаго свое... Мы по вашему не умѣемъ. Да и подобныхъ задачъ мы не преслѣдуемъ. Мы искусству служимъ, на боговъ-то своихъ еще не наплевали. Намъ совѣстно...

— Что это съ вами, Семенъ Васильевичъ.

— Ничего-съ, Петръ Фомичъ. Говорю только, что «гусь свиньѣ не товарищъ». Помните какъ намъ профессоръ эту пословицу изображалъ. Намъ даже странно, что вы подошли къ намъ. Сергѣй? Тебѣ странно

— Странно-съ!—съ покорностью согласился самодвижущійся чубъ.

— Видите-ли, ужъ на что божія коровка, а и ему странно. Лауретатъ, такъ сказать, и вдругъ со всей любезностью къ намъ. Вонъ вамъ—Анисья подала... Идите, а то простынетъ.

И отходя Костецовъ слышалъ, когда Семенъ Васильевичъ вслѣдъ ему проговорилъ.

— Ловкую наживку придумалъ... публику ловить. А тоже прикидывался, ты помнишь, Сергѣй, какъ онъ о святости искусства изрекалъ.

— Помню-съ!—столь-же смиренно утвердилъ Сергѣй.

— Эти маху не даютъ. Поняли наше время, совѣсть-то въ сторону, товаръ не ходкій. Прежде крѣпостныя дѣвки были такія—молодымъ господамъ пятки чесали. Вотъ и этотъ тоже своего рода крѣпостная дѣвка.

— Вы ужъ его очень, Семенъ Васильевичъ.

— А тебѣ жалко?

— Жалко.

— Тебѣ, Сергѣй, всякаго жалко.

— Мнѣ, Семенъ Васильевичъ, дѣйствительно каждаго подлеца... Такая у меня душа. Потому развѣ я не вижу, что онъ самъ въ глубинѣ казнится.

— Небось живо обростетъ шкурой...

— А все-бы полегче.

Костецовъ расплатился и вышелъ.

— Проняло!—послышалось ему въ спину.

Дѣйствительно, проняло. У него болѣла душа. Цѣлаго мѣста внутри не оставалось, все точно было отбито. «За что они? А вѣдь прежде

этотъ-же Семенъ Васильевичъ слушалъ меня какъ оракула и самъ жилъ тѣмъ, что, бывало, я ему скажу.—Я, говорилъ, Богу на васъ Петръ Фомичъ, молюсь. Или ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ позорно все, что я выставилъ, надъ чѣмъ работалъ?..

Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Вернулся къ себѣ, взбѣжалъ торопливо по лѣстницѣ. Противны ему показались всѣ его работы. Мольбертъ посреди мастерской онъ даже ногой ткнулъ, такъ что тотъ съ трескомъ распластался на полу. Костецову захотѣлось забыться во что бы то ни стало. Онъ раздѣлся, легъ и постарался заснуть. Безсонная ночь сказалась. Это ему удалось—точно онъ опустился на какое-то теплое дно. Глаза сомкнулись тотчасъ-же. Ни сновъ, ни грезъ!..

Проснулся когда въ окнахъ было уже темно—и невольно вздрогнулъ. Передъ нимъ еще была цѣлая ночь мучительныхъ сожалѣній и разочарованій...

XV.

«Завѣдующій общественною выставкой» былъ сегодня въ отвратительномъ настроеніи.

Судьба его преслѣдовала съ утра. Горничная подала ему газеты, и точно ихъ прорвало Богъ знаетъ съ чего. То все хвалили да хвалили, а тутъ вдругъ кто-то изъ публики возьми да и заяви: «картины распредѣлены глупо до послѣдней степени. Лучшія загнаны въ уголъ, гдѣ ихъ не видать, или заставлены бездарною мазней». Бездарная мазня принадлежала его друзьямъ. Другая газета возмущалась: какъ могли отказать въ пріемѣ «Осенняго вечера» молодому художнику Свистунову; равнаго этому «вечеру» нѣтъ ничего на выставкѣ. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько словъ о безвкусіи жюри и объ интригахъ чиновника, которому живопись — апельсины. Завѣдующій былъ еще болѣе обиженъ. Свистунова онъ терпѣть не могъ за то, что тотъ называлъ его городовымъ въ искусствѣ. Противъ картины, подавшей поводъ къ этимъ любезностямъ, дѣйствовалъ именно онъ и онъ же убѣдилъ членовъ жюри отнюдь не принимать «Осенняго вечера»... Двое или трое изъ нихъ понимали дѣло, но Свистуновъ являлся для нихъ опаснымъ конкурентомъ, а остальные были обычнымъ у насъ панурговымъ стадомъ. Они бы подписались подъ смертнымъ приговоромъ, если бы г. секретарь скрѣпилъ его своею фамиліей. Третье, едва ли не столь же непріятное событіе, была статья критика Калитина. Вѣрный лучшимъ преданіямъ искуства, онъ съ пѣною на губахъ, клык впередъ и хвостъ на отлетъ, набросился на товарищей, хвалившихъ Костецова, чтобы унизить недавнихъ боговъ выставочнаго Олимпа. За этихъ-то и вступился Калитинъ. А картины Костецова такъ нравились секре-

тарю, точно онъ самъ написалъ ихъ, да и отзывы, ставившіе въ укоръ старымъ идоламъ новыя произведенія Костецова были вдохновлены никѣмъ инымъ, какъ распорядителемъ выставки... И именно то, что онъ такъ хвалилъ, подчеркивалъ, ставилъ на видъ, Калитинъ называлъ развратомъ искусства, его паденіемъ, гніющею язвою, мерзостью вопіющею, наглостью, невѣжествомъ, безсмысліемъ и Богъ знаеть чѣмъ еще. Старикъ бывало какъ обозлится, такъ ужъ не щадитъ никого, начиная съ художника, о которомъ пишетъ, и кончая грамматикою. Тѣмъ не менѣе секретарь понималъ, что публику надолго не загипнотизируешь. Она къ отзывамъ Калитина прислушивалась и умѣла сама въ нихъ разбираться, отдѣляя зерно отъ шелухи. И сегодня она вѣрно уже иначе отнесется къ работамъ Костецова. Еще бы, послѣ такой фразы: «для какого публичнаго дома могутъ пригодиться тщательно выписанныя, яркія и дѣйствующія на воображеніе картины г. Костецова? Что онъ хотѣлъ сказать этою пакостью, на которую, надо отдать ему справедливость, потратилъ не мало и таланта и знанія и наблюдательности? Но тѣмъ хуже. Будь это неумѣло и бездарно, мы бы простили невѣждѣ и неучу. Нужно-жъ брать хоть чѣмъ-нибудь. А человѣку, отмѣченному перстомъ Божьимъ, служить подлому дѣлу безнравственно и даже неумно... Мы слышали о Костецовѣ и ожидали отъ него новаго слова дѣйствительно... Представьте себѣ положеніе аудиторіи, которой накричали невѣсть-чего о лекторѣ. Нервы у всѣхъ натянуты, воображеніе возбуждено до послѣдней степени. Вотъ-де разверзнется небо и потекутъ глаголы,—и вдругъ на эстраду является самъ. Разумѣется ему громы рукоплесканій, такъ сказать щедрый задатокъ отъ слушателей... Затѣмъ мертвое молчаніе. Благоговѣйная тишина, и нежданно-негаданно лекторъ, оборачиваясь, показываетъ публикѣ то, что должно быть, по элементарнымъ понятіямъ о приличіи, сокрыто, и затѣмъ съ торжественнымъ поклономъ удаляется... Такое же точно впечатлѣніе произвело на насъ и появленіе г. Костецова на выставкѣ... Мы бы плюнули на это, мало ли гадости совершается кругомъ, но онъ — знаменіе времени и знаменіе яркое. Мы настолько утратили возможность отличать правую руку отъ лѣвой, добро отъ зла, прекрасное отъ безобразнаго, что о г. Костецовѣ начали кричать не только невѣжды и декаденты, но и присяжные оцѣнщики художественнаго аукціона. Прочтите ихъ. Съ какой радостью они на ладоняхъ подносятъ эту новоявленную блудницу обществу, какіе на нее возлагаютъ вѣнцы! Въ полномъ смыслѣ слова рукоположеніе! И при этомъ сколько грязи выливается на тѣхъ, кому искусство было дѣйствительно храмомъ, а красота и правда богами. Въ исторіи есть такія эпохи нравственной низости и огрубѣнія. Въ солнечной Италіи развѣ не ставили распущенные венеціанцы скабрезнаго Аретино выше

вдохновеннаго и мрачнаго Данта?.. Но прошло время и Аретино не помнитъ никто, а Дантъ остался на Олимпѣ. Тоже будетъ и съ г. Костецовымъ. Восхищенные зрители опомнятся и не только опомнятся, но и постараются поскорѣе отмыться ото всѣхъ восторговъ... Ихъ сочувствіе вернется къ тѣмъ, кто были дѣйствительно свѣтильниками, къ тѣмъ, кто плакалъ и молился, страдалъ и вѣрилъ... А г. Костецовъ?.. Величайшее счастье было бы для него, еслибы его забыли. Да вѣдь какъ забудешь! Слишкомъ онъ ярокъ и оригиналенъ... Въ немъ воплотилась вся духовная гниль переходной эпохи. Я увѣренъ, что историки искусства впослѣдствіи будутъ говорить: «живопись въ это странное и подлое время дошла до картинъ г. Костецова, какъ передъ тѣмъ литература до книгъ и доносовъ Булгарина. И Костецовъ и Булгаринъ не могутъ и не должны быть забыты. Ихъ именами бытописатели назовутъ главы, посвященныя цѣлымъ періодамъ. Это своего рода вѣхи на пути движенія мысли и искусства»!..

И т. д.

А секретарь готовилъ Костецову сюрпризъ и сюрпризъ пріятный: онъ хотѣлъ, чтобы музеи, а не частные лица купили его картины... Онъ съ этою цѣлью ужъ недѣли три плелъ тонко и умѣло свою паутину и заранѣе поздравлялъ и себя и покровительствуемаго художника съ успѣхомъ... Послѣ статьи Калитина сдѣлать это будетъ трудно. Завтра всѣ газеты въ отдѣлѣ, посвященномъ обозрѣнію печати, возьмутъ выдержки изъ нея, а послѣзавтра—и посѣтители выставки начнутъ браниться...

Понятно: все это никакъ не могло способствовать хорошему расположенію духа г. завѣдующаго.

XVI.

На выставку онъ явился чортъ-чортомъ.

Внизу разбранилъ швейцаровъ, одного даже выгналъ «за невѣжество съ публикой», еще вчера нравившееся ему. Въ «бюро» разнесъ несчастныхъ писцовъ и чуть-ли не въ лица имъ швырнулъ подготовленныя ими бумаги. Попалась ему продавщица каталоговъ и фотографій,—онъ и ее турнулъ такъ, что едва она отъ него хвостъ унесла. Наткнулся на одного изъ любимцевъ — художника изъ молодыхъ да раннихъ, которому сама природа выростила голову какъ-то на бокъ, точно онъ вѣчно пребывалъ въ спасительной умиленности. Тотъ было подлетѣлъ съ «добрымъ утромъ».

— Убирайтесь вы къ чорту.

— Я чтожъ, помилуйте... Я картину привезъ...

— Вашу картину я велю въ помойную яму бросить.

— Что съ нимъ?—спрашивалъ оторопѣлый любимецъ.

— Извѣстное дѣло—начальство. Развѣ сообразишь.

— Однако... за что?

— Вона хотѣли вы понять!.. У нихъ вмѣсто ума-то усмотрѣніе! Съ какой ноги встали.

Но «любимецъ» былъ немедленно освѣдомленъ обо всемъ. На него набѣжалъ другой такой-же.

— Читалъ?

— Что?

— Статью Калитина.

— Гдѣ, какую?

— То есть—громъ и молнія... Нашего разнесъ такъ...

— А намъ ничего за это не будетъ?

— Дуракъ ты—вотъ что!

И ушелъ.

Тѣмъ не менѣе любимецъ утѣшился. Значитъ гнѣвъ былъ направленъ не на него, а только задѣлъ его попутно. Съ этимъ можно было помириться. И онъ разцвѣлъ и еще сдѣлался умиленнѣе, только своему умиленію придалъ оттѣнокъ нѣкоторой печали. Насчетъ мимики эти господа любому александринскому актеру могутъ послужить недосягаемыми образцами. Онъ опять постарался попасть на глаза секретарю...

— Вы читали статью Калитина?

— Я этого мерзавца никогда не читаю.

Негодованіе любимца было такъ искренно, что покровитель его смягчился.

— Вы всегда запаздываете съ картинами.

— Ужъ очень старался. Надъ отдѣлкой потратилъ столько времени. Хотѣлъ ваши совѣты всѣ выполнить...

— У васъ здѣсь и безъ того много!..

— Всего пять. Эта будетъ шестая.

— А мѣсто для нея есть?

— Я-бы просилъ васъ: Очкину слишкомъ много мѣста отвели. Даже странно, онъ другъ Калитина и суется къ намъ.

— Другъ?

— Еще-бы, водой не разольете.

— Такъ отодвиньте его...

— А жаловаться онъ не будетъ?

— Пускай... Я здѣсь хозяинъ... Это чортъ знаетъ что. Всякая дрянь у насъ мѣшаться смѣетъ.

— И потомъ, вы знаете, онъ ужасно самонадѣянный. Вчера я ему говорю, чтобы онъ посовѣтовался съ вами, и такое онъ мнѣ отвѣтилъ, что я даже и разсказать не могу.

— Свинья! Ну да что-жъ, пусть попробуетъ съ Калитинымъ. Же-

лаю ему счастья. Такъ пожалуйста. Пошлите мнѣ Егора, я прикажу насчетъ вашей новой картины... А будетъ жаловаться—съ Богомъ.

И онъ, уже нѣсколько пришедшій въ себя, отправился по заламъ съ обычнымъ видомъ человѣка, привыкшаго во всемъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Но, очевидно, судьба сегодня была противъ него. Не успѣлъ онъ дойти и до половины выставки, какъ къ нему встревоженно и растерянно подбѣжалъ главный сторожъ Ефимъ.

— Ваше высокоблагородіе... Отъ господина Костецова люди пришли.

— Зачѣмъ?

— Требуетъ, чтобы вы его картины передали имъ.

— Что за чепуха?

— Письмо есть къ вамъ...

— Съ тобой?

— Никакъ нѣтъ-съ. У нихъ.

— Недоразумѣніе какое-то!

И онъ живо повернулъ въ переднею. Тамъ ждалъ его артельщикъ.

— Къ вамъ-съ! Отъ Петра Фомича...

— Что еще? Дай письмо.

Онъ распечаталъ. Костецовъ писалъ кратко:

«Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, настоятельно прошу васъ передать посланному мною артельщику Ивану съ людьми всѣ мои картины. Я ни на одинъ день больше не могу оставить ихъ. Простите за безпокойство и хлопоты. Будьте увѣрены только въ одномъ, что поступать такъ меня заставляютъ очень серьезныя причины».

Слѣдовала подпись.

Сергѣй Николаевичъ перечиталъ вторично: ужъ не ошибается-ли онъ, и разозлился.

— Что они всѣ съ ума сошли? Стану я выставку для него портить. Разъ сдано—и кончено. Закроется выставка, пусть беретъ, вотъ и все. Такъ и скажи ему, слышишь?

— Слышу-съ!

— Ну и ступай вонъ!

— Слушаюсь... А какъ-же насчетъ картинъ?

— Я тебѣ сказалъ, болванъ. Ефимъ, гони его вонъ. Ты вѣрно ничего не понялъ, такъ пусть Костецовъ самъ придетъ. Я ему объясню. Если онъ не сошелъ съума!

И онъ хлопнулъ за собою дверью бюро, въ которое по обыкновенію «входъ посторроннимъ воспрещается».

XVII.

Но должно быть, «если онъ не сошелъ съума», то былъ очень близокъ къ тому.

Все, написанное Калитинымъ о картинахъ Костецова, разомъ даже въ собственномъ сознаніи художника стерло всѣ восторженныя похвалы, которыя онъ читалъ до тѣхъ поръ. Калитинъ ничего не сказалъ новаго. Это уже и раньше говорилъ ему Словцовъ. Но подъ перомъ стараго критика, часто несправедливаго, но всегда искренняго, мнѣнія Ивана Афанасьевича пріобрѣли характеръ неопровержимыхъ истинъ. Точно повязка спала съ глазъ Петра Фомича. Эти четыре года разомъ образовали пробѣлъ, въ которомъ нельзя даже разобраться. Они были вычеркнуты изъ его жизни и въ то-же время онъ понималъ, что теперь, именно теперь, ему будетъ стоить величайшихъ усилій добиться чего-нибудь, заставить всѣхъ позабыть эту злосчастную выставку, съ его эфемернымъ успѣхомъ. А какъ онъ ему радовался! Все что было въ немъ воспитано долгимъ одиночествомъ, зрѣлищемъ громаднаго города, шумнаго и загадочнаго въ одно и то-же время, — въ эти короткіе дни поднялось чуть-ли не выше головы, одурманивая его, заставляя забыть остальное. Имя, слава были уже у него въ рукахъ. И какое имя, какая слава! И что-жъ, достаточно было нѣсколькихъ трезвыхъ словъ, двухъ-трехъ страничекъ человѣка, чуждаго современному разврату искусства, чтобы и это имя, и эта слава разбились какъ стекло подъ ударами палки, не оставивъ ничего, кромѣ жалкихъ осколковъ. Онъ было заперся,— но вѣчное зрѣлище его этюдовъ, по которымъ писались картины,—было ему ненавистно. Онъ уѣзжалъ, уходилъ—и ему чудились теперь повсюду косые взгляды, насмѣшки... Никто не замѣчалъ его, а ему казалось, что всѣ указываютъ на него пальцами. За нимъ часто слышалось его имя—и онъ прибавлялъ шагу, преслѣдуемый образами и голосами, созданными его воображеніемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ послалъ артельщика взять его картины. Что онъ сдѣлаетъ съ ними — онъ не зналъ еще. Но въ его ушахъ раздавались безпрестанно слова Ивана Афанасьевича:

— Хочешь спасти душу — поди сожги все, что написалъ. Искупленіе даромъ тебѣ не дастся. Уничтожь, чтобы и слѣда не было... Лучше спиться, какъ я, чѣмъ развратничать талантомъ и мыслью. Я себя гублю одного,—а ты цѣлое поколѣніе, свѣжихъ людей портишь!

Отвѣтъ Сергѣй Николаевича привелъ его въ отчаяніе. Онъ до одури ходилъ изъ угла въ уголъ, не зная что ему дѣлать.

Голова опять болѣла, сердце щемило, такъ что онъ боялся упасть и останавливался, дѣлая усилія отдышаться. Въ немъ, незамѣтно для него самого, росла какая-то рѣшимость, безповоротная и смѣлая, во что бы то ни стало покончить съ этимъ... Во что бы то ни стало! Кто-бы ни сунулся между нимъ и его желаніемъ, его приговоромъ—онъ сотретъ прочь всякое препятствіе и сдѣлаетъ по-своему. Пусть вслѣдъ затѣмъ ему выпадутъ долгіе годы лишенія, даже нищеты. Пусть за-

вистъ однихъ, торжествующая и окрыленная, презрѣніе другихъ, насмѣшки третьихъ клеймятъ его—ему все равно. Онъ хочетъ смотрѣть прямо въ глаза честнымъ людямъ, быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до злосчастныхъ минутъ его короткаго и постылаго торжества... Онъ считалъ себя наказаннымъ за себялюбіе и эгоизмъ. Въ мечтахъ о будущемъ доселе онъ отводилъ очень мало мѣста добру, служенію истинной красотѣ. Вездѣ и во всемъ ему рисовалась собственная его особа въ ореолѣ удачъ, извѣстности, богатства... Глядя въ окна на спящій городъ, на этотъ океанъ кровель, куполовъ, улицъ и площадей, онъ не думалъ о тѣхъ, кто дышалъ на нихъ и подъ ними. Онъ хотѣлъ счастья себѣ одному—и на нѣсколько дней получилъ его... Но стоило-ли оно, чтобы желать его и стремиться къ нему—онъ теперь видитъ самъ, завидуя каждому бѣдняку, задумывающемуся о кускѣ хлѣба на завтра... Какъ-бы Костецову хотѣлось перемѣниться съ нимъ участью, Костецову, заваленному заказами, ему, которому стоитъ только подавить въ себѣ эту покаянную муку, чтобы никогда больше не знать нужды, ворочать тысячами, жить подъ яркимъ солнцемъ и голубыми небесами... Да, если это—кара судьбы — то кара справедливая. Онъ ее видитъ. И еще не все для него потеряно. Тотъ-же Калитинъ признаетъ его заблуждавшимся, но не падшимъ. Каждый можетъ споткнуться. Кто это сказалъ, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ?.. «Завтра» рѣшитъ все. Надо только вооружиться силой. Пусть огласка, пусть скандалъ. Если хочешь разомъ разорвать съ прошлымъ, надо идти на все. Чтобы и возврата къ нему не было...

«Завтра» это наконецъ пришло.

Онъ заснулъ на разсвѣтѣ, не раздѣваясь. Какъ убитый пролежалъ часа три-четыре и также разомъ проснулся, точно его кто-то посторонній ударилъ или толкнулъ. Ощущеніе это было такъ дѣйствительно, что онъ вскочилъ на ноги и оглянулся: кто тутъ?.. Сегодня день былъ хорошій и зимнее солнце заливало всю его комнату живымъ золотомъ... Подъ нимъ его этюды загорѣлись и точно одухотворенныя воскресли для новой жизни. Заблестѣли краски, выпуклѣе выступили фигуры. Всякаго другого это настроило-бы на иной ладъ, но на лицѣ Костецова даже не разгладились и морщины. Онъ еще сумрачнѣе взглянулъ на свои работы. Равнодушно обошелъ сброшенный вчера на полъ мольбертъ съ начатою картиной, даже нарочно швырнулъ что-то на лицо изображенной на ней женщины и позвонилъ...

— Я ухожу... на цѣлый день. Кто пріѣдетъ—скажите уѣхалъ въ Москву.

Чортъ знаетъ что у меня въ головѣ. «Ухожу», «уѣхалъ»... Цѣлый день—и въ Москву.

— А спросятъ ежели: когда вернется?

— Не скоро... Если Словцовъ—примите, пусть обождетъ... Вечеромъ буду.

Онъ не замѣтилъ, какими странными глазами взглянула на него горничная, когда онъ проходилъ мимо.

— Сегодня холодно очень, морозитъ!

— Ну?

— Вы пальто надѣли. Шубу лучше.

— Все равно—дайте шубу.

Спустился, попалъ на улицу, залитую солнцемъ, подъ холодное зимнее, но безоблачное небо, и вдругъ ему стало весело... Теперь онъ ужъ не боялся того, что онъ долженъ сдѣлать сейчасъ...

Сергѣй Николаевичъ сидѣлъ въ бюро съ юркимъ и бойкимъ малымъ...

— Вы знаете, такъ отдѣлайте Калитина, чтобы ему было не повадно.

— Да ужъ будьте спокойны—подъ орѣхъ!

— Напомните ему, какъ онъ, двѣнадцать лѣтъ назадъ, разругалъ картины Айвазовскаго, которыя тотъ и выставлять не думалъ.

— У меня весь его формуляръ въ памяти... Такихъ левіафановъ вытащу оттуда—осатанѣетъ старикъ. Тоже и за нимъ блохъ до пропасти!

— А то это Богъ знаетъ что... Прочтите его статью о Костецовѣ. До неприличія даже!..

— Ваше высокоблагородіе! Влетѣлъ сторожъ какъ угорѣлый.

— Что тебѣ? что случилось?—вскочилъ Сергѣй Николаевичъ.

На сторожѣ лица не было. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, весь блѣдный.

— Я не виноватъ. Что-же я могу... Ихъ картины.

— Да говори, дуракъ, толкомъ.

— Господинъ Костецовъ...

— Ну.

— Свою картину ножемъ... Ей Богу. Съ ума сошли. Публика кричитъ. А онъ знай кромсаетъ.

— За полиціей скорѣй!

— Ефремъ побѣжалъ уже...

Сергѣй Николаевичъ кинулся въ залы. Тамъ стоялъ шумъ. Публика торопилась куда-то, волнуясь и громко выражая свое негодованіе. «Помилуйте, да это самъ авторъ». «Все равно, онъ не въ правѣ». «Должно быть, спятилъ, бѣдняга». «Никакого надзору нѣтъ»!.. У насъ хоть всю выставку уничтожь, кому дѣло?.. Вонъ онъ, вонъ онъ»...

Околодочный велъ Костецова. Петръ Фомичъ шелъ спокойно. Онъ видимо мало обращалъ вниманія на то, что творится кругомъ. На лицѣ

его отражалось нѣчто такое, отчего Сергѣй Николаевичъ даже попятился.

— Костецовъ, что вы надѣлали?

— Прикажите прежде всего освободить меня. Мои картины не проданы, и я вправѣ дѣлать съ ними что хочу.

— Пойдемте въ бюро. Вы можете оставить г. художника.

— Помилуйте, мнѣ сказали протоколъ.

— Никакого не будетъ... Что вы надѣлали, Петръ Фомичъ!

— Совѣтую и всѣмъ тоже. Потому что, кромѣ гадости, ничего здѣсь нѣтъ... Съ этимъ надо кончить разомъ. Прислали бы вчера ихъ, и скандала бы не было. А теперь, пеняйте сами на себя.

— Подумайте что завтра будетъ въ газетахъ.

— А это ужъ ихъ дѣло!..

И Костецовъ налилъ себѣ воды и жадно ее выпилъ.

— Фу, точно гора съ плечь!..

Вас. Немировичъ-Данченко.

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ II.

Художественныя *открытія* Толстого (народные типы въ «Казакахъ»).

I.

Какъ въ жизни Оленина былъ періодъ, когда онъ бѣжалъ отъ «свѣта» и жаждалъ «опрощенія», такъ и въ творчествѣ Толстого была эпоха, когда онъ искалъ новыхъ впечатлѣній и объектовъ для творчества, діаметрально-противуположныхъ тѣмъ, въ кругу которыхъ до тѣхъ поръ оно вращалось. Какъ художникъ, Толстой искалъ и нашелъ на Кавказѣ, въ казацкой станицѣ, то самое, чего искалъ тамъ и нашелъ Оленинъ, какъ человѣкъ и питомецъ великосвѣтской среды. Разница только въ томъ, что послѣдній въ своихъ стремленіяхъ и мечтахъ потерпѣлъ фіаско, между тѣмъ, какъ первый вышелъ изъ коллизіи съ полнымъ тріумфомъ—создавъ высокохудожественные, граничащіе съ геніальностью образы казацкихъ типовъ и картины станичной жизни.

Здѣсь все, начиная съ простого, не претендующаго на художественность и поэтичность описанія станицы въ главахъ IV-й и V-й, отмѣчено необыкновенной свѣжестью впечатлѣній, поразительной яркостью красокъ, цѣльностью, живой характерностью образовъ. По всему видно, что художникъ воспринималъ новыя для него впечатлѣнія не однимъ холоднымъ умомъ любознательнаго туриста, а всею душою, которая жадно ихъ поглощала и гдѣ заранѣе была готова психологическая форма для ихъ воспріятія.

Какъ-бы ни были своеобразны, значительны и ярки новыя, представляющіяся человѣку, впечатлѣнія,—онъ ими заинтересуется, переработаетъ и объяснитъ себѣ ихъ только въ томъ случаѣ, если они ему психологичсски нужны и если у него уже есть другой запасъ воспріятій, могущій служить для новыхъ орудіемъ и формою апперцепціи. Нужно, чтобы новыя явленія не были случайнымъ и безразличнымъ зрѣлищемъ для наблюдателя, и чтобы послѣдній не былъ для нихъ равнодушнымъ зрителемъ,—нужно, чтобы было нѣкоторое психологическое сродство, извѣстная Wahlverwandtschaft между прежнимъ содержаніемъ души наблюдателя и новымъ, впервые ему открывающимся матеріаломъ воспріятій. Въ такихъ именно условіяхъ и находился Толстой, когда наблюдалъ станичную жизнь и народные типы, воспроизведенные въ «Казакахъ». Прежнее содержаніе его души дано въ психологіи Оленина, съ которою мы познакомились въ первомъ очеркѣ. На вопросъ: какими движеніями мысли и чувства, какимъ душевнымъ запросомъ и какой мечтою апперцепировалъ Толстой новыя для него впечатлѣнія, изображенныя въ «Казакахъ?»—мы отвѣтимъ такъ: всѣмъ, что дано въ Оленинѣ,—стремленіями его мысли, ищущей новыхъ впечатлѣній, прямо противуположныхъ тѣмъ, которыми она до тѣхъ поръ питалась, исканіями его души, утомленной жизнью въ свѣтѣ, его мечтою объ опрощеніи и нравственномъ идеалѣ. Такая «форма апперцепціи» не была исключительно головною,—она охватывала всю душу, она основывалась на психологическихъ потребностяхъ, на своего рода духовномъ голодѣ и духовной жаждѣ. Оттуда это непроизвольное, не нарочитое, какъ-бы само собою, точно здоровый органическій процессъ, осуществившееся поглощеніе новыхъ воспріятій, которыя неудержимо проникаютъ въ душу, тотчасъ-же находятъ тамъ ожидающую ихъ психологическую форму и, сливаясь съ нею, быстро перерабатываются въ живые и яркіе образы. Не виденъ «сочиняющій авторъ», который-бы старался получше изобразить эти фигуры,—но видна живая и живьемъ воспринимающая душа художника (она-же и душа человѣка), въ которой эти образы сами проявились, потому что нельзя было имъ не проявиться. Писателю оставалось только снять съ нихъ копію помощью литературныхъ средствъ, чтобы они могли стать достояніемъ читателя. Послѣдній воленъ, конечно, понимать и оцѣнивать ихъ по своему; но если онъ хочетъ понять и прочувствовать ихъ такъ, какъ они были апперцепированы душою художника, то онъ долженъ живо представить себѣ тотъ фонъ, на которомъ они проявились у Толстого,—онъ долженъ постоянно имѣть въ виду психологію Оленина и сквозь ея призму смотрѣть на типы казаковъ и картины станичной жизни. Въ этомъ условіи сказался *субъективизмъ* Толстого, проявившійся даже здѣсь, въ созданіи этихъ, столь противуположныхъ самому автору, образовъ. Не то—у Тургенева, въ «Запискахъ охотника»:

выведенные тамъ народные типы не требуютъ отъ читателя, чтобы онъ, для полнаго ихъ пониманія, считался съ психологіей автора и становился на его точку зрѣнія. Поэтому эти образы мы и называемъ *объективными* въ собственномъ смыслѣ, между тѣмъ, какъ народные типы Толстого должны быть признаны лишь *относительно объективными*—по сравненію съ тѣми, которые были построены исключительно на данныхъ самонаблюденія или воспроизводятъ психологію среды, воспитавшей Толстого.

Постараемся нагляднѣе показать необходимость при чтеніи «Казаковъ» держаться субъективной точки зрѣнія автора.

Вотъ маленькая сценка изъ станичной жизни въ концѣ главы V-ой (разговоръ двухъ старыхъ казачекъ, изъ котораго мы узнаемъ кое-что о Маріанкѣ и Лукашкѣ), вотъ—въ главѣ VI-ой и VII-ой—сцены на Нижне-Протоцкомъ посту, Лукашка «урванъ», старый дядя Ерошка, Назарка и другіе. Всѣ эти лица, впервые являющіяся передъ читателемъ, ничего пока не дѣлаютъ, только по своему разговариваютъ о своихъ дѣлахъ и заботахъ, обмѣниваются случайными замѣчаніями и т. д. Но этого достаточно, чтобы читатель сразу получилъ живое, хотя пока еще отрывочное представленіе о нихъ, о ихъ бытѣ и нравахъ. Прочитанныя отдѣльно, эти сцены оставляютъ впечатлѣніе этнографическаго наброска въ художественной формѣ и вызываютъ въ читателѣ нѣчто въ родѣ того заинтересованнаго любопытства, какое возникаетъ напр. при чтеніи путешествій, гдѣ описываются бытъ и нравы некультурныхъ племенъ. Чтобы изъ такого любопытства получился искомый эффектъ, нужно читателю стать сперва на точку зрѣнія Оленина: ему нужно подойти къ этимъ людямъ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ, найти въ нихъ нѣчто такое, что отложилось-бы въ сознаніи въ видѣ живого душевнаго интереса. Если вамъ до тошноты прискучили тѣ формы жизни и тѣ типы людей изъ общества, среди которыхъ вы живете, и вами овладѣло страстное желаніе перенестись въ другую жизнь, діаметрально-противуположную,—то вы уже иначе, не съ однимъ лишь этнографическимъ интересомъ или любопытствомъ туриста, отнесетесь къ этимъ народнымъ типамъ. Вы начнете искать въ нихъ чего-то болѣе чѣмъ любопытнаго, вы будете чего-то ожидать отъ нихъ для себя, для переработки вашего внутренняго міра. Эти ваши исканія и ожиданія могутъ и не совпадать съ тѣми, которыя двигали Оленинымъ,—но все-таки вы уже стали на аналогичную точку зрѣнія, вы заняли соотвѣтственную психологическую позицію. Для наибольшаго приближенія къ позиціи Оленина, нужно представить себѣ ту жизнь въ «свѣтѣ», отъ которой онъ бѣжалъ, да еще не мѣшаетъ перенестись мысленно въ 50-е годы, когда—передъ великою реформою—«открывали» и изучали народъ, когда ознакомленіе съ типами той части русскаго народа, которая никогда въ

рабствѣ не была и вѣками воспиталась въ традиціяхъ воинственной свободы, представляло особливый и общественный, и психологическій интересъ. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ князя Нехлюдова—онъ-же и Оленинъ—вдругъ, послѣ горькаго опыта въ деревнѣ, перенесшагося въ казацкую станицу: какъ отдохнула-бы его тоскующая душа въ общеніи съ полудикимъ, вольнолюбивымъ, по своему гордымъ народомъ, столь непохожимъ на захудалый крѣпостной народъ!

Читатель легко пойметъ, что, при такихъ условіяхъ, радикально измѣнилось-бы его отношеніе къ казакамъ,—и этнографическая картинка получила бы въ его глазахъ совсѣмъ иное освѣщеніе и иной, болѣе глубокій, смыслъ.

Художественныя произведенія нужно *умѣть* читать, какъ нужно умѣть слушать музыку или смотрѣть на произведенія живописи. Читателю «Казаковъ» я рекомендовалъ-бы при чтеніи главъ V—VII стать по возможности на только-что указанную точку зрѣнія, чему, конечно, помогаетъ и авторъ, давъ въ предшествующемъ психологію Оленина. Но я-бы посовѣтовалъ помнить и Нехлюдова. При такой подготовкѣ и соотвѣтственномъ настроеніи читателя, слѣдующія главы, VIII и IX-я (выслѣживанія абрековъ и «подвигъ» Лукашки) прочтутся уже не какъ простое продолженіе этнографическаго очерка, а какъ художественно-психологическое изслѣдованіе, немногими ловкими и смѣлыми пріемами раскрывающее грубый, но здоровый духъ этихъ «дѣтей природы»,— наивный и простой, чуждый рефлексіи и всему, что вноситъ высшая культура, но далеко не лишенный своеобразнаго развитія, содержанія и индивидуальности. Это не безразличная масса, гдѣ всякій Иванъ похожъ на всякаго Петра; въ ней есть личности, натуры, характеры. И дочитавъ до главы X-ой, вы уже будете подготовлены встрѣтить и понять тотъ контрастъ и конфликтъ, которые неизбѣжны между психіей этихъ народныхъ типовъ и сложной, утонченной, склонной къ рефлексіи психіей Оленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы сейчасъ-же поймете, что этотъ конфликтъ ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, который изображенъ въ «Утрѣ помѣщика».

Въ главѣ X-ой (водвореніе Оленина въ станицѣ) вы съ чисто-русскимъ специфическимъ чувствомъ, не поддающимся опредѣленію и едва-ли понятнымъ иностранцу, услышите, какъ славно ругается баба Улита— въ отвѣтъ на привѣтствіе Оленина:—«Здравствуй, матушка! Вотъ я о квартирѣ пришелъ...»—«Что пришелъ? (кричитъ Улита). Насмѣяться хочешь, а? Я-те насмѣюсь, черная на тебя немочь!..» — Оленинъ озадаченъ, но не обижается. Его лакей, Ванюша,—тотъ обиженъ и возмущенъ и находитъ, что это люди—«не русскіе какіе-то». И въ самомъ дѣлѣ: не знаютъ, что такое *баринъ*, шапку не ломятъ, не говорятъ «ваше сіятельство». Не только не оробѣли, не засуетились, въ ручку не поцѣловали,—а прямо-таки ругательски ругаются и гонятъ вонъ.

Непосредственно передъ этимъ «объясненіемъ» съ воинственной бабой, Оленинъ, входя въ домъ, мелькомъ увидѣлъ ея дочь, Марьянку. Высокая и стройная фигура молодой казачки невольно привлекла его вниманіе. «Съ быстрымъ и жаднымъ любопытствомъ молодости онъ невольно замѣтилъ сильныя и дѣвственныя формы, обозначавшіяся подъ тонкою ситцевою рубахой, и прекрасные черные глаза, съ дѣтскимъ ужасомъ и дикимъ любопытствомъ устремленные на него...» Послѣ отповѣди старухи, когда онъ выходилъ изъ дому, «Марьяна, какъ была въ одной розовой рубахѣ, но уже до самыхъ глазъ повязанная бѣлымъ платкомъ, неожиданно шмыгнула мимо него изъ сѣней. Быстро постукивая по сходцамъ босыми ногами, она сбѣжала съ крыльца, пріостановилась, порывисто оглянулась смѣющимися глазами на молодого человѣка и скрылась за угломъ хаты...»

Таковы были первыя впечатлѣнія Оленина въ станицѣ: строптивая, ругающаяся баба, столь непохожая на крѣпостныхъ бабъ, и эта молодая дикарка, промелькнувшая какъ видѣніе. И, конечно, Оленинъ сразу почувствовалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ перенесся куда-то за тридевять земель отъ «цивилизаціи», «свѣта» и крѣпостного права и попалъ въ своеобразную и неподатливую среду, живущую самобытной жизнью, — среду людей, которые имѣютъ то, чего вообще такъ мало въ Россіи,— свою *гордость* и свой особый, нешаблонный складъ духа, представляющійся загадочнымъ и по своему значительнымъ. Это чувствуется въ самомъ способѣ изображенія, прежде всего—въ той по истинѣ гомеровской пластикѣ, полной выразительности и движенія, съ которою описано первое появленіе Марьянки. Ниже увидимъ, что такъ именно рисуются она и ея суженый, Лукашка, и въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, это фигуры «скульптурныя»,—и мы, если можно такъ выразиться, не читаемъ о нихъ, а созерцаемъ ихъ и, любуясь ими, какъ изваяніями, догадываемся объ особенностяхъ скрытаго въ этихъ «мраморахъ» духа.

Но о нихъ рѣчь впереди; на очереди у насъ другая фигура, во многихъ отношеніяхъ представляющая еще бо́льшій интересъ. На другой-же день, послѣ водворенія своего въ домѣ хорунжаго, Оленинъ знакомится съ дядей *Ерошкой*, который съ первыхъ-же словъ долженъ былъ произвести на молодого офицера сильное и своеобразное впечатлѣніе.— «*Кошкильды!*» сказалъ старый казакъ, входя въ комнату.—«*Кошкильды!*» отвѣтилъ Оленинъ и подалъ ему руку.—«Дуракъ!» отвѣчаетъ ему Ерошка: «порядковъ не знаешь: коли тебѣ *кошкильды* говорятъ, ты скажи: *алла рази бо сунъ,* спаси Богъ. Я тебя всему научу, продолжалъ старикъ.— Такъ-то былъ у насъ Илья Мосеичъ, *вашъ, русскій,* такъ мы съ нимъ кунаки были. Молодецъ былъ, пьяница, воръ, охотникъ... Я его всему научилъ...»

Своеобразная фигура стараго дяди Ерошки (оригиналомъ для кото-

рой послужилъ Толстому казакъ Епишка, пріятель и чичероне Льва Н. на Кавказѣ) ярко обрисована въ главѣ XI-ой, въ разговорѣ съ нимъ Оленина, завязавшемся послѣ только-что приведеннаго вступительнаго привѣтствія. Все, что узнаетъ Оленинъ отъ Ерошки, и то, что открывается ему въ самомъ старикѣ, должно было казаться молодому офицеру странным, необычайнымъ, превосходящимъ всѣ его ожиданія. Онъ узнаетъ, что попалъ въ среду замкнутую, старовѣрческую, съ презрѣніемъ и недоброжелательствомъ относящуюся къ пришлымъ людямъ, къ *мірскимъ, русскимъ*, къ солдатамъ и офицерамъ въ особенности. Ему становятся понятными мотивы, побудившіе старую Улиту гнать его вонъ, и даже отдѣльныя выраженія расходившейся бабы, въ родѣ: «не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ... табачищемъ домъ загадить» и пр. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ узнаетъ, что эти замкнутые въ своемъ быту люди далеко не представляютъ собою типичныхъ фанатиковъ-сектантовъ, и что въ ихъ средѣ возможно возникновеніе болѣе широкихъ взглядовъ на вещи. Живымъ доказательствомъ этому является самъ дядя Ерошка. Бывалый, умудренный опытомъ старикъ обнаруживаетъ всѣ признаки природнаго ума и способности къ сужденіямъ здравымъ, человѣчнымъ, независимымъ. Онъ говоритъ Оленину: «нашъ народъ анафемскій, глупый народъ,—они васъ не за людей считаютъ. Ты для нихъ хуже татарина. Мірскіе, молъ, русскіе. А помоему хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь...» Своеобразна и въ высокой степени любопытна философія и этика этого человѣка, добытыя собственнымъ его некультурнымъ умомъ, безъ помощи какихъ-бы то ни было книгъ и вліяній со стороны. Когда въ отвѣтъ на его предложеніе «достать» Оленину «красавицу», послѣдній замѣчаетъ, что это «грѣхъ»,— старикъ говоритъ: «Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? На хорошую дѣвку глядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ?.. Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасеніе! Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все онъ, батюшка, сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она и сдѣлана, чтобы ее любить, да на нее радоваться. Такъ-то я сужу, добрый человѣкъ!» (Глава XII-я).

Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе открывается Оленину оригинальный внутренній міръ этого человѣка, не чуждый самоуглубленія и нѣкоторыхъ высшаго порядка мыслей и чувствъ. Такъ, когда Лукашка, убивъ чеченца, гуляетъ и поетъ, старикъ замѣчаетъ: «Это, знаешь, кто поетъ? Это Лукашка-джигитъ. Онъ чеченца убилъ; то-то и радуется. И чему радуется?.. Муракъ, муракъ!..—А ты убивалъ людей?—спросилъ Оленинъ. Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.—Чортъ!—закричалъ онъ на него:—что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудрено!—Что за люди, что за жизнь!—подумалъ Оленинъ» (гл. XIV-я). А вотъ и религіозная

философія этого человѣка, родившагося и выросшаго въ старообрядческой средѣ: «...Я бывало со всѣми кунакъ,—разсказываетъ онъ Оленину,—татаринъ—татаринъ, армянинъ—армянинъ, солдатъ—солдатъ, офицеръ—офицеръ, мнѣ все равно, только-бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ міра сообщенія: съ солдатомъ не пей, съ татариномъ не ѣшь...—Кто это говоритъ?—спросилъ Оленинъ.—А уставщики наши... А муллу и кадія татарскаго послушай. Онъ говоритъ: вы невѣрные гяуры, зачѣмъ свинью ѣдите? Значитъ, всякій свой законъ держитъ. А помоему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ бери. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаетъ. А намъ говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь...—Что̀ фальшь?—спросилъ Оленинъ.—Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, былъ старшина—кунакъ мнѣ былъ... Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говоритъ, трава выростетъ на могилкѣ—вотъ и все...» (гл. XIV-я). Любопытны также нелишенныя поэтичности разсказы старика о его охотничьихъ впечатлѣніяхъ, о тѣхъ чувствахъ и мысляхъ, которыя бывало возникали въ немъ, когда онъ «караулилъ» ночью, подстерегая звѣря. Подстерегъ онъ, напр., стадо дикихъ свиней и только-что хотѣлъ «стрѣлить», какъ свинья вдругъ фыркнетъ на своихъ поросятъ: «бѣда, молъ, дѣтки, человѣкъ сидитъ»,—и, къ великому огорченію охотника, «затрещали всѣ прочь по камышамъ». Это даетъ поводъ къ слѣдующему разсужденію: «Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, даромъ-что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ, не замѣтитъ, а свинья, какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуетъ и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она—свинья, а все она не хуже тебя,—такая-же тварь Божья. Эхъ-ма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!—повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался». Въ несомнѣнной связи съ этими воззрѣніями, посвоему широкими и свободными, развилось въ душевномъ обиходѣ этого человѣка, всю жизнь проведшаго среди грубыхъ и кровавыхъ впечатлѣній, рѣдкое по своей утонченности *чувство жалости, состраданія*. «А то разъ,—повѣствуетъ онъ,—сидѣлъ на водѣ, смотрю, зыбка сверху плыветъ. Вовсе цѣлая, только край отломанъ. То-то мысли пришли! Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой чортъ: взялъ за ножки, да объ уголъ. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ!.. И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку

бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить...» И, подъ вліяніемъ этихъ мыслей и воспоминаній, глубоко задумался старикъ. Задумался и Оленинъ и, «спустившись съ крыльца, заложивъ руки за спину, сталъ молча ходить по двору. А старикъ, очнувшись, поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.—Дура, дура!—говорилъ онъ.—Куда летишь?.. Сгоришь, дурочка! Вотъ сюда лети, мѣста много,—приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами поймать ея крылышки и выпустить.—Сама себя губишь, а я тебя жалѣю» (гл. XV-я).

Эти цитаты говорятъ сами за себя и длинныхъ комментаріевъ не требуютъ. Имъ нужно только подвести итогъ. Что такое дядя Ерошка, какъ художественный образъ, съ точки зрѣнія субъективнаго творчества Толстого? Что такое художественный образъ дяди Ерошки самъ по себѣ, какъ созданіе творчества объективнаго,—каковъ интересъ, представляемый имъ для насъ?

Прежде всего это—одна изъ великолѣпнѣйшихъ фигуръ, созданныхъ Толстымъ, одно изъ блистательныхъ его открытій—въ сферѣ тѣхъ психологическихъ и бытовыхъ явленій, которыя для него были чуждыми, посторонними, къ изученію и воспроизведенію которыхъ онъ обращался, влекомый живымъ стремленіемъ выйти изъ тѣсныхъ границъ субъективной сферы.

Оленинъ встрѣтилъ въ дядѣ Ерошкѣ, Толстой открылъ въ немъ цѣлую залежь душевныхъ формацій, къ общенію съ которыми первый стремился, какъ человѣкъ извѣстнаго круга, а второй—и какъ человѣкъ, и какъ художникъ.

Оленинъ-Толстой бѣжалъ отъ «цивилизаціи», отъ великосвѣтской, столичной жизни: ему нужна была дикая природа и человѣкъ, живущій въ постоянномъ и живомъ общеніи съ нею. Въ этомъ отношеніи дядя Ерошка, этотъ, по выраженію хорунжаго, ***Нимвродъ египетскій, ловецъ предъ господиномъ***, удовлетворялъ Оленина-Толстого въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе представители станичной жизни. Хорунжій, начетчикъ, претендующій на образованность, скопидомъ и хозяинъ, Лукашка-джигитъ, натура непосредственная, типичный представитель казацкихъ нравовъ и станичнаго быта, Назарка и всѣ прочіе—все это люди, выросшіе и сложившіеся среди данныхъ формъ быта и традицій и столь-же крѣпко сидящіе въ ихъ тискахъ, какъ представитель великосвѣтскаго круга сидитъ въ своихъ культурныхъ тискахъ. Традиціонные взгляды на вещи, исторически-сложившіяся формы отношеній сковываютъ ихъ внутренній міръ и подавляютъ свободное развитіе чувства и мысли не меньше, если не больше, чѣмъ въ любомъ цивилизованномъ обществѣ. Здѣсь свои «избитыя дорожки», которыхъ такъ не любитъ Оленинъ, здѣсь свой «хомутъ»,

который такъ противенъ ему. Здѣсь, какъ и вездѣ, бытовая, сословная, профессіональная формація личности подавляетъ и ограничиваетъ ея общечеловѣческое и индивидуальное развитіе. Но дядя Ерошка является блестящимъ исключеніемъ. Онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такой-же отщепенецъ отъ своего общества, какъ Оленинъ—отъ своего. Онъ выше своей среды и умомъ, и чувствомъ,—какъ и Оленинъ въ тѣхъ-же отношеніяхъ выше своей. И потому они оба одиноки, оба не поняты. Рѣчи Ерошки на тему о томъ, что всѣ люди равны, и звѣрь не хуже человѣка,—остаются его личными свободными мнѣніями, которыхъ не поймутъ и не раздѣлятъ ни Лукашка, ни хорунжій, ни Назарка. Онъ между ними—человѣкъ особенный, какъ Оленинъ—между своими. Эта аналогія и сближаетъ ихъ, и между ними устанавливается родъ душевнаго тяготѣнія другъ къ другу, которое еще усугубляется въ силу того, что указанная аналогія сопряжена съ яркимъ и притягательно-дѣйствующимъ психическимъ контрастомъ: Оленинъ—человѣкъ неустановившійся, ищущій и мятущійся, дядя Ерошка—человѣкъ сложившійся, спокойный, внутренно-уравновѣшенный,—Оленинъ, при всѣхъ своихъ протестахъ и смѣлыхъ стремленіяхъ,—личность внутренно-связанная «неотразимостью» правъ надъ нею той среды, отъ которой онъ тщетно хочетъ уйти, и сложной, запутанной дѣятельностью его духа, дядя Ерошка—человѣкъ *внутренно-свободный*, непосредственный, самобытный философъ, рѣшившій для себя всѣ вопросы, какіе только возникали въ его умѣ, и нашедшій въ этихъ рѣшеніяхъ успокоеніе и миръ душевный; Оленинъ, уѣхавъ за тысячи верстъ отъ «свѣта», не можетъ избавиться отъ путъ его, Ерошка, оставаясь въ своей средѣ, сумѣлъ освободиться отъ ея оковъ; Оленинъ въ самыхъ своихъ отрицаніяхъ остается аристократомъ и думаетъ и чувствуетъ по-великосвѣтски—не со стороны содержанія мыслей и чувствъ, а что иногда важнѣе—со стороны ихъ психологической, сословной формы, между тѣмъ, какъ дядя Ерошка чувствуетъ и думаетъ по своему: у него нетолько свое *содержаніе* мыслей и чувствъ, но своя особая психологическая ихъ форма, въ которой доведены до минимума черты сословно-бытовыя и остались только національно-этнографическія, правда, очень ярко выраженныя.

Эти указанія на черты сходства и контраста между душевнымъ укладомъ стараго казака и натурою Оленина-Толстого, даютъ намъ въ руки ту аріаднину нить, которая приводитъ насъ къ открытію *субъективной* стороны въ созданіи образа дяди Ерошки. Напомню, во избѣжаніе недоразумѣній, что субъективизмомъ въ творчествѣ я называю не приписываніе выводимому лицу собственныхъ мнѣній и взглядовъ автора, а *внесеніе въ образъ результатовъ своего внутренняго опыта* или-же *какой-нибудь основной черты своей собственной натуры*.

Въ натурѣ Толстого и въ многолѣтней исторіи его внутренняго опыта

весьма видное, можно сказать, первенствующее положеніе занимаетъ слѣдующій душевный процессъ: въ своихъ постоянныхъ исканіяхъ высшей нравственной правды Толстой всегда руководился не то сознаніемъ, не то предчувствіемъ, что эта искомая правда погребена гдѣ-то глубоко въ нѣдрахъ его собственнаго духа, засыпанная и придавленная наносными пластами другихъ психическихъ наслоеній, отложенныхъ «цивилизаціей» вообще и культурою высшаго, аристократическаго класса въ частности. Чтобы увидѣть свѣтъ истины, нужно только пробиться сквозь эту толщу, нужно приподнять и сдвинуть эти наслоенія. Слѣдующее простое соображеніе является на помощь этому трудному предпріятію: въ мужикѣ, который такъ мало причастенъ «цивилизаціи», въ душѣ котораго такъ незначительны ея наслоенія, всечеловѣческая правда должна лежать не такъ глубоко, а гораздо ближе къ поверхности, и мужику, ищущему этой правды, стоитъ только немножко порасчистить верхній слой, чтобы найти ее или по крайней мѣрѣ близко къ ней подойти. Оттуда обращеніе къ народу съ цѣлью подслушать это прозябаніе высшей правды сквозь исторически-отложившіеся, вѣковые, но а priori предполагаемые слабыми, непрочными наносы культуры и быта. Пожалуй, удастся даже подмѣтить кое-гдѣ, какъ этотъ свѣтъ пробивается самъ собою, независимо отъ сознательныхъ усилій человѣка. Поскольку Толстой подходилъ къ народу *съ этой стороны*, руководимый этой точкой зрѣнія, постольку онъ шелъ путемъ субъективнаго творчества. Субъективность была въ самомъ *замыслѣ*. Въ *процессѣ*-же творчества она частью ограничивалась, частью совсѣмъ устранялась *объективными* наблюденіями и вновь появлялась тамъ, гдѣ дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ оправдывала въ извѣстной мѣрѣ надежды Толстого и давала ему въ руки хотя-бы *намеки*, которые какъ-бы уполномочивали его воплощать въ *народныхъ* образахъ столь знакомый ему, *по собственному внутреннему опыту*, процессъ исканія высшей правды внутри себя,—добыванія истины собственнымъ умомъ, освобожденія духа отъ ограничивающихъ и искажающихъ его воздѣйствій культуры.

Чтобы *этимъ* путемъ, при дѣятельномъ участіи указаннаго *субъективнаго* момента, создать изъ *объективныхъ* наблюденій надъ народной жизнью превосходный образъ *дяди Ерошки* и, какъ увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, грандіозную фигуру *Платона Каратаева*, нужно было обладать геніальной художественной интуиціей Толстого, тою, ему одному свойственною, силою художественнаго зрѣнія, которая позволяетъ ему созерцать объективный міръ въ его настоящемъ свѣтѣ—несмотря на то, что между этимъ міромъ и его взоромъ находится среда, казалось-бы, долженствовавшая неминуемо заслонить этотъ міръ или, по крайней мѣрѣ, преломить идущіе отъ него лучи, собственная душа Толстого, столь сложная, столь богатая содержаніемъ, вѣчно движущаяся и волнующаяся и потому именно *непрозрачная*.

Не будь у Толстого этого дара геніальной прозорливости, вмѣсто типичной, истинно-народной фигуры дяди Ерошки вышла-бы фигура искусственная, псевдо-народная,—это была-бы часть того-же Оленина, переодѣтаго въ народный костюмъ. И какъ-бы хорошо ни былъ нарисованъ такой образъ съ внѣшней стороны, какъ-бы искусно ни были поддѣланы манеры, языкъ и т. д.,—образъ все-таки вышелъ-бы фальшивымъ и, разумѣется, не представлялъ-бы для насъ того живого интереса, какой присущъ великолѣпной фигурѣ дяди Ерошки. Говоря такъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ даю отвѣтъ на второй, поставленный мною вопросъ: какое значеніе имѣетъ для насъ этотъ образъ, какъ созданіе творчества объективнаго?

Дядя Ерошка—народный великорусскій типъ, обобщающій нѣкоторыя очень любопытныя стороны народнаго духа. Это обобщеніе говоритъ намъ, что не мы одни, люди, причастные европейской цивилизаціи, наукѣ, искусству, литературѣ,—всему, что облагораживаетъ человѣка и дѣлаетъ его гуманнымъ,—способны шевелить мозгами, критически относиться къ вѣками установившимся и господствующимъ въ окружающей средѣ нравственнымъ и инымъ понятіямъ, питать высшія чувства, напримѣръ жалости, состраданія. Критическая мысль и глубина и чуткость душевной организаціи, для которыхъ общечеловѣческое просвѣщеніе является могущественнымъ и незамѣнимымъ орудіемъ и прочной основой, не составляютъ однако монополіи и привиллегіи образованныхъ классовъ. Дядя Ерошка цѣлой головой выше интелигентной толпы и, какъ личность, гораздо интереснѣе и богаче содержаніемъ тѣхъ адептовъ цивилизаціи, у которыхъ образованіе, нерѣдко обширное и разностороннее, отлично уживается съ вялостью мысли и деревянностью чувства. Въ народѣ, невзирая на всѣ неблагопріятныя условія, сохраняется природная энергія мысли и свѣжесть чувства, которыя какъ-бы ждутъ-не-дождутся живительныхъ лучей просвѣщенія — чтобы расцвѣсть и дать сочный плодъ. Горе тому народу, въ которомъ почему-бы то ни было изсякнетъ природный родникъ мысли и чувства, — тогда никакое просвѣщеніе ужъ не поможетъ ему! Этотъ родникъ засаривается и грозитъ изсякнуть тамъ, гдѣ общее душевное самочувствіе людей ненормально, нездраво, гдѣ человѣкъ теряетъ сознаніе своего человѣческаго достоинства, гдѣ его духъ угнетенъ такими разлагающими душевными процессами, какъ напр. страхъ, чувство безпомощности, сознаніе своего безсилія, своего ничтожества. Нетакова среда изображенная Толстымъ въ «Казакахъ»: это общество людей смѣлыхъ, сильныхъ духомъ, съ ярко-выраженнымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, съ здравымъ общимъ душевнымъ самочувствіемъ,— а потому, какъ-бы ни была проста и некультурна ихъ жизнь, какъ-бы ни были грубы ихъ нравы, родникъ живой мысли и человѣчныхъ чувствъ

у нихъ не засоренъ и не изсякнетъ. Въ образѣ дяди Ерошки мы видимъ его олицетвореніе.

Дядя Ерошка—типъ народный, но не мужицкій, не крестьянскій. Это не человѣкъ сохи и страды, это—вольный казакъ, охотникъ, бобыль. Даже отъ своихъ одностаничниковъ онъ отличается въ этомъ отношеніи: тѣ все-таки земледѣльцы и хозяева. У дяди Ерошки хозяйства нѣтъ; онъ промышляетъ охотой и подачками добрыхъ людей, онъ—почти пролетарій, но только совсѣмъ особаго сорта,—такой, котораго душа не угнетена страхомъ нищеты и чувствомъ безпомощности; въ немъ нѣтъ и тѣни той душевной растерянности, которая образуетъ характерную черту сельскаго или городского пролетарія. Человѣкъ бѣдный, но все-таки обезпеченный и независимый, дядя Ерошка въ одно и то-же время свободенъ и отъ гнета нищеты, и отъ того, что Г. И. Успенскій назвалъ «властью земли»: въ самомъ дѣлѣ, характерный душевный складъ русскаго мужика, обусловленный «властью земли», у дяди Ерошки не виденъ. Если ко всему этому прибавимъ еще принадлежность къ той части народа, которая крѣпостного права не знала, да къ тому-же проникнута духомъ старообрядческой независимости, а также — жизнь на окраинѣ въ постоянномъ общеніи съ разными инородцами,—то мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи всю совокупность бытовыхъ условій, благопріятствующихъ образованію той разновидности народнаго духа, которая воплощена въ лицѣ стараго казака-охотника. Эти условія не составляютъ исключительной принадлежности казацкихъ станицъ на Кавказѣ и, съ разными варіяціями, повторяются и на другихъ окраинахъ. Дядю Ерошку мы, конечно, найдемъ—mutatis mntandis—и на сѣверѣ Россіи, и на востокѣ, въ Сибири. Передъ нами люди здоровые и сильные духомъ, здоровые и сильные какъ раса, сохранившіе чувство человѣческаго достоинства и—въ силу всѣхъ этихъ свойствъ, вмѣстѣ взятыхъ,—способные къ своеобразному развитію, умственнному и нравственному. И непремѣнно среди нихъ окажется хоть одинъ независимый философъ, который, подобно дядѣ Ерошкѣ, сумѣетъ стряхнуть съ себя вѣковыя понятія и традиціонные взгляды на Божій міръ, на жизнь, на людскія дѣла—и взглянетъ на все это съ такой свободной и возвышенной точки зрѣнія, какъ дай Богъ иному заправскому мыслителю. Навѣрно въ какомъ нибудь Тарбачатаѣ, кромѣ зажиточности, крѣпкихъ избъ и тучнаго скота, есть еще и свой дядя Ерошка, который говоритъ: «гдѣ грѣхъ? въ чемъ грѣхъ? любить грѣхъ?» и проповѣдуетъ, что татаринъ-ли, русскій ли—все едино, всѣ въ себѣ душу имѣютъ и что всѣхъ нужно жалѣть, неисключая и звѣрей За освобожденіемъ духа человѣческаго въ его цѣломъ ото всего, что угнетаетъ и искажаетъ его, идетъ послѣдовательно освобожденіе въ немъ самомъ его лучшихъ и высшихъ сторонъ, человѣчной мысли и человѣчныхъ чувствъ, отъ подавляющихъ ихъ низшихъ и эгоистическихъ влеченій. Энергія и независимость

мысли и гуманность чувства—это положительная душевная сила, и она можетъ проявиться только тамъ, гдѣ вообще развитіе духа человѣческаго идетъ въ направленіи силы, а не безсилія, гдѣ—помимо мысли и чувства—вырабатываются характеры, хотя-бы и грубые, но въ которыхъ нѣтъ и тѣни дряблости, гдѣ слагаются нравы, хотя-бы и жестокіе, но не приниженные. Пусть дядя Ерошка въ своемъ родѣ отщепенецъ и, по своему душевному складу, личность оригинальная, а не вѣрный представитель своей среды, но онъ психологически возможенъ и даже необходимъ въ этой средѣ,—ибо это среда не дряблая, не оскудѣлая духомъ, и въ ней есть такіе молодцы, какъ Лукашка-джигитъ, и такія сильныя и гордыя женскія натуры, какъ Маріанка.

Эти два образа представляютъ собою художественное выраженіе тѣхъ наблюденій надъ бытомъ и нравами казаковъ, которыя кратко и не въ художественной формѣ резюмированы въ главѣ IV-ой. Тамъ между прочимъ читаемъ: «Живя между чеченцами, казаки перероднились съ ними и усвоили себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру... Еще до сихъ поръ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляетъ главныя черты ихъ характера... Казакъ, по влеченію, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русскій мужикъ для казака есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго образчикъ онъ видалъ въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ малороссіянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ одеждѣ состоитъ въ подражаніи черкесу... Молодецъ казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка и, разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степени развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака, на все-же остальное смотритъ съ презрѣніемъ». Вотъ эти-то наблюденія и повторены въ художественной формѣ—въ образѣ Лукашки, который поэтому и долженъ быть признанъ созданіемъ чисто объективнаго творчества. Этотъ образъ, по способу исполненія, отличается такою-же пластичностью и скульптурностью, какъ и фигура Маріанки. «Лукашка—читаемъ въ гл. VI-ой—былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати... Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу... По широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы, видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ

воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ и знаетъ себѣ цѣну не ниже настоящей.—Порознь черты лица его были не хороши, но, взглянувъ сразу на его статное сложеніе, чернобровое, умное лицо, всякій невольно сказалъ-бы: «молодецъ малый!» Во всѣхъ сценахъ, гдѣ онъ появляется, онъ представленъ такъ, что мы въ одно и то же время и *любуемся* его молодецкой и типично-казацкой фигурой, и ясно видимъ его несложный, но посвоему значительный внутренній міръ. Этотъ эффектъ достигается строгимъ выборомъ и экономіей художественныхъ пріемовъ: Лукашка появляется только тогда, когда это необходимо, говоритъ только то, что въ самомъ дѣлѣ нужно сказать, и самъ авторъ, занятый преимущественно Оленинымъ, говоритъ намъ оченъ мало о молодомъ казакѣ; онъ вообще мало о немъ заботится и предоставляетъ ему самому показать себя въ настоящемъ свѣтѣ. И Лукашка себя въ самомъ дѣлѣ показываетъ: въ выслѣживаніи абрековъ, дома—въ станицѣ, когда онъ кутитъ, балагуритъ съ дѣвками, на свиданіи съ Маріанкой, въ разговорахъ съ Оленинымъ—вездѣ онъ все тотъ-же молодецъ-джигитъ, натура непосредственная, типичный казакъ. Повидимому, онъ очень любитъ Маріанку, но эта любовь не играетъ большой роли въ его душевномъ обиходѣ и совершенно лишена всякой романтической окраски. Онъ любитъ сдержанно и сурово. Такъ-же точно сурова и сдержана любовь Маріанки къ нему. Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу оба они обнаруживаютъ незаурядный *закалъ* душевный. Они ревнуютъ другъ друга, но это ревность самолюбивая, гордая и угрюмая, — у него она обходится безъ той массы мелкихъ мужскихъ чувствъ, съ которыми она неразлучна у многихъ,—у нея—безъ той слезливой и злой нервности, какая такъ характерна для большинства женщинъ.

Въ основѣ превосходнаго образа Марьянки были положены тѣ наблюденія надъ гребенскими женщинами, которыя кратко намѣчены въ гл. IV-ой. «Казакъ (читаемъ тамъ), который при посторонних считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своей бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами... Постоянный мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины».

Эти наблюденія повторены въ художественномъ образѣ Марьянки, написанномъ совершенно такъ, какъ написанъ Лукашка, — съ тою-же экономіей художественныхъ пріемовъ и тою-же авторскою сдержанностью.

Прослѣдите всѣ важнѣйшія сцены, гдѣ она является,—и вы увидите и поймете ее какъ разъ такъ, какъ вы видите и понимаете Лукашку. Вы любуетесь ея величавой, породистой красотою, какъ любуетесь молодецкою фигурой ея возлюбленнаго. Вы чувствуете, что подъ этой внѣшностью скрывается душевный *закалъ*, пожалуй, посильнѣе того, который вы видѣли въ молодомъ казакѣ. Вскорѣ вамъ становится ясно, что, при всей своей непосредственности, Марьяна—натура посвоему глубокая, сильная, безусловно-цѣломудренная. И въ галлереѣ женскихъ типовъ Толстого вы отведете ей одно изъ первыхъ мѣстъ—не только по мастерству исполненія, какъ художественному образу, но и по существу, какъ женскому характеру, какъ личности.

Созерцая эти типичныя фигуры и черезъ нихъ ту среду, лучшія и характерныя стороны которой онѣ воспроизводятъ, вы невольно скажете себѣ: да, это крѣпкая, славная раса, это—народъ, здоровый тѣломъ и духомъ,—и онъ не выродится, не пропадетъ. Пусть эти люди невѣжественны и не пріобщены къ высшей цивилизаціи, пусть мысль ихъ дремлетъ, и высшимъ гуманнымъ чувствамъ нѣтъ у нихъ развитія, если не считать отдѣльныхъ и, конечно, рѣдкихъ явленій въ родѣ дяди Ерошки,—пусть это такъ, но у нихъ есть то, безъ чего сама цивилизація не имѣетъ ни цѣны, ни смысла, а мысль и гуманность невозможна: у нихъ есть *своя гордость и сознаніе своего человѣческаго достоинства.*

Смѣлая, глубокая мысль и широкое гуманное чувство всегда и вездѣ—удѣлъ избранныхъ. Сознаніе своего человѣческаго достоинства должно быть принадлежностью всѣхъ и каждаго. Народъ, у котораго оно есть, не выродится, не захирѣетъ,—все прочее, чего недостаетъ ему, — въ свое время приложится.

Народные типы въ «Казакахъ» не принадлежатъ къ числу очень широкихъ художественныхъ обобщеній: это типы мѣстные, этнографическіе. Въ этомъ отношеніи ихъ нужно поставить на одну доску съ типами великорусскихъ крестьянъ у Тургенева (въ «Запискахъ охотника»), у Писемскаго, у Глѣба Успенскаго: все это художественные образы, имѣющіе цѣнность почти ученаго этнографическаго и бытового изслѣдованія. Но Толстой, въ своихъ стремленіяхъ проникнуть въ самую глубь народнаго духа, пошелъ дальше и—создалъ геніальный образъ мужичка и солдатика *Платона Каратаева*, воплотивъ въ немъ уже не мѣстно-этнографическія, а *общенародныя, великорусскія національныя* черты,—въ общемъ или, лучше, въ своей сущности, тѣ самыя, которыя въ иномъ обличьѣ воспроизведены имъ въ исторической фигурѣ *Кутузова.*

Д. Овсянико-Куликовскій.

Осенняя мелодія.

Городъ закутанъ въ осеннія ризы.
Зданья тѣснятся-ль громадой сѣдой?
Мостъ изогнулся-ль надъ тусклой водой?
Городъ закутанъ въ туманъ свѣтло-сизый.
Бѣлыя арки, навѣсы шатровъ,
Дымъ неподвижный потухшихъ костровъ.
Солнце, какъ мѣсяцъ,—какъ тучи, сады.
Гулъ отдаленной ѣзды.
Гулъ отдаленный, туманъ и покой.

Въ часъ этотъ ранній иль поздній и смутный
Вѣтви безъ шума роняютъ листы,
Сердце безъ боли хоронитъ мечты
Въ часъ этотъ блѣдный, и нѣжный, и мутный.
Городъ закутанъ въ забывчивый сонъ.
Не было солнца, лазури и дали,
Не было пѣсенъ любви и печали,
Не было жизни и нѣтъ похоронъ.
Городъ закутанъ въ серебряный сонъ.

Н. Минскій.

Классификація наукъ.

I.

Исторія опытовъ классификаціи наукъ восходитъ къ временамъ Аристотеля и наполняетъ обширную литературу. Главный интересъ ея заключается въ единствѣ основной идеи и въ разнообразіи методовъ. Представить всѣ существующія человѣческія знанія въ видѣ стройной системы и наглядно выразить взаимную связь между ними, какъ между частями одного цѣлаго, единой науки—такова общая цѣль всѣхъ опытовъ классификаціи наукъ. Но почти каждый авторъ рѣшилъ эту задачу по своему. Упомянемъ изъ этихъ опытовъ наиболѣе интересные по основнымъ пріемамъ.

Бэконъ положилъ въ основу своей классификаціи наукъ классификацію способностей ума (память—воображеніе—разумъ). Отсюда имъ выводятся три основныхъ отдѣла наукъ: 1) исторія, съ раздѣленіемъ ея на гражданскую и естественную, 2) поэзія и 3) философія. Того-же метода держался и Дидро въ своей энциклопедіи. Этотъ пріемъ въ свое время былъ осужденъ Контомъ на томъ основаніи, что человѣческій умъ пользуется всѣми своими главнѣйшими способностями одновременно во всякой дѣятельности. Замѣчаніе правильное; тѣмъ не менѣе и въ мысли Бэкона нельзя не замѣтить зерна истины. Въ самомъ дѣлѣ, и въ созданіи и въ изученіи каждой науки все-таки преобладаетъ какая-нибудь одна способность ума надъ другими: въ исторіи—память, въ математикѣ—разумъ и т. д. Въ пріемѣ Бэкона замѣтенъ намекъ на возможность классифицировать науки по ихъ методу.

Эта мысль развита и положена въ основу классификаціи наукъ Амперомъ. Онъ нашелъ, что познаваемые нами предметы можно разсмотрѣть съ четырехъ точекъ зрѣнія: аутоптической, криптористической, тропономической и криптологической. Было-бы слишкомъ долго разъя-

снять сущность этихъ терминовъ, также какъ и выписывать полностью классификацію Ампера. Ея интересная особенность заключается въ томъ, что она заранѣе опредѣляетъ, какія науки могутъ и должны существовать. По идеѣ Ампера два основныхъ предмета человѣческихъ знаній—міръ матеріальный и міръ духовный, разсматриваемые съ четырехъ точекъ зрѣнія, порождаютъ каждый по четыре отдѣла наукъ: матерія—науки математическія, физическія, естественныя и медицинскія, духъ—науки—философскія, словесныя, этнологическія и политическія; каждый изъ этихъ отдѣловъ дѣлится еще на четыре отдѣла, каждый изъ послѣднихъ, въ свою очередь, на четыре науки. Въ результатѣ оказывается 64 науки о матеріальномъ мірѣ и 64 науки о духовномъ мірѣ. Неестественность такой симметріи въ числѣ наукъ матеріальныхъ и духовныхъ очевидна, но она зависитъ не столько отъ основного пріема классификаціи, сколько отъ того, что авторъ допустилъ отступленіе отъ него въ самомъ началѣ. Именно, дѣля всю область знанія на отдѣлъ о природѣ и отдѣлъ о духѣ, Амперъ руководился не различіемъ въ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ разсматриваются эти два разряда явленій, а различіемъ въ существѣ самыхъ явленій. Такое отступленіе онъ допускалъ и въ деталяхъ классификаціи, пригоняя существующія науки къ готовымъ клѣткамъ своей схемы. При всемъ томъ, изъ классификаціи Ампера можно извлечь замѣчательную гипотезу—что какъ въ созданіи всей системы наукъ, такъ и въ построеніи каждой отдѣльной науки обнаруживается одинъ и тотъ-же планъ.

Контъ кладетъ въ основу своей классификаціи наукъ классификацію явленій природы; въ то-же время онъ устанавливаетъ новый принципъ, въ силу котораго науки представляются въ видѣ послѣдовательныхъ звеньевъ одной непрерывной цѣпи. Впрочемъ, этотъ принципъ высказанъ еще Декартомъ. Классификація Конта считается классическою и въ наше время. Но лучше предоставимъ слово автору: «Позитивная философія—пишетъ Контъ—естественно раздѣляется на пять основныхъ наукъ, послѣдовательность которыхъ опредѣляется необходимой и неизмѣнной ихъ подчиненностью, основанной на простомъ сравнительномъ разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ явленій, независимо отъ какой-бы то ни было предвзятой гипотезы. Науки эти слѣдующія: астрономія, физика, химія, физіологія, и, наконецъ, соціальная физика. Первая изучаетъ самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя и самыя отдаленныя отъ человѣчества явленія; они оказываютъ вліяніе на всѣ другія, сами-же совершенно отъ нихъ не зависятъ. Послѣдняя наука, напротивъ того, изучаетъ самыя частныя, самыя конкретныя явленія, представляющія, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе непосредственный интересъ для человѣчества; она въ большей или меньшей степени зависитъ отъ всѣхъ предыдущихъ, не оказывая на нихъ никакого вліянія. Науки, стоящія меж-

ду этими двумя крайними членами, располагаются по возростающимъ степенямъ спеціализаціи, осложненія и индивидуализаціи явленій, при чемъ одновременно возростаетъ и ихъ послѣдовательная зависимость. Такова внутренняя, общая, основанная на сущности вещей зависимость, связывающая между собой основныя науки». Во главѣ этихъ наукъ Контъ ставитъ математику (къ которой онъ причисляетъ и механику), такъ что полную Контовскую схему наукъ составляютъ не пять, а шесть основныхъ наукъ: математика, астрономія, физика, химія, физіологія и соціальная физика. Необходимо помнить, что классификація Конта обнимаетъ собою только кругъ наукъ, составляющихъ его «позитивную философію». Поэтому вполнѣ понятно, почему въ нее не вошли науки, занимающіяся не столько законами природы, сколько фактами, какъ географія и исторія. Однако, этотъ сознательный пробѣлъ исключаетъ возможность развить схему Конта въ полную классификацію существующихъ наукъ. Независимо отъ этого, въ классификаціи Конта есть и внутреннее противорѣчіе; оно заключается въ опредѣленіи значенія астрономіи. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ астрономіи изъять все, что заимствовано ею изъ механики, физики и химіи, то астрономія превратится въ такую-же науку о фактахъ, какъ и географія. Затѣмъ, зависимость земныхъ явленій отъ астрономическихъ чисто внѣшняя, а не внутренняя, т. е. совсѣмъ иного рода, чѣмъ зависимость явленій физіологическихъ отъ явленій химическихъ. Несмотря на это, схема Конта и, въ особенности, его принципъ имѣютъ громадное значеніе для разрѣшенія вопроса о взаимной связи наукъ.

Спенсеру принадлежитъ попытка примѣнить къ классифицированію наукъ общій пріемъ всякой классификаціи—распредѣлять науки на основаніи сходства и различія главныхъ признаковъ самихъ наукъ, подобно тому, какъ классифицируются виды и семейства животныхъ и растеній. «Если—говоритъ этотъ философъ—науки допускаютъ вообще какую-либо классификацію, то она должна состоять только въ группировкѣ сходнаго и раздѣленіи несходнаго».

Въ дѣйствительности Спенсеръ пошелъ совершенно противуположнымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы изучать и группировать существующія науки, онъ началъ съ того, что разчленилъ общее понятіе науки на три отдѣла—науку абстрактную, абстрактно-контретную и просто конкретную. Классификація Спенсера выражена имъ самимъ въ слѣдующей краткой схемѣ:

Логика Математика	I. Наука абстрактная
Механика Физика Химія и пр.	II. Наука абстрактно-конкретная

Астрономія Геологія Біологія Психологія Соціологія и пр.	III. Наука контретная.

Если мы обратимся къ полной классификаціи Спенсера, изображенной въ трехъ большихъ таблицахъ, то встрѣтимъ множество подраздѣленій, которымъ не соотвѣтствуетъ ни одна изъ существующихъ наукъ и не отыщемъ многихъ наукъ, которыя входятъ въ программы общеобразовательныхъ школъ, а самыя подраздѣленія таблицъ настолько сложны и многочисленны, что полная классификація Спенсера, не только не даетъ яснаго представленія о естественной связи и послѣдовательности наукъ, а скорѣе запутываетъ то представленіе, которое получается изъ его краткой схемы. Не смотря на всѣ старанія Спенсера не имѣть ничего общаго съ Контомъ, въ этой схемѣ нельзя не замѣтить вліянія Контовскихъ идей, и только съ этой точки зрѣнія ей можно придать нѣкоторое значеніе. За Спенсеромъ остается та заслуга, что онъ опредѣлилъ разницу между общими и отвлеченными понятіями. Благодаря этому, третій отдѣлъ наукъ у Спенсера точнѣе выражаетъ принципъ Конта, чѣмъ собственная схема Конта. Затѣмъ, основная мысль Спенсера—классифицировать науки по ихъ собственнымъ признакамъ настолько проста, что ея не можетъ опровергнуть даже неуспѣхъ его собственной подробной классификаціи; онъ доказываетъ только, что этотъ принципъ самъ по себѣ не указываетъ опредѣленнаго способа для рѣшенія задачи.

II.

Опыты классификаціи наукъ, главнѣйшіе изъ которыхъ мы только что разсмотрѣли, не привели къ вполнѣ удовлетворительному практическому результату, но они оставили намъ въ наслѣдство достаточное число общихъ принциповъ, которыми вполнѣ умѣстно воспользоваться для новой попытки. Изъ нихъ всего болѣе привлекаетъ вниманіе принципъ Конта. Въ самомъ дѣлѣ, мысль — положить въ основу классификаціи наукъ естественную классификацію явленій—представляется наиболѣе естественной. Однако, очарованіе нарушается, лишь только мы станемъ имѣть дѣло съ существующими науками. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы встрѣтимъ цѣлый рядъ наукъ, разсматривающихъ одни и тѣ-же явленія и предметы, напр. формы и явленія животной и растительной жизни изучаются ботаникой и зоологіей, біологіей, географіей, палеонтологіей и геологіей; съ другой стороны, есть науки, занимающіяся самыми разнородными явленіями, напр. въ географіи можно найти свѣдѣнія о физическихъ явленіяхъ, о минералахъ, животныхъ,

растеніяхъ, политическихъ учрежденіяхъ и явленіяхъ умственной жизни. Наконецъ, если мы обладаемъ болѣе или менѣе удачными классификаціями нѣкоторыхъ разрядовъ предметовъ и явленій, напримѣръ животныхъ или растеній, то только потому, что ихъ выработали спеціальныя науки о животныхъ и растеніяхъ—зоологія и ботаника, такъ что построить классификацію явленій—это то-же самое, что построить классификацію наукъ.

Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, лучше оставить на время спеціальныя науки съ ихъ искусственно обособленными группами явленій и обратиться къ тѣмъ наукамъ, которыя изучаютъ безразлично всѣ явленія природы и жизни въ той естественной связи и взаимной зависимости, которую устанавливаетъ между нами сама природа. Типомъ такихъ наукъ можетъ служить географія; ея предметъ—весь земной міръ, всѣ явленія природы и жизни; но она не классифицируетъ явленій и не вникаетъ въ ихъ внутреннюю сущность, а просто описываетъ ихъ въ той связи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представляются взорамъ наблюдателя. Если географія и задается разъясненіемъ внутреннихъ причинъ нѣкоторыхъ явленій, то она заимствуетъ его изъ спеціальныхъ наукъ, занимающихся этими явленіями. Географія изучаетъ самостоятельно только одинъ родъ зависимости—это связь и зависимость разнородныхъ явленій, проистекающая изъ пространственныхъ отношеній. Явленія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ въ пространствѣ, тѣсно связаны и въ своей внутренней жизни, какъ напримѣръ, почва съ ея растительностью, фауной и населеніемъ; явленія малаго размѣра находятся въ зависимости отъ явленій обширныхъ и всеобщихъ, какъ отъ среды, обусловливающей ихъ существованіе. Эта естественная подчиненность частей цѣлому опредѣляетъ и планъ географіи: она начинаетъ съ описанія всего земного шара, переходитъ къ отдѣльнымъ странамъ и кончаетъ изученіемъ географическихъ единицъ—городовъ и селеній. Съ этой точки зрѣнія астрономія является естественною предшественницею географіи: вся географія въ сущности есть, вѣдь, не болѣе, какъ подробное описаніе одной изъ планетъ, а жизнь земного шара находится въ совершенно такой-же зависимости отъ астрономическихъ явленій, какъ жизнь любой страны отъ общихъ явленій земного шара.

Географія и астрономія составляютъ обѣ вмѣстѣ вполнѣ опредѣленный отдѣлъ наукъ, охватывающій всѣ явленія природы и жизни. Въ этихъ наукахъ господствуетъ опредѣленный методъ пріобрѣтенія знаній—*наблюденіе*; опредѣленный, методъ изложенія—*описаніе*, опредѣленный характеръ выводовъ—они выражаютъ внѣшнюю связь и взаимную зависимость разнородныхъ явленій въ *пространствѣ*; наконецъ, строго опредѣленный планъ систематическаго изложенія—отъ

цѣлаго къ недѣлимому, отъ обширныхъ явленій къ ограниченнымъ. Содержаніе различныхъ отдѣловъ географическихъ наукъ вполнѣ опредѣляется относительной обширностью пространства, которое они описываютъ. Астрономія начинаетъ съ безконечности и кончаетъ раздѣленіемъ земного шара на климатическіе поясы; физическая географія приводитъ къ расчлененію земного шара на океаны, материки и части свѣта. Распространеніе опредѣленныхъ породъ растеній, животныхъ и человѣческихъ племенъ опредѣляетъ границы отдѣльныхъ странъ; наконецъ, общественная и духовная жизнь и практическая дѣятельность людей дѣлитъ страны на политическіе, административные и промышленные районы. Это раздѣленіе, основанное на пространственной подчиненности различныхъ областей міра, приводитъ къ элементарной классификаціи явленій по ихъ существу и выражаетъ общій характеръ ихъ причинной подчиненности. Явленія астрономическія управляютъ физико-географическими; эти—явленіями органической жизни, а послѣднія—явленіями человѣческой дѣятельности. Этотъ порядокъ находится въ полномъ согласіи съ основной мыслью Конта, положенной имъ въ основу классификаціи явленій и классификаціи наукъ. Однако, географическій принципъ не приводитъ ни къ классификаціи явленій, ни къ классификаціи наукъ: въ своемъ раздѣленіи на отдѣльныя спеціальности географія руководится не характеромъ явленій, а существующими границами пространства, установленными природой или политикой, и чѣмъ спеціальнѣе отдѣлъ, тѣмъ большее число явленій онъ захватываетъ, напр. географическое описаніе всего земного шара можетъ обнять болѣе или менѣе полно только физическія явленія, начиная съ геологическихъ и кончая нравственными.

Географическія знанія составляютъ совершенно обособленный отдѣлъ научныхъ знаній съ всеобъемлющимъ содержаніемъ, но съ строго ограниченной задачей. Принципъ этого отдѣла наукъ есть принципъ—*пространства*.

Исторія представляетъ другой примѣръ знаній, обнимающихъ всѣ явленія природы и жизни. Если бы мы обладали полною исторіей міра, то могли-бы, на основаніи ея, возсоздать полную картину міра въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, такъ что описаніе современнаго міра было-бы послѣднею главою его исторіи. Такимъ образомъ историческія науки находятся въ ближайшей связи съ географическими. И тѣ и другія изучаютъ явленія міра въ ихъ естественной наблюдаемой связи, не отдѣляя одинъ разрядъ явленій отъ другого и занимаются установленіемъ внѣшней зависимости разнородныхъ явленій, заимствуя разъясненія внутреннихъ причинъ изъ спеціальныхъ наукъ. Исторія немыслима безъ возстановленія географическихъ картинъ минувшаго, географія также заключаетъ въ себѣ исторію того, что происходитъ теперь

или происходило недавно. Другими словами, исторія есть географія прошедшаго, а географія—исторія настоящаго. Естественный порядокъ изложенія историческихъ знаній въ высшей степени простъ: исторія описываетъ событія и явленія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно происходили и появились, то-есть подчиняется принципу *времени*. Этотъ порядокъ явленій, въ самыхъ главныхъ чертахъ таковъ: 1) планетная система и земля, 2) земная кора и атмосфера, 3) живыя существа—растенія и животныя, 4) человѣческія племена и 5) культурныя общества. Такимъ образомъ научныя данныя исторіи приводятъ къ той-же самой общей классификаціи явленій, которая выводится и изъ географическаго принципа. Но историческій принципъ также не приводитъ къ болѣе подробной классификаціи явленій. Правда, полная исторія всѣхъ существующихъ явленій дала-бы возможность опредѣлить близость или отдаленность ихъ по происхожденію, другими словами, степень ихъ естественнаго родства. Но такой исторіи мы не имѣемъ. Въ настоящее время исторія планетной системы состоитъ изъ двухъ—трехъ гипотезъ, излагаемыхъ въ курсахъ астрономіи, а исторія земли—геологія имѣетъ своимъ главнымъ источникомъ изученіе остатковъ живыхъ существъ, отложившихся одновременно съ минеральными геологическими пластами и участвовавшихъ въ образованіи горъ и материковъ. Дальнѣйшая исторія земли распадается на ряды трактатовъ по исторіи отдѣльныхъ странъ, народовъ и государствъ, то есть подчиняется географическому раздѣленію.—Геологія и исторія составляютъ второй отдѣлъ наукъ, вполнѣ параллельный отдѣлу наукъ географическихъ. Самостоятельная роль историческихъ наукъ по отношенію къ географическимъ опредѣляется ихъ методомъ, содержаніемъ и логическимъ значеніемъ. Методъ, употребляемый исторіею для ея изслѣдованій, сложнѣе географическаго. Географъ описываетъ то, что онъ наблюдаетъ; историкъ долженъ реставрировать событіе или явленіе, розыскавъ документы и вещественныя доказательства и истолковавъ ихъ. Содержаніе исторіи составляетъ совершенно новая область явленій—явленія не существующія въ наблюдаемомъ нами пространствѣ, но существовавшія когда-то. Въ логическомъ отношеніи историческія знанія составляютъ дальнѣйшій шагъ въ изученіи существующихъ явленій, разъясняя ихъ происхожденіе и открывая новый родъ связи между явленіями—наслѣдственность явленій *во времени*.

И географическія и историческія науки, въ чистомъ своемъ видѣ, занимаются исключительно единичными фактами, такъ что словарь географическихъ и историческихъ названій есть словарь собственныхъ именъ. Правда, обѣ эти науки изслѣдуютъ и нѣкоторыя общія причины фактовъ, но каждая изъ такихъ причинъ сама по себѣ представляетъ единичный фактъ, а не логическое обобщеніе. Напримѣръ, существованіе солнца

есть единичный фактъ, хотя этотъ фактъ служитъ общею причиною для массы явленій, наблюдаемыхъ на планетахъ и на землѣ; онъ является общею причиною лишь въ силу пространственной подчиненности явленій. Другой примѣръ: бѣгство Магомета въ Медину было историческою причиною массы явленій, но это также не логическое обобщеніе, не законъ исторіи, а единичный фактъ.

Если географія и исторія и пользуются обобщеніями, то эти обобщенія заимствованы изъ спеціальныхъ наукъ въ готовомъ видѣ. Въ этомъ заключается существенное и главное отличіе чисто географическихъ и чисто историческихъ наукъ отъ спеціальныхъ наукъ. Естественная классификація географическихъ и историческихъ наукъ изображается въ слѣдующей схемѣ:

Географическія:	**Историческія:**
1. Астрономія.	1. —
2. Общее землевѣдѣніе или физическая географія.	2. Геологія.
3. Географія отдѣльныхъ странъ.	3. Исторія отдѣльныхъ странъ.

Дальнѣйшее раздѣленіе географіи и исторіи на отдѣлы, какъ уже было упомянуто, составляетъ задачу самихъ названныхъ наукъ и не входитъ въ задачу общей классификаціи наукъ.

Подробную классификацію явленій мы имѣемъ въ спеціальныхъ наукахъ. Каждая спеціальная наука начинаетъ съ обобщенія: ее интересуютъ не единичныя явленія, а виды и классы. Типомъ такихъ наукъ можетъ служить ботаника. Она изучаетъ строго опредѣленный классъ явленій,—растительный міръ,—и содержитъ въ себѣ подробную классификацію явленій этого класса. Къ этому типу принадлежатъ химія, минералогія, лингвистика и много другихъ наукъ. Главная задача всѣхъ этихъ наукъ,—изученіе внутренней сущности явленій и опредѣленіе внутреннихъ причинъ, т.-е. причинъ, заключающихся въ самой природѣ явленій. Есть науки, построенныя по тому-же типу наукъ, то-есть занимающіяся общими, а не единичными фактами, и изучающія строго опредѣленные классы явленій, но изучающія его съ географической или исторической точки зрѣнія, какъ напримѣръ географія растеній, этнографія или исторія искусствъ. Оставимъ пока эти науки въ сторонѣ и ограничимся типичными спеціальными науками, то-есть тѣми, которыя занимаются изученіемъ внутренней сущности опредѣленныхъ классовъ явленій, независимо отъ распредѣленія ихъ въ пространствѣ и времени.

Существенное отличіе спеціальныхъ наукъ отъ географическихъ и историческихъ состоитъ въ томъ, что онѣ изучаютъ явленія съ новой, болѣе глубокой точки зрѣнія и употребляютъ особые методы. Географъ и историкъ изучаютъ міръ съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя

и стараются *объяснить* себѣ явленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно наблюдается. Спеціалистъ идетъ дальше: онъ старается изучить явленіе настолько, чтобы онъ могъ воспроизвести его искусственно. Всѣ спеціальныя науки тѣсно связаны съ практическими науками, напримѣръ: ботаника—съ агрономіей, зоологія—съ наукою о скотоводствѣ (зоотехніей), изучить химію, какъ науку—это значитъ въ то-же время сдѣлаться и химикомъ—практикомъ, а въ математикѣ быть теоретикомъ и практикомъ—совершенно одно и тоже. Спеціальная наука смотритъ на каждое явленіе природы, какъ на искусственный механизмъ, который можно разобрать на его составныя части и снова воспроизвести искусственно. Методъ спеціальныхъ наукъ—сначала анализъ, затѣмъ—синтезъ. Анализъ преобладаетъ въ наукахъ, еще не достигшихъ совершенства; лишь только онъ завершитъ свою задачу, т.-е. опредѣлитъ главные элементы явленій извѣстнаго рода, какъ наука уже стремится отрѣшиться отъ явленій, наблюдаемыхъ въ природѣ, и занимается синтезомъ; она предсказываетъ, какія явленія можно воспроизвести изъ этихъ элементовъ, и дѣйствительно, воспроизводитъ ихъ въ своихъ лабораторіяхъ. Многія изъ такихъ искусственно воспроизведенныхъ явленій совпадаютъ съ естественными явленіями природы; такимъ образомъ, спеціальныя науки даютъ ключъ къ объясненію явленій природы; другія искусственныя явленія не наблюдаются въ природѣ, но оказываются полезными въ практической жизни; это связываетъ спеціальныя науки съ искусствами и ремеслами.

Немногія науки, какъ наприм. физика и химія, достигли этого идеала; но всѣ спеціальныя науки стремятся къ нему, стараясь, путемъ анализа, разложить изучаемыя ими сложныя явленія на простые элементы, свойства которыхъ уже опредѣлены другими, болѣе совершенными науками, напр. ботаника и зоологія стремятся разложить явленія жизни на болѣе простыя явленія—физическія и химическія.

Такимъ образомъ классификація спеціальныхъ наукъ опредѣляется общимъ принципомъ его строенія: всѣ спеціальныя науки должны нанаходиться во взаимной связи и составлять одинъ непрерывный рядъ, въ которомъ каждая наука представляетъ синтетическое развитіе и усложненіе элементовъ, доставляемыхъ всѣми предшествующими науками. Порядокъ наукъ въ этомъ ряду опредѣляется простотою или сложностью элементовъ, къ которымъ сводятся разсматриваемые ими классы явленій: каждая наука заимствуетъ свои элементы у предшествующей науки и, въ свою очередь, даетъ элементы для послѣдующей. Разумѣется это справедливо только въ идеалѣ, а не въ строгомъ смыслѣ слова. Ни одна изъ современныхъ наукъ не даетъ полнаго объясненія тому, какъ создаются элементы слѣдующей за ней науки; напр. химія не даетъ всѣхъ элементовъ для минералогіи, такъ-какъ она не можетъ объяснить, почему извѣстное вещество кристаллизуется въ той, а не въ иной формѣ, и ни

химія, ни минералогія не объясняютъ вполнѣ формальныхъ и жизненныхъ свойствъ органической клѣточки. Каждая наука самостоятельно заимствуетъ свои спеціальные элементы изъ наблюденія изучаемыхъ ею явленій природы: эти элементы—результатъ обобщенія и анализа, а не продуктъ синтеза. На этомъ основана логическая самостоятельность каждой науки.

Тѣмъ не менѣе всѣ прогрессирующія спеціальныя науки построены на твердомъ убѣжденіи въ единствѣ и полной непрерывности всѣхъ явленій въ природѣ—на убѣжденіи, что элементы всѣхъ наукъ составляютъ различныя степени усложненія однихъ и тѣхъ-же элементовъ, какъ члены одного и того-же математическаго ряда; и это убѣжденіе было главнымъ двигателемъ прогресса наукъ. Опредѣлить математическую или логическую формулу этого ряда и дать частныя формулы для элементовъ каждой науки—это задача теоріи наукъ. Задача классификаціи проще: нужно сравнить элементы всѣхъ наукъ съ точки зрѣнія ихъ сложности и расположить науки въ одинъ рядъ по возрастающей сложности ихъ элементовъ. Современная наука видитъ основные, простѣйшіе элементы явленій въ элементахъ механики: современное научное міровоззрѣніе зиждется на механической теоріи явленій. Но сама механика почти всецѣло есть результатъ математическаго синтеза. Вся-же математика есть искусственное синтетическое созданіе человѣческаго ума, если мы забудемъ, что ея элементы суть результатъ анализа наблюдаемыхъ механическихъ фактовъ. Во всякомъ случаѣ, съ механической точки зрѣнія, элементы математики представляются болѣе простыми; ихъ и слѣдуетъ взять за точку отправленія.

Различныя степени усложненія элементовъ мы видимъ въ самой математикѣ. Элементы алгебры—величина и единица—абсолютно просты, абсолютно отвлечены отъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ пространствѣ и времени и подвергаются неограниченному синтезу. Геометрія уже ограничена реальнымъ пространствомъ; она даетъ такое сложное и близкое къ наблюдаемымъ фактамъ понятіе, какъ понятіе о тѣлѣ. Механика присоединяетъ къ представленію о пространствѣ новое представленіе — о времени, о реальномъ движеніи, вводитъ въ понятіе о геометрическомъ тѣлѣ новое понятіе о массѣ, превращая его такимъ образомъ изъ алгебраической величины третьей степени въ нѣчто вродѣ величины четвертой степени. Физика прилагаетъ синтетическія построенія механики уже къ чувственно наблюдаемымъ явленіямъ вещества, свѣта, тепла и пр. Механическое объясненіе физическихъ явленій сдѣлало въ послѣднее время такіе успѣхи, что физика готова утратить самостоятельность отдѣльной науки и превратиться въ простой отдѣлъ механики. Химія заимствуетъ изъ физики понятіе о веществѣ и ученіе о превращаемости энергіи. Но она отдѣлена отъ физики и механики цѣлой пропастью:

основные элементы вещества,—простыя тѣла, оказываются непревращенными одно въ другое. Тѣмъ не менѣе всѣ свойства простыхъ тѣлъ находятся въ непосредственной связи съ механическимъ свойствомъ — именно, съ массою частицъ; химическіе элементы составляютъ періодическій рядъ, которому недостаетъ только аналитической формулы, а число и свойства всѣхъ возможныхъ химическихъ соединеній вычисляются напередъ посредствомъ математическаго синтеза. Современная химія не ищетъ предметовъ для изученія въ природѣ, а создаетъ ихъ искусственнымъ путемъ. Наконецъ, химія доставляетъ элементы и матеріялъ для минералогіи: почти всѣ химическія соединенія получаются въ видѣ кристалловъ, причемъ каждому химическому соединенію соотвѣтствуетъ опредѣленная форма кристалла. Такимъ образомъ, ученіе о минералахъ является дальнѣйшимъ развитіемъ химическихъ знаній. Тѣмъ не менѣе химія не въ состояніи опредѣлить кристаллическую форму опредѣленнаго химическаго соединенія, пока она не узнана наблюденіемъ; она не въ состояніи и объяснить, почему это соединеніе кристаллизуется въ такой формѣ, а не въ иной. Ни механика, ни химія не даютъ полнаго объясненія процессовъ кристаллизаціи. Поэтому, хотя геометрія напередъ предсказываетъ всѣ возможныя формы кристалловъ, и эти формы дѣйствительно существуютъ, тѣмъ не менѣе минералогія занимается больше изученіемъ минераловъ, существующихъ въ природѣ, чѣмъ систематическимъ воспроизведеніемъ искусственныхъ минераловъ. Эта наука находится еще въ періодѣ анализа.

Минеральный кристаллъ, въ противуположность неорганизованному веществу, уже представляетъ собою опредѣленную индивидуальность, почти организмъ: онъ ростетъ, усвоиваетъ изъ окружающей среды опредѣленныя химическія частицы и, присоединяя ихъ къ себѣ, располагаетъ ихъ по строгому геометрическому плану, опредѣляемому его внутренними механическими формами и силами; наконецъ, отдѣльные кристаллы соединяются въ сростки, которые также обладаютъ опредѣленными формами и представляютъ собою болѣе сложныя кристаллическія индивидуальности. Органическая клѣтка и многоклѣточный растительный организмъ представляютъ собою еще болѣе независимыя индивидуальности. Клѣтка — это не форма, которую извѣстное химическое соединеніе принимаетъ почти самопроизвольно. Это—цѣлая химическая лабораторія. Она воспроизводится только путемъ наслѣдственности отъ другой такой-же формы. Но въ концѣ концовъ анализъ сводитъ большую часть процессовъ растительной жизни къ процессамъ механическимъ, физическимъ и химическимъ. Поэтому ботаника должна стоять рядомъ съ минералогіей, а большая сложность ея элементовъ даетъ ей право только на слѣдующее, высшее мѣсто. Въ объясненіи формъ и процессовъ растительной жизни играютъ уже большую роль внѣшнія соотношенія — вліяніе

среды и историческихъ условій. Современная ботаника находится въ самомъ началѣ стадіи анализа и еще очень недавно она ограничивалась наблюденіемъ, описаніемъ, обобщеніемъ и классификацiей существующихъ формъ.

Зоологія непосредственно примыкаетъ къ ботаникѣ, какъ по методу изученія явленій, такъ и по характеру самыхъ явленій,—это тѣ-же формы и процессы жизни. Существуетъ одно общее и основное различіе между процессами растительной и животной жизни: растенія поглощаютъ механическія колебанія солнечнаго луча и переводятъ его въ скрытый запасъ тепла, накопляя его въ видѣ сложныхъ горючихъ соединеній; животныя поглощаютъ эти сложныя соединенія въ качествѣ своей пищи, разлагаютъ ихъ на болѣе простыя и тратятъ скрытое въ нихъ тепло въ видѣ теплоты своего тѣла и въ видѣ механической работы своихъ подвижныхъ членовъ. Короче — растенія превращаютъ кинетическую энергію въ потенціальную, а животныя—потенціальную энергію въ кинетическую; растеніе—это аккумуляторъ, животное—динамо машина. Именно по этому животное представляетъ изъ себя болѣе сложный біологическій механизмъ, чѣмъ растеніе: въ немъ проявляются совершенно новые физіологическіе элементы мышечной и нервной дѣятельности и, наконецъ, психологическіе элементы сознанія и воли. Животное, сравнительно съ растеніемъ обладаетъ еще болѣе независимою индивидуальностью; растеніе должно или приспособиться къ своей случайной средѣ и пищѣ или погибнуть, — животное самовольно избираетъ себѣ пищу и среду и такимъ образомъ охраняетъ свою индивидуальность отъ вырожденія и гибели.

Физіологія человѣка представляетъ почти буквальное повтореніе данныхъ изъ физіологіи высшихъ животныхъ. Существованіе отдѣльной естественной науки о человѣкѣ объясняется прежде всего, конечно, ея жизненнымъ и практическимъ интересомъ. Она изучаетъ тѣ-же зоологическіе элементы, только въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи и усложненіи; новыхъ, исключительно ей принадлежащихъ элементовъ въ ней нѣтъ. Логическая самостоятельность науки о человѣкѣ основывается на томъ, что человѣкъ представляетъ новую ступень въ развитіи индивидуальности: пользуясь силами природы, человѣкъ не приспособляетъ свою индивидуальность къ внѣшнимъ природнымъ условіямъ, а напротивъ, приспособляетъ среду къ требованіямъ своей индивидуальности. Онъ не простой потребитель запаса энергіи, заготовленнаго для него природою въ видѣ готовой пищи, тепла и пр., нѣтъ,—онъ воспроизводитъ новые запасы пищи и освобождаетъ громадные запасы энергіи, которые безъ его участія не оказали-бы никакого вліянія на жизнь живыхъ существъ. Такимъ образомъ, біологическая роль человѣка совершенно самостоятельна и вполнѣ своеобразна. Эта роль опредѣляется прежде всего физіологи-

ческимъ усложненіемъ человѣческаго организма, приспособленнаго къ специальной и весьма сложной задачѣ—труду и творчеству.

Было время, когда между физіологіей и психологіей была цѣлая бездна; да даже и теперь есть сторонники абсолютно-независимой психологіи. Теперь эта бездна заполнена физіологической психологіей. Эта новая наука не замѣняетъ и не уничтожаетъ старой психологіи, такъ-какъ психологія, во всякомъ случаѣ, должна выработать свои основныя понятія путемъ наблюденія, обобщенія и анализа чисто психологическихъ, а не физіологическихъ явленій, что и дѣлала старая психологія; но физіологическая психологія, присоединяясь къ старой психологіи, видоизмѣняетъ и ея содержаніе, и направленіе ея изслѣдованій и обязываетъ насъ поставить психологію въ ряду наукъ непосредственно вслѣдъ за физіологіей.

Остальныя спеціальныя науки можно расположить въ рядъ, руководясь тѣми-же принципами. Эти науки—политическая экономія, правовѣдѣніе, этика, эстетика, метафизика и логика. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои спеціальные элементы, полученные путемъ анализа извѣстныхъ разрядовъ, наблюдаемыхъ фактовъ. Отношеніе каждой науки къ предыдущей и послѣдующей здѣсь не такъ ясно; но необходимо имѣть въ виду, что этотъ отдѣлъ человѣческихъ знаній весьма далекъ отъ совершенства. Поэтому и классификація этого отдѣла не можетъ строго удовлетворять требованіямъ полноты, простоты и ясности.

Изъ упомянутыхъ наукъ этого отдѣла можно поставить на первомъ мѣстѣ политическую экономію. Она даетъ теорію простѣйшихъ формъ и явленій человѣческой жизни и дѣятельности—именно, формъ и явленій, основанныхъ на матеріальныхъ отношеніяхъ, которыя въ свою очередь вызываются главнымъ образомъ зоологическими и только отчасти психологическими задачами. Существующія теоріи экономическихъ явленій основаны въ значительной степени на приложеніи началъ физіологіи питанія и воспроизведенія. Формы и явленія, изучаемыя наукою о правѣ, сложнѣе: онѣ вызываются болѣе психическими, чѣмъ физіологическими требованіями человѣческаго организма и болѣе опредѣляются внѣшними и историческими причинами. Явленія нравственности стоятъ на границѣ между матеріально-принудительнымъ правомъ и безусловно-свободными требованіями эстетики. Въ высшихъ, наиболѣе сложныхъ проявленіяхъ нравственности индивидуальность человѣческаго существа—индивидуальность уже не объективная, біологическая, а субъективная, психологическая, выражается опредѣленно и свободно. Еще рѣзче и свободнѣе ея проявленіе въ эстетическомъ творчествѣ, въ рѣчи, наконецъ, въ мысли. Эстетика разсматриваетъ самыя простыя субъективныя явленія, которыя наблюдаются въ значительномъ развитіи еще на низшихъ ступеняхъ животнаго царства. Явленія рѣчи сложнѣе; они наблюдаются

въ животномъ царствѣ лишь въ видѣ самыхъ элементарныхъ зачатковъ. Вполнѣ опредѣленные элементы рѣчи и развитой языкъ наблюдаются только у человѣческихъ племенъ съ развитой общественной жизнью. Явленія рѣчи несравненно сложнѣе явленій права, нравственности и эстетики. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь языкъ выражаетъ все міровоззрѣніе народа; словарь и грамматика языка—это складъ всѣхъ научныхъ знаній народа и его философскихъ понятій. За наукою о языкѣ должна слѣдовать наука о мысли. Эта наука—не психологія; ея отношеніе къ психологіи должно быть точно такимъ-же, каково отношеніе лингвистики къ физіологіи слуха и рѣчи. Наука о мысли должна давать полную теорію идей и, главнымъ образомъ, теорію ихъ происхожденія и развитія, совершенно аналогично тому, какъ поступаетъ лингвистика по отношенію къ языкамъ. Элементы науки объ идеяхъ должны составлять результатъ анализа тѣхъ фактовъ, въ которыхъ выражается міровоззрѣніе людей и народовъ. Эти факты — религіозныя и философскія системы и научныя теоріи. Основные элементы всѣхъ этихъ явленій—это основныя понятія и процессы человѣческой мысли. Опредѣленіе этихъ элементовъ и составляетъ первую задачу искомой науки. Эту задачу выполняютъ метафизика и логика. Такъ какъ эта наука въ своемъ настоящемъ видѣ не охватываетъ содержаніе логики, то логику слѣдуетъ поставить въ видѣ самостоятельной науки вслѣдъ за метафизикой.

Такимъ образомъ, всѣ спеціальныя науки можно представить въ видѣ одного непрерывнаго ряда, по восходящей сложности и возрастающей индивидуальности ихъ элементовъ. Этотъ рядъ слѣдующій: 1) Математика, 2) Механика, 3) Физика, 4) Химія, 5) Минералогія, 6) Ботаника, 7) Зоологія, 8) Физіологія человѣка, 9) Психологія, 10) Политическая экономія, 11) Правовѣдѣніе, 12) Этика, 13) Эстетика, 14) Лингвистика, 15) Метафизика и 16) Логика. Этотъ рядъ наукъ обнимаетъ только чисто теоретическія науки, изучающія каждое явленіе природы въ отвлеченномъ видѣ, хотя, конечно, въ своихъ наблюденіяхъ и опытахъ онѣ имѣютъ дѣло съ фактами вполнѣ конкретными. Напримѣръ, зоологія изучаетъ «организмы», а не зоологическія недѣлимыя, хотя имѣетъ дѣло непосредственно съ послѣдними. Конкретные факты, въ обобщенномъ видѣ, излагаются или въ особыхъ спеціальныхъ наукахъ, напр., физіологическіе факты—въ антропологіи и этнографіи, или, въ отдѣльныхъ случаяхъ, присоединяются къ теоретическимъ наукамъ въ видѣ особыхъ отдѣловъ, напр., систематика растеній и животныхъ составляютъ отдѣлы ботаники и зоологіи.

Рядъ теоретическихъ наукъ представляетъ полную аналогію списку «позитивныхъ наукъ» Конта, если вычеркнуть изъ послѣдняго астрономію, и основанъ на совершенно аналогичномъ принципѣ. Но необходимо помнить, что этотъ порядокъ основанъ не на какомъ-нибудь безуслов-

номъ порядкѣ причинной подчиненности явленій, а на вполнѣ условномъ и одностороннемъ пониманіи этого порядка. По Конту, явленія соціальной жизни обусловливаются физіологическими явленіями, которыя отъ нихъ не зависятъ, на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: въ дѣйствительности, зависимость бываетъ и обратной; соціальныя условія могутъ быть и бываютъ причиною чисто физіологическихъ явленій, каковы уклоненія строенія и отправленій, вырожденія и пр. Относительная простота и сложность явленій—также понятіе вполнѣ условное, такъ какъ оно основано на условной, въ данномъ случаѣ, механической точкѣ зрѣнія. Общая гипотеза, на которой основанъ представленный выше порядокъ вышепоименованныхъ теоретическихъ наукъ, можетъ быть формулирована такъ: *каждая наука, въ идеалѣ, получается изъ предшествующей ей науки путемъ синтеза и изъ слѣдующей за нею науки путемъ анализа.* Первая наука въ нашемъ ряду—математика—есть результатъ анализа элементовъ механики. Но анализъ самихъ математическихъ элементовъ приводитъ къ началамъ, которыя можно найти въ логикѣ и метафизикѣ, и обратно—синтезъ элементовъ логики и метафизики ведетъ къ созданію математики, какъ и было въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, рядъ соціальныхъ теоретическихъ наукъ представляетъ собою замкнутый кругъ, то-есть, не имѣетъ абсолютнаго начала и опредѣленнаго конца. Чтобы показать, что этотъ странный на первый взглядъ выводъ не основанъ на какой-нибудь ошибкѣ въ группировкѣ наукъ, достаточно напомнить, что логика во всякомъ случаѣ основана на законахъ психологіи и потому должна стоять послѣ математики, механики, физики, физіологіи и физіологической психологіи, а между тѣмъ, Спенсеръ ставитъ логику передъ математикой и на вполнѣ правильныхъ основаніяхъ. Изъ этого вывода слѣдуетъ, конечно, то, что рядъ наукъ можно начать съ какой угодно науки, принявъ ея элементы за абсолютно-простые и что элементы математики и механики просты и независимы лишь съ субъективной и при томъ вполнѣ условной, а не съ объективной точки зрѣнія. Но эта точка зрѣнія господствуетъ въ самихъ наукахъ, поэтому классификація наукъ не только можетъ усвоить ее, но и должна это сдѣлать, такъ какъ она должна служить характеристикою наукъ въ томъ видѣ, какъ онѣ есть, слѣдовательно, должна отражать и ихъ современное міровоззрѣніе и методическое направленіе. Кромѣ того, мы видѣли, что совершенно аналогичный порядокъ явленій выводится изъ классификаціи географическихъ и историческихъ наукъ, основанной на самостоятельныхъ принципахъ—подчиненности явленій, пространства и ихъ послѣдовательности во времени. Въ этомъ можно видѣть нѣкоторое доказательство объективнаго значенія механическаго принципа: оно не менѣе и не болѣе объективнаго значенія принциповъ пространства и времени.

Элементарная классификація, изложенная въ этой главѣ, разумѣется, не представляетъ собою полной классификаціи наукъ. Это только классификація типичныхъ наукъ, или еще точнѣе—основанія ихъ классификаціи. Эти основанія можно резюмировать такъ: во-первыхъ, науки раздѣляются по сходству и различію ихъ метода и содержанія, то-есть по принципамъ Бэкона и Спенсера, на три основныхъ отдѣла: 1) науки анализа или теоретическія, 2) науки пространства или географическія и 3) науки времени или историческія. Во-вторыхъ, каждый изъ этихъ отдѣловъ, въ особенности первый, разлагается на рядъ отдѣльныхъ наукъ, подчиняясь классификаціи явленій, построенной на принципахъ пространства, времени и анализа (принципъ Конта). Нетрудно замѣтить, что этотъ общій планъ классификаціи прилагается не только ко всей совокупности наукъ, но и къ каждой отдѣльной наукѣ, то-есть осуществляетъ идею Ампера. Напримѣръ, главные отдѣлы математики—алгебра, геометрія и механика составляютъ три послѣдовательныхъ ступени усложненія однихъ и тѣхъ-же элементовъ и въ то-же время составляютъ три основныхъ науки объ анализѣ (алгебра), о пространствѣ (геометрія) и о времени (механика), которые и являются прототипами теоретическихъ, географическихъ и историческихъ наукъ. Это соображеніе можетъ служить руководящей нитью для классификаціи производныхъ спеціальныхъ наукъ.

III.

Существуетъ множество спеціальныхъ отраслей наукъ, вродѣ нумизматики, баллистики, метеорологіи, агрономіи, пасхаліи и т. п.; онѣ имѣютъ свои спеціальныя названія и излагаются въ отдѣльныхъ курсахъ и руководствахъ. Дать строгую классификацію всѣхъ подобныхъ наукъ въ высшей степени затруднительно уже по одному тому, что содержанія и самыя названія многихъ изъ этихъ наукъ извѣстны только спеціалистамъ. Другое болѣе серьезное затрудненіе состоитъ въ томъ, что эти науки построены на самыхъ разнообразныхъ принципахъ и захватываютъ классы явленій далеко не равные по своему объему и значенію. Тѣмъ не менѣе вполнѣ возможно привести эти науки въ нѣкоторую систему, руководствуясь классификаціей основныхъ наукъ.

Прежде всего слѣдуетъ выдѣлить прикладныя или практическія науки. Каждое искусство или ремесло основано на теоретическомъ изученіи извѣстнаго класса явленій и обратно, изученіе опредѣленнаго разряда явленій ведетъ къ утилизаціи этихъ явленій, такъ что каждой теоретической наукѣ соотвѣтствуетъ одна или нѣсколько практическихъ наукъ, напримѣръ, батаникѣ—агрономія, зоологіи—зоотехнія, физіологіи—гигіена, психологіи—педагогика и т. д., и обратно: каждая практическая наука основана на одной или немногихъ теоретическихъ наукахъ. Поэтому

классификація теоретическихъ наукъ можетъ служить основаніемъ для классификаціи наукъ практическихъ. Но практическія науки, собственно говоря, не науки, такъ какъ онѣ не занимаются самостоятельнымъ изученіемъ явленій природы, а только прилагаютъ теоретическія знанія къ жизни; поэтому и классификація прикладныхъ наукъ не входитъ въ задачу классификаціи наукъ.

Есть еще одна группа наукъ, классификація которыхъ не входитъ въ задачу общей классификаціи наукъ, но по другой причинѣ. Это тѣ науки, которыя можно разсматривать, какъ спеціализированные отдѣлы основныхъ наукъ, напримѣръ, энтомологія есть отдѣлъ зоологіи о насѣкомыхъ. Существованіе подобныхъ наукъ основывается на классификаціи явленій, выработанной каждою основною наукою и, слѣдовательно, и классификація этихъ наукъ составляетъ задачу самихъ наукъ, тѣмъ болѣе, что каждая основная наука классифицируетъ свой матеріалъ эмпирически, то-есть на основаніи наблюденія и сравненія изучаемыхъ ею явленій и по различнымъ принципамъ. Однако почти всѣ науки стремятся замѣнить разнохарактерныя эмпирическія классификаціи однообразною классификаціею, основанною на принципѣ синтеза и выражающею порядокъ отъ простого къ сложному. Напримѣръ, до сихъ поръ существуетъ двѣ классификаціи химическихъ соединеній и почти каждое вещество въ химіи имѣетъ два названія: эмпирическое (поваренная соль, соляная кислота) и синтетическое (хлористый натрій, хлористый водородъ). Въ виду этого подобная классификація частныхъ отдѣловъ наукъ была-бы дальнѣйшимъ развитіемъ синтетической классификаціи теоретическихъ наукъ, если-бы всѣ теоретическія науки достигли одинаковаго совершенства.

Такое-же единообразіе обнаруживается и въ раздѣленіи каждой науки на отдѣлы по методу и содержанію. Вотъ, напримѣръ, общепринятое раздѣленіе ботаники. Наиболѣе спеціальную и древнѣйшую часть этой науки составляетъ систематика растеній, т. е. эмпирическая классификація и характеристика отдѣльныхъ видовъ. Съ нею связана географія растеній, т. е. ученіе о распредѣленіи этихъ видовъ и классовъ на поверхности земного шара. Слѣдующій отдѣлъ спеціальной ботаники составляетъ палеонтологія растеній, т. е. исторія существующихъ и вымершихъ растительныхъ видовъ, начиная съ появленія растеній на земномъ шарѣ. Основная, теоретическая часть ботаники занимается общими явленіями растительнаго царства безъ раздѣленія на отдѣльные виды, а именно явными и микроскопическими формами растительнаго организма (морфологія и анатомія) и процессами растительной жизни (физіологія растеній). Она стремится выработать синтетическую классификацію растеній, изображающую всѣ растительные виды, какъ послѣдовательныя ступени усложненія элементарнаго организма—клѣточки. Совер-

шенно такое-же раздѣленіе мы найдемъ въ зоологіи. Такимъ образомъ обѣ эти науки построены по слѣдующей схемѣ: 1) теорія формъ и процессовъ, 2) статистика существующихъ формъ и процессовъ и распредѣленіе ихъ въ пространствѣ и 3) исторія ихъ происхожденія и развитія. А этотъ планъ есть общій планъ раздѣленія наукъ.

Если мы попробуемъ развернуть по этому плану рядъ теоретическихъ наукъ, то окажется, что у многихъ теоретическихъ наукъ не достаетъ ни географической, ни исторической части. Но это самое обстоятельство даетъ возможность помѣстить въ общую классификацію наукъ многія самостоятельныя спеціальныя знанія и науки историческаго и географическаго характера и опредѣлить ихъ отношеніе ко всѣмъ тремъ отдѣламъ основныхъ наукъ—теоретическимъ, чисто географическимъ и чисто историческимъ.

Спеціальныя науки.

Теорія формъ и процессовъ (анализъ явленій) I.	Статистика существующихъ формъ и процессовъ (явленія въ пространствѣ) II.	Исторія развитія (явленія во времени) III.
1. Математика.	Математическая астрономія. Геодезія.	—
2. Механика.	Небесная механика. Динамическая геологія.	—
3. Физика.	Астрофизика. Метеорологія. Океанографія.	—
4. Химія элементарная.	Астрохимія Химія неорганич. и органическая.	—
5. Кристаллографія.	Минералогія. Петрографія.	Геологія историческая.
6. Морфологія, Анатомія и Физіологія растеній.	Систематика и Географія растеній.	Палеонтологія растеній.
7. Сравнительная анатомія, Гистологія, Эмбріологія и Физіологія животныхъ.	Систематика и Географія животныхъ.	Палеонтологія животныхъ.

8. Анатомія, эмбріологія и физіологія человѣка.	Антропологія.	Этнологія.
9. Психологія.	Этнографія	Археологія.
10. Политическая экономія.	Экономическая и промышленная статистика. Коммерческая географія.	Исторія экономическихъ отношеній, промышленности и торговли.
11. Правовѣдѣніе.	Статистика политическихъ и правовыхъ учрежденій.	Исторія политическихъ и правовыхъ учрежденій.
12. Этика.	Статистика нравовъ.	Исторія нравовъ.
13. Эстетика.	Статистика изящныхъ искусствъ.	Исторія искусствъ.
14. Лингвистика.	Статистика языковъ и литературы.	Исторія языковъ. Исторія литературы.
15. Метафизика.	Статистика религій.	Исторія религій. Исторія философіи.
16. Логика.	Статистика образованія и научной дѣятельности.	Исторія умственнаго развитія. Исторія наукъ.

Эта таблица даетъ очень неполный списокъ спеціальныхъ знаній: да и было-бы довольно затруднительно дать подробный списокъ. Дѣло въ томъ, что почти каждая теоретическая наука способна комбинироваться съ другими и давать новыя спеціальныя науки; существуютъ, напримѣръ, физическая химія, физіологическая химія, зоопсихологія. Цѣль этой таблицы—только указать мѣсто для тѣхъ спеціальныхъ наукъ и невполнѣ опредѣленныхъ научныхъ отраслей, которыя основаны на примѣненіи классификаціи явленій, заимствованной изъ теоретическихъ наукъ, къ матеріалу, заимствованному изъ чисто географическихъ и чисто историческихъ наукъ. Подобныя производныя науки, какъ метеорологія, антропологія, исторія искусствъ, ясно отличаются отъ чисто географическихъ и историческихъ наукъ тѣмъ, что онѣ изучаютъ строго опредѣленный классъ явленій, а отъ теоретическихъ—тѣмъ, что онѣ примѣняютъ теоретическія знанія и пріемы къ изученію явленій, наблюдаемыхъ въ природѣ или существовавшихъ въ исторіи, а не къ лабораторному матеріалу. Эти науки доставляютъ имъ фактическій матеріалъ, на которомъ основывается теорія явленій.

IV.

Со времени Конта съ классификаціею наукъ связывается вопросъ объ исторической преемственности знаній. Контъ полагалъ, что его схема изображаетъ, между прочимъ, и сравнительную древность наукъ. Спенсеръ, наоборотъ, утверждалъ, что ни предложенный Контомъ и никакой иной порядокъ наукъ не можетъ представить ихъ исторической подчиненности. Нетрудно видѣть, что систематическій порядокъ теоретическихъ наукъ отчасти выражаетъ и ихъ историческую послѣдовательность; такъ, математика и механика стоятъ во главѣ наукъ несомнѣнно потому, что они ранѣе другихъ стали на твердую почву строго обоснованной теоріи, а порядокъ остальныхъ наукъ выражаетъ степень ихъ отдаленности отъ этого идеала, слѣдовательно ихъ сравнительную молодость. Наоборотъ, въ ряду спеціальныхъ историческихъ наукъ порядокъ оказывается обратнымъ: исторія наукъ, философіи и религій достигла наибольшаго совершенства, тогда какъ исторія минеральныхъ пластовъ земной коры основывается главнымъ образомъ на данныхъ двухъ послѣдующихъ наукъ—палеонтологіи растеній и животныхъ, а исторіи планетъ и звѣздъ и вовсе не существуетъ пока.

Мы касаемся вопроса объ историческомъ порядкѣ развитія научныхъ знаній лишь для того, чтобы показать возможность ихъ новой группировки и, въ частности, для выясненія роли наукъ: біологіи, соціологіи и исторіи культуры—наукъ, сравнительно, новыхъ.

Самые некультурные народы обладаютъ многими знаніями, преимущественно историческаго и географическаго характера. Но эти знанія не систематизированы, не провѣрены и потому не имѣютъ характера научныхъ. Съ развитіемъ культуры всѣ знанія сосредоточиваются въ философіи, какъ было въ Греціи. Затѣмъ, по мѣрѣ накопленія знаній, историческія и географическія знанія пріобрѣтаютъ самостоятельность и философія превращается въ философію природы, т. е. въ теорію явленій. Постепенно отъ общей науки отщепляются математика, физика и т. д. Это раздѣленіе было отмѣчено уже Аристотелемъ, а въ настоящее время общее названіе философіи примѣняется только къ послѣднимъ наукамъ теоретическаго ряда: этикѣ, эстетикѣ, метафизикѣ и логикѣ.

Чѣмъ болѣе развиваются науки, чѣмъ подробнѣе разрабатываютъ онѣ свою классификацію явленій, тѣмъ болѣе онѣ дробятся на отдѣльныя спеціальности. Кромѣ того, расширяя свои методы, каждая теоретическая наука захватываетъ себѣ извѣстныя области географическихъ и историческихъ знаній. Съ другой стороны, географическія и историческія знанія усваиваютъ классификацію явленій и методы, выработан-

ные теоретическими науками, и сами распадаются на самостоятельныя, специальныя науки.

Специализація знаній возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ наукъ. Иначе быть не можетъ, такъ какъ все увеличивающаяся масса научнаго матеріала требуетъ все большаго и большаго раздѣленія знаній и труда между специалистами. Но та-же самая причина дѣйствуетъ и въ обратномъ направленіи. По мѣрѣ развитія теоретическихъ наукъ все болѣе и болѣе выясняется единство явленій и сглаживаются границы между науками. Благодаря этому, два класса явленій или болѣе соединяются въ одинъ классъ и на сцену выступаетъ новая наука, изучающая формы и процессы, общіе всѣмъ явленіямъ этого обширнаго класса. Именно такой характеръ имѣютъ біологія, соціологія и исторія культуры. Первыя двѣ изъ этихъ наукъ имѣютъ теоретическій характеръ, послѣдняя — историческій; біологія объединяетъ научныя задачи ботаники и зоологіи, соціологія—задачи политической экономіи, науки о правѣ и, отчасти, этики; исторія культуры объединяетъ содержаніе историческихъ наукъ послѣднихъ въ ряду исторіи искусствъ, языковъ, литературы, религіи, философіи, умственнаго развитія и исторіи наукъ. Исторія культуры, въ противоположность чисто историческимъ наукамъ, не подчиняется раздѣленію по отдѣльнымъ странамъ, а только исторической преемственности развитія самихъ явленій, разумѣемыхъ подъ общимъ именемъ культуры. Эти явленія не подчиняются принципу географическаго дѣленія и изъ достоянія одного лица, одного народа быстро становятся достояніемъ человѣчества. Такимъ образомъ какъ географическія, такъ и историческія науки, начиная съ изученія одного предмета земного шара, распадаются на множество параллельныхъ спеціальностей, для изученія отдѣльныхъ странъ и народовъ и затѣмъ снова сходятся къ одному предмету—человѣчеству. Это направленіе новѣйшей науки даетъ возможность построить болѣе общую классификацію знаній на основаніи элементарной классификаціи явленій, которая выводится изъ трехъ основныхъ принциповъ зависимости явленій: принциповъ анализа, пространства и времени.

Классификація явленій.	Классификація наукъ.		
	Анализъ.	Пространство.	Время.
1) Элементы явленій. (Логика, математика и механика).	(Всеобщ. математика).	Астрономія.	Исторія вселенной.
2) Вещество. (Физика, химія, минералогія).	(Всеобщая физика).	Физическое землевѣдѣніе.	Геологія.
3) Организмы. (Ботаника, зоологія).	Біологія.	(Біогеограф.).	Палеонтологія

4) Человѣкъ. (Анатомія, гистологія, эмбріологія, физіологія, психологія).	(Всеобщ. антропологія).	Энтографія.	Энтологія.
5) Общество. Политическая экономія, наука о правѣ, этика).	Соціологія.	Всеобщая географія.	Всеобщая исторія.
6) Человѣчество. (Эстетика, лингвистика, метафизика, логика).	(Всеобщая философія).	(Статистика культуры).	Исторія культуры.

Изъ перечисленныхъ въ этой таблицѣ восемнадцати идеальныхъ отраслей знанія только одиннадцать существуетъ въ видѣ признанныхъ наукъ съ установленнымъ названіемъ и болѣе или менѣе опредѣленнымъ содержаніемъ и задачами. Но потребность въ общемъ энциклопедическомъ образованіи развивается все сильнѣе съ каждымъ годомъ; она чувствуется одинаково и образованнымъ обществомъ, выносящимъ изъ существующихъ школъ только потребность въ научномъ образованіи, а не самое образованіе, и спеціалистами учеными, которые не могутъ удовольствоваться узкимъ кругозоромъ своей спеціальности. Поэтому можно надѣяться, что объединеніе знаній не остановится на половинѣ дороги, и весьма возможно, что оно въ концѣ концовъ приведетъ къ созданію новой единой философіи природы. Эта наука слишкомъ давно составляетъ мечту философовъ, и ей суждено осуществиться, повидимому, не скоро. Что-же касается общей систематической энциклопедіи научныхъ знаній, то въ наше время она вполнѣ возможна.

Е. Чижовъ.

Искусство и действительность.

Избранныя мѣста изъ сочиненій **Джона Рескина**.

Переводъ съ англійскаго **О. Соловьевой**.

Задача искусства. — Точныя науки. — Художники и ученые. — Искусство и анатомія. — Наблюденіе и знаніе. — Теорія сходства.

Задача искусства. Быть очевидцемъ важныхъ событій разумѣется весьма драгоцѣнная для насъ привилегія, но нерѣдко гораздо пріятнѣе смотрѣть на вещи чужими глазами; художнику ничтожному, неискреннему и самодовольному можно сказать одно: «Уйди и не заслоняй отъ меня природу», но великому художнику, обладающему творческой силой, стоящему въ милліонъ разъ выше насъ по всѣмъ душевнымъ способностямъ, мы можемъ по-истинѣ сказать: «Стань между мною и природой, этой природой, которая мнѣ не по силамъ въ своемъ величіи и непонятности; смягчи ее для меня, объясни ее мнѣ; дай мнѣ смотрѣть твоими глазами и слышать твоими ушами, приди мнѣ на помощь и подкрѣпи меня силою твоего великаго духа».

Всѣ лучшія картины имѣютъ такой характеръ. Это изображенія идеальныя, вдохновенныя дѣйствительностью, идеальность ихъ бросается въ глаза; онѣ созданы высшими способностями воображенія, которое ищетъ и открываетъ чистѣйшія истины и располагаетъ ихъ такъ, чтобы показать всю ихъ цѣнность и прославить ихъ очевидность. Въ подобныхъ произведеніяхъ всегда царитъ строгій порядокъ и единство, одна общая идея воплощается во всемъ, малѣйшая подробность помогаетъ общему впечатлѣнію и не можетъ быть опущена безнаказанно. Это особое единство дается не повиновеніемъ какому-нибудь изученному закону, а прекраснымъ строемъ совершеннаго человѣческаго духа, который беретъ только то, что годится для его великихъ цѣлей, отбрасываетъ все лишнее и не нужное, инстинктивно и мгновенно соединяетъ все нужное, во взаимномъ подчиненіи братскаго союза.

Точныя науки. Чтобы воспринять во всей полнотѣ впечатлѣніе какого бы то ни было явленія дѣйствительности, мы должны обладать способностью, принявъ его за центръ, соединить вокругъ него всѣ наши мысли, сдѣлать изъ нихъ какъ бы гирлянду вокругъ него, и въ этой гирляндѣ каждую отдѣльную мысль ограничить и сократить ради гармоніи общаго; наслажденіе, которое доставляетъ намъ предметъ, дается во-первыхъ, его собственной красотою, во-вторыхъ, великолѣпіемъ обрамляющей его гирлянды. Тѣ, кто имѣетъ даръ такимъ образомъ объединять и приводить въ гармонію свои мысли, склонны нѣсколько слишкомъ презрительно относиться къ болѣе суровымъ труженикамъ, которые разрываютъ букетъ на части, чтобы разсмотрѣть стебли цвѣтовъ. Такова была одностороность Уордсуорта; онъ не могъ понять, что человѣкъ не унижается, разсѣкая сбоку молотомъ въ поискахъ за горнымъ хрусталемъ, и что разсмотрѣть цвѣтокъ подъ микроскопомъ иногда бываетъ не менѣе похвально, чѣмъ мечтать по поводу его; опытъ говоритъ намъ, что между людьми среднихъ способностей наиболѣе полезными членами общества являются изслѣдователи, а не мечтатели. Они избрали свой путь не потому, чтобы менѣе другихъ любили красоту и природу, а потому, что болѣе другихъ любятъ практическій результатъ и прогрессъ. Если мы окинемъ взглядомъ все блестящее созвѣздіе благодѣтелей и наставниковъ человѣчества, то найдемъ, что всѣ они болѣе или менѣе подавляли въ себѣ мечтательную любовь къ природной красотѣ, по крайней мѣрѣ сдерживали ея выраженіе и подчиняли ее или суровому труду, или наблюденію надъ природой человѣческой.

Художники и ученые. Наука и искусство различаются обыкновенно по характеру своей дѣятельности; одна познаетъ, другое преобразовываетъ, производитъ или творитъ. Но еще большее различіе заключается въ природѣ самихъ вещей, съ которыми они имѣютъ дѣло.

Науку исключительно занимаютъ вещи сами по себѣ; искусство исключительно посвящено воздѣйствію вещей на человѣческое чувство и душу. Задача его—изобразить видимость вещей, углубить естественное впечатлѣніе, производимое ими на живыя существа. Задача науки—замѣнить видимость фактомъ и впечатлѣніе—доказательствомъ. И наука и искусство оба, замѣтьте, имѣютъ предметомъ правду; одно—правду впечатлѣнія, другая—правду сущности. Искусство не изображаетъ вещи ложно, а изображаютъ ихъ такъ, какъ онѣ являются человѣку. Наука изучаетъ отношеніе вещей другъ къ другу, а искусство только отношеніе ихъ къ человѣку; у всякаго явленія, съ которымъ имѣешь дѣло, оно настоятельно спрашиваетъ объ одномъ: какъ относится къ нему глазъ и сердце человѣческое, что оно имѣетъ сказать имъ и что оно можетъ для нихъ сдѣлать. Эта область изслѣдованій настолько обширнѣе области

изслѣдованья науки, насколько духовный міръ больше матерьяльнаго міра.

Такова форма истины, исключительно занимающая искусство; какимъ же образомъ можетъ эта истина быть познаваема и какимъ образомъ можетъ она быть накопляема? Очевидно, только посредствомъ воспріятія и чувства, отнюдь не разумомъ и не поученіемъ. Ничто не должно становиться между глазомъ художника и природой, ничто между его душою и Богомъ. Никакіе разсчеты и никакія чужія слова, ни даже самые тонкіе разсчеты и самыя мудрыя слова не могутъ имѣть мѣсто между вселенной и тѣмъ искусствомъ, которое свидѣтельствуетъ о видимомъ образѣ ея. Все значеніе этого свидѣтельства заключается въ томъ, чтобы оно давалось очевидцемъ; печать правды, лежащая на немъ, обязательность и сила его зависятъ отъ силы личнаго убѣжденія очевидца. Его побѣда обусловлена правдивостью перваго, начальнаго слова: Vidi.

Вся задача художника—быть существомъ видящимъ и чувствующимъ; онъ долженъ быть тончайшимъ инструментомъ, до такой степени чувствительнымъ, чтобы ни одна тѣнь, ни одинъ оттѣнокъ, ни одна черта, никакая мгновенная и неуловимая перемѣна выраженія въ окружающемъ видимомъ мірѣ, ни одно изъ ощущеній, которыя этотъ видимый міръ способенъ пробудить въ его душѣ, не прошли незамѣченнымъ и не изгладились безслѣдно. Не его дѣло думать, разсуждать, доказывать или знать. Его мѣсто не въ кабинетѣ, не въ судѣ, не въ канцеляріи и не въ библіотекѣ. Все это хорошо для другихъ людей и для иной работы. Онъ можетъ размышлять мимоходомъ; разсуждать иногда, когда выберется свободная минута; собирать обрывки знаній, какіе попадутся подъ руку и не требуютъ труда; но все это должно быть для него безразлично. Задача его жизни двоякая: видѣть и чувствовать.

Читатель можетъ быть возразитъ мнѣ, что знаніе служитъ также и къ тому, чтобы разсмотрѣть такія вещи, которыя были бы не видны, если бы не были извѣстны. Это неправда. Это можно сказать только не зная, какою способностью воспріятія одарены великіе художники сравнительно съ другими людьми. Всякій истинный художникъ, всякій великій работникъ въ какомъ бы то ни было отдѣлѣ искусства увидитъ больше въ одно мгновеніе, чѣмъ онъ узналъ бы, работая тысячи часовъ. Богъ создалъ всякаго человѣка пригоднымъ къ своему дѣлу; одного онъ сотворилъ ученымъ и далъ ему способности къ логическому мышленію и выводу; другого создалъ художникомъ и далъ ему воспріимчивость, чувствительность и способность задерживать впечатлѣнія. Одинъ не только не можетъ дѣлать дѣло другого, но даже не можетъ и понять, какимъ образомъ оно дѣлается. Ученый не понимаетъ провидѣнья, художникъ не понимаетъ логическаго процесса; но главное,

ученый не имѣетъ и понятія о колоссальной силѣ зрѣнія и чувствительности художника.

Пятьдесятъ лѣтъ работало все геологическое общество, и только теперь удалось ему удостовѣриться въ законахъ формаціи горъ, которые Шорнеръ наблюлъ и изобразилъ нѣсколькими мазками кисти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Знаніе всѣхъ законовъ планетной системы, всѣхъ кривыхъ, описываемыхъ метательными орудіями, никогда не даетъ ученому возможности нарисовать водопадъ или волну; въ наше время, всѣ члены хирургическаго общества вмѣстѣ взятые не могли-бы такъ ясно представить и такъ вѣрно изобразить человѣческое тѣло въ сильномъ движеніи, какъ это сдѣлалъ сынъ простого маляра двѣсти лѣтъ назадъ [1]).

Допустимъ, настаиваете вы, что художникъ обладаетъ такой удивительной способностью, все-же чѣмъ больше онъ будетъ знать, тѣмъ больше будетъ видѣть, слѣдовательно, чѣмъ больше онъ будетъ знать—тѣмъ лучше. Нѣтъ, и это не такъ. Правда, иногда знаніе помогаетъ глазу уловить какое-нибудь явленіе, которое иначе могло-бы пройти незамѣченнымъ; напримѣръ, когда художникъ видитъ солнечный восходъ, если онъ знаетъ, что такое солнце, это можетъ помочь ему глубже почувствовать и вѣрнѣе изобразить разстояніе между облаками и огненнымъ шаромъ, поднимающимся изъ-за нихъ въ безпредѣльномъ небѣ. Но помогая видѣть одно явленіе, знаніе въ то-же время мѣшаетъ видѣть тысячи другихъ; если на знаніи сосредоточивается вниманіе въ ту минуту, когда должна происходить зрительная дѣятельность, художникъ уходитъ въ себя, разумъ его сосредоточивается на явленіи познанномъ и забываетъ преходящія, видимыя явленія; цѣлый день размышленія не вознаградитъ за одну минуту подобной разсѣянности. Эта мысль не нова и въ ней нѣтъ ничего удивительнаго. Всякій знаетъ, что надо, во-первыхъ, совершенно отвлечься отъ внѣшней дѣйствительности, чтобы глубоко обдумать что-либо. Человѣкъ погруженный въ размышленіе ничего не видитъ и не чувствуетъ, хотя онъ можетъ быть обладаетъ сильными способностями зрѣнія и чувства. Тотъ, кто пространствовалъ цѣлый день вдоль береговъ Леманскаго озера и къ вечеру спросилъ своихъ спутниковъ гдѣ оно [2]),—вѣроятно не страдалъ недостаткомъ чувствительности; но онъ былъ человѣкомъ мысли, а не впечатлѣнія. Это лишь доведенный до крайности примѣръ дѣйствія, которое оказываетъ на чувственныя способности знаніе, возбуждающее къ умственной дѣятельности. Знаніе безсодержательно и мертво, если оно не стремится захватить первое мѣсто, и не занимаетъ мысли человѣка вопреки смѣнѣ внѣшнихъ явленій. Смѣна эта безразлична для него. Первое явленіе въ ряду прочихъ

[1]) Тинторетъ.

[2]) Св. Бернардъ.

дастъ достаточно пищи для работы цѣлаго дня; остальныя онъ совершенно отбрасываетъ; это обычный пріемъ человѣческой мысли, а также и долгъ ея. Не легко оставить мыслящій и знающій человѣкъ то первое явленіе, которое поразитъ его. Все, что попадется ему, онъ стремится изслѣдовать сколь возможно глубже. Художникъ, наоборотъ: вмѣсто того чтобы хвататься за одно какое-нибудь явленіе, онъ долженъ воспринимать ихъ всѣ на широкое, бѣлое, чистое поле своей души. Мыслящій и знающій человѣкъ замѣтитъ, положимъ, глядя на солнечный восходъ, какой-нибудь новый, неизвѣстный для него оттѣнокъ луча или форму облака; это тотчасъ заведетъ его въ цѣлый лабиринтъ оптическихъ и пневматическихъ законовъ, и во все утро онъ не увидитъ болѣе ни одного луча и ни одного облака. Но художникъ долженъ уловить всѣ оттѣнки зари; онъ долженъ всѣ ихъ точно замѣтить въ ихъ взаимодѣйствіи и смѣнахъ; слѣдовательно, совершенно выкинуть изъ головы все прочее, что могло-бы отвлечь его вниманіе. Человѣкъ мыслящій идетъ впередъ и ищетъ; художникъ сидитъ неподвижно и открываетъ сердце навстрѣчу приходящему. Мыслящій человѣкъ натачиваетъ себя, какъ пронзающій, обоюдоострый мечъ. Художникъ растягивается на землѣ какъ четыреугольный пластъ, принимающій дары. Всей величины, въ которую онъ можетъ распластаться, и всей бѣлой пустоты, въ которую онъ можетъ превратить себя, будетъ мало, чтобы принять дары, посылаемые ему Богомъ.

Неужели-же, въ негодованіи спросите вы, совершенно невѣжественный и не размышляющій человѣкъ будетъ лучшимъ художникомъ? Нѣтъ, это не такъ. Знаніе нужно для него, пока онъ можетъ совершенно подчинять и порабощать его своей божественной дѣятельности, попирать его ногами и отбрасывать въ ту минуту, какъ оно начнетъ стѣснять его.

Въ этомъ отношеніи существуетъ громадная разница между знаніемъ и образованіемъ. Художникъ не долженъ быть ученымъ; въ большинствѣ случаевъ это принесло-бы ему вредъ; но онъ долженъ, насколько возможно, быть образованнымъ человѣкомъ; долженъ понимать свою роль и свои обязанности во вселенной, понимать общую природу происходящаго и сотвореннаго; воспитать себя или быть воспитаннымъ другими такимъ образомъ, чтобы изъ всѣхъ своихъ способностей и знаній извлечь наиболѣе добра и пользы. Разумъ образованнаго человѣка обширнѣе, чѣмъ заключенныя въ немъ познанія; онъ подобенъ небесному своду, обнимающему землю, которая живетъ и процвѣтаетъ подъ нимъ; разумъ ученаго, но не образованнаго человѣка похожъ на резиновую завязку; она стремится съежиться и стиснуть бумаги въ ней заключенныя; сама не можетъ развернуть ихъ и другимъ мѣшаетъ это сдѣлать. Половина нашихъ художниковъ, обладая знаніями, гибнетъ отъ недостатка образованія; самые лучшіе изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ, были образо-

ваны и безграмотны. Однако, идеалъ художника не есть безграмотность; онъ долженъ быть очень начитанъ, свѣдущъ по части лучшихъ книгъ и совершенно благовоспитанъ, какъ съ внутренней стороны, такъ и съ внѣшней. Словомъ, онъ долженъ быть пригоденъ для лучшаго общества и держаться въ сторонѣ отъ всякаго.

Искусство и анатомія. Чтобы нарисовать Мадонну, нужно-ли знать насколько у нея реберъ? Объ этомъ еще возможно спорить; но чтобы нарисовать скелетъ, кажется необходимо знать, сколько ихъ у скелета.

Гольбейнъ по преимуществу художникъ скелетовъ. Его картина «Пляска Смерти» и гравюра съ этой картины безспорно и несравненно выше всѣхъ произведеній этого рода. Онъ рисовалъ скелетъ за скелетомъ, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, и никогда не потрудился сосчитать его реберъ! И не зналъ и не заботился о томъ, сколько ихъ. Ихъ всегда достаточно, чтобы они могли гремѣть.

По вашему, это чудовищно, чудовищенъ Гольбейнъ въ своемъ нахальствѣ, чудовищенъ и я въ томъ, что защищаю его. Мало того, я торжествую за него; никогда ничто не радовало меня такъ, какъ его высокая небрежность. Никому нѣтъ дѣла до того, сколько реберъ у скелета, какъ никому нѣтъ дѣла, сколько перекладинъ у рашпера, если скелетъ живетъ, а рашперъ жаритъ; еще менѣе это интересно, если жизнь и огонь погасли.

Но вы, можетъ быть, думаете, что Гольбейнъ относился такъ небрежно къ однимъ только костямъ? Нѣтъ; хотя вамъ это можетъ показаться невѣроятнымъ—онъ совсѣмъ не зналъ анатоміи. Многія его достоинства, по моему, объясняются этимъ. Я говорилъ вамъ какъ-то, что Гольбейнъ изучалъ преимущественно лицо, а потомъ уже тѣло, но я и самъ не имѣлъ понятія о томъ, какъ рѣшительно онъ сторонился отъ зловредной науки своего времени. Я показывалъ вамъ его умершаго Христа. Какъ вы думаете, можно-ли съ нимъ сравнить ваши академическіе рисунки? Однако, Гольбейнъ не зналъ и знать не хотѣлъ анатоміи. Дюреръ, наоборотъ, хотѣлъ знать и зналъ ее, увлекался ея изученіемъ, писалъ о ней книги, писалъ о пропорціяхъ человѣческаго тѣла и т. д. и т. д.; онъ прописывалъ всѣ ваши современные рецепты для изображенія тѣла. Помогли-ли ему въ искусствѣ всѣ эти научныя изслѣдованія?

Много толковъ идетъ о «Рыцарѣ и смерти», и о «Меланхоліи», какъ будто это главныя его произведенія. Дѣйствительно, это произведенія самыя оригинальныя, и въ нихъ видно, что̀-бы онъ могъ сдѣлать безъ своей анатоміи. Однако, это сущіе пустяки сравнительно съ «Высшимъ благополучіемъ» и «Адамомъ и Евой». Вотъ гдѣ его сила выразилась во всей полнотѣ; вотъ мужское и женское тѣло, изображенныя съ полнымъ знаніемъ всѣхъ костей, мускуловъ, двигательныхъ и пищеварительныхъ органовъ; надѣюсь, вы довольны [1]).

Перевод.

([1] Картины эти поражаютъ своимъ безобразіемъ.

Но не одну анатомію изучаетъ господинъ Альбрехтъ. У него также есть наклонность къ оптикѣ; онъ знаетъ кое-что о преломленіи лучей и объ отраженіи. Казалось-бы, кому и написать человѣческій глазъ, какъ не ему, изучившему внутренность черепа и свойства радужной оболочки «Обладая такою твердостью руки, какой могъ-бы позавидовать самъ Джіованни Беллини, безукоризненной тщательностью въ работѣ, познаніемъ всякой впадины черепа и степени влажности хрусталика, если я не съумѣю нарисовать глаза,—кто-жъ съумѣетъ, желалъ-бы я знать»... такъ думаетъ Альбрехтъ.

И вотъ, когда ему пришлось гравировать портретъ Меланхтона, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Меланхтона, какъ непремѣнно сдѣлалъ-бы простакъ Гольбейнъ, умный Альбрехтъ смотритъ на окно комнаты, видитъ, что рама окна имѣетъ четыре перекладины, знаетъ на основаніи науки, что свѣтъ на глазу Меланхтона долженъ быть отраженіемъ окна съ его четырьмя перекладинами, и изображаетъ его соотвѣтственно; кто теперь посмѣетъ сказать, что Меланхтонъ не похожъ?

Къ сожалѣнію, однако, онъ не похожъ не только на Меланхтона, но ни на какого человѣка въ здравомъ умѣ; похожъ только на сумасшедшаго, который смотритъ на того, кто оспариваетъ его манію. А на рисункѣ Гольбейна, вмѣсто всякихъ хлопотъ о научной точности отраженія, среди неясной тѣни оставлена, какъ-бы нечаянно, бѣлая точка на бумагѣ, — и передъ вами глазъ, и даже болѣе того, — глазъ человѣка благороднаго.

Почему-же это? спросите вы, значитъ справедливо распространенное ученіе относительно обобщенія деталей?

Нѣтъ, въ немъ нѣтъ ни слова правды. Гольбейнъ правъ потому, что онъ рисуетъ болѣе вѣрно, чѣмъ Дюреръ, а не потому, что онъ рисуетъ болѣе обще. Дюреръ изображаетъ предметъ, какъ онъ знаетъ его, Гольбейнъ какъ онъ его видитъ. Какъ я говорилъ вамъ ранѣе, художникъ имѣетъ значеніе для науки единственно въ томъ случаѣ, когда онъ не только предъявляетъ откровенно то, что видитъ, но и смѣло признается въ томъ, чего не видитъ. Не слѣдуетъ выписывать отдѣльно каждый волосокъ рѣсницъ, не потому что обобщеніе деталей есть признакъ превосходства, а потому что невозможно видѣть отдѣльно каждый волосокъ. Живописецъ вывѣсокъ или анатомъ можетъ сосчитать ихъ; но только величайшіе мастера, вродѣ Карпаччіо, Тинторета, Рейнольдса и Веласкеца, знаютъ и могутъ сосчитать, сколько ихъ видно.

Таково было вліяніе науки на идеалъ красоты и на портретную живопись Дюрера. Но какъ-же повліяла она на общій уровень и количество его произведеній, сравнительно съ произведеніями бѣднаго, невѣжественнаго Гольбейна! Дюреръ написалъ только три портрета великихъ людей своего времени и всѣ три—плохіе; зато онъ душу положилъ на изображеніе

копытъ сатировъ, свиной щетины, искаженныхъ чертъ дурныхъ женщинъ и порочныхъ мужчинъ.

Что-же, съ другой стороны, сдѣлалъ для васъ невѣжественный Гольбеинъ? Онъ и Шекспиръ живописью и словомъ, подѣлили между собою всю исторію Англіи въ царствованіе Генриха и Елизаветы.

Наблюденіе и знаніе. Когда Тернеръ былъ молодъ, онъ иногда бывалъ добродушенъ и показывалъ другимъ, что онъ дѣлалъ. Однажды онъ рисовалъ видъ Плимутской гавани; за милю или за двѣ стояли два корабля, освѣщенные сзади. Тернеръ показалъ рисунокъ морскому офицеру, и морской офицеръ съ удивленіемъ и вполнѣ основательнымъ негодованіемъ замѣтилъ, что у кораблей не было пушечныхъ портовъ. «Да, сказалъ Тернеръ, конечно ихъ тутъ нѣтъ. Если вы взойдете на Моунтъ Эджекомбъ и увидите корабли на фонѣ заката, вы не различите пушечныхъ портовъ».—«Но все-таки, продолжалъ кипятиться морской офицеръ, вы вѣдь знаете, что они тамъ есть». — «Да, отвочалъ Тернеръ, я это прекрасно знаю, но я рисую то, что вижу, а не то, что знаю».

Это законъ всякой хорошей художественной работы; даже болѣе — для художника въ концѣ концовъ вредно и не желательно знать, что онъ видитъ передъ собою. Вы можете позволить себѣ удовольствіе изслѣдовать, что такое въ дѣйствительности корабль, звѣзды или горы только въ томъ случаѣ, если ваше зрѣніе достаточно изощрено, чтобы не поддаваться вліянію предвзятой мысли, если вы увѣрены, что ни въ чемъ не выразится ваше познаніе дѣйствительнаго предмета, что хотя вы и изучали строеніе корабля не хуже любого моряка, но изобразите форму его такъ-же просто, какъ изображаетъ ее поверхность моря, въ которой онъ отражается. Иногда это удовольствіе можетъ быть даже и полезно, какъ средство предупрежденія ошибокъ; но зрительное воспріятіе, не одаренное исключительной тонкостью, непремѣнно пострадаетъ отъ знанія дѣйствительной природы изображаемаго предмета; пока вы не совершенно увѣрены въ искренности своего взгляда на вещи, чѣмъ меньше вы о нихъ знаете, тѣмъ лучше.

Въ этой, именно, пассивной и наивной простотѣ искусство не только достигаетъ собственнаго величія, но дѣлается полезнымъ для науки. Когда изображаемое до нѣкоторой степени извѣстно ему, оно самодовольно выставляетъ на видъ свое неполное знаніе и упускаетъ изъ виду другія стороны предмета. Два художника пишутъ одну и ту же гору; одинъ изъ нихъ имѣлъ несчастіе заинтересоваться ледниками, другой составилъ себѣ теорію о трещинахъ. Одинъ исцарапаетъ свою гору сверху до низу; другой расколетъ ее на куски; оба рисунка будутъ одинаково безполезны для цѣлей честной науки.

Теорія сходства. Всѣ второстепенные художники (не забудьте, что имя имъ легіонъ и легіонъ очень ботливый, тогда какъ художники пер-

вoклассные являются не болѣе какъ разъ или два въ столѣтie и говорять мало), всѣ второстепенные художники скажутъ вамъ, что задача изящныхъ искусствъ не есть сходство съ дѣйствительностью, а какое-то особаго рода отвлеченіе, болѣе утонченное чѣмъ дѣйствительность. Прошу васъ сейчасъ выкинуть это изъ головы. Цѣль всѣхъ изобразительныхъ искусствъ всегда была и всегда будетъ дѣйствительность, изображеніе ея съ возможной точностью. Хорошій портретъ долженъ воспроизводить передъ вами человѣка въ его привычномъ образѣ жизни: я бы желалъ, чтобы такіе портреты попадались у насъ почаще. Хорошій пейзажъ долженъ передавать природу въ ея реальности, чтобы вамъ чудилось движеніе въ облакахъ и клокотанье потока. Какъ второй Дедалъ, скульпторъ долженъ заставить дышать каменную глыбу и превратить мраморъ въ плоть.

Во всѣ времена процвѣтанія искусства, задача эта столь-же наивно выполняется, какъ постоянно преслѣдуется. Всѣ толки объ отвлеченіи принадлежатъ періодамъ упадка. Въ эпохи сильнаго развитія жизненнаго начала, люди видятъ что-нибудь живое, что нравится имъ, и хотятъ на вѣки продлить его существованіе, или же сотворить нѣчто, какъ можно болѣе на него похожее, что могло бы прожить вѣчно. Они окрашиваютъ свои статуи, вставляютъ драгоцѣнные камни имъ въ глаза, надѣваютъ настоящіе вѣнцы на ихъ головы; въ картинахъ своихъ выписываютъ каждою нитку вышивки и хотѣли бы, еслибы это было возможно, выписать каждый листокъ на деревѣ. «Похоже на настоящее»— вотъ единственная похвала, которую они считаютъ возможной въ случаѣ успѣха работы.

Но мы пойдемъ немного далѣе и скажемъ, что природу слѣдуетъ изображать такою, какою она является человѣку, умѣющему ее видѣть. Въ этомъ заключается большое ограниченіе, но и возвышается самая задача искусства. Не простаковъ должны мы обманывать; мы должны обмануть умныхъ! Вотъ, напримѣръ, современный итальянскій рисунокъ, изображающій св. Цецилію со всѣмъ возможнымъ совершенствомъ блестящей реалистической манеры. Недостатокъ рисунка не въ искреннемъ стремленіи изобразить св. Цецилію въ ея обычномъ видѣ, а въ томъ, что онъ можетъ удовлетворить только человѣка, не знающаго, каковъ былъ обычный видъ св. Цециліи. Трудность подражанія дѣйствительности такъ сильно увеличивается необходимостью обращаться къ тѣмъ, кто понимаетъ ее, что имѣя на то лишь заурядныя средства и матеріалы, мы должны оставить всякія попытки къ достиженію полнаго сходства и удовлетворяться изображеніями не полными, но вѣрными въ своей неполнотѣ; должны предоставлять зрителю добавить остальное своимъ воображеніемъ и довольствоваться степенью сходства, неудовлетворительной ни для насъ, ни для него. Вотъ напримѣръ рисунокъ Сэра

Джонсуа Рейнольдса, изображающій англійскаго судью; это лишь намекъ, онъ требуетъ всей фантазіи очень опытнаго зрителя, не только для того, чтобы понять его смыслъ, но даже для того, чтобы догадаться, что такое подразумѣвалъ художникъ. А все-таки этотъ рисунокъ гораздо выше, чѣмъ итальянская св. Цицилія, такъ какъ Рейнольдсъ дѣйствительно знаетъ, какой видъ долженъ имѣть англійскій судья, и несмотря на крайне неполное выраженіе своего знанія, очевидно обращается къ суду людей, раздѣляющихъ его.

Слѣдовательно, для живописи существуютъ два возможные предѣла достиженія истины; одинъ—первоначальный, когда она какимъ-бы то ни было неполнымъ или несовершеннымъ образомъ даетъ намекъ на свою идею, предоставляя вамъ самимъ дополнить его; другой—высшій, когда она даетъ полное изображеніе и ничего не предоставляетъ вашей фантазіи; когда она производитъ то-же впечатлѣніе присутствія и обладанія предметомъ, какое производитъ дѣйствительность. Какъ примѣръ первой степени истины возьмемъ хотя-бы вотъ это изображеніе радуги [1]). Художникъ отлично знаетъ, что черными точками гравюры онъ не можетъ обмануть васъ и заставить подумать, что вы видите настоящую радугу, но онъ достаточно ясно выражаетъ свое намѣреніе и даетъ вамъ возможность дополнить недостающее, конечно въ томъ случаѣ, если вы знаете заранѣе, какой видъ имѣетъ радуга. А вотъ вамъ изображеніе водопада Терни [2]): художникъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы дать иллюзію настоящей радуги, горящей и потухающей въ брызгахъ. Если онъ не вполнѣ обманываетъ васъ, такъ это не по недостатку желанія васъ обмануть, а потому что его красокъ и искусства не хватило для этого. Впрочемъ, ихъ не хватило такъ мало, что при хорошемъ освѣщеніи вы почти вѣрите, что передъ вами въ самомъ дѣлѣ солнце переливается въ брызгахъ.

Посмотрите еще немного и вамъ станетъ жаль, что это не «въ самомъ дѣлѣ»; вы почувствуете, что какъ ни хороша картина, а лучше-бы было видѣть въ дѣйствительности изображенную въ ней мѣстность, прыгающихъ по скаламъ козъ и пѣну, качающуюся на волнахъ. Это истинный признакъ величайшаго искусства, оно добровольно отказывается отъ своего величія, унижается и прячется, но такъ превозноситъ и выставляетъ впередъ вдохновившую его дѣйствительность, что дѣйствительность эта становится вамъ нужнѣе картины. Пока вы не начали презирать великое произведеніе искусства, вы не достаточно полюбили его. Высшею похвалою Фидіевской Аѳинѣ было бы желаніе увидѣть живую богиню; прекраснѣйшія мадонны христіанскаго искусства не выполняютъ своей задачи, если при видѣ ихъ человѣкъ не исполняется сердечною тоскою по живой Маріи-Дѣвѣ.

[1]) Въ «Меланхоліи» Дюрера.

[2]) Тернера.

НАРОДНЫЙ СУДЪ И НАРОДНОЕ ПРАВО.

Народный судъ... Одинъ этотъ терминъ много говоритъ и сердцу, и уму. Съ идеей народнаго суда были связаны лучшія надежды въ эпоху великихъ реформъ. Г. Оршанскій вполнѣ основательно утверждаетъ, что народный судъ «принадлежитъ къ лучшимъ, и практически удачнѣйшимъ составнымъ частямъ величайшей и глубоко продуманной изъ реформъ царствованія императора Александра II». Теперь вы съ трудомъ найдете изглаживающіеся слѣды «практически удачнѣйшаго» учрежденія. Вспомнимъ, что мрачная эпоха крѣпостного права и та немогла окончательно искоренить народный судъ.

Эта эпоха, навѣрно, еще въ теченіе долгаго времени будетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, желающихъ выяснить происхожденіе и значеніе крѣпостного права въ исторіи русскаго народа и другихъ народностей, оказавшихся въ предѣлахъ русской государственной территоріи. Многіе, идеализирующіе эпоху крѣпостного права, и теперь склонны доказывать, что самъ народъ призналъ для себя крѣпостное право. Придерживающіеся же противоположныхъ взглядовъ въ каждой строкѣ своихъ произведеній высказываютъ сожалѣніе и жалость къ народу. Мы склонны думать, что жалость и сожалѣніе въ данномъ случаѣ мало умѣстны и не говорятъ въ пользу плаксиво-сантиментальнаго народолюбства. Народъ, пережившій крѣпостное право, долженъ вызывать къ себѣ истинное и глубокое уваженіе. Тутъ предъ историкомъ раскрывается не рядъ «геройскихъ» подвиговъ на поляхъ сраженій въ борьбѣ съ «внѣшними врагами», а сплошная четырехсотлѣтняя исторія десятковъ милліоновъ душъ въ предѣлахъ формъ бытія, установленныхъ государственнымъ механизмомъ. Это исторія хотя и грустной, но поистинѣ геройской жизни народа.

Стоитъ задуматься надъ тѣмъ, что народъ все-таки *жилъ* въ эпоху крѣпостного права и *пережилъ* эту эпоху, не утративъ вѣры въ силу и

господство правды. Нѣтъ спора, въ теченіе 400 лѣтъ сила энергіи, сила моральнаго сопротивленія ослабѣли. Крѣпостная эпоха положила свой отпечатокъ въ народной душѣ и глубоко въѣлась въ нравы и чувства народа. Народъ не пронесъ чрезъ всю эпоху крѣпостного права присущія ему чувства и моральныя понятія во всей ихъ неприкосновенной чистотѣ. Многое въ немъ вытравила эта эпоха, но не искоренила въ немъ вѣры въ нравственную потребность жить по правдѣ. Тамъ, гдѣ крѣпостной режимъ не выражался во всѣхъ прелестяхъ безграничной помѣщичьей власти, народъ разбирался въ своихъ пререканіяхъ и спорахъ о правѣ по чистой правдѣ и завѣтамъ старины. Редакціонныя коммисіи признали тотъ фактъ, что даже въ эпоху крѣпостного права народъ доказалъ свою способность отправлять въ своей средѣ правосудіе своими собственными силами. При отмѣнѣ крѣпостного права и имѣлось въ виду вызвать къ жизни судъ народа для народа. Тогда недумали навязывать народу тотъ или другой судъ, а глубоко вѣрили, что народъ самъ выработаетъ и создастъ для себя свой народный судъ.

Реформа 1861 г. дѣйствительно сопровождалась призваніемъ къ жизни народнаго суда. По своему характеру и значенію, судъ народа для народа могъ занять первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ судебныхъ органовъ. Въ подтвержденіе этой мысли, считаемъ не лишнимъ сослаться на мнѣнія людей, не обнаруживающихъ особыхъ симпатій къ народному суду. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ г. Леонтьевъ, то постановленіе нашихъ основныхъ законовъ, которое гласитъ, что имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ, и которое предписываетъ, чтобы всѣ безъ изъятія мѣста и лица утверждали свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона. Всѣмъ извѣстно также, что такое постановленіе въ отношеніи суда, составляющаго отрасль «управленія» въ обширномъ смыслѣ, далеко неточно. Громадная масса русскихъ подданныхъ изъята отъ дѣйствія суда, постановляющаго свои рѣшенія на «*точныхъ словахъ закона*», и судится «по обычаямъ», ей одной вѣдомымъ и не только не получившимъ утвержденія верховной власти, но и нигдѣ не писаннымъ. Крестьянское населеніе Россіи, составляющее 82 проц. общаго числа жителей, пользуется правосудіемъ такого суда, обращаясь лишь въ исключительныхъ случаяхъ къ помощи суда короннаго. Если мы прибавимъ къ этому и нѣсколько милліоновъ инородцевъ, которые также судятся по своимъ обычаямъ и своими народными судами, то окажется, что писанные законы въ сферѣ гражданскаго права и обширной массы правонарушеній *созданы собственно для самой незначительной части населенія Имперіи*» [1]).

[1]) Леонтьевъ. Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ, 3—4 с.

Въ этой довольно безпристрастной характеристикѣ народнаго суда и его значенія слышится грусть настоящаго юриста о такомъ судѣ, который дѣйствуетъ безъ помощи законовъ и отправляется народомъ для цѣлыхъ 82 проц. всего населенія, обитающаго на русской территоріи. По своему, такъ сказать, количественному значенію народный судъ могъ затемнить даже и великую судебную реформу. Къ сожалѣнію, предположенія, связанныя съ призваніемъ къ жизни народнаго суда, далеко не оправдались. Вопросъ о причинахъ такой неудачи требуетъ болѣе серьезнаго отношенія, чѣмъ то мы видимъ въ нашей періодической печати. Ссылки на отдѣльные факты и болѣе или менѣе часто повторяющіяся явленія въ крестьянской жизни свидѣтельствуютъ о довольно поверхностномъ отношеніи къ дѣлу. Произволъ волостныхъ писарей, гнетъ мѣстныхъ воротилъ и кулаковъ, несомнѣнно, отразились весьма неблагопріятно на развитіи крестьянскаго правосудія. Однако, эти обстоятельства не имѣютъ самостоятельнаго значенія: они, въ свою очередь, выросли на почвѣ тѣхъ же общихъ условій, которыя породили разныя нестроенія и въ отправленіи деревенскаго правосудія. Судъ народа для народа въ крестьянскихъ Положеніяхъ представлялъ только одну отрасль деревенскаго самоуправленія, а всѣ эти отрасли вмѣстѣ должны были раздѣлять ту общую судьбу, которая готовилась имъ въ Положеніяхъ. Если-бы Положенія представляли собою вполнѣ благопріятную почву для одобреннаго ими въ принципѣ широкаго деревенскаго самоуправленія, то въ такомъ случаѣ и самостоятельный судъ народа для народа развивался-бы нормально и въ наши дни, за рѣдкими исключеніями, служилъ-бы интересамъ одной правды. Вся суть дѣла и состоитъ въ томъ, что крестьянскія Положенія, при широкихъ принципіальныхъ замыслахъ, оказались слишкомъ обрѣзанными на счетъ тѣхъ средствъ и условій, которыя могли-бы содѣйствовать воплощенію въ дѣйствительности широкихъ принципіальныхъ начинаній. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ теперь закончились широкія начинанія въ области крестьянскихъ поземельныхъ отношеній. Никто теперь не говоритъ о неожиданности этихъ результатовъ. Равнымъ образомъ трудно говорить и о неожиданности тѣхъ результатовъ, которыми закончилось развитіе одобреннаго при реформѣ народнаго суда. При реформѣ имѣлось въ виду вызвать къ жизни судъ народа для народа, но та-же самая реформа не устанавливала для его нормальнаго развитія никакихъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій. Въ виду этого, слѣдуетъ удивляться не тѣмъ нежелательнымъ и печальнымъ явленіямъ, которыя нерѣдко замѣчались въ дѣятельности народнаго суда, а слѣдуетъ удивляться тому, что народный судъ до самой послѣдней реформы все-таки сохранялъ многія достоинства, признаваемыя и его противниками. Этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ, что судъ народный, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ-бы имѣть громадное значеніе въ исторіи народа.

Вопросу объ этихъ благопріятныхъ условіяхъ посвящено не мало статей, брошюръ и изслѣдованій. Большинство авторовъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ произведеній, при самомъ отрадномъ отношеніи къ народному суду и его возможной будущности, забываютъ, что онъ страдаетъ не своими специфическими болѣзнями, а раздѣляетъ, какъ мы сказали, общую судьбу всѣхъ другихъ сторонъ деревенской жизни. Выдѣленіе деревенскаго суда въ особую категорію явленій въ интересахъ специфическаго его лѣченія,—не затрогивая всего организма,—не могло привести къ благимъ результатамъ и свидѣтельствовало лишь о малопонятномъ нежеланіи считаться съ тѣми условіями въ жизни деревни, которыя одновременно вызываютъ нестроенія въ крестьянскомъ судѣ, и въ крестьянскомъ землевладѣніи, въ крестьянскомъ сходѣ и вообще во всемъ крестьянскомъ самоуправленіи. Народный судъ нельзя выдѣлить изъ всѣхъ прочихъ сторонъ деревенской жизни и нельзя направить его на путь нормальнаго развитія при помощи тѣхъ или другихъ средствъ, такъ сказать, чисто судебнаго характера, предназначенныхъ воздѣйствовать на судъ непосредственно.

Съ этой точки зрѣнія пришлось-бы многое сказать о Положеніи 12 іюля 1889 г. и сопровождавшихъ его Временныхъ Правилахъ о волос. судѣ, изданіемъ которыхъ закончились всѣ благіе разговоры объ улучшеніи народнаго суда. Значеніе Положенія 12 іюля для деревни уже было подробно выяснено на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» [1]), а потому мы и не станемъ снова затрагивать этого существенно важнаго вопроса. Положеніе 12-го іюля и Временныя Правила не имѣли своею прямою цѣлью полнаго упраздненія народнаго суда. Быть можетъ, при ихъ изданіи имѣлась въ виду даже совершенно иная цѣль, но особенности Положенія носятъ такой специфическій характеръ, что оно должно было отразиться на судьбѣ любого суда такъ, какъ оно отразилось на судьбѣ нашего деревенскаго народнаго суда. Въ этомъ отношеніи прекрасно освѣдомлены всѣ тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ приходилось сталкиваться съ жизнью деревни въ послѣдніе годы, и размышленія нашихъ юристовъ для нихъ являются настоящимъ откровеніемъ. Юристы прекрасно оцѣниваютъ всѣ специфическія особенности Положенія 12 іюля 1889 г. и въ то-же самое время согласны признавать, что оно дало сильный толчекъ къ развитію народнаго суда на тѣхъ началахъ, которые были положены въ его основаніе при самомъ призваніи его къ жизни. Такъ напр., г. Леонтьевъ, образованный юристъ-практикъ, утверждаетъ, что съ изданіемъ Положенія 1889 г., теченіе дѣлъ измѣнилось въ пользу тѣхъ началъ, которые были положены въ основу нашего народнаго суда. «Теперь, съ введеніемъ Положенія о земскихъ

[1]) См. статью «Земскіе начальники и судебная реформа» въ «Сѣв. Вѣстн.» за 1894 г., № 10.

начальникахъ, говоритъ г. Леонтьевъ, дѣло измѣнилось. Тѣ начала, на которыхъ существовалъ волостной судъ, получили большее развитіе и небывалое значеніе въ народной жизни» [1]). Г. Леонтьевъ впадаетъ въ страшное заблужденіе, забывая о томъ, что ему самому приходилось наблюдать. Мы напомнимъ г. Леонтьеву его собственныя размышленія по поводу его собственныхъ-же наблюденій, но сначала считаемъ не лишнимъ познакомить его съ дѣятельностью земскихъ начальниковъ, и съ ихъ взглядами на свое призваніе по отношенію къ народному суду. Мы предлагаемъ ему ознакомиться съ недавно вышедшей книгой земскаго начальника г. Беэра, уже извѣстнаго читателямъ «Сѣвернаго Вѣстника». Г. Беэръ въ своей «Инструкціи» волостнымъ судамъ говоритъ, что «земскимъ начальникамъ выпала на долю труднѣйшая задача вполнѣ самостоятельно, *по собственному благоусмотрѣнію*, устроить правильное судопроизводство и дѣлопроизводство *ввѣренныхъ ихъ попеченію* волостныхъ судовъ». Тутъ каждое слово уличаетъ г. Леонтьева въ жестокомъ заблужденіи и смыслъ всѣхъ этихъ словъ не противорѣчитъ духу положенія 12 іюля 1889 г. Г. Беэръ ничего не преувеличиваетъ, а говоритъ настоящую правду, во имя и отъ имени Положенія 12 іюля 1889 года. Конечно, г. Беэру не менѣе чѣмъ и г. Леонтьеву извѣстна ст. 25-я Времен. Прав. о волост. судѣ, въ которой сказано: «при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности-же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями». Г. Беэръ, какъ земскій начальникъ, прекрасно знаетъ эту статью и всетаки основательно вразумляетъ г. Леонтьева, докладывая ему, что земскимъ начальникамъ выпала на долю трудная задача устроить правильное судопроизводство въ *опекаемыхъ* ими волостныхъ судахъ «*по своему собственному благоусмотрѣнію*».

Это «собственное благоусмотрѣніе» теперь является главнымъ факторомъ во всемъ деревенскомъ правосудіи, какъ это приходилось наблюдать и самому г. Леонтьеву. Напомнимъ г. Леонтьеву, что ему приходилось наблюдать слѣдующее: «зависимость отъ земскаго начальника — полнѣйшая. Земскій начальникъ de facto назначаетъ судей, онъ назначаетъ волостного писаря—этого дѣйствительнаго вершителя дѣлъ, онъ устанавливаетъ порядокъ производства дѣлъ, онъ контролируетъ, указываетъ, указываетъ властно, съ примѣненіемъ дисциплинарнаго наказанія. Намъ не разъ и не въ одномъ мѣстѣ приходилось наталкиваться на примѣненіе земскимъ начальникомъ ареста въ дисциплинарномъ порядкѣ къ цѣлому составу волостного суда и не за нарушеніе какихъ-либо формальныхъ обязанностей, какъ напр., за выпивку во время засѣданія или что-либо подобное. Въ этомъ случаѣ 61 ст. Полож. о зем.

---

[1]) Леонтьевъ. «Волостной судъ», 5 стр.

нач. примѣняется всюду. Но она примѣняется и за неправильное рѣшеніе дѣла по существу. Этого мало. Намъ приходилось встрѣчаться и съ такими случаями, гдѣ земскіе начальники въ увлеченіи своими полномочіями прямо предписывали суду рѣшеніе дѣла въ извѣстномъ смыслѣ. И такая дѣятельность земскихъ начальниковъ нерѣдко не есть результатъ намѣреннаго злоупотребленія. Нѣтъ. Дѣлается это подчасъ съ самыми благими намѣреніями. Намъ приходилось, напр., видѣть прошенія, подаваемыя крестьянами земскому начальнику и послѣднимъ направляемыя въ волостной судъ съ надписью, въ которой прямо указывается, какъ надо рѣшить дѣло. Конечно, такое указаніе для волостного суда есть приказаніе. Спрашивается, возможенъ-ли какой-либо судъ, хотя немного достойный этого названія, въ такомъ зависимомъ положеніи? Или въ числѣ особенностей нашихъ крестьянъ существуетъ и такая, которая дѣлаетъ излишнимъ существованіе у нихъ независимаго суда? Но тогда не легче-ли придти къ такому заключенію, что крестьяне не нуждаются ни въ правѣ, ни въ судѣ. Главная, однако, причина хаоса въ сферѣ народной (?) юстиціи, образованной по закону 1889 г.—это не писанное обычное право» [1]).

Вотъ эта слѣпая ненависть къ «неписанному» праву помѣшала г-ну Леонтьеву твердо помнить, что народный судъ теперь смѣнило благоусмотрѣніе. Надъ этимъ благоусмотрѣніемъ, въ свою очередъ, возникаютъ разныя надстройки, направленныя къ водворенію въ деревенскомъ правосудіи писаннаго права вмѣсто «неписаннаго обычнаго права». Врем. Прав. о волостн. судѣ въ сущности играютъ очень слабую роль. Мы тутъ должны отмѣтить то, что происходитъ съ этими Правилами и по поводу этихъ правилъ. Г. Беэръ справедливо утверждаетъ, что «въ настоящее время дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: 42 статьи Врем. Прав. о волостн. судѣ совершенно теряются въ многочисленныхъ толкованіяхъ прав. сената, министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, циркулярахъ господъ губернаторовъ и губернскихъ присутствій и среди разъясненій уѣздныхъ съѣздовъ и гг. земскихъ начальниковъ». [2]) Вотъ это одна сторона въ судьбѣ Врем. Прав. о волост. судѣ и самого деревенскаго суда. Законъ оттѣсненъ на задній планъ толкованіями и разъясненіями всѣхъ тѣхъ органовъ, которые имѣютъ если не право, то полную возможность въ истолкованіи законовъ дать ходъ своему благоусмотрѣнію. Г. Бэ-еръ, не находящій словъ для выраженія своего поклоненія и своихъ восторговъ предъ Положеніемъ 12 іюля 1889 г., долженъ быть признанъ самымъ подходящимъ судьей и безпристрастнымъ

[1]) Леонтьевъ. Волостной судъ. стр. 68—69.

[2]) В. А. Бэ-еръ. Инструкція волостнымъ судамъ, преобразованнымъ по закону 12 іюля 1889 г., VIII стр.

свидѣтелемъ. Правда, онъ сообщаетъ болѣе утѣшительныя свѣдѣнія о характерѣ и направленіи циркуляровъ и разъясненій. Тутъ мы сталкиваемся съ другой стороной въ исторіи Времен. Прав. о волостн. судѣ. «Разсматривая ближе эти толкованія и разъясненія, говорить г. Беэръ, легко можно видѣть, что сіи разъясненія суть въ большинствѣ случаевъ подведенія правилъ судопроизводства Судебныхъ Уставовъ подъ соотвѣтствующія статьи Врем. Прав. о волостн. судѣ или полное примѣненіе первыхъ къ руководству преобразованнаго суда». Можно почти безошибочно утверждать, что такимъ характеромъ отличаются. главнымъ образомъ, рѣшенія Сената и разъясненія министерства юстиціи. Быть можетъ, тотъ-же самый характеръ иногда проглядываетъ и въ разъясненіяхъ другихъ органовъ, но суть дѣла заключается не въ этомъ а въ нѣсколько оригинальной попыткѣ пополнить примѣчаніе 1 къ ст. 102 Общаго Положенія.

Какъ извѣстно, въ этой статьѣ предусматривалась возможность изданія общаго сельскаго судебнаго устава. До реформы 1889 г. объ этомъ уставѣ вспоминали нерѣдко, но о составленіи его не особенно безпокоились и не торопились съ его изданіемъ. Реформа 1889 г. застала народный судъ дѣйствующимъ безъ помощи общаго сельскаго судебнаго устава. Въ ст. 87 Положенія 12 іюля 1889 г. уѣзднымъ съѣздамъ было поручено составить инструкціи для волостныхъ судовъ «относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ 12 іюля 1889 г. обязанностей». Вотъ эти инструкціи могутъ играть видную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ деревенскаго правосудія. Достаточно указать на тотъ фактъ, что въ числѣ оффиціальныхъ авторовъ инструкцій можетъ выступать и г. Беэръ. Въ введеніи къ своей инструкціи г. Бэ-еръ поясняетъ, что онъ принялся за ея составленіе не по собственному побужденію, а по порученію мѣстнаго (мценскаго) уѣзднаго предводителя дворянства. Мы затрудняемся утверждать, что большинство инструкцій составлено (или будетъ составлено) людьми, равными г. Беэру, и что авторы большинства инструкцій не будутъ смотрѣть на нихъ глазами г. Беэра. Взгляды-же г. Беэра на значеніе инструкцій достойны вниманія. «Инструкція относительно порядка исполненія возложенныхъ на волостной судъ закономъ 12 іюля 1889 г. обязанностей, по мнѣнію г. Беэра, должна заключать въ себѣ, несомнѣнно, порядокъ судопроизводства и дѣлопроизводства сего суда, совершенно непредусмотрѣнныхъ вышеупомянутымъ закономъ: иначе сказать *волостной судебный уставъ*». О такой великой роли инструкцій можно сказать, что она едвали совмѣстима съ тѣмъ уваженіемъ къ законамъ, которымъ проникнутъ г. Беэръ. Впрочемъ, г. Беэръ, повидимому, оправдываетъ свой взглядъ на такую роль инструкціи слабыми сторонами Врем. Прав. о волостномъ судѣ. «Статьи Врем. Прав. о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., говоритъ онъ, составлены вообще въ весьма

небрежныхъ и неудачныхъ выраженіяхъ, какихъ почти не имѣется въ Положеніи о земскихъ начальникахъ».

Не слѣдуетъ, однако, думать, будто г. Беэръ и другіе составители инструкцій прямо отъ себя сочиняютъ «волостной судебный уставъ». Проявляя свое благоусмотрѣніе и свое творчество, г. Беэръ вообще большой поклонникъ «узаконенія» крестьянской жизни и народнаго суда. Онъ настаиваетъ на необходимости распространить на дѣятельность народнаго суда нормы формальнаго и матеріальнаго права изъ дѣйствующаго писаннаго законодательства. «Допустить противное, говоритъ онъ, и признать, что законъ не обязателенъ для суда, значитъ провозгласить произволъ и освободить подвѣдомственныхъ волостному суду лицъ отъ подчиненія закону». Напрасно г. Беэръ такъ поспѣшно, безъ всякаго разбора, бросаетъ такими громкими словами, какъ законъ и произволъ. Игрой словами нельзя разрѣшить вопросъ о распространеніи на народный судъ нормъ писаннаго права. Это распространеніе, въ свою очередь, можетъ быть нарушеніемъ закона и настоящимъ произволомъ. Какъ уже извѣстно читателямъ, ст. 25 Врем. Прав. о волостномъ судѣ гласитъ: «при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями». Въ самой инструкціи г. Беэра приводится давно извѣстное разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ 1891 г., въ которомъ сказано, что волостной судъ нельзя стѣснять формальными требованіями гражданскаго судопроизводства, а нужно заботиться о томъ, чтобы этотъ судъ «при разборѣ подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ имѣлъ право свободно по совѣсти и внутреннему убѣжденію оцѣнивать представленные сторонами доводы и могъ разрѣшать дѣла на основаніи, какъ письменныхъ доказательствъ и свидѣтельскихъ показаній, такъ равно и всѣхъ другихъ вытекающихъ изъ дѣла или имѣющихся въ распоряженіи суда данныхъ». Это разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ вполнѣ отвѣчаетъ смыслу дѣйствующихъ узаконеній, избавляющихъ народный судъ отъ подчиненія нормамъ писаннаго права.

Само собою понятно, что одно избавленіе въ дѣйствующемъ законодательствѣ народнаго суда отъ нормъ писаннаго права еще ничего не говоритъ о томъ, что такое избавленіе можетъ быть признано справедливымъ и основательнымъ. Выше мы отмѣтили тотъ фактъ, что вопреки ст. 25 Врем. Прав. о волос. судѣ и вопреки приведенному разъясненію министерства внутреннихъ дѣлъ, на народный судъ усиленно надвигаютѣ нормы писаннаго права. Въ плодотворность и благодѣтельное значеніе такой политики твердо вѣрятъ и земскіе начальники, въ силу своего служебнаго призванія, и юристы, въ силу своего образованія и якобы гуманныхъ воззрѣній. Такая нѣсколько странная солидарность должна остановить на себѣ вниманіе всякаго человѣка, непредубѣжденнаго въ пользу

нормъ писаннаго права. Юристъ въ своемъ поклоненіи предъ нормами писаннаго права можетъ идти такъ далеко, что ему самому должна показаться странной та солидарность, которую мы отмѣтили. Это поклоненіе у г. Леонтьева по самой своей формѣ достойно всякаго вниманія людей, желающихъ избѣгать крайнихъ заблужденій. Расписывая великое значеніе нормъ писаннаго права, г. Леонтьевъ съ паѳосомъ восклицаетъ: «говорить, что правовыя нормы вообще мѣшаютъ проявленію справедливости, стѣсняютъ примѣненіе послѣдней—все равно, что говорить, что знаніе законовъ гармоніи звуковъ, подчиненіе этимъ законамъ мѣшаютъ проявленію музыкальнаго чувства или что подчиненіе законамъ логики стѣсняетъ людей при ихъ дѣятельности, направленной къ отысканію истины!» (стр. 24). Это уже настоящій взрывъ ослѣпленнаго фанатизма.

При такомъ фанатизмѣ, при такомъ ослѣпленномъ преклоненіи предъ писаннымъ правомъ, г. Леонтьеву оставалось всѣ крупныя достоинства народнаго суда признать самыми крупными его недостатками. Онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для выясненія всѣхъ пороковъ, присущихъ волостному суду. «Волостной судъ, по мнѣнію г. Леонтьева, не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ко всякому суду даже въ самыхъ мало цивилизованныхъ обществахъ». Органическій порокъ волостного суда коренится «въ основныхъ принципахъ его устройства». Читателямъ уже извѣстно, въ чемъ состоитъ этотъ органическій порокъ. «Господство обычнаго права, какъ права *неписаннаго*, въ крестьянскихъ судахъ, по убѣжденію г. Леонтьева, всегда будетъ связано съ крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ ихъ». Эта святая истина, по мнѣнію Леонтьева, подтверждается всей исторіей развитія права. «Первыя ступени гражданскаго развитія обществъ, говоритъ г. Леонтьевъ, знаменуются фиксированіемъ обычноправовыхъ воззрѣній, претвореніемъ ихъ въ писанные кодексы, которые, воспріявъ затѣмъ санкцію государственной власти, становятся закономъ, равно для всѣхъ обязательнымъ, всѣмъ извѣстныхъ и твердо устанавливающимъ правовую жизнь гражданъ. И не странно-ли лишать въ XIX с. крестьянское населеніе преимуществъ господства закона въ правовой жизни и оставлять его во власти судебнаго произвола? Мы говоримъ судебнаго произвола, потому что всякій судъ, будь онъ волостной или коронный, но разъ онъ не связанъ закономъ, разъ онъ, отправляя правосудіе, въ каждомъ данномъ случаѣ становится и судьей и законодателемъ, его дѣятельность по необходимости получаетъ характеръ произвола и лишаетъ гражданъ всякой увѣренности въ незыблимости подчасъ потомъ и кровью пріобрѣтенныхъ правъ!» (стр. 35).

Прекращеніе такого, по господствующему мнѣнію, нетерпимаго порядка мыслимо только при подчиненіи крестьянской жизни твердымъ нормамъ писаннаго права. Большинство современныхъ реформаторовъ народнаго суда

придерживается такой именно точки зрѣнія. Они категорически настаиваютъ на необходимости подчинить дѣятельность народнаго суда нормамъ матеріальнаго писаннаго права. Раздѣленіе на два лагеря является уже результатомъ спора о томъ, нормамъ какого писаннаго права слѣдуетъ подчинить дѣятельность народнаго суда. Одни стоятъ за распространеніе X т., другіе—за кодификацію обычнаго права. Уже это раздѣленіе реформаторовъ народнаго суда на два лагеря свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о необходимости и безусловной полезности подчиненія народнаго суда нормамъ писаннаго права является еще спорнымъ и подающимъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ и пререканіямъ. Мы высказались-бы въ пользу подчиненія народнаго суда нормамъ писаннаго права лишь въ томъ случаѣ, если-бы намъ доказали, что такое подчиненіе будетъ содѣйствовать эволюціи правового творчества и торжеству началъ справедливости въ дѣлѣ правосудія.

О значеніи писаннаго права для эволюціи правового творчества и юридическихъ воззрѣній самъ г. Леонтьевъ высказываетъ такія сужденія, которыя говорятъ не въ пользу писаннаго права. Онъ попытался, было, полемизировать съ г. Оршанскимъ о вредномъ, душащемъ формализмѣ писаннаго права, но потерпѣлъ неудачу. «Извѣстенъ, говоритъ г. Леонтьевъ, глубоко вѣрный афоризмъ, что худой законъ лучше беззаконія, худая правовая норма лучше ея отсутствія». Въ виду этого г. Леонтьевъ сожалѣетъ, что «находятся не только профаны, но и профессіональные и ученые юристы, проповѣдующіе во всеуслышаніе, что отсутствіе правовыхъ нормъ знаменуетъ особенно возвышенное понятіе о справедливости и что народная жизнь въ общихъ нормахъ права и не нуждается». Конечно, возражать противъ такихъ еретиковъ-юристовъ ссылками на «глубоко вѣрный афоризмъ» весьма трудно. Пусть г. Леонтьевъ докажетъ, что этотъ глубоко-вѣрный афоризмъ не оправдываетъ беззаконіе при помощи худыхъ законовъ и безправіе при помощи худыхъ правовыхъ нормъ. Даже въ менѣе рѣзкой формѣ «глубоко вѣрный афоризмъ» все-таки ведетъ къ санкціонированію нарушенія справедливости при помощи нормъ писаннаго права. «Мы присутствуемъ, говоритъ самъ г. Леонтьевъ, при интересной коллизіи, впрочемъ, довольно распространенной въ области нравственныхъ явленій: та самая правовая норма, которая явилась какъ результатъ стремленія къ справедливому, становится въ противорѣчіе съ справедливостью и препятствуетъ дальнѣйшему проявленію этого правотворящаго фактора. Такое явленіе, столь часто повторявшееся въ римской исторіи, откуда оно и заимствовало свою форму (fiat justicia и т. д.), случается во всякомъ обществѣ и случается тѣмъ чаще, чѣмъ медленнѣе законодательство даннаго народа измѣняется согласно измѣненіямъ въ жизни народа, чѣмъ оно консервативнѣе». (24 с.) Законодательство всегда измѣняется слишкомъ медленно

по сравненію съ ходомъ измѣненій въ дѣйствительной жизни и весьма рѣдко измѣняется согласно съ измѣненіями въ жизни народа. Такимъ образомъ, и указанная коллизія и процессъ измѣненій въ области писаннаго права ничего не говорятъ о его плодотворномъ значеніи для эволюціи правовыхъ воззрѣній и отношеній.

Если г. Леонтьеву угодно познакомиться съ такимъ правомъ, которому были бы чужды (по крайней мѣрѣ въ рѣзкой формѣ) отмѣченные имъ недостатки писаннаго права, то мы предлагаемъ ему обратить болѣе серьезное вниманіе на ненавистное «неписанное обычное право». Обычное право уже въ силу своего происхожденія отличается большей жизненностью, большей гибкостью и большей подвижностью. Тѣ или другія нормы обычнаго права не пишутся для жизни, а вызываются жизнью. Они измѣняются согласно съ требованіями жизни и не особенно отстаютъ отъ хода измѣненій въ условіяхъ самой жизни. Несомнѣнно, и нормы обычнаго права не отличаются такой подвижностью, какая свойственна самой жизни, но разъ онѣ порождаются самою жизнью, то сама жизнь, при нормальныхъ условіяхъ, руководитъ дальнѣйшими въ нихъ измѣненіями безъ бумажныхъ проволочекъ и замедленій. Правда, обычное право страдаетъ и другой отсталостью, вызываемой примитивностью тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ его основаніи, но эта отсталость едва-ли можетъ быть признана недостаткомъ нормъ неписаннаго народнаго права. Большинство нашихъ юристовъ склонны понимать указанную примитивность въ смыслѣ самомъ невыгодномъ для обычнаго права. Они стараются подобрать рядъ обычаевъ, сохраняющихся въ силу суевѣрія и невѣжества, и говорятъ, что обычное право санкціонируетъ такой порядокъ отношеній, который поддерживаетъ грубость нравовъ въ крестьянской средѣ и возмущаетъ чувства культурнаго человѣка. Стоитъ вспомнить, какъ критиковали юристы отступниковъ изъ своей среды въ лицѣ Оршанскаго и Кистяковскаго. Ихъ самымъ серьезнымъ образомъ упрекали въ томъ, что они отстаиваютъ такой судъ и такое право, которые караютъ жестоко колдуновъ и очень мягко наказываютъ за снохачество. Безспорно, въ неписанномъ обычномъ правѣ имѣются не особенно выгодныя для него стороны и многія постановленія его запечатлѣны невѣжествомъ. Но почему съ такой же строгой критикой не относятся къ нормамъ писаннаго права? Въ писанномъ правѣ любой страны есть тьма постановленій самаго возмутительнаго характера.

Мы не будемъ говорить о нормахъ писаннаго права, заключающихся въ нашемъ X т., распространеніе котораго на народные суды представляется весьма благодѣтельнымъ. Мы остановимся на Германіи, гдѣ юриспруденція стоитъ, по общему мнѣнію, выше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Въ Германіи, въ теченіе весьма долгаго времени, готовился гражданскій кодексъ. Писали его при помощи всѣхъ лучшихъ силъ, ко-

торыми располагаетъ Германія. Гласность и свобода обсужденія въ печати, конечно, тамъ не встрѣчали никакихъ препятствій. Словомъ, въ Германіи, при составленіи гражданскаго кодекса, были примѣнены всѣ тѣ условія, которыми можно располагать въ данную эпоху, и мы можемъ смотрѣть на германскій гражданскій кодексъ, какъ на послѣднее слово въ развитіи писаннаго права. Однако, нѣкоторые изъ юристовъ зарождающейся новой формаціи находятъ, что въ сущности германскій гражданскій кодексъ не далеко ушелъ отъ первыхъ опытовъ по сочиненію нормъ писаннаго права. Къ числу такихъ юристовъ принадлежитъ и ректоръ вѣнскаго университета Антонъ Менгеръ. Его рѣчь, при вступленіи въ отправленіе обязанностей ректора, появилась на русскомъ языкѣ во многихъ переводахъ [1]). Мы предлагаемъ читателямъ ознакомиться съ этой небольшой рѣчью, незанимающей и одного печатнаго листа, такъ какъ мы должны ограничиться только относящимися къ нашей цѣли цитатами.

«Когда въ 1888 г., говорилъ Менгеръ,—былъ опубликованъ первый проектъ гражданскаго уложенія для Германской имперіи, онъ произвелъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ обширныхъ кругахъ нѣмецкаго народа. Раздавшіеся съ разныхъ сторонъ по его адресу упреки сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) что онъ лишенъ соціальнаго характера, 2) что онъ отвелъ слишкомъ много мѣста положеніямъ римскаго права въ ущербъ нѣмецкимъ правовымъ воззрѣніямъ, 3) что онъ, по своей внѣшней формѣ, составленъ не достаточно народно». Относительно двухъ послѣднихъ упрековъ Менгеръ не счелъ нужнымъ распространяться, ошибочно предполагая, что они затрогиваютъ вопросы, доступные и интересные для однихъ спеціалистовъ. «Наоборотъ изслѣдованіе соціальныхъ задачъ законодательства и юриспруденціи, по мнѣнію Менгера, можетъ разсчитывать на интересъ и пониманіе большой публики», предъ которой ему пришлось держать свою ректорскую рѣчь. Въ виду этого онъ и остановился на первомъ упрекѣ. «Прежде всего замѣтимъ,—говоритъ Менгеръ, что упрекъ въ томъ, что проектъ нѣмецкаго гражданскаго уложенія упускаетъ изъ виду защиту слабыхъ и потому лишенъ соціальнаго характера, *хотя самъ по себѣ совершенно справедливый*, не можетъ быть, однако, признанъ умѣстнымъ въ устахъ юристовъ, которые его дѣлаютъ. Вѣдь это избитое общее мѣсто, что всякое уложеніе непремѣнно отражаетъ въ себѣ господствующія въ юриспруденціи своего времени воззрѣнія и стремленія, такъ какъ при составленіи уложеній главную роль играютъ, конечно, юристы по спеціальности. И вотъ можно безусловно утверждать, что ко времени

[1]) Намъ извѣстны: 1) изданіе Международной Библіотеки подъ заглавіемъ «Общественныя задачи правовѣдѣнія», 2) переводъ Гредескула подъ заглавіемъ «Соціальныя задачи юриспруденціи». Цитаты взяты нами изъ послѣдняго перевода.

выработки перваго проекта гражданскаго уложенія (совершавшейся въ теченіе 1874—1888 годовъ), нѣмецкая юриспруденція не обнаруживала и тѣни какихъ-либо соціальныхъ стремленій. Поэтому, если иные юристы, которые исповѣдуютъ господствующія воззрѣнія и которые въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ никогда не возбуждали даже вопроса о томъ, не построена ли вся нынѣшняя система гражданскаго права или отдѣльныя ея части преимущественно въ интересахъ покровительствуемыхъ классовъ,—все-таки ставятъ въ упрекъ проекту гражданскаго уложенія, что онъ лишенъ соціальнаго характера, то составители проекта съ полнымъ правомъ могутъ имъ на это отвѣтить, что, дѣйствительно, это недостатокъ, но только не одного ихъ проекта, а всей нѣмецкой юриспруденціи и даже юриспруденціи культурныхъ народовъ вообще. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отрицать того, что правовѣдѣніе самыхъ передовыхъ народовъ въ соціальномъ отношеніи совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени».

Тутъ мы должны прервать рѣчь Менгера и остановить вниманіе читателей на характеристикѣ той подготовленности, на которую могутъ претендовать юристы при обсужденіи вопроса о томъ, какое право является наиболѣе подходящимъ для дальнѣйшихъ успѣховъ юридическаго творчества въ интересахъ наиболѣе справедливаго урегулированія взаимныхъ отношеній. Всѣ они фанатики писаннаго права, которое составляется при ихъ ближайшемъ участіи и теперь ими старательно или по невѣжеству ограждается отъ свѣжихъ теченій, во имя требованій той же самой юриспруденціи. Объ ихъ прошлой дѣятельности Менгеръ также не особенно лестнаго мнѣнія. О характерѣ этой дѣятельности можно судить по существующимъ кодексамъ болѣе или менѣе новымъ или болѣе или менѣе старымъ. Если Менгеръ признаетъ азбучной истиной, что «всякое уложеніе, непримѣнно отражаетъ въ себѣ господствующія въ юриспруденціи своего времени воззрѣнія и стремленія», то по характеру этихъ уложеній мы можемъ судить и о характерѣ юриспруденціи. Характеризуя современные кодексы (современное писанное право), Менгеръ говоритъ: «правовой порядокъ каждой страны всегда является не болѣе, какъ отраженіемъ соціальныхъ силъ, исторически образовавшихся въ нѣдрахъ народа. Интересы господствующихъ классовъ общества, когда они получаютъ силу на продолжительное время, всегда превращаются въ права путемъ санкціонированія ихъ юридическими нормами, которыя уже какъ нѣчто объективно данное, считаются обязательными для всѣхъ членовъ общежитія».

Мы затруднились-бы доказать, что всѣ упреки, поставленные Менгеромъ современному писанному праву и современной юриспруденціи, не могутъ быть обращены и противъ нашего обычнаго права. Всѣ изслѣдователи нашего обычнаго права свидѣтельствуютъ, что оно отличается соціально-этиче-

скимъ характеромъ. Думаемъ, что это преимущество побудило-бы ректора вѣнскаго университета признать наше обычное право, при всѣхъ его недостаткахъ, не страдающимъ такими соціальными дефектами, которыми пропитаны статьи и праграфы въ кодексахъ даже самыхъ культурныхъ народовъ. Въ виду этого нѣсколько выше мы и отказались обсуждать вопросъ о распространеніи на дѣятельность народнаго суда X т., вмѣсто нормъ неписаннаго обычнаго права. Нашъ X т. такъ безпристрастно разобранъ нашими-же юристами, что они должны-же вспомнить, какимъ нормамъ писаннаго права они желаютъ подчинить 100 милл. народа въ ихъ повседневной жизни. Думаемъ, что все вышеизложенное говоритъ противъ такого подчиненія даже и въ томъ случаѣ, если-бы наши гражданскіе законы были пересмотрѣны и редактированы нашими «отечественными» юристами. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, и у насъ нашелся-бы свой Менгеръ, который оцѣнилъ-бы ихъ продукты по достоинству.

Быть можетъ, въ такомъ случаѣ снова вопросъ получилъ-бы обратную постановку. Мы думаемъ, что и теперь уже настало время для болѣе безпристрастнаго обсужденія вопроса въ такой постановкѣ: не слѣдуть-ли разсчистить дорогу для развитія неписаннаго права собственными силами народа на пользу его собственнаго народнаго суда. Конечно, сюда должны войти и задачи народнаго образованія, распространеніе котораго устранитъ изъ народнаго права тѣ невѣжественныя постановленія, по которымъ теперь нерѣдко судятъ о характерѣ всего обычнаго права. Мы скорѣе всего можемъ понять близорукихъ противниковъ обычнаго права, чѣмъ его сторонниковъ, роющихъ могилу обычному праву съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Къ числу такихъ записныхъ враговъ народнаго права принадлежатъ и сторонники кодификаціи неписаннаго народнаго права. Къ нимъ принадлежитъ и г. Леонтьевъ, явно непонимающій того, что онъ самъ пишетъ. «Горе тому законодателю, говоритъ г. Леонтьевъ, который, вычеркнулъ-бы обычно-правовыя понятія крестьянѣ изъ обихода ихъ правовой жизни! Онъ пошатнулъ-бы этимъ весь строй этой жизни и нанесъ бы страшный ударъ экономическому и нравственному благосостоянію крестьянства». (34 с.). Одновременно съ такими предостереженіями, посылаемыми по адресу законодателя, г. Леонтьевъ категорически настаиваетъ на кодификаціи обычнаго права и подчиненіи народа и народнаго суда писанному обычному праву!.. Онъ не понимаетъ, что кодификація неписаннаго обычнаго права есть его упраздненіе и уничтоженіе. Кодифицированіе обычнаго права уничтожило-бы всѣ существенные признаки этого права и всѣ его неоспоримыя достоинства. Кодификація обычнаго права сопровождалась-бы его омертвленіемъ въ томъ смыслѣ, что оно утратило-бы счастливую возможность подвигаться впередъ непосредственно

самымъ ходомъ жизни и вмѣстѣ съ жизнью. Одновременно съ этимъ обычное право утратило-бы свою гибкость и приспособляемость къ обстоятельствамъ жизни согласно съ условіями времени и мѣста, не исключая и мелкой общины. Кодифицированіе обычнаго права и подчиненіе всего населенія на всей территоріи одному уложенію сопровождалось-бы тѣмъ оформленнымъ однообразіемъ, которое омертвило-бы народное творчество въ области права,—творчество, своеобразное въ разныхъ мѣстностяхъ, въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и т. д. Поэтому, если народный судъ можетъ и долженъ отправлять правосудіе только при помощи народнаго обычнаго права, то не слѣдуетъ упразднять это право путемъ кодификаціи.

М. Стиваль.

Программа по исторіи всеобщей литературы.

Въ введеніи («Сѣверный Вѣстникъ», іюнь, 1896 г.) я изложилъ общіе взгляды на задачи и методъ исторіи литературы, какъ науки, высказанные главнѣйшими ея представителями въ Россіи, гдѣ, по спеціальнымъ условіямъ, она приняла своеобразный характеръ, отличный отъ той постановки, какую имѣетъ этотъ предметъ на Западѣ. Въ настоящей замѣткѣ я предлагаю примѣрную программу для лицъ, не лишенныхъ литературнаго образованія, но желающихъ систематизировать свои познанія и пополнить имѣющіеся у нихъ недочеты. Само собою разумѣется, что изученію исторіи литературы должно предшествовать чтеніе произведеній главнѣйшихъ европейскихъ писателей. Программа снабжена нѣкоторыми библіографическими указаніями, которыя не могутъ претендовать на полноту, такъ какъ это и не имѣлось мною въ виду. Для знакомства съ біографіями писателей можно рекомендовать серію біографій, издаваемую г. Павленковымъ.

Отдѣлъ I. **Средніе вѣка.** Христіанство на Западѣ. Латинская поэзія. Остатки языческой поэзіи. Миѳы и поэзія германскихъ народовъ. Начало грамоты. Ульфила. Германскіе языки и нарѣчія. Образованіе романскихъ нарѣчій. Латинская проза и поэзія отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. Значеніе Карла В. въ исторіи цивилизаціи и литературы. Его сотрудники. Христіанство и латинская цивилизація на британскихъ островахъ. Девятый и десятый вѣка. Литература при Каролингахъ и Оттонахъ. Исторіографія. Начало драмы. Духовная поэзія на національныхъ языкахъ. Скандинавская поэзія. Германскій національный эпосъ и его главнѣйшія стадіи различія. Пѣснь о Гильдебрандѣ. Вальтарій. Нибелунги. Кудруна. Циклъ Дитриха Бернскаго. Особенности французскаго эпоса. Циклъ Карла В. Кантилены. Chansons de gestes. Chanson de Roland. Источники фабулы. Три

цикла. Романы Круглаго Стола. Артуръ. Идеалы рыцарства. Бретонскія пѣсни. Св. Граль. Обработка сюжетовъ Круглаго стола. Лирика на югѣ Франціи. Провансъ и его литература. Роды и виды провансальской лирики и ея вліяніе на другія страны. Лирика на сѣверѣ Франціи. Нѣмецкая лирика. Миннензенгеры и мейстензенгеры. Рыцарскій эпосъ. Обработка французскихъ сюжетовъ. Гартманъ ф. д. Ауэ. Вольфрамъ Эшенбахъ. Готфридъ Страсбургскій. Школьная поэзія, ея сюжеты. Ваганты и Голіарды. Характеръ латинской поэзіи. Національный эпосъ въ Испаніи. Поэма о Сидѣ. Повѣствовательная литература. Символическая литература въ средніе вѣка. Дидактика. «Романъ Розы». Повѣсти и разсказы. Фабльо и шванки. Животный эпосъ. Средневѣковая драма. Исторіографія.

Общія сочиненія. Искусство въ связи съ исторіей культуры. *Карьера.* 3-ій т. (изд. Солдатенкова). *Коршъ-Кирпичниковъ.* Исторія всемірной литературы (указано выше). *Ешевскій.* Сочиненія (1870). Нѣсколько статей по исторіи культуры. *Стасюлевичъ.* Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ. *Фрейтагъ.* Очерки нѣмецкой старины (1-й т. и 1-я ч. 2-го т.). Исторія средневѣковой французской литературы *И. Б.* и *А. К.* (И. Болдакова и А. Кирпичникова). *Шереръ.* Исторія нѣмецкой литературы (пер. Пыпина).

Спеціальныя сочиненія. *Ѳеоктистовъ.* Ансельмъ Кентенберійскій («Рус. Вѣс.» 1856, т. III, май, іюнь и сл.) *Чудиновъ.* Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи. *Веселовскій А-ѣй.* Старинный театръ въ Европѣ. *Кирпичниковъ.* Очерки исторіи средневѣковой литературы. *Дашкевичъ.* Сказанія о Гралѣ. Кіевъ, 1877 (дисс.). *Его-же.* Романтика Круглаго Стола 1890. *Буслаевъ.* Chanson de Roland (въ сборникѣ «Народная поэзія»). *Веселовскій А. Н.* Саломонъ и Китоврасъ (дисс.). *Пыпинъ.* Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и разсказовъ. *Г. Парисъ.* Восточныя сказки въ средневѣковой французской литературѣ (пер. Л. Шепелевича). *Буслаевъ.* Странствующіе повѣсти и разсказы («Рус. Вѣстн.» 1875, апр., май). *Кирпичниковъ.* Поэмы ломбардскаго цикла (дисс.). *Шепелевичъ.* Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ (о Вальтерѣ и Гильгундѣ) 1885 г. Нибелунги, пер. и введеніе *М. Кудряшеви. Кирпичниковъ.* Кудруна. X. 1874. *Шепелевичъ.* Кудруна 2 части (1894—95). *Ирмеръ.* Вальтеръ ф. д. Фогельвейде. *Петровъ, М. Н.* Ульрихъ, ф. Лихтенштейнъ (въ «Очеркахъ»). *Колмачевскій.* Животный эпосъ (дисс.).

Отдѣлъ II. **Возрожденіе.** Гуманизмъ и Возрожденіе въ Италіи. Предшественники Возрожденія. Изученіе древнихъ. Данте и его Божественная комедія, какъ продуктъ средневѣковаго и новаго міросозерцанія Петрарка. Боккачьо. Ихъ и учителя послѣдователи. Гуманизмъ въ XV в. Поджіо. Эней Сильвій. Лор. Медичи, Пульчи, Польиціано. Боярдо, Саннацаро, Бембо. Аріосто, Макіавелли. Реформаціонныя идеи. Торквато Тассо. Гуманизмъ и Возрожденіе въ Германіи. «Братья доброй

воли». Борьба со схоластикой. Рейхлинъ. Эразмъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Религіозныя тенденціи. Церковная пѣснь. Значеніе Лютера въ литературѣ. Мурнеръ. Фишартъ. Гансъ Саксъ. Народная пѣсня и повѣсть.

Возрожденіе во Франціи. Гуманизмъ. Вліяніе Италіи. Маро. Рабле и его романы. Понсаръ. Монтэнь.

Возрожденіе въ Англіи. Томасъ Моръ. Политическіе писатели. Разцвѣтъ драмы. Предшественники Шекспира. Марло, Лилли, Гринъ. Шекспиръ. Его произведенія. Современники и школа Шекспира.

Испанія и Португалія въ эпоху возрожденія. Вліяніе Италіи. Вліянія арабской цивилизаціи. Эпосъ. Эрсилья. Романъ. Сервантесъ и его произведенія. Разцвѣтъ драмы. Лопе де Вега. Кальдеронъ. Эпосъ въ Португаліи. Камоэнсъ.

Контръ-реформаціонное движеніе въ Италіи и Испаніи, Германіи и Англіи.

Общія сочиненія: *Гейссеръ* Исторія реформаціи (пер. Михайловскаго). *Фохтъ.* Возрожденіе классической древности. Упомянутое соч. *Каррьера. Корелинъ.* Ранній итальянскій гуманизмъ (1892, 2 тома). Спеціальныя. *Вегеле.* Дантъ Алегьери. *Кудрявцевъ.* Дантъ и его время. Отеч. Зап. 1855, № 5—7. 1856, № 3. А-ръ. *Веселовскій* Данте и символическая поэзія католичества (Вѣст. Евр. 1868, 12). *Его-же* статья въ энциклоп. сл. Ефрона и Брокгауза. *Шепелевичъ.* Этюды о Дантѣ (1891—92), непосредственно Бож. Ком. касаются: введеніе и 4 и 5 гл. 2-ой ч. *Его-же* Дантовская трилогія (Теорія Витте), бр. *Пинто.* Петрарка и его политическое значеніе (Ж. М. Н. П. 1867, 6). *Веселовскій.* Боккачьо, 2 тома. 1893, 94 (образцовый трудъ). *Его-же.* Вилла Альберти.

О Макіавелли, очеркъ Маколея (1-ый т. соч.), *Алексѣевъ.* Макіавелли. *Веселовскій,* Рабле («Вѣст. Евр.» 1878). *Тургеневъ.* Гамлетъ и Донъ Кихотъ. *Гейне* (см. XIV т.) этюдъ о Д. К. *Стороженко, Н.* Философія Донъ-Кихота (Вѣстникъ Европы», 1885, сентябрь). *Шепелевичъ.* Повѣсти Сервантеса (бр. 1893). *Стороженко.* Робертъ Гринъ. *Его-же.* Предшественники Шекспира. *Чуйко.* Шекспиръ. *Дауденъ.* Шекспиръ и его творчество. *Дауденъ.* Шекспиръ (біогр.). *Гервинусъ,* Шекспиръ. *Женэ.* Шекспиръ. *Кунъ.* Шекспиръ. Глава въ ист. анг. лит. *Тэна. Прескотъ.* Исторія Филиппа II. *Корелинъ.* Торквато Тассо («Истор. Вѣстн.» 1886 г.) *Кирпичниковъ.* Похвала Глупости Эразма Роттердамскаго. Переводъ и біографія. Гр. *Мусинъ-Пушкинъ,* Эразмъ Роттердамскій (бр.). *Шепелевичъ.* Первый публицистъ въ Европѣ (Эразмъ Роттердатскій («Сѣв. Вѣст.» 1895 г., мартъ) *Кирпичниковъ.* Письма темныхъ людей. («Ж. М. Н. П.» за 1868 г.).

Отдѣлъ III. **Новая литература.** Эпоха академизма, классицизма и просвѣщенія. Классическій періодъ французской поэзіи. Итальянское и испанское вліяніе. Академія. Корнель. Буало. Расинъ. Мольеръ. «Легкое» направленіе въ періодъ классицизма. Лафонтенъ. Проза. Паскаль. Бейль.

Исторія и мемуары. Боссюэтъ. Итальяно-нѣмецкая литература въ XVII ст. Марони и его школа. Нѣмецкая литература въ XVII ст. Евангелическая церковная пѣснь. Народное направленіе въ свѣтской литературѣ. Мартинъ Опицъ. Искусственная нѣмецкая поэзія. Первая и вторая силезскія школы. Голландская литература въ XVII ст. Англійская литература въ XVII ст. Школа Бенъ-Джонсена. Лирика. Пуритане. Мильтонъ и его поэмы. Литература эпохи реставрацій. Вліяніе классической поэзіи (французской) въ Англіи, Германіи, Италіи и Испаніи. Самостоятельныя явленія. Свифтъ. Гольберъ. Нѣмецкіе народные писатели.

XVIII в. Францiя въ XVIII в. Монтескье. Вольтеръ. Энциклопедія. «Наивная» поэзія. Бомарше. Мирабо. Ж. Ж. Руссо. Голландская литература XVIII в. Шведская литер. XVIII в. Нѣмецкая литер. второй половины XVIII в. Клопштокъ и его школа. Виландъ. Лессингъ и его школа. Винкельманъ.Періодъ «бурь и вихрей». Гердеръ. Гёте до дружбы съ Шиллеромъ. Шиллеръ до дружбы съ Гёте.Гете и Шиллеръ.Гёте послѣ смерти Шиллера. Поэзія классическаго періода. Старшіе романтики. Прозаики. Возвращеніе къ національнымъ преданіямъ англійской литературы. Романъ семейный и бытовой. Архаистическіе поэты. Драма. Исторіографія. Національное возрожденіе въ итальянской литературѣ. Метастазіо и Гоцци. Альфіери и его школа. Проза. Испанская литература въ XVIII в. Новая школа романтиковъ въ Германіи. Клейстъ. Поэзія времени войнъ съ Наполеономъ. Переходный періодъ. Прозаики. Франнузская литература. M-me де-Сталь. Шенье. Шатобріанъ. Романтизмъ во Франціи. Гюго. Ламартинъ. Альфредъ де-Виньи. Мюссе. Мериме. Исторія. О. Тьерри. Ж. Мишле. Гизо, Вильменъ. А. Тьеръ. Романтизмъ въ Англіи. Вальтеръ Скоттъ и его школа. Байронъ. Шелли. Томасъ Муръ. Озерная школа. Проза. Карлейль. Романтизмъ въ Италіи. Манцони. С. Пеллико. Леопарди. Канту. Романтизмъ въ Испаніи. Мартинесъ де ля Роза. Бретонъ де Эрреросъ. Арценбушъ. Зорилля. Романтизмъ въ Голландіи, Даніи и Швеціи.

Литература 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг. Франція. Скрибъ. Бальзакъ. Жоржъ Зандъ. Ежень Сю. Александръ Дюма отецъ. А. Дюма сынъ. Эркманъ Шатріанъ. Фелье. Абу. Флоберъ. Лабулэ. Ип. Тэнъ. Шербюлье. Ренанъ. Нѣмецкая литература до 70-хъ гг. «Молодая Германія». Генрихъ Гейне. Платенъ. Иммерманъ. Берне. Гуцковъ. Лаубе. Ленау. Зимрокъ. Ауэрбахъ. Фрейтагъ. Англійскій романъ. Диккенсъ. Теккерей. Вальни. Коллинзи. Дж. Элліотъ.

Итальянская литература до 70-хъ гг. Испанская и другія.

Геттнеръ. Исторія литературы XVIII в. *Брандесъ*. Главныя теченія литер. XIX ст. *Шереръ*. Исторія нѣмецкой литературы. *Шерръ*. Исторія всемірной литер. (2-е изд.). *Гаймъ*. Романтическая школа. *Его-же*. Гердеръ и его время (пер. Пыпина). *Шерръ I*. Шиллеръ и его время. *Льюисъ*.

Гёте. *Шаховъ.* Гёте и его время. *Его-же.* Литературное движеніе въ 1-й половинѣ XIX в. *Тэнъ.* Исторія англійской лит. *Его-же.* Бальзакъ. *А-ьй Веселовскій.* Свифтъ. («В. Евр.», 1877, I). *Коршъ В.* Вольтеръ, его жизнь и сочиненія («Вѣст. Ев., 1881, кн. X—XII). *Морлей.* Дидро (р. п.). *Его-же.* Руссо, (р. п.). *А-ьй Веселовскій.* Бомарше, («В. Ев.», 1893 г.). *Маколей.* Очеркъ о Мильтонѣ въ 1-мъ т. «Опытовъ». *Веселовскій А-ьй.* Этюды: Тартюфъ, Мизантропъ. *Батюшковъ.* Женскіе типы Расина, («Сѣв. Вѣстн.», іюнь, августъ, 1896 г.). *Стороженко.* Г-жа Сталь и ея друзья («В. Е.», 1879, № 8). *Кирпичниковъ.* Диккенсъ, какъ педагогъ. 1881. *Его-же.* В. Гюго (бр.). *Его-же.* Жоржъ Зандъ и Гейне. *Вейнбергъ, П.* Статьи о Жоржъ Зандъ и В. Гюго («Сѣв. Вѣстн., 1894, августъ, сентябрь и янв., февр. 1895). *Соловьевъ,* С. В. Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гуманности и друзья дѣтей, X, 1896 (бр.), *Веселовскій, А-ьй.* Этюды и характеристихи. 1894.

А. Шепелевичъ.

На старой мельницѣ.

Разсказъ **М. Конопницкой.**

Переводъ съ польскаго **Л. Л.**

При самомъ сліяніи Нера и Варты стояла мельница. Когда мнѣ впервые пришлось ее видѣть, то и тогда уже ее звали «старой мельницей»: не потому, чтобъ она тутъ стояла съ незапамятныхъ временъ и помнила давно минувшіе дни, а потому, что два-три года тому назадъ выстроена была при томъ-же сліяніи рѣкъ, только нѣсколько выше, другая, новая мельница, сверкающая въ солнечныхъ лучахъ желтизной свѣжихъ гонтовъ и отмахивающая работу съ утра до ночи со свѣженою, неисчерпанною еще, такъ сказать, силой и бодростью. На новой мельницѣ сидѣлъ нѣмецъ Штраухъ, съ волосами въ видѣ щетины, съ жирною, образующей позади воротника большую складку, шеей, съ крошечными, блестящими глазками, съ выбритымъ до чиста, широкимъ, краснымъ, какъ киноварь, лицомъ. Штраухъ поглощенъ былъ двумя занятіями— онъ потѣлъ и ругался. Потѣлъ онъ и зимою и лѣтомъ; ругался равно въ хорошія, какъ и въ плохія времена. Простой народъ не понималъ швабскихъ ругательствъ, но батраки кубаремъ летали по волѣ злого языка, безпрерывно оборачивающагося, какъ жерновой камень, въ пасти мельника, по волѣ злобныхъ, сверкающихъ глазокъ, которые точно шиломъ пронизывали людей, глядя на нихъ. Много тутъ было движенія, шуму и бѣготни; люди возились точно мухи въ кипяткѣ, самъ Штраухъ весь день стоялъ надъ ними въ бѣломъ фартукѣ, сѣменя коротенькими ножками, засунувъ жирные пальцы за наплечники жилетки, ругаясь и пыхтя попеременно.

И по мѣрѣ того, какъ на новой мельницѣ, возростая, кипѣло движеніе, на старой становилось все тише, все пустыннѣе. Проходили дни, проходили недѣли и никто туда не заглянетъ.

Панъ Бальцеръ Варавонсъ, или Варавонсовскій, какъ его всюду звали, (родомъ изъ ломжинской чиншевой шляхты), могъ съ каждымъ днемъ спокойнѣе курить свою трубку; сгорбившись, въ бѣломъ холщевомъ сюртукѣ, подолгу могъ онъ глядѣть на рѣку, относящую брызги изъ-подъ колесъ новой мельницы и, мотая длинные свои усища, вить безконечную думушку въ старой своей головѣ. Голова эта нѣсколько лѣтъ тому назадъ вдругъ склонилась долу, свѣсилась на сухую, впалую грудь подъ вліяніемъ душевнаго гнета. Рѣдко кто теперь видѣлъ худое, желтое, морщинистое лицо Варавонса, лицо, среди котораго торчалъ величественный носъ, безконечно-кротко глядѣли впалые сѣрые глаза, правильно обрисовывались тонкія, нѣжныя губы, почти всегда безмолвныя. Одни только усища, переходящіе изъ рода въ родъ въ ихъ семьѣ, извѣстны были всѣмъ и каждому и единственный, оставшійся отъ прежней челяди, дуроковатый паробокъ Кулясъ, прозванный «хромымъ», вслѣдствіе изрытыхъ рожею, всегда обмотанныхъ ногъ, зналъ по свирѣпымъ движеніямъ этихъ усовъ, «съ которой ноги» старикъ всталъ въ тотъ день съ твердой своей койки. Кулясъ могъ свободно предаться изученію этихъ усовъ, такъ-какъ работы на мельницѣ все равно что и не было. Прежде, мельникъ всегда обходилъ обѣ галлерейки, но мельницы не пускалъ, и, подойдя къ рѣкѣ, задумчивый стоялъ на берегу и ждалъ. Но, выжидая кого-то, онъ не глядѣлъ на дорогу, по которой могли-бы случайно свозить мѣшки съ зерномъ; онъ глядѣлъ въ сторону полей и лѣса, гдѣ на пригоркѣ стоялъ старый крестъ и подъ нимъ издалека бѣлѣлъ камень. Вѣрно и то, что на дорогу глядѣть было нечего. Она заростала густой травой и въ старой колеѣ, на самомъ поворотѣ, разрослись плевела послѣ весеннихъ ливней. Разъѣздить ее было некому. Бродилъ по ней только Кулясъ, съ заспанной рожей. Кромѣ Куляса ни живой души.

На новой мельницѣ тѣмъ временемъ кипѣла жизнь. Безпрерывно гудѣли колеса, гудѣла земля съ наступленіемъ морозовъ; безпрерывно пищали оси, дребезжали набильники во время весеннихъ разливовъ и осенняго ненастья; безпрерывно стояла надъ нею столбомъ мучная пыль во время лѣтняго зноя. На за предѣломъ мельницы все сразу умолкало и глохло. Стоитъ, бывало, Кулясъ на дорогѣ и жадно вдыхаетъ этотъ гулъ, эту трескотню, эту мучную пыль. Охъ, сбѣжалъ-бы, сбѣжалъ со старой мельницы, если-бъ не боялся работы. Работа пугала его съизмала; а теперь онъ совсѣмъ излѣнился. Да къ тому-же нѣмецъ и кормитъ плохо, скупо. И вздохнувъ глубоко надъ собственной долею, со смиреніемъ и тихой грустью, возвращался Кулясъ на старую мельницу, чтобъ припасть къ мискѣ съ кушаньемъ, изготовленнымъ старой солдаткой Лукашевой, а тамъ и вздремнуть на лавкѣ. Дивились люди, зачѣмъ Варавонсъ держитъ этого батрака. Приходилось его кормить, одѣвать, платить кой-какое жалованье. Для его похлебки Лукашева насаживала весь огородъ

тыквою; бывали дни, когда онъ вылѣзалъ изъ гороховаго поля; только чтобы припасть къ мискѣ съ горячей ѣдой, наполняя зѣвотою горницу и внося въ нее колоссальную, безпредѣльную скуку. Впрочемъ, Кулясъ могъ безнаказанно весь день бить баклуши. Только съ утра онъ обязанъ былъ являться съ докладомъ къ Варавонсу.

— А что?—спрашивалъ старикъ, зорко глядя ему въ глаза.

— Ничего, господинъ *мейникъ!* отвѣчалъ Кулясъ, не выговаривавшій нѣсколько буквъ, ни то отъ рожденья, ни то отъ одолѣвшей имъ безграничной лѣни.

Этимъ и кончались всѣ его обязанности относительно пана Бальцера. И онъ переходилъ и подъ сладостное ярмо Лукашевой, ко всевозможнымъ послабленіямъ и поблажкамъ, вызваннымъ давно излѣченной рожей въ ногахъ. Тѣмъ временемъ старый Варавонсъ приступалъ къ осмотру мельницы: обходилъ галереи, заглядывалъ въ корзины, привязывалъ мѣшки, обтягивалъ петли, дуетъ, пылитъ, трясетъ—потомъ вдругъ какъ будто вспомнитъ о чемъ-то и махнетъ рукой, пойдетъ къ рѣкѣ и свѣситъ голову на грудь, глядя то на быстрое ея теченіе, то въ сторону лѣса. Разсказывалъ мнѣ Іесеневскій, старый чиншевой шляхтичъ, родомъ изъ Демба, что тому назадъ пять, шесть лѣтъ, старая мельница, тогда извѣстная просто подъ именемъ Бальцерувки, отмахивала столько-же работы, какъ нынче новая. Большія, зубчатыя ея колеса отличались такой огромною силою, что далеко, далеко слышенъ былъ ихъ гулъ, и трескъ, и громъ. И дорога къ мельницѣ была разъѣзжена, и на смѣшанномъ ежедневно разъ по десяти дорожномъ пескѣ не узнать было слѣдовъ вчерашняго копыта, и возы тянулись все новые, цѣпляясь одинъ за другого, перегоняя другъ друга на пыльной дорогѣ. А какъ станутъ на мѣстѣ — настоящая ярмарка, столько тутъ народу и упряжей, и хлѣбовъ... Даже придорожныя тропинки не могли зарости травой: ихъ стаптывали бабы—тѣ, что побѣднѣй: все таскали на собственныхъ плечахъ хоть по одной четверти зерна на мельницу. И шествіе тянулось изъ далека, изъ колоній, изъ помѣщичьихъ усадьбъ, Богъ вѣсть откуда... А мельница трещитъ и гудитъ, и дрожитъ, и скрипитъ, и съ шумомъ рветъ воду колесомъ, собираетъ и раскидываетъ пѣну по воздуху. Дрожатъ половицы дубовыя, а доски крылечекъ и мостиковъ стономъ стонутъ, точно живыя... А ужъ какое тамъ перебиралось зерно, какая каша, какая крупнистая мука — право, людямъ на удивленіе. Достаточно сказать, что странствующая челядь батраковъ такъ и тянула на Бальцерувку, точно за границу, чтобы посмотрѣть на это искусство, приглядѣться къ образцовому порядку да и поучиться кой-чему.

За то въ воскресенье стихалъ весь этотъ шумъ, смолкалъ оглушительный грохотъ и тогда съ самаго ранняго утра слышенъ былъ тонень-

кій голосокъ Юлисы-красавицы, единственной дочери пана Бальцера, шелестъ свѣжаго, накрахмаленнаго голубаго платьица; она то порхнетъ по темнымъ горницамъ, то въ саду призадумается, срывая розовую мальву, и распѣваетъ:

«Пасла панна, пасла панна
Чуднаго павлина...»

А не то:

«Красотки гвоздики, красавцы тюльпаны,
Гдѣ онъ, скажите, мой милый, желанный?»

Но тѣ пѣсни не были лучшія. Знала она другія, шляхетскія, и пѣла ихъ протяжно и грустно, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, какъ напр.

«Позабудь, заглуши свое горе!»

или:

«Пусть вѣтеръ повѣетъ съ востока!..»

и только въ самомъ концѣ этой пѣсни слегка ошибалась. Или же, наконецъ:

«Возьми кольцо на память дружбы,
Но не любви, нѣтъ! не любви!..»

Знала она хорошо эту пѣсенку и пѣла ее съ душою, причемъ темно-синіе глаза ея горѣли, какъ двѣ яркія звѣздочки и, прелестное личико блѣднѣло, какъ лилія.

Прислушиваясь къ пѣнію любимой дочери, панъ Бальцеръ гордо выпрямлялся, тонкія его губы блаженно улыбались, вся фигура дышала внутренней тихой радостью.

И не надъ однимъ только паномъ Бальцеромъ имѣлъ такую власть свѣжій, полный силы и молодости голосъ красавицы Юлисы. Кулясъ, услыхавъ его съ чердака, гдѣ онъ хранилъ дикія груши отъ батраковъ-разбойниковъ и перебиралъ ихъ по десяти разъ въ день, глупый Кулясъ слѣзалъ по лѣсенкѣ, прислоненной къ садовому плетню, и, подбочинясь, то присѣдалъ, то снова выпрямлялся на искалѣченныхъ ногахъ, изображая этимъ движеніемъ танецъ собственнаго изобрѣтенія, и пѣлъ во весь голосъ:

«А я-то себѣ подрыгиваю
Со Сломчевской, со Ядвигою...»

Въ этихъ словахъ заключалась вся пѣсенка, но она была любимымъ припѣвомъ Куляса, который и сочинилъ ее, вѣроятно, въ память блаженныхъ минутъ, когда нѣкая Ядвига Сломчевская рискнула присоединиться къ подрыгиваніямъ бѣднаго калѣки. Вѣрно и то, что когда батраки расспрашивали, кто именно была эта Ядвига, Кулясъ смѣялся, показывая большіе желтые зубы и въ горлѣ у него слышалось глухое ворчанье въ родѣ того, съ которымъ онъ подчасъ защищалъ хранящіеся

въ отрубяхъ дикія груши. Оттуда и родилось подозрѣніе, что Ядвига Сломчевская никогда не существовала, что жалкій Кулясъ этимъ именемъ облекъ призракъ своего воображенія, безплодную мечту осиротѣлаго сердца. Однажды, въ лѣтнюю пору, батраки снарядили въ хозяйской гречихѣ страшное пугало съ распростертыми на двухъ палкахъ руками, нарядили его въ старую юбку Лукашевой, въ бренныя останки жилета пана Бальцера, въ рваную соломенную шляпу пана органиста, а Янекъ Грачикъ, меньшой изъ нихъ и къ тому же грамотный, на самой верхушкѣ палки на деревянной дощечкѣ огромными буквами написалъ смолою: Ядвига Сломчевская. Но униженный, развѣнчанный идеалъ бѣднаго Куляса остался идеаломъ... Досада его выразилась только тѣмъ, что въ этотъ день онъ поглоталъ половину любимой похлебки изъ тыквъ, сразу зарылся въ гороховое поле и даже не заглянулъ на дикія груши.

Все это минуло, прошло безповоротно.

Голосъ темно-кудрой, свѣтло-окой красавицы Юлисы, которая тутъ выросла, какъ незабудка надъ рѣчкой, въ голубомъ своемъ платьицѣ, давно не будитъ далекаго эха. Батраки разбрелись за хлѣбомъ насущнымъ, мельница почернѣла, скривилась, заглохла, дорога къ ней поросла травой и посреди гречихи одиноко торчали двѣ палки и дождемъ смытая дощечка, надъ которой облакомъ сидѣли ничѣмъ не спуганные воробьи.

Перемѣна эта отразилась въ особенности на старикѣ Варавонсѣ. Высокій станъ его согнулся на половину; бѣлый холщовый сюртукъ висѣлъ на немъ, точно на сухой жерди, усы опустились, лицо осунулось, глаза потухли. По временамъ только замѣтно было въ нихъ какое-то скорбное недоумѣніе: водитъ, бывало, глазами по мельницѣ, по саду, по рѣкѣ; всплеснетъ исхудалыми руками и упорно глядятъ на небо, какъ будто тамъ ищетъ разгадки томящимъ его сомнѣніямъ. Вмѣсто отвѣта съ небесныхъ высотъ слетала къ нему стая серебристыхъ голубей, опускалась на его плечи и старую голову, трепетала у его ногъ, пока старикъ не стряхнетъ съ себя этого загадочнаго недоумѣнія и не накормитъ любимцевъ зерномъ. На новую мельницу и на Штрауха онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Точно нѣтъ ихъ вовсе на свѣтѣ. Заговоритъ про нихъ кто-нибудь и онъ, бывало, кивнетъ головой, безъ натяжки, безъ всякаго любопытства; самъ-же никогда не распрашиваетъ про сосѣдей своей Бальцерувки. И Бальцерувка постепенно превратилась въ участокъ пахатной земля, родила хлѣбъ и картофель, но рѣчки и мельницы точно и не бывало. Въ воскресные дни панъ Бальцеръ одѣвался тщательнѣе въ синій кафтанъ, шею повязывалъ краснымъ бумажнымъ платкомъ и, надвинувъ на брови шапку, отороченную чернымъ барашкомъ, шелъ въ костелъ съ тросточкой въ рукахъ. Въ костелѣ онъ останавливался у самыхъ дверей и, опершись плечами о притворъ, доставалъ изъ

кармана громницу [1]), зажигалъ ее и стоялъ неподвижно съ печальною спутницею мертвецовъ, мерцающей въ рукѣ, съ глазами, устремленными на распятіе Спасителя. Блѣдныя, тонкія его губы не шевелились; если онъ молился, то развѣ только внутреннимъ крикомъ души. Грянетъ «Святый Боже» съ высоты органа и тогда панъ Бальцеръ большими шагами идетъ къ алтарю, съ громкимъ стономъ ложится передъ нимъ крестомъ и лежитъ, не вставая во время всей литіи, подымая сѣдую голову, чтобы ударить ею о костельныя плиты. Его бесѣды съ Богомъ никто никогда не узнаетъ. Но послѣ этой бесѣды онъ вставалъ съ крупными каплями пота на лбу, залитый слезами, сильно взволнованный; и лицо его горѣло, въ сѣрыхъ глазахъ его сверкала молнія. Не дождавшись конца обѣдни онъ, подъ звуки органа, выходилъ со своею громницею въ рукахъ, загадочно бодрый, чудомъ какимъ-то воскресшій къ прежнему статному виду, съ высоко приподнятой, такъ недавно еще лежавшей во прахѣ головой. А тамъ, на сельскомъ кладбищѣ, усѣвшись подъ липку, онъ тушилъ громницу, пряталъ огарокъ въ карманъ и, снова принявъ измученный видъ, медленно шелъ къ старой мельницѣ.

Я увидавъ его разъ, другой во время молитвы, и мною овладѣло страстное желаніе познакомиться съ нимъ поближе. Настала такая минута. Не сразу, нѣтъ: путемъ терпѣнія и немалаго труда мнѣ удалось проникнуть въ эту душу. Помню, день былъ неясный. Тихое, сентябрьское небо сіяло голубымъ блескомъ, деревья поблѣднѣли, покрылись ржавчиной. Но вдоль рѣки свѣжимъ маемъ еще вѣяло отъ мягкихъ, пушистыхъ травъ, купавшихся въ глубинѣ прозрачныхъ водъ, отъ гибкаго аира и темнаго тростника. Отъ рѣчки къ высокому берегу, подмытому съ одной стороны, совершенно пологому съ другой, тянуло холодкомъ, пахло свѣжестью. На новой мельницѣ—шумъ и гамъ, точно въ котлѣ. Людскіе возгласы и крики заглушали порой шумъ воды, долетали къ тихой Бальцерувкѣ.

Старикъ стоялъ со мной на мосткѣ, перекинутомъ съ мельницы на рѣку, когда вдругъ по дорогѣ, ведущей изъ лѣсу, разнеслась широкая, беззаботная, удалая пѣсня, послышалось бряцаніе мѣднаго инструмента. Старикъ вздрогнулъ, ухватился обѣими руками за перилы, и, поднявъ впалые, тусклые глаза, пытливо устремилъ ихъ на дорогу. По дорогѣ шло двое людей, въ которыхъ, на близкомъ разстояніи, сразу можно было признать странствующихъ батраковъ. На нихъ были короткія куртки; росписныя полотняныя сумы, прикрѣпленныя къ скрещеннымъ на груди помочамъ; черныя трубки болтались при большихъ мѣдныхъ пуговицахъ; на ногахъ вырѣзныя башмаки; на затылкѣ шапки, убѣленныя мукой; на шеѣ цвѣтные галстуки, связанные бантомъ; въ рукахъ дубинки. У мень-

[1]) Освященная восковая свѣча, которую кладутъ въ руки мертвецовъ.

шаго изъ нихъ, у смуглаго, кудряваго парня, на боку висѣла оловянная коробка и онъ выбивалъ на ней въ тактъ пѣсенку, слова которой можно было ясно разобрать. Только что начатъ былъ имъ новый куплетъ на два голоса:

«Wer in den Himmel, sagt man,
Wollte geh'n, sagt man,
Der muss ein Pelz, sagt man,
Mit sich nehmen, sagt man,
Den in dem Himmel, sagt man,
Da ist kalt, sagt man,
Den der Schnee, sagt man,
Runter fällt, sagt man».

При первыхъ-же словахъ этой пѣсенки старикъ рванулся въ сторону, но удержался на мостикѣ; темный румянецъ внезапно зажегся на увядшемъ лицѣ, залилъ лобъ до корней волосъ, старая грудь тяжело дышала, красный огонекъ вспыхнулъ въ тусклыхъ глазахъ. Странники тѣмъ временемъ свернули съ дороги и подошли къ мельницѣ. Одинъ изъ нихъ скинулъ шапку.

— Glück auf!—началъ онъ дружелюбно.

Но панъ Бальцеръ рѣзко перебилъ его:

— Тутъ нечего дѣлать!—крикнулъ онъ и махнулъ рукой, точно желая прогнать ихъ съ своего порога.—Нѣтъ работы! Kein Arbeit! Weck! Прочь! Къ нѣмцу! На новую мельницу! Weck! Туда... туда!..

И рука его дрожала, указывая на мельницу, сѣдая голова тряслась и страшныя усища грозно торчали на пылающимъ гнѣвомъ лицѣ. Въ грозномъ обликѣ старца виденъ былъ также суевѣрный страхъ, сосредоточившійся въ неподвижныхъ, исполненныхъ ужаса глазахъ его. Одной исхудалой рукой онъ указывалъ на мельнуцу и рука эта дрожала отъ страстнаго желанія поскорѣй удалить непрошенныхъ гостей; широкой ладонью другой руки онъ заслонялъ грудь, какъ-бы силясь предотвратить зловѣщій ударъ. Странники взглянули на пана Бальцера, потомъ другъ на друга, потомъ на колесо мельницы, между зубцами котораго висѣли выгребленные нѣкогда изъ рѣки сухіе какъ сѣно водоросли, взглянули на рѣку въ сторону новой мельницы, перекинулись словомъ и, кивнувъ головой, побрели къ шуму и грохоту Штрауховаго жилища, пробираясь къ нему вдоль рѣки. На поворотѣ они еще раза два покачали головой, какъ будто отъ изумленія. Потомъ раздался протяжный напѣвъ извѣстной среди странствующей челяди пѣсенки:

Das Jahr ist gut, das Braunbier ist gerathen,
D'rum wünsch ich nichts mehr als drei Tausend Ducaten,
Ja, drei Tausend Ducaten...

Пѣсня эта дробилась отъ шума и грома воды, постепенно превращаясь въ слабое, чуть слышное эхо. Но пока она гремѣла, старикъ про-

вожалъ пѣвцовъ огненнымъ взоромъ, тяжело дыша; перила, на которыя опустились обѣ его руки, такъ и скрипѣли отъ желѣзнаго натиска.

Только когда голоса затихли, постепенно замирая, когда фигуры странниковъ исчезли за поворотомъ, панъ Бальцеръ глубоко вздохнулъ, прикрылъ на мгновенье усталыя вѣки и дрожащей отъ усилія рукой вытеръ потъ съ лица. Онъ свирѣпо дернулъ усы разъ другой, и гнѣвный румянецъ погасъ на его лицѣ и лицо это стало еще блѣднѣе, совсѣмъ восковое.

— Згинь! пропади ты, проклятый!—проворчалъ онъ дрожащими губами. Потомъ зорко взглянулъ на меня. — Человѣкъ и не думаетъ, не гадаетъ гдѣ и когда съ бѣдою встрѣтится! А ну ее!

Онъ дышалъ громко, порывисто. Въ старой груди его проснулась старая, безъисходная печаль. Боясь его смутить и еще пуще взволновать, я молча глядѣлъ на рѣку. Съ нимъ только и возможно было бесѣдовать долгими молчаніями, къ которымъ онъ привыкъ въ своемъ одиночествѣ. Рѣка пламенѣла въ лучахъ заката. Надъ лугами стоялъ вечерній туманъ.

— И вотъ такому-то я далъ перешагнуть порогъ своего дома,— вдругъ заговорилъ Варевонсъ, — охъ! кончился съ того дня мой покой, съ тѣхъ поръ все потеряно... и сонъ, и радость, и счастье! Нехристіанскій народъ! Страхъ какія штуки знаетъ... Когда онъ на лицо—скверно! Нѣтъ его—еще хуже! За такимъ человѣкомъ счастье, словно голубь, отлетитъ. Охъ, ты доля, долюшка измѣнчивая! Измѣнчивы люди, и камни измѣнчивы, и дѣти родные измѣнчивы... Тяжело на свѣтѣ христіанской душѣ!

Глубокій вздохъ надорвалъ его старую грудь, онъ умолкъ на мгновенье. И я вздохнулъ, не отрывая глазъ съ пылающей огнями заката рѣки.

Опершись локтями о перилы, панъ Бальцеръ тихо спросилъ:

— Что? Ушли? Пропали? Не видать ихъ?

— Не видать!—отвѣтилъ я, не поворачивая головы.

— А ну ихъ!—проворчалъ старикъ. Потомъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ:—Да, родной, вся бѣда, все горе пошло отъ такого молодчика!

Онъ умолкъ, все еще пытаясь заглушить душевный порывъ—напрасно! Слова волной нахлынули къ его устамъ. И, тяжело вздохнувъ, онъ началъ свой разсказъ:

— Странствовалъ онъ долго. Назывался Гансомъ. Шелъ съ прусской границы, съ береговъ Эльбы, что-ли... Въ тѣ времена мельница, какъ извѣстно, слыла на всю околицу. Тутъ онъ и остался. Такіе страннички обыкновенно переходятъ съ мельницы на мельницу. У насъ этого обычая нѣтъ—у нѣмцевъ такъ заведено. Ладно! Остался такъ и остался. Лишній рабочій всегда пригодится на мельницѣ. А онъ бойкій, прыткій,

дѣльный работникъ, я его и оставилъ при себѣ. А годъ вышелъ такой, что не скоро его забудешь. Люди шли и ѣхали точно на богомолье, хлѣба родились на славу, зерно такъ и сыпалось! Страшно разбогатѣлъ народъ въ томъ году. Всякій хамъ давалъ муку просѣвать. И ячменя-то было столько, сколько иной разъ нѣтъ отрубей. А Гансъ нашъ всюду поспѣваетъ и распѣваетъ. Вздорныя все пѣсенки поетъ, какъ тѣ двое... А работа на мельницѣ такъ и кипитъ. Мололо пять жернововъ, а справиться съ работой никакъ не могли. Принялъ я еще двухъ батраковъ, еще паробка принялъ—все-таки не поспѣваемъ... А что?—спросилъ онъ вдругъ перебивая себя,—чай пошли къ новой мельницѣ? Да?

И заслонивъ рукою высокій лобъ, прищуривъ сѣрые глаза, онъ глядѣлъ вдоль рѣки изъ-подъ косыхъ лучей солнца. Яркій свѣтъ его залилъ рѣку до самыхъ береговъ и трудно было долго смотрѣть на огненныя блестки. Все отливало золотомъ и пурпуромъ: ивы, лоза и прибрежный тростникъ; а водяныя лиліи, точно рѣзные кораллы, купались въ этомъ морѣ огней. Старикъ поглядѣлъ, поглядѣлъ и тяжело вздохнулъ:

— Обливается кровью рѣка, какъ и мое сердце, — произнесъ онъ, качнувъ головой,—но сердцу куда тяжелѣй—кровь не сбѣжитъ съ него, какъ сбѣжитъ съ этихъ чистыхъ водъ!..

— Что-же Гансъ?—спросилъ я неохотно.

— «Охъ! былъ онъ лютый змѣй, распроклятый удавъ!.. И самъ я до сегодняшняго дня не знаю, клянусь тебѣ честью, какъ они могли сговориться. *Она* не знала какъ звать Господа нашего Бога по-швабски—онъ по нашему ни гу-гу! Тѣмъ не менѣе, Боже милостивый! Сомкни на-вѣкъ мои старыя очи, чтобъ не видать имъ больше все одного и того же...

Онъ прижалъ ладонь къ своимъ глазамъ и такъ и держалъ ее съ минутку, молча. Потомъ заговорилъ:

— Какъ только я замѣтилъ, что Юлися безпрерывно, ежеминутно, подъ разными дѣловыми предлогами бѣгаетъ ко мнѣ на мельницу, и все это только, чтобъ лишній разъ взглянуть на шваба, я себѣ и подумалъ: погоди ты, сукинъ сынъ. Прогнать тебя не прогоню—не хочу, чтобы дочь меня разлюбила... И была она у меня одна, единственная, какъ солнце на небѣ, какъ душенька въ тѣлѣ... Но такого задамъ тебѣ перцу, что самъ ты сбѣжишь отсюда и не вернешься, даже за собственными глазами не вернешься!.. Такъ я себѣ, родные, думалъ, и передумывалъ, и пришелъ къ окончательному рѣшенію. Началъ я шваба такою мучительною, тяжелою работой обжигать, что выдержать нѣтъ силъ. Ни отдыха, ни срока, ни присѣсть, ни вздохнуть нѣтъ возможности. Руки свои изотри до локтей, работая, думаю я себѣ, работай до кроваваго пота, потѣй по семи разъ въ часъ, заройся въ землю носомъ, какъ песъ... Но перестань вертопрашничать съ дѣвкою. И валю я зерно

въ корзины, мѣшки такъ нагружаю, что и лошади, пожалуй, тяжело свезти; съ верху внизъ, съ низу вверхъ гоню, сломя голову, не даю съѣсть спокойно, муштрую такъ, что не дай ты Господи! Вытянулся, побѣлѣлъ, какъ послѣ лихорадки, глаза горятъ, какъ у волка въ морозную ночь, да и только! Стиснетъ, бывало, зубы, и такую тажесть, что на троихъ бы хватило, на плечи себѣ взвалитъ. Все переноситъ. Нѣтъ ему праздника, нѣтъ и воскреснаго дня. Переноситъ. И дѣвка поблѣднѣла, опечалилась, стала поплакивать въ уголку. Сердце мое надрывается, но задумавъ страшный замыселъ, не хочу отъ него отступить! Вѣдь я родомъ—шляхтичъ, я—Варавонсовскій... Не изъ здѣшнихъ мѣстъ... Нѣтъ... Изъ ломжинской земли наша шляхта ведетъ свой родъ... Чиншевая она, правда, но все же никто изъ насъ, клянусь Богомъ, начиная съ дѣда и прадѣда, со швабами не роднился!..

Онъ дернулъ сѣдой усъ и снова умолкъ на мгновенье.

— Ну, прошла недѣля, прошла другая, третья—и ничего! Мой нѣмецъ и не думаетъ покинуть мельницу. Самъ я измучился такой горячкой до того, что ногъ подъ собой не слышу... Погоди, думаю опять, не приперъ я тебя работой, припру колдовствомъ. А зналъ я одну мельничью штуку, которой научилъ меня старикъ-мельникъ, французъ—тамъ, во Франціи, слыхать, мельницы страшныя такія и страшное колдовство водится...

Говоря это, онъ понизилъ голосъ и снова прервалъ свой разсказъ.

— Бывало, прежде, ни серебромъ, ни златомъ изъ меня всего этого не выманишь—теперь мнѣ все равно!

Онъ махнулъ рукой, тяжело задумавшись. Рѣка успѣла стемнѣть, погаснуть—отъ нее вѣяло сырою свѣжестью.

У новой мельницы еще шумѣла и брызгала вода, еще бѣлѣла пѣна, но говоръ людскихъ голосовъ умолкъ, возы перестали дребезжать. Тамъ и самъ, въ лучахъ заката, горѣли верхушки ивъ, внизу синеватой полосой водворялись сумерки, а на поблѣднѣвшемъ востокѣ блеснулъ серебристо-смутный серпъ мѣсяца. Въ поздней гречихѣ, въ пшенѣ, перекликнулись куропатки, надъ синимъ болотомъ пронзительно крикнули журавли, гдѣ-то далеко, далеко раздался вечерній звонъ.

— Помню, былъ день субботній,—тихо сказалъ Варавонсъ.—Съ наступленіемъ сумерокъ я отправилъ шваба, а самъ остался на мельницѣ. Отдохни маленько, говорю ему, въ полночь снова пустишь мельницу! Ужъ и не боялся я, родные, Бога гнѣвить и даже въ воскресенье на работу гналъ, какъ язычникъ какой нибудь... Все по той же причинѣ... И ушелъ мой Гансъ... А какъ только ушелъ, я достаю изъ шкатулки пёрышко съ живымъ серебромъ и роспускаю его на главное жерново. Расползлось оно по камню, точно вода, вотъ и все. Но надо вамъ сказать, что такое жерново ни за что молоть не будетъ. Обернуться—обернется... но

зерна не беретъ. Дѣлай, что хочешь, ни за что не беретъ. Въ этомъ вся штука. Камень такой ужъ никуда не годенъ. Всѣ канты залиты этой ртутью, ковать его приходится на́-ново. Помочь можетъ только выжиганіе. Вотъ какая штука! Но мнѣ это было безразлично, собственная потеря ни по чемъ, лишь бы насолить швабу! Пусть я съ съ сумой пойду, думаю про себя, но сначала ты, нѣмецъ, уберешься съ мельницы! Ну, и навалилъ же я работы, въ полночь бужу нѣмца, а самъ прилегъ, да не сплю. Какой тутъ сонъ! Съ разсвѣтомъ, иду на мельницу и вижу— вся работа сдѣлана! Мѣшки сцѣплены, полъ выметенъ, а мой Гансъ жжетъ солому на томъ, залитомъ ртутью, жерновѣ. Блѣденъ онъ, какъ полотно, глаза горятъ, какъ свѣтляки, но видъ все-таки бодрый, и тихонько насвистываетъ. Я перекрестился. Нечистая сила вдохновляетъ его, навѣрно, работу отмахалъ, жерновъ изъ мельницы вытащилъ, штуку мудреную угадалъ и нашелъ противудѣйствіе ртути... А помогалъ ему одинъ только Кулясъ... Такая во мнѣ закипѣла злоба, что готовъ былъ скрежетать зубами. Не потери было жаль, хотя она и значительнѣе: выжиганіе конечно помогаетъ, но камень становится ломкимъ и пористымъ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію, ужъ не тотъ, что былъ прежде. Но не тѣмъ я кручинился—нѣтъ!.. Нѣмецъ выжегъ камень, переодѣлся, сѣлъ завтракать, какъ ни въ чемъ не бывало. И дѣвка тутъ подвернулась, на шваба взглянула, выбѣжала въ садъ, прямо къ Кулясу. Да что? да почему? Зачѣмъ челядникъ такъ блѣденъ? Не сердится-ли батька? Не повздорили ли они другъ съ другомъ? Какъ это я, слыша все это, не упалъ какъ громомъ пораженный, на то воля Божія! Гансъ всталъ изъ-за стола и заговорилъ со мной. Я ужъ по маленьку сталъ понимать его швабскую рѣчь:

— Ужъ больно умны вы, господинъ мельникъ, да и я не глупъ съ этими словами вышелъ. Весь этотъ день просидѣлъ онъ на садовомъ плетнѣ, у дѣвки на глазахъ; сидѣлъ, наигрывая на флейтѣ, распѣвая и насвистывая, точно птичка весенней порою. Дѣвка, то въ саду, то у окошка, вся горитъ, какъ розанъ, слѣдитъ за нимъ глазами, вся дрожитъ, какъ листъ на весеннемъ вѣтру!. Стыдно вспомнить... такой швабъ—и дитя шляхетское!..—Плюнулъ старикъ и тряхнулъ сѣдой головой.

На востокѣ блеснула звѣзда, потомъ другая, третья; серпъ мѣсяца вспыхнулъ, точно золотой; серебристою чешуею затрепетала въ лучахъ его рѣка, внезапно притихла, сонная. Въ воздухѣ застылъ шумъ, голоса замолкли. Беззвучно ступала ночь.

— Такимъ образомъ прошло полгода, родный, — продолжалъ прерванный свой разсказъ Варавонсъ.—Богъ всепрощающій и милостивый засчитаетъ мнѣ это полугодіе за тяжкіе грѣхи. Гансъ работаетъ не за трехъ, за четырехъ, объ отъѣздѣ не помышляетъ, а стоитъ мнѣ сказать,

что пора ему въ путь собраться, дѣвка вся горитъ, слезы роняетъ, губки стискиваетъ, плачетъ въ уголку о томъ, что отецъ ея такой деспотъ, такой тиранъ неумолимый!.. А у меня по цѣлымъ днямъ — все одинъ гвоздь въ головѣ, а настала ночь, ворочаюсь съ бока на бокъ, точно на колышкахъ лежу; однимъ ухомъ сплю, другимъ сторожу и сохну изо-дня съ день, какъ щепка. И въ безпрерывномъ этомъ бдѣніи, въ постоянномъ изворачиваніи тяжелыхъ думъ, приходитъ мнѣ въ голову новая мысль. Взвѣсилъ ее хорошенько, разобралъ, какъ слѣдуетъ, зову къ себѣ дочь и говорю ей:

— Послушай, Юлися! пора намъ съѣздить къ крестной, ужъ больно она по тебѣ соскучилась.

А жила крестная, моя кума, на разстояніи четырехъ миль отъ нашей мельницы. Вспыхнула дочка, но сказать ничего не посмѣла, только опустила глаза, точь въ точь похожіе на васильки, и, поцѣловавъ мою руку, спросила:

— На долго, батька?

Вопросъ этотъ укололь меня, точно коломъ, въ самое сердце, но я разсмѣялся въ отвѣтъ и прибавилъ:

— На два, три дня! — самъ порѣшивъ совсѣмъ что иное. И отвезъ я дѣвку. Посидѣлъ тамъ три дня, покалякалъ съ кумой, и работу, и прибыль свою забывая. Въ четвертый день, уговорившись съ кумой, всталъ на разсвѣтѣ, пока дочь спала еще крѣпкимъ сномъ, запрягъ свою клячу и вернулся домой одинъ.

Но что значитъ измѣна, что значитъ обманъ! Не смѣю я, родный, заглянуть тому швабу въ глаза. даромъ что душа его нехристіанская, что отцу, защищающему дочь, многое простится. Но что дѣлать? Не смѣю. Какъ волкъ шмыгаю по собственной мельницѣ, боюсь встрѣтиться взглядомъ съ глазами челядника; обѣдаю одинъ, на вышкѣ, чтобы не мочить своей ложки въ тѣхъ-же щахъ, какъ Іуда. А челядникъ посторонился только отъ меня разъ, другой, какъ злющій песъ, взглянулъ изъ-подъ-лобья въ мою сторону — вотъ и все. На другой день опять то-же самое. А у меня на душѣ полегчало. Что-жъ, думаю, погрустить, потоскуетъ дѣвица, да и забудетъ. Кума свезетъ ее въ уѣздный городъ, купитъ зеркальце или гостинца. А тамъ, въ околицѣ. парень честный, пригожій, ужъ давно къ Юлисѣ присматривается. Авось, и забудетъ она! А куму я заставилъ поклясться, что пусть дѣвка молитъ, пусть проситъ, пусть горюетъ, все-жъ ей лошадей ни за что не давать и даже, въ крайнемъ случаѣ, спрятать ея голубые платьица и башмачки.

Вечеромъ четвертаго дня, когда солнце, какъ огненный шаръ, катилось по небу, подходитъ ко мнѣ мой челядникъ и вдругъ спрашиваетъ:

— Гдѣ-же ваша дочь, господинъ мельникъ?

Все во мнѣ вскипѣло отъ этихъ словъ, но я сдержался и отвѣчаю:

— Гдѣ осталась, тамъ и осталась, а что ее нѣтъ, и не будетъ, съ васъ и того довольно.

— Да? — спрашиваетъ онъ и глазами такъ и буравитъ меня насквозь.

— Ну, да!—отвѣчаю, а сердце во мнѣ такъ и прыгаетъ.

— А,—говоритъ—значитъ и меня здѣсь не будетъ.

— Съ Богомъ!—говорю, и ноги мои такъ и скачутъ. А онъ:

— Съ Богомъ-ли — это еще вопросъ. Вы изволили показать мнѣ свое искусство, теперь очередь за мною...

Онъ умолкъ и за работу взялся.

— Пустая болтовня!—думалъ я себѣ, но до самой ноченьки какой-то непонятный страхъ по мнѣ такъ и ползаетъ...

Рабочій день конченъ—все исправно.

Заперся я на вышкѣ. Кулясъ къ окну подошелъ, говоритъ, что челядникъ собираетъ свои пожитки и въ узелъ ихъ связываетъ. Бросился я на койку—жду развязки... А было въ ту ночь полнолуніе и мѣсяцъ сіялъ на небѣ, какъ рыбье око. Вдругъ слышу пѣніе Ганса. Знавалъ онъ многія пѣсни и многія пѣлъ, но этой пѣсни я еще ни разу не слышалъ. Странная то была пѣсня. Какимъ-то трепетомъ проникла она въ глубину сердца, и такая была въ ней сила, что лежать нѣтъ моченьки, надо встать и къ окну идти. Онъ пѣлъ цѣлый часъ, даже дольше—потомъ голосъ его сталъ удаляться отъ мельницы.

Спускаюсь я съ вышки, выхожу въ сѣни—точно днемъ свѣтло... Боже милостивый! Какъ вспомню я тотъ лунный свѣтъ!...

Варавонсъ перебилъ свой разсказъ: зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ, взглядъ былъ мутный, окаменѣлый... Онъ сдѣлалъ усиліе, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Въ той широкой полосѣ луннаго свѣта, дорогой, ведущею къ лѣсу, шелъ Гансъ съ узелкомъ на концѣ палки.

Онъ пѣлъ, а за нимъ далеко... О! зачѣмъ я не ослѣпъ въ то мгновеніе!—босикомъ и въ одномъ бѣльѣ шла Юлися, шла дочь моя, съ опущенными глазами, протянувъ къ нему руки, блѣдныя какъ полотно.

Я крикнулъ и бросился къ ней. Она даже не оглянулась. Но когда я догналъ ее и схватилъ за плечо, какъ мертвая, упала къ ногамъ.

— Куда ты, дѣвка? Что съ тобой? Зачѣмъ? А она: Иль убей меня, батька,—говоритъ—иль пусти съ нимъ! Убей—не то здѣсь все равно не останусь, развѣ въ гробу! Пойду за нимъ сквозь огонь,—говоритъ—проплыву сквозь воду! Пусти, батька,—говоритъ—иль убей...

Какъ червь извивается, какъ горлица стонетъ, какъ смола липнетъ къ рукамъ и ногамъ моимъ... Боже милостивый! что тутъ дѣлать?.. Пустилъ ее...

Старикъ вытеръ потъ съ лица, зубы его снова стучали.

— Встала,—прошепталъ онъ, судорожно глотая слюну,—встала и ушла. Какъ болотный туманъ, какъ тѣнь пошла за нимъ, протянувъ къ нему ручки и прикрывъ граза. Какъ тотъ голубь, который во время пожара летитъ прямо къ пламени, распустивши бѣлыя крылья, такъ и она пошла за нимъ... Я упалъ на дорогу, я бился головою о земь, я рычалъ какъ звѣрь лѣсной, я завывалъ, какъ песъ,—не вернулась! Чертовъ искуситель все пѣлъ. И она ушла за нимъ. Что ей отецъ? Что родной домъ? Ничего. Продала ему свою душу... ушла...

Онъ умолкъ, тяжело дыша. Явное помѣшательство блеснуло въ его глазахъ и вдругъ, понизивъ голосъ и нагнувшись ко мнѣ еще ближе, онъ сказалъ:

— Слыхалъ я, родные, о разныхъ колдовствахъ о различныхъ мельничьихъ шуткахъ. Слыхалъ я, что иной человѣкъ такъ заколдуетъ жернова, что только ему и никому другому пойдетъ помолъ. Слыхалъ, что иной человѣкъ, все что захочетъ, то и уведетъ съ мельницы. Слыхалъ, да не вѣрилъ... Воля Божія, думалъ я—да и только. А тутъ вижу, родные, вижу при яркомъ блескѣ мѣсяца, что жерновой камень катится за Гансомъ по дорогѣ. Весь въ блескахъ, весь серебряный катится, словно, полная луна по темной землѣ. Стою, какъ вкопанный, гляжу, а тамъ катится второй, и третій, и четвертый. Іесусе Сладчайшій! Всѣ они покатились за Гансовымъ пѣньемъ!.. Хочу звать, догонять хочу—куда тутъ! Ноги такъ и вросли въ землю матушку. А въ головѣ сверкнула мысль: если родное дитятко, если дочь меня покинула, бросила сироту горемычную, и ушла... если такъ—что камни? Что *камни?* — повторилъ онъ съ удареніемъ, качая сѣдой головой, потомъ выпрямился и протянулъ руки въ сторону лѣса... Все ушло—сказалъ онъ громко—все отошло отъ меня въ томъ лунномъ сіяніи—туда... Далеко!..—Онъ умолкъ, но стоялъ выпрямившись, съ протянутыми руками. Потомъ вдругъ сгорбился, тяжело облокотился на ветхія перила и, попрежнему тихо, какъ-бы самому себѣ сказалъ:—Всетаки я иной разъ думаю, что стоило мнѣ съ мольбою сказать этимъ камнямъ: Вернитесь!.. И камни, пожалуй, вернулись-бы...

Мѣсяцъ въ Константинополѣ.

(Изъ лѣтнихъ воспоминаній).

I.

Задумчиво, куря папиросу за папиросой, я сидѣлъ у окна въ своей гостинницѣ и любовался раскинувшимся передо мной видомъ Константинополя. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я день въ день смотрю на эту панораму и мнѣ не вѣрится до сихъ поръ, что это дѣйствительность, а не картина, не въ «краскахъ воплощенный вдохновенный сонъ». Въ особенности теперь, когда настали лунныя ночи, видъ стариннаго города сталъ еще волшебнѣе, еще обаятельнѣе. По ту сторону улицы шла сплошная стѣна совершенно темной зелени городского сада, въ которой то тамъ, то сямъ мерцали дрожащіе огоньки газовыхъ язычковъ, а за нимъ громаднымъ выгибомъ вверхъ поднимался амфитеатръ безконечныхъ домовъ съ плоскими крышами. Островерхіе минареты и стройные кипарисы отбрасывали отъ себя длинныя тѣни, черными полосами ложившіяся поперекъ улицы. Гладкая и неподвижная поверхность Золотого Рога отливала серебромъ. Крупныя, яркія звѣзды ласково мигали, а луна, точно поблѣднѣвшая отъ страсти, не отрываясь, любовалась этимъ городомъ, въ которомъ много вѣковъ тому назадъ она серебрила кресты на куполахъ, а теперь лучи ея отражаются на полумѣсяцѣ красующихся на вершинахъ тѣхъ-же зданій. Послѣ заката солнца посвѣжѣло, и я измученный и истомленный зноемъ и духотой лѣтняго дня дышалъ съ наслажденіемъ. Мирная красота картины невольно заставляла въ воображеніи рисовать себѣ довольство и покой въ этихъ безчисленныхъ домикахъ, гдѣ трудовое населеніе столицы падишаха уже давно покоится глубокимъ сномъ. Казалось, что здѣсь не можетъ быть ни горя, ни отчаянія, а жизнь должна проходить спокойно, защищенная вѣрой въ предопредѣленіе. Что-бы ни произошло, волноваться не стоитъ, такъ

какъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ это было уже вписано въ «книгу судебъ» и потому нужно покоряться, глубокомысленно покуривая буль-кающій наргилэ или нѣжась на мягкой и удобной постели, сладко дремать, отдаваясь грезамъ. Ни малѣйшаго вѣтерка не проносилось въ воздухѣ и дымъ ровными кольцами поднимался и медленно выплывалъ въ окно. Неожиданный стукъ въ дверь заставилъ меня вздрогнуть.

— Войдите!—крикнулъ я. Въ просвѣтѣ открывшейся двери показалась небольшая, сухая фигура армянскаго журналиста Марса [1]), заходившаго ко мнѣ иногда поболтать и разсказать все, что мучаетъ и заставляетъ обливаться кровью его армянское сердце.

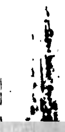
— Мечтаете? — спросилъ онъ, усаживаясь въ мягкомъ и удобномъ креслѣ противъ меня.

— Какъ видите, даже не зажигаю свѣчей, хотя мнѣ нужно написать нѣсколько писемъ.

— Вижу, что восточная лѣнь начинаетъ одолѣвать васъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ и мгновенно загорѣвшаяся спичка освѣтила его худое, съ большими умными и живыми глазами лицо, обросшее густой и курчавой бородкой.

— Что васъ давно не было видно?—спросилъ я.

— Я ѣздилъ по Малоазіатскому берегу и, признаюсь, вернулся въ самомъ ужасномъ состояніи духа. Европейская печать такъ мало интересуется тѣмъ, что дѣлается внѣ предѣловъ Европы, что совершенно не знаетъ о тѣхъ ужасахъ, которые происходятъ теперь въ глухихъ армянскихъ деревушкахъ, которыхъ вы не найдете ни на одной картѣ. Представьте себѣ, что съ нѣкоторой опасностью жизни вы, измученный долгимъ путешествіемъ верхомъ, добираетесь наконецъ до села, гдѣ надѣетесь отдохнуть и поговорить на родномъ языкѣ. Еще за двѣ, за три версты вы можете думать объ этомъ, но вотъ васъ поражаетъ запахъ гари, на дорогѣ вы встрѣчаете поломанную арбу, въ сторонѣ въ кустѣ спитъ какой-то старикъ, но, приглядѣвшись внимательнѣе, вы замѣчаете широкую кровавую полосу на его шеѣ, заставившую его принять такую неестественную позу. И чѣмъ дальше подвигаетесь вы впередъ, тѣмъ все больше и больше встрѣчаете непонятнаго, что заставляетъ ваше сердце сжиматься ужасомъ и тоской. Пришпориваете лошадь и въѣзжаете въ армянскій поселокъ и тогда вы убѣждаетесь, что здѣсь только что хозяйничали курды. Полуобгорѣвшіе трупы съ поднятыми къ небу ручками, распятые священники, дѣти, насаженныя на колья забора, женщины, умирающія въ невыразимыхъ мукахъ, послѣ того, какъ онѣ служили предметомъ забавы для цѣлой роты—это все такія картины, кото-

[1]) Настоящая фамилія его Мурадьянъ—постоянный сотрудникъ газеты «Аревелкъ» и тифлисской газеты «Нордаръ». Кромѣ того, онъ работаетъ во многихъ періодическихъ армянскихъ изданіяхъ.

рыя нельзя забыть, увидѣвъ ихъ хотя-бы разъ. Когда я вернулся сюда и разсказывалъ въ кругу близкихъ друзей то, что видѣлъ, лились, буквально потоки слезъ и слышались проклятія!

— Чѣмъ-же вы объясняете такую ненависть турокъ къ армянамъ?— спросилъ я его.

— Мнѣ кажется и вы,—отвѣтилъ мнѣ Марсъ, — становитесь на невѣрную точку зрѣнія, стараясь во что-бы то ни стало отыскать причину столкновенія двухъ національностей. Это дѣло будущаго, а задача настоящаго должна состоять въ томъ, чтобы предотвратить всѣ эти ужасы и только, положивъ предѣлъ имъ, начать заниматься историческими изслѣдованіями. Вѣдь нельзя-же, господа, чтобы въ концѣ XIX вѣка одна національность уничтожала другую, не путемъ ассимиляціи или высшей культуры, а просто съ помощью ножа и револьвера. Не можетъ быть чтобы кто-нибудь не пришелъ къ намъ на помощь.

— А вашъ армянскій комитетъ въ Лондонѣ?—спросилъ я.

— Да отъ него, кромѣ вреда, и ожидать ничего нельзя, такъ какъ онъ является игрушкой въ рукахъ англичанъ. Если-бы вы прожили здѣсь большее время, то сами-бы убѣдились въ этомъ, такъ какъ здѣсь въ Константинополѣ даже англійское правительство искало лицъ, которымъ предлагались деньги, чтобы они возбуждали населеніе къ бунту и это дѣлалось открыто, причемъ англійскіе эмиссары не трудились даже скрывать того, что они нисколько не сочувствуютъ армянамъ, а подстрекая ихъ, помогаютъ Турціи, давая ей благовидный предлогъ передъ другими державами рѣзать тѣхъ лицъ, которыя не желаютъ подчиняться дѣйствіямъ правительства. Съ другой стороны и сами армяне, можетъ быть, съ точки зрѣнія формальной и не всегда послушны распоряженіямъ властей и объясняется это тѣмъ, что къ властямъ этимъ они не чувствуютъ ни малѣйшаго уваженія. Въ 78 году, сейчасъ послѣ русско-турецкой войны, армянамъ было дано нѣкоторое самоуправленіе, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ ихъ духовныхъ дѣлъ, куда, весьма естественно, правительству, въ виду разницы религій, неудобно было вмѣшиваться. Было учреждено духовное собраніе, на обязанности котораго лежалъ выборъ патріарха. И въ то время, когда члены этого собранія занимались этимъ вопросомъ, султанъ назначилъ Нурьяна, что служитъ прямымъ доказательствомъ тому, что данныя права отняты и мы находимся опять въ положеніи 70-хъ годовъ. Нашлись смѣлые люди, которые рѣшились сдѣлать правительству запросъ, на который оно отвѣтило, что за нарушеніе повиновенія властямъ оно наказываетъ своихъ подданныхъ, какъ наказывало-бы и турокъ, если-бы они не подчинялись приказу начальства. Мы чувствуемъ себя въ такомъ отчаянномъ положеніи, что положительно теряемъ головы, а это, можетъ быть, заставляетъ насъ дѣлать еще новыя ошибки.

— Но армяне,—спросилъ я,—вамъ не помогаютъ?

— Вы спрашиваете меня объ армянахъ богачахъ? Конечно, нѣтъ. Нужно отдать справедливость нашей національности, что патріотизмъ падаетъ съ каждымъ днемъ. Но, наконецъ, богачи и не испытываютъ на себѣ всего гнета турецкаго ига, такъ какъ отъ всякаго давленія со стороны Порты они могутъ откупиться деньгами. Наконецъ, турки поставили дѣло такъ ловко, что предоставили самую рѣзню курдамъ, племени, какъ извѣстно, дикому и разбойничьему, и за полезную дѣятельность султанъ формируетъ изъ нихъ полки и награждаетъ деньгами. Если вы хотите знать приблизительно, сколько избито армянъ въ двѣнадцати вилаэтахъ Малой Азіи, то точную цифру указать вамъ я не берусь, но назову нѣкоторые пункты и укажу на количество жертвъ въ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ Трапезунтѣ убито 520 человѣкъ по сигналу изъ турецкаго рожка и рѣзня была пріостановлена тоже рожкомъ, причемъ у армянъ было отнято имущества на 5 милліоновъ франковъ, въ Эрзерумѣ убито 400 армянъ, въ Байбуртѣ—1,350, въ Эрзіанджіанѣ—многія сотни, въ 175 деревняхъ—все мужское населеніе, въ Киги-Баязетѣ—500 человѣкъ, въ Битлисѣ—800, въ Сасунѣ—800, въ Ванѣ и Харпутѣ—по 500, въ Арапкирѣ—2,800, кромѣ того, въ окрестныхъ деревняхъ, населенныхъ армянами, не осталось ни одного человѣка въ живыхъ, въ Сивасѣ убито полторы тысячи, въ Гюрюнѣ—болѣе тысячи человѣкъ, въ Шабенѣ—болѣе трехъ тысячъ, въ Аммасіи—тысячу человѣкъ, въ Энтагѣ—тысячу человѣкъ...

— Позвольте,—перебилъ я моего собесѣдника,—но вѣдь вы приводите такія громадныя цифры, что число нападающихъ должно имъ соотвѣтствовать, это, несомнѣнно, должны быть правильно организованные отряды и, наконецъ, почему-же населеніе не выказываетъ уже положительно никакого сопротивленія, что видно изъ того, что между турками или курдами нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ?

Собесѣдникъ мой отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее:

— Во-первыхъ,—сказалъ онъ,—мы ничего не знаемъ о томъ, есть-ли между турками убитые или раненые, такъ какъ это будетъ, несомнѣнно, очень ловко скрыто, во-вторыхъ, вы совершенно справедливо замѣтили, что для нападенія на армянскіе города или села необходимы правильно организованные отряды; таковые, несомнѣнно, существуютъ и организацію имъ придаетъ само правительство, дѣлая изъ курдовъ полки. Не далѣе, какъ вчера, былъ большой Байрамъ, иначе день рожденія Магомета, и султанъ, принимая всѣхъ малоазійскихъ курдовъ, сказалъ, что доволенъ ими и дѣлаетъ изъ нихъ новый полкъ, очевидно, это награда за дѣятельность въ пользу Турціи. Въ доказательство того, что турецкія власти не усмиряютъ безпорядковъ, а, напротивъ, стремятся къ ихъ развитію, стоитъ только посмотрѣть на то, какъ назначаются губер-

наторы по-турецки вали, въ отдаленныя провинціи. Надо вамъ сказать, что жизнь въ Константинополѣ чрезвычайно дорога, въ особенности для турецкаго аристократа, такъ какъ онъ поставленъ въ необходимость содержать большой гаремъ и массу слугъ. Не дай Богъ, если еще къ этому прибавится особая милость султана, выразившаяся въ томъ, что онъ дастъ одну изъ своихъ воспитанницъ въ жены. Опираясь на свои связи въ Ильдизъ-Кіоскѣ такая жена въ то-же время способна растратить какое угодно состояніе и довести мужа до того, что онъ начинаетъ хлопотать о назначеніи его въ отдаленную провинцію. Дѣлается это такимъ образомъ: у одного изъ мѣстныхъ армянъ онъ беретъ взаймы отъ пятнадцати до двадцати тысячъ лиръ и даетъ ихъ въ видѣ взятки одному изъ приближенныхъ султана. Получивъ назначеніе, онъ уѣзжаетъ въ глухую провинцію, гдѣ сейчасъ-же долженъ завести себѣ новый гаремъ и новыхъ слугъ, такъ какъ жена его изъ Константинополя ни за что на свѣтѣ не уѣдетъ. Представьте себѣ теперь его положеніе: онъ долженъ содержать домъ въ Константинополѣ, другой домъ—въ провинціи и въ то-же время платить проценты за долгъ, а вы знаете, что здѣсь ни одинъ ростовщикъ не беретъ менѣе шестидесяти годовыхъ. Ясно, что никакое содержаніе не можетъ удовлетворить его, приходится отыскивать новые источники дохода. Для этого онъ сообщаетъ въ Стамбулъ, что какое-нибудь армянское селеніе не исполняетъ его требованія. Изъ Стамбула ему шлютъ приказъ взять низамъ, т.-е. пѣхоту и отправиться усмирять ихъ. Легко себѣ представить изумленіе армянъ, мирно работающихъ, когда совершенно внезапно селеніе ихъ окружено кольцомъ турецкихъ войскъ, а вали обвиняетъ ихъ въ бунтѣ и приказываетъ заковать все мужское населеніе въ цѣпь. Зная хорошо турецкое чиновничество, армяне понимаютъ, что здѣсь все дѣло въ деньгахъ и вносятъ выкупъ султану. Выкупа этого, султанъ, конечно, не получаетъ, а беретъ себѣ вали и тѣмъ дѣло кончается. Внося деньги, армяне любопытствуютъ узнать, кто-же это донесъ на нихъ и съ негодованіемъ слышатъ, что это ихъ сосѣди—курды. Не успѣла еще улечься пыль, поднятая ногами пѣхоты, и фигура вали верхомъ на бѣлой лошади скрыться на горизонтѣ, какъ уже армяне, вооружившись поголовно, отправляются мстить курдамъ и брать съ нихъ то, что они заплатили чиновникамъ. Дѣло кончается рѣзней и усмирять ихъ приходитъ опять-таки вали, который беретъ новый выкупъ за то, чтобы оградить курдовъ отъ нападенія армянъ. Такимъ образомъ ясно, что чѣмъ болѣе безпорядковъ въ его области, тѣмъ ему выгоднѣе. И малѣйшія искорки онъ старается раздуть въ цѣлое пламя.

— Чѣмъ-же все это должно кончиться, по мнѣнію армянъ?—спросилъ я Марса.

— Не берусь вамъ отвѣтить на это, но думаю, что конецъ этому будетъ весьма печальный.

— Для кого?

— Не только для армянъ, но и для Европы.

— Какимъ-же образомъ для Европы? — спрашиваю я моего собесѣдника.

— Стремясь къ достиженію и осуществленію тѣхъ или другихъ политическихъ задачъ, русская дипломатія совершенно упускаетъ изъ виду, что Турція сосѣдняя съ ней страна, а европейскіе дипломаты—что они имѣютъ дѣло съ жителями Востока. Въ началѣ 1896 года появилась статья въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, въ которой доказывалось, что вся культура Европы виситъ на волоскѣ, въ прямой зависимости отъ Азіи. Какъ будто нарочно судьба устраиваетъ такъ, что все, что намъ, европейцамъ, убыточно, для отдаленнаго Востока выгодно вплоть до металлической системы. У насъ основной металлъ—золото, въ Азіи—серебро. Золото дорожаетъ съ каждымъ днемъ, иначе говоря, за то-же количество золота даютъ все большее и большое количество серебра, слѣдовательно, при томъ-же количествѣ труда или за то-же количество товара житель Востока получаетъ въ настоящее время больше, чѣмъ прежде. Этимъ объясняется прямо легендарное развитіе индійской національной промышленности, которое уже заставляетъ задумываться весьма серьезно англичанъ. Замѣтьте еще при этомъ, количество рабочихъ рукъ, удобныя условія жизни, превосходный климатъ, воспитанная вѣками наслѣдственная воздержанность, укрѣпляемая еще категорическими требованіями религіи, и вы поймете, что бороться съ Востокомъ въ этомъ отношеніи не легко. Многіе изслѣдователи его приходятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что именно тамъ-то и лежитъ ключъ къ разрѣшенію все болѣе и болѣе назрѣвающаго мірового соціальнаго вопроса. И въ то самое время, когда мы заботимся о развитіи нашего рабочаго, когда у насъ устраиваются ассоціаціи, техника идетъ быстрыми шагами впередъ, фабрики достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ, можетъ настать такой день, когда машины остановятся, такъ какъ для товара не будетъ рынковъ и азіатская промышленность, а слѣдовательно и культура сотрутъ съ лица земли всѣ европейскія начинанія. Этимъ я хочу сказать, что матеріальное и финансовое положеніе Востока совершенно не такъ плохо, какъ объ этомъ привыкли думать. Здѣсь еще не пробудился духъ предпріимчивости, здѣсь довольствуются небольшимъ процентомъ и стрижкой купоновъ, но что лежатъ повсюду страшные капиталы—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Завоевывая весь міръ, европеецъ никогда не вносилъ въ это дѣло и религіозной розни, да и самое христіанство обязывало его любить людей и стремиться къ тому, чтобы, постепенно смягчая ихъ сердца, заставить наконецъ увѣровать. Исключеніе, конечно, составляетъ Америка, но она не имѣетъ никакого отношенія къ дальнему Востоку. Между

тѣмъ у магометанина прежде всего вопросъ религіи и во всякую минуту жизни и затрудненія онъ обращается къ муллѣ, который всѣ несчастія Турціи неизмѣнно объясняетъ владычествомъ гяуровъ, изъ чего ясно, что съ истребленіемъ ихъ настанетъ золотой вѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ группъ молодого поколѣнія Турціи стремится къ тому, чтобы возстановить все прежнее, старинное, и вернуться къ временамъ Магомета, завоевателя Константинополя. Эти видятъ золотой вѣкъ въ прошломъ.

— Нѣчто въ родѣ нашихъ словянофиловъ,—замѣтилъ я.

— Въ теоріи—да, но при этомъ еще на религіозной подкладкѣ. Славянофильство не имѣло подъ собою прочной, народной основы и являлось плодомъ теоретическихъ размышленій отдѣльнаго кружка, между тѣмъ какъ софты имѣютъ за собой симпатіи какъ народа, такъ и духовенства. И вы посмотрите на мрачную фигуру софта, въ его длинномъ халатѣ и сѣромъ колпакѣ, и убѣдитесь, какъ все современное онъ презираетъ и глаза его загораются огнемъ только при воспоминаніи прошлаго. Эта партія, несомнѣнно, съиграетъ большую роль въ исторіи Турціи.

— А младотурки?

— Полноте,—улыбнулся Марсъ,—ихъ больше создали европейскія газеты, чѣмъ они существуютъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ требованія ихъ не имѣютъ никакого принципіальнаго характера, а просто дѣло личности. Они ничего не имѣютъ противъ современнаго режима Турціи, но имъ не нравится султанъ, а, слѣдовательно, съ его смертью или уходомъ съ престола они должны исчезнуть и слиться съ общей массой. Другое требованіе ихъ, заключающееся въ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній, можетъ быть всегда удовлетворено и диссонансъ внутренней политики разрѣшится аккордомъ. Я отвлекся отъ начатаго разговора и потому возвращаюсь къ нему опять. Я хочу доказать, что при солидной финансовой обезпеченности опасно возбуждать въ представителяхъ ислама религіозный фанатизмъ, который можетъ сильно разгорѣться при видѣ потоковъ армянской крови. Всѣ великія перемѣны въ исторіи начинались такимъ образомъ и, можетъ быть, такъ называемые армянскіе безпорядки ничто иное, какъ первое, еле замѣтное глазу, движеніе зеленаго знаменія пророка, которое не дай Богъ, если развернется. Поэтому Европа должна теперь-же принять энергическія мѣры и прекратить все это.

— Но, какъ?—спросилъ я.

Марсъ развелъ тупо руками.—На это я ужь ничего не могу вамъ отвѣтить, такъ какъ это дѣло личныхъ дарованій дипломатовъ.

Неожиданно раздавшійся веселый и захватывающій мотивъ вальса въ городскомъ саду, заставилъ прекратить разговоръ. Еще нѣсколько

времени Марсъ посидѣлъ у меня и затѣмъ скрылся такъ-же быстро, какъ и вошелъ. Я выглянулъ въ окно и залюбовался въ сотый, тысячный можетъ быть разъ чудной картиной отдыхающей столицы падишаха.

II.

Прошло нѣсколько дней. Судьба доставила мнѣ случай еще ближе вникнуть въ армянскій вопросъ и побесѣдовать съ такими лицами, которыя являлись какъ-бы олицетвореніями его прошлаго и настоящаго. Я говорю о двухъ патріархахъ, старомъ Маніосѣ Измериліанѣ и новомъ, Нурьянѣ. Старый патріархъ живетъ въ Скутари, до котораго было достаточно далеко отъ моей квартиры. Миновавъ кипащую народомъ Перу и спустившись по подземной желѣзной дорогѣ внизъ, я добрался до моста Кипрю, гдѣ сѣлъ на небольшой пароходикъ, разбивавшій бѣлую пѣну, прозрачную, точно изумрудную воду Босфора. Безоблачное небо, освѣщаемое горячимъ солнцемъ, казалось само было раскалено. Въ воздухѣ стояла невообразимая тишина и все, къ чему вы ни притронитесь, было горячо. На пароходѣ пассажировъ было немного, небольшой мальчикъ съ феской на затылкѣ разносилъ стаканы съ водой, которую всѣ съ жадностью пили. Массы лодокъ перерѣзывали намъ дорогу и пароходъ ежеминутно свистѣлъ тоненькимъ голоскомъ. Наконецъ, вотъ и Скутари. Отдавъ билетъ контролеру и выйдя на берегъ, я пошелъ отыскивать квартиру бывшаго патріарха, что было не особенно легко. Старинные кварталы съ узкими переплетающимися улицами въ полуденный зной совершенно безлюдны. Нигдѣ вы не увидите ни названія улицы, ни нумера дома, а такъ какъ и встрѣчъ въ нихъ нѣтъ, то васъ охватываетъ минутами полное отчаяніе. Мнѣ посчастливилось на этотъ разъ и толстый турокъ, приготовлявшій на жаровнѣ кукурузу, указалъ мнѣ путь. Бывшій патріархъ занимаетъ небольшой домикъ съ закрытыми ставнями, точно слѣпыми очами. Дверь была заперта и по старинному обычаю я постучалъ за кольцо. Отперли мнѣ не скоро, а отперши, прислужникъ пожалуй-бы не пустилъ-бы меня, если-бы я не запасся рекомендательнымъ письмомъ. Взглянувъ на карточку, прислужникъ улыбнулся и пропустилъ меня въ переднюю, гдѣ было прохладно. Прошло еще нѣсколько минутъ, дверь отворилась и я вошелъ во внутренніе покои. Комната меблирована просто, даже аскетически. По стѣнамъ низкіе диваны, ставни пропускаютъ слабый свѣтъ, золотыя полоски котораго то тамъ, то сямъ дробятся на подушкахъ и заливаютъ яркимъ свѣтомъ большое распятіе въ углу. Черезъ минуту послышался старческій кашель, шлепанье туфель о каменный полъ и показался патріархъ, Измериліанъ, совершенно дряхлый старикъ съ трясущейся головой, ху-

дыми пальцами рукъ, перебиравшими четки. Глаза его смотрѣли тускло и устало. Очевидно, сила несчастья сломила стальной нравъ этого человѣка, который, по мнѣнію даже враговъ его, одинъ не боялся говорить правду не только въ роскошныхъ пріемныхъ Ильдизъ-Кіоска, но даже въ глаза самому падишаху. Это, конечно, не нравилось никому. Въ душной придворной атмосферѣ Порты рѣзкимъ диссонансомъ являлся этотъ старикъ, говорящій правду смѣло, рѣзко и не признающій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Склонить его было нельзя, его можно было только сломить, на что рѣшился только самъ султанъ, да и то послѣ долгихъ колебаній. Старикъ пригласилъ меня сѣсть. Печаль, лежащая на его лицѣ, была такъ искренняя, такъ глубока, что положительно, не хватало смѣлости говорить съ нимъ объ интересовавшемъ меня вопросѣ. Перебирая четки, патріархъ самъ началъ бесѣду и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе разгорались огнемъ его глаза и просыпалась былая сила.

— Вы видите пастыря,—сказалъ онъ,—у котораго перерѣзали овецъ и разогнали все стадо. Что надо дѣлать пастырю? Искать ихъ, возвращать подъ свой покровъ и молиться за тѣхъ, кто тамъ въ горныхъ селеніяхъ. Я дѣлалъ это все, молился цѣлыя ночи, но Господу не были угодны мои молитвы. Теперь я лишенъ даже пастырскаго посоха и въ глубинѣ своей кельи могу только вспоминать пережитое и снова молить Бога, чтобы онъ принялъ подъ свой покровъ бѣдный армянскій народъ. Пять вѣковъ неволи, вѣдь это десять послѣдовательныхъ поколѣній, чувствующихъ надъ собой силу полумѣсяца, вѣдь это адъ. Намъ давали конституцію въ 61-мъ году, 78-мъ и затѣмъ показывали намъ, какъ насъ дурачили, смѣялись надъ нами, отнимая тѣ права, которыя бросали, какъ собакамъ, вчера. Насъ дразнили, обманывали тѣнью и когда, чувствуя зарю приближающейся свободы, армяне начали стараться развиваться, идти впередъ, тогда загремѣли выстрѣлы, заблистали ножи, засѣянныя поля превратились въ пустыни и богатыя села—въ развалины.—За что? Неужели турки могли думать, что армяне мечтаютъ объ отдѣленіи отъ Порты и объ образованіи отдѣльнаго государства? Развѣ намъ это нужно? Намъ нужно только, чтобы за каждымъ армяниномъ признавали общечеловѣческія права, права жизни, а не страхъ, что не сегодня—завтра у него отнимутъ все, что нажито годами и что дорого сердцу. Въ газетахъ пишутъ кратко, опредѣляя все это однимъ словомъ—рѣзня, да знаете-ли вы, что такое рѣзня? Когда тамъ и сямъ валяются обезображенные трупы, кровь льется рѣкой...

Патріархъ остановился, онъ былъ въ сильномъ волненіи, руки его дрожали и быстро, быстро перебирали четки.

— Зачѣмъ-же все это? За что? Что сдѣлали имъ дѣти, которыхъ они не жалѣютъ и истязуютъ на глазахъ у матерей, которыхъ потомъ на-

сплуютъ. За что? спрашиваю васъ, за что? И вдругъ, разомъ остановившись, онъ тщетно старался удержать цѣлый потокъ слезъ, которыя сбѣгали, точно стыдясь, по его морщинистымъ ланитамъ и прятались въ сѣдой бородѣ. Патріархъ вытеръ слезы рукавомъ своего одѣянія и предложилъ мнѣ курить, но видно было, что волненіе бушевало въ его груди и что онъ радъ высказаться, отдаваясь его властному наплыву и подѣлиться тѣмъ, что давно наболѣло на его душѣ.

— Иностранныя державы смотрятъ на все это безпристрастнымъ окомъ, не желая войти въ наше положеніе, не желая облегчить нашу участь, какъ будто мы не тѣ-же христіане. Вы удивляетесь примѣрамъ первобытныхъ христіанъ, которые умирали на аренѣ цирка, но развѣ наши священники, произносящіе слабѣющимъ языкомъ имя Христа, когда ихъ распинаютъ, менѣе достойны уваженія? Спрашиваю васъ, почему-же никто не заступится за нихъ? Политика,—иронически улыбнулся бывшій глава армянской церкви,—политика, вотъ ужь подлинно создали себѣ кумиръ и сами поклоняются ему. Вѣдь этому Молоху принесено около ста тысячъ жертвъ. Неужели сердце европейцевъ такъ ожесточилось, что они уже совершенно не признаютъ чувства жалости? Подумайте, конецъ девятнадцатаго вѣка, цивилизація, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ европейскаго континента падаютъ подъ ножомъ цѣлыя семьи, проклиная часъ своего рожденія. Говорятъ, вмѣшательство въ дѣла Турціи должно немедленно повлечь за собой войну. Не дай Богъ, и мнѣ, какъ духовному лицу, было-бы страшнымъ, незамолимымъ грѣхомъ проповѣдывать это; но есть другой исходъ. Это—твердое настойчивое слово нѣсколькихъ державъ одновременно—и Турція подчинится ихъ требованіямъ. Турцію считаютъ возрождающимся или вѣрнѣе перерождающимся организмомъ. Достаточно поверхностно ознакомиться съ жизнью страны, чтобы убѣдиться, что страна разлагается, и недалекъ тотъ часъ, когда она покончитъ свое существованіе какъ отдѣльное государство въ предѣлахъ Европы. Государство, гдѣ убійство является дѣломъ легальнымъ, гдѣ царство лжи, гдѣ все основано на подкупѣ и деньгахъ,—существовать не можетъ, такъ какъ самая жизнь его является фактомъ безнравственнымъ. Европа совершенно напрасно надѣется поддержать слабѣющій организмъ Порты; страна, неподдающаяся культурѣ, мертва.

Патріархъ снова смолкъ.

Тихо ступая по каменному полу, вошелъ служитель и внесъ намъ кофе въ крошечныхъ чашечкахъ. Патріархъ снова заговорилъ:

— Очевидно міру придется долго еще существовать, пока будетъ единое стадо и единъ пастырь. Мы наканунѣ двадцатаго вѣка, наука идетъ впередъ гигантскими шагами, открытіе дѣлается за открытіемъ, но, изощряя свой умъ, люди изсушаютъ свое сердце, коснѣя въ эгоизмѣ.

И когда на этомъ берегу кричатъ о свободѣ, на томъ раздаются крики о помощи. И неужели Европа не остановитъ занесенной надъ нами руки? Неужели Господь не услышитъ молитвы цѣлаго народа? За что Онъ посылаетъ намъ это испытаніе?—Патріархъ всталъ. Глаза его разомъ зажглись огнемъ и онъ произнесъ:—пускай не приходятъ къ намъ съ утѣшеніемъ,—мы все-таки не одни, мы всегда помнимъ, что незримо съ нами Тотъ, Кто произнесъ великія и вѣчныя слова: Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные,—и онъ широкимъ жестомъ указалъ на Распятіе въ углу.

Бесѣда съ патріархомъ произвела на меня сильное и глубокое впечатлѣніе и я въ полной задумчивости вернулся домой.

Положимъ, все это не разъ приходило мнѣ въ голову, но можетъ быть въ настоящее время весь трудъ умиротворенія и вся тягота армянской церкви лежатъ на такомъ лицѣ, которое вынесетъ все это на своихъ плечахъ, а сглаживающее время уничтожитъ слѣды этихъ ужасовъ. Мало-ли что могутъ говорить про новаго патріарха, не лучше-ли удостовѣриться самому? И на другой день я направился къ патріарху Нурьяну. Его блаженство живетъ на дачѣ и пріѣзжаетъ въ свою зимнюю квартиру въ Кумкапу довольно рѣдко и всегда очень рано, избѣгая томительнаго зноя. У различныхъ лицъ я собралъ массу общихъ свѣдѣній, такъ что былъ приготовленъ ко всему. Репутація, которою онъ пользуется среди армянъ, далеко незавидна. Ловкій интриганъ, онъ всю жизнь стремился къ тому, чтобы съиграть какую-нибудь роль среди своего народа, но сдѣлать ему это хотѣлось въ видахъ личной карьеры. Турки называютъ его «своимъ»; легко понять, что для армянъ этого вполнѣ достаточно, чтобы отклоняться отъ его пастырскаго благословенія. Старый патріархъ былъ смѣщенъ съ своего престола султанскимъ приказомъ, и приказъ этотъ привезъ не безъ улыбки на лицѣ Нурьянъ. Армянское духовное собраніе встрѣтило его холодно, и ожидаемаго имъ сопротивленія, благодаря которому онъ могъ-бы сразу показать свою власть, оно не выказало. Нурьянъ вступилъ въ свои права, встрѣченный недружелюбно.

Въ пріемной патріарха ожидало много народа: тутъ были старухи съ подвязанными щеками и слезящимися глазами, старики, монахи,—словомъ, обычная публика архіерейскихъ пріемныхъ у насъ, въ Россіи. Я передалъ карточки монаху, который и отнесъ ихъ сначала секретарю его блаженства; секретарь въ фескѣ вышелъ и попросилъ подождать, такъ какъ патріархъ заканчиваетъ чтеніе бумагъ. «Онъ такъ занятъ теперь, добавилъ секретарь, такъ занятъ, что вы и представить себѣ не можете. Дѣла найдены въ полномъ безпорядкѣ. Старикъ все только говорилъ и плакалъ, а ничего не работалъ, такъ что приходится сначала создать цѣлую систему труда, подготовительнаго для доклада его

величеству султану». Секретарь скрылся, и снова въ пріемной послышались тихій сдержанный разговоръ и тяжелые вздохи. Прошло добрыхъ полчаса, когда снова появилась въ просвѣтѣ дверей сутуловатая фигура секретаря и жестомъ приглашала войти.

Кабинетъ патріарха обставленъ красиво и богато. По стѣнамъ картины религіознаго содержанія, диваны, заваленные грудами бумагъ, книгами, и, наконецъ, столъ, на которомъ опять кипы бумагъ. Очевидно, у патріарха ведется громадная переписка. Его блаженство сидѣлъ за столомъ и жестомъ пригласилъ сѣсть. Онъ уже не молодъ, лицо его, полное, съ заплывшими глазами, мало выразительно, а пухлыя руки безмятежно сложены на животѣ. Спокойствіе видно въ каждомъ жестѣ, но какъ-то чувствуется, что все это напускное. Патріархъ, помолчавъ, произнесъ:

— Я ждалъ, что вы будете у меня.

— Чѣмъ я заслужилъ такую честь?

— Мнѣ донесли, что вы были у моего предмѣстника и весьма долго бесѣдовали съ нимъ. Могу сказать, что это совершенно напрасно. Старикъ давно превратился въ какого-то болтливаго ребенка: плачетъ, размахиваетъ руками, убивается и самъ не знаетъ о чемъ.

— Но, ваше блаженство, ему близки страданія его народа.

— А почему же вы думаете, что они такъ-же не близки и мнѣ?— воспрянулъ патріархъ, и глаза его блеснули, но только на одно мгновенье, и тотчасъ потухли опять.—Почему вы это думаете? Вамъ уже наговорилъ старикъ на меня. Неужели вы предполагаете, что я не знаю всѣхъ сплетень, которыя ходятъ про меня? Говорятъ, что я и приверженецъ Порты, и слуга султана; но вѣдь, позвольте, я его подданный и потому долженъ подчиняться его волѣ. Разность религій не должна тутъ имѣть никакого значенія. Васъ интересуютъ армянскіе безпорядки, такъ не угодно-ли вамъ услышать изъ моихъ устъ, что ихъ нѣтъ.

— Какъ такъ? А газетныя сообщенія, разсказы очевидцевъ и т. д.?

— Эти газеты не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія, такъ какъ все это преувеличено, и кромѣ лжи и выдумокъ, въ нихъ нѣтъ ничего.

— Но, ваше блаженство, какъ-бы ни выдумывали газеты, не могутъ же онѣ создать тысячи труповъ, каторые валяются по деревнямъ.

— А кто видѣлъ эти трупы?—спросилъ патріархъ.

— Я не отрицаю,—продолжалъ онъ,—армянскихъ безпорядковъ совершенно, но не придаю имъ такого значенія. Это цѣлый рядъ маленькихъ отдѣльныхъ столкновеній, сливающихся издалека въ одно мрачное цѣлое. Въ одномъ мѣстѣ безпорядокъ является послѣдствіемъ личнаго недовольства, въ другомъ имѣетъ экономическую причину, въ третьемъ—сопротивленіе требованіямъ властей и т. д. Только зачѣмъ все это рисовать одной краской, придавать всему общій характеръ—вотъ въ чемъ

ошибка печати, по моему. Наконецъ, если указываютъ на громадное количество жертвъ, то опять-таки винить очень турокъ нельзя, вы не должны забывать ту степень культуры, на которой они стоятъ и потому надо относиться къ нимъ снисходительно. Кто будетъ говорить турку о томъ, что убійство является злодѣяніемъ и совершеніе его—жестоко и безнравственно? Мулла, напротивъ, старается разжигать страсти, такъ какъ религія требуетъ уничтожать гяуровъ, да и отъ всякаго грабежа богатѣетъ мечеть, а слѣдовательно, и онъ. Нельзя ужь такъ безусловно ихъ обвинять. Что дѣлать, несчастные армяне испытываютъ на себѣ теперь то, что испытывали двадцать лѣтъ тому назадъ болгары. Но послѣдніе стремились къ освобожденію, а первые нисколько не желаютъ уходить изъ подъ турецкаго ига, такъ какъ все богатство армянскаго народа заключается въ торговыхъ оборотахъ здѣсь, на Востокѣ, и съ уходомъ отсюда они неминуемо должны обѣднѣть. Ошибка армянъ заключается, по моему, въ томъ, что они сопротивлялись туркамъ, а этимъ еще болѣе озлобляли ихъ и навлекали на себя новыя бѣды. Если-бы они покорились, ничего-бы этого не было и дѣло кончилось-бы денежной суммой.

— Ваше блаженство,—сказалъ я,—мнѣ было-бы интересно заглянуть въ будущее и узнать ту программу дѣйствій, которой вы намѣрены держаться.

— Я не могу вамъ всего сказать,—отвѣтилъ патріархъ,—не потому, чтобы я это скрывалъ отъ васъ, а потому, что назначеніе мое было столь неожиданно и быстро, что я положительно не успѣлъ собраться съ мыслями. Изъ слуховъ, которые ходятъ обо мнѣ, вы, вѣроятно, узнали, что я не пользуюсь симпатіями народа. Да оно и понятно. Въ тѣ минуты, когда толпу или народъ охватываетъ общее увлеченіе, лица, оставшіяся чуждыми ему, дѣлаются всегда антипатичными. Благоразуміе и дальновидность считаются въ эти минуты измѣной общему дѣлу, но за то потомъ обращаются къ этимъ-же лицамъ. Я не побоялся вступить на патріаршій престолъ, зная, что за спиной я имѣю ненависть духовнаго собранія народа и прессы. Я глубоко убѣжденъ, что образъ дѣйствій моихъ, клонящійся только къ пользѣ армянъ, склонитъ ихъ въ концѣ концовъ на мою сторону и имя Нурьяна не будетъ произноситься со злобой. Итакъ я предполагаю обратиться къ султану съ повинной и просить о помилованіи армянъ, сознавшихъ себя виновными въ сопротивленіи его власти. Сила султана сломила насъ и надо покориться. Я увѣренъ и имѣю на то данныя, что султанъ милостиво выслушаетъ меня и достаточно только одного его слова, одного жеста, чтобы все прекратилось. Когда волненія улягутся, съ теченіемъ времени можно будетъ опять начать ходатайство о расширеніи правъ, но теперь ничего этого сдѣлать нельзя. Вы не знаете внутренней политики Вос-

тока. Основной принципъ ея заключается только въ послѣдовательности и постепенности, но, раньше, чѣмъ я обращусь къ султану, я буду у всѣхъ представителей великихъ державъ просить о томъ, чтобы они не оказывали ни малѣйшаго давленія на Блистательную Порту. Давленіе извнѣ дѣлаетъ этотъ вопросъ крайне серьезнымъ, а потому правительство начнетъ дѣйствовать осторожнѣе или-же наоборотъ, чтобъ доказать свою полную независимость отъ Европы, не измѣнитъ теперешняго образа дѣйствій. Словомъ, въ армянскомъ вопросѣ нужно ожидать рѣшительнаго поворота со дня на день.

Мнѣ хотѣлось предложить еще нѣсколько вопросовъ, но я вспомнилъ объ ожидающихъ въ пріемной просителяхъ и замѣтилъ нѣсколько быстрыхъ взглядовъ, брошенныхъ патріархомъ на большіе круглые часы, висѣвшіе на стѣнѣ. Я всталъ, поблагодарилъ патріарха за удѣленное время и началъ прощаться. Патріархъ позвонилъ, и секретарь провелъ меня въ пріемную, гдѣ за это время количество просителей значительно увеличилось. Замѣтивъ, что я смотрю на нихъ, секретарь сказалъ:

— Все осаждаютъ его блаженство просьбами о пособіяхъ и заступничествѣ вдовы и сироты армянъ, увѣряя, что ихъ мужей и отцовъ порѣзали турки, какъ будто армянская рѣзня существуетъ на самомъ дѣлѣ.

И онъ пожалъ плечами.

Рѣчь патріарха, секретарь и его феска—все это свидѣтельствуетъ, что турецкое правительство не ошиблось, назначивъ Нурьяна, и едва-ли бѣдный народъ не правъ, называя его ставленникомъ султана.

Сравнивая разговоры съ двумя патріархами, я пришелъ къ убѣжденію что говорилъ въ сущности только съ однимъ представителемъ церкви, такъ какъ другой слишкомъ политикъ и слишкомъ мало человѣкъ сердца, чего такъ естественно ждать отъ друховнаго лица.

III.

Слѣдуя латинской пословицѣ: audiatur et altera pars, я рѣшился поговорить еще съ нѣсколькими лицами. Первый изъ высокопоставленныхъ турокъ, согласившійся побесѣдовать со мною, былъ Назимъ-паша, министръ полиціи, въ настоящее время уже уволенный. Нужно замѣтить, что должность министра полиціи въ Турціи ведетъ за собой весьма разносторонния обязанности. На немъ лежитъ не только высшій надзоръ надъ органами охраненія внѣшняго порядка и тайной агентуры, кстати сказать, весьма широко распространенной въ Турціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общій надзоръ за ходомъ дѣлъ, такъ что онъ, поневолѣ, входитъ въ область собственно министерства внутреннихъ дѣлъ. Во время народ-

ныхъ выѣздовъ министръ полиціи занимаетъ мѣсто на передкѣ кареты султана — честь, которой не пользуются другіе. Назимъ-паша принялъ меня рано утромъ въ своемъ кабинетѣ, буквально заваленномъ бумагами. Не молодой уже, съ рѣзкими чертами лица и проницательными быстрыми глазами, онъ производитъ впечатлѣніе пронырливаго и хитраго человѣка. Жестомъ пригласивъ меня сѣсть, онъ безъ всякихъ вступительныхъ фразъ, на которыя такъ падки восточные люди, приступилъ къ предмету нашей бесѣды.

— Армянскій вопросъ есть ничто иное,—сказалъ онъ,—какъ отраженіе великаго европейскаго соціальнаго движенія. Не забывайте, господа, того, что сущность соціальнаго движенія сводится къ борьбѣ пролетаріата съ капиталомъ. Здѣсь капиталистами являются армяне и, слѣдовательно, вся ненависть низшихъ классовъ должна быть направлена противъ нихъ, а, такъ какъ армяне весьма безсердечны, то и ненависть эта выражается въ грубыхъ и жестокихъ формахъ.

— Но позвольте, генералъ,—рѣшился я его перебить,—тогда турки рѣзали-бы только богатыхъ армянъ, но они рѣжутъ и бѣдныхъ.

— Въ этомъ-то и состоитъ вся ошибка, что вы предполагаете и даже увѣрены въ существованіи бѣдныхъ армянъ. Каждый армянинъ—ростовщикъ и вся разница состоитъ только въ величинѣ его оборотовъ. Если-же придавать политическое значеніе армянскому вопросу и предполагать обидное для насъ вмѣшательство Англіи, то, очевидно, это ничто иное, какъ желаніе поколебать дружескія отношенія между Россіей и Турціей. Въ Англіи, конечно, убѣждены, что Россія не рѣшится ни за что на свѣтѣ поднять оружіе изъ-за армянъ. Достаточно она была научена уже примѣромъ Болгаріи. Но армяне никакъ не будутъ въ состояніи простить ей это и потому между азіатской границей Россіи и Турціи будетъ лежать всегда озлобленная Арменія, которая будетъ мѣшать дружескимъ сношеніямъ и правильной торговлѣ обоихъ государствъ, а въ случаѣ войны можетъ оказать Россіи громадныя неудобства. Но не касаясь даже войны, уже нарушеніе правильнаго хода мирныхъ отношеній является для англичанъ выгоднымъ, такъ какъ торговыя требованія обратятся къ нимъ. Конечно, я не могу вамъ всего сказать, что знаю, въ силу своего положенія, но долженъ сознаться, что мы находили у убитыхъ армянъ револьверы системы Смита и Весселя, а у курдовъ—англійское золото. Европейская печать распространяетъ усиленно слухи, что султанъ какъ-бы сочувствуетъ движенію противъ армянъ. При всемъ могуществѣ своемъ, онъ въ настоящее время сдѣлать ничего не можетъ, такъ какъ борьба съ духовенствомъ была-бы ему не по силамъ.

— Чѣмъ-же вы думаете,—спросилъ я,—должно окончиться анти-армянское движеніе?

— По моему мнѣнію, никакія строгія мѣры противъ турокъ или кур-

довъ не приведутъ ни къ чему. Онѣ только могутъ озлобить населеніе, которое будетъ убѣждено, что здѣсь дѣйствуютъ не во имя справедливости, а въ силу армянскаго золота. Армянскій вопросъ только тогда прекратится, когда армяне отрицательно измѣнятся по отношенію къ населенію. Необходимо, чтобы они измѣнили свой взглядъ на Турцію и не смотрѣли-бы на нее, какъ на арену эксплоатаціи, а жили-бы ея интересами и помогали своими капиталами двигаться по пути прогресса.

На этомъ моя бесѣда съ министромъ полиціи окончилась и я отправился къ другому—министру иностранныхъ дѣлъ Тевфикъ-пашѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Блистательной Порты, избѣгая жары и городского шума, живетъ въ прелестной дачной мѣстности, но тамъ онъ пользуется только отдыхомъ тѣла, а не ума, такъ какъ его безпрестанно безпокоятъ различные вопросы сложнѣйшей политики Турціи. На всѣ эти вопросы онъ долженъ давать немедленно отвѣты, разрѣшать всякія недоразумѣнія и въ то-же время трепетать за каждый свой шагъ, такъ какъ въ Турціи ошибокъ министрамъ не прощаютъ и за нихъ они платятся всегда ссылкой въ глухія заброшенныя провинціи. Занятія лишаютъ Тавфика-пашу возможности бесѣдовать съ частными лицами и потому мнѣ пришлось потерять не мало времени, пока онъ назначилъ мнѣ часъ для бесѣды. Часъ этотъ былъ изъ раннихъ, когда въ Европѣ еще спятъ и во всякомъ случаѣ занимаются своимъ туалетомъ, а никакъ не государственными дѣлами. Я отправился по гладкой зеркальной поверхности Босфора, въ маленькой лодкѣ, которая причалила къ самой дачѣ государственнаго мужа, такъ какъ ступени ея купаются въ водѣ. Молчаливый слуга уже видимо давно ждалъ насъ и проводилъ сейчасъ-же въ изящный вестибюль, гдѣ я оставилъ шляпу. Въ пріемной министра не пришлось ждать ни одной секунды, такъ какъ, предупрежденный, очевидно, тѣмъ-же слугой, онъ быстро вышелъ. Высокаго роста, съ подстриженной по модному бородкой, уже не молодой, но стройный и изящный, онъ производитъ впечатлѣніе европейскаго дипломата, но, вглядѣвшись въ него, вы видите, что это восточный человѣкъ, умѣющій хорошо скрывать выраженіе своихъ глазъ и стремящійся къ полной непроницаемости своего лица. Приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, онъ пригласилъ насъ садиться и, какъ человѣкъ занятый и не любящій терять времени даромъ, онъ сразу приступилъ къ бесѣдѣ, предметъ которой былъ имъ выясненъ еще ранѣе, при выборѣ времени свиданія.

— Вамъ, какъ представителю русской прессы,—сказалъ онъ,—интересно знать мое мнѣніе по армянскому вопросу. Я къ вашимъ услугамъ, но для большей краткости прошу васъ задавать мнѣ вопросы, на которые постараюсь вамъ отвѣтить.

— Какъ вы смотрите на причины армянскаго вопроса?

— Большинство турокъ придерживается близорукой политики и со-

вершенно отрицаетъ армянскій вопросъ. Я этого не дѣлаю и говорю вамъ, что къ великому несчастью, онъ существуетъ и не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ описывается корреспондентами. Главныхъ причинъ его возникновенія двѣ: первая—это вражда между армянами и курдами, которая была и будетъ вѣчно существовать, что-бы ни писали и ни говорили, наконецъ, ни дѣлали по армянскому вопросу. Курды являются народомъ въ высшей степени своевольнымъ, смѣлымъ, привычнымъ къ боевой жизни, и убѣдить ихъ въ томъ, что они поступаютъ нехорошо, конечно, дѣло невозможное. Наконецъ, Россіи характеръ такого-же племени хорошо извѣстенъ. Это черкесы на Кавказѣ. Мнѣ можно возразить, что зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ турецкое правительство вооружаетъ курдовъ. Но что-же дѣлать? Армяне въ военномъ отношеніи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, а между тѣмъ защита границы необходима. Поэтому правительство должно давать оружіе курдамъ и поддерживать эту въ высшей степени полезную кавалерію. Его величество употребляетъ всѣ мѣры къ усмиренію курдовъ, не останавливается даже передъ строгими взысканіями, но они продолжаютъ свою дѣятельность и навлекаютъ на всю Турцію обвиненіе въ ужаснѣйшихъ поступкахъ. Это первая причина, которая гораздо глубже и серьезнѣе. Одна изъ постоянныхъ ошибокъ Порты—это ея довѣрчивость. Несмотря на религіозную рознь, Блистательная Порта всегда прислушивается къ совѣтамъ и нашептываніямъ, а по моему мнѣнію, Турціи не нужно слушаться *никого*. Одной изъ постоянныхъ совѣтницъ во всѣхъ дѣлахъ на Востокѣ является Англія. Но англійская политика не всегда чистосердечна и ясна, даже для лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу. Кромѣ того, Англія для достиженія своихъ цѣлей пользуется такими средствами, которыя просто-на-просто неуловимы. Англійское правительство имѣетъ безчисленное множество эмиссаровъ, которые съ помощью денегъ добиваются вещей похуже и посерьезнѣе, чѣмъ армянскіе безпорядки. Совершенно напрасно дѣлаютъ они это; прошло-бы немного лѣтъ и Англія достигла-бы всего желаемаго.

— А именно?

— Вѣдь главная задача всей политики Великобританіи состоитъ въ увеличеніи ея богатства и торговыхъ ея оборотовъ. Англія производитъ громадное количество товаровъ, и вся ея задача состоитъ въ томъ, чтобы найти себѣ громадное количество рынковъ. Сближеніе армянъ съ Россіей повлекло-бы къ полученію въ Малой Азіи русскихъ товаровъ, дешевизна которыхъ вытѣснила-бы, конечно, въ концѣ концовъ англійскіе. Для этого Великобританія рѣшилась воспользоваться взаимной ненавистью племенъ, и англійское золото, раздаваемое армянамъ, будетъ заплачено всей Турціей. Теперь армяне такіе-же враги Россіи, какъ и венгры, и Англія обезпечена рынкомъ, иначе говоря, ея роль проведена блестяще. Между тѣмъ, стоило-бы только Англіи подождать десятокъ-другой лѣтъ.

и Турція была-бы ея надежнымъ рынкомъ безъ всякаго кровопролитія. Въ Европѣ мало интересуются умственной жизнью Турціи и не подозрѣваютъ, что мы выходимъ на новый путь и что наша жизнь теперь кипитъ. Турція должна перемѣниться и развиться, и тогда, конечно, произойдетъ перемѣна во взглядахъ европейцевъ на нее. Партія младо-турокъ жаждетъ реформъ, но таковыя могутъ произойти только постепенно, а никакъ не насильственнымъ путемъ. Совершенно иное представляетъ изъ себя критскій вопросъ. Вы прекрасно видите, что я съ вами совершенно откровененъ и что это не откровенность дипломата, а просто вѣрноподданнаго Порты. Критскій вопросъ, въ противоположность армянскому, въ сильной степени раздутъ. Критъ находится въ совершенно иномъ положеніи, но, впрочемъ, кажется, это и не должно было служить темой нашей бесѣды?—улыбнулся Тевфикъ-паша.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ возвратиться къ разговору, ваше превосходительство, и обратиться къ вамъ еще съ однимъ вопросомъ.

— Пожалуйста.

— Возможно-ли ожидать въ ближайшемъ будущемъ измѣненія въ дѣлахъ Арменіи?

— Я не пророкъ,—замѣтилъ Тевфикъ-паша,—но отъ насъ, дипломатовъ, требуютъ всегда дара предвидѣнія. Извольте, я выскажу вамъ свое мнѣніе и по этому поводу. Армянскій вопросъ прекратится въ ближайшемъ будущемъ въ томъ случаѣ, если иностранныя державы не примутъ въ этомъ никакого участія; иначе нельзя ручаться ни за что. Предоставьте, господа, намъ самимъ рѣшать наши дѣла, иначе по чувству національнаго самолюбія придется поступать не такъ, какъ подсказывало-бы чувство благоразумія. Съ теченіемъ времени курды перестанутъ преслѣдовать армянъ, а послѣдніе поймутъ, что внѣ Порты они не могутъ существовать. Они говорятъ о томъ, что находятся подъ игомъ полумѣсяца, но положеніе ихъ гораздо лучше, чѣмъ многихъ другихъ подданныхъ Турціи. Они имѣютъ свое духовное самоуправленіе, и если его величество отнялъ теперь у нихъ нѣкоторые прерогативы, то имѣетъ-же онъ право наказать тѣхъ, кто не подчиняется его волѣ.

Часы пробили звучно девять. Тевфикъ-паша поднялъ голову, и на лицѣ его мелькнуло нѣкоторое нетерпѣніе. Я почувствовалъ, что задерживаю министра, и хотѣлъ уже подчиниться грустной необходимости разстаться съ нимъ. Но Тевфикъ-паша, видимо, тяготился только этимъ разговоромъ, а частныя рѣчи о Россіи заставили его забыть о текущихъ дѣлахъ и предаться бесѣдѣ. И совершенно незамѣтно мы проболтали цѣлый часъ, причемъ темы мѣнялись одна за другой, и во всѣхъ нихъ министръ оказывался хозяиномъ бесѣды. Очевидно, Тевфикъ-паша принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ пользоваться временемъ и съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ политики, движеніями въ искусствѣ и литературѣ.

Наконецъ, нужно было уѣзжать, я простился и спустился въ садъ, весь залитый горячими лучами южнаго солнца. Каикъ, управляемый рукой ловкаго лодочника, быстро скользилъ по Босфору, а я перебиралъ въ памяти рѣчи того, кто руководитъ судьбами внѣшней политики Блистательной Порты и, являясь съ докладомъ къ падишаху, въ душѣ сознаетъ ошибки международныхъ отношеній, но чувствуетъ себя безсильнымъ, такъ какъ вѣковыя традиціи сильнѣе желанія отдѣльнаго лица.

IV.

Прошло еще нѣсколько дней. Какъ-то разъ, сидя у себя въ номерѣ, я только-что собирался сѣсть писать письма, какъ мнѣ помѣшалъ какой-то рѣзкій, густой звукъ, раздавшійся на улицѣ. Казалось, уронили что-то очень тяжелое и въ ту же секунду ко мнѣ вбѣжалъ старикъ лакей-грекъ, съ тревожнымъ лицомъ.

— Несчастье, страшное несчастье,—закричалъ онъ,—посмотрите, что дѣлается на улицѣ, армяне заняли оттоманскій банкъ.

Не изъ храбрости, а изъ простого любопытства, я взялъ шляпу, палку и отправился на мѣсто происшествія. Толпы народа опережали меня, на углу стояла конка, дальнѣйшій путь которой былъ прегражденъ. Наконецъ, я добрался до зданія оттоманскаго банка. Оно чрезвычайно величественно, выстроено изъ сѣраго камня, въ строго выдержанномъ стилѣ ренесансъ. Когда я пробрался сквозь толпу и, благодаря любезности полицейскаго офицера, могъ занять такое мѣсто, что мнѣ было видно все, то первое, на что я обратилъ вниманіе, это былъ трупъ толстяка-швейцара, котораго я видѣлъ ежедневно по нѣскольку разъ, постоянно сидѣвшимъ у подъѣзда на табуретѣ и читавшимъ газеты. Онъ лежалъ раскинувшись, а въ рукѣ его продолжалъ трепетать газетный листъ. Окна въ зданіи банка были выбиты, въ нихъ виднѣлись мелькавшія фигуры, толпа собравшаяся на площадкѣ, состояла сплошь изъ городского населенія, относившагося ко всему съ празднымъ любопытствомъ. Мѣрно притопывая ногами, показался взводъ пѣхоты съ офицеромъ во главѣ. Они остановились около подъѣзда и вступили въ переговоры съ армянами, занявшими банкъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія офицера, изъ одного окна высунулась черная, кудрявая голова и грянулъ сухой, короткій выстрѣлъ. Одинъ изъ солдатъ опустилъ ружье на землю, отошелъ, какъ-бы задумавшись, въ сторону, постоялъ на мѣстѣ, взмахнулъ какъ-то нелѣпо руками и упалъ на землю. Онъ былъ мертвъ. Съ противоположной стороны улицы послышались тоже выстрѣлы, толпа шарахнулась, офицеръ отдалъ приказаніе и загремѣвшій залпъ заставилъ скрыться армянскія фигуры въ глубь банка. Перекрестная стрѣльба заставила полицію выпроводить насъ, публику, но черезъ нѣсколько времени, когда я опять пробрался къ зда-

нію банка, то видѣлъ уже толстую фигуру драгомана Максимова, ведшаго переговоры съ революціонерами черезъ окно. Переговоры эти длились долго, съ большими и длинными паузами, и результатомъ ихъ было то, что партія армянъ съ закопченными лицами, подъ конвоемъ, потянулась въ Галату. Нападеніе армянъ на оттоманскій банкъ, не имѣющее никакого смысла и не раздѣляемое никѣмъ изъ ихъ единомышленниковъ, послужило какъ бы сигналомъ для открытой армянской рѣзни. Константинополь сразу измѣнилъ свой внѣшній видъ: изъ живого, торговаго, чрезвычайно подвижного, по внѣшности, даже безпечнаго города, онъ разомъ сдѣлался какимъ-то сумрачнымъ, таинственнымъ и загадочнымъ. На улицахъ появились фигуры, которыхъ раньше никогда не было видно. У многихъ показались кинжалы и револьверы. Нервно настроенная толпа пугалась уже всего и часто какой-нибудь случайный выстрѣлъ заставлялъ всѣхъ вздрагивать и бѣжать. На улицахъ васъ ожидали совершенно неожиданные сюрпризы: то вы находили убитаго жандарма и изуродованную лошадь, бившуюся въ агоніи, то армянина съ перерѣзаннымъ горломъ, ослѣпшіе глаза котораго смотрѣли пристально въ небо. Всѣ эти звѣрства дѣлались какъ-то тихо, безъ шума, но жестокость, свойственная туркамъ, разгоралась съ каждымъ часомъ. Европейцы чувствовали это какъ-то инстинктивно. Около зданія Ліонскаго кредита стояли громадныя толпы лицъ, стремившихся отдать на сохраненіе свои капиталы. Другіе уѣзжали на Принцевы острова или съ отходившими пароходами въ Европу. Магазины почти всѣ были заперты, и когда, однажды, я хотѣлъ выйти изъ гостинницы, то оказалось, что дверь ея заперта снаружи и отъ ареста освободили насъ только вечеромъ. Когда я вышелъ на Перу, то мнѣ показалось, что я нахожусь на полѣ сраженія. Повсюду валялись трупы съ перерѣзанными горлами, разстрѣленныя женщины и изуродованныя дѣти. Въ глухихъ переулкахъ продолжали бушевать толпы турокъ и иногда слышалось паденіе чего-то тяжелаго и мягкаго на мостовую. Какъ я узналъ, это турки брали за руки и за ноги какого-нибудь армянина и, раскачавъ его, сбрасывали съ балкона четвертаго или пятаго этажа. Кое-гдѣ слышались стоны умирающихъ, изъ которыхъ одни нервно царапали руками мостовую въ судорогахъ, а другіе жалобными голосами просили чего-то: смерти или помощи. Въ нижней части Константинополя, въ Галатѣ, гдѣ живетъ все отребье столицы падишаха, дѣлались еще большія звѣрства, которыя не хочется описывать, такъ какъ и теперь, при воспоминаніи о нихъ, буквально кровь стынетъ въ жилахъ. Можно сказать только, что со времени болгарскихъ звѣрствъ турки въ утонченности и жестокости ушли далеко впередъ. Армянъ арестовывали сотнями и мнѣ удалось проникнуть въ одну изъ тюремъ. Когда я вернулся обратно въ Россію и просматривалъ накопившіяся за время моего отсутствія газеты, то положительно, глазамъ своимъ не вѣрилъ,

читая описанія Константинопольской тюрьмы, сдѣланное г. Молчановымъ, въ «Новомъ Времени». Такъ можно писать или будучи туркомъ, или не бывавъ совершенно въ Константинопольской тюрьмѣ, такъ какъ съ истиной здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго сходства. По словамъ Молчанова, тюрьмы устроены вполнѣ гигіенично и даже удобно, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности несчастныхъ армянъ запирали въ узкія и душныя камеры въ такомъ количествѣ, что они буквально должны были все время стоять, такъ какъ сѣсть положительно, было негдѣ, хотя бы одному: они были сдавлены до такой степени, что представляли изъ себя какъ бы одну сплошную, цѣлую массу. Запертые совершенно, безъ всякой вентиляціи, не выпускаемые изъ камеръ ни на минуту, они задыхались отъ отсутствія воздуха и трупы ихъ съ камнями опускались на дно Босфора. Изъ ужасныхъ сценъ, видѣнныхъ мною, мнѣ врѣзались въ память въ особенности двѣ: мнѣ пришлось видѣть, какъ отправляли на корабль партію армянъ эмигрантовъ. Никакое перо не въ состояніи передать выраженія лицъ этихъ бѣдняковъ, политическія обстоятельства и соображенія которыхъ никого не интересовали, а между тѣмъ ихъ лишали послѣдняго куска хлѣба и почти каждый изъ нихъ лишился кого-нибудь изъ своей семьи за это время. Несчастные, полуголодные, съ котомками на плечахъ, сопровождаемые небольшимъ конвоемъ, они двигались къ берегу, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, толпа, смотрѣвшая на это, заволновалась. Я видѣлъ, какъ мелькнули два, три сѣрыхъ халата въ софтахъ и скрылись. Послѣдствіемъ этого было то, что человѣкъ десять, пятнадцать турокъ бросились на эмитрантовъ и въ нѣсколько минутъ, когда еще войска не успѣли опомниться, толпа ихъ значительно порѣдѣла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ они проходили, лежала груда безпорядочно набросанныхъ труповъ. Я ясно видѣлъ, какъ одинъ изъ турокъ раздробилъ черепъ какому-то высокому старому армянину, послѣднимъ машинальнымъ движеніемъ схватившемуся за разбитую голову. Я положительно бѣжалъ съ этого мѣста и, обернувшись еще разъ, видѣлъ, какъ толпа продолжала издѣваться надъ трупами. Всѣ тѣ понятія, въ которыхъ мы выросли и воспитались, перепутывались и стирались какой-то дерзкой, властной рукой во имя неизвѣстныхъ политическихъ цѣлей и задачъ. Въ другой разъ—это было въ дачной мѣстности, называемой Кумъ-Капу—я видѣлъ, какъ партія курдовъ съ тяжелыми палками въ рукахъ, оканчивающимися желѣзными наконечниками, перебила въ нѣсколько минутъ толпу армянскихъ носильщиковъ, даже не пробовавшихъ защищаться, а только смиренно наклонявшихъ головы и ожидавшихъ смертельныхъ ударовъ. Такія картины долго не забываются и, положительно, въ эти минуты совершенно не интересуешься задачами различныхъ кабинетовъ и энергическими нотами дипломатовъ, а только спрашиваешь себя: когда все это кончится?

По малоазіатскому берегу отъ Маль-Тепе до Афаіюнъ-караиссара тянется четырехсотъ-верстная желѣзная дорога, составляющая гордость Турціи и выставляемая ея подданными всегда, какъ знакъ слѣдованія культурѣ. Мимоходомъ замѣчу, что желѣзная дорога эта содержится французской компаніей, безжалостно эксплоатирующей мѣстное населеніе и поѣзда двигаются безъ всякаго порядка. По этой желѣзной дорогѣ мнѣ пришлось проѣхать въ глубь Анатоліи и тамъ-то, направо и налѣво отъ линіи, въ небольшихъ селахъ и городахъ я видѣлъ такіе-же ужасы, какъ и въ Константинополѣ. Я помню, въ одномъ селѣ, гдѣ пришлось остановиться, я видѣлъ распятаго священника и діакона, медленно умиравшихъ въ теченіе сорока восьми часовъ. Душу надрывающіе стоны несчастныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полная невозможность облегчить ихъ страданія заставили меня буквально уйти пѣшкомъ изъ этого села, но и въ слѣдующемъ я наткнулся на не менѣе ужасную картину: передъ однимъ домомъ, въ которомъ, очевидно, помѣщалась школа или жила большая семья, весь заборъ былъ утыканъ трупами дѣтей, небольшія тѣльца которыхъ, сведенныя предсмертными судорогами, быстро разлагались подъ лучами южнаго солнца. Перечислить все видѣнное нѣтъ никакой возможности, достаточно сказать только то, что почти въ теченіи мѣсяца я не могъ спокойно спать, до того были разбиты нервы и не могъ видѣть мяса, такъ оно мнѣ напоминало трупы несчастныхъ армянъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ безпорядки не прекращались и каждый вечеръ можно было видѣть десятки телѣгъ, наполненныхъ трупами, отправлявшихся все къ тому же вѣчному хранителю тайнъ Оттоманской имперіи, Босфору. Невольно возникалъ вопросъ, какъ же относится къ армянскимъ безпорядкамъ турецкая интеллигенція? Во-первыхъ, ближе всѣхъ сталкивался съ ними военный элементъ и потому объ немъ-то я и скажу нѣсколько словъ. Турецкій солдатъ остается все тѣмъ же туркомъ и нисколько не отрывается отъ населенія, надѣвши военный мундиръ. Поэтому, было бы странно требовать отъ него рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ къ возстановленію порядка и противъ своихъ же единоплеменниковъ. Здѣсь неминуемо должна произойти коллизія двухъ направленій: дисциплина заставляетъ его исполнять требованіе начальства и стрѣлять въ грабителей турокъ, между тѣмъ какъ религія требуетъ уничтоженія христіанъ и нужно отдать справедливость, что дисциплина въ данномъ случаѣ восторжествовала, хотя она не можетъ считаться въ турецкихъ войскахъ образцовой и офицерамъ приходится работать много, чтобы добиться хотя чего-нибудь. Безъ заряженнаго оружія они не рѣшаются никогда войти въ казармы и отношенія съ солдатами самыя натянутыя. Все зиждется на почвѣ страха передъ наказаніемъ, а никакъ не на уваженіи и довѣріи. Не получая почти ничего, офицеры въ большинствѣ случаевъ люди со средствами, но кутежамъ не предаются и проводятъ время

въ кругу семьи. Вотъ въ этихъ-то кружкахъ военной интеллигенціи смотрѣли на армянскіе безпорядки съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, видя въ нихъ произволъ и распущенность. Въ чиновничьей средѣ относились совершенно безразлично, а многіе даже и радовались, такъ-какъ избавлялись этимъ путемъ отъ назойливыхъ кредиторовъ, которыхъ имѣетъ каждый турецкій чиновникъ, такъ-какъ жалованье онъ получаетъ рѣдко, а взятокъ не хватаетъ на его жизнь. Наконецъ, турецкая пресса уже совершенно безмолвствовала, да и вообще ее нельзя считать выразительницей общественнаго мнѣнія. Оффиціальные органы не имѣютъ никакого вѣса, въ нихъ вы никогда не найдете статей, которыя указывали бы на тотъ или другой взглядъ правительства по данному вопросу. Сухое перечисленіе фактовъ пріѣзда, отъѣзда, приказовъ,—вотъ и все. Неоффиціальныя газеты всѣ безъ исключенія находятся въ рукахъ англичанъ и потому ясно, что нельзя считать ихъ общественнымъ мнѣніемъ блистательной Порты. Редакторъ подобной газеты совершенно открыто торгуетъ своими столбцами, предоставляя ихъ къ услугамъ тѣхъ, кому въ этомъ представляется необходимость. Такимъ путемъ проводятся различныя коммерческія предпріятія тѣхъ-же англійскихъ капиталистовъ. Содержаніе этихъ газетъ бѣдно и напоминаетъ что-то глухо провинціальное. При обсужденіи каждаго вопроса, турокъ всегда тревожно обращается съ вопросительнымъ взглядомъ къ Ильдизъ-Кіоску, ожидая, что тамъ скажутъ, но въ большинствѣ случаевъ Ильдизъ-Кіоскъ остается нѣмъ на всѣ запросы дня. Государственная машина Турціи поставлена такимъ образомъ, что султанъ входитъ лично во всѣ дѣла, не имѣющія даже никакого существеннаго значенія. Съ самаго ранняго утра, когда лѣнивые жители Константинополя еще мирно спятъ, султанъ уже выслушиваетъ доклады одинъ за другимъ и даетъ резолюціи. Внутренняя политика Турціи находится въ такихъ сложнѣйшихъ условіяхъ, что часто самое простое дѣло ставитъ падишаха въ затрудненіе, такъ-какъ оно соприкосается или съ какимъ-нибудь иностраннымъ подданнымъ, а, слѣдовательно, нужно совѣщаться съ представителемъ этой державы, или религіозными вопросами, или, наконецъ, матеріальными затратами, которыхъ Турція теперь, положительно, не имѣетъ возможности дѣлать. Независимо отъ этого, немало мѣшаетъ султану выработавшаяся при его дворѣ система порученій, которыя онъ даетъ приближеннымъ къ нему лицамъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Доклады этихъ лицъ, часто недостаточно освѣдомленныхъ по данному вопросу и не подготовленныхъ къ нему, идутъ въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ того или другого министерства и въ результатѣ получается новое недоразумѣніе. Громадная власть султана, если вглядѣться въ нее пристальнѣе, окажется совершенно парализованной и поэтому ожидать большихъ реформъ въ Турціи, не смотря на всѣ даваемыя имъ обѣщанія, нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, султанъ со-

вершенно далекъ отъ реальной жизни, такъ-какъ, въ силу этикета, онъ никогда не выѣзжаетъ изъ дворца, а потому и довольствуется только тѣмъ, что ему докладываютъ. Болѣзненный по натурѣ, онъ скоро устаетъ. дѣла остаются непрочитанными, и безъ того медленная машина Турціи замедляется еще болѣе. Несомнѣнно, армянскіе безпорядки тревожили султана, но онъ слишкомъ магометанинъ, чтобы особенно рѣзко вступаться за армянъ, и, кромѣ того, онъ глава церкви, такъ что съ этой стороны онъ опять-таки лишенъ возможности дѣйствовать самостоятельно.

V.

Насталъ день отъѣзда. Мнѣ уже давно хотѣлось покинуть Константинополь—слишкомъ много было пережито ужасовъ за это время, нервы слишкомъ истрепались. Взявъ билетъ на первый отходившій пароходъ въ Севастополь, я простился съ столицей падишаха. Три продолжительныхъ, рѣзкихъ свистка заставили небольшія лодки отойти отъ нашего парохода, который,вспѣнивая и разбивая прозрачную воду Босфора, двинулся къ выходу въ Черное море. Безконечныя панорамы развертывались передъ нами, сотни домовъ, задумчиво смотрѣли въ зеркальныя воды, промелькнулъ поэтичный Буюкъ-Дере и мы вышли въ море. Перебирая воспоминанія пережитаго, бесѣды съ двумя патріархами, съ двумя министрами и цѣлой массой отдѣльныхъ случайныхъ лицъ, мнѣ невольно пришло въ голову, что армянскій вопросъ потому никогда не получитъ желаемаго разрѣшенія, что на него не смотрятъ просто, какъ на насиліе надъ слабымъ, а непремѣнно вводятъ въ него политическій элементъ, дѣлая его, тѣмъ самымъ, безконечнымъ. Едвали нужно ставить вопросъ, кто правъ и кто виноватъ, но здѣсь на рубежѣ двадцатаго вѣка, совершается возмутительное насиліе и цѣлая народность, имѣющая свое прошлое, свою культуру, языкъ, постепенно исчезаетъ. Очевидно, Турція совершенно отжила свой вѣкъ и является какимъ-то вопіющимъ анахронизмомъ на континентѣ. Идти рука-объ-руку съ другими государствами Европы она не можетъ, такъ-какъ этому мѣшаетъ отсутствіе учебныхъ заведеній, а, слѣдовательно, невозможность подготовки новыхъ поколѣній, религіозныя требованія, отзывающія сёдьмымъ вѣкомъ, и, наконецъ, отсутствіе матеріальныхъ средствъ. Все здѣсь подчинено какому-то личному произволу и каждый подданный падишаха не имѣетъ ни семейнаго очага, такъ-какъ такимъ не можетъ считаться гаремъ, ни сферы общественной дѣятельности, такъ-какъ ея нѣтъ, да если-бы и была, то онъ къ ней не подготовленъ, ни государства въ европейскомъ смыслѣ, такъ-какъ такимъ не можетъ считаться несостоятельный матеріально и нравственно сполуразрушенный организмъ Турціи. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что турки имѣютъ свои причины не любить армянъ. Конечно, никакія причины не могутъ оправдывать тѣхъ способовъ, которыми турки доказываютъ свою правоту, но опять-таки приходится вспом-

нить ихъ низкій уровень развитія. Чуждые общей національной жизни Турціи, не интересующіеся совершенно ея будущимъ, армяне подавляютъ своими промышленными и торговыми способностями турецкое населеніе. Уже одно то, что англичане прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ борьбы съ армянами, доказываетъ то, что они чувствуютъ ихъ конкуррентами, а всякій, знающій немного Востокъ, легко пойметъ, что конкуррировать съ англичанами чрезвычайно трудно. Армяне ни въ одномъ изъ классовъ турецкаго населенія не находятъ себѣ поддержки. Не малый вредъ армянамъ принесла ихъ пресса, постоянно возбуждавшая ихъ и сама въ точности не сознававшая, чего она хочетъ и чего требуетъ. Въ большихъ армянскихъ газетахъ проскальзывали намеки на возможность возстановленія самостоятельной Арменіи и возвращенія ко временамъ Вахтанга V. Очевидно, что эти мнѣнія могли волновать молодежь, которая и поплатилась дороже всѣхъ, между тѣмъ какъ журналисты остались совершенно въ сторонѣ и въ настоящее время обвиняютъ всецѣло турокъ. Не малую роль въ армянскихъ дѣлахъ съигралъ и революціонный комитетъ въ Лондонѣ, который, какъ всѣ комитеты такого рода, не имѣлъ прочной, органической связи съ той народностью, представителемъ которой онъ являлся. Существуя частью на англійскія деньги, онъ придавалъ армянскому движенію, въ сущности чрезвычайно мирному и стремившемуся только къ полученію извѣстныхъ правъ, революціонный оттѣнокъ. Большинство армянъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, открещивалось отъ него и отрицало всякую съ нимъ солидарность. Таковы были выводы, сдѣланные мною за цѣлый мѣсяцъ пребыванія въ Константинополѣ. Мнѣ приходилось не разъ выслушивать длинныя рѣчи о томъ, что Россія отнеслась какъ-бы безучастно къ этому вопросу, но въ данномъ случаѣ она поступила совершенно правильно. Выжидательная политика разрѣшилась въ настоящее время рѣчами Ганото и маркиза Салюсбери.

Пароходъ уже давно нырялъ по волнамъ Чернаго моря, набѣгавшія тучки сулили намъ качку и въ столовой каютъ-компаніи шли безпокойные разговоры о томъ, что дѣлать въ случаѣ морской болѣзни. Здѣсь же мнѣ пришлось выслушать цѣлый рядъ жалобъ на Русское общество пароходства и торговли, обращающееся съ палубными пассажирами, отправляющимися въ Іерусалимъ, гораздо хуже, чѣмъ съ животными. Съ нихъ требуютъ за все деньги, вплоть до прѣсной воды и единственно, гдѣ они находятъ себѣ успокоеніе,—это въ подворьѣ аѳонскихъ монастырей въ Константинополѣ. Обыденные разговоры, жалобы, морская болѣзнь, качка—все это было дѣйствительной жизнью съ ея мелкими интересами, и воспоминанія пережитыхъ ужасовъ начинали все болѣе и болѣе отодвигаться на задній планъ. На другое утро мы были уже въ виду Севастополя и пережитое казалось страшнымъ, тяжелымъ кошмаромъ.

А. Осиповъ.

Любовь—одна.

Единый разъ вскипаетъ пѣной—
И разбивается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ: любовь одна.

Мы негодуемъ, иль играемъ,
Мы лжемъ,—но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ,
Душа одна—любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразіемъ сильна,—
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь въ неизмѣнномъ—безконечность.
Лишь въ постоянномъ глубина.
Все дальше путь, все ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь—одна.

Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа—вѣрна,
И любимъ мы одной любовью...
Любовь одна, какъ смерть одна.

З. Гиппіусъ.

По поводу денежной реформы.

Обсужденіе вопроса о денежной реформѣ въ печати и въ ученыхъ обществахъ, какъ извѣстно, было поставлено въ исключительно благопріятныя условія. Печать и ученыя общества своевременно, еще въ самомъ началѣ весны, обратили довольно серьезное вниманіе на проектѣ финансового вѣдомства объ «упорядоченіи денежного обращенія» въ Россіи. Въ повседневной печати и въ толстыхъ журналахъ появилось не мало статей, трактовавшихъ вопросъ за и противъ выработаннаго проекта. Появилось не мало и отдѣльныхъ брошюръ, выяснявшихъ обществу смыслъ и значеніе намѣченной реформы. Вся эта литература и пренія въ ученыхъ обществахъ принесли свою громадную пользу. Въ срединѣ апрѣля, когда въ государственномъ совѣтѣ началось обсужденіе проекта о денежной реформѣ, вопросъ уже былъ въ значительной степени выясненъ и при томъ выясненъ не въ пользу проекта. На этотъ счетъ статистика не оставляла никакого сомнѣнія. Брошюръ противъ проекта появилось вдвое больше, чѣмъ за проектъ. Императорское Вольно-Экономическое общество опубликовало стенографическій отчетъ о докладахъ, прочтенныхъ въ его засѣданіяхъ, и преніяхъ, вызванныхъ этими докладами, подъ общимъ заглавіемъ «Реформа денежнаго обращенія въ Россіи». Чтеніе этого отчета не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Вольно-Экономическомъ обществѣ подавляющее большинство стояло противъ проекта реформы. Доклады и пренія въ другихъ ученыхъ обществахъ, вмѣстѣ съ разными статьями, появившимися въ періодической печати (не исключая и мелкихъ газетъ), были собраны въ другомъ сборникѣ, вышедшемъ подъ заглавіемъ «Денежная реформа». Простой подсчетъ по этому сборнику также давалъ подавляющее большинство не въ пользу проекта.

Съ наступленіемъ осени, въ виду предстоящаго возобновленія засѣданій въ государственномъ совѣтѣ, опять стали появляться полемическія

брошюры и статьи. Сенаторъ Евреиновъ выступилъ съ брошюрой «Реформа денежного обращенія съ приложеніемъ справки о нашей бѣдности». Г. Борткевичъ, уже составившій себѣ извѣстность своей полемикой, выпустилъ брошюру «О денежной реформѣ, проектированной министерствомъ финансовъ». Г. Гурьевъ, выпустилъ цѣлыхъ четыре части печальнаго «изслѣдованія» въ защиту проектируемой реформы подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Реформа денежного обращенія». Съ г. Гурьевымъ, мы должны покончить при помощи одной простой справки. Онъ теперь пишетъ и говоритъ въ пользу девальваціи и фиксаціи курса. По теперешнему мнѣнію г. Гурьева, всѣ порядочные и честные люди давно стояли и теперь стоятъ за девальвацію и фиксацію курса. Пусть же г. Гурьевъ вспомнитъ, что онъ въ той же самой роли, но по другому вопросу, писалъ не такъ давно, а именно въ 1893 г. Въ своей книжечкѣ «Къ реформѣ государственнаго банка», вышедшей въ 1893 г., на стр. 55-й, онъ можетъ прочесть слѣдующія слова: «какъ ни различны мнѣнія о способахъ возстановленія у насъ металлическаго обращенія, но кажется можно признать за communis opinio doctorum мнѣніе, что лучшимъ способомъ было бы поднятіе существующей стоимости рубля до номинальной, а не девальвація, т. е. фиксированіе существующей его стоимости». Согласитесь сами, что съ такими людьми не говорятъ, и мы были-бы рады, если-бы судьба, налагающая опредѣленныя обязанности на журналиста, избавила насъ отъ необходимости возвращаться къ «изслѣдованію» г. Гурьева о денежной реформѣ. Думаемъ, что съ равнымъ чувствомъ къ этому «изслѣдованію» отнесутся и тѣ, для убѣжденія которыхъ оно издано. Такія произведенія и такихъ авторовъ и съ такою ролью могутъ поддерживать лишь недовѣріе къ проекту даже въ томъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ полное право на общее одобреніе.

При вполнѣ безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, мы должны открыто заявить, что и сенаторъ Евреиновъ и г. Борткевичъ, выступившіе съ своими брошюрами противъ намѣченной реформы, не могутъ похвастаться особыми достоинствами своихъ произведеній. Ихъ критика, по замыслу достойная всяческаго одобренія, такъ-же слаба, какъ слабъ, по ихъ мнѣнію, критикуемый ими проектъ реформы. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, брошюры сенатора Евреинова и г. Борткевича, однако, имѣютъ и свое неоспоримое и весьма важное достоинство. Читая эти брошюры, вы чувствуете и понимаете, что онѣ написаны по убѣжденію и по требованіямъ совѣсти, а не по обязанности и не ради тѣхъ обязанностей, которыя несовмѣстимы съ твердостью убѣжденій. Сенаторъ Евреиновъ и г. Борткевичъ какъ понимаютъ и какъ умѣютъ, такъ и пишутъ. Они думаютъ, что намѣченная реформа является несвоевременной, невыработанной и опасной, и желаютъ убѣдить въ этомъ всѣхъ читающихъ и мыслящихъ людей, не прибѣгая ни къ какимъ ухищре-

ніямъ, ни къ риторическимъ украшеніямъ. «Утверждаютъ, — говоритъ г. Борткевичъ,—что большинство членовъ государственнаго совѣта высказалось за денежную реформу, что прерванные въ государственномъ совѣтѣ, вслѣдствіе вакаціоннаго времени, засѣданія по ея обсужденію, снова возобновятся въ октябрѣ сего года, такъ что въ непродолжительномъ времени проектъ получитъ санцію закона. Дай Богъ, чтобы это не случилось» (45 стр.). По мнѣнію г. Борткевича, государственному совѣту слѣдуетъ «безусловно отвергнуть проектированную денежную реформу. Эта реформа невозможна и несправедлива; она колеблетъ довѣріе къ правительству и несогласна съ его достоинствомъ; она подрываетъ народное благосостояніе и государственный кредитъ; она опасна, такъ какъ угрожаетъ намъ потерей нашихъ золотыхъ запасовъ, чѣмъ подкапывается подъ нашу мощь въ особенности военную; она безъ надобности подвергаетъ испытанію нашу выносливость и нашу покорность судьбѣ; она не имѣетъ подготовленной для себя почвы и не носитъ въ себѣ залога прочности» (31 стр.). Къ такимъ заключеніямъ пришелъ и сенаторъ Евреиновъ и они не представляютъ ничего новаго по сравненію съ весенней полемической литературой. Такимъ образомъ, къ открытію осеннихъ засѣданій государственнаго совѣта печать снова указываетъ на выясненныя ею недостатки, достоинства и возможныя послѣдствія намѣченной денежной реформы, оффиціально именуемой «упорядоченіемъ денежнаго обращенія».

Это «упорядоченіе денежнаго обращенія»—такое сложное дѣло, въ которомъ запутаться легко, а найти спасительный выходъ, бросаясь изъ стороны въ сторону,—весьма трудно. Ясное пониманіе дѣла тутъ сразу сказывается въ выборѣ тѣхъ или иныхъ руководящихъ началъ и въ неуклонномъ слѣдованіи этимъ началамъ. Только опредѣленныя руководящія начала могутъ спасти отъ безцѣльнаго и весьма опаснаго блужданія. Конечно, весьма важную роль играетъ и характеръ тѣхъ руководящихъ началъ, которыхъ слѣдовало-бы держаться въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какимъ является денежная реформа. На счетъ характера тѣхъ началъ, которыхъ могли придерживаться и придерживались при составленіи проекта намѣченной у насъ реформы, своевременно и неоднократно были сдѣланы самыя ясныя и категорическія указанія. Уже въ объяснительной запискѣ къ росписи на текущій годъ относительно денежной реформы было сказано, что «государственная мудрость при подобныхъ преобразованіяхъ заключается въ томъ, чтобы не считаться съ доктринами и мечтаніями, но единственно съ реально существующими фактами». Такое заявленіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если наши читатели вспомнятъ уже извѣстную имъ рѣчь, сказанную г. министромъ финансовъ при закрытіи торговопромышленаго съѣзда. Въ этой рѣчи, оффиціально опубликованной и своевременно перепечатанной на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника»,

г. министръ, между прочимъ, сказалъ: «теоріей я никогда не занимался и не имѣю на это претензій». Никто не имѣетъ никакихъ поводовъ относиться съ недовѣріемъ къ такимъ прямымъ заявленіямъ и всѣ должны вѣрить, что при разработкѣ проекта намѣченной у насъ денежной реформы руководящія начала науки и требованія теоріи не играли никакой роли.

Мы не станемъ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько отрицательное отношеніе къ требованіямъ теоріи и указаніямъ науки могло способствовать уясненію дѣла и болѣе или менѣе правильному разрѣшенію такого сложнаго вопроса, какимъ является вопросъ о введеніи металлическаго обращенія. Мы въ данномъ случаѣ ограничимся простымъ констатированіемъ того факта, что по проекту финансоваго вѣдомства, составленному безъ помощи руководящихъ началъ науки, предполагается ввести въ Россіи металлическое обращеніе путемъ установленія обмѣна кредитныхъ билетовъ на золото. Конечно, обмѣномъ можно назвать и такую операцію, которая не подходитъ подъ такое названіе. У насъ предполагается установить обмѣнъ по напередъ фиксированному курсу, пониженному на $^1/_3$ противъ номинальной цѣны, т. е. по $66^2/_3$ зол. коп. за одинъ кредитный рубль. Многіе не склонны признавать такой обмѣнъ девальваціей, и признаютъ полное право казны установить обмѣнъ по $66^2/_3$ зол. коп. за одинъ рубль, причемъ осуществленіе такого права, будто-бы, не являлось-бы нарушеніемъ правъ всѣхъ держателей кредитныхъ билетовъ. Всѣ эти положенія являются опредѣленными выводами изъ одной общей и главной посылки, а именно изъ признанія за казною права обмѣнять бумажные рубли на серебряные рубли по теперешней цѣнѣ серебра. Если казнѣ принадлежитъ неоспоримое право расплатиться за рубль бумажный рублемъ серебрянымъ, стоющимъ теперь 51,46 зол. коп., то обмѣнъ по $66^2/_3$ зол. коп. за каждый кредитный рубль ни въ какомъ случаѣ нельзя признать девальваціей. Казна за каждый рубль заплатитъ даже по 15 зол. коп. за рубль больше, чѣмъ слѣдовало-бы. Такимъ образомъ, для уясненія себѣ характера намѣченной реформы, необходимо разобраться въ нѣсколько запутанномъ вопросѣ о правѣ казны расплатиться за бумажные рубли рублями серебряными по теперешней цѣнѣ серебра.

При разрѣшеніи этого вопроса существенное значеніе имѣетъ тотъ или иной взглядъ на смыслъ надписи, стоящей на нашемъ бумажномъ рублѣ. Всякому извѣстно, что на нашемъ кредитномъ рублѣ стоитъ слѣдующая надпись: «по предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы Государственнаго Банка (три, пять, десять и т. д. рублей) серебряною или золотою монетою». Буквальный смыслъ этой надписи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что право выбора монеты, при обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ, принадлежитъ не казнѣ, а предъявителю бумажнаго рубля.

Многіе предлагали не обращать никакого вниманія на разныя обѣщанія, потерявшія въ глазахъ общества реальное значеніе въ силу ихъ продолжительнаго неисполненія. Однако, финансовое вѣдомство разрѣшеніе вопроса о выборѣ валюты для обмѣна признало не лишнимъ поставить въ тѣсную связь съ рѣшеніемъ вопроса о смыслѣ надписи, стоящей на каждомъ кредитномъ билетѣ. Какъ сообщали газеты, была образована особая коммисія, которой было поручено разобрать юридическую сторону такой не безинтересной проблемы. Меньшенство членовъ коммисіи доказывало, что право выбора (серебряной или золотой монеты) принадлежитъ предъявителю билета. Большинство же членовъ коммисіи (на одинъ голосъ), будто бы, пришло къ тому заключенію, что правительство имѣетъ право размѣнивать кредитные билеты на любую, серебряную или золотую монету, по своему выбору, при чемъ право обмѣна ихъ на серебряную монету было признано неподлежащимъ оспариванію, въ виду того, что кредитные билеты служатъ представителями серебряныхъ рублей.

Буквальное исполненіе закона въ данномъ случаѣ, безспорно, представляется невозможнымъ. Признаніе права на выборъ монеты за предъявителемъ билета превращало бы всю операцію обмѣна въ настоящую игру между казной и держателями кредитныхъ билетовъ. Казнѣ пришлось бы запасать на всю сумму кредитныхъ билетовъ двойной размѣнный фондъ: серебряный и золотой, такъ какъ предъявители билетовъ, по своему усмотрѣнію, казнѣ неизвѣстному, при открытіи обмѣна всѣ могли потребовать золото или серебро. Такъ какъ, по проекту министерства финансовъ, въ обращеніи всетаки оставалась бы громадная сумма бумажныхъ рублей, всегда подлежащихъ обмѣну, то въ казенныя кассы сегодня приносились бы рубли для обмѣна на серебро, а завтра тѣ же рубли, снова попавшіе въ обращеніе, приносились бы для обмѣна на золото. Послѣ завтра та-же процедура совершалась бы въ обратномъ порядкѣ и т. д. Предъявители билетовъ просто занимались бы игрой съ размѣнными кассами и казна положительно терялась бы въ упроченіи стойкаго обмѣна. Словомъ, при установленіи обмѣна отъ буквальнаго смысла надписи, украшающей бумажный рубль, необходимо сдѣлать отступленіе: казнѣ должно быть предоставлено право выбора монеты для обмѣна, но безъ нарушенія правъ держателей кредитныхъ билетовъ.

Отступленіе отъ буквальнаго смысла закона представляется безусловно необходимымъ, всякій разъ, когда его исполненіе являлось-бы безусловно невозможнымъ или несправедливымъ. Законодатель, предполагается, не можетъ требовать невозможнаго или несправедливаго. Однако, отступленіе отъ буквальнаго смысла закона не должно сопровождаться нарушеніемъ его доподлиннаго, прямого смысла. По прямому, доподлинному смыслу надписи казна обязуется сдержать свое обѣщаніе объ обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Для держателя кре-

дитныхъ билетовъ важно, чтобы казна сдержала свое обѣщаніе, и вовсе не важно представляемое ему буквальнымъ смысломъ надписи право на баловство обмѣномъ сегодня на золото, а завтра на серебро и т. д. Всякое обѣщаніе должно быть обсуждаемо, сообразуясь съ тѣмъ временемъ, когда оно было дано. Представимъ себѣ, что теперь цѣна на серебро сильно поднялась-бы. Въ такомъ случаѣ казна, безспорно, доказывала-бы, что при редактированіи надписи, стоящей на бумажномъ рублѣ, не имѣлось въ виду платить за рубль кредитный рублемъ серебрянымъ по наступившей непредвидѣнно высокой цѣнѣ серебра. Равнымъ образомъ казна не имѣла въ виду «обставить» держателей кредитныхъ билетовъ и не могла обѣщать расплатиться съ ними по непредвидѣнной для нея самой теперешней низкой цѣнѣ серебра. Слѣдовательно, казна, безъ нарушенія прямого смысла надписи, стоящей на рублѣ, безъ нарушенія своего обѣщанія и безъ нарушенія правъ держателей кредитныхъ билетовъ не можетъ расплатиться за рубль кредитный рублемъ серебрянымъ по существующей теперь низкой цѣнѣ серебра въ 31⁵/₆ пенса за унцію стандартъ.

Если же казна не имѣетъ права расплатиться за кредитный билетъ рублями серебряными по теперешней цѣнѣ серебра и по установившемуся теперь отношенію между цѣною серебра и золота, то, несомнѣнно, всѣ приведенные выше доводы въ пользу того, что намѣченная реформа не есть девальвація, падаютъ сами собою. Обмѣнъ бумажнаго рубля по курсу, пониженному противъ его нарицательной цѣны на цѣлую треть, т. е. по 66²/₃ зол. коп., по формѣ носитъ характеръ девальваціи. Для рѣшенія же вспроса о томъ, является ли обмѣнъ по 66²/₃ зол. коп. за одинъ рубль бумажной девальваціей по существу дѣла, необходимо установить себѣ тотъ или иной взглядъ на характеръ и природу бумажныхъ рублей. У насъ нашлось не мало услужливыхъ ученыхъ, готовыхъ доказывать, что кредитные рубли не могутъ быть признаны государственнымъ долгомъ. Если-бы финансовое вѣдомство раздѣляло такую доктрину, то въ такомъ случаѣ еще можно было-бы говорить о томъ, что казна имѣетъ ненарушимое право обмѣнять кредитный рубль по 66²/₃ зол. коп., и что такой обмѣнъ, въ силу правъ казны, не есть девальвація. На самомъ же дѣлѣ финансовое вѣдомство уже признало, что кредитные рубли являются *государственнымъ долгомъ*. Стараясь разсѣять опасенія на счетъ безполезной растраты скопленнаго золота при открытіи обмѣна, финансовое вѣдомство заявляло, что если золото уйдетъ внутрь страны въ обмѣнъ на кредитные билеты, то положеніе наше нисколько не измѣнится къ худшему, напротивъ, на сумму выданнаго золота уменьшится *часть государственнаго долга, и при томъ самаго нежелательнаго принудительнаго займа*. Если мы будемъ стойко придерживаться того взгляда, что кредитные рубли являются государствен-

нымъ долгомъ, то въ такомъ случаѣ обмѣнъ по курсу въ 66²/₃ зол. коп. долженъ быть признанъ девальвацiей, при которой казна, разсчитываетъ своихъ кредиторовъ по 66²/₃ коп. за рубль.

Само финансовое вѣдомство нисколько не отрицаетъ, что проектируемый имъ обмѣнъ по 66²/₃ зол. коп. за бумажный рубль является девальвацiей. На это непризванные толкователи реформы не обращаютъ никакого вниманiя. Они не обратятъ вниманiя и на то, что въ такомъ случаѣ предлагаемую реформу пришлось-бы признать несправедливой по небывалой щедрости казны. Казна обязана,—допустимъ,—заплатить за кредитный рубль серебрянымъ рублемъ, стоющимъ 51,46 зол. коп., а по проекту реформы предполагается заплатить за бумажный рубль 66²/₃ зол. коп. Держателямъ кредитныхъ билетовъ, при такомъ обмѣнѣ бумажныхъ рублей, была-бы дарована премiя въ 15 зол. коп. на каждый бумажный рубль. Такой обмѣнъ пришлось-бы признать не девальвацiей, а обмѣномъ выше al pari на цѣлыхъ 15 зол. коп. Это логически правильное заключенiе лишнiй разъ характеризуетъ всю несостоятельность тѣхъ основанiй въ пользу права казны обмѣнять бумажные рубли на серебро по существующей цѣнѣ, изъ которыхъ дѣлается выводъ. что предлагаемая реформа не является девальвацiей. При признанiи бумажныхъ рублей государственнымъ долгомъ (хотя бы то и sui generis), обмѣнъ кредитныхъ билетовъ по фиксированному курсу въ 66²/₃ зол. коп., повторяемъ, является девальвацiей не только по формѣ, но и по существу дѣла.

Несомнѣнно, что это—крайняя мѣра и она можетъ быть признана желательной, полезной, необходимой и неизбѣжной только при крайнихъ обстоятельствахъ. «Девальвацiю юридически оправдать нельзя, говоритъ сенаторъ Евреиновъ, но она можетъ быть произведена по соображенiямъ государственной необходимости, какъ послѣднее и единственное средство для возстановленiя металлическаго обращенiя при совершенной невозможности поднять курсъ бумажныхъ денегъ до металлическаго паритета. Существуетъ ли такая невозможность для Россiи въ настоящее время?» По мнѣнiю сенатора Евреинова, такая невозможность теперь не существуетъ, а, наоборотъ, представляются вполнѣ возможными достиженiе рублемъ паритета и возстановленiе обмѣна al pari. Конечно, всѣ отстаивающiе девальвацiю, должны посчитаться съ доводами почтеннаго сенатора. Для нашей же ближайшей цѣли эти доводы не имѣютъ особаго значенiя, а для насъ важной является самая постановка вопроса о достиженiи бумажнымъ рублемъ паритета и установленiи обмѣна al pari. Она возбуждаетъ массу недоумѣнiй, не разъясненныхъ сторонниками немедленной девальвацiи. Сторонники такой девальвацiи, отрицая наличность крайнихъ обстоятельствъ въ современномъ экономическомъ положенiи Россiи, категорически утверждаютъ, что эта девальвацiя, т. е.

обмѣнъ бумажныхъ рублей по $66^{2}/_{3}$ зол. коп. является желательнымъ, полезнымъ, необходимымъ и неизбѣжнымъ. Получается какое-то странное и непримѣримое противорѣчіе, предъ которымъ сторонники девальваціи не останавливаются съ недоумѣніемъ ни въ своихъ писаніяхъ, ни въ рѣчахъ, сказанныхъ въ поясненіе этихъ писаній. На оборотъ, они смѣло идутъ дальше въ глубь недоумѣній, и справедливость и неизбѣжность девальваціи стараются доказать тѣмъ, что будто-бы обмѣнъ al pari является нежелательнымъ и вреднымъ.

Въ пользу такого оригинальнаго положенія можно привести только рядъ такихъ доводовъ, которые, въ свою очередь, могутъ вызвать рядъ новыхъ недоумѣній. Желая выяснить вредныя послѣдствія обмѣна al pari, сторонники девальваціи выясняютъ потрясающія послѣдствія немедленнаго, мгновеннаго обмѣна рублей бумажныхъ на золото по ихъ нарицательной цѣнѣ. Такой доводъ являлся-бы умѣстнымъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы кто либо настаивалъ на немедленномъ обмѣнѣ al pari. На самомъ же дѣлѣ никто на такомъ обмѣнѣ не настаиваетъ, а большинство говоритъ въ пользу обмѣна al pari вообще (безъ опредѣленія срока) вмѣсто немедленной девальваціи. Изъ книги г. Бортксвича мы узнали о довольно остроумномъ предложеніи подождать съ девальваціей и разсрочить возстановленіе паритета на 30 лѣтъ. Теперь курсъ фиксируется для обмѣна въ $66_{2}/_{3}$ зол. коп. Въ виду многократныхъ заявленій о быстромъ ростѣ экономическихъ силъ Россіи, предлагаютъ подождать 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ курсъ бумажного рубля, наростая по 1 коп. въ годъ, доросъ-бы до рубля золотаго. Это преложеніе признано не практичнымъ и весьма рискованнымъ. Въ теченіе 30 лѣтъ, говорятъ, могутъ случиться такія осложненія, которыя сорвутъ весь планъ медленнаго роста бумажныхъ рублей до al pari. Этотъ доводъ можно привести однако и противъ проектируемой реформы. Вѣдь въ теченіе 30 лѣтъ могутъ произойти такія событія, которыя разстроятъ и всѣ намѣченные планы на счетъ денежной реформы. Если для медленнаго роста рубля (по 1 коп. въ годъ) до al pari 30 лѣтъ являются недостаточнымъ періодомъ времени, то сколько-же лѣтъ потребуется для упроченія намѣченной реформы? Вѣдь планъ этой реформы скорѣе всего можетъ быть разрушенъ разными осложненіями и обстоятельствами. Установленная фиксація курса всегда можетъ быть сорвана, а она является базисомъ всей намѣченной реформы. Г. Бортксвичъ сообщаетъ, что въ первые два дня послѣ смерти Александра III было затрачено, на охраненіе курса отъ рѣзкихъ колебаній, цѣлыхъ 30 милліоновъ рублей. Спрашивается, какими же колебаніями фиксированному курсу угрожаютъ осложненія болѣе или менѣе серьезной важности? Очевидно, фиксированный курсъ придется поддерживать съ большой затратой средствъ. Въ тоже самое время, не слѣдуетъ забывать, что, при фиксаціи курса, ничтожное отступленіе отъ установлен-

ной для него цифры ($66_{2/3}$ зол. коп.) можетъ подорвать всѣ планы и разсчеты, на этомъ курсѣ построенные. Наоборотъ, при разсчетѣ на медленное возрастаніе курса въ теченіе 30 лѣтъ (по 1 коп. въ годъ) вполнѣ неизбѣжныя колебанія курса въ ту или другую сторону на нѣсколько копѣекъ не могутъ нарушать общій планъ достиженія бумажнымъ рублемъ al pari черезъ 30 лѣтъ.

Мы не думаемъ доказывать, что планъ о ростѣ бумажнаго рубля до al pari въ теченіе 30 лѣтъ является вполнѣ безупречнымъ. Мы имѣемъ въ виду лишь показать, что оспаривая этотъ планъ, въ сущности оспариваютъ проектъ реформы, построенной на девальваціи. И всѣ слѣдующія затѣмъ положенія, приводимыя противъ обмѣна al pari и въ пользу девальваціи, вызываютъ непрерывную цѣпь недоумѣній. Дѣло въ томъ, что всѣ доводы, которые приводятся въ пользу девальваціи, отрицаютъ тѣ доводы, которыми оправдывается цѣль намѣченной девальваціи. Въ пользу девальваціи можно приводить только такіе доводы, которые прямо или косвенно будутъ свидѣтельствовать объ излишнемъ количествѣ циркулизующихъ бумажныхъ рублей. Цѣль же девальваціи состоитъ въ увеличеніи количества денежныхъ знаковъ, циркулирующихъ въ Россіи. Въ оправданіе такой цѣли можно приводить только такіе доводы, которые свидѣтельствовали-бы о недостаткѣ циркулирующихъ бумажныхъ рублей для потребностей обращенія. Въ результатѣ получается безконечная цѣпь противорѣчій, за которой мы и предлагаемъ прослѣдить нашимъ читателямъ.

Настаивающіе на немедленной девальваціи пытаются доказать слѣдующія положенія: 1) что курсъ рубля поднять до al pari теперь весьма трудно; 2) что курсъ рубля не можетъ подыматься и въ 3) что курсъ рубля не долженъ подыматься. Противъ этихъ положеній сами сторонники немедленной девальваціи приводятъ рядъ соображеній, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія. Прежде всего считаемъ нужнымъ напомнить, что по вполнѣ справедливому мнѣнію, раздѣляемому и «Вѣстникомъ Финансовъ»,—курсъ на деньги опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Количество денегъ, циркулирующихъ въ Россіи, какъ утверждаютъ, является крайне недостаточнымъ и далеко не отвѣчаетъ спросу на деньги со стороны торговли и промышленности. Такое неравновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, разъ оно отвѣчаетъ дѣйствительности, должно вызвать поднятіе курса бумажныхъ рублей. Въ добавленіе къ этому, нерѣдко указываютъ и на тѣ обстоятельства, которыя, при отмѣченномъ неравновѣсіи между спросомъ и предложеніемъ, должны были-бы содѣйствовать особо быстрому росту курса. Къ числу такихъ обстоятельствъ слѣдовало-бы отнести «сжатіе» бумажно-денежнаго обращенія до такихъ предѣловъ, что теперь общая сумма государственныхъ доходовъ значительно превышаетъ сумму циркулирующихъ кредитныхъ рублей. Благо-

даря этому, чуть-ли не каждый рубль долженъ хотя однажды въ годъ попасть въ казенныя кассы и хотя на нѣкоторое время долженъ быть изъятъ изъ циркуляціи. Къ этому считаемъ не лишнимъ добавить, что въ настоящее время высказываются и такія мнѣнія, что экономическія силы Россіи теперь, будто-бы, развиваются и ростутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ самыхъ богатыхъ странахъ западной Европы. Всѣ эти указанія и ссылки едвали могутъ быть примирены съ такими заявленіями, что теперь курсъ рубля не можетъ и не долженъ подыматься, и что ему теперь трудно подыматься.

Сторонники немедленной девальваціи, забывая о всѣхъ ими самими указываемыхъ благопріятныхъ условіяхъ для поднятія курса, съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: какимъ путемъ можетъ совершиться это поднятіе? Это поднятіе, по ихъ мнѣнію, могло-бы состояться лишь при полномъ отказѣ отъ дальнѣйшаго выпуска кредитныхъ билетовъ, даже больше— при значительномъ ихъ сокращеніи, которое еще сильнѣе увеличитъ спросъ на нихъ, а слѣдовательно повыситъ ихъ цѣну. Въ такомъ отвѣтѣ имѣется въ виду указать на весьма вредный характеръ тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы содѣйствовать поднятію курса. Объ этомъ мы пока спорить не будемъ, но считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что приведенный отвѣтъ является подтвержденіемъ того положенія, что въ Россіи бумажныхъ рублей теперь болѣе, чѣмъ достаточно для потребностей обращенія вообще и торговли и промышленности въ частности. Насъ убѣждаютъ, что для поднятія курса пришлось-бы значительно сократить количество циркулирующихъ теперь кредитныхъ билетовъ. Мы знаетъ, что курсъ на деньги опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что при такомъ количествѣ кредитныхъ билетовъ, которое оказывалось-бы только достаточнымъ для потребностей обращенія, курсъ на рубли долженъ былъ-бы стоять приблизительно на уровнѣ al pari. Само собою понятно, что и безъ всякаго дальнѣйшаго сокращенія суммы циркулирующихъ рублей курсъ на нихъ долженъ былъ-бы стоять даже выше al pari съ нѣкоторымъ лажемъ на золото, въ томъ случаѣ, еслибы общая сумма рублей являлась недостаточной для потребителей обращенія и опустилась ниже спроса на нихъ. Принимая все это во вниманіе, считаемъ нужнымъ напомнить, что намѣченная реформа основана на томъ предположеніи, что, будто-бы, въ Россіи въ данное время рублей недостаточно и что спросъ на рубли превышаетъ ихъ предложеніе. Цѣль этой реформы, основанной на девальваціи, какъ мы уже сказали, состоитъ въ увеличеніи количества денежныхъ знаковъ. Мы въ правѣ пожелать, чтобы разсужденія сторонниковъ немедленной девальваціи отличались большей опредѣленностью. Они одинъ разъ говорятъ, что денегъ въ Россіи теперь недостаточно, а въ другой разъ говорятъ, что этихъ самыхъ денегъ такъ много, что для поднятія курса потребо-

валось-бы значительное сокращеніе ихъ количества. Спрашивается, какое-же изъ этихъ двухъ мнѣній отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣла?

Недостаточность циркулирующихъ въ Россіи бумажныхъ рублей подтверждается ссылками на разныя обстоятельства, будто-бы ясно о томъ свидѣтельствующія. Прежде всего, ясное доказательство недостаточности циркулирующихъ кредитныхъ билетовъ видятъ въ томъ обстоятельствѣ, что количество орудій обращенія (бумажныхъ рублей) въ Россіи за послѣднія 15 лѣтъ находится въ стаціонарномъ состояніи и даже уменьшилось, а въ разныхъ странахъ Европы за тотъ же періодъ времени оно сильно увеличилось. Изъ этого обстоятельства можетъ быть сдѣланъ лишь тотъ выводъ, что во многихъ странахъ за послѣднія 15 лѣтъ возросла потребность въ орудіяхъ обращенія, а въ Россіи она нисколько не увеличилась, а даже уменьшилась. Въ опроверженіе такого вывода можно говорить о ростѣ экономическихъ силъ Россіи, который, несомнѣнно, долженъ сопровождаться и ростомъ потребности въ орудіяхъ обращенія. Подъ ростомъ экономическихъ силъ Россіи разумѣютъ увеличеніе населенія, расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе числа фабрикъ и заводовъ.—Съ современнымъ экономическимъ положеніемъ Россіи всѣ настолько знакомы, что разныя ссылки на ростъ населенія, расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. д. не могутъ поколебать той очевидной для всѣхъ истины, что Россія за послѣднія 15 лѣтъ, по меньшей мѣрѣ, не богатѣла. Если-бы эта истина и не пользовалась общимъ признаніемъ, то все-таки не слѣдовало-бы опускать изъ виду, что ростъ населенія, расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе числа фабрикъ и заводовъ и т. п. могутъ совпадать съ крайнимъ обѣднѣніемъ страны, т. е. массы населенія. Сторонники девальваціи, обѣщающей золотое обращеніе, утверждаютъ, что страны, обладающія металлическимъ денежнымъ обращеніемъ, находятся въ здоровомъ состояніи, а страна съ бумажною валютою — въ состояніи болѣзненномъ. Россія — страна бумажныхъ денегъ, а слѣдовательно и она находится въ болѣзненномъ состояніи. Было-бы интересно знать, могутъ-ли экономическія силы страны развиваться при болѣзненномъ ея состояніи? Не слѣдуетъ въ одно и то-же время говорить о болѣзненномъ состояніи страны и такомъ быстромъ ростѣ экономическаго развитія этой самой страны, какого теперь не знаютъ и самыя богатыя страны Западной Европы.

Само финансовое вѣдомство и выработанный имъ проектъ реформы, конечно, не могутъ быть заподозрѣны въ излишнемъ довѣріи къ экономическимъ силамъ Россіи. Финансовому вѣдомству извѣстны въ исторіи экономическаго развитія Россіи болѣе счастливыя времена, чѣмъ настоящее время, когда, будто-бы, экономическій ростъ Россіи значительнѣе, чѣмъ въ самыхъ богатыхъ странахъ Европы. Вспомнимъ о томъ счаст-

ливомъ времени, когда курсъ на рубль съ 68 зол. коп. въ 1886 году доросъ до 86,8 зол. коп., въ 1874 г., т. е. приблизился къ al pari. Затѣмъ наступила турецкая война и курсъ на 1 января 1879 года опустился до 61,7 зол. коп. Теперь средній курсъ опредѣленъ министерствомъ финансовъ въ 66²/₃ зол. коп. и на этой цифрѣ онъ фиксированъ для денежной реформы, т. е. для девальваціи. 66²/₃ зол. коп. близко подходятъ къ тѣмъ 61,7 зол. коп., до которыхъ курсъ опустился вслѣдствіе рѣзкихъ дипломатическихъ осложненій съ нѣсколькими государствами Западной Европы, сопровождавшимся рѣзкимъ потрясеніемъ общественнаго и финансоваго хозяйства вслѣдствіе войны съ Турціей. Мало того, оказалось невозможнымъ фиксировать курсъ даже въ 68 коп. зол., съ которыхъ онъ, при Рейтернѣ, поднялся въ 1874 г. до 84,6 зол. коп. Въ сопоставленіи этихъ цифръ можно видѣть сравнительную аттестацію современнаго состоянія экономическихъ силъ Россіи. Вѣдь если въ каждый данный моментъ курсъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, то поддерживается онъ на извѣстной средней высотѣ силами того самаго общественнаго хозяйства, которое устанавливаетъ извѣстное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Экономическія силы Россіи, при современномъ ихъ положеніи, оффиціально признаны неспособными подогнать рубль до тѣхъ 86,4 зол. коп., до которыхъ онъ доросъ въ 1874 г., и фиксація курса въ 66²/₃ зол. коп., въ сущности изобличаетъ наши экономическія силы въ крайней лѣни...

Нельзя упрекать наши экономическія силы, если онѣ, при данномъ ихъ состояніи, не могутъ гнать курсъ рубля къ верху даже и послѣ «сжатія» нашего бумажно-денежнаго обращенія. Не мѣшаетъ обратить вниманіе на стоимость и характеръ этого «сжатія». Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи оффиціально опубликованныя данныя свидѣтельствуютъ, что въ 1881 г. сумма циркулирующихъ бумажныхъ рублей равнялась 1.180.000.000 руб., а въ 1896 году она равняется 1.175.000.000 рублей, т. е. за 15 лѣтъ сумма циркулирующихъ у насъ бумажныхъ рублей не только не увеличилась, а даже уменьшилась. Въ 1881 г. количество бумажныхъ денегъ превышало на 400.000.000 рублей нашъ государственный бюджетъ, а въ настоящее время сумма циркулирующихъ бумажныхъ рублей значительно менѣе общаго итога государственныхъ доходовъ. Однако это сжатіе нашего бумажно-денежнаго обращенія нельзя не признать обманчивымъ. Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, что за послѣднія 15 лѣтъ количество бумажныхъ рублей уменьшилось только на 5.000.000 и въ 1896 г. оказалось ниже цифры бюджета благодаря тому, что бюджетъ возросталъ быстро и безостановочно въ теченіе тѣхъ же 15 лѣтъ и къ 1896 г. увеличился чуть-ли не на половину по сравненію съ 1881 годомъ. Въ слѣдующемъ 1897 г.—допустимъ,—нашъ бюджетъ будетъ увеличенъ на 5.000 м. р. при данной цифрѣ бумаж-

ныхъ рублей. Эту операцію можно признать «сжатіемъ» бумажноденежнаго обращенія на основаніи тѣхъ-же неизвѣстныхъ и непонятныхъ соображеній, которыя побуждаютъ въ уменьшеніи суммы бумажныхъ рублей на 5.000.000 при одновременномъ колоссальномъ ростѣ бюджета, видѣть явное доказательство происшедшаго сжатія бумажноденежнаго обращенія. Такъ можно «сжать» любую сумму бумажныхъ денегъ, повышая быстро сумму государственнаго бюджета до тѣхъ поръ, пока бюджетъ не превыситъ сумму циркулирующихъ бумажныхъ денегъ. Такое «сжатіе», при всей его обманчивости, можетъ оказаться не особенно полезнымъ для курса и для роста тѣхъ экономическихъ силъ, которыя поддерживаютъ курсъ на извѣстной средней высотѣ. Наше сжатіе бумажноденежнаго обращенія, выразившееся въ колоссальномъ ростѣ государственнаго бюджета, быть можетъ, и исчерпало тѣ силы, которыя своимъ ростомъ гонятъ курсъ рубля къ верху. Однѣ и тѣ-же силы могли оказаться недостаточными для двойной службы, т. е. для удовлетворенія быстро возростающихъ потребностей бюджета и для поднятія курса рублей.

Если курсъ рубля теперь, т. е. послѣ «сжатія» бумажно-денежнаго обращенія, поднять трудно, то въ интересахъ послѣдовательности, необходимо было-бы утверждать, что, при данномъ состояніи экономическихъ силъ, въ наше общественное хозяйство пущено такое количество бумажныхъ рублей, что для нихъ не находится работы. Нѣтъ, говорятъ, наоборотъ, въ Россіи не хватаетъ бумажныхъ рублей для нормальнаго удовлетворенія потребностей въ орудіяхъ обращенія. Въ подтвержденіе этого, помимо уже указанныхъ соображеній, предлагаютъ обратить вниманіе и на то, что промышленность и торговля живо чувствуютъ недостатокъ въ орудіяхъ обращенія. Въ поясненіе приводятся ссылки на то, что у насъ осенью сильно ощущается безденежье. Банки, въ виду напряженнаго спроса на деньги, осенью сильно поднимаютъ учетный процентъ. Прошлой осенью государственный банкъ, защищая свою кассу отъ опустошенія, поднялъ учетный процентъ до 10 годовыхъ.

Всѣ эти обстоятельства не подлежатъ оспариванію, но они ничего не говорятъ о недостаткѣ бумажно-денежныхъ знаковъ для нашихъ экономическихъ силъ при данномъ ихъ состояніи. На размѣръ учетнаго процента, при бумажно-денежномъ обращеніи, нельзя ссылаться какъ на явное указаніе на то, что въ странѣ не хватаетъ денегъ для нормальнаго удовлетворенія потребностей въ орудіяхъ обращенія. Бумажно-денежное обращеніе есть ненормальное удовлетвореніе потребностей въ орудіяхъ обращенія, а потому всякій долженъ примириться съ той мыслью, что при этомъ обращеніи мыслимо именно только ненормальное удовлетвореніе потребностей въ денежныхъ знакахъ. Въ странахъ съ разстроеннымъ бумажно-денежнымъ обращеніемъ учетный процентъ не можетъ быть низкимъ и устойчивымъ, чему мѣшаетъ именно разстроен-

ное бумажно-денежное обращеніе. Онъ можетъ быть высокимъ при общемъ достаточномъ запасѣ бумажныхъ денегъ и при общемъ слабомъ спросѣ на деньги по сравненію съ количествомъ бумажно-денежныхъ знаковъ, пущенныхъ въ общественное хозяйство. Такіе факты мы и наблюдаемъ въ бумажно-денежномъ обращеніи Россіи. Учетный процентъ въ Россіи вообще стоитъ высоко и иногда сильно поднимается, что нисколько не отражается на высотѣ курса. Курсъ бумажнаго рубля и учетный процентъ могутъ идти и нерѣдко идутъ въ разныя стороны. Повышеніе учетнаго процента совпадаетъ съ стаціонарнымъ положеніемъ курса и можетъ совпадать съ пониженіемъ курса и наоборотъ. Въ Россіи при преобладающемъ занятіи населенія земледѣліемъ и при данномъ порядкѣ взысканія податей, учетный процентъ осенью повышается благодаря повышенію спроса на деньги, но это повышеніе спроса на бумажные рубли оказывается настолько слабымъ въ сравненіи съ общимъ ихъ количествомъ, что оно нерѣдко совпадаетъ съ пониженіемъ курса. Вообще для выясненія вопроса о достаточномъ или недостаточномъ количествѣ бумажно-денежмыхъ знаковъ рѣшающее значеніе имѣетъ курсъ, а не учетный процентъ!

Если теперь утверждаютъ, что за послѣднія 15 лѣтъ средній курсъ рубля равняется 66²/₃ зол. коп. и что выше ему трудно подняться въ не столь отдаленномъ будущемъ, то отсюда уже само собою получается такой выводъ: силы нашего общественнаго хозяйства въ послѣдніе годы не могли занять работою цѣлую треть обращающихся бумажныхъ рублей и не могутъ ихъ занять работою въ не столь отдаленномъ будущемъ. Такимъ образомъ, даже допуская наличность какихъ-либо экстренныхъ условій, побуждающихъ къ немедленной девальваціи, трудно думать, что эта девальвація, по своей цѣли, идетъ навстрѣчу существующей потребности. Россія въ данное время, при данномъ экономическомъ положеніи, не нуждается въ увеличеніи количества денежныхъ знаковъ. Экономическое положеніе Россіи не можетъ быть примирено съ мыслью о необходимости увеличенія денежныхъ знаковъ для потребностей ослабѣвшихъ экономическихъ силъ. Выраженіе «ослабѣвшія экономическія силы» не точно передаетъ нашу мысль и мы тутъ предоставимъ слово не по разуму горячимъ сторонникамъ денежной реформы, направленной къ увеличенію запаса циркулирующихъ денежныхъ знаковъ. Отстаивая такую реформу, они должны доказывать, что цвѣтущее экономическое положеніе Россіи, при весьма интенсивномъ ростѣ ея экономическихъ силъ, неизбѣжно должно вести къ обостренію потребности въ орудіяхъ обращенія и къ увеличенію потребности въ суммѣ циркулирующихъ денежныхъ знаковъ. Отстаивая діаметрально противоположный взглядъ на экономическое положеніе Россіи, они должны запутаться въ своихъ доводахъ, оправдывающихъ девальвацію, направленную къ увеличенію

запаса циркулирующихъ денежныхъ знаковъ. Въ такомъ положеніи и оказался страстный защитникъ проектируемой денежной реформы, скрывшій свое имя подъ псевдонимъ П. Г. На дняхъ онъ выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ «Денежная реформа и ея противники», въ которой съ искусствомъ, свойственнымъ представителю обвинительной власти, онъ безпощадно нападаетъ на противниковъ реформы. Однако, правда взяла верхъ надъ привычкой къ обвиненіямъ и г П Г. на стр. 29 категорически заявляетъ: «бѣдность населенія и крайне слабое экономическое развитіе страны едва-ли могутъ быть подвергнуты какому-либо сомнѣнію». Вотъ этимъ признаніемъ г. П. Г. погубилъ всю свою обвинительную рѣчь, направленную противъ противниковъ денежной реформы, сомнѣвающихся въ томъ, чтобъ данное экономическое положеніе Россіи выдвигало на первый планъ вопросъ о денежной реформѣ. Вопросъ о денежной рофомѣ можетъ занимать видное мѣсто только въ той странѣ, общественное хозяйство которой представляетъ явные признаки хотя нѣкотораго роста или, вѣрнѣе говоря, такого бьющаго въ глаза роста, для котораго нестроенія въ области денежнаго обращенія являлись-бы самымъ крупнымъ препятствіемъ для дальнѣйшого развитія. Мы видѣли, что самый страстный сторонникъ проектируемой денежной реформы глубоко увѣренъ, что въ данномъ экономическомъ положеніи Россіи даже крайнія нестроенія денежного обращенія должны быть отнесены къ препятствіямъ, по меньшей мѣрѣ, второстепеннаго свойства. Мало того, нестроенія въ области денежного обращенія принадлежатъ къ числу тѣхъ второстепенныхъ препятствій, которыя не поддаются устраненію до устраненія первостепенныхъ препятствій. Сторонники денежной реформы утверждаютъ, что страны съ бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ находятся въ болѣзненномъ состояніи. Противъ этого мы спорить не будемъ, но, съ своей стороны, скажемъ, что въ странахъ, находящихся въ болѣзненномъ состояніи, немыслимо здоровое денежное обращеніе.

Вотъ на этой почвѣ можно сойтись съ сторонниками реформы во многихъ пунктахъ на счетъ возможной и вѣроятной будущности проектируемаго у насъ золотого обращенія,—конечно только при такой перестановкѣ ихъ положеній, которая соотвѣтствовала-бы сдѣланной выше перестановкѣ въ ихъ основной посылкѣ. Исполненіе этой работы мы отлагаемъ до слѣдующей статьи, а пока считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ появившимся въ нашей печати сообщеніямъ объ отзывахъ иностранныхъ авторитетовъ на счетъ проектируемой у насъ денежной реформы. Противники и сторонники реформы ссылались на проф. Лексиса. По мнѣнію сторонниковъ реформы, онъ ее одобряетъ, а по мнѣнію противниковъ реформы—онъ ее порицаетъ. Мнѣнія авторитетовъ, подающія поводъ къ такому діаметрально противополож-

ному ихъ толкованію, конечно, не заслуживаютъ особого вниманія и не могутъ претендовать на рѣшающее значеніе. Однако, споръ о мнѣніи Лексиса, по всей вѣроятности, затянулся-бы на долгое время, если-бы въ него не вмѣшался самъ проф. Лексисъ. Въ № 94-мъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» появилась невѣжественная статья нѣкоего г. Гаммы извѣщавшая, что проф. Лексисъ прислалъ въ редакцію этой газеты статью о нашей денежной реформѣ и что эта статья помѣщается ниже въ томъ же самомъ номерѣ. Оригиналъ этой статьи намъ не извѣстенъ, но ея текстъ, напечатанный въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», во многихъ пунктахъ есть буквальное повтореніе статьи того-же проф. Лексиса появившейся въ экономическомъ отдѣлѣ «Neue Freie Presse» (№ отъ 24 апрѣля) подъ заглавіемъ «Die russische Währungsreform». Эта статья, по сравненіи со статьей, появившейся въ «Биржев. Вѣдомостяхъ», отличается почти полнымъ отсутствіемъ оптимизма и заканчивается слѣдующими словами: «въ общемъ о проектѣ реформы можно сказать, что хотя его осуществленіе не приведетъ къ установленію нормальнаго денежного обращенія, такъ какъ непокрытый банковый долгъ государства остается слишкомъ высокимъ, но какъ первый шагъ къ установленію золотого обращенія съ новымъ рублемъ онъ представлялся бы вполнѣ цѣлесообразнымъ и осуществимымъ безъ особыхъ затрудненій, и обмѣнъ нотъ, при помощи скопленаго уже золотого запаса, по всей вѣроятности, могъ-бы быть удержанъ,—если не наступятъ никакія неожиданныя замѣшательства». Къ этому проф. Лексису слѣдовало-бы добавить, что въ Англіи, напр., никакія замѣшательства не угрожаютъ золотому денежному обращенію, и объяснить, почему замѣшательства могутъ имѣть разное значеніе для судьбы золотого денежного обращенія въ Россіи и въ Англіи.

На этотъ счетъ попадаются нѣкоторыя указанія въ размышленіяхъ и совѣтахъ другого авторитета — проф. Леруа-Болье, уже увѣнченнаго орденами (при Вышнеградскомъ) за симпатичное отношеніе къ русскимъ финансамъ на столбцахъ редактируемаго имъ весьма распространеннаго журнала «L'Economiste Français». Недавно, въ № 44 этого журнала (за текущій годъ) Леруа-Болье помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «La reprise des paiements en or en Russie». Онъ вѣритъ, что симпатичные ему русскіе финансы выдержатъ проектируемую реформу и что ей не угрожаетъ полное фіаско, но заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами. «Que le gouvernement russe se montre économe, méthodique, qu'il pratique les travaux publics avec discernement, qu'il continue de suivre une politique pacifique et de se consilier la confiance publique au dedans et au dehors, nous croyons que la reprise des paiements en especes pourra s'effectuer sans grande entrave, que le nouvel ordre de choses pourra se maintenir et qu'il contribuera au dévoloppement du pays».

П. Кузнецовъ.

Польскій историкъ Павинскій.

I.

Славянская исторіографія, и безъ того бѣдная учеными историками, за послѣднее время теряетъ одного за другимъ изъ своихъ славныхъ и видныхъ представителей. Крупные историки, сильные своими убѣжденіями и широкимъ образованіемъ, сходятъ одинъ за другимъ со сцены.

Въ августѣ (12) нынѣшняго года смерть похитила одного изъ выдающихся въ славянской исторіографіи ученыхъ и лишила и науку, и университетъ даровитаго труженика,—мы говоримъ о смерти А. И. Павинскаго, проф. Варшавскаго университета, — и притомъ похитила его въ такомъ возрастѣ (56 лѣтъ), когда и онъ самъ, и наука, и общество имѣли полное право надѣяться еще на многіе годы полезной и плодотворной его дѣятельности.

Кто знаетъ Павинскаго по печатнымъ его трудамъ, тотъ мало его знаетъ. Онъ можетъ оцѣнить его громадную эрудицію, силу его историческаго анализа, видѣть безпощадную логику его заключеній, основанную на всестороннемъ и серьезномъ изученіи предмета, его безпристрастіе въ сужденіяхъ—и только; духовный же обликъ, нравственная физіономія ускользаютъ отъ читателя. Павинскій, какъ профессоръ, какъ человѣкъ, слабо отражается въ своихъ сочиненіяхъ. А между тѣмъ на его лекціяхъ лежитъ яркій отпечатокъ его богато-одаренной натуры, глубоко-человѣчной мысли. Критическимъ смысломъ, главнымъ условіемъ исторической науки, покойный обладалъ въ широкомъ размѣрѣ, что и позволило читаемыя студентамъ лекціи обратить въ настоящую науку. Личное его увлеченіе наукою, какъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа, невольно передавалось и его слушателямъ. Въ своихъ трудахъ и въ жизни—это былъ человѣкъ строгій, безъ отклоненій, безъ контрастовъ. Онъ поражалъ своихъ слушателей

колоссальною эрудиціею, замѣчательною силою, глубиною и гибко-
стью своего ума и тонкимъ психологическимъ анализомъ. И въ ученыхъ
своихъ трудахъ и на университетской кафедрѣ онъ всегда сохранялъ то
драгоцѣнное умственное равновѣсіе, то спокойствіе, которое только и
способно избавить человѣка отъ увлеченій, отъ субъективизма и са-
мообольщенія. Благодаря этому умственному равновѣсію, онъ явился
истиннымъ и надежнымъ руководителемъ молодежи.

Предметы занятій его со студентами были крайне разнообразны: онъ
читалъ курсы по энциклопедіи и методологіи историческихъ наукъ, по
исторіи первобытной цивилизаціи, общіе курсы по исторіи Рима и сред-
нихъ вѣковъ и, наконецъ, спеціальные курсы дипломатики, хронологіи и
средневѣковой палеографіи. Всѣ эти курсы, согрѣтые горячею любовью
къ читаемому предмету, при блестящемъ изложеніи, представляютъ
крупное явленіе среди подобнаго рода общихъ курсовъ. Студенты, по
выходѣ изъ университета, не разстаются съ ними и частенько потомъ
заглядываютъ въ нихъ. Жаль только, что эти общіе курсы не были имъ
изданы при жизни. Какъ всякій кабинетный ученый, онъ не только по-
черпалъ матеріалъ полною рукою изъ готовыхъ уже источниковъ, но и
обращался къ сырому матеріалу: къ лѣтописямъ, къ древнимъ актамъ.
Не ограничиваясь культурою, сохранившеюся въ древнихъ письменныхъ
памятникахъ, онъ переносился въ глубь временъ, къ доисторической ар-
хеологіи и къ доисторической антропологіи. Къ обрабатываемому мате-
ріалу онъ относился не только какъ историкъ, критикъ и изслѣдователь,
но и какъ стилистъ, риторъ и романистъ, который пользуется сырымъ
матеріаломъ для того, чтобы воспроизвести точную въ общемъ и вѣр-
ную въ деталяхъ картину изучаемаго историческаго прошлаго. Какъ по-
слѣдователь строго научнаго, сравнительно-историческаго метода, ко-
торымъ отличается современная исторіографія, онъ пользовался для
своихъ изслѣдованій только достовѣрнымъ матеріаломъ, никогда не рѣ-
шаясь слить историческіе факты и легенды въ одно цѣлое. Увлекаемый
своею необычайною любознательностью, онъ не былъ, однако, узкимъ
спеціалистомъ, не замыкался въ заколдованномъ кругѣ техники, хотя
и былъ знатокомъ такихъ сухихъ предметовъ, какъ хронологія и дипло-
матика, но заходилъ нерѣдко въ своихъ ученыхъ занятіяхъ въ такія
области, которыя, повидимому, имѣли мало отношенія къ главному пред-
мету его трудовъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ читаемыхъ имъ лекціяхъ,
гдѣ изяществу, художественному элементу и литературной отдѣлкѣ отво-
дилось почетное мѣсто, слушателя всегда поражали рѣдкое сочетаніе на-
учной многосторонности съ глубокой спеціализаціей, полнота, ясность
изложенія внутренней исторіи, анализъ политическаго строя, его орга-
новъ, его государственныхъ учрежденій, городскихъ общинъ и цѣлой по-

литической организаціи. Онъ никогда не увлекался тѣмъ, что бьетъ въ глаза, что разсчитано на эффектъ, т.-е. никогда не изображалъ внѣшней исторіи, которая болѣе всего могла-бы дать матеріалъ для эффекта. Для него исторія не была военной исторіей (histoire bataille). Военныя событія, походы, завоеванія его не интересовали. Для него историческія событія рисовались не на планѣ только, но и въ перспективѣ.

Покойный началъ свою карьеру профессора-историка въ 60-хъ годахъ, въ то именно время, когда исторіографія, ища новыхъ путей и методовъ, переживала нѣчто лихорадочное, въ своемъ родѣ Drung und Sturm periode. Появлялись одинъ за другимъ блестящіе, повидимому, труды съ новыми методами и съ новыми историческими законами, но на смѣну имъ скоро выступали новыя теоріи еще болѣе заманчивыя и ослѣпительныя. Происходила ожесточенная борьба между новыми теоріями и новыми методами. Одни торжествовали, другіе погибали. Павинскій не увлекся этою борьбою, не пошелъ ни по одному изъ этихъ соблазнительныхъ путей. Ему въ этомъ случаѣ помогло критическое чутье. Онъ никогда не рѣшался сводить исторіи къ законамъ, господствующимъ во внѣшней природѣ (Огюстъ Контъ), не требовалъ отъ нея, чтобы она открывала соціологическіе законы, управляющіе общественною жизнію (Спенсеръ); онъ не уподоблялъ государственныхъ и экономическихъ силъ процессамъ пищеваренія (Шефле, Лиліенфельдъ); не смотрѣлъ на исторію какъ на memoria rerum gestarum, и не низводилъ ея на степень біологическихъ наукъ (Бокль). Противъ послѣдняго, когда повсюду на Бокля въ Европѣ смотрѣли какъ на единственнаго историка, понимавшаго цѣль и задачи исторіи, Павинскій еще въ юныхъ лѣтахъ высказался въ своей брошюрѣ «Нѣсколько словъ о Боклѣ», гдѣ онъ старался доказать шаткость историческихъ обобщеній Бокля. Онъ не отрицалъ положенія, что на развитіе человѣчества несомнѣнное вліяніе оказываетъ внѣшняя природа, но считалъ, что развитіе культуры и науки помогаетъ человѣку постепенно освобождаться отъ физической необходимости: горы и рѣки не служатъ уже болѣе препятствіями для общенія народовъ между собою. Судьбы человѣчества не представлялись ему какъ результатъ однѣхъ только климатическихъ, расовыхъ или экономическихъ силъ. Не выбрасывая изъ исторіи личности человѣка, онъ не сводилъ исторіи къ процессу, для пониманія котораго можно пренебрегать такими факторами, какъ геній, воля, нравственная отвѣтственность. Духу человѣческому отведено у него подобающее мѣсто.

Павинскій былъ далекъ отъ слѣпого довѣрія къ свидѣтельству преданія, какъ и отъ легкомысленнаго скепсиса. Исторія была для него не только speculum veritatis, но и magistra vitae (Cic.) въ общемъ, конечно, смыслѣ, ибо по частнымъ вопросамъ исторія не беретъ на себя роль наставницы. Путемъ анализа прошедшаго онъ старался придти къ вѣр-

ному пониманію настоящаго. Изученіе древняго періода имѣло для него лишь отвлеченное значеніе, какъ матеріалъ для изученія духа человѣческаго и его развитія. Какъ поклонникъ древней культуры, онъ видѣлъ тѣсную связь между настоящимъ культурнымъ прогрессомъ и древне-классической цивилизаціей. Факты современной жизни и культуры представлялись ему не какъ самостоятельный плодъ, не какъ результатъ дѣятельности современнаго общества, но какъ совокупность причинъ, дѣйствовавшихъ въ теченіи многихъ столѣтій, какъ плодъ работы и усилій многихъ столѣтій и многихъ народовъ. Наша цивилизація есть продуктъ долгаго развитія.

II.

Мы до сихъ поръ говорили о Павинскомъ, какъ о профессорѣ-преподавателѣ, какъ о человѣкѣ, но ни слова не сказали еще о немъ, какъ о профессорѣ-полякѣ. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ говорить о Павинскомъ, какъ о полякѣ,—зачѣмъ говорить о національности человѣка, касаться его національности и политическихъ убѣжденій? Мы говоримъ о покойномъ профессорѣ, какъ о профессорѣ-полякѣ, въ виду того, что онъ принадлежалъ къ той національности, съ которой у насъ есть «старые споры», и въ виду того, что онъ былъ профессоромъ Варшавскаго, а не другого университета.

Положеніе-же профессора Варшавскаго университета,—безразлично, русскаго или поляка,—крайне отвѣтственно и щекотливо: онъ является не только ученымъ, профессоромъ или знатокомъ того или другого предмета, но и человѣкомъ, сочувствующимъ или несочувствующимъ тому или другому явленію. Къ его лекціямъ прислушиваются не только студенты его факультета, но и цѣлаго университета. Каждое его слово, вышедшее изъ рамокъ программы, такъ или иначе обсуждается, варьируется, получаетъ ту или другую окраску, сообразно съ національностью лица, которое имъ интересуется въ данный моментъ. Ни русское, ни польское общество никогда не остаются равнодушными къ тому, что происходитъ въ стѣнахъ университета и жадно прислушиваются ко всему, что выходитъ изъ-за его стѣнъ. Принадлежа къ поколѣнію 60-хъ годовъ, къ тому времени, когда въ Польшѣ novus rerum nascebatur ordo, когда подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій общественный строй Польши переживалъ тяжелыя времена, когда прежнія основы жизни колебались, Павинскій стоялъ въ сторонѣ отъ общаго движенія. Повидимому, современныя событія 60-хъ годовъ должны-бы вовлечь молодого, энергичнаго профессора въ тотъ круговоротъ, въ которомъ, при разыгравшихся страстяхъ, вопросъ затемняется, мысли путаются. Но, являясь свидѣтелемъ той ломки въ общественномъ строѣ, которая волновала всѣ умы, онъ оставался въ сторонѣ и никогда не принималъ активнаго участія въ общемъ дѣлѣ. И это невмѣша-

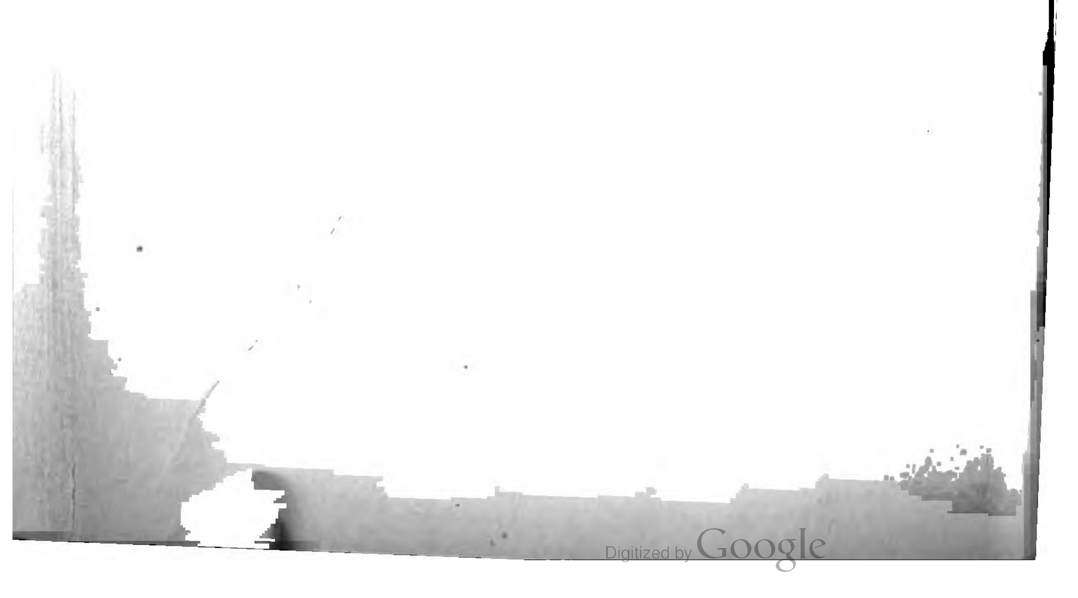
тельство въ политическія дѣла не было дѣломъ холоднаго безучастія, политической безпринципности, а скорѣе дѣломъ самаго глубокаго пониманія всего, того, что совершалось на его глазахъ. Онъ шире смотрѣлъ на вещи глубже понималъ народно-культурные интересы поляковъ, живѣе сознавалъ свое славянское происхожденіе и свою связь съ остальными славянскими народностями. Его волновали не страсти, не бурныя мысли современнаго ему общества,—онъ стоялъ, какъ мы уже сказали, внѣ ихъ,—а то богатое прошлое, которое завѣщала самостоятельная Польша и которое вносило нѣкотораго рода успокоеніе въ его душу. Онъ обратился къ прошлому. Онъ анализировалъ его съ углубленною любовью. Хорошо сознавая, что въ настоящее время появленіе по исторіи Польши и польской литературы синтетическаго труда, обнимающаго всю область польской исторической жизни и польской мысли, пока еще невозможно, въ чемъ его убѣдили прежнія неудачныя попытки подобнаго рода, Павинскій направилъ свои силы и знанія на критическое выясненіе отдѣльныхъ эпохъ и вопросовъ, на обнародованіе новыхъ документовъ, скрытыхъ отъ публики въ архивахъ и обреченныхъ на съѣденіе мышамъ.

Его работы, посвященныя преимущественно XVI вѣку, этому поистинѣ «золотому вѣку» Польши,—какъ-то: «Подляшское воеводство въ XVI в.», «Сеймовое управленіе въ Польшѣ за 1572—1795 г.», «Географическо-статистическія изслѣдованія, относящіяся къ XVI стол.» и «Исторія финансоваго устройства и управленія въ Польшѣ въ XVI ст.»,—проливаютъ яркій свѣтъ на эту эпоху, являются крупнымъ вкладомъ не только въ польскую, но и славянскую исторіографію этого періода. Покойному, какъ начальнику варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ, была открыта возможность полною рукою черпать оттуда необходимый фактическій матеріалъ. Онъ искалъ всюду одну только правду, былъ всегда сторонникомъ одной только истины, не обращая вниманія, откуда она исходитъ. При этомъ онъ всегда безпристрастно относился къ трудамъ русскихъ историковъ, а иногда даже въ отзывахъ его о выдающихся русскихъ работахъ проглядывала и славянская жилка: онъ гордился ими не только какъ историкъ, но и какъ историкъ-славянинъ. Въ его лекціяхъ нерѣдко прорывалась и грустная скорбь о розни славянскихъ племенъ. За это его безпристрастіе, за этотъ его объективизмъ его любили и уважали и поляки и русскіе. Тѣ и другіе имъ одинаково гордились. Съ какимъ уваженіемъ къ нему относились русскіе ученые, это видно уже изъ того, что онъ постоянно былъ командируемъ на международные конгрессы по антропологіи и доисторической археологіи и съ научною цѣлью—въ Италію, Испанію, Португалію, Англію, Германію, Грецію и пр.

Своею ученою дѣятельностью въ качествѣ профессора-историка и какъ человѣкъ, Павинскій представляетъ образецъ, которому необходимо

должны подражать и русскіе и поляки для того, чтобы болѣе или менѣе сносно устроить свой modus vivendi: безъ объективности, которой всецѣло обладалъ покойный, безъ чувства безпристрастія, лучшимъ представителемъ котораго онъ являлся, не можетъ быть сноснаго рѣшенія «стараго спора». Онъ не работалъ спеціально въ интересахъ примиренія поляковъ съ русскими, но своею дѣятельностью въ качествѣ профессора и ученаго онъ косвенно много сдѣлалъ полезнаго для выясненія взаимныхъ недоразумѣній. И нѣтъ сомнѣнія, что преждевременная смерть неутомимаго и талантливаго профессора представляетъ тяжелую утрату и для науки, и для университета, и для его товарищей-профессоровъ и для студентовъ. Но нельзя въ немъ не пожалѣть и человѣка, такъ богато одареннаго во всѣхъ отношеніяхъ отъ природы и такъ рано простившагося съ жизнію. Кто близко зналъ Павинскаго, тотъ навсегда сохранитъ добрую память объ этомъ честномъ и энергичномъ труженикѣ.

Д. Райскій.

Табу.

Разсказъ **Стефана Жеромскаго.**

Поѣздъ остановился. Ева, выйдя изъ вагона, быстро прошла черезъ вокзалъ и очутилась на грязномъ дворѣ. Тамъ стояла расшатавшаяся повозка, запряженная парой старыхъ, исхудалыхъ клячъ. Увидѣвъ прибывшую, хозяинъ «дрынды» сильнымъ взмахомъ кнута разбудилъ дремавшихъ лошаденокъ и съ крикомъ и гиканьемъ подъѣхалъ ближе.

— Въ больницу свезешь?—спросила Ева.

— Почему не свезти? Для чего-жъ и стоишь тутъ день деньской. Больного везете, сударыня?

— Нѣтъ, я поѣду одна... навѣстить больного.

— Такъ можно садиться, сударыня.

— Сколько возьмешь?

— И-и... пустое. Полтинничекъ, сударыня, дадите.

Ева усѣлась, и старая «дрында» запрыгала и застучала по выбоинамъ шоссе. Когда клячи проѣхали черезъ все мѣстечко и экипажъ, миновавъ послѣднюю хату, очутился въ открытомъ полѣ, вдали показался рядъ больничныхъ строеній. Въ мягкомъ, свѣтломъ весеннемъ воздухѣ, на фонѣ молодой апрѣльской зелени полей и луговъ—эти огромные кирпичные дома выдѣлялись какими-то мрачными громадами. Ева задумчиво всматривалась въ нихъ и въ окрестность. Въ первый разъ она была здѣсь въ концѣ февраля, когда везла больного мужа; тогда, поглощенная несчастіемъ, она почти не видѣла мѣстности. Въ ея памяти воскресали, все-таки, нѣкоторыя впечатлѣнія: маленькое, чахлое придорожное деревцо съ оторванной вѣткой, жалкое, какъ человѣкъ безъ руки,—пошатнувшійся верстовой столбъ, крутой поворотъ дороги... Съ безчеловѣчной жестокостью выплывали они изъ мягкаго

пейзажа полей и вставали передъ путницей, точно безжалостныя орудія пережитой пытки, — все ярче, все больше, по мѣрѣ приближенія къ больницѣ. Когда экипажъ остановился наконецъ у подъѣзда, Ева сошла, заплатила извозчику, съ усиліемъ открыла тяжелую входную дверь и по широкимъ каменнымъ ступенямъ поднялась въ бель-этажъ. Въ канцеляріи она застала молодаго врача, завѣдующаго отдѣленіемъ для небезнадежныхъ больныхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ ея мужъ. Врачъ привѣтливо разговаривалъ съ ней и больше чѣмъ привѣтливо вглядывался въ ея прекрасное, поблѣднѣвшее лицо; успокоивъ ее нѣсколькими учеными фразами, которыя онъ навѣрное говорилъ всѣмъ женамъ, сестрамъ и матерямъ, навѣщавшимъ его паціентовъ, онъ повелъ ее внизъ, черезъ широкій дворъ, къ отдѣльному зданію, окруженному мертвымъ еще цвѣтникомъ.

— Долго засиживаться съ больнымъ вамъ нельзя...

— Хорошо, докторъ.

— Вы подождите однѣ въ комнатѣ сестры Юліи, потомъ я приведу его и побуду минутку съ вами, потому что, видите-ли, — онъ еще бываетъ иногда очень раздражителенъ. Потомъ я выйду въ корридоръ; если онъ станетъ безпокоенъ, я тотчасъ-же войду.

— Хорошо, докторъ.

Они прошли мимо нѣсколькихъ запертыхъ дверей и остановились передъ шестою направо. Докторъ тихо открылъ ее своимъ ключемъ и они вошли въ комнату, служившую пріемной. Ева остановилась у двери и, когда докторъ вышелъ, опустилась тутъ-же на маленькій диванчикъ. Печаль, страхъ, тревога, овладѣвавшіе ею попеременно до самой этой минуты — теперь покидали ее. Изъ глубины ихъ выплывало твердое и мужественное спокойствіе, — героизмъ многострадальныхъ душъ. Скоро дверь отворилась и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, худой, съ растрепанными волосами и въ безпорядочномъ костюмѣ. Его свѣтло-голубые, на выкатѣ, неподвижные глаза блестѣли зловѣщимъ огнемъ, запекшіяся губы болѣзненно вздрагивали, а сухой языкъ ежеминутно дѣлалъ напрасныя усилія смочить ихъ. Больной, казалось, не обращалъ вниманія ни на посѣтительницу, ни на доктора; онъ разсѣянно прошелъ мимо нихъ, крича охрипшимъ голосомъ:

— Войцѣхъ Ястржембовскій написалъ агрономію, а я, Генрихъ Домбровскій, шире разовью соціологическія основы альтруистической цибулоніи...

Онъ вскинулъ глазами и какъ-бы теперь только увидѣвъ Еву, быстро приблизился къ ней и, поднося къ ея глазамъ засохшій огрызокъ швейцарскаго сыра, сказалъ:

— Посмотри, вѣнчанная супруга, что я грызу, что я лижу, что облизываю съ необыкновеннымъ аппетитомъ...

— Ну, хорошо-ли это—обратился къ нему докторъ,—совсѣмъ не здороваться съ женой? Она пріѣхала навѣстить, поговорить, — а вы такъ?.. Поцѣлуйте сейчасъ-же ея руку.

Помѣшанный лукаво смотрѣлъ на него и ходилъ по пріемной. Докторъ незамѣтно подошелъ къ двери, быстро отворилъ ее и скрылся. Тогда Ева достала изъ маленькой корзинки коробку конфектъ, открыла ее и подала мужу. Тотъ набросился сейчасъ-же на конфекты, захватилъ полную горсть и набилъ себѣ ротъ; проглотивъ первую порцію, онъ уничтожилъ вторую, третью, — наконецъ, схватилъ коробку и вылизалъ крошки. Когда отъ лакомства не осталось уже и слѣда, онъ взглянулъ на жену и снова сталъ говорить. Не прерывая своего странствованія, среди цѣлаго потока словъ, онъ произнесъ нѣсколько разъ:

— Евочка, Евочка...

Она съ усиліемъ взяла его руку и посадила рядомъ, но онъ вырвался отъ нея. Тогда Ева присѣла сама на кровать и опустила голову на руки. Прикоснувшись къ его тѣлу, къ его трясущимся ладонямъ съ вздутыми венами, она снова почувствовала въ своемъ сердцѣ острый мечъ, разбившій ея жизнь... Ея напряженная мысль быстро и ярко, точно молнія, пронизывала теперь темныя ночи, прожитыя въ этомъ домѣ ея несчастнымъ мужемъ, — ночи, подобныя какимъ-то таинственнымъ мертвымъ пространствамъ, окутаннымъ вѣчной мглой. Она усиливалась здоровыми нервами пережить и измѣрить всѣ его ужасныя муки, безконечныя тревоги; сильнымъ напряженіемъ всего своего существа она отважно пыталась сломать входъ внутрь этого погреба, спокойно разсмотрѣть чудовищныя тайны и — бороться. Ахъ, бороться!.. Вѣдь за этимъ она пріѣхала. Собрать всѣ силы, какими только владѣетъ душа человѣческая, и ударить на неизвѣстнаго врага. Если это злой духъ—онъ скроется, если рана—она заживетъ, если страхъ—онъ пройдетъ, если какое-то непонятное страданіе—оно уймется...

Помѣшанный остановился на секунду передъ ней, потомъ сѣлъ на кровати, зѣвая и бормоча подъ носъ. Ева обняла его съ самой нѣжной любовью, прижала его голову къ своей груди и заговорила тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Генрихъ, выслушай внимательно, Генрихъ... Скажи мнѣ, что съ тобой, что тебя мучитъ?.. Разскажи мнѣ это хорошенько, чтобъ я могла все объяснить тебѣ... Подумай, соберись съ мыслями! Вотъ увидишь,—я вылѣчу тебя... Скажи,—тебѣ все еще страшно?

Больной молчалъ и смотрѣлъ въ землю, не прерывая своей странной жестикуляціи.

— Тебѣ все еще—страшно?..—шептала Ева, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ. Голосъ ея былъ неузнаваемъ, въ немъ звучали удивительныя, небывалыя ноты.

— Ахъ, ахъ...—шепталъ Домбровскій.

Она умолкла, обезсиленная сверхчеловѣческой душевной работой. Въ это мгновенье она стремилась усиліемъ воли перелить въ больного свое здоровье, невидимыми руками искала въ темнотѣ ранъ его души, взбиралась по какимъ-то непонятнымъ крутизнамъ, чтобъ постигнуть всѣ его страданія...

— Подумай,— говорила она,—подумай хорошенько и, какъ только тобой овладѣваетъ страхъ,—думай, какъ теперь...

— Онъ за предѣлами вещей, отдѣльно, самъ по себѣ...

— Не бойся. Только скажи мнѣ, твоей Евочкѣ. Я все это сейчасъ растолкую тебѣ!.. Ну, что-же?

Онъ поднялъ голову и глядѣлъ на нее прежними, милыми глазами, — только теперь они были полны невыразимой муки. Онъ прижался къ женѣ и таинственно прошепталъ ей на ухо:

— Возьмутъ меня...

— Я все объясню тебѣ сейчасъ!.. Возьми меня за руку, вотъ такъ,—крѣпко держи меня! Развѣ я тебя не люблю?..

— Опять меня возьмутъ... опять меня возьмутъ... — заговорилъ онъ, глядя на нее широко раскрытыми глазами. Вдругъ онъ вскочилъ и снова заходилъ по комнатѣ, потряхивая головой и выкрикивая свое:

— Войцѣхъ Ястржембовскій написалъ агрономію...

Руки Евы, державшія за минуту до того голову мужа, упали помертвѣвшія, безсильныя. Она заплакала. Неистощимыя слезы лились по ея лицу, слезы, которыя не облегчаютъ страданій, но уносятъ изъ сердца жизнь,—слезы, которыя льются, какъ кровь изъ перерѣзанныхъ жилъ... Онѣ обнажали глубокую рану, вскрывали какой-то наростъ въ душѣ, открывали самое дно страданія...

Она не поборола бѣды. Безсильна здѣсь любовь,—и говорятъ еще, что она двигаетъ горы!.. Безсильна несокрушимая воля и стойкое мужество, и слѣпая вѣра въ спасеніе, въ торжество справедливости. Она смотрѣла въ землю и не поднимала головы. Больной снова сѣлъ подлѣ нея, продолжая говорить. Сквозь слезы она видѣла его дикіе глаза, трясущуюся голову, въ которой погасъ уже свѣтъ сознанія, безпокойныя движенія рукъ,—безполезное туловище звѣря...

— Гдѣ-жъ твоя безсмертная душа?.. думала она въ порывѣ страшнаго горя.

Вдругъ больной прикоснулся къ ея плечу. Она взглянула и смертельно поблѣднѣла. Въ его лицѣ выражалась отвратительная чувственность, онъ смотрѣлъ на нее съ умоляющей улыбкой и цинически жестикулировалъ. Она вскочила и стремглавъ бросилась къ двери. Помѣшанный схватилъ ее на полдорогѣ. Въ эту минуту дверь быстро отворилась и докторъ отодвинулъ сумасшедшаго въ уголъ комнаты, схва-

тивъ его сильной рукой за отворотъ сюртука. Ева выбѣжала въ коридоръ, попала къ выходу и очутилась на мощеномъ дворѣ. Идя по камнямъ, она рыдала отчаянно и громко, почти съ крикомъ, но безъ слезъ, сама не зная какъ она очутилась у воротъ, ведущихъ на боковую тропинку. Эта грязная дорога, недавно проложенная по пустырю, привела ее къ вокзалу. Она шла туда, не подымая головы, будучи не въ состоянiи оторвать глазъ отъ земли и замедлить шаги, или остановиться. Автоматическое движенiе, движенiе получившей толчекъ вещи удерживало ее отъ громкаго крика. На дорогѣ тамъ и сямъ стояли мутныя лужицы. Кое-гдѣ виднѣлись слѣды босыхъ ногъ. Передъ идущей перелетала отъ одной лужи къ другой маленькая трясогузка. Птичка срывалась съ мѣста, когда Ева приближалась, и летѣла по извилистой линiи къ слѣдующей лужицѣ. Взглядъ Евы, различавшiй со времени выхода изъ больницы только смутныя очертанiя предметовъ, сталъ слѣдить теперь за ней. Живая точка разбудила ея вниманiе.

— Счастливая, счастливая...—шептали ея дрожащiя губы.

Немного спустя взглядъ несчастной перенесся на придорожную траву. Безчисленное множество блестящихъ молодыхъ стеблей тянулось, пытаясь взобраться на камни. Ева думала одинъ мигъ о мягкихъ корешкахъ этихъ растенiй, которые тамъ, въ глубинѣ почвы, прилежно ощупываютъ острые края изломанныхъ камней, неутомимо роются подъ ногами идущихъ, пробивая себѣ путь и ища корма. За рвомъ тянулись мокрые луга. Весеннiе дожди оставили на нихъ тамъ и сямъ не глубокiя озерки синей воды, въ которыхъ купались теперь длинныя свѣтло-желтыя гряды первоцвѣтовъ. Въ сухихъ мѣстахъ, подъ тѣнью орѣшника, цвѣли блѣдныя полевыя фiялки. Кругомъ лоснилась на солнцѣ молодая поросль... Взглядъ Евы безсильно блуждалъ по мягкимъ купамъ ближайшей зелени,—и въ душу ея проникало что то животворное, оздоровляющее.

— Счастливые, счастливые...—говорила она тихо.

Свѣтлая зелень и прихотливое разнообразiе пейзажа, мягкость широкихъ, сочныхъ листьевъ и ритмическое покачиванiе высокихъ стеблей дѣйствовали на душу Евы умиротворяюще, — точно соки цѣлебныхъ травъ, парализующiе дѣйствiе смертельнаго яда.

Направо отъ вокзала, поперекъ луга, шла узкая дорога. Ея выдолбленныя колеи еле виднѣлись подъ короткимъ, кудрявымъ покровомъ травы. Ева направилась по ней. Какъ долго она шла — она не могла-бы сказать, остановилась она только тогда, когда широко разлившiйся прудъ преградилъ ей путь. Она вошла на плотину, поросшую высокой травой, на противоположномъ концѣ которой виднѣлась широкая черная крыша мельницы, спрятавшейся за плотиной и купами густыхъ зарослей. Тутъ-же, вблизи, стояли цѣлыя рощи прошлогоднихъ

тростниковъ, мертвенно желтыхъ и издававшихъ какой-то глухой погребальный шелестъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Въ сосѣдствѣ съ этими безжизненными стеблями, которые казались Евѣ кладбищемъ, подымались изъ воды первые отпрыски касатиковъ. Между ними, въ неглубокой водѣ, шныряли, играя на солнцѣ, рыбы, и кисти сухого тростника безпрестанно встряхивались и дрожали, какъ будто трепетомъ любви. Далеко въ тростникахъ слышалось радостное щебетаніе мелкихъ пташекъ, онѣ то вспархивали и взвивались кверху, то снова упадали въ кусты. На поверхности воды, въ мелкой зыби, скользили солнечные отблески; они, казалось, также дрожали отъ какого-то всеобщаго возбужденія. Ева присѣла на землѣ и почувствовала такую усталость, какъ будто шла десятки миль. Глубокіе вздохи потрясали еще время отъ времени все ея тѣло, но мысли и чувства были уже далеко отъ несчастія. Она видѣла вокругъ себя заросли, воду,—прелестный уединенный уголокъ, но дальше, какъ-бы за всѣмъ этимъ она начинала отчетливо различать нѣчто другое, казалось ей, что она отлично знаетъ, почему все совершается такъ, а не иначе, проникаетъ въ самую суть вещей, постигаетъ все, до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

— Какъ все это безжалостно, какъ холодно, какъ неумолимо...— шептала она, глядя въ пространство, зарисованное волнистыми линіями кустовъ, походившихъ издали на зеленоватыя мглистыя облачка. — Если-бъ я умерла здѣсь сейчасъ, если-бъ скатилась въ воду и утонула, меня съѣли-бы раки и черви, а эта вода все такъ-же безмятежно играла-бы надо мной, рыбы попрежнему рѣзво плескались-бы, и эта роскошь расцвѣтающей земли, какъ и теперь, ласкала-бы взглядъ. Все шло-бы своимъ чередомъ—для другихъ.

Черезъ минуту съ глухимъ плачемъ она припала лицомъ къ землѣ и долго лежала такъ, разбитая, уничтоженная. Только свистъ дальняго поѣзда, пробѣгающаго гдѣ-то по равнинѣ, разбудилъ ее и вернулъ къ дѣйствительности. Она поспѣшно встала, отряхнула платье и торопливо направилась въ сторону вокзала, красная крыша котораго, вся залитая свѣтомъ, искрилась на горизонтѣ. Когда, задыхаясь отъ быстрой ходьбы, она пробѣжала черезъ вокзалъ на платформу, чтобы справиться о ближайшемъ поѣздѣ въ городъ, она увидѣла «того господина». Онъ стоялъ, опершись о рѣшетку, съ своей обычной усмѣшкой и опущенными, по обыкновенію, глазами, отъ которыхъ ничто, однако, не ускользало. Когда она вошла на платформу, онъ разъ только поднялъ на нее глаза, но она поняла тотчасъ-же этотъ взглядъ, потому что онъ говорилъ яснѣе словъ: если хочешь, чтобъ я удалился,—я немедленно исчезну...

«Тотъ господинъ» былъ чертежникомъ въ одномъ изъ техническихъ бюро. Евѣ онъ встрѣчался давно, еще до болѣзни мужа, но она не

была лично съ нимъ знакома. Выходя вечеромъ изъ фабрики, она видѣла его или сидящимъ на уединенной скамейкѣ сквера, или прогуливающимся по сосѣдней улицѣ. Отъ пріятельницы она знала, что это— очень порядочный, молодой человѣкъ «изъ общества», знала также— уже не отъ пріятельницы, а по собственному чутью—что ему извѣстна вся ея жизнь, часто читала въ его быстромъ взглядѣ сочувствіе, можетъ-быть—любовь. Она цѣнила въ немъ то, что онъ не искалъ знакомства, боясь навлечь на нее пересуды, что удовлетворялся возможностью видѣть ее издали разъ въ сутки, иногда — разъ въ два, въ три дня...

Все это совершенно забылось во время несчастія, съ тѣхъ поръ, какъ Домбровскій сошелъ съума. Она жила все это время въ такомъ душевномъ упадкѣ, что каждая живая мысль наполняла ее тревогой и вызывала болѣзненные укоры совѣсти. Ей казалось, что она встрѣчала тогда незнакомца, но она не съумѣла-бы сказать, было-ли это во снѣ, или на яву. Она знала одно, что онъ былъ ей дорогъ, какъ воспоминаніе лучшихъ дней ея жизни, когда и надъ ней свѣтило солнце.

Замѣтивъ его на платформѣ, она тотчасъ-же проскользнула въ станціонный залъ, купила билетъ и сѣла на деревянной скамейкѣ. Черезъ окно она могла видѣть молодого человѣка. Онъ стоялъ, какъ и до того, держа въ рукѣ большой букетъ блѣдныхъ фіалокъ и разглядывалъ цвѣты. Потомъ сталъ прогуливаться по дебаркадеру. Ева невольно всматривалась въ его мягкую шляпу, тепло освѣщенную солнцемъ и прекрасно гармонировавшую съ его свѣтлыми волосами, щегольское лѣтнее пальто, букетъ цвѣтовъ, свободныя, изящныя движенія и провожала глазами каждый его шагъ.

Подошелъ поѣздъ. Ева быстро вошла въ вагонъ и очутилась въ маленькомъ и совершенно пустомъ отдѣленіи. Минуту спустя вошелъ туда-же ея поклонникъ. Онъ сѣлъ въ углу и попрежнему принялся разсматривать свои цвѣты. Поѣздъ тронулся. Ева, не отрывая взгляда отъ пейзажа, открывшагося за окномъ, сидѣла неподвижно, равнодушно. Вдругъ она почувствовала на себѣ взглядъ спутника. Она знала, какъ онъ глядитъ на нее въ эту минуту, чувствовала, съ какимъ безумнымъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ одного ея взгляда, отлично понимала, съ какой тоской онъ ждалъ такой минуты цѣлые мѣсяцы...

И вдругъ сердце въ ней дрогнуло. Ее потянуло взглянуть сейчасъже на этого человѣка, увидѣть его лицо, глаза, улыбку.

— Къ чему страдать, въ чемъ моя вина?—спросила она у себя, возмущаясь.

Она почувствовала вдругъ такое отвращеніе къ всевозможнымъ страданіямъ, что если-бъ только онъ всталъ, подошелъ къ ней и сжалъ въ своихъ объятіяхъ, она склонила-бы голову къ нему на грудь, вы-

плакала-бы все свое несчастіе и пошла-бы за нимъ. Только-бы онъ избавилъ ее отъ этой муки... Весь эгоизмъ человѣческой природы поднялся и бушевалъ въ ней: къ чему страдать, къ чему бороться съ вѣчностью, которой ничто на землѣ превозмочь не въ силахъ?

Голова ея, прислонившаяся къ стѣнкѣ вагона, безсильно покачивалась въ тактъ съ ходомъ поѣзда, на лицѣ загорался жгучій румянецъ...

Чтобъ скрыть его, она поднялась и стала у окна. Зеленые поля и луга убѣгали въ неизмѣримую даль. На горизонтѣ виднѣлась уже только высокая красная труба дома умалишенныхъ, изъ которой то и дѣло вылетали бурые клубы дыма. Ева прилежно глядѣла на этотъ дымъ и въ грохотѣ колесъ, ударяющихъ о рельсы, услышала опять проклятыя слова:

— «И быть стражемъ могилъ, которыя молятъ о слезахъ и любви, и быть только тѣнью...»

Всей силой изстрадавшагося сердца она проникала въ смыслъ этихъ словъ и слышала даже ихъ болѣзненный звукъ... Она сѣла на свое мѣсто блѣдная, съ стиснутыми губами. Опираясь лѣвой рукой о скамью, она прикоснулась къ букету фіалокъ. «Тотъ господинъ» положилъ ихъ подлѣ занимаемаго ею мѣста. Ева взяла въ руки этотъ букетъ, положила его на колѣни и, глядя на цвѣты, шептала мысленно: «поздно, поздно...» Долго такъ она сидѣла, задумавшись. Когда, наконецъ, она подняла глаза, они были очень печальны. Она медленно развязала букетъ и съ улыбкой, освѣтившей, какъ лучъ свѣта, ея лицо, опускала цвѣты маленькими пучками на полъ, всѣ, до послѣдняго. Потомъ взглянула на своего спутника и сказала тихо, какъ-бы оправдываясь и извиняясь:

— Мой мужъ боленъ, очень боленъ...

Молодой человѣкъ сидѣлъ неподвижно до ближайшей товарной станціи подъ самымъ городомъ. Когда поѣздъ остановился, онъ вышелъ изъ вагона, вскочилъ на платформу и быстро направился въ сторону города. Ева долго еще видѣла его свѣтлые волосы и слышала отзвукъ его шаговъ—глухой, глухой...

А. П—чъ.

Плоскогорье.

Романъ.

Часть вторая.

Одиночество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Раннія сумерки сгущались въ большой низкой комнатѣ ***-ской контрольной палаты. Чиновники, спѣша окончить работу, низко пригибались къ бумагамъ, разложеннымъ на длинныхъ столахъ. Счетчикъ торопливо и громко бросалъ оттопыренным ъ среднимъ пальцемъ деревяшки на большихъ счетахъ. Молодой писецъ съ золотушнымъ лицомъ, склонивъ голову на бокъ, съ удвоеннымъ рвеніемъ скрипѣлъ перомъ, не переставая однако выдѣлывать привычныя щеголеватыя завитушки буквъ. Въ комнатѣ пахло жженнымъ сургучемъ и пылью, которая распространялась отъ груды бумажнаго хлама, цѣлыми годами копившагося на стѣнныхъ шкафахъ. Воздухъ былъ спертый, до тошноты теплый. Вертящійся винтиляторъ слабо и монотонно взвизгивалъ, не принося въ комнату ни малѣйшаго свѣжаго дуновенія. Полный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ, съ широкимъ лицомъ и мясистымъ краснымъ лбомъ, дочиталъ поданную ему бумагу, подписался съ росчеркомъ, откашлялся и сталъ собирать въ ящикъ стола кипу дѣлъ въ большихъ синихъ обложкахъ съ разными смѣтами и ассигновками.

— Что же, пора, пожалуй, и прикончить на сей разъ!—замѣтилъ онъ, шумно вставая.

Писецъ еще быстрѣе заскрипѣлъ перомъ. На нѣкоторыхъ столахъ уже горѣли газовые рожки. Чиновники одинъ за другимъ начали вставать и собираться.

— А вы то что же, Андрей Васильевичъ? Не готовы?—замѣтилъ юркій хроменькій человѣчекъ съ испитымъ лицомъ.

Андрей Тропининъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на говорившаго и отбросилъ назадъ свои негустые бѣлокурые волосы. Лицо его было блѣдно, взглядъ свѣтло-карихъ глазъ утомленный и разсѣянный.

— Вы не ждите, мнѣ еще тутъ кончить надо,—проговорилъ онъ, чтобы отдѣлаться отъ товарища, съ которымъ ему было по дорогѣ, и склонился надъ бумагами.

Онъ дождался, пока другіе ушли, всталъ, прислушиваясь къ говору, громко раздававшемуся на каменной лѣстницѣ зданія, и подошелъ къ окну.

— А! снѣгъ!—подумалъ онъ съ внутреннимъ облегченіемъ,— какъ будто этимъ первымъ снѣгомъ разрѣшался какой-то тяжелый, наболѣвшій вопросъ.

Улица и крыши противоположныхъ домовъ были покрыты глубокимъ пушистымъ снѣгомъ. Андрей долго стоялъ у окна. Бѣлыя хлопья, кружившіяся въ темнѣющемъ воздухѣ, наводили на него забытье. Онъ ни о чемъ не думалъ и смотрѣлъ, какъ расходившіеся чиновники, остановившись посреди улицы, пожимали другъ другу руки.

— Что вы тутъ засидѣлись батюшка? Послѣдній остались? — добродушно сказалъ, подходя къ нему, старикъ сторожъ съ медалями на груди.

— Да, да. Я сейчасъ—разсѣянно отвѣтилъ Андрей и не торопясь прошелъ между длинными, опустѣвшими столами. Оставаться здѣсь дольше не было ни смысла, ни охоты, но не тянуло и домой. Ясно представилось ему, какъ, пройдя нѣсколько улицъ, занесенныхъ этимъ бодрящимъ молодымъ снѣгомъ, онъ опять очутится въ своей скверной душной квартиркѣ и увидитъ то, что ежедневно мучило и теребило его душу.

На воздухѣ было свѣжо и легко. Нѣсколько школьниковъ бѣжали въ перегонку посрединѣ пустынной улицы, спотыкаясь на необмятомъ снѣгу и звонко, задорно вскрикивая. Двѣ молодыя дѣвицы въ шубкахъ прошли подъ ручку на встрѣчу Андрею, посмотрѣли ему въ лицо и отчего-то переглянулись и засмѣялись.

Андрей шелъ медленно, потирая зябнущія руки. Цѣпкія снѣжинки садились ему на плечи и на грудь, щекотали лицо и прилипали къ усамъ. Втягивая въ себя холодный, но не рѣзкій воздухъ, онъ безсознательно прислушивался къ радостнымъ звукамъ первыхъ зимнихъ сумерекъ. Но эти звуки не находили въ его душѣ никакихъ откли-

ковъ. Отрава промозглаго канцелярскаго воздуха была разлита во всемъ его существѣ. Тупая и мертвая работа, надъ которой онъ сидѣлъ втеченіи пяти часовъ, превозмогая вялость и лѣнь, убивала всякую впечатлительность. Ему хотѣлось остаться одному, лечь и заснуть безпробуднымъ сномъ.

Уже три мѣсяца Андрей жилъ съ женой и ребенкомъ въ этомъ городѣ въ одной изъ глухихъ не-земскихъ губерній, вдалекѣ отъ желѣзной дороги, вдалекѣ и отъ Петербурга, и отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства. Никогда Андрей не думалъ раньше, что ему придется служить въ канцеляріи. Кончая университетъ, онъ безотчетно вѣрилъ, что для него откроется, наконецъ, широкая жизненная дорога. Какъ только онъ освободится отъ ученической работы, можно будетъ лучше все обдумать... Но вышло иначе. Онъ женился. Работы и средствъ не было. Нужда мѣшала заниматься. Тесть поддерживалъ его своими скудными сбереженіями и, наконецъ, нашелъ ему мѣсто въ томъ городѣ, гдѣ служилъ самъ. Андрей рѣшился на отъѣздъ, какъ на временное испытаніе. Онъ думалъ, что за это время соберется со средствами и силами, будетъ читать, подготовляться къ литературной работѣ. Намѣчались кое-какія темы для статей—очень широкаго и общаго содержанія. Но въ душѣ его,—онъ много разъ вспоминалъ это,—и тогда уже было неспокойно.

Андрей шелъ дальней дорогой, чтобы сколько-нибудь оттянуть свое возвращеніе домой. Въ его воображеніи надоѣдливо мелькалъ короткій, красный палецъ канцелярскаго счетчика, щелкали желтыя и черныя деревяжки на мѣдной проволокѣ счетъ. Гудѣли неторопливые голоса чиновниковъ. Они все еще казались ему, съ непривычки, какими-то смѣшными и противными типами изъ литературы, а не живыми людьми. Въ первое время онъ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ они, отрываясь отъ занятій, сходились, останавливались, безцеремонно-громко болтали о картахъ, дѣлились городскими новостями и сплетнями, какъ они смѣялись, одни открытымъ и смачнымъ хохотомъ, другіе — короткимъ, хихикающимъ смѣшкомъ, какъ они громко тянули въ себя отвратительный, жидкій чай, который приносилъ имъ въ полдень, звеня стаканами и стуча сапогами, канцелярскій сторожъ. Ему все казалось, что эта комедія скоро кончится, что онъ уѣдетъ или примется за свою работу, и эти смѣшные, тупые люди перестанутъ существовать для него. Но время шло. Наблюденія перестали интересовать его: каждый день повторялось одно и то-же. А онъ не уходилъ прочь отъ этихъ людей, не могъ отдаться своей работѣ. Онъ перересталъ даже понимать, въ чемъ состояла та работа, которая должна была вывести его куда-то на свѣтъ.

— Прокатиться-бы, баринъ, по первопуточку!—окрикнулъ Андрея

извозчикъ, разогнавшій лошадь съ пустыми санками и натянувшій вожжи при видѣ одинокаго, вяло шагающаго пешехода.

Андрей ничего не отвѣтилъ и завернулъ въ переулокъ, гдѣ была его квартира. Извозчикъ крикнулъ на лошадь и весело помчался дальше.

II.

Андрею долго не отворяли. Онъ позвонилъ нѣсколько разъ. Наконецъ до него донесся, черезъ открывшуюся внутрь дома дверь, плачъ ребенка и торопливые шаги.

— Не упади, темно,—сказалъ знакомый голосъ жены, когда она впустила его.

— Я думалъ, что-нибудь случилось. Такъ долго не отворяли, — отвѣтилъ Андрей.

— Нѣтъ. Я одна. Марья въ лавку побѣжала, а Лялечка плачетъ-плачетъ. Держишь на рукахъ—будто ничего, а положишь, опять кричитъ.

Начинается! подумалъ Андрей раздражительно. Не замѣчаетъ даже, что каждый день говоритъ эту фразу.

— Ты голоденъ? Сейчасъ обѣдать будемъ... Марья тутъ молоко упустила на плиту...

Анюта зажигала лампу. Андрей нетерпѣливо смотрѣлъ, какъ она, осторожно взявъ стекло, стала дышать въ него, прежде чѣмъ надѣть на горѣлку. За стѣной дѣвочка закатывалась отчаяннымъ, измученнымъ плачемъ.

— Послушай, Анюта... я просто слышать этого не могу...

— Ну вотъ, Андрюша!—отвѣтила она ласково, но съ грустнымъ упрекомъ въ голосѣ.—Ты такъ говоришь, точно мнѣ ее не жалко. Только я вѣдь знаю, что не бѣда. Вѣдь она цѣлый день такъ. Ты придешь усталый, тебѣ и кажется.

Она накрыла лампу колпакомъ и, щурясь отъ свѣта, посмотрѣла на него не то безпокойнымъ, не то успокаивающимъ взглядомъ, потомъ обернулась и быстро, почти бѣгомъ, пошла въ спальню.

Андрей прошелся по маленькой, бѣдно меблированной комнатѣ, натопленной до духоты и полной кухоннаго чада. Ему становилось тошно, хотѣлось освѣжить голову или лечь. Но маленькій клеенчатый диванчикъ былъ короткій и скользкій, такъ что на него не хотѣлось даже садиться. Изъ спальни раздавался напѣвъ жены, укачивающей ребенка. И этотъ напѣвъ, однообразный, ноющій, и глупыя слова дѣтской пѣсенки вызывали въ Андреѣ болѣзненное, мучительное раздраженіе. Для кого она выговариваетъ эти безсмысленныя слова!.. Ощущеніе злобнаго безсилія и удушья всякій разъ захватывало его по возвращеніи домой. Тѣснота этой дрянной квартирки давила его. Все въ ней было провкашено

духомъ мѣщанскаго, никогда не обновляемаго жилья, носило на себѣ слѣды прежнихъ жильцовъ, истоптавшихъ полъ, издырявившихъ стѣны большими, безобразными гвоздями, засалившихъ и оборвавшихъ обои. Въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ жилъ Андрей въ студенческіе годы, было тоже скверно, но тогда онъ не замѣчалъ ничего этого. Онъ глядѣлъ впередъ, ждалъ...

Напѣвъ жены за стѣною все повторялся, наводилъ дремоту. Андрей рѣшился войти въ спальню и, не глядя на жену, бросился на свою постель.

— С-ш-ш...—прошептала Анюта, указывая глазами на засыпающую дѣвочку и тихонько прибавила:

— Прилечь хочешь?

— Да. Усталъ.

Вѣдь она сама видитъ, что я легъ! Какая ужасная привычка!—подумалъ онъ про себя.

Анюта сидѣла почти у самой его кровати и повторяя все тотъ-же баюкающій напѣвъ, слегка покачивала въ тактъ ногою и прихлопывала рукой спящаго ребенка. Ея миловидное лицо съ мелкими чертами и бѣлокурыми, гладко зачесанными волосами, было кротко, свѣтлые глаза невыразительно смотрѣли вдаль. Андрей глядѣлъ на это знакомое лицо и на ея фигуру, въ полинявшемъ платьѣ изъ цвѣтной бумазеи, и незамѣтно задремалъ.

Два года тому назадъ Андрей познакомился съ Анютой Манухиной въ одномъ семействѣ, гдѣ проводилъ лѣтнія вакаціи въ качествѣ учителя. Профессоръ исторіи, у котораго Андрей работалъ втеченіе года и только-что прекрасно сдалъ выпускной экзаменъ, предложилъ ему мѣсто у своихъ родственниковъ. Андрей, испытавшій всѣ муки студенческихъ голодовокъ, съ благодарностью воспользовался рекомендаціей профессора, вниманіе котораго польстило его самолюбію и открыло ему какія-то надежды въ будущемъ.

Семейство Бибиковыхъ проводило лѣто и зиму въ своемъ имѣніи, съ благоустроенной старинной усадьбой, вблизи отъ города ***, гдѣ Андрей въ настоящее время состоялъ на службѣ. Хозяинъ дома, здоровый, румяный господинъ, безъ опредѣленныхъ занятій, любилъ охоту, спортъ и больше всего—ѣду. Жена его, Марія Густавовна Бибикова, была худосочная нервозная дама, съ узкимъ некрасивымъ лицомъ, ввалившимися щеками и длинными зубами. Она вышла замужъ очень поздно и натерпѣвшись отъ мужа всякаго горя, рѣшила, что единственное спасеніе женщины въ своевременномъ, т.-е. раннемъ замужествѣ. На этомъ именно сосредоточились ея заботы относительно двухъ дочерей, малокровныхъ дѣвицъ, очень послушныхъ и пугливыхъ. Ученикъ Андрея

былъ лѣнивый и нахальный мальчишка, краснощекій и жадный до ѣды, какъ его отецъ. На учителѣ лежала обязанность сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку подготовить его къ гимназіи. Лѣнь и грубость мальчишки заставили Андрея обратиться къ его матери: онъ съ самаго начала увидѣлъ, что ему одному не совладать съ ученикомъ, котораго всячески баловалъ и выгораживалъ отецъ.

Марья Густавовна очень охотно бесѣдовала съ молодымъ учителемъ о дурныхъ наклонностяхъ своего сына, но, мало-по-малу, начала разсказывать и о себѣ, о несчастіяхъ, заѣвшихъ ея жизнь, о своихъ заботахъ по отношенію къ дочерямъ. Андрей тяготился ея разсужденіями и признаніями, но она не замѣчала этого и проявляла все болѣе интереса къ нему. Наконецъ, въ бесѣдахъ стали чувствоваться слишкомъ явные намеки на то, что она была бы счастлива, если бы Андрей остановилъ выборъ своего сердца на одной изъ ея дочерей. Чтобы пресѣчь нестерпимые разговоры, Андрей сообщилъ ей однажды, что онъ былъ убѣжденный демократъ и притомъ нищій. Онъ думалъ, что почтенная дама, происходившая отъ какихъ-то бароновъ, перестанетъ послѣ этого считать его подходящимъ зятемъ. Но произошло совсѣмъ обратное: Марья Густавовна высказала ему особенное уваженіе за энергію и выдвинувшія его способности, довольно безтактно предложила ему увеличить его мѣсячное жалованье и, когда онъ отказался, прониклась къ нему еще большей симпатіей.

Въ это-то время Андрей и познакомился съ своей теперешней женою. По воскресеньямъ въ домѣ Бибиковыхъ собирались гости: сосѣди и городскіе чиновники, игравшіе съ хозяиномъ въ карты,—въ томъ числѣ и Манухинъ, тихій, добродушный старикъ, съ лицомъ стараго запорожца. Анюта, дочь его, только-что окончила губернскую гимназію. Дѣвицы Бибиковы считали ее своей подругой, и чинно, безмолвно гуляли съ ней по дорожкамъ сада или показывали ей свои рукодѣльныя работы.

Въ серединѣ лѣта произошелъ случай, повидимому, совершенно ничтожный и тѣмъ не менѣе рѣшившій судьбу Андрея. Праздновалось рожденье старшей дочери Бибиковыхъ: ей исполнилось двадцать лѣтъ. Когда Андрей пришелъ съ поздравленіемъ, дѣвица покраснѣла, а мать прослезилась, и глаза ея устремились на молодого человѣка съ такой нѣжностью и такимъ напряженнымъ упованіемъ, что ему стало не втерпежъ. Онъ чувствовалъ себя взволнованнымъ, издерганнымъ и готовымъ на самый рѣшительный отпоръ. Вечеромъ съѣхались гости: многочисленные кузены и барышни, между ними и Анюта Манухина. Играли въ фанты. Андрей игралъ вмѣстѣ съ другими. Онъ былъ возбужденъ непривычной обстановкой и смутно шевелившимися воспоминаніями. До этого онъ только одинъ разъ игралъ въ фанты—въ томъ домѣ,

гдѣ онъ узналъ первую радость и откуда его постыдно выгнали. Когда при розыгрышѣ фантовъ Андрею пришлось декламировать, онъ всталъ и сказалъ глупѣйшее стихотвореніе, прочитанное имъ случайно въ иллюстрированномъ журналѣ и запомнившееся, какъ образецъ нелѣпости. Его стали спрашивать, чью вещь онъ прочиталъ. Онъ смѣялся и просилъ отгадать. Всѣ шумѣли, называя то одного, то другого поэта—изъ второстепенныхъ: стихотвореніе никому особенно не понравилось.

— Такого замѣчательнаго поэта не могутъ отгадать! — смѣялся Андрей.

Вдругъ Анюта Манухина, всегда робкая, скромная, какъ будто просвѣтлѣла, такъ что всѣ невольно обратили на нее вниманіе.

— Вы хотите сказать?

Она вспыхнула.

— Нѣтъ я только такъ...

— Отчего же! Скажите!—приставали къ ней.

— Лермонтова,—сказала она и обвела всѣхъ вопросительно-испуганнымъ взглядомъ.

Андрей съ трудомъ удержался отъ смѣха. Всѣ молчали.

— Нѣтъ! Что ты, Анюта,—замѣтила героиня праздника съ очевиднымъ упрекомъ.

Андрей удивился: онъ не думалъ, что у этой противной дѣвицы съ безцвѣтными глазами можетъ оказаться какой нибудь литературный вкусъ и смыслъ.

— Ну скажите, Андрей Васильевичъ!

— Что же я буду говорить, отвѣчалъ Андрей. — Вѣдь, вотъ m-lle Манухина сказала.

Анюта просіяла.

— Да нѣтъ же! что ты, Анюта. Такіе нехорошіе стихи!—повторила m-lle Бибикова.

— А, вѣдь, вотъ же! Они же сами говорятъ!—растерянно оправдывалась Анюта.

— Ну полноте, господа. Давайте дальше. Не все-ли равно. Лермонтовъ, такъ Лермонтовъ!.. — сказалъ одинъ изъ развязныхъ кузеновъ.

Андрей не выдержалъ и нервно разсмѣялся.

— Чего вы?—дерзко крикнулъ обиженный молодой человѣкъ.

— Вы, кажется, корпусъ кончили и тоже думаете, что это Лермонтова,—отвѣтилъ Андрей насмѣшливо.—Стишки изъ дряннаго альманаха!

Всѣ оторопѣли.

— Вотъ видишь!—торжествовала дѣвица Бибикова.

Анюта покраснѣла, вскочила и вдругъ зарыдала. Ее увели въ

другую комнату. Игры разстроились. Почти немедленно послѣ этого эпизода Манухины уѣхали. Андрей понялъ, что съигралъ злую шутку съ этой молоденькой и наивной дѣвушкой. Жалость схватила его за сердце, та острая мучительная жалость, которой онъ не переносилъ въ себѣ. Все его поведеніе въ этотъ вечеръ казалось ему непозволительно глупымъ. Онъ долго не спалъ ночью. На слѣдующій день, побѣждая самолюбіе и обычную застѣнчивость, онъ рѣшился поѣхать къ старику Манухину, чтобы извиниться. Анюта была домà одна. Она встрѣтила его до такой степени смущенная, что онъ совсѣмъ растерялся и не могъ объяснить ей, зачѣмъ пріѣхалъ. Едва дождались они возвращенія старика, которому Андрей и высказалъ свое сожалѣніе о случившемся.

Вечеромъ, когда Андрей вернулся домой, его позвали въ будуаръ хозяйки. Она лежала на диванѣ, съ компрессомъ на головѣ, и заговорила съ нимъ тонкимъ разбитымъ голосомъ:

— Другъ мой! Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами... по душѣ...

Она взяла его руку своей костлявой, горячей рукой и удержала ее.

— Боже!—сказала она. — Какъ разъ съ двадцати лѣтъ я страдаю этими ужасными мигренями.

— Вы, кажется, хотѣли спросить у меня что-то? — замѣтилъ Андрей.

Онъ былъ со вчерашняго дня возбужденъ и раздраженъ до послѣдней степени. Все, что съ нимъ происходило, было нелѣпо и дѣлалось какъ-то помимо его воли, наперекоръ всему, что было въ его жизни обычнымъ.

Она впала въ замѣшательство.

— Какъ вы странно настроены, мой другъ! Да, я хотѣла спросить васъ... Зачѣмъ вы ѣздили сегодня къ старику Манухину?

Андрею было противно и досадно, и на себя, и на всѣхъ, и особенно на эту даму, предлагавшую ему въ жены свою дочь. Ему хотѣлось огорошить ее, сказать ей что-нибудь дерзкое. И вдругъ, самъ не помня какъ, онъ отвѣтилъ ей, съ насмѣшкой въ голосѣ:

— Я ѣздилъ, чтобы сдѣлать предложеніе его дочери.

Она поднялась съ дивана, блѣдная и дрожащая.

— Вотъ какъ! Я не знала... я не думала... Я полагала, что вы могли-бы удостоить меня большей откровенности.

Она расплакалась съ нервными подергиваніями.

Андрей рѣшилъ, что послѣ такого скандала ему было невозможно оставаться въ этомъ домѣ и на слѣдующее-же утро отправился переговорить объ отъѣздѣ съ господиномъ Бибиковымъ. Но оказалось, что хозяинъ дома былъ совершенно не посвященъ въ тайны своей жены и дочери. Онъ встрѣтилъ отказъ Андрея самымъ искреннимъ недоумѣ-

ніемъ и сталъ доказывать ему, что его отъѣздъ погубитъ мальчика, потому что другого учителя теперь не найти и онъ пропуститъ послѣдній срокъ поступленія въ гимназію. Андрей, скрѣпя сердце, остался, рѣшивъ держаться какъ можно дальше отъ всѣхъ женщинъ этого семейства. Между тѣмъ, Марья Густавовна, уязвленная въ своихъ материнскихъ чувствахъ, наводила справки: она не замѣчала никакихъ признаковъ помолвки учителя и терялась въ догадкахъ. Допустить, что молодой человѣкъ, котораго она прочила въ женихи своей дочери, получилъ отказъ отъ мелкаго чиновника, было невозможно. Марья Густавовна волновалась, дѣлилась своими сомнѣніями съ кѣмъ только могла и, наконецъ, передала свой разговоръ съ Андреемъ женѣ одного изъ сослуживцевъ Манухина. Всѣ узнали какимъ-то образомъ, что Андрей былъ въ домѣ Манухиныхъ и оставался нѣкоторое время наединѣ съ его дочерью. Сплетня облетѣла весь городъ. Анюта стыдилась показаться на улицу. Андрей услышалъ объ этомъ впервые отъ своего ученика, который становился день ото дня нахальнѣе. Потомъ скверныя росказни поползли и съ другихъ сторонъ. Стыдъ мутилъ душу Андрея. Онъ самъ не понималъ, какъ сорвались у него въ разговорѣ съ этой барыней глупыя легкомысленныя слова, за которыя долженъ былъ разсчитываться не онъ одинъ. Образъ наивной, застѣнчивой дѣвочки, надъ которою онъ дважды подшутилъ, не давалъ ему покоя. Онъ готовъ былъ уѣхать, несмотря на всѣ свои обязательства относительно ученика.

Андрей обдумывалъ выраженія, въ которыхъ будетъ объясняться съ Бибиковымъ, когда ему доложили о пріѣздѣ Манухина. Къ этому Андрей былъ не подготовленъ. Онъ подумалъ, что увидитъ оскорблэннаго отца негодующимъ, требующимъ формальнаго «объясненія», и не зная, какъ держать себя, чувствовалъ злобное волненіе. Старикъ вошелъ, молча сѣлъ на стулъ, заговорилъ растерянно и сбивчиво, глаза его покраснѣли. Онъ произнесъ, наконецъ, имя своей дочери и тяжело дыша, сталъ искать дрожащими руками платокъ, который никакъ не находился... Андрей сказалъ ему, что дѣйствительно имѣлъ въ виду сдѣлать предложеніе его дочери.

III.

Андрей проснулся отъ осторожнаго прикосновенія руки.

— Ты заснулъ!—сказала Анюта, улыбаясь.—Я ужъ не знала, что и дѣлать. Плиту дольше топить невозможно, а то, просто, раззоренье. Хозяйка опять присылала за квартирными деньгами.

Лицо ея приняло озабоченное выраженіе.

— Я, просто, не знала, что и дѣлать. Будить тебя жалко было, а обѣдъ стынетъ. Пойдемъ.

Она хотѣла взять его за руку, но его рука тяжело и неласково опустилась. Ему нездоровилось. Голова болѣла, точно отъ угара. Онъ прошелъ въ другую комнату и нехотя сѣлъ за столъ. Супъ и холодныя котлеты казались отвратительными.

— Ты не кушаешь ничего,—съ грустью замѣтила Анюта послѣ долгаго молчанія.

— Не хочется.

— Такъ ничего и не будешь?

Онъ не отвѣтилъ и, вставъ, началъ ходить по комнатѣ.

— Ты разстроенъ?

— Нисколько. Почему ты думаешь?

— Да такъ... Я знаю, что ты, когда ходишь, то значитъ, какія-нибудь мысли у тебя.

— Кто-же живетъ безъ мыслей? — возразилъ онъ, и его каріе глаза, свѣтящіеся жидкимъ блескомъ, холодно смотрѣли на нее. Онъ захватилъ между пальцевъ свои мягкіе висящіе книзу усы, и сталъ нервно дергать ихъ. Глаза Анюты дрогнули и она тихонько вздохнула.

— Ты, кажется, сама разстроена!

Она всегда терялась и смущалась, когда замѣчалъ въ немъ недоброе настроеніе.

— Вотъ видишь, я говорю, что ты разстроена, а не я. Приходишь,—застаешь тебя веселой, а потомъ изъ-за всякаго пустяка ты готова плакать.

— Я очень рѣдко плачу,—отвѣтила она дрожащимъ голосомъ.

— Ты это всегда говоришь, когда плачешь. Чуть не каждый день!

Двѣ крупныя слезы скатились съ ея глазъ, и она схватилась за платокъ.

— Я не плачу, Андрюша,—продолжала она, вытирая слезы.—Ты знаешь, я всегда стараюсь не плакать, потому что... ты недоволенъ.

Онъ прошелся еще нѣсколько разъ по комнатѣ, чувствуя приливъ остраго раздраженія. Онъ не могъ выносить слезъ. Сознаніе, что онъ былъ причиной чьихъ-нибудь слезъ, волновало его до потери всякаго самообладанія. Онъ начиналъ говорить жесткія и безцѣльныя вещи, точно мстя за свои мучительныя угрызенія:

— Анюта, перестань, пожалуйста! —сказалъ онъ сдержанно, пытаясь прекратить тягостную сцену.

Она вытерла глаза и, вздохнувъ, тихо сказала:

— Да, вѣдь, тяжело, Андрюша! Днемъ непріятности разныя, а тебя ждешь-ждешь, ты придешь усталый, нездоровый, не кушаешь ничего.

— Какія непріятности?

— Что-же я тебѣ буду говорить? Ты вѣдь не любишь... Вотъ

мясникъ... Потомъ, дворникъ,—говоритъ, что не хочетъ носить воду, ругался. Потомъ чердакъ... Столоначальница эта противная не даетъ чердака. Когда не придешь, у нея все стирка. Марья даже плакала сегодня,—говоритъ: не даетъ чердака, на зло намъ стираетъ бѣлье каждый день!

Она говорила съ полной серьезностью и волненіемъ, уже совершенно позабывъ о томъ, что онъ не любилъ этихъ ея разсказовъ.

— Никогда еще не слыхалъ, чтобы бѣлье стирали на зло кому-нибудь!—замѣтилъ Андрей, усмѣхнувшись.

— Ну, вотъ, видишь. Я знала, что ты не любишь...

Она грустно посмотрѣла на него и, почувствовавъ, что слезы опять подступаютъ къ глазамъ, встала и пошла въ спальню, но сейчасъ-же вернулась.

— Письмо тебѣ есть. Почтальонъ принесъ давеча.

— Что-же ты не сказала? Нужное, можетъ быть, что-нибудь.

У него мелькнула съумасшедшая надежда, что въ этомъ письмѣ заключается что-то спасительное.

Анюта порылась и вытащила письмо.

Феня!—подумалъ Андрей, взглянувъ на дѣтски безграмотный адресъ. Въ душѣ его заныль упрекъ самому себѣ. «На три письма не отвѣтилъ! И что самое ужасное,—послѣднее какъ-то затаскалъ въ карманѣ, даже не прочитавши, и потерялъ».

— Что ты смотришь?—спросилъ онъ жену, поймавъ ея безпокойный взглядъ.

— Что нибудь непріятное?

— Нѣтъ же! Развѣ ты не знаешь почеркъ сестры?

— Ахъ, это отъ нея!—сказала она и отвернулась, какъ будто считала неделикатнымъ вмѣшиваться въ его отношенія съ сестрой.

Андрей медленно, нетвердыми руками, разорвалъ конвертъ и сталъ читать.

«Милый Андрюша!» писала Феня, старательно выводя буквы и не ставя знаковъ препинанія. «Ты меня, милый Андрюша, совсѣмъ забылъ. Я теперь живу въ городѣ, у дяди и у тетки, въ той комнатѣ, въ которой ты жилъ, когда здѣсь былъ и учился. Прежде меня здѣсь жилъ братъ Миша, а тетка сказала ему, чтобы онъ спалъ съ малымъ, а Миша разсердился и теперь все злится. Милый Андрюша, мнѣ здѣсь такъ скучно, и такая тоска. Я все плачу. Напиши мнѣ, милый Андрюща, письмо, чтобы я къ тебѣ пріѣхала. Здѣсь все чужіе и тетка все сердится. Я не знаю, какъ ей угодить, и когда вспомню про нашъ домъ и про все мое горе, я все плачу. Возьми меня къ себѣ, милый Андрюша, ты мнѣ обѣщался. Я совсѣмъ больная стала. Возьми меня къ себѣ, я ничѣмъ тебѣ не буду мѣшать. Я такъ тебя люблю»...

Андрей безсильно опустилъ руки. Мучительное волненіе поднялось въ немъ: ему нечего было сказать въ отвѣтъ на это жалкое письмо. Сестра была-бы ему въ тягость, какъ чужая. Послѣднія свиданія съ Феней вспомнились ему. Онъ не находилъ о чемъ говорить съ ней, и молча слушалъ ея скучные, пустячные разсказы, съ ненужными подробностями, съ томительными повтореніями. Прислуга меблированныхъ комнатъ, заговаривая иногда съ нимъ, точно также тянула всякое мелкое сообщеніе, такъ-же повторяла его цѣликомъ и по частямъ, не умѣя закончить свою рѣчь и уйти. При мысли о сестрѣ въ душѣ Андрея всегда поднималась тоскливая неловкость, и казалось, что лучше вовсе не думать о ней: это было тяжело и безполезно. Но это письмо было тяжелѣе обыкновеннаго. Онъ зналъ, что огорчитъ ее, причинитъ ей боль своимъ отказомъ, который слишкомъ затруднительно было объяснить. Онъ опять началъ ходить по комнатѣ. Мысли неслись несвязныя, головная боль и волненіе мѣшали думать. Въ комнатѣ было жарко. Низкій потолокъ давилъ, стѣны были слишкомъ близко другъ отъ друга.

Клѣтка какая-то,—думалъ онъ, проникаясь ненавистью къ этимъ стѣнамъ. Гдѣ жъ тутъ жить третьему человѣку? И спать положить негдѣ.

Взглядъ его случайно упалъ на маленькій диванчикъ, слишкомъ короткій для него, но, быть можетъ, достаточный для Фени.

Эта мысль кольнула его. Онъ спѣшилъ откинуть ее, но невольно нѣсколько разъ взглядывалъ на диванчикъ, какъ бы измѣряя его длину.

А я то гдѣ же?—сказалъ онъ вдругъ и почувствовалъ такую злость, какъ будто кто-нибудь силою отнималъ его послѣднее убѣжище.—Что-же, и ночью не имѣть угла, гдѣ заниматься? Сидишь нарочно до глубокой ночи, чтобы только не вѣчно быть въ суматохѣ!

— Который часъ теперь? спросила Анюта, выходя изъ спальни. Лицо у нея было успокоенное и немного заспаное. Видно было, что она задремала, укачивая дѣвочку.

— Посмотри на часы. Вѣдь передъ тобой на стѣнѣ висятъ! Что за привычка у женщинъ спрашивать то, что легко узнать самому!

Она остановилась и подняла на него недоумѣвающіе огорченные глаза.

— Что съ тобой?

Онъ не отвѣтилъ.

— Тебѣ твоя сестра что-нибудь непріятное написала?

Онъ увидѣлъ по ея лицу, что она готова была, не смотря на свою обычную кротость, вознегодовать на его сестру за то, что она разстроила его.

— Чего ты волнуешься,—сказалъ онъ.—Ты, кажется, вообра-

жаешь, что Феня написала мнѣ что-нибудь обидное? Вотъ письмо. Прочти, пожалуйста, если тебѣ любопытно.

Она взяла письмо и начала читать, потомъ задумалась, повернулась къ Андрею и вопросительно посмотрѣла на него. Письмо Фени ее тронуло. Ей показалось, что помочь Андрею устроить сестру было ея обязанностью, и, задумчиво взвѣшивая разныя домашнія обстоятельства, она продолжала смотрѣть на Андрея.

— Что же,—ты видишь теперь, что она ничѣмъ не оскорбляетъ меня.

— Нѣтъ, гдѣ же! сказала Анюта кротко.—Я не думала, что она объ этомъ! Что жъ, Андрюша, вѣдь, это можно. Потѣснимся какъ нибудь. Она не взыщетъ. Вѣдь она же тебѣ сестра.

— Не взыщетъ!—повторилъ онъ и съ горечью усмѣхнулся.—Ты, вѣдь, знаешь, Анюта, каковы наши дѣла.

— Да, вѣдь, разница небольшая, Андрюша!—продолжала она настаивать.—Въ хозяйствѣ немного надо на третьяго человѣка, когда двое есть. У меня послѣднее время совсѣмъ аппетиту нѣтъ,—прибавила она наивно.

Онъ сдержалъ невольную усмѣшку, и, почувствовавъ, что въ душѣ его промелькнуло что-то вродѣ умиленія передъ этой неразумной добротой, круто повернулся и быстрѣе зашагалъ по комнатѣ. Онъ не переносилъ въ самомъ себѣ нѣжныхъ чувствъ: онѣ слишкомъ разстраивали его.

— Какія ты глупости говоришь!—сказалъ онъ досадливо.

Она не знала, какъ продолжать этотъ разговоръ и куда вести его, потому что не могла допытаться, чего хотѣлъ Андрей. Отъ его жестокаго тона у нея щемило въ сердцѣ.

— Не понимаю, право, чего ты добиваешься! — сказалъ Андрей.

— Я? Я ничего... Я только думала, нельзя ли какъ-нибудь... она такъ проситъ. Я думала тебѣ хочется... Вѣдь, она же тебѣ сестра!

— Ты уже нѣсколько разъ повторила это. Какъ будто я не знаю! возразилъ Андрей, стыдясь признаться, что не хочется взять къ себѣ Феню.

Анюта заплакала.

— Не плачь, ради Бога! Я тебѣ говорилъ, что это меня съ ума сводитъ.

Она притихла, постояла нѣсколько минутъ въ нерѣшительности и прошла въ кухню. Потомъ вернулась и начала накрывать на столъ.

— Что это?—спросилъ Андрей, брезгливо глядя на мятую, нечистую скатерть.

— Чай пить пора—отвѣтила она, не оборачиваясь.

— Я не хочу. Ты знаешь, я не люблю этой возьни.

— Какъ же, Андрюша,—нельзя же. Самоваръ уже давно...

Внезапная ярость охватила его.

— Если ты хочешь выгнать меня изъ дому своими самоварами...— крикнулъ Андрей и, выйдя въ переднюю, сталъ надѣвать пальто. — Гадость какая! — шепталъ онъ съ отвращеніемъ къ самому себѣ и ко всему своему дому.

— Куда ты, Андрюша?—воскликнула Анюта съ испугомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, открылъ тяжелый крюкъ двери и вышелъ.

IV.

Свѣжій морозный воздухъ пахнулъ ему въ лицо. Послѣ комнатнаго чада этотъ воздухъ, чистый и прозрачный, казался душистымъ. Дворъ бѣлѣлъ отъ снѣга. Андрей переступилъ порогъ калитки. И улица была вся бѣлая, покрытая пушистымъ, кое-гдѣ прорѣзаннымъ полозьями снѣгомъ. Небо прояснилось и сіяло звѣздами. Въ нѣкоторыхъ домахъ окна, не закрытыя ставнями, свѣтились красноватыми огнями. Андрею хотѣлось уйти прочь, какъ можно дальше отъ человѣческихъ жилищъ. Ему казалось, что онъ чувствуетъ чрезъ ихъ стѣны духоту и тяжелый смрадъ обывательской жизни. Вездѣ въ этихъ маленькихъ домикахъ было то же, что и у него: обидныя, глупыя заботы и дрязги, приставаніе женщинъ, пискъ дѣтей. У всѣхъ такъ же тѣсно, такія же узенькія и низкія комнаты, какъ коробки. Зачѣмъ? Какъ будто мало воздуха подъ небомъ. Какъ будто и воздуха на всѣхъ не хватаетъ,—не только пищи, за которую торгуются и злятся всѣ эти булочники и мясники. И какъ люди могутъ выносить все это! Некого умолять о спасеніи. Они долго старались примирить себя съ судьбою, слѣпо повѣрить въ ея недоступную мудрость. Нѣтъ больше ни вѣры, ни смиренія. Тѣснота и безсмыслица кругомъ. И вотъ они мучатся, бранятся, дуются, плачутъ, оскорбляютъ, бѣсятся и грызутъ другъ друга, потому что нѣтъ никого, на кого они могли-бы возроптать, противъ кого они могли-бы возстать за свои страданія.

«И тамъ, навѣрно, тоже», подумалъ онъ, проходя мимо небольшого домика, со свѣтящимися окнами, и невольно заглянулъ туда.

Посреди комнаты стоялъ накрытый столъ съ самоваромъ и цѣлое семейство пило чай. Андрей долго вглядывался въ это благодушное семейство съ злымъ любопытствомъ, съ щемящей улыбкой въ душѣ. Надъ полинявшимъ репсовымъ диваномъ висѣли олеографіи въ рамкахъ. На столѣ, передъ диваномъ, горѣла лампа съ мудренымъ абажуромъ изъ картона, подклееннаго цвѣтной бумагой. Какія безобразныя, смѣшныя и ненужныя вещи!

Онъ отшатнулся отъ стекла, когда одна изъ дѣвочекъ обернулась. Что это я дѣлаю? — подумалъ онъ. — Богъ знаетъ, что въ головѣ сегодня! Угорѣлъ я что-ли? Она такъ натапливаетъ. Дѣвочку боится простудить и душитъ ее угаромъ.

Въ немъ опять шевельнулось острое раздраженіе противъ жены. И вмѣстѣ съ тѣмъ ноющее чувство жалости схватило за сердце. Что это было? Да, Феня! Письмо Фени съ безграмотными, крупно выписанными словами, встало въ воображеніи,—и наивныя, дѣтски-добрыя увѣщанія Анюты устроить ее.—Онѣ не знаютъ, о чемъ просятъ! Какъ и кому помогать, когда самъ не стоишь на ногахъ и все вокругъ вертится въ безпроглядной тьмѣ, въ которой не видно ни начала, ни конца, никакого смысла.

Чувство широкой, жуткой пустоты и безпомощности охватило Андрея. Онъ вышелъ на широкую городскую площадь, примыкающую къ рѣкѣ. Керосиновые фонари тускло мигали далеко другъ отъ друга. Губернаторскій домъ сверкалъ рядами освѣщенныхъ оконъ. Съ другой стороны высились соборы — темные, тяжелые, мертвые. Новое казенное зданіе возводилось невдалекѣ, и не снятыя на зиму лѣса, окружали его темнымъ скелетомъ. На площади было тихо и безлюдно. Въ рыхломъ снѣгу чернѣли чьи-то глубокіе, одинокіе слѣды. Чужой городъ, и въ немъ чуть копошащаяся, притихшая на ночь жизнь подъ холоднымъ бездоннымъ небомъ. А кругомъ на сотни верстъ безпробудная тишина темныхъ лѣсовъ, полей, замерзшихъ рѣкъ. Тяжелые сны носятся надъ этими плоскими спящими равнинами.

Въ домѣ губернатора потухъ рядъ оконъ въ верхнихъ залахъ. Только въ двухъ-трехъ окнахъ виденъ свѣтъ, затѣненный шторами. Площадь стала еще пустыннѣе, а небо свѣтлѣе. Андрей стоялъ на деревянныхъ мосткахъ, окружавшихъ недостроенный домъ, прислонившись спиною къ забору, и когда потемнѣли послѣднія окна въ губернаторскомъ домѣ, онъ невольно поднялъ глаза къ небу: тихій мягкій свѣтъ его сталъ замѣтнѣе, когда погасли рѣзкіе, желтые человѣческіе огни. Не было больше пустыхъ и темныхъ междузвѣздныхъ пространствъ: все мерцало миріадами живыхъ свѣтящихся точекъ, то приближающихся, яркихъ, то уходящихъ въ бездонную глубину, изъ которой непрерывно сіяли только загадочныя фигуры созвѣздій. Дымъ млечнаго пути несся отъ одного края неба къ другому, бѣлый и прозрачный... Ясный морозный воздухъ освѣжилъ голову. Сердце стало биться ровнѣе.

Все это было уже,—мелькнуло въ умѣ Андрея: — такой-же сонъ, то-же самое небо и снѣгъ. Далекое воспоминаніе тревожно зашевелилось и всплыло въ сознаніи. Безъ словъ, безъ именъ, всталъ въ воображеніи родной городъ, и злая обида отъ людей, прочитавшихъ его дѣтское влюбленное признаніе и прогнавшихъ его изъ дома, гдѣ онъ из-

вѣдалъ первое обманчивое счастье. Ничего похожаго не было въ обстоятельствахъ, но такое-же отчаяніе и изнеможеніе было въ душѣ, такъ-же мелькали сначала злые городскіе огни и также раскрылось надъ головою и успокоило далекое и холодное небо, разстилавшееся надъ спящей землею, занесенной пухлымъ бѣлымъ снѣгомъ. Онъ думалъ тогда, что умираетъ, что ничего больше не нужно. И откуда-то нашлись силы жить дальше, побѣждать отчаяніе и тоску, работать, добиваться своего, ожила мало-по-малу вѣра въ себя. Неужели-же теперь ничего не осталось?.. Надо только найти начало, за что взяться.

Но истомленная мысль не находила никакого начала.

Андрей спѣшилъ домой, едва держась на ногахъ отъ усталости. Далекое свѣтлое небо ушло изъ глазъ. Отчаяніе и страхъ снова подступали къ нему, и онъ тщетно старался отгонять ихъ. Только приняться, приняться скорѣе, сейчасъ-же,—твердилъ онъ. Но эти слова точно высыхали, теряли весь свой смыслъ по мѣрѣ того, какъ онъ повторялъ ихъ.

V.

Андрей сидѣлъ у стола надъ раскрытой книжкой журнала и читалъ вялую и неясную статью. Это была компиляція одного новаго сочиненія объ «экономическихъ факторахъ прогресса». Уже нѣсколько вечеровъ подрядъ Андрей заставлялъ себя браться за эту книгу. Разрѣзанныя страницы обтрепались по краямъ, уголки свернулись, а статья не была прочитана и до половины. Иностранное сочиненіе, излагаемое въ журналѣ, по словамъ автора статьи, надѣлало много шума за границей, и Андрею было неловко и страшно сознавать, что онъ съ такимъ трудомъ и неохотой одолѣваетъ эту компиляцію. Иногда ему начинало казаться, что самая статья плохо составлена, потомъ приходила мысль, что онъ отвыкъ читать и думать о серьезныхъ вопросахъ, что онъ отупѣлъ среди окружающихъ его людей. И отвлекаясь отъ вопроса объ «экономическихъ факторахъ прогресса», онъ со злостью и отчаяніемъ думалъ только о своей судьбѣ. Тоскливое раздраженіе разливалось по всему его тѣлу. Онъ поднимался, проводилъ рукой по холодному лбу, безпокойно прислушивался, ожидая какого-нибудь живого рѣзкаго звука. Всѣ въ домѣ спали. И на улицѣ было темно и тихо. Ничто не мѣшало читать, ни на кого и ни на что нельзя было разсердиться, какъ на помѣху. Нельзя было оправдать себя и усталостью послѣ канцелярской работы: сегодня былъ праздникъ, онъ всталъ поздно и весь день не выходилъ изъ дому, сказавъ женѣ, что будетъ работать. Она проходила мимо него на цыпочкахъ и, обертываясь, онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ ея испуганный и благоговѣйный взглядъ.

Ему былъ нестерпимъ этотъ взглядъ, выражавшій ея преувеличенное представленіе о важности его занятій. Теперь Анюта спала, ничто не развлекало его. Но тишина спящаго дома была томительнѣе всякихъ помѣхъ. Онъ смотрѣлъ, сколько страницъ прочелъ и сколько осталось, и самъ начиналъ стыдиться этого ученическаго отношенія къ книгѣ. Онъ искалъ въ книгѣ другихъ статей, разрѣзалъ свѣжіе, плотно слежавшіеся листы,—но все казалось скучнымъ. Критическія замѣтки о книгахъ, которыхъ онъ не видѣлъ и, можетъ быть, никогда не увидитъ, продолженіе переводнаго романа—какая-то бѣлокурая Агнеса, разговаривающая съ господиномъ фонъ-Шноллеромъ, статья о вексельномъ курсѣ, о микроорганизмахъ... Ничто не было интересно. Ни одинъ вопросъ не задѣвалъ его. И опять онъ говорилъ себѣ, что тупѣетъ отъ этой жизни. Онъ оттолкнулъ книгу, всталъ и положилъ на стекло лампы широкую спичечную коробку. Огонь взвился, заметался вмѣстѣ съ чернымъ дымомъ и задохся.

Андрей прошелъ въ спальню и раздѣлся съ напряженной осторожностью, чтобы не разбудить жену. Она обыкновенно просыпалась, когда онъ входилъ. Ему мучительно не хотѣлось этого. Тусклый ночникъ горѣлъ въ комнатѣ подлѣ окна, наглухо закрытаго ставнями. Анюта тихо и крѣпко спала. Тонкая бѣлая рука ея свѣшивалась изъ-подъ одѣяла. Андрей невольно смотрѣлъ на эту руку и на падавшую отъ нея темную тѣнь. Огонь ночника колебался отъ неуловимаго движенія воздуха. Бѣлая тонкая рука была до странности близко. Воздуху не хватало въ этой узкой и низкой комнатѣ, закупоренной ставнями. Когда тѣни отъ ночника вздрагивали и скользили по шероховатой стѣнѣ съ отставшими обоями, казалось, что вся стѣна колеблется, медленно придвигаясь. Грудь болѣла, словно что-то лежало на ней. Онъ открылъ глаза и сбросилъ съ груди собственную руку. Какая тяжелая.

Духота становилась все несноснѣе. Тѣло точно наливалось расплавленнымъ свинцомъ, неподвижно застывающимъ на поверхности. Онъ хотѣлъ двинуть рукой, но рука была не свободна: она упиралась въ стѣну. Онъ понялъ во снѣ, что ему нельзя было двинуть руками, потому что иначе все обрушится и задавитъ его. Онъ долженъ былъ удерживать страшную тяжесть и напрягалъ всѣ силы, но она уже навалилась на грудь и давила острыми углами. Мучительный ломъ распространялся въ костяхъ. Онъ хотѣлъ столкнуть тяжесть, но руки его стали дряблыми, длинными, какъ змѣи, и безсильно обвивались вокругъ тѣла. У него не было рукъ. Какія-то волосы попали въ ротъ и душили его. Онъ чувствовалъ что умираетъ.

— Андрюша!—раздался испуганный голосъ жены.

Онъ проснулся въ темнотѣ, не понимая гдѣ.

— Что ты такъ страшно стоналъ? Я такъ испугалась.

— Ахъ, Боже мой!.. Развѣ я стоналъ?.. Сонъ приснился... руки...

— Какія руки? Что ты, Андрюша, Господь съ тобою!.. Тутъ ночникъ погасъ.

— Да, да! Ночникъ. Душно.

Андрей опять заснулъ. Кошмары не переставали мучить его всю ночь.

VI.

Утромъ Анютѣ едва удалось добудиться мужа. Нѣсколько разъ она подходила къ его постели, говоря что онъ проспалъ. У него не хватало силъ и воли подняться. Обыкновенно онъ былъ аккуратенъ со службой, но сегодня ему было это безразлично. Теперь ужъ все равно опоздалъ, говорилъ онъ себѣ и закрывалъ тяжелыя вѣки.

— А-гу-гу! А-гу-гу!—раздавался въ сосѣдней комнатѣ тонкій голосъ прислуги, которая держала въ рукахъ дѣвочку, притопывала и приговаривала разный вздоръ.

— А ну-ка, пойдемъ будить папу! пойдемъ будить папу!—сказала Анюта, принимая дѣвочку изъ рукъ прислуги. — Что это онъ у насъ сегодня такъ разоспался?

Увидавъ въ дверяхъ жену съ ребенкомъ, Андрей немедленно приподнялся.

— Я встаю!—хмуро сказалъ онъ.

Андрой съ чувствомъ облегченья вышелъ за ворота. Свѣтлое утро поразило его. Тихій слегка морозный воздухъ былъ прозраченъ. Солнце играло въ холодномъ сверкающемъ небѣ. Давно уже онъ не видѣлъ такого яркаго бодрящаго свѣта. На улицахъ было спокойно, безлюдно. Сѣрые дома съ закрытыми чернѣющими окнами замкнули въ себѣ житейскую суету обывателей.

Андрей шелъ неторопливой походкой, не думая о службѣ. Разгоряченное въ постели тѣло остывало, но усталость, ломота и ощущеніе пустоты въ мозгу не проходили. Обрывки томительныхъ ночныхъ сновидѣній всплывали въ памяти и таяли въ солнечномъ свѣтѣ. Отдаленныя воспоминанія всплыли въ душѣ. Идя въ гимназію, мальчикомъ, онъ также радостно встрѣчалъ на улицѣ морозъ и солнце. Онъ незамѣтно перенесся въ прошедшее. Онъ былъ полонъ вѣры въ свои силы. Каждый день былъ шагомъ впередъ. Онъ все ждалъ...

Андрей машинально сошелъ съ тротуара, чтобы перейти улицу и увидѣлъ зданіе контрольной палаты. Оно выросло передъ нимъ неожиданно, со своимъ плоскимъ желтымъ фасадомъ, и мутно глянуло черными запылившимися окнами. Точно кто-то грубо загородилъ дорогу. Сразу исчезъ изъ глазъ солнечный свѣтъ. Руки и ноги отяжелѣли. Андрей вспомнилъ, что было уже поздно, что онъ опоздалъ по-край-

ней мѣрѣ на цѣлый часъ. Этого еще не случалось съ нимъ. И мысль, что тамъ теперь уже говорятъ о его неаккуратности и будутъ говорить съ нимъ вызвала въ душѣ непріятное стѣсненіе. Онъ обозлился на себя. Что это? Страхъ передъ начальствомъ, передъ этими тупыми чиновниками, которыхъ онъ еще недавно презиралъ? Онъ остановился съ бьющимся сердцемъ на крыльцѣ и вдругъ, рѣшительно повернувшись, пошелъ назадъ. Не пойти, совсѣмъ не пойти туда... Онъ возвращался домой, чувствуя внутри легкую дрожь, оставшуюся отъ внезапной рѣшимости. Ему неясно было: рѣшился ли онъ не пойти туда только сегодня или совсѣмъ? Кажется, въ первую минуту онъ сказалъ себѣ, что совсѣмъ не вернется. Жена удивится его возвращенію. Что сказать ей? Нужно было обдумать, разобраться въ своихъ мысляхъ. Опять чувство стѣсненія охватило его и перешло въ отчаяніе. Не было мѣста, куда бы онъ могъ спрятаться отъ унизительныхъ допросовъ, не было свободы, ничего нельзя было сдѣлать, такъ чтобы объ этомъ не говорили, не приставали. Онъ побрелъ по какому-то переулку, въ сторону отъ дома и сейчасъ же почувствовалъ усталость. Ему хотѣлось лечь и закрыться, не видѣть раздражающаго солнечнаго свѣта. Выйдя къ базару онъ невольно подумалъ, что и здѣсь можетъ встрѣтить жену или прислугу. Торговля ужстихала, но какія-то женщины еще суетились подлѣ маленькихъ лавчонокъ съ жирной красной говядиной и общипанными мороженными гусями. Большой висящій внизъ головой тетеревъ глядѣлъ мутными мертвыми глазами. Кучи грязнаго картофеля и капусты навалены были на рогожахъ, разостланныхъ по землѣ. Подлѣ лавки съ рыбой, откуда несся противный запахъ, бабы крикливо ругались съ продавцомъ. Андрей быстро пошелъ дальше по грязному стоптанному снѣгу, на которомъ валялись клочки сѣна и разные дрянные отбросы. Повернулъ на улицу, гдѣ кажется еще никогда не былъ. Опять потянулась плоская дорога съ однообразными островерхими домишками по сторонамъ. Старенькая церковь, съ зеленой крышей и большимъ синимъ шаромъ подъ крестомъ, показалась ему знакомой. Сразу вспомнилось вѣнчаніе съ Анютой два года тому назадъ. И номера почти напротивъ церкви. Здѣсь онъ остановился, уѣхавъ отъ Бибиковыхъ, по дорогѣ въ Петербургъ. Безсонная ночь передъ свадьбой... Онъ понималъ, что дѣлаетъ непоправимый, невозможный шагъ. Вотъ въ этомъ домикѣ жилъ священникъ, къ которому они тогда пошли вмѣстѣ со старикомъ Манухинымъ. Манухинъ говорилъ съ нимъ дорогой о предстоящей свадьбѣ. Мѣщанская свадьба. Воспоминанія были не отчетливыя, расплывчатыя, но вмѣстѣ съ ними приходило ощущеніе мягкаго удушающаго гнета и своего безсилія. Какія-то противныя, щекотливыя подробности силились всплыть въ памяти. Что это? Продолженіе ночного кошмара. Некуда выбраться, обступаетъ со всѣхъ сторонъ, нельзя уйти.

Андрей, наконецъ, остановился. Улица вывела на берегъ рѣки, замерзшей и занесенной снѣгомъ. Деревянная изгородь шла вдоль набережной. Онъ облокотился на нее и долго, жмурясь отъ свѣта, безотчетно смотрѣлъ, какъ мужики ворочали подлѣ проруби большіе зеленовато-прозрачныя глыбы льда.

Ноги и руки совсѣмъ окоченѣли. Глаза заболѣли отъ свѣта. Онъ подумалъ, что надо уйти. Куда? спросилъ онъ себя. Городъ былъ у него за спиной, и тамъ его домъ и контрольная палата, церковь, гдѣ его вѣнчали, грязный, вонючій базаръ. И также, какъ передъ дверью контрольной палаты онъ со злостью сказалъ себѣ, что не хочетъ идти туда, онъ и теперь повторилъ себѣ, что не хочетъ и не пойдетъ. И подумавъ это. онъ усмѣхнулся озябшими губами. А дальше? Что нужно было сдѣлать? Перестать жить, убить себя? Броситься въ эту прорубь? Онъ подумалъ объ этомъ не совсѣмъ серьезно. Несмотря на острый жгучій морозъ, сжимавшій ноги и руки, ему было теперь физически хорошо и думать о смерти не хотѣлось. Изъ-за чего собственно? спросилъ онъ себя, стараясь образумиться. Этотъ городъ, служба, всѣ эти безобразные мѣсяцы съ тоской и кошмарами—это началось недавно. Въ Петербургѣ этого не было, хотя нужда не давала покою. Онъ просто не могъ тамъ устроиться. Всѣ проходятъ черезъ это. Женитьба выбила изъ колеи. Не оглядѣлся первое время послѣ университета. Всего одна зима прошла такъ. Можетъ быть, самъ былъ виноватъ,—не былъ достаточно смѣлъ и энергиченъ, точно отдыхалъ послѣ учебныхъ годовъ. Нельзя разобрать, былъ-ли виноватъ—это все равно. Главное не надо было сворачивать съ дороги, уѣзжать, поступать на службу. Развѣ онъ думалъ когда-нибудь служить въ канцеляріи. Если-бы ему сказали объ этомъ раньше, когда онъ былъ въ гимназіи и университетѣ, онъ-бы засмѣялся. Съ дѣтства мечтать Богъ знаетъ о чемъ—и потомъ—такъ! Закабалить себя, застрять въ глуши, одурѣть до того, что нѣтъ силъ прочесть журнальную статью. Въ университетѣ всѣ считали его способнымъ, онъ выдвигался, профессора возлагали на него надежды. Еще такъ недавно. Зачѣмъ онъ не пошелъ къ кому-нибудь изъ нихъ прошлой зимой, не попросилъ о помощи, о поддержкѣ?.. Вспомнилась одна попытка. Глупо вышло. Бездушный человѣкъ. Но вѣдь не одни-же профессора на свѣтѣ. Онъ просто не успѣлъ оглядѣться—тамъ, въ Петербургѣ.

И новая надежда хлынула ему въ душу. Вернуться туда, бросить этотъ городъ, уѣхать — пока одному, чтобы начать все снова. Такъ просто и ясно.

VII.

Анюта быстро шла по тротуару и смерзшійся снѣгъ хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ ея ногами. Было темно, морозно. Легкій, сухой туманъ стоялъ въ воздухѣ. На улицахъ было оживленіе рождественскихъ праздниковъ. Кучки мастеровыхъ шатались по тротуарамъ. Попадались чаще обыкновеннаго извозчики съ сѣдоками, бойко подгонявшіе лошадей. Въ окнахъ было больше свѣта.

Анюта спѣшила. Ей хотѣлось придти домой до возвращенія мужа, котораго зазвалъ къ себѣ одинъ изъ учителей гимназіи, сдѣлавшій ему недавно визитъ. Анюта только что узнала отъ отца радостную вѣсть. Цѣлый мѣсяцъ они съ отцомъ хлопотали о повышеніи Андрея по службѣ, о прибавкѣ ему жалованья. Наконецъ, это удалось.

— Вернулся баринъ? — спросила она у открывшей дверь прислуги, сбрасывая шубку.

— Нѣтути, не приходили

— А Лялечка?

— Лялечка ничего, умненькія были, все гуляли. Обѣдать-то сейчасъ будете?

— Нѣтъ, что ты, вотъ еще! Баринъ хотѣлъ къ пяти часамъ вернуться.

Анюта поспѣшно прошла въ спальню, сѣла подлѣ коляски, въ которой спала дѣвочка и, склонившись надъ нею, съ нѣжностью прислушивалась къ ея ровному сонному дыханію. Ей хотѣлось дать волю воображенію и думать о томъ, какъ все устроится черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Андрей будетъ занимать подобающее ему мѣсто по службѣ и прекратятся мученія съ незаплаченными долгами. Но въ глубинѣ ея души не прекращалась тревога. За послѣдній мѣсяцъ Андрей замѣтно измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ ней. Онъ сталъ мягче, спокойнѣе, не раздражался, но всячески избѣгалъ ея. Ей было больно и грустно, и она много разъ плакала въ тихомолку и молилась. Когда она заговаривала съ нимъ о домашнихъ дѣлахъ, о разныхъ непріятностяхъ съ долгами, которые прежде волновали и сердили его, онъ слушалъ ее до странности равнодушно и все думалъ о чемъ-то своемъ. И вспоминая теперь о только что полученномъ радостномъ извѣстіи, Анюта не знала, какъ Андрей отнесется къ нему.

Поздно ужъ, не идетъ! — подумала она, и пошла въ кухню. Прислуга ворчала, указывая на разварившуюся говядину.

— Седьмой часъ никакъ!

— Ну гдѣ-же седьмой! Сейчасъ придетъ, — старалась она успо-

коить ее и себя, чувствуя по своему голоду, что было, въ самомъ дѣлѣ, очень поздно, и отрѣзывая себѣ кусокъ говядины.

Въ передней зазвенѣлъ дребезжащій колокольчикъ. Анюта раскраснѣлась и побѣжала открыть дверь.

Андрей вошелъ нѣсколько возбужденный.

Добрый!—подумала она и стала осторожно стягивать съ него пальто.

— Лампу зажги скорѣй. И супъ неси!—сказала она прислугѣ.

— А я ужъ обѣдалъ,—отвѣтилъ Андрей.

Она смутилась.

— Ты, кажется, тоже не дождалась меня,—сказалъ Андрей, взглянувъ при свѣтѣ зажигаемой лампы на ея лицо и замѣтивъ, что верхняя губа ея слегка покраснѣла и припухла, какъ у человѣка, который, проголодавшись, ѣлъ что-нибудь горячее. Лицо ея, краснѣя, дѣлалось вульгарнымъ.

— Такъ не надо обѣда,—сказала она прислугѣ.—Все равно, на ужинъ останется.

И остановившись у стола, она слѣдила за мужемъ безпокойнымъ. допытывающимся взглядомъ.

— Онъ ничего себѣ, Скарятинъ,—замѣтилъ Андрей, какъ-бы говоря съ самимъ собой.—Почитываетъ кое-что.

— Ты у него и обѣдалъ?—спросила Анюта, приспособляясь невольно къ его тону, но думая о томъ, какъ-бы заговорить о дѣлѣ.

— Да.

Андрей былъ опять погруженъ въ свои мысли.

— А знаешь, Андрюша,—не выдержала Анюта.—Что папа устроилъ? Тебѣ съ Новаго года жалованья прибавятъ.

Онъ сначала посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, какъ будто не совсѣмъ разслышалъ ея слова, потомъ слегка поморщился и, опустивъ глаза, выговорилъ съ упрекомъ:

— Это ты хлопотала?

— Нѣтъ, Андрюша! Почему-же ты думаешь?.. Сами тамъ...

— Сами? А что-же ты сказала про отца?

Она молчала и, растерянно моргая глазами, смотрѣла на него. Нѣсколько времени оба они молчали.

— Послушай, Анюта! заговорилъ, наконецъ Андрей.—Я тебѣ хотѣлъ сказать: Ты напрасно хлопотала, потому что... видишь ли... Я думалъ обо всемъ этомъ. Я не останусь...—Онъ искалъ словъ, простыхъ и понятныхъ ей, и не находилъ. Онъ столько времени откладывалъ объясненіе съ женою и дождался того, что приходилось вдвойнѣ огорчить ее.

Анюта съ испугомъ смотрѣла на его поблѣднѣвшее лицо. Во взглядѣ его карихъ глазъ чувствовалось безпокойство и напряженіе.

— Я здѣсь не выдержу, продолжалъ Андрей, начиная волноваться, какъ будто ему уже мѣшали привести въ исполненіе его мысль.— Я не могу этого. Эта служба—это омутъ какой-то. Ты знаешь, я пытался. Но я не могу. Это мертвечина...

— Я не понимаю, что ты говоришь—мертвечина?—прошептала она.

— Эта служба, Анюта, эта служба... я не могу...

— Но вѣдь ты же самъ хотѣлъ, вѣдь ты согласился, когда я писала папѣ!

— Да. Согласился.—Потому что ѣсть было нечего съ женой и ребенкомъ,—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь передъ самимъ собою, и сейчасъ же понялъ, что этимъ еще болѣе запутывалъ и безъ того мучительный разговоръ.

— Такъ какъ же? Теперь?..

— Я рѣшилъ бросить, Анюта. Я не могу, что бы ни было... Я здѣсь голову себѣ разобью объ стѣны. Человѣкъ не долженъ... Я задыхаюсь, я душу свою продалъ. Если я чего-нибудь стою. .

Не поднимая глазъ, онъ невольно смотрѣлъ на ея небольшія руки, съ лиловатыми кружечками, какъ у четырнадцатилѣтней дѣвочки. Онѣ дрожали все сильнѣе и прижимались къ ея старенькому, выцвѣтшему клѣтчатому платью, тѣсному въ груди. Потомъ одна изъ нихъ стала теребить вздрагивающими пальцами зеленыя стеклянныя пуговки платья съ такою силою, точно она хотѣла оторвать ихъ.

Андрей отвернулся, чтобы не видѣть этихъ трепещущихъ рукъ.

— Если я что-нибудь стою, я долженъ порвать, уѣхать... въ Петербургъ.

— А жить? На что же мы тамъ жить будемъ?—съ усиліемъ проговорила Анюта.—Я... я не понимаю, Андрюша.

— Жить! О Господи! Ты говоришь такъ... Лучше съ голоду умереть, Анюта. Пойми—лучше съ голоду...—Онъ остановился, замѣтивъ, какъ она конвульсивно взмахнула руками.—Все равно... Пойми, я рѣшилъ. Я не могу иначе. Лучше все бросить и уѣхать, чѣмъ... Ты останешься у отца.

Она молчала и онъ взглянулъ ей въ лицо. Ея пересохшія, скоробившіяся губы тряслись и сжимались. Глаза были закрыты и по вѣкамъ пробѣгала судорога.

— Анюта!—окликнулъ онъ, ища спокойныхъ вразумительныхъ словъ.—О чемъ ты, Анюта? Ты пойми,—ты не поняла меня. Какъ только я устроюсь, я выпишу тебѣ.

— Нѣтъ! проговорила она съ отчаяніемъ, сквозь зубы.

— Какъ нѣтъ? Развѣ ты не вѣришь мнѣ?

— Нѣтъ!—повторила она.—Нѣтъ, я знаю... я чувствую... Ты не

хочешь, не хочешь... со мной жить... Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ ты... Ты не хочешь... Ты...

Рыдающій крикъ вырвался ея груди. Она пошатнулась и склонившись на бокъ къ столу, тяжело уронила на него руки и голову.

— Анюта!—окликнулъ Андрей встревоженнымъ голосомъ. Ей было дурно. Онъ понялъ это и съ чувствомъ мимолетнаго холода, пронизавшаго его тѣло, вышелъ, чтобы принести ей воды. Она пришла въ себя и безсильно, вяло дала увести себя въ спальню. Онъ неумѣло разстегнулъ ея платье, чтобы ей было легче дышать и, взявъ ея холодныя повисшія руки, крѣпко сжалъ ихъ. Она притянула его къ себѣ и не отпускала, ничего не говоря, глядя на него помутившимися глазами, въ которыхъ не было ни протеста, ни мольбы.

VIII.

Рѣшеніе, созрѣвшее въ душѣ Андрея, было твердо и ясно. И съ той минуты, какъ онъ впервые высказалъ его себѣ, всѣ впечатлѣнія и ощущенія жизни стали для него легче и прозрачнѣе. Настоящее съ его невзгодами и заботами застлалось свѣтлымъ туманомъ мечты. То, что ожидало его впереди, было неопредѣленно: онъ не представлялъ себѣ, какъ онъ устроится, что будетъ дѣлать. Но самая эта неопредѣленность казалась выходомъ изъ той тѣсноты, въ которой онъ жилъ послѣднее время.

Дни мелькали за днями, монотонные, но уже не давящіе. Андрей ходилъ на службу и ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ рѣшеніи. Онъ чувствовалъ самъ, что сталъ недобросовѣстенъ въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ, и думалъ что всѣ должны были замѣчать это. Но, повидимому, никто не замѣчалъ. Его не любили, говорили съ нимъ холодно и сухо, давали понять, что онъ не ко двору. Но это не смущало его. Онъ думалъ о томъ, что скоро все это кончится, и съ легкой насмѣшкой смотрѣлъ вокругъ себя, прислушивался къ глупымъ разговорамъ о городскихъ новостяхъ, о картахъ, а какомъ-то скандалѣ между городскимъ головою и губернаторомъ, о желѣзной дорогѣ, которая скоро должна пройти черезъ городъ. Онъ зналъ, что уѣдетъ гораздо раньше, чѣмъ пройдетъ желѣзная дорога.

Со времени послѣдняго разговора съ женой, онъ вошелъ однако въ новую полосу мыслей и настроеній. Прежде чѣмъ уѣхать, необходимо было пристроить жену и ребенка. Для этого было только одно средство: убѣдить тестя въ необходимости отъѣзда и попросить его взять на время дочь и внучку къ себѣ. Манухинъ и безъ того не переставалъ мучиться семейной жизнью дочери: Анютѣ не всегда удавалось скрыть отъ отца свои горести. Андрей зналъ это и понималъ, что его новые планы, ко-

торыхъ не хотѣла признать и Анюта, должны показаться старику неосновательными, и что содержать дочь съ ребенкомъ будетъ ему нелегко. Послѣднія грошевыя сбереженія старика ушли на поддержку зятя прошлой зимой. Онъ вошелъ даже въ долги, которыми тяготился. Андрей предвидѣлъ всѣ возраженія, которыя сдѣлаетъ ему тесть и, не находя никакихъ отвѣтовъ на эти возраженія, сердился на жену и на тестя, не переставая сознавать виноватымъ себя одного и мучительно стыдясь своего несправедливаго гнѣва. Онъ опять чувствовалъ себя въ порочномъ кругѣ раскаянія и раздраженія. Жалость къ этимъ недалекимъ, чуждымъ для него людямъ, съ которыми онъ связалъ свою судьбу, смѣшивалась съ досадой и терзала его. Онъ то терялъ терпѣніе и не спалъ ночи, придумывая увѣщанія, понятныя Анютѣ и ея отцу, говорилъ себѣ, что завтра-же покончитъ эту томительную неопредѣленность и негодовалъ на свое малодушіе. то снова впадалъ въ нерѣшительность и отчаяніе. Нѣсколько разъ Манухинъ самъ заходилъ къ дочери. Андрей, ссылаясь на спѣшныя занятія, запирался въ другой комнатѣ и, прощаясь со старикомъ, не смѣлъ смотрѣть ему въ глаза.

Подходила весна. Снѣгъ началъ таять. Андрей зналъ, что нужно было торопиться, потому что лѣтомъ Петербургъ опустѣетъ и онъ не сможетъ найти никакихъ занятій. А дуновеніе весенняго вѣтра шевелило новыя надежды. Свѣтлая ширь ощущалась за предѣлами города.

Въ одинъ изъ праздничныхъ апрѣльскихъ дней Андрей пошелъ къ тестю съ тревогой въ сердцѣ. Объясненіе, какъ и ожидалъ Андрей, вышло тяжелое, волнующее, длинное. Старикъ не вѣрилъ въ то, что Андрей найдетъ мѣсто въ Петербургѣ. Сердясь, краснѣя и удерживаясь отъ рѣзкихъ словъ, онъ повторялъ все одну и ту же фразу:

— Э, голубчикъ, что вы толкуете! Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Вѣрное на невѣрное мѣнять!

Андрей былъ сухъ. Онъ хотѣлъ быть деликатнымъ и убѣдительнымъ, но это не удавалось. Онъ усталъ, почувствовалъ, что спорить не стоитъ, что онъ самъ начинаетъ повторяться.

— Ну что-же дѣлать! Видно, мнѣ васъ не убѣдить, — сказалъ онъ. — Я хотѣлъ-бы только знать... Вы согласитесь, что мнѣ нужно знать... Могу я все-таки просить васъ пріютить у себя Анюту съ ребенкомъ, пока я не буду имѣть возможности...

— Вы мнѣ объ этомъ не говорите, голубчикъ! — перебилъ Манухинъ. — На счетъ этой самой возможности вы ужъ позвольте мнѣ сохранить свое мнѣніе. Я старикъ, у меня свой опытъ.

— Но вы поймете...—выговорилъ Андрей, не зная, что сказать дальше.

— Я-то понимаю,—перебилъ старикъ съ блескомъ въ глазахъ, съ которыхъ онъ смахивалъ набѣгающія отъ волненія слезы.—Я, вы меня

извините, имѣю такое правило: разъ вѣрю, а если ошибусь, такъ ужъ, не взыщите, обѣщаній не могу цѣнить.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Андрей, блѣднѣя отъ оскорбительныхъ намековъ.

— Что-жъ я вамъ буду говорить! Вы меня извините, у меня свои понятія. Если-бъ вы мою дѣвочку...

Онъ осѣкся и, отвернувшись, чтобы скрыть слезы, прибавилъ:

— Ну, Богъ вамъ судья, я васъ не хочу судить! Чужая душа...

Андрей чувствовалъ правоту въ его старческихъ упрекахъ и стоялъ передъ нимъ съ чувствомъ приниженности, отъ котораго дрожали его колѣни.

— Я думаю ѣхать въ самомъ непродолжительномъ времени,—сказалъ онъ, чтобы какъ-нибудь закончить разговоръ.

— Ваша воля!

— Я хотѣлъ только спросить васъ, — въ десятый разъ началъ Андрей:—могу я расчитывать, что Анюта, что вы...

— Да ужъ не оставлю мою Анюту на улицѣ, сами можете разсудить!—рѣзко отвѣтилъ Манухинъ.

Андрей съ трудомъ проговорилъ на прощаніе нѣсколько казенныхъ фразъ.

Кончено! подумалъ онъ на улицѣ, чувствуя одновременно физическое облегченіе и скребущую боль въ душѣ. Вопросъ былъ разрѣшенъ. Но въ прошедшемъ многое было слишкомъ неладно, и мысль о будущемъ смѣшивалась съ болѣзненными угрызеніями.

IX.

Рѣки еще не вскрылись. Послѣ теплыхъ весеннихъ дней, растопившихъ снѣга, опять наступили морозы. Но Андрей рѣшилъ не дожидаться пароходства и ѣхать до ближайшей станціи желѣзной дороги на лошадяхъ. Ѣзда по обтаявшей и снова смерзшейся дорогѣ была плохая, но силъ не было оставаться дольше съ глазу на глазъ съ женою, въ этой маленькой квартирѣ, взбудораженной и ободранной.

Накануне отъѣзда Андрей до поздней ночи сидѣлъ у своего стола, съ выдвинутыми ящиками, перебирая накопившійся тамъ бумажный хламъ, который не стоило вести въ Петербургъ. Нужно было, однако, нѣкоторое усиліе, чтобы покончить съ нимъ для сведенія счетовъ со всею полосою жизни, оставшейся позади. Казалось, что быть можетъ когда нибудь и зачѣмъ нибудь понадобится перечесть то или другое письмо, записку. Андрей просмотрѣлъ мелькомъ нѣсколько писемъ Фени, надорвалъ ихъ нетвердою рукой и бросилъ въ большую бѣльевую корзину, поставленную для этой цѣли у письменнаго стола. Глубже лежали связки

тетрадей. Андрей долго пересматривалъ свои студенческія работы, съ удовольствіемъ замѣчая въ нихъ признаки своего трудолюбія, своей начитанности по тѣмъ предметамъ, которые приходилось изучать въ университетѣ. Вотъ толстая, переплетенная, мелко исписанная тетрадь, занятая подробнымъ конспектомъ «Исторіи Греціи» Курціуса, цѣлая кипа мелкихъ замѣтокъ по разнымъ кропотливымъ трудамъ нѣмецкихъ ученыхъ изъ эпохи переселенія народовъ, переводы изъ Тацита, сдѣланные для себя, кандидатская работа, сопоставляющая историческую роль Хлодвига и Теодориха Великаго. Андрей невольно перелисталъ эту тетрадь, и ему показалось, что изложеніе было сдѣлано живо, а многочисленныя ссылки на авторовъ обличали серьезное отношеніе къ взятой темѣ. Странно!—сказалъ онъ себѣ.—Многія имена видишь сейчасъ точно впервые. Какъ испарилось! И сколько труда по одному вопросу. И какъ все это теперь ничтожно и ненужно, какъ мало оставило въ душѣ... Онъ отложилъ однако эту тетрадь въ сторону, какъ что нибудь имѣющее цѣну, и сталъ разбирать на краю выдвинутаго ящика шершавые, пыльные листы литографированныхъ лекцій по новой исторіи. Не успѣлъ тогда проштудировать какъ слѣдуетъ, хотѣлъ еще разъ перечесть на досугѣ... Нѣсколько тетрадокъ съ записями по другимъ университетскимъ предметамъ ничего не стоили: записи были коротки, небрежны, во многихъ мѣстахъ оборваны на половинѣ. Андрей разорвалъ ихъ. Потомъ бросилъ и тетрадь съ работой о Хлодвигѣ и Теодорихѣ. Все равно никогда не понадобится,—подумалъ онъ. — То, надъ чѣмъ буду работать теперь, совсѣмъ изъ другого... Потомъ онъ рѣшительно побросалъ одну за другой цѣлыя груды какихъ-то совсѣмъ ненужныхъ листовъ, исписанныхъ карандашемъ, и развязалъ пачку тетрадей съ гимназическими сочиненіями.

Онъ усмѣхнулся, глядя на эти тетради въ выцвѣтшихъ синихъ обложкахъ, съ кляксами и глупыми рисунками на поляхъ. Сколько лѣтъ хранилъ ихъ, воображалъ, что онѣ когда-нибудь станутъ драгоцѣнными документами для біографіи замѣчательнаго человѣка, Андрея Тропинина... Онъ явственно выговорилъ про себя эти слова, но въ глубинѣ его какое-то смутно-колыхавшееся чувство шептало, что насмѣшка надъ своими притязаніями сдѣлана только изъ скромности. Онъ уже понималъ, однако, что было приличнѣе не хранить дѣтскихъ тетрадей. Все равно,—дѣло не въ прошедшемъ, не въ ученическихъ воспоминаніяхъ, а въ томъ, что будетъ! Андрей рѣшительнымъ жестомъ швырнулъ тетради въ корзину. Но онѣ ударились плашмя о край корзины, при чемъ изъ нихъ выпала и отлетѣла въ сторону маленькая, сложенная, какъ аптечный порошокъ, записка. Андрей машинально развернулъ ее и сердце его дрогнуло. Какъ эта записка попала сюда?—спросилъ онъ себя, вглядываясь въ строки, написанныя еще нетвердой женской рукой.

Онъ перечелъ ихъ съ легкой болью внезапнаго нѣжнаго воспоминанія и на минуту закрылъ глаза. Странно! Онъ не помнилъ больше ея лица. Въ памяти остались только темные, золотящіеся локоны и глаза,—даже не самые глаза, а ихъ выраженіе, когда она смотрѣла на него, сидя на низенькомъ креслѣ въ своей свѣтлой комнатѣ и быстро говорила ему... Нѣтъ, онъ не могъ вспомнить, что она говорила тогда! Все расплылось.

Андрей сдѣлалъ движеніе головой, какъ бы стряхивая воспоминаніе, и улыбнувшись, съ легкой горечью и усмѣшкой сказалъ: «Первая любовь! Вотъ старина!» Онъ подержалъ въ рукѣ эту бумажку, неожиданно упавшую въ живую дѣйствительность изъ безплотнаго міра воспоминаній, и оглянулся, чтобы вложить ее, для сохраненія, въ тетрадь съ Хлодвигомъ и Теодорихомъ. Но эта тетрадь было уже брошена. Тогда онъ порвалъ въ мелкіе клочки и записку.

Въ глубинѣ ящика оставались только совсѣмъ ненужныя бумаженки, счеты, черновыя нѣкоторыхъ служебныхъ бумагъ. Андрей не сталъ ихъ пересматривать и задвинулъ ящики. Лампа горѣла на столѣ красноватымъ свѣтомъ, но съ улицы уже смотрѣло утро. Бѣлое, еще не окрашенное зарею небо мягко и грустно стлалось надъ спящимъ городомъ... Нужно было пойти и попробовать заснуть. Послѣдняя ночь здѣсь—сказалъ Андрей, вставая. Въ его душѣ было тускло, свѣтло, нѣсколько туманно, какъ на улицѣ при раннемъ разсвѣтѣ. Комната остыла за ночь, и легкій холодокъ пробѣгалъ по плечамъ. Андрей взглянулъ на огонь лампы и задулъ его. «Анюта!..» подумалъ онъ, съ щемящей тревогой взявшись за ручку двери. Быть можетъ, она не спала, какъ нѣсколько предъидущихъ ночей. Ему хотѣлось совсѣмъ не входить туда,—не видѣть, какъ она плакала. Но маленькій диванъ, стоявшій въ этой комнатѣ, на которомъ онъ могъ бы прилечь, былъ заваленъ корзинками и узлами. Андрей осторожно и робко пріоткрылъ дверь въ спальню и вошелъ. Анюта спала, склонивъ голову на подушку. Темныя рѣсницы ея склеились маленькими пучками — должно быть отъ слезъ, но полуоткрытыя губы дышали ровно, безмятежно. И дѣвочка спала въ своей коляскѣ, закинувъ голову, сбивъ одѣяло, разбросавъ пухлыя красныя ручки и ножки. Андрей постоялъ надъ нею съ какимъ-то новымъ для него чувствомъ. Какъ странно!—сказалъ онъ себѣ, впервые устанавливая таинственное соотношеніе между собой и этимъ ребенкомъ. Потомъ онъ осторожно закрылъ дѣвочку одѣяломъ, взглянулъ на Анюту съ легкимъ вздохомъ и, не раздѣваясь, прилегъ на постель.

X.

Подъ окнами раздался говоръ бубенцевъ. Запыхавшаяся прислуга прибѣжала сказать, что ямщикъ пріѣхалъ. Андрей, торопливо пившій чай, оставилъ свой стаканъ, почувствовавъ въ груди легкое щекотаніе, похожее на тошноту. Анюта, наскоро одѣтая въ старенькое платье, съ разбившимися волосами, съ измученнымъ лицомъ, все чего-то искала по угламъ комнаты.

— Ахъ, Господи, не забыть-бы,—повторяла она.

Увидѣвъ, что Андрей поднялся, она остановилась и устремила на него неподвижный взглядъ: она точно еще не вѣрила, что онъ, дѣйствительно, уѣзжаетъ. Но все было готово, ничто не задерживало. Андрей болѣзненно, виновато улыбнулся въ отвѣтъ на ея взглядъ. Она поблѣднѣла, замѣталась по комнатѣ и выбѣжала въ спальню.

— Дай!—сказала она быстро, выхватывая дѣвочку у прислуги.

Дѣвочка, выспавшаяся и разгулявшаяся, съ потными курчавившимися волосками и играющимъ блескомъ въ еще безсмысленныхъ глазахъ, что-то булькала. Анюта поднесла ее къ Андрею, держа стоймя около плеча, и усиленно вглядывалась въ нее, чтобы не смотрѣть на мужа. Андрей смущенно погладилъ дѣвочку по пухленькой щекѣ и взялъ ея крошечную круглую ручку съ коротенькими растопыренными пальцами. Онъ хотѣлъ сказать о ребенкѣ что-нибудь пріятное для матери—и не могъ.

Анюта не поварачивала головы.

— Ну, вотъ! Нужно, чтобы она научилась ходить къ тому времени, какъ вы пріѣдете въ Петербургъ,—нашелся, наконецъ, Андрей.

Анюта все молчала, стоя въ выжидательной позѣ, надѣясь, что онъ сдѣлаетъ то, что долженъ былъ, по ея мнѣнію, сдѣлать отецъ. Но онъ только еще разъ провелъ рукой по головѣ дѣвочки и сталъ безпокойно оглядываться.

— Что-жъ, ѣхать надо!—сказалъ онъ нерѣшительно.

Анюта обернулась, ища прислугу, чтобы отдать ей ребенка.

— Чемоданъ вынести?—спросила прислуга, вбѣгая въ комнату.

— Да, да. Тяжело, пожалуй... Дворника бы позвать,—сказалъ Андрей.

— Провалился куда-то, окаянный! Вотъ, какъ на зло...

Она потащила, кряхтя, тяжелый, старый чемоданъ. Андрей взглянулъ въ окно. На улицѣ, подлѣ экипажа, собралась кучка глазѣющаго народа. Изъ противоположнаго дома тоже смотрѣли какія-то лица. Двѣ сосѣдскихъ дѣвчноки залѣзли уже въ переднюю. Анюта попрежнему крѣпко сжимала въ рукахъ ребенка, не смѣя пошевельнуться, точно

боясь ускорить какимъ-нибудь лишнимъ движеніемъ отъѣздъ Андрея. Онъ надѣлъ пальто, дорожную сумку и шляпу.

— Ну вотъ! Кажется, все!

Онъ зналъ, что нужно было проститься съ женой,—проститься какъ-то особенно, потому что она ждала этого. Но, кромѣ легкой дрожи внутри, онъ ничего не чувствовалъ. Посторонніе глаза, смотрѣвшіе отовсюду, раздражали его и въ то-же время облегчали послѣднія минуты.

— Вотъ народъ! въ самый домъ пролѣзли! — сказалъ онъ вполголоса, какъ-бы оправдывая этимъ свою внѣшнюю холодность.

Анюта подумала, что можно было-бы пойти проститься въ спальню, но не имѣла духу высказать свою мысль.

— Ну, прощай!—проговорилъ Андрей неестественно твердымъ голосомъ и, быстро подойдя, слегка поцѣловалъ ее въ голову.

Совершенно ошеломленная, она не успѣла сказать ему ни одного слова,— онъ уже повернулся и выходилъ, захвативъ на столѣ ручной багажъ.

Андрей шелъ по двору, къ калиткѣ. Дворникъ попался ему навстрѣчу и сталъ просить на чай. Анюта догнала его, въ одномъ платьѣ и сказала, запыхавшись, что онъ захватилъ ея корзинку. Онъ опять виновато улыбнулся и, отдавъ кому-то корзинку, пошелъ садиться въ экипажъ. Это былъ старый тарантасъ,—деревянный, круглый коробокъ, на длинныхъ, высокихъ дрожинахъ, съ неспускающимся лубянымъ верхомъ, обтянутымъ рваной кожей. Маленькія, лохматыя лошаденки глухо погромыхивали большими бубенцами. Андрей влѣзъ по скользкой, наклонной подножкѣ и, неловко сѣвъ на кучу сѣна, велѣлъ ямщику садиться. Теплая рука схватила его руку, лежавшую на краю кузова. Онъ увидѣлъ залитое слезами лицо Анюты: она ловила его руку и тянулась къ ней губами. Сердце больно сжалось у него.

Лошади дернули экипажъ. Анюта невольно отклонилась.

— Трогать что-ли? готово?—сказалъ ямщикъ.

— Готово!

Еще на одно мгновенье мелькнуло лицо Анюты. Экипажъ двинулся. Ямщикъ, подбирая возжи, заёрзалъ на козлахъ, закричалъ на лошадей, ругая ихъ нелѣпыми словами. Отъ огромныхъ бубенцовъ-глухарей поднялся рѣзкій, безалаберный, непріятный гамъ. Андрей откинулся и сталъ слѣдить за убѣгающими мимо него маленькими, сѣрыми домиками...

Анюта постояла нѣсколько минутъ на улицѣ, пока экипажъ не скрылся изъ виду. Въ груди ея было пусто, — какъ будто даже и не тягостно. Только ноги тяжелѣли и гнулись. Она вошла въ комнату.

— Поѣхали нашъ Андрей Васильевичъ!—сказала прислуга, покачивая на рукахъ дѣвочку и беззаботно прихлопывая ее по спинѣ.

Анюта не отвѣтила. На полу валялись цѣлыя кучи бумаженокъ,

обрывки цвѣтныхъ обой, какихъ, казалось, нигдѣ и въ домѣ не было, какихъ-то мочалокъ, спичекъ. У опустѣвшаго стола стояла бѣльевая корзина съ надорванными бумагами, которыя надо было выбросить или сжечь. Стаканъ чаю, недопитый Андреемъ, съ кускомъ отломленной имъ булки на блюдечкѣ, бросился въ глаза Анютѣ и рѣзнулъ ее по сердцу. Она подошла къ столу и, взявъ стаканъ, стала пить этотъ остывшій чай, прижимая стекло къ дрожащимъ губамъ, давясь и не удерживаясь больше отъ слезъ, которыя горячими, ѣдкими струями бѣжали по щекамъ и наплаканнымъ вѣкамъ.

— Что-жъ, барыня, и намъ собираться надо. Скоро извощикъ-то нашъ пріѣдетъ? Вы когда съ нимъ уговорились?

— Ахъ, да... Я и забыла. Вчера Андрюша... баринъ... говорилъ съ нимъ...

Она слегка захлебнулась и закашлялась.

— Такъ какъ-же намъ теперь?

— А ты сбѣгай... сбѣгай сама... Я подержу Лялечку...

И, выговоривъ уменьшительное имя дѣвочки, она опять захлебнулась.

— Дай, дай мнѣ ее!

Она взяла ее на руки и, сѣвъ у окна, склонилась лицомъ къ ея головкѣ.

— Намъ, пожалуй, не двухъ-ли взять?—сказала прислуга.

— Да, да, пожалуй,—отвѣтила Анюта равнодушно, крѣпко прижимая къ себѣ дѣвочку, которую Андрей даже не поцѣловалъ на прощанье.

— По двугривенному давать?

— По двугривенному,—повторила Анюта. «Нѣтъ его больше!..» думала она. Ощущеніе его отсутствія, его исчезновенія въ неопредѣленную даль. на неопредѣленное время жгло и глодало ея сердце.

Андрей уже выѣхалъ изъ города. Трактиры, постоялые дворы и мелкія лавчонки, кучившіяся на краю города, остались позади. Тарантасъ неторопливо катился по скользкому шоссе, на которомъ обледенѣлая земля мѣшалась съ остатками снѣга. Утро было мягкое. Днемъ могла опять начаться оттепель, но слабый вѣтерокъ поднимался порою и обдавалъ свѣжестью легкаго мороза. Широкая плоская равнина была почти сплошь покрыта тонкимъ слоемъ осѣвшаго снѣга. Сухія былинки топорщились изъ-подъ него и тихо склонялись отъ движенія воздуха. Бѣлые пары облаковъ равномѣрно застилали небо. Надъ лѣсами, темнѣющими на горизонтѣ, спускались сизо-сѣрые туманы.

Въ душѣ у Андрея было такъ же тихо, пусто и неопредѣленно, какъ на этой широкой равнинѣ, тронутой пролетѣвшею весною и снова застывшей въ безмолвномъ ожиданіи ея возврата. Обрывки мыслей, замирающія ощущенія отъѣзда путались съ новыми впечатлѣніями. Длинная дорога лежала впереди. Лѣса медленно плыли навстрѣчу, а по сторо-

намъ бѣлѣла пелена снѣговъ, съ голубыми тѣнями, съ матовымъ, по-
рошистымъ налетомъ послѣдней метели. Сквозь бряканье и жужжанье
бубенцовъ, колокольчикъ звенѣлъ яснымъ, нѣжнымъ звономъ. Вдругъ
вспоминалась Анюта, ея лицо, залитое слезами подлѣ тарантаса въ ми-
нуту отъѣзда, и боль хватала за сердце, но воспоминаніе сейчасъ-же
закрывалось. Свѣжій вѣтерокъ дулъ въ лицо. Глыбы обрытаго лопатой,
обледенѣвшаго снѣга, искрящагося и плотнаго, высились подлѣ широкой
канавы, изъ которой торчали прутья кустарника. Лѣсъ обступалъ до-
рогу. Тарантасъ подвигался шагомъ,—то стуча колесами по бревнамъ,
наваленнымъ поперекъ дороги въ низинахъ, которыя заливала лѣтомъ
вода, то врѣзываясь въ нерастаявшій снѣгъ. Потомъ начались мрачные
пустыри—сведенный лѣсъ съ вывороченными обгорѣвшими пнями, съ
остатками сожженнныхъ древесныхъ стволовъ. Черныя головешки, уголь
и зола открывались на широкихъ проталинахъ. Хмурая, глухая сторона!

Ужъ много верстъ осталось позади. Экипажъ неторопливо подви-
гался по скользкой дорогѣ, слегка встряхиваясь и подпрыгивая. Бу-
бенцы жужжали, скрипѣли, гудѣли. Казалось, порою, что крики буй-
ной толпы доносились откуда-то, — стоны, угрозы. Слышался лай
огромной своры собакъ. Потомъ все сливалось въ неопредѣленное гу-
дѣніе или фантастическій грохотъ, сквозь который отчетливо несся нѣжный
голосъ колокольчика, безконечно долго тянувшій одну высокую ноту.
Иногда казалось, что стройный молитвенный хоръ поднимался среди
тревожнаго гомона и крика и тоже безконечно долго тянулъ одинъ и
тотъ-же музыкальный аккордъ, вновь заглушаемый жалобами и сто-
нами. Все сливалось въ сознаніи, сонъ заволакивалъ его. Ощущеніе
собственной жизни утрачивалось.

Промелькнула глухая, тихая деревушка, съ узкими улицами, съ
высокими сѣрыми избами, обшитыми и крытыми тесомъ, съ длинными
еловыми журавлями у колодцевъ. Бѣлесенькія ребятишки бросились от-
крывать плотную досчатую околицу. И деревня не была похожа на тѣ,
къ какимъ Андрей привыкъ въ своихъ родныхъ мѣстахъ... Опять по-
шелъ лѣсъ—густой, запутанный, темный. Старыя, толстыя ели, изсохшія,
мѣстами точно опаленныя, распяливали свои сучья. Серебряные и желтые
лишайники гнѣздились на ихъ стволахъ. Другіе лишайники, волок-
нистые, зеленовато-сѣрые, свисали съ вѣтвей книзу, точно вырванные и
зацѣпившіеся здѣсь клоки длинныхъ сѣдыхъ волосъ. Тихіе шорохи и
вздохи стараго лѣса пробуждали въ душѣ тревогу. Андрей откидывался
въ глубину экипажа и, закрывъ глаза, хотѣлъ отдаться мыслямъ и
мечтамъ. Но на душѣ было тяжело и туманно. Смутной загадкой вста-
вало передъ нимъ будущее.

Конецъ второй части.

Л. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На новыхъ мѣстахъ.

I.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ издавна пользуется особымъ вниманіемъ со стороны нашей экономической литературы. Но главнымъ предметомъ этого вниманія служитъ, выясненіе, во-первыхъ, того значенія, которое могутъ имѣть переселенія съ точки зрѣнія успѣшнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Европейской Россіи, и, во-вторыхъ, тѣхъ условій, при которыхъ переселенія устраивали-бы къ лучшему судьбу самихъ переселяющихся. Точно также весьма подробному изученію подвергнута обстановка, при которой происходило передвиженіе крестьянъ изъ различныхъ районовъ Европейской Россіи на «новыя мѣста», являющіяся конечною цѣлью ихъ часто безконечныхъ странствованій и мытарствъ. Когда-же эмигрирующіе покидаютъ одинъ изъ послѣднихъ «переселенческихъ пунктовъ», устроенныхъ правительствомъ для оказанія имъ возможной помощи на пути, то вмѣстѣ съ тѣмъ они какъбы удаляются за предѣлы сферы нашихъ наблюденій. Какъ живутъ переселившіеся на «новыхъ мѣстахъ», объ этомъ у насъ имѣются весьма скудныя и отрывочныя свѣдѣнія.

Только въ послѣднее время, отчасти по иниціативѣ мѣстной администраціи, а отчасти при содѣйствіи министерства земледѣлія и госуд. имуществъ, предприняли рядъ изслѣдованій въ интересахъ точнаго ознакомленія съ результатами заселенія Сибири свободными переселенцами изъ Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи особенную цѣнность имѣетъ произведенное А. А. Кауфманомъ подворное описаніе «хозяйственнаго положенія переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи» [1]). Вмѣстѣ съ изданными ранѣе «матеріалами

[1]) А. А. Кауфманъ. «Хозяйственное положеніе переселенцевъ водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губ.», т. I и II. Спб. 1895—96 г.

для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири» оно даетъ нѣкоторое представленіе какъ вообще объ условіяхъ хозяйственной жизни изслѣдованныхъ районовъ Сибири, такъ и о вліяніи ихъ на судьбу переселяющихся сюда крестьянъ изъ Европейской Россіи.

Подворная опись была произведена подъ руководствомъ А. А. Кауфмана въ 1894 г. Въ ней приведены данныя о хозяйственномъ положеніи переселенцевъ, прибывшихъ въ предѣлы Томской губ съ 1880 по 1893 г. и нѣкоторой части прибывшихъ въ 1894 г. Всего переписью зарегистровано 4,557 домохозяйствъ, въ составъ которыхъ входило 26,576 душъ. Но этими цифрами не исчерпывается число переселившихся въ Томскую губернію за данный періодъ времени. Въ перепись не вошла часть переселенцевъ, водворившихся въ селеніяхъ старожиловъ и образовавшихъ такъ называемые самовольные поселки, о существованіи которыхъ не всегда знаетъ даже истинная администрація.

Въ изслѣдованіи А. А. Кауфмана зарегистрованы и тѣ мотивы, которые побудили отдѣльныхъ переселенцевъ покинуть свою родину для поисковъ новой. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ отвѣты переселенцевъ не прибавляютъ ничего новаго къ тому, что уже извѣстно въ данной области. «Земельное утѣсненіе», «земля перестала родить», «надоѣло работать на другихъ», «слыхали о привольной сибирской жизни»—таковы большинство отвѣтовъ. Въ зависимости отъ условій, порождающихъ выселенія, распредѣляются и отдѣльные районы Европейской Россіи по числу переселившихся изъ нихъ въ предѣлы Томской губ. Въ этомъ отношеніи совершенно исключительное положеніе принадлежитъ Курской губ. Она дала Томской губ. 1,905 семействъ и 12,600 душъ новоселовъ, т.-е. чуть-ли не половину общаго числа ихъ. Остальное число ихъ распредѣляется между губерніями: Тамбовскою, Пензенскою, Симбирскою, Вятскою, Пермскою и нѣкоторыми другими. Затѣмъ, какъ видно изъ данныхъ переписи, новоселовъ для Томской губерніи даютъ даже сосѣднія сибирскія губерніи, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Тобольской.

На дальнѣйшую судьбу переселяющихся въ Сибирь рѣшающее вліяніе оказываетъ то обстоятельство, что они прибываютъ на «новыя земли» почти безъ всякихъ средствъ для обзаведенія хозяйствомъ. Хотя данныя переписи и рисуютъ положеніе переселяющихся съ этой стороны въ гораздо болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ свѣдѣнія, добываемыя переселенческими чиновниками, но все-таки оно представляется далеко не отраднымъ.

Пребывающіе безъ всякихъ средствъ или съ ничтожными средствами, совершенно недостаточными для обзаведенія хозяйствомъ на «новыхъ мѣстахъ», составляютъ среди переселяющихся подавляющее большинство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на весьма неблагопріятный признакъ, нужно указать, что относительное число ихъ постоянно возрастаетъ. Такъ изъ переселившихся въ Томскую губернію до 1886 г. крестьяне, прибывшіе вовсе безъ средствъ, составляли около 30 проц. общаго числа ихъ. Въ 1889 г. оно возрастаетъ до 45 проц. (605 сем. изъ 1,390), а въ 1892—93 гг. до 55 проц. (448 сем. изъ 777). Точно также и въ общемъ домохозяева, прибывающіе безъ всякихъ средствъ, даютъ наиболѣе значительный процентъ переселяющихся. Затѣмъ слѣдуютъ переселенцы съ «капиталами» до 25 р. на семью, составляющіе около 20 проц. общаго числа ихъ. Наконецъ около 10 проц. переселенцевъ принадлежатъ къ домохозяевамъ, имѣвшимъ по прибытіи на мѣсто свыше 200 руб. на семью. Остальные занимаютъ средину, представляя собою домохозяевъ средняго достатка.

II.

Мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ о размѣрѣ имѣющихся въ различныхъ районахъ Сибири свободныхъ и удобныхъ къ заселенію земель. Съ точки зрѣнія пригодности ихъ для земледѣлія, эти земли являются весьма мало изученными. Затѣмъ и самое изученіе ихъ представляется дѣломъ вовсе не столь легкимъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Для того, чтобы оцѣнить въ этомъ отношеніи каждый районъ и каждый участокъ въ отдѣльности, предназначенный къ заселенію, нужно располагать весьма значительными теоретическими и практическими свѣдѣніями въ данной области. Достаточнымъ контингентомъ лицъ съ такою подготовкой правительство не располагаетъ. Отсюда и гадательность цифръ, получающихся даже въ результатѣ произведенныхъ изслѣдованій.

Весьма краснорѣчивые примѣры такого положенія дѣла мы находили въ «Отчетѣ» г. предсѣдателя Высочайше утвержденной въ 1895 г. комиссіи по образованію въ Сибири переселенческихъ участковъ. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, указывается, что общій размѣръ земель, приготовленныхъ командированными партіями къ принятію переселенцевъ, долженъ составить къ 1 января 1896 г. не менѣе 166 т. душевыхъ надѣловъ. Такого запаса, по мнѣнію г. предсѣдателя, хватитъ для удовлетворенія переселенческаго движенія въ теченіе болѣе чѣмъ пятилѣтняго періода времени, если самое движеніе переселенцевъ не усилится сколько-нибудь значительно по сравненію съ 1895 г. Но далѣе мы находимъ въ отчетѣ цѣлый рядъ указаній на то, что далеко не всѣ приготовленные участки дѣйствительно пригодны къ заселенію. Такъ, относительно Акмолинской области сами чины устроительной партіи «не питаютъ увѣренности, что всѣ образованные ими участки въ достаточной мѣрѣ снабжены необходимыми угодьями». Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ заселеніе

участковъ дѣйствительно не могло состояться «по антисанитарнымъ условіямъ, намѣченныхъ для водворенія мѣстностей«. Въ Тобольской губ. «очень сомнительно качество нѣкоторыхъ группъ, участковъ, главнымъ образомъ въ юго-западномъ углу Ишимскаго округа». Затѣмъ особенно большія сомнѣнія возбуждаютъ участки, расположенные въ барабинской степи, многіе изъ которыхъ страдаютъ либо безводностью, либо недостаткомъ и недоброкачественностью угодій. Наконецъ, «едва-ли не рискованно заселеніе таежныхъ участковъ, намѣченныхъ бывшею томскою партіею въ Алтайской казенной таежной дачѣ». Такимъ образомъ, за изъятіемъ сомнительныхъ участковъ, общая площадь намѣченныхъ къ заселенію земель и опредѣленная въ 166 т. душевыхъ долей, болѣе или менѣе значительно сократится. Но, какъ оказывается, помимо отдѣльныхъ участковъ, изъ этой площади слѣдуетъ въ видахъ осторожности исключить даже цѣлые и весьма крупные районы. Къ нимъ нужно отнести, напримѣръ, 50 т. десятинъ, намѣченныхъ для заселенія въ Красноярскомъ округѣ, значительное число участковъ въ Ачинскомъ и Канскомъ округахъ, таежную мѣстность Алтайской казенной дачи, а также сѣверо-восточную и юго-западную окраины Барабы. Въ общемъ-же, «значительная доля участковъ, заготовленныхъ въ Енисейской губ. и восточной части Томской, а также въ урманахъ Тобольской губ., можетъ быть заселена лишь при извѣстномъ подборѣ переселенцевъ, способныхъ бороться съ суровыми условіями тайги и притаежныхъ мѣстностей». Что-же касается западно-сибирскихъ степей, то «пригодность къ заселенію значительной части образованныхъ участковъ будетъ въ большой мѣрѣ зависѣть отъ успѣха тѣхъ гидротехническихъ работъ, починъ которымъ уже положенъ нынѣ комитетомъ Сибирской желѣзной дороги» [1]).

Изъ этихъ фактовъ, повторяемъ, наглядно видно, насколько затруднительнымъ является дѣло такъ-называемаго упорядоченія переселенческаго движенія въ отношеніи подготовки пригодныхъ для заселенія участковъ. Съ другой стороны, конечно, подобнаго рода затрудненія весьма неблагопріятно отражаются на судьбѣ переселяющихся, являющихся объектомъ неудачныхъ попытокъ колонизировать тотъ или другой районъ. Такая судьба, напримѣръ, постигла весьма значительное число переселенцевъ, «водворенныхъ» въ началѣ 80-хъ годовъ въ Акмолинской области. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ мѣстной администраціей сдѣлано было все отъ нея зависящее для обезпеченія успѣшныхъ результатовъ заселенія. Въ объяснительной запискѣ по выработанному ею «положенію о колонизаціи», между прочимъ, говорилось, что учрежденный для этой цѣли особый комитетъ «теоретически почти исчерпалъ вопросъ»

---

[1]) Отчетъ предсѣдателя Высочайше утвержденной комиссіи для изученія и общаго направленія работъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ. Спб., 96 г.

объ условіяхъ заселенія Акмолинской орласти. При этомъ «много работы и труда было приложено мѣстной администраціей къ выясненію этой первостепенной важности задачи; собранные матеріалы были тщательно провѣрены». Результатомъ-же такого самаго тщательнаго изслѣдованія явился выводъ, что въ области можетъ быть поселено до 80 тыс. душъ. Затѣмъ уже были посланы межевщики для образованія самыхъ участковъ, причемъ имѣлось въ виду образовать изъ новыхъ поселеній «готовые этапные пункты для проходящихъ войскъ».

Опытъ, однако, показалъ, что часто и самыя тщательныя изслѣдованія не приводятъ къ желаемой цѣли. Приглашенные акмолинской администраціей переселенцы заняли 18 участковъ въ числѣ 3,871 души. Но, не смотря на оказанную матеріальную помощь, съ перваго-жа года начались мытарства переселившихся. Оказалось, что на многихъ изъ отведенныхъ участковъ нѣтъ воды или лѣса, и въ общемъ «дурного качества почва преобладаетъ во всемъ пространствѣ занятыхъ крестьянскими поселеніями мѣстностей». Въ теченіи пяти лѣтъ переселившимся выдано было до 26 т. р. ссудъ, что нисколько не упрочило ихъ благосостоянія. Переселенцы разбрелись по заводамъ и городамъ въ поискахъ какого-либо заработка. Изслѣдованіе причины такого печальнаго положенія переселившихся было возложено на акмолинскаго губернатора. Въ своемъ отчетѣ по выполненіи этого порученія г. губернаторъ раздѣлилъ образованныя поселенія на двѣ категоріи: 8 «подающихъ надежды» и 10 «безнадежныхъ». Участки послѣдней категоріи, по его мнѣнію, «вовсе негодны для земледѣлія», а второй—«мало годны». Затѣмъ «даже лучшія изъ поселеній, какъ говорится въ отчетѣ, представляютъ весьма грустный видъ: много домовъ, наглухо заколоченныхъ, домашній скотъ въ ограниченномъ числѣ, запасовъ сѣна и хлѣба не видно нигдѣ». Поэтому и такія лучшія поселенія, по заключенію губернатора, не имѣютъ будущаго. Съ другой стороны, какъ говорится въ отчетѣ, обвинять самихъ переселившихся въ ихъ печальномъ положеніи «было-бы ошибкою, такъ-какъ ихъ трудолюбіе примѣрное, нравственность—выше всякой похвалы, пьянства не существуетъ, ни въ одномъ поселеніи нѣтъ кабака и со времени водворенія ни въ одномъ изъ нихъ не было ни случаевъ преступленія, ни взаимныхъ ссоръ или споровъ, доходившихъ до судебнаго разбирательства...»

Предварительный осмотръ отведенныхъ для заселенія участковъ «ходоками» переселяющихся или даже ими самими, также мало помогаетъ дѣлу, такъ-какъ русскіе крестьяне недостаточно знакомы съ условіями веденія сельскаго хозяйства въ Сибири, почти каждый изъ районовъ которой представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности.

III.

Бѣдность переселенцевъ матеріальными средствами и затрудненія по прiисканіи или отводу вполнѣ пригодныхъ для заселенія участковъ являются двумя важнѣйшими факторами, вліяющими въ настоящее время на характеръ колонизаціи Сибири выходцами изъ Европейской Россіи. Оба эти условія заставляютъ ихъ искать для себя «новыхъ селеній», такъ сказать, въ чертѣ существующей уже осѣдлости ранѣе переселившихся. Это обезпечиваетъ новоселовъ отъ возможности ошибокъ при выборѣ участка, даетъ имъ возможность постепенно ознакомиться съ новыми условіями веденія хозяйства и, наконецъ, что самое главное, позволяетъ имъ найти заработки переселенцамъ, приходящимъ съ очень скудными средствами или даже вовсе безъ нихъ, а такіе переселенцы, какъ мы видѣли, составляютъ огромное большинство.

Чтобы наиболѣе нагляднымъ образомъ познакомить читателя съ процессомъ устройства переселенцами своей судьбы въ Сибири, мы со словъ подворной описи г. Кауфмана, разскажемъ исторію образованія одного изъ поселковъ Каинскаго округа Томской губ. Это поселокъ Моховой. Мы остановились на немъ, какъ на одномъ изъ типичнѣйшихъ для требуемой цѣли. Поселокъ Моховой отстоитъ отъ церкви на разстояніи 40 верст., волостнаго правленія—65 в., желѣзной дороги—120 в., Образовался онъ въ періодъ съ 1883 по 1893 г. преимущественно выходцами ихъ Курской губ. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ 39 семей и 223 душъ. Переселеніе въ Сибирь ихъ вызвано было главнымъ образомъ земельнымъ «утѣсненіемъ». О разрѣшеніи переселиться хлопотали три года, но, не успѣвъ получить его, двинулись «самовольно», съ паспортами. Ранѣе переселенцы посылали въ Сибирь ходока, который и высмотрѣлъ для нихъ мѣсто въ Барнаульскомъ округѣ. Но на пути 6 семействъ отложились отъ остальныхъ, образовавъ Моховой поселокъ. Впослѣдствіи, по ихъ письмамъ, пришло сюда 30 семей земляковъ. Всѣ переселившіеся выручили отъ продажи своего имущества на родинѣ 8 т. р., въ среднемъ на семью—около 230 р. Изъ этой суммы расходы на дорогу составили на семью до 110 р. или всего около 3,500 р. Такимъ образомъ по матеріальной обезпеченности переселенцевъ, образовавшихъ Моховой поселокъ, слѣдуетъ признать поставленнымъ въ болѣе благопріятныя условія сравнительно съ среднимъ имущественнымъ достаткомъ переселяющихся.

Первыя шесть семей, образовавшихъ Моховой поселокъ, поселились на землѣ одного богатаго заимщика, а затѣмъ, уплативши сторожиламъ д. Зятьковой по 10 р. и ведро вина, были приписаны въ составъ этого общества. Подходившіе позже земляки селились здѣсь же безъ приписки,

что порождало довольно острыя недоразумѣнія между ними и старожилами. Въ 1894 г., по ходатайству переселенцевъ, Моховому поселку былъ отмежованъ отдѣльный участокъ. Изъ всего числа новоселовъ только 11 семей, принесшихъ съ собою сравнительно весьма крупныя средства (нѣкоторыя свыше 500 р.), устроились сразу своимъ хозяйствомъ. Большинство же жило первое время исключительно заработками. Наконецъ, многосемейные одновременно отпускали рабочихъ на сторону и понемногу обзаводились своимъ хозяйствомъ. Очень часто подъ будущую работу забирались у старожиловъ лошади, коровы, сохи и прочій инвентарь. Приступали къ самостоятельной запашкѣ сначала и «мятыхъ земель», постепенно переходя къ «цѣлинѣ». На третьемъ году уже половина переселившихся имѣли хлѣбъ для годового продоволствія. Ко времени переписи, т. е. къ 1894 г., большинство «завелось хорошо», видимымъ признакомъ чего является значительное число вѣтряныхъ мельницъ и кладей необмолоченнаго хлѣба. Но десять семей переселившихся все-таки не успѣли вполнѣ стать на ноги. Онѣ обрабатываютъ землю наймомъ за отсутствіемъ собственнаго инвентаря. Въ среднемъ на семью приходилось—по 2,9 лошади, 1,4 коровы, 4 овцы и почти 7 десятинъ посѣвной площади. Этотъ общій показатель благосостоянія переселенцевъ можно было бы признать весьма благопріятнымъ при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи его. Въ настоящее же время размѣръ посѣвной площади колеблется на семью отъ 36 дес. до $1^1/_2$ д., число лошадей—отъ 7 до нуля и т. д. Въ зависимости отъ этого 19 семей имѣютъ болѣе или менѣе значительное избытки хлѣба, а 17 семей еще прикупаютъ его. Точно также изъ 39 семей три держатъ постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, девять—прибѣгаютъ къ найму ихъ во время полевыхъ работъ и двадцать шесть продолжаютъ отпускать рабочихъ на сторону. Технику земледѣлія новоселы переняли мѣстную. Хотя всѣ новоселы принадлежали на родинѣ къ «кореннымъ пахарямъ», но «работать по здѣшнему по началу трудно было—и посейчасъ которые не привыкли». Хозяйство, по примѣру старожиловъ, ведутъ они залежно-паровое съ посѣвомъ исключительно яровыхъ хлѣбовъ—пшеницы, занимающей почти три четверти посѣвной площади, и овса, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, сѣютъ яровую и озимую рожь, просо, ленъ. Земля здѣсь настолько «тяжелая», что цѣлину приходятся пахать на трехъ—четырехъ лошадяхъ, а «мятыя» земли—на двухъ, трехъ. Въ общемъ новоселы Моховаго довольны Сибирью: не столько, однако, урожайностью земли, сколько просторомъ. «Кабы въ Россіи,—замѣчаютъ они,—столько земли—совсѣмъ бы другое житье было».

Приблизительно такова же исторія и всѣхъ другихъ переселенцевъ, осѣвшихъ въ Сибири. Въ отношеніи срока, который имъ необходимъ для обзаведенія хозяйствомъ, рѣшающее значеніе имѣютъ принесенныя

съ собою матеріальныя средства и рабочій составъ семьи. Въ послѣднемъ случаѣ—чѣмъ большее число правоспособныхъ работниковъ заключаетъ въ себѣ семья, тѣмъ скорѣе она выручаетъ средства на устройство хозяйства. Но не остаются безъ вліянія здѣсь и разныя случайности. Такъ, прибывшіе въ урожайный годъ, когда цѣны на хлѣбъ низки, а заработная плата высока, устраиваются скорѣе, чѣмъ попавшіе въ неблагопріятный для Сибири годъ, съ высокими цѣнами на хлѣбъ и отсутствіемъ заработковъ.

Данныя подворной описи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, насколько важное значеніе оказываетъ размѣръ принесенныхъ съ собою переселенцами матеріальныхъ средствъ для дальнѣйшей ихъ судьбы. Для иллюстраціи этого значенія мы остановимся на группѣ переселенцевъ, прибывшихъ въ Томскую губернію за четыре—пять лѣтъ до переписи, т. е. въ 1888 и 1889 гг. Всѣхъ семей, прибывшихъ въ этотъ періодъ, зарегистровано 1890. Изъ нихъ 605 семей прибыло безъ всякихъ средствъ. Положеніе этого разряда новоселовъ характеризуется въ настоящее время слѣдующими признаками. Около 25 проц. ихъ построило избы въ первый годъ, 26 проц.—во второй годъ, а почти 10 проц. и ко времени переписи ихъ не имѣли, проживая въ работникахъ или наемныхъ помѣщеніяхъ. Затѣмъ огромное большинство ихъ въ теченіи пяти лѣтъ не успѣло обзавестись и полевымъ хозяйствомъ. Такъ, 33 проц. этого разряда новоселовъ въ 1894 г. вовсе не имѣли своей запашки, такой же процентъ принадлежитъ къ безлошаднымъ или однолошаднымъ, 60 проц. покупало хлѣбъ для своего продовольствія и 65 проц. отпускало рабочихъ на сторону. Совсѣмъ иную картину представляетъ собою положеніе новоселовъ, имѣвшихъ отъ 100 до 200 р. на семью. Изъ нихъ въ два первые года построили себѣ избы до 80 проц., а не имѣютъ ихъ только 4 проц. Дворы безъ запашки составляли къ 1894 г. въ этой группѣ только 7 проц., безлошадные—6 проц., покупающіе хлѣбъ—14 проц., продающіе—74 проц., отпускающіе членовъ семьи въ заработки—25 проц., пользующіеся наемнымъ трудомъ—21 проц. Къ сожалѣнію, изъ общаго числа зарегистрованныхъ новоселовъ въ эту болѣе счастливо обставленную группу вошло только 129 семей. Наконецъ, незначительная группа (63 семьи) богачей, привезшихъ съ собою отъ 200 до 400 р., ведетъ хозяйство въ широкихъ размѣрахъ. Не имѣющіе запашки среди нихъ составляютъ только 2 проц., имѣющіе двѣ—три лошади—49 проц., болѣе трехъ лошадей—43 проц., покупающіе хлѣбъ—5 проц., продающіе—86 проц., отпускающіе рабочихъ въ наемѣ 10 проц., пользующихся наемнымъ трудомъ — 38 проц, Въ среднемъ на дворъ по этой группѣ новоселовъ приходится: рабочихъ лошадей—3, коровъ —2,7, овецъ—13, посѣвной площади—8,5 дес.

Нѣсколько менѣе значительное вліяніе на судьбу новоселовъ имѣетъ ра-

бочій составъ семьи. Въ этомъ отношеніи преобладаютъ семьи съ однимъ и $1^1/_2$—$2^1/_2$ работниками. Затѣмъ меньшинство составляютъ семьи безъ взрослыхъ рабочихъ и съ 3-мя и болѣе работниками. По признакамъ благосоотоянія эти группы раздѣляются слѣдующимъ образомъ. Изъ прибывшихъ безъ всякихъ средствъ, не имѣющихъ до сихъ поръ избъ на первую группу (безъ рабочихъ) приходится—28 проц., вторую (съ однимъ рабочимъ)—10 проц., третью ($1^1/_2$—$2^1/_2$ рабочихъ)—8,5 проц., четвертую—2,9. Не имѣющихъ запашки: въ I-й группѣ—85 пр., во II-й—44 проц., въ III-й—21 проц., въ IV-й—5 проц. Безлошадныхъ: въ I-й группѣ—41 проц., во II-й—16 проц., въ III-й—5 проц., въ IV-й—3 пр. Покупающихъ хлѣбъ: въ I-й группѣ—93 пр., во II-й—67 проц., въ III-й—55 пр., IV-й—35 проц. Продающихъ хлѣбъ: въ I-й—3 проц., во II-й—18 проц., въ III-й—22 проц., въ IV-й—43 проц. Самую же счастливую комбинацію представляютъ собою, конечно, многорабочія семьи, вывезшія съ родины нѣкоторый достатокъ. Такъ, напримѣръ, въ III-ей—группѣ среди домохозяевъ, привезшихъ съ собою отъ 50 до 100 р., продающіе хлѣбъ составляютъ 66 проц., среди привезшихъ 100—200 р. число ихъ повышается до 73 проц., а располагавшіе 200—400 р. почти всѣ уже имѣютъ значительные избытки хлѣба.

Изъ тѣхъ же данныхъ видно, что общее благосостояніе переселенцевъ не можетъ быть признано особенно высокимъ. Даже изъ переселившихся до 1886 г. не всѣ домохозяева обезпечены хлѣбомъ для собственнаго продовольствія и покупающіе его составляютъ 30 проц. Для поселившихся позже процентъ этотъ постепенно возрастаетъ. Такъ, изъ поселившихся въ 1886 и 1887 г. покупаютъ хлѣбъ—36 проц. домохозяевъ, въ 1888 и 1889 гг.—42 проц., въ 1890 и 1891 гг.—55 проц., въ 1892 и 1893—90 проц.

IV.

Старожилы или обжившіеся уже въ Сибири новоселы относятся къ вновь пребывающимъ переселенцамъ весьма различно, въ большинствѣ случаевъ, конечно, въ зависимости отъ своихъ выгодъ. Если въ данномъ районѣ земли много, то старожилы бываютъ очень рады переселенцамъ, доставляющимъ имъ сравнительно весьма дешевыя рабочія руки. При недостаткѣ-же въ землѣ отношеніе это оказывается не особенно дружелюбнымъ. Въ одномъ случаѣ, напримѣръ, переселенцамъ былъ отведенъ участокъ, который ранѣе арендовался сосѣдними старожилами. Результатомъ явилось крайнее неудовольствіе послѣднихъ и всякія съ ихъ стороны притѣсненія и гоненія сплошь до поджоговъ, потравъ и увода лошадей. Но сплошь и рядомъ наблюдаются и случаи обратнаго отношенія. Такъ, переселенцы поселка Павловска указывали на одного изъ старо-

жиловъ, какъ на человѣка, который многимъ изъ нихъ помогъ стать на ноги: «давалъ въ долгъ хлѣбъ, скотъ и деньги безъ всякаго роста, при несостоятельности отсрочивалъ платежи и ни разу не прибѣгалъ къ принудительному взысканію». Въ общемъ-же, какъ выразились переселенцы другого поселка, мѣстные крестьяне «хорошій народъ, только любятъ, чтобы мы на нихъ работали». Съ другой стороны подобнаго рода отношеніе одинаково является и чертой, свойственной новоселамъ, ранѣе поселившимся въ Сибири. Совершенно аналогичные, по словамъ г. Кауфмана, случаи отмѣчаются и переселенческимъ поселкомъ: выдача приговоровъ за плату въ пользу общества и угощеніе виномъ составляетъ и здѣсь заурядное явленіе, при чемъ плата иногда ничтожная, часто возрастаетъ до 25 и даже до 50 р. съ семьи.

Рядомъ съ образовавшимися ранѣе селеніями, къ которымъ тяготѣютъ вновь прибывающіе переселенцы, однородное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ и такъ называемыя «заимки», представляющія собою нѣчто въ родѣ хуторовъ, одиноко расположенныхъ въ какой-либо глухой тайгѣ. Основателями ихъ обыкновенно являются разбогатѣвшіе и наиболѣе предпріимчивые сибирскіе крестьяне. Г. Маркграфъ въ своемъ отчетѣ объ условіяхъ колонизаціи сибирской тайги, между прочимъ, говоритъ, что обсыханіе ея и зависящая отсюда пригодность къ заселенію происходятъ весьма медленно, при чемъ «вліяніе рукъ человѣческихъ проявляется въ освѣтленіи лѣсныхъ чащобъ паломъ, скотоводствомъ и раскашиваніемъ». Въ результатѣ «усиливается дренажъ и уплотняется почвенный слой» и «простые пріемы культуры сибиряка въ 10—20 лѣтъ способны обратить таежныя мѣста въ пахатныя поля». Надо сказать, что близость тайги оказываетъ весьма вредное вліяніе и на земледѣліе въ сосѣднихъ культурныхъ районахъ. Тайга скопляетъ черезъ-чуръ много влаги, которая не можетъ быть устранена черезъ-чуръ короткимъ сибирскимъ лѣтомъ. Поэтому изслѣдователи отмѣчаютъ, что наиболѣе «зяблыми» мѣстностями являются тѣ селенія, «земли которыхъ непосредственно примыкаютъ къ той или иной тайгѣ». Вредъ урожаямъ здѣсь наносятъ туманы и «роса-медянка». Въ общемъ-же «въ чрезмѣрно изобилующихъ лѣсами участкахъ лѣсъ является не другомъ посѣвовъ, а врагомъ ихъ: лѣсъ и тайга въ особенности высылаютъ инеи и заморозки,—вредные росы и туманы». Въ виду такихъ обстоятельствъ, въ послѣднее время поставленъ даже на очередь вопросъ о необходимости поощрить особыми мѣрами разработку таежныхъ пространствъ, способствующую обращенію ихъ въ культурное состояніе.

Въ тайгахъ Томскаго и Маріинскаго округовъ, по словамъ г. Тихѣева, имѣется не мало хозяйствъ, пользующихся землей на арендномъ правѣ, въ глубинѣ-же ихъ разбросаны многочисленныя самовольныя поселенія, многія изъ которыхъ извѣстны мѣстной администраціи лишь по слухамъ.

Но опытъ показалъ полную невозможность колонизаціи тайги путемъ образованія на нихъ переселенческихъ участковъ. Выходцы изъ Европейской Россіи оказывались совершенно не подготовленными къ роли такихъ колонизаторовъ и обыкновенно покидали отведенные имъ участки. «Заселеніе тайги, говоритъ по этому поводу г. Кауфманъ,—должно идти съ большою постепенностью: колонизація переселенческими общинами мѣстностей таежнаго характера до сихъ поръ всегда слѣдовала за заселеніемъ ихъ піонерами-одиночками, которымъ выпадала нелегкая задача разыскивать среди дикой тайги тѣ площади, которыя уже успѣли, такъ сказать, созрѣть для земледѣльческаго хозяйства, и обращать такія площади въ культурное состояніе. Таковъ-же въ общемъ долженъ быть ходъ заселенія тайги и въ будущемъ». Чаще всего переселенцы селятся на земляхъ, принадлежащихъ къ той или другой заимкѣ, по соглашенію съ ихъ основателями, которые въ этихъ случаяхъ руководствуются тѣми-же побужденіями, что и старожилы, т. е. желаніемъ пріобрѣсти дешевую рабочую силу. Иногда-же эти заимки передаются новоселамъ за извѣстное вознагражденіе, послѣ того какъ основатели ихъ облюбовали для себя новый дикій уголокъ тайги. Наконецъ, заимки передаются администраціей переселенцамъ либо за истеченіемъ срока аренды, либо въ качествѣ образованныхъ самовольно.

Наконецъ заселенія Сибири въ довольно широкихъ размѣрахъ происходятъ и насчетъ земель, принадлежащихъ инородцамъ-аборигенамъ, въ большинствѣ случаевъ остающихся вѣрными кочевому образу жизни. Вообще отношеніе пришельцевъ-русскихъ къ аборигенамъ-инородцамъ составляетъ весьма любопытную сторону сибирской жизни, къ сожалѣнію мало затронутую изслѣдователями. Въ общемъ, если одна часть туземцевъ, подъ вліяніемъ сношеній съ русскими, усваиваетъ себѣ культурный образъ жизни, то другая, тѣснимая ими, уходитъ дальше въ глубь таежныхъ лѣсовъ или даже вымираетъ. Такъ, про тобольскихъ остяковъ г. Паткановъ сообщаетъ, что окончательно обрусѣвшіе изъ нихъ и содержащія въ жилахъ много русской крови, даютъ даже нѣкоторый приростъ, въ остальныхъ-же группахъ наблюдается несомнѣнное вымираніе. Причиною его является пьянство, различныя эпидемическія болѣзни и ухудшеніе экономическихъ условій жизни подъ вліяніемъ сокращенія тѣхъ земельныхъ угодій, которыми они раньше располагали.

Въ изслѣдованіяхъ мы находили очень много указаній на тѣ пріемы, которые практикуются русскими крестьянами для захвата инородческихъ земель. Въ послѣднее время, говоритъ г. Паткановъ, крестьяне стали селиться «не только въ сѣверныхъ русскихъ волостяхъ, но въ остяцкихъ, что имъ было раньше запрещено, согласно распоряженію главнаго начальника западной Сибири въ 1857 году, имѣвшему своею цѣлью оградить инородческое населеніе отъ хищническихъ инстинктовъ нѣкоторыхъ

крестьянъ, которые, поселившихъ въ остяцкомъ селеніи и пользуясь слабостью остяковъ къ водкѣ и табаку, ихъ безпечностью и невѣжествомъ, часто въ короткій срокъ забирали ихъ всѣхъ въ кабалу. Теперь-же въ рѣдкомъ остяцкомъ селеніи не встрѣтишь русскихъ». Въ началѣ обыкновенно въ остяцкомъ селеніи появляется нѣсколько семей русскихъ крестьянъ, принятыхъ остяками въ составъ своихъ обществъ за извѣстное вознагражденіе. Затѣмъ русская колонія быстро ростетъ путемъ новыхъ приселеній. Когда-же затѣмъ число приселившихся начинаетъ превышать число остяковъ, то русскіе крестьяне дѣлаются уже полными хозяевами всѣхъ остяцкихъ угодій. Въ концѣ концовъ остяки уходятъ или вымираютъ. Подобнымъ образомъ, по словамъ г. Патканова, образовалось весьма значительное число русскихъ поселеній по Нижнему Иртышу и Оби.

Въ Акмолинской области, гдѣ наиболѣе плодородныя земли принадлежатъ кочующимъ киргизамъ, съ тою-же цѣлью крестьяне образуютъ поселенія на арендуемыхъ участкахъ. Обыкновенно крестьяне предлагаютъ киргизамъ отдать имъ въ аренду облюбованные участки за извѣстную плату. Къ поселившимся такимъ образомъ скоро присоединяются другіе. Когда-же затѣмъ выростаетъ большая деревня, крестьяне мѣняютъ тактику. Они перестаютъ платить аренду, заводятъ споры съ киргизами и подаютъ прошенія по начальству объ испытываемыхъ ими притѣсненіяхъ и грозящемъ имъ разореніи. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ мытарствъ и личныхъ хлопотъ, они достигаютъ цѣли. Подобнымъ путемъ, напр., было разрѣшено образованіе русскихъ поселеній въ урочищѣ Мусино, причемъ была отмежевана изъ киргизскихъ земель площадь на 1,000 душъ по 18 десятинъ на каждую. На жалобу киргизовъ по этому поводу мѣстная администрація отвѣтила, что они «сами виноваты, разрѣшивъ крестьянамъ-арендаторамъ постройку домовъ», что выселеніе ихъ было-бы равносильно «разоренію» и что «на будущее время они не должны допускать образованія крестьянами арендаторами поселеній съ полнымъ домообзаведеніемъ подъ страхомъ лишиться заселенныхъ земель».

Рядомъ съ этимъ торговыя сношенія съ инородцами, занимающимися разными промыслами на крайнемъ сѣверѣ Сибири, служитъ для крестьянъ многихъ поселеній весьма крупнымъ источникомъ дохода. Торговля эта, большею частью, мѣновая, при которой въ числѣ продуктовъ, предлагаемыхъ русскими торговцами, водкѣ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто.

V.

Въ отношеніи характера землевладѣнія большинство крестьянскихъ поселеній въ Сибири переживаетъ теперь переходное состояніе отъ захватнаго землепользованія къ общинному. Въ разныхъ раіонахъ про-

цессъ этотъ, въ свою очередь, переживаетъ разныя стадіи. По словамъ одного изъ изслѣдователей, г. Патканова, сибирскіе крестьяне на вопросъ объ ихъ правахъ на землю отвѣчаютъ: «земля здѣсь—вольная и лѣса тоже вольные—земскіе». Но вольною въ буквальномъ смыслѣ этого слова земля остается только до тѣхъ поръ, пока ея очень много. Какъ скоро «захватные» участки различныхъ хозяевъ начинаютъ сближаться, какъ скоро появляются новые переселенцы или многосемейнымъ не хватаетъ земли для расширенія своего хозяйства, тотчасъ же обнаруживаются права міра, который и считается собственникомъ всей земли. Болѣе правильному распредѣленію обыкновенно подвергаются ближайшія къ поселенію пашни и луга. Земли отдаленныя, къ которымъ доступъ является труднымъ, попрежнему остаются вольными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Сибири до сихъ поръ можно наблюдать и сложныя волостныя общины, сохранившіяся въ Европейской Россіи лишь на крайнемъ ея сѣверѣ. Но и въ Сибири этотъ видъ общиннаго землевладѣнія начинаетъ уже исчезать или видоизмѣняться. Говоря про Курганскій округъ, г. Осиповъ замѣчаетъ, что община-волость въ чистомъ видѣ сохранилась теперь въ немногихъ мѣстностяхъ. При распредѣленіи земель въ волостныхъ общинахъ существуетъ два основныхъ способа. Первый способъ заключается въ томъ, что сначала каждое общество надѣляется всѣми угодьями въ зависимости отъ числа домохозяевъ, а затѣмъ уже производится передѣлъ внутри самыхъ обществъ. При второмъ способѣ каждый домохозяинъ надѣляется угодьями непосредственно отъ волости.

Особенностью сибирскихъ земельныхъ передѣловъ является прежде всего распредѣленіе угодій по наличнымъ душамъ, затѣмъ сроки въ большинствѣ случаевъ устанавливаются довольно продолжительные—около десяти лѣтъ, и, наконецъ, соблюдается тотъ принципъ, чтобы каждый домохозяинъ оставался на своемъ прежнемъ участкѣ. Другими словами—здѣсь вовсе отсутствуетъ такъ называемая «жеребьевка», при которой домохозяева, въ зависимости отъ жребія, обмѣниваются своими участками. Въ основѣ этого стремленія сохранить за каждымъ домохозяиномъ его прежній участокъ лежитъ значительность того труда, который нужно вложить въ Сибири для приведенія земли въ культурное состояніе. Этимъ путемъ старые хозяева сохраняютъ увѣренность, что при передѣлахъ у нихъ можетъ быть отнята только нѣкоторая, болѣе или менѣе незначительная часть хорошо разработанной ими пашни. Наконецъ, по той-же причинѣ передѣлы, въ теченіи извѣстнаго періода, вовсе не распространяются на заимки, т. е. на вновь образуемые культурные участки. Они дѣлаются достояніемъ общины только по истеченіи срока, въ предѣлахъ котораго для заемщика могутъ оказаться понесенные имъ при этомъ расходы.

Но надо знать, что распространенію и полному примѣненію принципа общиннаго землевладѣнія въ сибирскихъ селеніяхъ значительно препятствуетъ крайне неравномѣрное распредѣленіе благосостоянія между отдѣльными домохозяевами. Мы уже видѣли при описаніи переселенческихъ поселковъ, насколько значительное число домохозяевъ прибѣгаетъ здѣсь къ пользованію наемнымъ трудомъ. Естественно, что домохозяева, воспользовавшіеся благопріятными условіями, въ видѣ пользованія трудами бѣдняковъ-переселенцевъ, и захватившіе подъ обработку огромные участки, часто не выражаютъ потомъ никакого желанія разстаться съ ними. Въ одномъ селеніи, напримѣръ, по словамъ г. Патканова, хотя крестьяне на сходѣ и показывали ему, что они дѣлятъ сѣнокосы на «глазомѣръ» и что пашней «владѣетъ всякъ, у кого сила беретъ», но при ближайшемъ разсмотрѣніи выяснилось, что «глазомѣръ»—понятіе весьма растяжимое и пользуясь этой растяжимостію богатые отбираютъ себѣ самыя лучшія мѣста. Въ результатѣ вся лучшая земля, находящаяся около селенія, попадаетъ въ распоряженіе нѣсколькихъ кулаковъ. «Бывали, разсказываетъ изслѣдователь, такіе случаи, что если бѣдный крестьянинъ сунется распахать какую-либо полоску около богатаго, то послѣдній просто прогонитъ его, а то еще придетъ съ работниками, опашетъ его полосу и нанесетъ побои. Суда и управы на нихъ нѣтъ, ибо не рѣдко сами бываютъ и судьями и вершителями крестьянскихъ дѣлъ».

Въ общемъ, на почвѣ такихъ условій, землевладѣніе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ складывается скорѣе по типу участковаго. Въ нѣкоторыхъ старыхъ сибирскихъ поселеніяхъ участковое землевладѣніе выражается даже въ правѣ отчужденія и наслѣдованія. Такъ, въ деревнѣ Дурновой, Тарскаго округа Томской губ., былъ случай пріобрѣтенія участка въ 467 дес. «въ вѣчное потомственное владѣніе». Въ той-же волости лѣсъ въ большинствѣ случаевъ разбитъ на отдѣльные участки, которые переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. Въ другой волости при такомъ раздѣлѣ лѣса, «наиболѣе богатые и сильные домохозяева завладѣли лучшими и весьма крупными участками, оставивъ на долю бѣдняковъ самые худшіе». Наконецъ землевладѣльцы-собственники изъ крестьянъ появились въ Сибири, благодаря сдѣланному въ нѣкоторыхъ районахъ не совсѣмъ удачному опыту образованія частной поземельной собственности путемъ надѣленія участками чиновниковъ, офицеровъ и «дворянъ». Въ самомъ непродолжительномъ времени всѣ эти участки оказались проданными богатымъ сибирскимъ крестьянамъ. Этимъ путемъ, по словамъ г. Осипова, образовался, напримѣръ, довольно значительный классъ крестьянъ-собственниковъ въ Падеринской волости Тобольской губ.

Вл. Бирюковичъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Новыя теченія въ современной русской литературѣ.—Ѳ. Сологубъ.—Декадентство и символизмъ.—Письмо Л. Денисова.—Стилистика въ произведеніяхъ г-жи Крестовской.—Г-жа Лухманова.

I.

Въ недавно вышедшей книжкѣ г. Сологуба напечатаны три разсказа и довольно много стихотвореній. Между разсказами особенно выдѣляется очеркъ подъ названіемъ «Тѣни», уже обратившій на себя вниманіе критики. По своему содержанію и художественной обработкѣ, «Тѣни» могутъ считаться лучшимъ произведеніемъ г. Сологуба, потому что другія его литературныя работы, появившіяся послѣ «Тѣней», не обнаружили ничего особенно яркаго и новаго по сравненію съ этимъ небольшимъ, но мѣстами превосходно написаннымъ очеркомъ. Какъ это часто бываетъ въ литературѣ, авторъ сразу показалъ весь свой умственный кругозоръ съ поэтической силою, въ которой соединились лучшія стороны его дарованія въ одномъ напряженномъ выраженіи. Представляя несомнѣнный интересъ для характеристики новѣйшихъ теченій въ русской литературѣ, этотъ очеркъ для самого г. Сологуба является откровеннымъ изліяніемъ его отвлеченнаго міросозерцанія, окончательно сложившагося, повидимому, до первыхъ его дебютовъ на литературномъ поприщѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если ближе присмотрѣться къ этому странному фантастическому произведенію и подвергнуть его критическому анализу, мы непремѣнно замѣтимъ тѣ черты, которыя придаютъ таланту г. Сологуба нѣкоторую неподвижную твердость, мѣшающую развитію. При явной склонности къ философскому созерцанію и природной способности интересоваться и даже волноваться только тѣмъ, что скрытно управляетъ жизнью людей, только тѣмъ, что таинственно и загадочно настраиваетъ человѣческую душу, г. Сологубъ не одаренъ любовью къ широкимъ наблюденіямъ, съ ихъ прямымъ, холоднымъ и трезвымъ воспріятіемъ окружающаго міра.

Между современными молодыми русскими писателями нѣтъ, кажется, беллетриста, который обнаружилъ-бы такое скудное знакомство съ человѣкомъ въ его обычной обстановкѣ. Что-то мучительно однообразное и сѣрое, до трагическаго отчаянія, надрываетъ его душу. Въ пустынномъ отвлеченіи отъ всякихъ реальныхъ происшествій и фактовъ, г. Сологубъ постоянно рисуетъ неясную картину собственной внутренней жизни, не вводя насъ при этомъ ни въ какую житейскую пучину. Желая отразить извѣстную мысль, онъ выбираетъ для себя мало значущія темы, разсчитывая исключительно на силу личнаго настроенія и на магнетическое дѣйствіе дерзкихъ импрессіонистскихъ оборотовъ рѣчи. Никакихъ живыхъ характеровъ, никакихъ описаній съ гражданственнымъ или культурнымъ оттѣнкомъ вы не найдете въ его краткихъ новеллахъ, поражающихъ иногда узкимъ и почти фанатическимъ вдохновеніемъ автора.

Обратимся къ «Тѣнямъ». Г. Сологубъ рисуетъ намъ мальчика, который увлекся опасною для его болѣзненнаго воображенія забавою: создавать—сначала по готовымъ рисункамъ, а потомъ по собственному творческому инстинкту—различныя тѣни на стѣнѣ. Однажды онъ случайно воспроизвелъ нѣсколько фантастическихъ тѣней, сложивъ извѣстнымъ образомъ пальцы и поставивъ передъ стѣною горящую лампу. Эта странная забава увлекла его съ непобѣдимою силою. Передъ нимъ замелькали прихотливыя тѣни, возбуждая трепетъ и радость въ одномъ слитномъ чувствѣ. Самые обыкновенные предметы вдругъ пріобрѣли нѣжную легкость, двинулись съ мѣста и заиграли на стѣнѣ сказочной жизнью, чудесною, какъ восхитительный сонъ. Незамѣтно стали отбрасываться на стѣну темныя видѣнія. Наклоняя руки и шевеля пальцами, онъ выводилъ передъ собою, въ уединенной отъ всякаго надзора комнатѣ, цѣлый міръ загадочныхъ образовъ, покорныхъ его фантазіи, ему послушныхъ, неразрывныхъ съ его волею. Маленькій мальчикъ, съ большими глазами на блѣдномъ лицѣ, вдругъ почувствовалъ себя настоящимъ чародѣемъ. Стоитъ ему протянуть вверхъ правую руку—и на затуманенной абажуромъ стѣнѣ потянется длинная, смутная тѣнь ангела, улетающаго въ небо отъ порочнаго и скорбнаго міра, съ широкими крыльями, съ головою, грустно склоненною на высокую грудь. Цѣлыя драматическія происшествія происходятъ на стѣнѣ. Вотъ унылый пѣшеходъ, бредущій по большой дорогѣ въ осеннюю слякоть, съ клюкой въ дрожащихъ рукахъ, съ котомкой на спинѣ. Вотъ лѣсъ, тоскующій въ зимнемъ затишьѣ. Вотъ плачутъ нищія старухи, дряхлыя, безпріютныя, на тоскливомъ осеннемъ вѣтрѣ, среди шаткихъ крестовъ и безнадежно черныхъ могилъ на тѣсномъ кладбищѣ. Тѣни вездѣ—рѣзкія тѣни отъ огней, смутныя отъ разсѣяннаго дневного свѣта, знакомыя и таинственныя, причудливыя, легкія, загадочныя... Въ этой постоянной игрѣ тѣнями

мальчикъ доходитъ до болѣзненныхъ галлюцинацій. Отъ него уносится жизнь и самъ онъ становится блѣдною тѣнью, съ глазами, которые полны «стремительнаго безумія». Съ мрачнымъ вдохновеніемъ, которое даетъ себя чувствовать въ каждой строкѣ меланхолическаго разсказа, авторъ на послѣднихъ страницахъ вовлекаетъ въ эту зловѣщую игру и мать Володи, молодую женщину съ прекраснымъ и блѣднымъ лицомъ. Незамѣтно для себя, она поддается загадочному настроенію сына, и, запуганное существо, посреди тяжелыхъ условій безвѣстной жизни, она тоже вдругъ открываетъ для себя боязливую радость въ созиданіи тѣней на стѣнѣ. Фантастическія видѣнія стали дразнить, увлекать и страннымъ образомъ восхищать ея душу, привыкшую къ тоскѣ. Обвѣянная смутными страхами, она отдалась таинственному потоку воображенія. Куда-бы она ни пошла, повсюду она видитъ тѣни—не людей, не событія жизни, не то, что кипитъ и шумитъ на поверхности, а только легкую, таинственную и своею таинственностью завлекательную игру разнообразныхъ и пестрыхъ тѣней. Она поняла своего мальчика. «Вечеръ. Въ Володиной комнатѣ на полу горитъ лампа. За нею у стѣны на полу сидятъ мама и Володя. Они смотрятъ на стѣны и дѣлаютъ руками странныя движенія. По стѣнѣ бѣгутъ и зыблются тѣни. Володя и мама понимаютъ ихъ. Они улыбаются грустно и говорятъ другъ другу что-то томительное и невозможное. Лица ихъ мирны и грезы ихъ ясны, ихъ радость безнадежно печальна и дико радостна ихъ печаль. Въ глазахъ ихъ свѣтится безуміе, блаженное безуміе. Надъ ними спускается ночь».

Таковъ разсказъ г. Сологуба. Написанный отрывочными фразами, онъ производитъ, однако, глубокое впечатлѣніе, хотя въ разсказѣ, какъ мы сказали, нѣтъ ни фигуръ, ни лицъ, нѣтъ никакихъ житейскихъ происшествій, но, какъ зыбкія тѣни на стѣнѣ, неслышно волнуется тоскливое чувство личной авторской неудовлетворенности, охватившей цѣлый жизненный горизонтъ. Разгадавъ чутьемъ художника, что въ мірѣ нѣтъ ничего твердаго, молодой писатель предался безъисходному отчаянію. Вездѣ стѣна! восклицаетъ онъ устами двухъ трогательно-печальныхъ своихъ героевъ—и въ этомъ восклицаніи, лаконически краткомъ, какъ и все, что пишетъ г. Сологубъ, слышится отчаяніе, достойное сочувствія. Вездѣ стѣна—иначе говоря, жизнь человѣческая, какъ-бы широко она ни развернулась, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, окружена ограниченіями, съ которыми борется только фантазія. Авторъ подчеркиваетъ съ большою тонкостью стыдливое отношеніе мальчика и матери къ увлекшей ихъ забавѣ. Ничего еще не взвѣшивая разсудкомъ, оба инстинктивно понимаютъ, что они предаются дѣлу странному и несравнимому, по своей безплодности, ни съ чѣмъ на свѣтѣ, но заключающему въ себѣ особенный смыслъ, мистическую разгадку и даже разоблаченіе всего земного, житейскаго и случайнаго. Когда мать впервые застаетъ

своего мальчика за новою забавою, онъ *смущается*, прячетъ книжку, отодвигаетъ лампу на другое мѣсто. Лицо его *вспыхнуло* отъ страннаго, ему самому непонятнаго чувства. Заслышавъ въ другой разъ скрипъ отворяющейся двери, онъ *смущенно* отвертывается отъ стѣны. Обрадованный позволеніемъ матери поиграть тѣнями, онъ прячетъ *пылающее* лицо подъ ея локтями. Но чѣмъ дальше, чѣмъ глубже уходитъ онъ въ безумную забаву, тѣмъ сильнѣе разгорается въ немъ чувство стыда и неловкости, пока, наконецъ, онъ и мать, увлеченные общимъ настроеніемъ, не соединяютъ своихъ рукъ для этой таинственной борьбы съ мучительной ограниченностью жизни среди неподвижно мертвыхъ стѣнъ. Тогда для нихъ пропадаетъ всякій стыдъ и въ безумномъ экстазѣ они зажигаютъ послѣдній свѣтъ для послѣдней игры.

Стѣна и тѣни—такова философія этого талантливаго разсказа, выше котораго творчество г. Сологуба до сихъ поръ еще не поднималось. Если отвлечься на минуту отъ вопроса о художественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ этого небольшого очерка и присмотрѣться только къ его основной идеѣ, то нельзя не замѣтить, что въ смыслѣ отвлеченнаго разсужденія «Тѣни» являются хорошимъ и оригинальнымъ вкладомъ въ новѣйшую литературу. Несмотря на безсодержательность его полуразсудочныхъ, полу-фантастическихъ обобщеній, нельзя не видѣть, что авторомъ руководила живая потребность въ свѣжихъ образахъ для наболѣвшаго чувства человѣческаго безсилія. Мысль о новыхъ формахъ, прозрачныхъ и тонкихъ, для передачи идеальныхъ броженій человѣческой души, увлекла его въ ту струю современной литературы, которую принято называть «символическою». Но то, что превращаетъ символическое искусство въ живую поэтическую силу—органическое сочетаніе между философскою мыслью и простыми конкретными образами—въ его разсказахъ даетъ себя чувствовать чрезвычайно слабо, замѣняясь механическимъ сцѣпленіемъ разсудочной тенденціи, доведенной до экстаза, съ художественно-блѣдной или произвольной формою. Несмотря на несомнѣнную принадлежность къ новѣйшему теченію въ русской литературѣ и убѣжденную оппозицію устарѣвшимъ пріемамъ грубаго реализма, авторъ до сихъ поръ не создалъ ни одного истинно символическаго произведенія, именно потому, что духъ его, витая среди отвлеченныхъ мечтаній, не овладѣлъ ни одною стороною жизни съ надлежащею полнотою, именно потому, что къ искусству настраиваться и даже настраивать читателя на идеалистической ладъ не присоединилась у него способность ставить опредѣленныя человѣческія фигуры, открывать поэтическую и философскую глубину подъ самыми заурядными явленіями. Между міромъ его отвлеченныхъ убѣжденій и тѣмъ, что происходитъ въ окружающей обстановкѣ, нѣтъ той внутренней связи, безъ которой искуство вырождается въ сухую догматику, лишенную

поэтическаго обаянія. Въ границахъ естественнаго и нормальнаго художникъ съ болѣзненнымъ воображеніемъ, склоннымъ къ уродливымъ галлюцинаціямъ, вдругъ почувствовалъ глубокое неудовлетвореніе, смѣшанное съ тоскою по необычайномъ, экстравагантномъ, совершенно противоположномъ всему тому, что просто и ясно. При сухой разсудочности, достигшей маніакальной остроты, мысль о таинственномъ незамѣтно слилась у него съ разными извращенными представленіями, которыя должны были обезсилить смѣлую работу поэта надъ міромъ фактовъ—въ широкомъ разнообразіи ихъ нравственныхъ и умственныхъ высотъ. Не то, что скрыто навѣки отъ человѣческаго воспріятія, а то, что *скрывается* отъ него, какъ уродство, какъ физическое безобразіе, какъ оскорбленіе красотѣ, безплодно распалило его фантазію и увлекло ее не къ безднамъ жизни, а къ трущобамъ пошло измученной души. Сознаніе великой міровой загадки, открывающее душу для свѣтлыхъ и глубокихъ воспріятій, замѣнилось у него мучительною потребностью новыхъ, пикантно мистическихъ ощущеній. Вотъ почему въ писаніяхъ г. Сологуба, даже въ его обширномъ романѣ съ обильными фигурами и событіями, нѣтъ настоящей картины жизни. Отдаваясь болѣзненнымъ видѣніямъ, авторъ не изучаетъ и, можетъ быть, не понимаетъ жизненнаго водоворота съ броженіемъ и горѣніемъ страстей. Несмотря на отдѣльныя талантливыя страницы, его «Тяжелыя сны» написаны съ поразительною мѣщанскою грубостью и производятъ впечатлѣніе пустой и безсодержательной фантазіи, хотя дѣйствующія лица ссорятся между собою, пьянствуютъ, что-то выдѣлываютъ руками и безсильно предаются, какъ въ бреду, капризно измѣнчивымъ и сладострастнымъ видѣніямъ. Никакого кругозора, никакого продолжительнаго анализа, никакой живой игры художественно изображенныхъ событій и фактовъ. Все затянуто, какъ болотною тиною, жалкимъ воображеніемъ, обращеннымъ къ землѣ. Никакого порыва къ побѣдѣ надъ собою и надъ людьми, но повсюду самоувѣренное и чуть-чуть самодовольное пресмыкательство передъ собственной индивидуальностью, даже въ ея несомнѣнныхъ паденіяхъ и пораженіяхъ. Ограниченность внѣшняго и внутренняго кругозора—вотъ истинное несчастіе этого молодого и талантливаго писателя. Показавъ въ своихъ «Тѣняхъ» умѣнье думать и важную для художника склонность къ мистическимъ исканіямъ, г. Сологубъ и тутъ не съумѣлъ выйти на дорогу правдиваго и большого искусства. Будучи прекраснымъ изліяніемъ его общихъ философскихъ воззрѣній, разсказъ этотъ страдаетъ, однако, разсыпанностью образовъ, блѣдныхъ, несмотря на мрачное освѣщеніе, отсутствіемъ фигуръ и лицъ, разсѣянностью невыдержаннаго стиля. Между отдѣльными фразами, чрезмѣрно короткими и афористически усѣченными, нѣтъ той цѣпкой связи и гармоническаго единства, которыя придаютъ человѣческой рѣчи величавую плавность потока.

Задавшись цѣлью написать символическое произведеніе въ духѣ современныхъ литературныхъ вѣяній, г. Сологубъ показалъ намъ только тѣ мысли, при которыхъ можно писать въ идеалистическомъ направленіи, но не самую жизнь въ конкретныхъ образахъ, достигшихъ символической высоты. Цѣлая масса впечатлѣній и фактовъ, доступныхъ новой переработкѣ, проходитъ передъ его глазами, не задѣвая и не шевеля его таланта. Съ равнодушіемъ, неспособнымъ къ перемѣнамъ, съ душою, почти замученною однообразіемъ болѣзненныхъ галлюцинацій, художникъ обращается къ міру повседневныхъ событій — и не находитъ въ нихъ никакого смысла. Все банально и ничтожно передъ его судомъ. Разнообразныя событія, образующія широкое теченіе жизни, не постигаются въ глубину и потому не получаютъ серьезной психологической обработки. Новыя идеи еще не слились въ одну силу съ чувственнымъ міромъ страстей въ творящей душѣ художника. Вотъ почему «Тѣни» г. Сологуба, при замѣтной талантливости меланхолическаго изліянія и драматизмѣ отвлеченной концепціи, остаются только интереснымъ наброскомъ, среди другихъ новѣйшихъ идеалистическихъ попытокъ,—наброскомъ, который заслуживаетъ вниманія критики, но не обнаруживаетъ въ авторѣ сложившуюся литературную величину съ опредѣленнымъ значеніемъ и вѣсомъ. Символистъ по убѣжденію и художнической тенденціи, г. Сологубъ не обладаетъ тѣмъ простымъ матеріаломъ, который нуженъ для искусства, тою умственною возвышенностью, которая не смѣшиваетъ трагическаго съ пошлымъ, мистическихъ страховъ души съ зыбкимъ чувствомъ запретныхъ паденій, тѣмъ трезвымъ и играющимъ остроуміемъ, которое выводитъ писателя изъ міра химеръ на открытую дорогу свободнаго творчества. При узкомъ кругозорѣ и бездѣятельномъ темпераментѣ, г. Сологубъ долго еще будетъ искать для своего таланта достойнаго выраженія, но не найдетъ его до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его не совершится настоящій, радикальный переломъ. Тогда болѣзненное декадентство съ его риторическимъ пустословіемъ уступитъ мѣсто писательскому самообладанію, безъ котораго не достигается въ искусствѣ никакая красота. Въ его произведеніяхъ появится тогда поэтическій свѣтъ, какъ постоянная литературная сила, потому что въ современныхъ его писаніяхъ мы имѣемъ только мельканіе художественныхъ искръ, но не слитное пламя творческаго экстаза.

Словами горькими надменныхъ отрицаній
Я вызвалъ сатану. Онъ всталъ передо мной
Не въ мрачномъ торжествѣ проклятыхъ обаяній,—
Явился онъ, какъ дымъ, клубящійся, густой.

Я продолжалъ слова безстрашныхъ заклинаній,—
И въ дымѣ *отрокъ* сталъ, прекрасный и нагой,

Съ губами яркими и полными лобзаній,
Съ главами темными призывною тоской.

Но красота его внушала отвращенье,
Какъ гробъ раскрашенный, союзникъ злого тлѣнья,
И нагота его сверкала, какъ позоръ.

Глаза полночные мнѣ вызовъ злой метали,
И принялъ вызовъ я, и вотъ борюсь съ тѣхъ поръ
Съ царемъ сомнѣнія и пламенной печали.

Въ этомъ стихотвореніи молодой писатель откровенно даетъ указаніе на то, какими путями онъ пришелъ къ болѣе глубокимъ своимъ настроеніямъ и убѣжденіямъ. Отрицая старое сатанинство, со всѣми его «проклятыми обаяніями» и жестокими вакханаліями, молодой художникъ изъ постепенно высыхающей декадентской волны открылъ для себя новаго соблазнительнаго демона. Странныя сомнѣнія зажглись въ душѣ поэта. Еще онъ не знаетъ, какъ ему быть: броситься-ли прочь или, трагически махнувъ рукой на цѣлый міръ благородной красоты, отдаться блѣднымъ инстинктамъ извращенной чувственности! Пламенная печаль терзаетъ его душу. Дымъ клубится предъ глазами, послушный его безстрашнымъ заклинаніямъ — безстрашнымъ, какъ безтактная вульгарность, которая не боится собственныхъ паденій и, чуждая аристократической осторожности и тревожныхъ опасеній самокритики, готова всегда выйти впередъ со своими признаніями. Вотъ гдѣ таится главный недугъ творчества г. Сологуба. Не постигая глубокаго смысла личнаго умаленія передъ міровою тайною, онъ съ гордостью выдвигаетъ случайныя блужданія своего духа. Несмотря на пламенныя сомнѣнія, онъ разсказываетъ свои нелѣпые сны, придавая безсмысленному бреду воображенія торжественную важность и даже не ощущая при этомъ никакого стыда и страха, не догадываясь, что истинно талантливый художникъ скроменъ въ своихъ изліяніяхъ. Не чувствуя истинныхъ отношеній между личнымъ и міровымъ началомъ, онъ готовъ лелѣять въ себѣ *всякій* порывъ, и вотъ почему, среди дѣйствительныхъ поэтическихъ вдохновеній, имѣющихъ положительную литературную цѣнность, мы постоянно находимъ у г. Сологуба стихи, лишенные живого смысла, представляющіе наборъ холодныхъ и вымученныхъ фразъ, безъ проблеска искренняго чувства, безъ единаго оттѣнка нѣжной и волнующей сердечности.

И свѣтелъ, и веселъ твой путь безмятежный.
Подъ пологомъ брачнымъ свершается таинство страсти,—жестокость и радость во взорахъ...
Подъ полостью тѣсной вы двое, вы мчитесь долиною снѣжной...
Открытыя руки и плечи, восторженно-льстивыя рѣчи, и музыка гдѣ-то высоко на хорахъ...

Во мракѣ партеръ, и сіяютъ подмостки,—обвѣяна сказка мелодіей
нѣжной...

Безпеченъ твой путь, озаряемый радостью счастья.
Таперъ молчаливый.—рукою наемною вызваны звуки веселья..
Швея за работой,—прозрачныя ткани—безмолвная рѣчь сладострастья...
Усталые слуги,—и пышно, и ярко твое новоселье...

Твой путь искрометно безпеченъ,—
Мнѣ трудны и дороги сказки:
Пожарный разбитою каской своей изувѣченъ...
Смываетъ съ лица проститутка непрочныя краски...
Истерзанный пьяница грубою бранью любовницы встрѣченъ,—
Какъ трудны, какъ дороги сказки!

А между тѣмъ, среди стихотвореній г. Сологуба попадаются временами истинно талантливыя строки. Отбросивъ анти-художественную привычку играть безсвязными фразами, онъ умѣетъ иногда выражать свое чувство съ поэтическою простотою, которая производитъ нѣжное впечатлѣніе. Слышится человѣческая скорбь, говорящая къ душѣ читателя. Побѣждая банальную распущенность мысли, г. Сологубъ двумя словами очерчиваетъ свое настроеніе съ художественною твердостью, которая обличаетъ настоящій литературный талантъ. Образы ясные зажигаются передъ глазами, вдохновенные и прекрасные своею точностью.

Я зажгу восковую свѣчу
И къ Творцу моему воззову.
Преклоняя главу и колѣни.
Бытія моего не хочу,
Житія моего не прерву,
До послѣдней пройду всѣ ступени.

Только воля Господня и есть,
И не я выбиралъ этотъ путь,
И куда онъ ведетъ, я не знаю,—
И спѣшу я молитвы прочесть,
И не смѣю въ ночи отдохнуть,
И главу, и колѣни склоняю.

Отдѣльныя слова въ этомъ стихотвореніи отличаются необычайною мѣткостью. Въ двухъ строкахъ: «*Бытія* моего не хочу, *житія* моего не прерву»,—глубокая отвлеченная мысль, обнимающая два противоположныхъ горизонта. Отчаяніе, просвѣтленное религіознымъ откровеніемъ, останавливаетъ свой разрушительный полетъ, готовое пройти до конца всѣ житейскія ступени. Понявъ безсиліе бытія, художникъ съ тонкимъ чутьемъ прославляетъ самообладаніе и терпѣніе. «Житія моего не прерву», говоритъ онъ,—и этими простыми словами высота отвлеченнаго разсужденія, какъ солнечнымъ лучемъ, озаряется состра-

дательной любовью къ безсильнымъ, но священнымъ формамъ человѣческой жизни.

Какъ тучки въ небѣ, въ сердцѣ таютъ
Желанья гордыя мои
И голоса мечты смолкаютъ,
Какъ на разсвѣтѣ соловьи.

Забывъ надменные порывы,
Ловя попутную струю,
Стремлю въ покойные заливы
Мою ладью,—

И тамъ, гдѣ темной тѣнью ветелъ
Я буду кротко осѣненъ,
Все то, чѣмъ душу я заботилъ,
Отвѣтъ непробудный сонъ.

Четыре среднихъ строки, несмотря на подражаніе Тютчевскому слогу, полны поэтической жизни, самобытной и свѣжей. Но такихъ стихотвореній въ новой книжкѣ г. Сологуба, къ сожалѣнію, очень мало, потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ холодная версификація, представляющая смѣшеніе декадентскаго краснорѣчія съ безвкусными выраженіями, скрываетъ отъ читателя настоящій авторскій талантъ. Почти совершенно незамѣтно, чтобы г. Сологубъ умѣлъ критически относиться къ собственнымъ словамъ, выбирать выраженія тонкія, острыя, мѣткія и откидывать выраженія затрепанныя, пригодныя для пошлой уличной бесѣды. Въ одномъ и томъ-же стихотвореніи цвѣты поэзіи у него выростаютъ рядомъ съ крапивою мѣщанской риторики—то «возвышенно» патетической, то вульгарно обличительной. «Что мнѣ людскіе *покоры* и смѣхъ!»—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ г. Сологубъ. «Не опасайтесь шутки смѣлой, но бойтесь *шутки шутовской*, предъ сильнымъ рабски онѣмѣлой, предъ слабымъ *нагло-разбитной!*» громко вопіетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Нагло-разбитной! Какая сила презрѣнія и гнѣва въ поэтическомъ произведеніи. Описывая блескъ и сіяніе райскихъ обителей, авторъ заставляетъ своего ангела *ковать* прилежно *слезы* и кровь. Прозаическое слово «напряженный», «напряженно» повторяется въ стихахъ г. Сологуба нѣсколько разъ. «И напрасно кипитъ *напряженно* мечта,— этотъ міръ и суровъ и нелѣпъ». «Я гляжу, но во мракѣ ночномъ *напряженный* мой взоръ потонулъ». Мѣстами въ книжкѣ попадаются даже неловкости. Авторъ пишетъ: «сбросивъ одежды съ *плечей*»—въ стихотвореніи, напечатанномъ на 117-й стр., а на страницѣ 33-й мы имѣемъ прозаическую фразу, повторяющую то-же слово и съ такимъ-же уродливымъ падежнымъ окончаніемъ: «одѣяло скатилось съ ея *плечей*».

Если отъ стиховъ обратиться къ двумъ разсказамъ г. Сологуба,

то и здѣсь мы найдемъ огромное множество выраженій, обличающихъ грубость литературнаго вкуса въ такой степени, которая почти несоединима съ настоящимъ поэтическимъ талантомъ. Въ очеркѣ подъ названіемъ «Червякъ», не представляющемъ особенныхъ художественныхъ достоинствъ и крайне примитивномъ по своему психологическому содержанію, мы наталкиваемся на рѣдкіе перлы тривіальнаго краснорѣчія. Грубо ругательныя слова, напоминающія жаргонъ захолустныхъ постоялыхъ дворовъ, сыплются съ неудержимою силою. «Холера», «шкура барабанная!» кричитъ въ невѣроятномъ изступленіи одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, встрѣтившись съ учительницей гимназіи. Не желая связываться съ *дрянью*, Владиміръ Ивановичъ плюетъ, энергично ругается и идетъ домой, радостно чувствуя, что «аппетитъ его *взыгралъ* и удвоился». Шкура барабанная—чудесное словцо въ разсказѣ, претендующемъ на психологическую глубину. Но не желая угомонить своего героя, г. Сологубъ даетъ ему еще нѣсколько крѣпкихъ словъ, какъ-бы для того, чтобы показать свою находчивость въ придумываніи экстравагантныхъ выраженій. Придя домой, Владиміръ Ивановичъ продолжаетъ угрожать учительницѣ гимназіи: «Я ей, *курицыной дочкѣ!*» кричитъ онъ. «Будетъ помнить до новыхъ вѣниковъ, ясенъ колпакъ!» «Холера», «шкура барабанная», «ясенъ колпакъ», «курицына дочка»—какой словарь, какія красоты подъ рукою писателя, сочувствующаго эстетическимъ теченіямъ въ современной литературѣ. «Ясенъ колпакъ!» восклицаетъ Владиміръ Ивановичъ на четырнадцатой страницѣ. «Ясенъ колпакъ!» рычитъ онъ на девятнадцатой страницѣ. «Цыцъ, ясенъ колпакъ!» разрывается онъ на двадцать первой страницѣ, возбуждая въ читателѣ нервный ужасъ передъ этимъ мутнымъ потокомъ базарнаго сквернословія, «взыгравшаго» съ необычайною силою. Въ другомъ мѣстѣ Владиміръ Ивановичъ заливается «грохочущимъ хохотомъ», неистово восклицая: «Сосетъ, ясенъ колпакъ! Доѣхалъ таки я тебя! Володька Рубоносовъ не дуракъ!» Привлеченныя «грохочущимъ хохотомъ», «дѣвочки прибѣжали въ столовую». Но грохочущій хохотъ продолжаетъ «разгульно разливаться», при всеобщемъ изумленіи. Желая напугать маленькую дѣвочку Ванду, Владиміръ Ивановичъ хмуритъ бѣлесоватыя брови и кричитъ, что ночью къ ней въ ротъ вползетъ червякъ. Когда-же, спустя нѣкоторое время, дѣвочкѣ показалось, что червякъ уже вползъ, Владиміръ Ивановичъ продолжаетъ наводить на нее страхъ слѣдующими словами: «Ты чего зубы скалишь, Ванда? Дура! Червякъ только пока притихъ, отогрѣвается, а вотъ дай сроку, начнетъ сосать, взвоешь *истошнымъ* голосомъ». Таковы реалистическіе пріемы г. Сологуба въ этомъ довольно посредственномъ разсказѣ. Но иногда, позабывъ о «барабанной шкурѣ», «холерѣ» и «курицыной дочкѣ», авторъ переходитъ на тонъ болѣе нѣжнаго повѣствованія, чтобы за-

гладить впечатлѣніе грубой, безсмысленной и бездарной трескотни крѣпкихъ словъ и фразъ. У Ванды, пишетъ онъ, сердце замирало тихонько отъ *темнаго* и *тайнаго* предчувствія. Вандѣ было тоскливо и *томно*, прибавляетъ онъ черезъ одну строку. *Томная* усталость наливала ея ноги болѣзненною тяжестью, замѣчаетъ онъ дальше, черезъ двѣ строки. *Томительная* тоска безсонницы *душными объятіями* обхватила Ванду, прибавляетъ онъ подъ конецъ страницы. А за этими темными, томными и таинственными выраженіями слѣдуетъ еще болѣе загадочное описаніе душевнаго состоянія Ванды. Ванду *что-то* испугало, *какой-то* смутный сонъ, *какія-то* неопредѣленныя ощущенія. Напряженно всматриваясь въ мракъ спальни, Ванда думаетъ отрывочными и неясными мыслями о *чемъ-то* непонятномъ. *Что-то* постороннее ползетъ по ея языку...

Такое же странное сцѣпленіе фразъ, поражающихъ своею стилистическою некультурностью, съ наивными выраженіями неопредѣленно романтическаго характера мы имѣемъ въ третьемъ разсказѣ г. Сологуба, «Къ звѣздамъ». Совершенная неспособность автора критиковать собственный словарь даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Желая обрисовать болѣзненнаго мальчика, склоннаго къ идеалистическимъ грезамъ, мальчика, не выносящаго никакого громкаго смѣха и крика, г. Сологубъ, между прочимъ, пишетъ: «Вдругъ визгливые звуки гармоники долетѣли откуда-то издали и пробудили Сережу изъ его самозабвенія. Сережа удивился чему-то и потомъ досадно стало ему на разбудившую его гармонику, *гнусные* звуки которой прыгали и *кобянились* надъ мальчикомъ. Эти звуки, нахальные, скрипучіе, неотвязчивые, напомнили ему все, что бываетъ днемъ». Когда молодой писатель безъ всякаго разбору хлещетъ на бумагу слова, не слыша ихъ собственнымъ ухомъ—это значитъ, что, при самой возвышенной тенденціи, ему никогда не овладѣть красотою дѣйствительно художественнаго или поэтическаго письма. Нахальные, скрипучіе, неотвязчивые, гнусные звуки *кобянились* надъ мальчикомъ! Такими эпитетами можно наполнить десятки страницъ, не сдѣлавъ ничего для литературы, потому что между художественной рѣчью и словеснымъ пьянымъ угаромъ на неврастенической подкладкѣ такая-же огромная разница, какъ между красотою и физическимъ уродствомъ. Но смутно догадываясь о крайнемъ несовершенствѣ своихъ натуралистическихъ описаній, г. Сологубъ и здѣсь прибѣгаетъ, на ряду съ выраженіями, ничѣмъ не отличающимися отъ «курициной дочки» и «шкуры барабанной», къ разнымъ риторическимъ фразамъ, производящимъ, однако, впечатлѣніе литературнаго безсилія. Въ разсказѣ, который долженъ изобразить идеальный полетъ мальчика къ звѣздамъ, у него почти на каждой страницѣ что-нибудь «мерцаетъ». Холодные глаза Сережи «мерцали» на его блѣдномъ лицѣ, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ. Сережа съ удовольствіемъ поглядѣлъ-бы, такъ-ли сегодня «мерцаютъ»

звѣзды, какъ вчера «мерцали», пишетъ онъ на слѣдующей страницѣ. Однажды Сережа отодвинулъ штору, сталъ на колѣни передъ окномъ, положилъ подбородокъ на подоконникъ и принялся глядѣть на ясныя звѣзды «мерцающими» черными глазами. Безконечное мерцаніе звѣздъ и глазъ на протяженіи многихъ страницъ утомляетъ своимъ однообразіемъ.

Вотъ какъ пишетъ г. Сологубъ. Смѣсь вульгарности съ талантомъ, меланхолическая тоска, навѣянная метафизическими грезами, на довольно безцвѣтномъ фонѣ мелкаго чувственнаго извращенія, отрывочный слогъ, доходящій иногда до остраго лаконизма, рядомъ съ безсильнымъ декадентствомъ въ подборѣ особенно тонкихъ красочныхъ оттѣнковъ и первобытной стилистической безпутицей, поэтическая простота въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, неизмѣнно перемежающаяся съ версификаторскимъ бредомъ—таковы явныя для всѣхъ особенности писательскаго творчества г. Сологуба. Потребуется серьезная самообработка въ направленіи интеллигентнаго изящества и культурнаго приличія прежде, чѣмъ г. Сологубъ займетъ опредѣленное мѣсто въ современномъ литературномъ движеніи, потому что при одной сырой, стихійной талантливости, не достигшей особенной высоты, нельзя создать ничего крупнаго и важнаго въ области искусства. Несмотря на порывы въ сторону символизма, г. Сологубъ уродливыми сторонами своего дарованія всецѣло принадлежитъ старому теченію, еще не изсякшему въ необъятномъ океанѣ русской литературы. Отсутствіе внутренней красоты въ настроеніяхъ и болѣзненно-блѣдное равнодушіе къ высшимъ задачамъ и интересамъ человѣческаго духа мѣшаютъ ему овладѣть тѣми поэтическими образами, которые даются только умамъ, *горящимъ* страстной любознательностью къ личной и міровой правдѣ. При широкой перспективѣ, которая вдругъ открывается въ отдѣльныхъ его набросках, нельзя найти у г. Сологуба той живой и оживляющей силы артистической возбужденности, которая даетъ возможность тоньше чувствовать явленія, отгадывать и постигать таинственныя связи между человѣкомъ и природою, между человѣкомъ и людьми, всѣмъ человѣческимъ родомъ и Богомъ. Никакого экстаза, кромѣ разсудочнаго, никакого полета къ звѣздамъ, несмотря на нервически крикливое изображеніе разныхъ дѣтскихъ фантазій, никакого огня, безъ оттѣнка романтической пошлости, который озарялъ-бы трагическую бездну земного существованія, никакой художественной изобрѣтательности въ созданіи лицъ, простыхъ, ясныхъ, знакомыхъ всѣмъ. Даже въ лучшихъ произведеніяхъ г. Сологуба мы не находимъ ни клочка неба, описаннаго поэтическими словами, никакихъ цѣльныхъ фигуръ съ художественнымъ изображеніемъ костюма, походки, интонацій голоса, никакого внѣшняго чувственнаго облика, однимъ словомъ—живого тѣла, безъ котораго ни одинъ разсказъ не можетъ насъ удовлетворить. Не умѣя сочетать въ одно органическое цѣлое чистыя идеи

съ каждодневными воспріятіями, г. Сологубъ при этомъ лишенъ того внутренняго пламени, которое можетъ сдѣлать иногда наглядною философскую мысль писателя помимо художественныхъ средствъ и образовъ. .

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней.
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ—*огнемъ* души твоей!..

Исполненъ радости иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тѣни предъ тобой—
И ту разсѣетъ тьму, прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

Это стихотвореніе Майкова не нуждается въ прозаическомъ истолкованіи.

II.

Теперь, отбросивъ всякіе частные примѣры, скажемъ нѣсколько словъ о декадентствѣ и символизмѣ, которыми печать занимается въ послѣднее время съ особеннымъ усердіемъ. Не привлекая къ обсужденію никакихъ фактовъ изъ новѣйшей литературы, мы желаемъ въ немногихъ словахъ указать на причины, породившія это новое броженіе въ искусствѣ, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что между старыми и новыми силами литературы образуется глубокій умственный расколъ, который будетъ выростать съ каждымъ днемъ. Даже при самомъ враждебномъ отношеніи къ дѣятелямъ новѣйшей литературы, нельзя не видѣть, что они выдвинуты на сцену историческими обстоятельствами, надъ которыми долженъ одержать побѣду разумъ. Откликаясь на все живое, искусство не можетъ относиться равнодушно къ постоянной борьбѣ двухъ противоположныхъ силъ, образующихъ старое и современное русское общество: положительнаго матеріализма, съ его незаконными притязаніями на здравость, и философскаго идеализма, который до сихъ поръ, несмотря на тысячи катастрофъ и разочарованій въ житейской и теоретической области, не можетъ быть осмысленъ толпою, пріученною къ плоскимъ дѣламъ и плоскому резонерству. Между этими двумя силами идетъ борьба, которая тоже будетъ выростать и расширяться во всѣ стороны съ каждымъ днемъ. Потребность въ міросозерцаніи, обнимающемъ всѣ проявленія человѣческаго духа, стала всеобщимъ явленіемъ нашихъ дней. Можетъ быть, уступая напору грубой силы, *сегодняшнее* общество съ искусственно подогрѣтымъ увлеченіемъ станетъ еще апло-

дировать банальному краснорѣчію на выдохшіяся темы, но ничто уже окончательно не заглушитъ въ немъ протеста, возбужденнаго ограниченностью прежняго общефилософскаго воззрѣнія на міръ и на людей. Духовные инстинкты просыпаются въ цѣлой Европѣ. Окончательно погребенный критическою философіею новѣйшихъ умственныхъ эпохъ, матеріализмъ не оживетъ никогда, потому что люди стали думать и чувствовать тоньше, лучше и вдохновеннѣе прежняго, потому что чуткимъ слухомъ стали восприниматься нѣжныя и далекія волненія души, происходящія на границѣ съ невѣдомою міровою тайною. Если существуетъ нѣчто единое, вѣрное и свободное за блистательнымъ покровомъ видимыхъ явленій, то должна быть во что-бы то ни стало создана такая философія, которая прозрѣвала-бы этотъ покровъ, отгадывала-бы смыслъ міровыхъ явленій, соединяла-бы съ логическою безповоротностью видимое съ невидимымъ. Разбираясь въ событіяхъ внѣшней жизни, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что при анализѣ, не идущемъ въ глубину, отъ насъ постоянно ускользаетъ нѣчто очень важное для полноты одушевленнаго пониманія міра. Мы не видимъ вещей, какія онѣ есть въ дѣйствительности, если къ простымъ, чувственнымъ впечатлѣніямъ не присоединяемъ нашего внутренняго идеальнаго свѣта. Какое-бы явленіе мы ни стали описывать, оно покажется живою силою только въ томъ случаѣ, если раньше будетъ разгадана его скрытая духовность, его таинственная связь съ міромъ отвлеченныхъ идей, обращенныхъ къ загадкамъ жизни. Съ приливомъ новыхъ силъ въ современную литературу, естественная потребность въ глубокихъ воспріятіяхъ, угнетенная прежнимъ матеріалистическимъ ученіемъ, стала обнаруживаться въ разныхъ мѣстахъ, среди работниковъ науки и въ наиболѣе интеллигентныхъ слояхъ общества, до сихъ поръ еще лишеннаго умственной самостоятельности. Отовсюду стали слышаться голоса, не удовлетворенные старыми системами. Искусство, которое долго признавалось въ Россіи нѣкоторымъ подспорьемъ буржуазно-либеральной публицистики, первое встрепенулось, чтобы окончательно отложиться отъ ея мелко гражданственныхъ притязаній и пойти дорогою настоящаго художественнаго творчества.

Декадентство явилось открытою реакціею искусства противъ матеріализма. Инстинктивно постигая, что при каждой перемѣнѣ въ сознательномъ міросозерцаніи должны видоизмѣняться наши чувственныя ощущенія, люди, откровенно называющіе себя декадентами, бросились искать новыхъ формулъ, новыхъ красотъ, небывалыхъ словесныхъ сочетаній для передачи своихъ еще неясныхъ, не опредѣлившихся настроеній. Съ радостью они кинулись на свѣтъ, блеснувшій въ отдаленіи. Но въ очень короткій промежутокъ времени между первыми перестрѣлками воинствующихъ журнальныхъ партій и самыми крохотными завоеваніями научно-

философскаго идеализма, въ живой области искусства сдѣлана масса досадныхъ ошибокъ. Художественное созерцаніе жизни въ новомъ свѣтѣ, при неподготовленности къ серьезной умственной работѣ, замѣнилось бездушной декламацiей съ уродливымъ сочетаніемъ невѣроятныхъ словъ и банально безвкусныхъ образовъ. Изъ литературныхъ произведеній, задуманныхъ ради прогрессивной борьбы съ обветшалыми устоями культуры, стала исчезать та утонченная нравственная стыдливость, которая ограждаетъ авторскую личность отъ демонической безтактности, тотъ великій страхъ передъ невѣдомымъ божествомъ, который толкаетъ человѣческій духъ на поэтически свѣтлыя и возвышенныя дороги. Красота, неразлучная для современнаго человѣка съ внутреннимъ религіознымъ отреченіемъ, стала болѣе воинственнымъ терминомъ, чѣмъ наглядною для всѣхъ стихіею, потому что, при отсутствіи гармоническаго соотвѣтствія между притязаніями личности и безформенною святынею міра, не можетъ родиться никакая поэтическая форма, никакая красота, никакая ощутимая связь между чувственнымъ образомъ и божественностью, о которой говорится въ стихотвореніи Майкова. Будучи важнымъ протестомъ искусства противъ фальшивыхъ формулъ матеріализма и позитивизма, декадентство само по себѣ, какъ явленіе, знаменуетъ только переломъ въ міровоззрѣніи общества, еще не давшій, по крайней мѣрѣ, на русской почвѣ, ни одного человѣка съ особенно яркимъ литературнымъ талантомъ. За этимъ переломомъ должна послѣдовать эпоха, когда протестантскія силы соберутся для серьезной переработки старыхъ философскихъ и эстетическихъ понятій, потому что безъ разумѣнія точнаго и яснаго нельзя сдѣлать ни одного новаго шага впередъ, потому что, при замѣшательствѣ сознательныхъ идей и понятій, не могутъ прорваться творческія силы человѣка, которыя безсознательны по своей природѣ, потому что въ хаосѣ противорѣчивыхъ голосовъ не можетъ проявиться *единая* правда человѣческой скорби о красотѣ, неразлучной съ божествомъ.

Въ объясненіе этихъ бѣглыхъ замѣчаній мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ недавно полученное нами письмо отъ молодого писателя, Л. Денисова. Разсуждая о декадентствѣ и символизмѣ, авторъ приходитъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которымъ мы сочувствуемъ отъ души. Принадлежа по своему таланту къ новѣйшему литературному движенію, г. Денисовъ въ немногихъ словахъ своего интеллигентнаго письма кладетъ границу между декадентствомъ и символизмомъ, возражая противъ перваго и отдавая свои симпатіи второму. При всей своей краткости, письмо это заключаетъ въ себѣ, какъ намъ кажется, незаурядное философское содержаніе, заслуживающее общаго вниманія. Вотъ что пишетъ г. Денисовъ:

Милостивый Государь,
Господинъ Волынскій.

«Беру на себя смѣлость обратиться къ Вамъ съ этимъ краткимъ «письмомъ. Мнѣ казалось и кажется, что именно Вы, изъ всѣхъ «современныхъ дѣятелей литературы, наиболѣе склонны сочув- «ственно отнестись къ моимъ словамъ въ защиту и объясненіе «нѣкоторыхъ непонятыхъ движеній въ искусствѣ. Послѣднее время «говорятъ о символизмѣ, о «новыхъ теченіяхъ», о «новыхъ фор- «махъ», говорятъ непріязненно, съ насмѣшкой или съ возмуще- «ніемъ, почти всегда фатально смѣшивая понятіе символизма съ «декадентствомъ и доказывая несостоятельность перваго приве- «деніемъ цитатъ изъ сборника даже не одного изъ талантливыхъ «французскихъ поэтовъ этого «декадентскаго» типа, а большею «частью изъ произведеній какого-нибудь плохого, неумнаго или «слишкомъ молодого поэта «изъ новыхъ», какихъ во всѣ времена, «при вырожденіи серьезныхъ стремленій человѣческаго духа въ «острую и пошловатую моду, бываетъ много. И никогда, нигдѣ— «кромѣ Вашего журнала—я не встрѣчалъ ни одного сочувствен- «наго намека въ сторону такого серьезнаго явленія, какъ симво- «лизмъ въ искусствѣ, прямыхъ и простыхъ словъ, такъ или иначе «объясняющихъ его и дающихъ ему право на жизнь. Конечно, «здѣсь, въ коротенькомъ письмѣ, я не берусь разсмотрѣть это «явленіе со всѣхъ сторонъ. Мнѣ пришлось бы коснуться длиннаго «пути исторіи, высокой степени развитія культуры и науки, кото- «рая, вмѣсто того, чтобы привести человѣчество къ послѣднимъ «предѣламъ матеріализма, привела къ ненасытой жаждѣ религіи. «Обо всемъ этомъ говорить я не имѣю ни мѣста, ни возможности. «Я просто скажу нѣсколько словъ о современнемъ пониманіи—или «непониманіи—символизма.

«Символизмъ, прежде всего, діаметрально противоположенъ де- «кадентству. Быть можетъ, даже не слѣдовало бы упоминать о «декадентствѣ рядомъ съ символизмомъ. Но, повторяю, эти два «понятія такъ печально смѣшались въ умахъ людей даже наиболѣе «почтенныхъ, что невольно хочется раздѣлить ихъ навсегда. Дека- «дентство, какъ оно явилось во Франціи (у насъ его не было, были «плохія подражанія, незаслуживающія вниманія)—лишь неумѣлый, «ранній, болѣзненный протестъ противъ слишкомъ упорнаго мате- «ріалистическаго и натуралистическаго настроенія въ искусствѣ. «Измученная и слабая душа, уже обреченная на смерть, доходитъ «до крайности, лишь бы побѣдить ненужную и грубую силу мате- «ріализма. Декаденты бѣгутъ въ «чистое» искусство (безъ сим-

«волизма), въ звуки, въ индивидуализмъ, который тоже отрицаетъ «символизмъ. Декадентство родилось, стремилось къ смерти и «умерло, больное и слабое. Декадентство боялось разума, чистоты «пониманія. Символизмъ весь въ свѣтѣ разума, въ его широкомъ «и ясномъ спокойствіи. Символизмъ не рождался и потому не мо«жетъ умереть. Онъ былъ всегда. Онъ былъ и въ раннемъ ис«кусствѣ, въ душѣ художника—только слишкомъ глубоко, тамъ. «куда еще не хватили лучи сознанія. Но душа человѣка выросла. «Сознаніе стало ярче, лучи его длиннѣе, и вотъ мы увидѣли го«ризонты, которые были всегда, но которыхъ глаза наши, сквозь «тьму и сонъ, не умѣли различать. Природа, жизнь, весь міръ ка«жется намъ инымъ, говоритъ съ нами другими голосами, потому «что всѣ явленія стали для насъ прозрачными, *только символами*, «за которыми мы теперь видимъ еще что-то важное, таинствен«ное, единственно существующее.

«Говорятъ, что нужны «новыя формы» въ искусствѣ. Да, вѣ«роятно, нужны, потому что всегда бываютъ нужны новые мѣхи «для новаго вина, новыя выраженія для новыхъ чувствъ. И люди, «идущіе по этому пути, люди, души которыхъ ростутъ, становятся «шире и свѣтлѣе, должны найти для новаго новыя слова. Пусть «они ищутъ, пусть пробуютъ,—ихъ голоса, даже слабые, ближе и «нужнѣе намъ, чѣмъ самые сильные и прекрасные въ прошломъ «потому что *то* мы знаемъ, *то* уже пережито и сказано, а тутъ «въ насъ самихъ навстрѣчу просыпается еще неясная тревога «небывалыхъ чувствъ, которыя мы хотимъ и не умѣемъ выра«зить, и ждемъ и всегда ищемъ въ словахъ и творчествѣ другихъ «людей.

«Вотъ что мнѣ хотѣлось, Милостивый Государь, сказать по «поводу декадентства и символизма, о которыхъ Вы сами писали «нѣсколько разъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и, какъ мнѣ кажется «теперь, въ болѣе или менѣе сочувственномъ направленіи. Если «между нашими мыслями есть нѣкоторое согласіе, очень радъ: это «доказало бы мнѣ, что люди могутъ разными путями приходить «къ близкимъ по духу заключеніямъ и выводамъ. Предоставляю «Вамъ сдѣлать изъ моего письма то или другое употребленіе для «печати, если только оно можетъ дать Вамъ поводъ для какихъ«нибудь разсужденій на эту интересную тему.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Л. Денисовъ».

Г. Денисовъ замѣчаетъ основательно, что декадентство діаметрально противоположно символизму, хотя въ современной европейской литера-

турѣ оба явленія обозначились въ одинъ и тотъ-же историческій моментъ: первое—какъ протестъ противъ старыхъ философскихъ воззрѣній, второе—какъ творческая переработка художественныхъ впечатлѣній въ новомъ свѣтѣ. Отвергая декадентство, молодой писатель показываетъ критическое отношеніе къ событіямъ и фактамъ новѣйшей литературы. Въ самомъ дѣлѣ, декадентство быстро отцвѣло. Еще не создавъ новыхъ словесныхъ выраженій для передачи наиболѣе тонкихъ чувственныхъ воспріятій, оно быстро стало расплываться въ символизмѣ, который не идетъ никакими исключительными путями, но ищетъ простой и ясной для всѣхъ правды. Если въ міровоззрѣніи людей произошелъ переворотъ въ извѣстную сторону, то отсюда понятно, что искусство должно показать живую силу этого переворота на дѣлѣ, т. е. въ изображеніи людей и природы, согласномъ съ новыми идеями и понятіями. Если міросозерцаніе человѣка изъ матеріалистическаго стало, послѣ долгой внѣшней и внутренней борьбы, міросозерцаніемъ идеалистическимъ, то отсюда слѣдуетъ, что къ природнымъ силамъ искусства прибавилась новая сознательная сила, согласная съ его безсознательными стремленіями. Искусство идеально съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ. Но на пути своего историческаго развитія, при разнообразныхъ теченіяхъ общественной и умственной культуры, оно постоянно встрѣчалось съ многочисленными препятствіями, лежавшими въ сознательной сферѣ человѣка. Каждая мысль, какъ-бы случайна она ни была, либо мѣшаетъ, либо содѣйствуетъ проявленію творческаго духа. Даже при огромной силѣ таланта, преодолѣвающей всякія препятствія, искусство не можетъ окончательно освободиться отъ искажающаго дѣйствія внутреннихъ предразсудковъ, не разсѣянныхъ критическою мыслью. Такую могучую антихудожественную тенденцію представлялъ матеріализмъ прошедшей литературной эпохи. Не побѣдивъ идеальныхъ инстинктовъ, безсознательно прокладывающихъ вѣрные пути для творчества, онъ не могъ не наложить свою печать даже на лучшія произведенія литературы. Художники, окруженные злыми врагами, совершали свою работу въ нѣкоторомъ смущеніи передъ бурно взыгравшимъ потокомъ односторонней и мелко гражданственной публицистики. Великіе таланты, сознавая ничтожество полуобразованной публицистической декламаціи, отворачивались отъ господствующихъ вѣяній литературы, но люди съ дарованіемъ слабымъ и среднимъ, не имѣя крѣпкихъ опоръ въ собственномъ сознаніи, неизбѣжно поддавались имъ и шли на грубую ломку природныхъ силъ и симпатій. Но съ перемѣною сознательныхъ представленій и понятій искусство пріобрѣтаетъ новыя средства и силы. Идеализмъ, вносящій стихію духовности въ каждое впечатлѣніе, расчищаетъ дорогу для творческой дѣятельности. При новой умственной работѣ съ иными перспективами, старыя безсознательныя вѣрованія и влеченія должны получить характеръ разумно понятаго за-

кона, нѣкотораго сознательнаго побужденія, ведущаго свѣтлымъ путемъ къ свѣтлой цѣли. Освободившись отъ затемняющихъ предразсудковъ матеріализма, искусство получило доступъ къ прозрачнымъ формамъ, легко и непринужденно облекающимъ нѣжныя и мягкія проявленія человѣческой божественности. Вотъ когда искусство, покинувъ старые пути, становится символическимъ, въ истинномъ смыслѣ слова. Не измѣняясь ни въ чемъ на поверхности, оно таинственно открываетъ за каждымъ изображаемымъ явленіемъ трагическій горизонтъ разрушенія и освобожденія. Душа, достигшая высшаго расцвѣта въ атмосферѣ критической мысли, которая разбиваетъ всякіе кумиры и съ негодованіемъ откидываетъ отъ себя мелкіе соблазны, расторгающіе ея благородный союзъ съ міровою душою, хочетъ и должна показать себя теперь въ образахъ и созданіяхъ высшей красоты. Символическое движеніе въ новѣйшемъ искусствѣ неразрывно связано съ глубокою реформою во всѣхъ областяхъ сознательной мысли, и тотъ, кто пожелалъ-бы, среди освободительныхъ требованій новѣйшей умственной эпохи, повторить классическій символизмъ Софокла и Эсхила или даже вдохновенную символизацію геніальныхъ мастеровъ итальянскаго Возрожденія, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, обрекъ-бы себя на работу, лишенную историческаго значенія, невозможную, недоступную никакому таланту при новыхъ, нѣжныхъ и идеалистически легкихъ мечтаніяхъ его собственной души. Прошедшее никогда не оживаетъ, потому что все ростетъ непрерывно. Между старо-классическою культурою, съ ея великолѣпнымъ Діонисовскимъ горизонтомъ, и культурою современною, съ ея благороднымъ, мечтательнымъ тяготѣніемъ къ освободительной правдѣ, съ ея просвѣтленнымъ разочарованіемъ предъ земными печалями и *безъисходно* трагическимъ внутреннимъ горизонтомъ, разница огромной исторической важности. Еще глубже и серьезнѣе различіе между культурою современности и культурою Ренессанса, съ ея неискреннимъ и потому не сильнымъ вакхическимъ изступленіемъ, съ ея искусственнымъ сочетаніемъ противоположныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ, достигнувъ полнаго развитія, долженъ былъ раствориться въ броженіи новыхъ силъ исторіи, а другой, еще не раскрывъ своего богатаго содержанія, ожидалъ великихъ побѣдъ въ области науки и философіи.

Что такое символизмъ? Символизмъ есть художественное сочетаніе міра явленій съ таинственнымъ міромъ божества. Въ этомъ опредѣленіи ясно выступаютъ два начала, необходимыя для символическаго творчества. Какъ и всякое искусство, символизмъ обращенъ къ простымъ и нагляднымъ событіямъ жизни, къ міру для всѣхъ очевидныхъ фактовъ, къ явленіямъ природы и явленіямъ человѣческаго духа. Чѣмъ точнѣе и трезвѣе воспріятіе, чѣмъ меньше романтическаго дыма въ описаніи конкретныхъ фактовъ, чѣмъ яснѣе и холоднѣе созерцаніе, тѣмъ лучше для

искусства. Вѣрныя ощущенія внѣшняго и внутренняго міра — главная сила для художественнаго творчества. Обладаніе, какъ можно болѣе широкое, міромъ явленій должно быть положено въ основу всякаго философскаго или поэтическаго изслѣдованія, потому что только при умѣніи видѣть и добывать факты съ научною достовѣрностью становится доступнымъ пониманіе этихъ фактовъ. Итакъ, символическое искусство, какъ и всякое искусство, начинается съ простыхъ явленій. Но идя общимъ для всякаго творческаго процесса путемъ, символизмъ имѣетъ большія преимущества передъ прежними литературными школами и направленіями. Когда писатель, разбираясь въ пестромъ матеріалѣ своихъ наблюденій, руководится при этомъ какими-нибудь несложными понятіями, стоящими ниже философской мысли своей эпохи, онъ можетъ дать намъ только крайне несовершенные выводы своего ума въ тѣхъ или другихъ художественныхъ образахъ. При тускломъ освѣщеніи онъ не видитъ дѣйствительныхъ свойствъ и признаковъ стоящихъ предъ его глазами фактовъ. Ихъ внутренней сущности, ихъ таинственнаго значенія онъ не сознаетъ. Механически сцѣпленные съ другими предметами и фактами на своей поверхности, они не кажутся ему — въ блѣдномъ мерцаніи его гражданственныхъ или политическихъ понятій—*явленіями*, т. е. внѣшнимъ, законченнымъ, точно и ясно оформленнымъ выраженіемъ таинственныхъ основъ жизни. Самое понятіе *явленія* — прекраснѣйшее поэтическое достояніе новѣйшей философіи — имѣетъ логическій смыслъ только при міросозерцаніи идеалистическомъ, въ которомъ видимое и невидимое, конечное и безконечное, чувственно реальное и мистическое слиты въ неразрывномъ единствѣ, какъ неотъемлемые признаки двухъ соприкасающихся между собою міровъ. Служа идеализму, символическое искусство вноситъ въ широкій міръ воспріятій самый яркій свѣтъ. Ни на одну минуту символизмъ не выходитъ изъ законной области искусства. Въ освѣщеніи своихъ идей и понятій онъ видитъ явленія и изображаетъ только явленія. Эта основная черта символическаго искусства показываетъ намъ, какую роль должно играть мистическое настроеніе писателя при созиданіи тѣхъ или другихъ поэтическихъ картинъ и образовъ. Если задача искусства описывать явленія, то это значитъ, что въ совершенномъ произведеніи на первомъ планѣ должны быть событія внутренней и внѣшней жизни, доступныя чувственному воспріятію. Подъ страхомъ безплодности, искусство никогда не должно превращаться ни въ богословіе, ни въ отвлеченную философію. Каковы-бы ни были тѣ средства, которыя помогаютъ намъ воспринять и понять міръ явленій, міръ этотъ, разъ усвоенный, выдвигается впередъ въ творческой работѣ художника, заслоняя все прочее. На сценѣ не остается ничего, кромѣ явленій, со скрытою подъ ними трагическою бездною, которую нельзя не почувствовать, когда художникъ даетъ намъ не грубо размалеванную

картину безжизненныхъ фактовъ, а тревожный міръ борьбы и страданій въ неизбѣжно расплывающихся, какъ морская зыбь, формахъ. Никакой философіи, не говоря уже о жалкомъ отвлеченномъ резонерствѣ, не должно быть на поверхности символическаго искусства. На поверхности должны быть явленія и только явленія. Тѣла, костюмы, живая человѣческая походка, выраженіе лицъ и глазъ, всѣмъ понятныя, но постоянно углубляющіяся ощущенія и мысли—вотъ настоящая сфера того искусства, которое идетъ сознательнымъ путемъ идеализма. Вотъ когда искусство является настоящимъ художественнымъ сочетаніемъ міра явленій съ таинственнымъ міромъ божества, потому что такая творческая работа возможна только тогда, когда художникъ, въ самомъ дѣлѣ, живо ощущаетъ Бога, непосредственно соприкасается съ нимъ, непроизвольно соединяетъ простыя чувственныя впечатлѣнія, которыя льются на него извнѣ, съ внутреннимъ религіознымъ экстазомъ.

Культура и наука, вмѣсто того, чтобы привести человѣка къ послѣднимъ предѣламъ матеріализма, привела его къ ненасытной жаждѣ религіи, пишетъ г. Денисовъ. Эта жажда религіи, съ которою уже не враждуетъ наука, вылившаяся изъ критической философіи, создала то новое направленіе въ искусствѣ, которое называется символизмомъ. Молодые писатели *сознательно* хотятъ идти тѣмъ путемъ, какимъ искусство шло всегда въ лицѣ своихъ настоящихъ представителей. Побѣдивъ декадентство, съ его наивно банальными химерами и демоническимъ пустословіемъ, искусство идетъ къ новому совершенству и новой красотѣ, о которой въ Россіи грезили лучшіе художники. Возстановивъ свою связь съ религіознымъ сознаніемъ, поэтическое творчество станетъ когда-нибудь, какъ это было въ Элладѣ, лучшимъ дѣломъ для человѣка.

III.

Если отъ разсказовъ г. Соллогуба и разсужденій о декадентствѣ и символизмѣ перейти къ беллетристическимъ писаніямъ разныхъ другихъ авторовъ, мы вступаемъ въ пустынную область самаго плоскаго и, по существу, никому ненужнаго сочинительства. При многочисленныхъ своихъ недостаткахъ, грубости стиля и болѣзненной напряженности чувственнаго воображенія, г. Соллогубъ, все-таки, писатель съ талантомъ, который обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ о себѣ говорить, чему-то и для чего-то служитъ съ извѣстнымъ увлеченіемъ. Даже при строгой критикѣ нельзя не видѣть, что его литературныя работы созданы новыми вѣяніями, которыя не сегодня, такъ завтра выдвинутъ другихъ, болѣе даровитыхъ представителей. Но при самомъ снисходительномъ отношеніи къ нѣкоторымъ писаніямъ нашихъ дней трудно найти какой-нибудь смыслъ, логику или чувство въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, романовъ и новеллъ, которыми переполняются ежемѣсячные журналы, из-

даваемые по старому шаблону. Авторы съ безнадежною наивностью сочиняютъ пустѣйшія небылицы, выдавая ихъ за произведенія художественнаго творчества. Затасканными фразами описываются глупѣйшія адюльтерныя исторіи, безъ единаго признака оживленнаго пониманія человѣческой жизни, ея глубинъ и страстей, ея психологическихъ и духовныхъ законовъ. За произведеніями съ такимъ «романтическимъ» содержаніемъ слѣдуютъ произведенія, сочиняемыя съ болѣе или менѣе либеральными тенденціями, съ прогрессивнымъ намѣреніемъ бросить убійственную стрѣлу въ земскаго начальника или обличить, опозорить несовершенство разныхъ провинціальныхъ самоуправленій и вообще поддержать расползающіяся преданія прежняго реалистическаго творчества. Настоящее искусство исчезаетъ съ каждымъ днемъ. Мы много разъ говорили о болѣе видныхъ писателяхъ послѣдняго десятилѣтія, и потому, не желая повторяться, отмѣтимъ для заключенія нашего критическаго фельетона за этотъ годъ двухъ сочинительницъ, дающихъ многочисленные образчики удивительно скудной интеллигентности во всѣхъ отношеніяхъ, хотя произведенія ихъ пріобрѣтаютъ и уже пріобрѣли себѣ нѣкоторую извѣстность среди читающей публики. Если при полномъ отсутствіи стиля, а иногда и замѣтномъ безграмотствѣ, можно стать писателемъ, то авторы лежащихъ предъ нами книжекъ должны считаться почти выдающимися дѣятелями въ современной печати. Если для искусства не требуется ни ума, ни писательскаго темперамента, не требуется почти никакой оригинальности въ настроеніяхъ и пониманіи міра, то они могутъ притязать на почетные дипломы предъ другими работниками на поприщѣ беллетристики. Мы говоримъ о г-жѣ Крестовской и г-жѣ Лухмановой. Разсказы г-жи Крестовской, подвизающейся много лѣтъ въ разныхъ столичныхъ журналахъ, представляютъ странную смѣсь вульгарной наивности съ неудержимою словоохотливостью, рапущенною безъ всякаго соображенія о томъ, что творчество требуетъ сжатыхъ описаній и діалоговъ. Ни единаго мѣткаго наблюденія, которое говорило-бы о настоящемъ знаніи жизни, мы не встрѣтили въ цѣломъ рядѣ повѣстей г-жи Крестовской. Ничего не видя, она описываетъ предметы, людей и событія съ институтскою пылкостью, почти невѣроятною при современныхъ прозаическихъ нравахъ литературы и жизни. Сюжетъ не обдуманъ совершенно, о какихъ-нибудь характерахъ и художественной типичности не можетъ быть и рѣчи.

Приведемъ примѣры.

Вотъ разсказъ подъ названіемъ «Ревность». Жили между собою въ полной дружбѣ мужъ и жена. Онъ былъ порядочный человѣкъ, она была честная, но ревнивая женщина. Случилось такъ, что умеръ гдѣ-то въ провинціи его пріятель, оставивъ жену и дѣтей. Тогда разыгралась

семейная драма. Узнавъ, что вдова пріѣдетъ на жительство въ Петербургъ, жена взволновалась, взроптала и стала психопатить съ истерической неудержимостью. При первомъ подозрѣніи, она потребуетъ развода. Такъ оно и случилось. Вдова пріѣхала, привезла дѣтей, пріятель полетѣлъ къ ней навстрѣчу, а ревнивая жена стала вытворять невѣроятныя безразсудства. Она не ѣстъ и не спитъ. Наконецъ, дѣло дошло до развода, какъ это и предполагалось въ самомъ началѣ. Но пока что, она готова кокетничать направо и налѣво—со всѣми, кто будетъ за нею ухаживать. Какія великія бѣдствія собрались вокругъ благополучнаго семейнаго очага! Съ каждымъ днемъ страсти кипятъ все сильнѣе. Однажды ночью, онъ, схвативъ подушку, трагически выбѣжалъ изъ ихъ семейнаго алькова, и она осталась одна. Какой ужасъ! Въ другой разъ она, надѣвъ нарочно легкіе башмачки, пошла въ сырую погоду на улицу, чтобы простудиться и тѣмъ насолить невѣрному мужу. Но она не простудилась, а только схватила насморкъ. А онъ все бѣгаетъ къ несчастной вдовѣ. Боже, какое предательство, невыносимое для любящей женщины! Семейная драма въ полномъ разгарѣ. Но виноватыхъ людей совсѣмъ нѣтъ, потому что вдова стара и безобразна, а мужъ благороденъ. При всѣхъ ея недостаткахъ, онъ любитъ только свою законную супругу. Послѣ многихъ комическихъ осложненій, все потянулось, однако, старымъ путемъ полнѣйшаго семейнаго благополучія. Таково содержаніе одного изъ типичныхъ для г-жи Крестовской разсказовъ. Легко понять, какія психологическія глубины открываетъ предъ нами почтенная писательница, и потому, не вдаваясь въ безплодный анализъ внутреннихъ достоинствъ этого литературнаго произведенія, мы отмѣтимъ только внѣшнюю манеру г-жи Крестовской, стиль, которымъ написанъ этотъ и другіе ея разсказы, рѣдкое великолѣпіе фразъ и словъ, разсыпанныхъ съ необычайною щедростью и женственною граціею. Неумѣнье избѣгать однозвучныхъ словъ и выраженій на тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ строкъ составляетъ постоянную особенность ея литературнаго слога. Г-жа Крестовская пишетъ: «Въ сущности, я ждала *этого* уже почти годъ, съ того самаго дня, когда узнала, что у него *эта* ужасная болѣзнь. И все-таки, когда *это*, наконецъ, случилось, мнѣ показалось, что я никогда *этого* не думала и не ждала, Я думаю, что всегда такъ бываетъ: къ *этому* нельзя ни привыкнуть, ни приготовиться». Въ двухъ фразахъ мѣстоименіе «это» повторяется пять разъ. Но если вы перейдете къ слѣдующей и слѣдующимъ страницамъ, на васъ обильнымъ дождемъ хлынетъ это мѣстоименіе въ разныхъ падежахъ и числахъ. *Это* случилось, пишетъ г-жа Крестовская на 29-й стр. До *этого* ей было больнѣе всего касаться, прибавляетъ она черезъ нѣсколько строкъ. *Эти* подробности казались ей неважными, пишетъ она тутъ-же, въ слѣдующей строкѣ.

Передъ *этимъ* фактомъ все остальное стушевывалось, разсказываетъ она въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. *Это* всегда одинаково случается, *это* всѣ должны перенести, всѣ безсильны передъ *этимъ*,—сыплется на васъ, какъ мелкій горохъ, коротенькое указательное мѣстоименіе, изо всѣхъ фразъ, на каждой страницѣ вульгарнаго и до ребячливости наивно растянутаго разсказа.

Не умѣя находить точныя красочныя выраженія, г-жа Крестовская на мѣсто опредѣленныхъ словъ постоянно ставитъ ничего незначущее мѣстоименіе «какой-то». Никакое описаніе не обходится безъ этого слова, придавая фразамъ оттѣнокъ безплоднаго стилистическаго напряженія. Одна безконечно длинная фраза громоздится на другую, но художественное описаніе нисколько не двигается впередъ, ничего не выражаетъ и не объясняетъ. «Его горло сжимается *какою-то* непривычною судорогой», пишетъ г-жа Крестовская. «Онъ почувствовалъ въ себѣ *какое-то* безотчетное удовольствіе», разсказываетъ она въ другомъ мѣстѣ. «Есть такія лица, разсуждаетъ героиня пересказаннаго нами очерка, въ которыхъ всегда точно страданіе *какое-то* чувствуется». «Онъ молча ласкалъ ее, прислушиваясь съ *какимъ-то* смущенно виноватымъ чувствомъ къ ея лепету», «въ глазахъ ея сверкалъ порою сквозь темныя рѣсницы *какой-то* страстный, безпокойный огонекъ», «иногда на нее нападала *какая-то* странная тоска», «она смѣялась *какимъ-то* страннымъ, недобрымъ смѣхомъ», «въ глазахъ ея сверкали *какіе-то* затаенные огоньки», «сумрачно скрестивъ на груди руки, она молча смотрѣла въ окно *какимъ-то* застывшимъ, неподвижнымъ взглядомъ»,—и такъ до безконечности, въ томъже надоѣдливо однообразномъ тонѣ, съ тою-же поразительною нищетою описательныхъ выраженій. «Какое-то» удовольствіе,—но не угодно-ли сказать, какое именно, потому что вся суть въ томъ, чтобы описать и дать почувствовать душевное настроеніе своихъ героевъ. «Какой-то» страстный огонекъ,—но спрашивается, какой огонекъ, съ какимъ оттѣнкомъ страсти? «Какая-то тоска!» Неопредѣленная и трудно изобразимая вслѣдствіе своей расплывчатости, тоска въ разсказахъ г-жи Крестовской теряетъ даже самое слабое сходство съ знакомыми движеніями человѣческой души. За мѣстоименіемъ «какой-то» мы встрѣчаемся со словами «что-то», «какъ-то» и «куда-то», въ безконечномъ множествѣ самыхъ уродливыхъ комбинацій, свойственныхъ ребячливо «вдохновенному» письму г-жи Крестовской. «*Что-то* дрогнуло въ ея печальномъ лицѣ», «машинально повторивъ его слова, она о *чемъ-то* глубоко задумалась», «выраженіе надменной насмѣшки и скучающей апатіи придавало ему *что-то* непріятное и отталкивающее»—вотъ какими средствами г-жа Крестовская хочетъ придать своей рѣчи оттѣнокъ нѣкоторой таинственности. «Глаза Любочки вдругъ *какъ-то* странно

сверкнули и загорѣлись»! «Когда Прасковья Кирилловна устремляла на него свой гордо допрашивающій орлиный взглядъ, онъ *какъ-то* весь ежился, конфузился и быстро опускалъ внизъ свои прекрасные глаза!» «Вся желтая, съ болѣзненнымъ, дикимъ выраженіемъ въ глазахъ, она по цѣлымъ часамъ просиживала на одномъ и томъ-же мѣстѣ, подлѣ окна, тоскливо глядя *куда-то* вдаль и глаза ея то вдругъ *какъ-то* странно загорались, то снова потухали и меркли!» Не слыша, подобно г. Сологубу, собственныхъ словъ, г-жа Крестовская не избѣгаетъ никакихъ, даже самыхъ комическихъ созвучій. «Не *такъ так*тично, *какъ каза*лось», писала она однажды въ романѣ «Артистка», и переиздавая свои старые и новые разсказы, она даже не потрудилась очистить слогъ отъ подобныхъ неряшливыхъ словесныхъ сочетаній. Чтобы показать, до какой неопрятности г-жа Крестовская доходитъ въ подборѣ выраженій, приведемъ двѣ ея фразы. «*Онъ* давно уже чувствовалъ, пишетъ она въ разсказѣ *Ревность*, что въ женѣ *его* лежитъ *какое-то* странное, безпричинное недоброжелательство къ этимъ лучшимъ друзьямъ *его* молодости, и особенно, къ самой Клавдіи Николаевнѣ, которую *она*, несмотря на отсутствіе *ея*, слегка даже ревновала къ *мужу* въ первые годы *замужества*, находя, что *онъ* уже черезъ-чуръ высоко ставитъ *ее* и слишкомъ часто говоритъ о *ней*». Запутанно сплетая между собою однородныя и однообразныя слова, г-жа Крестовская не видитъ, что при такой манерѣ писать, безъ малѣйшей самокритики, читатель на каждой страницѣ увязаетъ въ стилистическихъ болотахъ, не будучи въ силахъ что-нибудь понять и осмыслить въ ея произведеніяхъ. Вотъ другая фраза, въ которой, при невѣроятной длинѣ, напоминающей сорную улицу захолустнаго провинціальнаго города, соединились всѣ особенности до глубины вульгарнаго сочинительства г-жи Крестовской. «Словомъ, это была неспокойная, дикая дѣвочка, а въ ея темныхъ глазахъ, которыми она порою сумрачно и *какъ-то* загадочно глядѣла на *кого-нибудь* и чаще всего на самое Прасковью Кирилловну, свѣтилась совсѣмъ не дѣтская пытливость и тоска; когда-же она вдругъ привязывалась къ *кому-нибудь*, то и въ самой любви ея и ласкахъ было тоже *что-то* странное, болѣзненное и недѣтское; по большей части она привязывалась къ *какимъ-нибудь* животнымъ и *почему-то* въ особенности къ самымъ жалкимъ и уродливымъ, всѣми заброшеннымъ и забитымъ кошкамъ и собакамъ; она разыскивала ихъ *откуда-то* и начинала ходить за ними, не позволяя дотрогиваться до нихъ никому другому, со свойственною ей *какою-то* страстною, безпокойною нѣжностью; для *нихъ* она не доѣдала, утаивая *имъ* лучшіе куски, сама *ихъ* мыла, спала вмѣстѣ съ *ними* и возилась съ *ними* по цѣлымъ днямъ; а если *кто-нибудь* обижалъ ея любимцевъ, то она кидалась въ защиту ихъ съ такимъ остервенѣніемъ, такъ злобно блестя своими негодующими глазенками, что, казалось,

готова была избить обидчика; и разъ она, дѣйствительно избила, искусала и исцарапала почти до безчувствія, въ *какомъ-то* безумномъ порывѣ, одного большого уже сравнительно съ нею одинадцатилѣтняго двороваго мальчишку, который камнемъ размозжилъ лапу ея любимой собаченки». Оставляя безъ малѣйшаго замѣчанія отдѣльныя великолѣпныя частности этого неуклюжаго періода, дозволительно спросить, почему г-жа Крестовская пренебрегаетъ скромною точкою, которая создаетъ иногда пріятныя отдохновенія среди утомительнаго словеснаго хаоса? Исписать цѣлую страницу и не поставить при этомъ ни единой точки — какое варварство, въ особенности, если не обладаешь умѣньемъ придавать своей рѣчи легкое, плавное теченіе, если мысли почти совсѣмъ не соединяются между собою, если отдѣльныя выраженія до нелитературности запутанны, если не владѣешь никакими поэтическими красками. Сочинять безплодныя небылицы и при этомъ не обращать вниманія на то, что одни и тѣ же слова, производя несносное впечатлѣніе, ползутъ со всѣхъ сторонъ и собираются въ безформенныя груды, лишенныя литературнаго характера. Не задумываясь надъ своими фразами и, повидимому, не имѣя ни малѣйшаго представленія о чистотѣ и красотѣ стиля, г-жа Крестовская обнаруживаетъ при этомъ досадное отсутствіе умственнаго воспитанія, безъ котораго нельзя сдѣлаться настоящимъ писателемъ. Неряшливая, неметеная, необработанная до полнаго безобразія литературная рѣчь обличаетъ безпорядокъ въ настроеніяхъ, постыдное равнодушіе въ обращеніи съ самимъ собою, съ тѣмъ, что есть въ насъ лучшаго, съ нашими сознательными и безсознательными идеями и понятіями, тяготѣющими къ точнымъ и опредѣленнымъ формамъ внѣшняго выраженія. Нельзя, желая занять мѣсто въ литературѣ, допускать въ своихъ писаніяхъ безграмотные обороты рѣчи, потому что задача литературы заключаются, между прочимъ, въ томъ, чтобы быть школою высшей грамотности—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: грамотности языка и логической грамотности мысли. А между тѣмъ, г-жа Крестовская отъ времени до времени показываетъ незнакомство съ простѣйшими грамматическими правилами, которое, при другихъ указанныхъ недостаткахъ ея рѣчи, лишаетъ ея беллетристическое сочинительство всякой интеллигентности. Нельзя, при отсутствіи артистическаго темперамента, прибѣгать къ рискованнымъ фразамъ, а между тѣмъ г-жа Крестовская, не сознавая всей скромности своего маленькаго литературнаго дарованія, иногда «вдохновенно» расправляетъ слабыя крылья своего тривіальнаго воображенія, чтобы поразить читателя какимъ-нибудь смѣлымъ описаніемъ или чрезмѣрно-романтическимъ эпизодомъ. Но объ этомъ ни слова. Отмѣтимъ только выраженіе явно безграмотныя, явно негодныя для

литературной рѣчи, разрушительны для широкой извѣстности г-жи Крестовской. «Она не вѣрила въ душѣ, *чтобы* они, дѣйствительно, *могли-бы* поѣхать туда», пишетъ г-жа Крестовская. «Да, повторила она какъ можно тверже, *чтобы* мужъ ни на одну минуту не *могъ бы* подумать, что она говоритъ это только такъ», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ. «*Еслибъ* онъ хоть на одну минуту *чувствовалъ бы* себя влюбленнымъ въ Клавдію Николаевну, *еслибъ* она даже просто, какъ женщина, хоть сколько-нибудь *нравилась бы* ему!» «Между *каждыми* супругами бываютъ мелкія размолвки». «Ему хотѣлось быть одному, чтобы никто *не мѣшалъ* ему думать, *сосредоточиваясь* на своихъ воспоминаніяхъ». Такихъ примѣровъ примитивнаго безграмотства, собранныхъ нами безъ малѣйшаго труда, въ книжкахъ г-жи Крестовской можно найти сколько угодно.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что г-жа Крестовская не умѣетъ писать, не владѣетъ искусствомъ создавать законченныя характеристическія фразы, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая художественная работа. Стиль ея не только плохъ, но временами, какъ мы только-что видѣли, страдаетъ явными грамматическими оплошностями. Соединяя между собою слова съ простодушною наивностью и безъ всякой стилистической критики, она не видитъ, что въ самыя патетическія мгновенія уродливость слога мѣшаетъ читателю спокойно отдаваться авторскому разсказу, почему либо обратившему на себя вниманіе. А между тѣмъ, у г-жи Крестовской попадаются произведенія, задуманныя болѣе или менѣе талантливо. Если оставить въ сторонѣ убійственный для г-жи Крестовской вопросъ о стилѣ и русской грамматикѣ, въ узкомъ и широкомъ смыслѣ слова,—нельзя не отмѣтить, что моментами эта писательница умѣетъ подниматься до степени нѣкоторой художественной изобразительности, не лишенной психологической занимательности. Внутреннимъ чутьемъ, побѣждающимъ туманы невинно-безтолковыхъ настроеній, она отгадываетъ интересные сердечные мотивы. Такъ, въ разсказѣ «Сынъ», написанномъ съ обычной ребячливостью, г-жа Крестовская показываетъ нѣкоторое умѣнье постигать довольно сложныя движенія человѣческой души. Сюжетъ разсказа можетъ быть переданъ въ немногихъ словахъ. Отецъ ожидаетъ пріѣзда сына. Одна мысль о немъ наполняетъ его радостною тревогою. Наконецъ, сынъ пріѣхалъ. Здѣсь г-жа Крестовская нѣсколькими словами, въ счастливомъ для нея откровеніи безсознательной даровитости, возбуждаетъ въ читателѣ легкую тревогу. Отецъ не узнаетъ сына, хотя онъ уже возлѣ него,—невинная художественная черточка, которая мелькнула, пропала, но все-таки оставила въ душѣ странное впечатлѣніе. Затѣмъ, на слѣдующихъ страницахъ, предъ нами вдругъ вскрывается настоящая драма. Чѣмъ болѣе отецъ присматривается къ сыну, съ тою без-

граничною любовью и восхищеніемъ, которыми полна его душа, тѣмъ яснѣе онъ начинаетъ вспоминать другое лицо, когда-то очень близкое ему. Его начинаетъ тревожить отдаленное сходство сына съ кѣмъ-то. Манера говорить, походка, глаза, лобъ, веселый смѣхъ—все съ неотразимою силою возбуждаетъ въ немъ смутное чувство тоски, которая ростетъ съ каждымъ часомъ. Однажды, увидѣвъ сына въ бѣломъ кителѣ, со сдвинутою фуражкою, онъ вдругъ съ отчетливостью вспомнилъ стараго товарища Ратмаева, — до такой степени обѣ фигуры кажутся почти совершенно тождественными въ малѣйшихъ подробностяхъ «Ноги его подкосились, а въ груди что-то словно оборвалось. Онъ хотѣлъ перекреститься инстинктивно, какъ открещиваются иногда отъ странныхъ видѣній, отъ предчувствій бѣды, но рука его дрожала и не слушалась». Пробѣгая рядъ воспоминаній съ отчаяніемъ, жаднымъ ко всему, что могло бы теперь, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, озарить до глубины бездну внезапнаго разочарованія, онъ увидѣлъ предъ собою полную картину своей семейной жизни. Молодой, красивый, талантливый ученый, человѣкъ безъ нравственныхъ принциповъ съ жесткой небрежностью въ области романтическихъ увлеченій, Ратмаевъ жилъ у него нѣсколько мѣсяцевъ, когда покойная жена его была еще очень молода. Малѣйшія подробности ихъ супружескихъ отношеній, лишенныхъ страсти, вспыхнули теперь въ памяти, какъ неотразимое доказательство его непроницательности. До пріѣзда Ратмаева у него не было съ женою никакихъ дѣтей. Между Ратмаевымъ и его женою съ самаго начала знакомства установились странныя отношенія, тогда для него непонятныя, но теперь понятныя до полнаго отчаянія. Этотъ сынъ, котораго онъ любитъ послѣднею любовью, не его. Некому мстить, некому отплатить за нанесенное оскорбленіе даже горячимъ словомъ возмущенія и обиды. Въ разсказѣ имѣется нѣсколько трогательныхъ сценъ, которыя читаются, не смотря на рыхлый стиль, съ легкимъ удовольствіемъ. Старикъ готовился къ путешествію съ сыномъ, но случайно разгаданная правда окончательно съуживаетъ его жизненныя мечты, и онъ остается въ своемъ имѣніи одинъ. «Сергѣй Петровичъ уѣхалъ. Долго стоялъ, проводивъ его, на крыльцѣ, съ непокрытой головой, Петръ Ивановичъ, смотря на черную, все умалявшуюся точку тарантаса. Прощай, прощай!—говорилъ онъ про себя. Прощай! И слезы, тяжелыя, безмолвныя, катились по лицу его. Жадно прислушивался онъ, какъ звенятъ вдали колокольчики. Но когда и они замерли, и точка, нырнувъ послѣдній разъ за пригорокъ, скрылась навсегда, Петръ Ивановичъ рванулся впередъ, простирая руки, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ».

Таковъ разсказъ. Какъ мы сказали, среди невинно ребячливыхъ писаній г-жи Крестовской этотъ небольшой очеркъ съ откуда-то навѣяннымъ сюжетомъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые моменты

внутреннихъ страданій старика описаны съ талантомъ, самая мысль показать человѣка въ подобномъ положеніи, — человѣка, который съ нѣмымъ, невыраженнымъ отчаяніемъ сойдетъ въ могилу, безъ малѣйшаго съ его стороны реванша,—такая мысль, если даже она воспринята извнѣ, дѣлаетъ все-таки честь художественной проницательности г-жи Крестовской. Такимъ литературнымъ произведеніемъ г-жа Крестовская, какъ-бы то ни было, можетъ съ полнымъ правомъ гордиться предъ разными другими современными сочинительницами, не достигающими въ своей творческой работѣ даже ея высоты.

IV.

О г-жѣ Лухмановой мы скажемъ только нѣсколько словъ. Пересмотрѣвъ цѣлый томикъ ея беллетристическихъ произведеній («Короткіе романы»), мы не нашли ни одной живой страницы. Съ точки зрѣнія литературы нельзя представить себѣ ничего болѣе неприличнаго по своей вульгарной безсмысленности. При совершенномъ отсутствіи художественнаго таланта, г-жа Лухманова преисполнена возвышенныхъ порывовъ, которые она изливаетъ на бумагу съ подозрительною бойкостью. Ее волнуютъ соціальные вопросы. Положеніе женщины въ семьѣ, вопросъ о томъ, каково отношеніе и взаимодѣйствіе между законною женою и кокоткою, возбуждаютъ ее къ самымъ бурнымъ и временами очень страннымъ откровенностямъ. Доведя до первобытной простоты пониманіе жизненныхъ явленій въ этой именно области, г-жа Лухманова уже не дѣлаетъ различія между словами простыми, ясными и словами, которыя въ ея разсказахъ получаютъ двусмысленный характеръ. Съ пылкостью, переходящею всякіе предѣлы, она толкуетъ о мужчинахъ и женщинахъ, какъ будто, рисуя того или другаго героя, авторъ имѣетъ особенную надобность подчеркивать, что онъ—мужчина, а не женщина. Но г-жа Лухманова съ никогда не потухающимъ паѳосомъ готова на одной и той-же страницѣ повторять: мужчина, мужчина! Измѣняя женѣ, мужчина оскверняетъ семейный алтарь. Забывая о своихъ обязанностяхъ отца, мужчина развращаетъ собственную жену, своихъ дѣтей, сокрушаетъ «священныя основы семейственности». На эту тему г-жа Лухманова написала цѣлый разсказъ «Въ порывѣ страстей», блещущій всѣми красотами чисто дамской распущенной риторики. Мужчина въ сѣрой тужуркѣ, съ сѣрыми глазами и свѣтло-сѣрыми волосами, благополучно имѣя законную жену, увлекся другою, пикантною женщиною съ острымъ зрачкомъ. Эта пикантная женщина съ острымъ зрачкомъ живетъ на Сергіевской улицѣ, такъ что мужчина въ сѣрой тужуркѣ долженъ употреблять невѣроятныя усилія, чтобы обмануть одну и угодить другой. Но пикантная женщина съ острымъ зрачкомъ колеблется и не

уступаетъ мужчинѣ въ сѣрой тужуркѣ, такъ что онъ по цѣлымъ днямъ безплодно просиживаетъ у нея на Сергіевской улицѣ, оставляя жену на волю судебъ. «Двѣ онѣ» (стр. 123) поселились въ его душѣ на неравныхъ основаніяхъ! Но случилось однажды такъ, что мужчина въ сѣрой тужуркѣ пришелъ на Сергіевскую улицу, постучался въ знакомую дверь, и не былъ принятъ. Черезъ день—та-же исторія. На третій день все та-же исторія. Оказалось, что пикантная женщина съ острымъ зрачкомъ улетѣла за-границу. Тогда мужчина въ сѣрой тужуркѣ, не будучи въ силахъ дать генеральное сраженіе обстоятельствамъ, рѣшилъ вернуться къ своей законной женѣ. Когда имѣешь въ полномъ обладаніи богатое имущество, нечего гоняться за контрабандными удовольствіями! Такова мораль разсказа.

Чтобы показать, какъ пишетъ г-жа Лухманова, какъ безмѣрно велика ея фантазія въ придумываніи словъ, фразъ и образовъ, мы сдѣлаемъ только одну маленькую выписку изъ другого ея разсказа «Сибирскій Риголетто». Вотъ что мы читаемъ на 167-й страницѣ: «Молодость, таинственный лепетъ лѣса, усталость фантазіи сдѣлали свое: *у синихъ очей выросли длинныя руки*, онѣ потянулись къ небу, раскинулись, какъ крылья, закрыли собой весь горизонтъ, и Исполатовъ заснулъ». Когда у синихъ очей, въ разсказахъ такой писательницы, какъ г-жа Лухманова, начинаютъ выростать длинныя руки, достигающія неба, рука скромнаго рецензента можетъ остановиться и поставить точку.

А. Волынскій.

ОБЛАСТНОЙ И ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Открытіе «земскаго сезона».—Общественное значеніе земской работы.—Общія условія дѣятельности земскихъ учрежденій по положенію 1890 г.—Содержаніе земской работы.—Всеобщее обученіе и программа народной школы.—† А. П. Батуевъ.

Осень и начало зимы — періодъ горячей работы въ земской Россіи, обнимающей собою обширную территорію въ 34 губерніи: въ сентябрѣ и октябрѣ обыкновенно созываются уѣздныя земскія собранія, а съ декабря откроется сессія очередныхъ губернскихъ собраній.

Тридцатилѣтняя дѣятельность земскихъ учрежденій, даже при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыми она была обставлена почти съ самаго открытія земства, ясно доказала, какія преимущества имѣютъ за собою органы мѣстнаго самоуправленія въ дѣлѣ устроенія мѣстной хозяйственной жизни. Достаточно припомнить недавніе тяжелые годы, пережитые страной, когда столь явно обнаружилась поразительная разница въ успѣшности борьбы съ народными бѣдствіями (голодовкой и холерой) между земскими и неземскими губерніями; достаточно, наконецъ, сравнить организацію народнаго образованія и сельской медицины, этихъ двухъ главныхъ отраслей мѣстной хозяйственной дѣятельности, въ тѣхъ же земскихъ и неземскихъ губерніяхъ, — чтобы одна изъ старыхъ истинъ, что управленіе мѣстными дѣлами гораздо успѣшнѣе ведется самимъ же мѣстнымъ населеніемъ въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей, получила новое непоколебимое доказательство.

Но мы слишкомъ недовѣрчивы къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и, наоборотъ, склонны преувеличивать значеніе бюрократіи. Этимъ отчасти и можно объяснить медленное развитіе (внутреннее и внѣшнее) нашихъ земскихъ учрежденій. Мы пугаемся даже слабыхъ проявленій общественной самодѣятельности и забываемъ, что живая общественная работа

подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, служитъ главнымъ условіемъ въ дѣлѣ культурнаго преуспѣянія страны, что въ развитіи мѣстнаго самоуправленія лежитъ ея будущее.

Не широки рамки существующаго земскаго самоуправленія, тѣмъ не менѣе оно пріучаетъ русское общество къ сознательному и разумному завѣдыванію своими дѣлами, воспитываетъ въ традиціяхъ безкорыстнаго общественнаго служенія, способствуетъ выработкѣ общественнаго мнѣнія и развитію общественнаго самосознанія.

Нужно только желать одного, чтобы выясненныя земской практикой неудобства и затрудненія, съ которыми приходится считаться современному земству, были по возможности устранены при введеніи земскаго положенія въ новыхъ губерніяхъ. А затрудненія и недоразумѣнія—явленія весьма частыя въ земской практикѣ: не проходитъ ни одной сессіи, чтобы земства съ ними не сталкивались и не обращались къ правительству съ ходатайствомъ объ измѣненіи или дополненіи существующихъ узаконеній, регламентирующихъ земскую дѣятельность. Въ одномъ только прошломъ году, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, по поводу различныхъ недоразумѣній, вызванныхъ практикой новаго земскаго и городового положенія, сдѣлано до 1000 сенатскихъ разъясненій; въ 83 случаяхъ министру внутреннихъ дѣлъ пришлось входить съ представленіемъ въ комитетъ министровъ и въ 33-хъ—въ государственный совѣтъ.

Такое обиліе недоразумѣній въ земской (и городской) практикѣ вполнѣ понятно. Новое земское положеніе, изданное въ 1890 году взамѣнъ положенія 1864 г., внесло въ сложившуюся земскую жизнь такія существенныя измѣненія, которыя не могли не отразиться на правильности ея теченія.

Измѣненія эти прежде всего коснулись состава земскаго представительства. Не говоря уже о томъ, что общее число гласныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ, по новому положенію значительно сокращено, въ основу ихъ выборовъ положено сословное начало, почти отсутствовавшее въ прежнемъ положеніи. Нынѣ, вмѣсто всесословныхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, для выбора уѣздныхъ гласныхъ организованы два избирательныя собранія: дворянъ (потомственныхъ и личныхъ) и лицъ прочихъ сословій (за исключеніемъ духовенства и крестьянъ), обладающихъ имущественнымъ цензомъ. Духовенство совсѣмъ лишено права выборнаго участія въ земскихъ дѣлахъ, но имѣетъ въ земскомъ собраніи (губернскомъ и уѣздномъ) одного представителя, назначаемаго епархіальнымъ начальствомъ; а выборы гласныхъ отъ крестьянъ подверглись коренныхъ ограниченіямъ.

Прежде всего, по новому положенію, крестьяне могутъ выбирать гласныхъ только изъ своей среды, тогда какъ при прежнемъ имъ предоставлено было право избирать, въ качествѣ своихъ представителей, и

лицъ другихъ сословій. Самые выборы теперь происходятъ не на особыхъ избирательныхъ съѣздахъ, а на волостныхъ сходахъ, избирающихъ одного гласнаго отъ своей волости. Но дѣйствительное участіе этихъ избранниковъ въ земскомъ собраніи зависитъ отъ усмотрѣнія губернатора, который *назначаетъ* изъ числа ихъ опредѣленное для каждаго уѣзда число крестьянскихъ гласныхъ, остальные же засчитываются кандидатами къ нимъ. Такъ какъ установленное положеніемъ число гласныхъ отъ крестьянъ всегда меньше (иногда вдвое) числа волостей уѣзда, то многія изъ послѣднихъ остаются безъ всякаго представительства своихъ интересовъ въ земскомъ собраніи.

Помимо неравноправности въ порядкѣ избранія гласныхъ отъ различныхъ сословій, сословная тенденція, сильно окрашивающая новое земское положеніе, отразилась и на численномъ распредѣленіи гласныхъ по сословіямъ въ сторону усиленія дворянскаго представительства. Вездѣ (за исключеніемъ четырехъ исключительно крестьянскихъ губерній) гласные отъ дворянъ имѣютъ численный перевѣсъ надъ гласными прочихъ сословій, взятыми вмѣстѣ: по отношенію къ крестьянамъ дворяне имѣютъ почти вдвое больше, а по отношенію къ прочимъ сословіямъ—въ четыре раза больше своихъ представителей въ земскомъ собраніи; или, выражая участіе каждаго изъ сословій въ земскомъ представительствѣ въ процентныхъ отношеніяхъ, получаемъ слѣдующій краснорѣчивый рядъ чиселъ: изъ 100 гласныхъ 30-ти губерній на долю дворянъ приходится 57, крестьянъ—30 и прочихъ сословій (въ томъ числѣ и городскихъ)—13 человѣкъ.

Почти со всѣми, указанными выше, неудобствами новаго положенія земства столкнулись съ первыхъ же дней его примѣненія. Общее сокращеніе числа гласныхъ, лишившее нѣкоторыя земства необходимыхъ работниковъ, отразилось на успѣшности занятій земскихъ собраній и вызвало уже соотвѣтствующія ходатайства земствъ.

На прошломъ очередномъ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи обсуждалось ходатайство новоузенскаго уѣзднаго земства объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ. Ходатайство мотивировано было тѣми соображеніями, что по новому положенію число крестьянскихъ гласныхъ сильно сокращено, а между тѣмъ гласные отъ привилегированныхъ сословій уклоняются отъ участія въ земскихъ собраніяхъ. При такихъ условіяхъ уѣздное собраніе открывается иногда въ составѣ только 10-ти гласныхъ, считая въ томъ числѣ управу, предсѣдателя собранія и представителей города, казны, удѣла и духовенства. О нормальности такого порядка, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Губернское собраніе вполнѣ раздѣлило взглядъ уѣзднаго и рѣшило это ходатайство поддержать.

Аналогичное ходатайство возбуждено было въ прошломъ же году мелитопольскимъ уѣзднымъ и поддержано таврическимъ губернскимъ зем-

ствомъ. За недостаткомъ гласныхъ мелитопольское уѣздное земство поставлено въ затрудненіе при исполненіи возложенныхъ на него закономъ обязанностей въ отношеніи завѣдыванія мѣстными земскими повинностями, дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія, по охраненію народнаго здравія, по удовлетворенію потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и, наконецъ, по веденію дѣлъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ; кромѣ того, благодаря малочисленности гласныхъ, нерѣдки случаи, когда уѣздное земское собраніе не можетъ состояться за неприбытіемъ на собраніе законнаго числа гласныхъ, а это крайне пагубно отражается на земскомъ хозяйствѣ.

Приведенные примѣры земскихъ ходатайствъ объ увеличеніи числа гласныхъ (а эти ходатайства не единственные въ земской практикѣ послѣднихъ лѣтъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что предположенія о спасительности дворянскаго большинства въ земскихъ собраніяхъ и о преимуществахъ обсужденія земскихъ дѣлъ въ немногочисленномъ кругу привилегированныхъ гласныхъ далеко не оправдались въ дѣйствительной жизни.

Измѣненный порядокъ выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ не только сократилъ ихъ число, но и весьма невыгодно отразился на ихъ личномъ составѣ. Если и при старомъ положеніи раздавались жалобы на неудовлетворительность личнаго состава крестьянскихъ гласныхъ, избираемыхъ преимущественно изъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и потому несвободныхъ въ выраженіи своихъ мнѣній и взглядовъ на земское хозяйство, то теперь это стало почти общимъ явленіемъ. Большинство гласныхъ отъ крестьянъ и нынѣ вербуются, по рекомендаціи земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ тѣхъ-же волостныхъ старшинъ, писарей, судей и сельскихъ старостъ.

А такъ-какъ въ земскихъ собраніяхъ очень часто принимаютъ участіе и земскіе начальники, а въ ихъ числѣ и такіе, какъ г. Шомпулевъ, которые считаютъ себя вправѣ удалить изъ собранія гласнаго-старшину для исполненія какого-либо служебнаго порученія; такъ-какъ и предсѣдатель собранія (предводитель дворянства), и предсѣдатель управы для должностныхъ крестьянъ-гласныхъ являются прежде всего тоже «начальствомъ»,—то не трудно заключить, какъ скромно въ современномъ земствѣ дѣйствительное представительство крестьянскихъ интересовъ.

Въ нашемъ крестьянствѣ и безъ того еще крайне смутны представленія о земскомъ самоуправленіи; существующая-же практика выборовъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и отношеніе къ нимъ со стороны «культурныхъ» ихъ товарищей по земской работѣ совсѣмъ не таковы, чтобы у крестьянъ сложилось вѣрное понятіе о земствѣ и о земской службѣ на пользу мѣстнаго населенія. Къ глубокому прискорбію, и теперь еще приходится констатировать, что крестьяне во многихъ

случаяхъ смотрятъ на земскую службу какъ на повинность, исполняемую по приказу начальства, а потому и къ выборамъ гласныхъ изъ своей среды относятся безучастно. Въ другихъ случаяхъ равнодушное отношеніе крестьянъ къ выборамъ своихъ представителей въ земское собраніе объясняется новыми условіями утвержденія ихъ въ званіи гласныхъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи крестьяне откровенно высказали, что они порядочнаго крестьянина и не рѣшаются выбирать въ гласные, боясь его «оконфузить» въ случаѣ неутвержденія. Въ высшей степени нагляднымъ примѣромъ такого конфуза можетъ служить недавній случай въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, съ крестьяниномъ Н. И. Кузнецовымъ. Тридцать лѣтъ г. Кузнецовъ проработалъ въ мѣстномъ земствѣ въ качествѣ гласнаго и члена управы, а при новомъ земскомъ положеніи, хотя своею волостью и былъ избранъ въ гласные, но въ этомъ званіи не былъ утвержденъ губернаторомъ и такимъ образомъ долженъ былъ оставить дѣло, которому отдалъ лучшее время своей жизни и въ которомъ пріобрѣлъ большую опытность. Весьегонское земство послѣ этого случая постановило ходатайствовать, чтобы «представители отъ крестьянъ становились гласными по избранію, а не по назначенію», но неизвѣстно, какая судьба постигла это ходатайство.

Далѣе, новое земское положеніе внесло существенныя ограниченія въ самостоятельность земскихъ учрежденій, подчинивъ ихъ надзору администраціи и расширивъ предѣлы вмѣшательства послѣдней въ земскія дѣла.

Статьей положенія 87-й (п. б.) губернаторамъ предоставлено право пріостанавливать постановленія земскихъ собраній не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ въ нихъ противорѣчіе съ обще-государственными интересами или признаетъ ихъ незаконными, какъ это было при старомъ положеніи, но и тогда, когда, по мнѣнію губернатора, они не соотвѣтствуютъ интересамъ мѣстнаго населенія. А такъ-какъ пониманіе мѣстныхъ интересовъ администраціей и земствомъ можетъ быть различное, то неудивительно, что огромное большинство возникшихъ въ послѣднее время въ земской практикѣ недоразумѣній между земствомъ и мѣстной администраціей основано именно на этомъ широкомъ правѣ губернаторовъ толковать по своему значеніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Очень часто случается, что земскія собранія, въ лицѣ представителей мѣстнаго населенія, очевидно, наиболѣе освѣдомленныхъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, рѣшаютъ открыть, напр., образцовую школу или учредить стипендію, оказать денежную поддержку полезному учрежденію и т. п., а губернаторъ признаетъ такія постановленія противорѣчащими интересамъ мѣстнаго населенія единственно на томъ основаніи, что они вызываютъ новые расходы, связанные съ повышеніемъ обложенія.

Здѣсь кстати будетъ указать на недавно состоявшееся авторитетное разъясненіе правительствующаго сената по вопросу о направленіи зем-

скихъ ходатайствъ передъ правительствомъ, вызванное жалобою тамбовскаго губернскаго земства.

Сенатъ призналъ, что «направленіе ходатайствъ земскихъ учрежденій предъ высшимъ правительствомъ опредѣляется особымъ порядкомъ, по которому каждое такое ходатайство губернаторъ обязанъ направлять, съ своимъ заключеніемъ, въ подлежащее министерство; засимъ, согласно п. 14 ст. 23 учрежд. комит. мин., т. I св. зак., изд. 1892 г., объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній министры обязаны представлять комитету министровъ. Такимъ образомъ, относительно неуважительности ходатайствъ земствъ по тѣмъ или другимъ причинамъ какъ губернаторы, такъ и министры даютъ только свои заключенія, признаніе-же постановленія земскаго собранія о томъ или другомъ ходатайствѣ передъ правительствомъ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ».

Интересно, что приведенное разъясненіе состоялось по поводу ходатайства тамбовскаго земства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ школахъ. Это хорошій урокъ тѣмъ предводителямъ дворянства, которые въ послѣднее время собственною властью не допускали въ земскихъ собраніяхъ обсужденія ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и тѣмъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіямъ, которыя, соглашаясь съ протестомъ губернатора и признавая подобныя ходатайства выходящими изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій, отмѣняли ихъ, какъ незаконныя и не подлежащія никакому производству.

Не мало затрудненій въ земской практикѣ вызываетъ также новый порядокъ утвержденія избранныхъ на земскія должности лицъ. Мѣстный губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ при утвержденіи произведенныхъ земскими собраніями выборовъ должностныхъ лицъ не только разсматриваютъ ихъ съ точки зрѣнія правильности и законности, но и входятъ въ оцѣнку нравственныхъ качествъ избранныхъ лицъ. Исторія земскихъ выборовъ за послѣдніе годы чрезвычайно богата фактами, свидѣтельствующими о томъ, съ какими затрудненіями и неудобствами приходится считаться земствамъ, при существующей субъективной оцѣнкѣ администраціей избираемыхъ земствомъ лицъ.

Одно изъ губернскихъ земствъ (тверское), въ 1895 году возбудило ходатайство объ измѣненіи этого порядка въ томъ смыслѣ, чтобы избираемыя земствомъ лица на должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, члена отъ земства въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе и членовъ училищныхъ совѣтовъ, утверждались въ должностяхъ, по разсмотрѣніи только законности ихъ избранія, не губернаторомъ или министромъ, а сенатомъ, и вступали въ исправленіе должности, не ожидая утвержденія.

Еще больше затрудненій испытываютъ земства при приглашеніи на земскую службу частныхъ лицъ, такъ какъ на всякое такое приглашеніе требуется согласіе мѣстнаго губернатора. Земская лѣтопись послѣдняго времени заключаетъ въ себѣ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о ненормальности существующаго порядка, при которомъ цѣлая отрасль земскаго хозяйства можетъ остаться безъ руководителя, цѣлый отдѣлъ управы бездѣйствовать въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени потому только, что управѣ не удается найти такихъ кандидатовъ на земскую службу, къ приглашенію которыхъ мѣстная администрація не имѣла-бы препятствій.

Объ урегулированіи вопроса относительно утвержденія администраціею лицъ, приглашаемыхъ на земскую службу, было возбуждено ходатайство послѣднимъ очереднымъ курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Результаты ходатайства еще неизвѣстны.

Если ко всему сказанному добавить, что новымъ земскимъ положеніемъ губернаторамъ предоставлено право ревизовать земскія учрежденія и что всѣ доклады управъ и протоколы земскихъ собраній печатаются съ разрѣшенія губернатора, то до извѣстной степени можно имѣть полное представленіе о тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ совершается современная земская работа.

Какъ ни скромна роль земскихъ учрежденій, въ смыслѣ самостоятельности и независимости ихъ дѣятельности, тѣмъ не менѣе, по полнотѣ содержанія этой дѣятельности и по жизненности ея задачъ земство имѣетъ громадное значеніе для той части Россіи, въ которой оно существуетъ. Почти всѣ главныя отрасли мѣстной хозяйственной жизни, такъ или иначе, входятъ въ сферу земскаго вліянія и составляютъ предметъ заботъ земскихъ учрежденій. Народное образованіе, народное здравіе, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, взаимное земское страхованіе, дорожное дѣло, ветеринарія, статистика, различныя экономическія мѣропріятія,—вотъ тѣ отрасли земской дѣятельности, которыя составляютъ ея содержаніе.

Какое значеніе въ общемъ земскомъ хозяйствѣ имѣетъ каждая изъ нихъ, можно судить по относительнымъ размѣрамъ затратъ на нихъ изъ общаго земскаго бюджета. По даннымъ о земскихъ расходахъ за 1895 г. [1]) самую крупную долю земскаго бюджета беретъ медицина, на которую тратится ежегодно 27% его; на нужды народнаго образованія затрачивается 14,2% общаго бюджета; расходъ на дорожное дѣло, если считать и спеціальныя суммы, освободившіяся въ земскомъ бюджетѣ

[1]) «Расходы земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1895 г.» Изд. статистич. отдѣленія департ. окладныхъ сборовъ. Объ этомъ изданіи см. статью въ «Сѣв. Вѣстникѣ», № 11.

послѣ отнесенія на средства казны содержанія судебно-административныхъ крестьянскихъ учрежденій, составитъ около 15%; содержаніе земскихъ управъ, техниковъ при нихъ и статистическихъ отдѣленій—9,5%; затѣмъ идутъ болѣе скромные расходы: на ветеринарію—1,7%, общественное призрѣніе—1,5%, на мѣропріятія по содѣйствію сельскому хозяйству и промышленности—1,0%. Такимъ образомъ, двѣ главныя отрасли земскаго хозяйства—медицина и школьное дѣло—поглощаютъ свыше 2/5 (41,2%) общаго земскаго бюджета.

Одною изъ самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ задачъ земской дѣятельности является, безъ сомнѣнія, забота *о народномъ образованіи*, о распространеніи въ массѣ населенія *знаній*, составляющихъ могучее орудіе для культурнаго развитія страны.

Земство наше съ первыхъ-же шаговъ своей дѣятельности сознавало, какое громадное значеніе имѣетъ для освобожденнаго народа распространеніе среди него просвѣщенія, и не переставая заботилось какъ объ увеличеніи числа народныхъ училищъ, такъ и объ улучшеніяхъ въ организаціи самой школы.

Правда, много пришлось пережить земству затрудненій и разочарованій въ этой области своей дѣятельности. Были моменты, когда у лучшихъ земскихъ работниковъ опускались руки, когда многими овладѣвало равнодушіе къ судьбамъ народной школы, но въ общемъ дѣло народнаго образованія было одною изъ самыхъ близкихъ и самыхъ дорогихъ земскихъ заботъ. Доказательствомъ этого могутъ служить факты изъ недавняго прошлаго. Когда въ обществѣ стали упорно носиться слухи о коренной перемѣнѣ въ завѣдываніи народной школой, когда земству пришлось высказаться по поводу повсемѣстнаго открытія упрощенныхъ школъ грамоты и двухклассныхъ училищъ для приготовленія такихъ-же упрощенныхъ народныхъ учителей,—земства наши единодушно, за самыми ничтожными исключеніями, отнеслись отрицательно къ предположеннымъ мѣрамъ, ведущимъ къ упрощенію и пониженію типа народной школы и къ передачѣ ея въ вѣдѣніе духовенства, но горячо высказались за оставленіе дѣла народнаго образованія въ испытанныхъ рукахъ земства.

За послѣдніе годы интересъ къ вопросамъ народнаго образованія въ нашихъ земствахъ сказался съ новой силой: многія земства, наиболѣе чуткія къ народнымъ нуждамъ, не довольствуются уже постепеннымъ, изъ года въ годъ, открытіемъ новыхъ школъ, а ставятъ на очередь вопросъ о *всеобщемъ* необязательномъ *обученіи*, т. е. о предоставленіи населенію возможности обучать въ школахъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостатокъ средствъ, съ одной стороны, и слабо сознаваемая населеніемъ потребность въ грамотности для женщинъ, съ другой, вынуждаютъ земства ограничиваться

разрѣшеніемъ вопроса о всеобщемъ обученіи пока только по отношенію къ мальчикамъ и оставлять открытымъ вопросъ относительно дѣвочекъ.

Такъ какъ заботы о начальномъ народномъ образованіи лежатъ всецѣло на уѣздныхъ земствахъ, а организація всеобщаго обученія въ короткій срокъ потребуетъ значительнаго увеличенія земскихъ расходовъ, непосильнаго для отдѣльныхъ уѣздовъ, то въ нѣкоторыхъ земствахъ, въ связи съ мыслью о всеобщемъ обученіи, возникаетъ вопросъ о содѣйствіи уѣзднымъ земствамъ въ дѣлѣ народнаго образованія со стороны губернскаго. Для выясненія формъ этого содѣйствія и для теоретической и практической разработки самаго вопроса о всеобщемъ обученіи, губернскія земства учреждаютъ особыя школьныя комиссіи. Въ текущемъ году такія комиссіи были организованы въ воронежскомъ, новгородскомъ и вятскомъ губернскомъ земствахъ, продолжали дѣйствовать съ прошлаго года въ Курскѣ и въ Твери. Въ московскомъ земствѣ, въ принципѣ уже рѣшившемъ приступить къ организаціи всеобщаго обученія, дѣятельное участіе въ разработкѣ этого вопроса принимало статистическое бюро. Подготовка статистическаго матеріала, въ смыслѣ разрѣшенія задачи о всеобщемъ обученіи, ведется и въ другихъ губернскихъ земствахъ, напр.: петербургскомъ, орловскомъ, смоленскомъ, пермскомъ, ярославскомъ.

Только что закончившаяся сессія уѣздныхъ очередныхъ земскихъ собраній принесла цѣлый рядъ отрадныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ стараніяхъ, какія уѣздныя земства, при своихъ скромныхъ средствахъ, прилагаютъ для осуществленія всеобщаго обученія. Во всѣхъ концахъ земской Россіи вопросъ о всеобщемъ обученіи былъ предметомъ внимательнаго и заботливаго обсужденія; многія земства не только въ принципѣ признали необходимость повсемѣстнаго распространенія народной школы, но и рѣшили немедленно приступить къ выполненію этой неотложной и столь важной задачи, ассигновавъ на открытіе новыхъ школъ довольно значительныя суммы. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія и сочувствія заслуживаютъ постановленія земствъ: новоторжскаго (Тверск. губ.), клинскаго (Московск. г.), балахнинскаго (Нижегородск. г.) и ирбитскаго (Пермск. губ.). Первое изъ нихъ, съ цѣлью сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію уѣзда, рѣшило открыть въ теченіе 2-хъ лѣтъ 44 новыхъ школы, второе—23 школы, третье—22 школы въ теченіе 4-хъ лѣтъ и четвертое—34 школы въ теченіе шестилѣтняго періода.

Будемъ надѣяться, что и въ губернскихъ собраніяхъ текущаго года вопросы народнаго просвѣщенія будутъ обсуждаться съ прежней заботливостью и сочувствіемъ, что одинъ изъ насущнѣйшихъ земскихъ вопросовъ—вопросъ о всеобщемъ обученіи—подвергнется дальнѣйшей разра-

боткѣ и пріобрѣтетъ въ ряду нашихъ губернскихъ земствъ новыхъ сторонниковъ.

Признавая всю важность и неотложность организаціи всеобщаго обученія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что на ряду съ этимъ вопросомъ теперь же необходимо поставить на очередь и другой крайне важный въ школьномъ дѣлѣ вопросъ — *о пересмотрѣ самой программы начальной школы въ смыслѣ ея расширенія.*

Существующая оффиціальная программа эта выражается въ слѣдующихъ краткихъ общихъ словахъ: отъ оканчивающихъ начальную школу требуется правильное, бѣглое, со смысломъ чтеніе, четкое письмо средней скорости безъ пропуска и искаженія словъ, первыя 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и рѣшеніе несложныхъ ариѳметическихъ задачъ.

Эти общія формы требуемыхъ отъ учениковъ начальной школы знаній наполняются различнымъ содержаніемъ: въ земствахъ съ лучшею постановкою школьнаго дѣла, гдѣ преобладаютъ школы съ двумя учащими и четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, понятно, ученики начальныхъ школъ не только получаютъ бо́льшій и сравнительно лучше продуманный запасъ свѣдѣній по упомянутымъ въ программѣ основнымъ предметамъ школьнаго обученія, но еще знакомятся съ русскою исторіею, географіею и естественной исторіей; наоборотъ, въ большей части земской Россіи, гдѣ еще господствуетъ типъ школы съ однимъ учащимъ при трехлѣтнемъ курсѣ обученія, ученики выносятъ изъ начальной школы знанія въ очень скромномъ объемѣ. Занимаясь одинъ съ тремя отдѣленіями, учитель преобладающаго у насъ типа школы изъ тѣхъ трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ проходится весь курсъ, можетъ посвятить каждому изъ отдѣленій только одинъ годъ своихъ непосредственныхъ занятій съ учениками; остальные же два года ученики занимаются различными «самостоятельными работами». Суровая русская дѣйствительность этотъ годъ непосредственныхъ занятій учениковъ съ учителемъ сводитъ въ сельскихъ школахъ къ очень скромному учебному періоду въ 150—160 дней. Мало того, и этотъ крайне ограниченный періодъ учебнаго времени, въ силу установившагося обычая опредѣлять знанія выпускныхъ учениковъ школы числомъ орѳографическихъ ошибокъ въ диктантѣ и умѣньемъ рѣшать письменно ариѳметическія задачи, чуть ли не наполовину заполняется безчисленными грамматическими и ариѳметическими упражненіями, очень мало говорящими уму и сердцу учениковъ.

Неудивительно поэтому, что выносимыя изъ начальной школы *дѣйствительныя знанія* оказываются не только слишкомъ ограниченными но и крайне непрочными. Спустя нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, у бывшаго ученика начальной школы отъ трехлѣтней «учебы» остается почти одна простая грамотность.

Скорой утратѣ пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній и умѣній, конечно,

способствуетъ отсутствіе у насъ и библіотекъ для народнаго чтенія, и повторительныхъ курсовъ, и вообще слабое распространеніе книги въ деревнѣ. Объ этомъ уже все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса въ земскихъ собраніяхъ. Организація народныхъ библіотекъ, благодаря энергичному почину бывшаго с.-петербургскаго комитета грамотности, приняла за послѣдніе годы довольно широкіе размѣры; въ нѣкоторыхъ земствахъ дѣлаются также опыты устройства повторительныхъ занятій со взрослыми крестьянами, бывшими учениками школъ, и распространенія книгъ въ народѣ при посредствѣ земскихъ книгоношъ.

Нѣтъ сомнѣнія, народныя библіотеки и при теперешнемъ крайне ограниченномъ для нихъ выборѣ книгъ могутъ оказать дѣлу просвѣщенія народа важную услугу, а вечернія занятія со взрослыми будутъ способствовать сохраненію и освѣженію полученныхъ въ школѣ знаній. Но гораздо важнѣе, по нашему мнѣнію, дать учащемуся болѣе прочное основное образованіе, пріучить его къ самостоятельной умственной работѣ и тѣмъ самымъ положить начало его дальнѣйшему самообразованію.

Для осуществленія этой задачи современная школа должна прежде всего расширить существующую программу и измѣнить самый характеръ преподаванія: вмѣсто утомительной и неблагодарной подготовки ученика къ экзамену, на которомъ степень его познаній опредѣляется прежде всего числомъ грамматическихъ ошибокъ въ диктантѣ и умѣньемъ рѣшить письменно ариѳметическую задачу или устно передать заученное на память патріотическое стихотвореніе изъ хрестоматіи, другими словами—вмѣсто притупляющихъ умъ дѣтей многочисленныхъ механическихъ упражненій, вмѣсто сообщенія мало пригодныхъ въ жизни знаній и умѣній, школа должна прежде всего научить своихъ учениковъ логически мыслить, болѣе или менѣе сознательно относиться къ явленіямъ природы, къ жизни человѣка, къ его религіозному, соціальному и экономическому положенію, должна, наконецъ, пробудить въ нихъ жажду знанія, свѣта и, научивъ понимать нашъ литературный языкъ, дать могучее средство для ея удовлетворенія.

Не очень уже много и усилій потребуется со стороны земства, чтобы практически отозваться на эти, выдвинутые самою жизнью, запросы въ области народнаго образованія. Вопросъ о расширеніи оффиціальной программы народной школы можетъ быть рѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ, а потому роль земства въ этомъ дѣлѣ сведется къ возбужденію соотвѣтствующихъ мотивированныхъ ходатайствъ передъ правительствомъ. Реорганизація же преобладающаго у насъ типа школы (съ однимъ учащимъ при трехъ отдѣленіяхъ), возможное въ предѣлахъ существующей программы расширеніе рамокъ преподаванія, измѣненіе и оживленіе его характера всецѣло находится въ рукахъ земства. Доказательствомъ этого можетъ служить примѣръ передовыхъ нашихъ земствъ: московскаго,

клинскаго, новоторжскаго, тверскаго, херсонскаго и др., давно уже перешедшихъ отъ школы съ однимъ учащимъ при 3-хъ отдѣленіяхъ къ школѣ съ двумя преподавателями при 4-хъ отдѣленіяхъ.

Нечего и говорить, насколько совершеннѣе вторая категорія школъ: въ нихъ, во-первыхъ, общій курсъ обученія продолжается не менѣе 4-хъ лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 3-хъ; во-вторыхъ, каждое изъ отдѣленій, при прохожденіи полнаго курса, непосредственно съ учителемъ занимается 2 года, вмѣсто одного. Эти преимущества даютъ возможность и расширить рамки обученія и сдѣлать преподаваніе болѣе живымъ и занимательнымъ, а сообщаемымъ свѣдѣніямъ придать большую устойчивость и прочность.

Какъ не трудно, въ сущности, перейти, при существующихъ узаконеніяхъ по школьному дѣлу, отъ современной организаціи преобладающаго у насъ типа школы къ болѣе совершенной, съ увеличенной продолжительностью обученія, можно судить по слѣдующему недавнему разъясненію г. попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. «Количество лѣтъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, — говорится въ циркулярѣ г. попечителя отъ 18 ноября 1895 г., № 12,—ни положеніемъ о сихъ училищахъ (В. у. 25 мая 1874 г.) и никакими послѣдующими узаконеніями или распоряженіями не установлено: дѣти въ начальныхъ школахъ могутъ обучаться и годъ, и два, и три, *сколько угодно*. Никакихъ отдѣленій по закону не существуетъ; можетъ быть одно, два, три и *болѣе*...»

Въ заключеніе нельзя не высказать горячаго пожеланія нашимъ земствамъ, чтобы они, въ заботахъ о повсемѣстномъ распространеніи начальнаго обученія, не увлекались моднымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стремленіемъ открывать возможно большее количество школъ, упрощая и понижая самый типъ ихъ почти до степени школъ простой грамоты, а наоборотъ, стремились къ усовершенствованію школьной организаціи и къ распространенію школъ *дѣйствительнаго* народнаго *просвѣщенія*!

Въ концѣ августа телеграфъ разнесъ по Россіи скорбную вѣсть о трагической кончинѣ предсѣдателя вятской губернской земской управы Авксентія Петровича Батуева, смертельно раненнаго среди бѣла дня на улицѣ однимъ полусумасшедшимъ искателемъ мѣста на земской службѣ. Безвременная слѣпая смерть вырвала изъ рядовъ вятскихъ земцевъ одного изъ самыхъ энергичныхъ, самыхъ преданныхъ земскимъ интересамъ дѣятелей. Человѣкъ еще сравнительно молодой (ему было немного больше 30 лѣтъ), А. П. Батуевъ въ короткій срокъ своей земской выборной службы съумѣлъ внести оживленіе почти во всѣ отрасли земскаго хозяйства. Особенно много онъ работалъ надъ проведеніемъ

вь жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ крестьянскаго населенія Но, принадлежа къ типу земскихъ дѣятелей, увлекающихся узко-практическими вопросами, А. П. Батуевъ не забывалъ той громадной роли, какую играетъ въ дѣлѣ культурнаго развитія края народное образованіе: при немъ въ вятскомъ земствѣ поставленъ на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи и принятъ рядъ мѣръ для его скорѣйшаго осуществленія.

Горько и обидно умирать въ разцвѣтѣ силъ отъ шальной пули, когда впереди еще такъ много близкой сердцу работы. «Жаль земскаго дѣла»,—сокрушался на смертномъ одрѣ энергичный земскій работникъ, котораго не забудетъ Вятскій край и котораго «добрымъ словомъ помянутъ» во всей остальной земской Россіи.

К. В. Доброшинскій.

Наши болѣзни.

(Къ съѣзду сифилитологовъ [1]).

I.

За послѣднія 10—15 лѣтъ появился длинный рядъ медико-топографическихъ изслѣдованій, различныхъ статистическихъ работъ, отчетовъ, докладовъ, наблюденій, замѣтокъ и описаній, проливающихъ яркій свѣтъ на рождаемость, болѣзненность и смертность населенія, на обстановку трудовой массы и вообще на соціальныя и гигіеническія условія существованія нашего народа.

Въ нашихъ рукахъ имѣется такая масса самыхъ разнообразныхъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, могущихъ служить для характеристики нашей современной санитарной дѣйствительности, что для разбора и классификаціи ихъ понадобилась-бы не журнальная статья, а цѣлый объемистый томъ. При такомъ обиліи матеріала и красокъ, мы могли-бы завалить читателя картинами «ужаснаго», «отчаяннаго», «безвыходнаго», «безпомощнаго»,—какъ пишутъ газеты и иные корреспонденты,—положенія чуть не каждаго изъ населенныхъ пунктовъ нашей обширной родины. Но такая картинная галлерея представляла-бы, въ сущности, мало

[1]) Какъ извѣстно, послѣдовало высочайшее повелѣніе о созывѣ въ 1896 году (ноябрь и декабрь) съѣзда представителей различныхъ вѣдомствъ и врачей для выработки мѣропріятій противъ сифилиса. По этому вполнѣ своевременно наше изслѣдованіе, посвященное именно этой «дурной болѣзни».

поучительнаго, такъ-какъ читатель, повторяемъ еще разъ, знаетъ и безъ насъ, что нѣтъ на святой Руси такой «обители», гдѣ-бы на обывателя не сыпались всевозможныя болѣзни и недуги. Остается только поинтересоваться вопросомъ о томъ, меньше или больше съ теченіемъ времени болѣетъ и мретъ русскій народъ, улучшается, или-же, напротивъ, ухудшается его санитарное положеніе. На этотъ-то животрепещущій и чрезвычайно серьезный вопросъ мы и постараемся дать посильный отвѣтъ анализомъ данныхъ о движеніи болѣзненности и смертности населенія за послѣдніе годы.

II.

Начнемъ съ болѣзненности и ограничимся при этомъ данными только объ эпидеміяхъ, да и изъ послѣднихъ, не желая злоупотреблять вниманіемъ читателя, остановимся только на двухъ, именно—на дифтеритной и оспенной, присоединивъ къ нимъ пандемическій сифилисъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы будемъ говорить только объ общихъ данныхъ и итогахъ, избѣгая, по возможности, вдаваться въ частности.

Съ какою силою свирѣпствуетъ у насъ дифтеритъ, это можно, между прочимъ, видѣть и изъ массъ газетныхъ сообщеній, въ которыхъ то и дѣло попадаются такого рода замѣчанія «въ уѣздѣ нѣтъ деревни, въ которой не было-бы дифтерита» (Хотинъ); «въ нѣкоторыхъ деревняхъ смертность между дѣтьми столь громадна, что во множествѣ семей всѣ дѣти вымерли» (Александрійскій уѣздъ); «во многихъ деревняхъ не осталось въ живыхъ ни одного ребенка» (Минусинскій уѣздъ); во многихъ селахъ и большихъ деревняхъ буквально нѣтъ дѣтей,—всѣхъ подушилъ дифтеритъ» (Нѣжинъ) и т. д. и т. д. Эпидемія дифтерита въ Полтавской губерніи не только остановила естественный приростъ населенія, но еще привела его къ убыли на громадную цифру. По *оффиціальнымъ данным* оказывается, что въ настоящее время нѣтъ почти ни одной губерніи или области, которая не была-бы захвачена болѣзнью. Какъ быстро росла и распространялась эпидемія, это прекрасно видно изъ слѣдующей поучительной таблички, составленной по «Отчетамъ Медицинскаго Департамента» за 1889 и 1890 гг.

Годы.	Число пораженныхъ губерній.	Число заболѣвшихъ.	Число умершихъ.
1886	8	25,756	8,563
1887	15	46,136	18,698
1888	29	63,613	23,412
1889	46	83,275	33,815
1890	65	124,197	44,428

Присматриваясь къ цифрамъ этой таблички, мы видимъ, что изъ года въ годъ дифтеритъ захватывалъ все большій и большій районъ, распространялся и въ ширь, и въ глубь, поражая и губя все большее и большее количество жертвъ. Въ промежутокъ времени 1886—1890 гг. цифра заболѣвшихъ поднялась съ 26 до 124 тысячъ, другими словами, стала въ пять разъ больше. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь на замѣчательную правильность, съ которою у насъ прогрессируетъ дифтеритъ. По изслѣдованіямъ д-ра Зѣнеца, ростъ дифтерита въ Петербургѣ за 1888—1890 гг. слѣдовалъ въ правильной возрастающей геометрической прогрессіи, знаменатель отношенія которой равняется 2. Другими словами, эпидемія съ каждымъ изъ упомянутыхъ годовъ усиливалась ровно вдвое. Въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ (Томской, Енисейской, Иркутской) въ 1889 году заболѣвшихъ было 680 человѣкъ, а въ слѣдующемъ уже 6,174, т.-е. почти вдесятеро больше. Для всей Россіи знаменатель возрастающей прогрессіи дифтерита выражается цифрою 1,3. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что, по словамъ д-ра Зѣнеца, совершенно такія-же цифры и выводы получаются и по отношенію къ другой, родственной дифтеритной, эпидеміи, именно—скарлатинной. Что касается до оспы, то она, подобно дифтериту, не пощадила ни одной губерніи въ имперіи и съ каждымъ годомъ дѣлаетъ поразительные успѣхи. Съ 1887 года, когда число заболѣвшихъ ею опредѣлялось цифрою 10,287 ч., до 1890 г., когда цифра эта поднялась до 91,442 ч., она усилилась *въ девять разъ!*

Такъ-то прогрессируютъ у насъ эпидеміи, если судить о нихъ только по оффиціальнымъ даннымъ. Съ цифрами въ рукахъ, мы могли-бы показать, что такимъ-же образомъ у насъ прогрессивно распространяются и усиливаются и другія болѣзни; но не желая утомлять вниманіе читателя, остановимся только на одномъ частномъ примѣрѣ. Въ Петербургѣ «число прибывающихъ въ больницы увеличивается съ каждымъ годомъ: въ 1885 г. ихъ было 106, въ 1889 г.—114, въ 1890 г.—111 тысячъ. Смертность въ больницахъ повышается: въ 1888 г. умирало въ больницахъ 10%, въ 1889 г.—11,6%, а въ 1890 г. уже 12,8%. Далѣе: число больныхъ инфекціонными болѣзнями растетъ съ поразительною быстротою: въ 1888 г. они составляли 15% общаго число прибывшихъ въ больницы, въ 1889—24,16%, а въ 1890—26,6%. Прогрессируетъ также и смертность отъ нихъ. Заболѣваніе тифомъ усилилось противъ 1888 г. въ два раза, возвратной горячкой, крупомъ и дифтеритомъ въ 2½ раза, при чемъ смертельный исходъ въ послѣднихъ двухъ болѣзняхъ (въ 1890 г.) въ 2½ раза болѣе, чѣмъ въ 1888 году»... («Петербургъ по переписи 1890 г.»). Если-бы позволяло мѣсто и если-бы это было нужно, то подобными характерными примѣрами мы могли-бы наполнить многія страницы.

III.

Заговоривъ объ эпидеміяхъ, не можемъ не отмѣтить чрезвычайнаго интереснаго и важнаго обстоятельства. Какъ дифтеритъ, какъ оспа, такъ и всѣ другія эпидемическія болѣзни отличаются у насъ совершенно стихійнымъ характеромъ своего распространенія и теченія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у насъ невозможно бываетъ опредѣлить, почему тутъ или тамъ возникла та или другая эпидемія, почему захватила тотъ, а не другой районъ, почему облюбовала данную мѣстность или область. Разражается она обыкновенно внезапно, расползается вдоль и поперекъ, выхватываетъ въ сравнительно короткое время массу жертвъ и затѣмъ, такъ-же, повидимому, безпричинно, какъ появилась, идетъ на убыль, слабѣетъ или даже и совсѣмъ угасаетъ, съ тѣмъ, чтобы перекинуться въ другія мѣстности или вновь появиться и снова начать свирѣпствовать на старыхъ, уже посѣщенныхъ ею передъ тѣмъ, мѣстахъ. Въ доказательство справедливости этого положенія можно указать, напр., на ходъ дифтеритной эпидеміи въ Херсонской губерніи. Въ этой послѣдней въ 1887 г. было 6,549 заболѣвшихъ, въ 1888—1,999, въ 1889—967, а въ 1890 г. опять 4,456 человѣкъ. Цифры эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что дифтеритъ ослабляется совсѣмъ не вслѣдствіе принимаемыхъ противъ него мѣръ, а отъ вымиранія контингента населенія дифтеритнаго возраста: вымрутъ дѣти — и болѣзнь притихаетъ, угасаетъ, такъ сказать, отъ недостатка пищи; народится новое поколѣніе—и эпидемія снова вспыхиваетъ, снова начинаетъ душить направо и налѣво. О томъ-же самомъ ясно говорятъ и статистическія данныя, касающіяся оспы. Такъ, по отчетамъ медицинскаго департамента, въ 1885 г. число заболѣвшихъ ею было около 60 тысячъ, въ 1886—20 т., въ 1887—10 т., а въ слѣдующіе годы —48, 89 и 91 тысяча, т.-е., рѣзкое паденіе, а затѣмъ опять стихійный подъемъ на высоту, гораздо большую прежней.

Картина будетъ полнѣе и краснорѣчивѣе, если мы отъ цифръ, касающихся повальныхъ инфекціонныхъ болѣзней, перейдемъ къ даннымъ о распространеніи у насъ другого бича народнаго здоровья, сифилиса. Извѣстно, что «цивилизація», приходя въ соприкосновеніе съ первобытными народами, обыкновенно надѣляетъ ихъ, въ числѣ прочихъ «благъ», также и сифилисомъ, который затѣмъ и является однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, способствующихъ вырожденію и послѣдовательному вымиранію населеній. Нѣчто подобное тому, что происходитъ въ какой-нибудь Тасманіи, на Полинезійскихъ остравахъ или среди краснокожихъ, совершаются и на Руси. Сифилисъ, самъ по себѣ, какъ извѣстно, представляетъ хроническую болѣзнь, могущую тянуться многіе годы и

даже десятки лѣтъ, и сравнительно только въ рѣдкихъ случаяхъ служитъ непосредственною причиною смерти; поэтому онъ и не возбуждаетъ въ легкомысленной публикѣ такихъ тревогъ и опасеній, какъ заразныя болѣзни, въ очень короткое время уносящія обыкновенно массу жертвъ и тѣмъ самымъ поражающія ужасомъ воображеніе. По поводу распространенія сифилиса говорятъ и толкуютъ совершенно спокойно, какъ о самой обыкновенной вещи,—да, дескать, нехорошо,—а не суетятся и не бьютъ въ набатъ, какъ, напр., въ случаѣ появленія холеры, дифтерита и тому подобныхъ страшныхъ гостей. А между тѣмъ, несомнѣнные факты и цифры, какъ нельзя убѣдительнѣе доказываютъ, что сифилисъ несравненно страшнѣе, чѣмъ всѣ тифы, холеры, дифтериты и т. д., взятые вмѣстѣ. Дѣло въ томъ, что онъ весьма сильно разстраиваетъ питаніе, подрываетъ силы пораженнаго имъ организма, ослабляетъ въ немъ способность противодѣйствія вредоносным вліяніямъ и такимъ образомъ подготовляетъ почву для всевозможныхъ заболѣваній,—въ томъ числѣ и заразныхъ,—которыя въ союзѣ съ нимъ и разрѣжаютъ населеніе. Наслѣдственно передаваясь отъ родителей къ дѣтямъ, онъ въ самомъ корнѣ губитъ нарождающіяся поколѣнія и до громадной цифры поднимаетъ процентъ смертности. Почти во всѣхъ сифилитическихъ семьяхъ дѣти слабѣе и тщедушнѣе своихъ родителей; въ громадномъ большинствѣ случаевъ они некрасивы, золотушны, вялы, тупы и придурковаты, представляя собою ясно выраженный дегенеративный типъ. Немудрено, поэтому, что они представляютъ обильную жатву смерти. Общее правило таково, что семьи, пораженныя сифилисомъ, вымираютъ чрезвычайно быстро. Такъ, по даннымъ д-ра Barthélemy, оказывается, что нерѣдко въ такихъ семьяхъ, насчитывавшихъ 8—12 человѣкъ дѣтей, остается этихъ послѣднихъ въ живыхъ три, два, одинъ, а сплошь и рядомъ ни одного. Подобные-же примѣры и указанія, и даже еще болѣе поразительные, сообщаетъ, между прочимъ, и д-ръ Подолинскій въ брошюрѣ— «Здоровье крестьянъ на Украйнѣ.» Ослабленіе, вырожденіе, вымираніе населенія подъ вліяніемъ сифилиса представляетъ собою фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Если къ тому-же мы примемъ въ разсчетъ, что болѣзнь эта, по самому существу своему и по условіямъ своего распространенія, такъ-же неудержимо расползается въ населеніи, какъ масляное пятно на бумагѣ, то неизбѣжно придемъ къ заключенію, что, не измѣнись къ лучшему санитарная обстановка русскаго народа, и сифилисъ въ недалекомъ будущемъ произведетъ ужасающія опустошенія. Опасеніе это покажется намъ какъ нельзя болѣе основательнымъ, если мы поближе присмотримся къ даннымъ, свидѣтельствующимъ о степени распространенія сифилиса въ Россіи.

Въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1887 г. сифилитиковъ въ цѣлой Виленской губерніи показано только 240 человѣкъ. Но даже и

по такимъ цифрамъ, дѣло съ сифилисомъ въ Имперіи оказывается весьма и весьма неладнымъ. Въ трехлѣтній промежутокъ между 1888 и 1890 гг. изъ 800,000 (круглымъ числомъ) новобранцевъ больныхъ сифилисомъ оказалось 0,63%, т. е. почти одинъ больной на 159 человѣкъ. Въ то-же самое время на фабрикахъ, заводахъ, въ тюрьмахъ и т. д. осмотрѣно было 4 300,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ сифилитиковъ оказалось 1,4%. Если взять среднюю изъ этихъ цифръ и прикинуть ее ко всей Россіи, съ ея сто-милліоннымъ населеніемъ, то выйдетъ, что сифилисомъ у насъ поражено болѣе 1% всѣхъ жителей или болѣе милліона человѣкъ!.. Какъ читатель видитъ, итоги получаются въ полномъ смыслѣ слова ужасные, даже при томъ предположеніи, что статистическія данныя, сообщаемыя медицинскимъ департаментомъ, близки къ истинѣ. Положеніе, однако-же, представится въ еще болѣе безотрадномъ видѣ, если мы обратимся къ больничнымъ вѣдомостямъ и посмотримъ въ нихъ на движеніе сифилитиковъ по годамъ. Такъ какъ абсолютныя цифры больныхъ, лечившихся въ госпиталяхъ, больницахъ и у частныхъ врачей совсѣмъ не выражаютъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, и такъ какъ медицинскою помощью пользуется у насъ ничтожная часть населенія, то мы и обойдемъ ихъ молчаніемъ, ограничившись одними только процентными отношеніями, которыя представляютъ не малый интересъ. По упомянутымъ уже нами выше «Отчетамъ», въ 1866 году сифилитики составляли 8,7% всѣхъ лечившихся въ больницахъ больныхъ, въ 1876 г. ихъ оказывается уже 11,28%, въ 1887—13,7%, въ 1889—14,2%, а въ 1890—14,8% [1]). Выходитъ, что число сифилитиковъ въ больницахъ быстро возрастаетъ изъ года въ годъ; для періода времени 1866—1890 г.г. получается такая прогрессія этого возрастанія: 100: 126: 148: 150: 176. Такъ какъ никакихъ экстраординарныхъ мѣръ для уловленія или привлеченія сифилитиковъ въ больницы за упомянутые годы не предпринималось, и такъ какъ доступность медицинской помощи и общее число больныхъ, приливавшихъ въ больницы, возрастали за это-же время далеко не въ такой пропорціи, то отсюда мы имѣемъ полное право заключить, что прогрессивное возрастаніе сифиликовъ въ больницахъ прямо указываетъ на такое-же возрастаніе ихъ и во всемъ населеніи. Впрочемъ, къ этому выводу мы можемъ придти и à priori: мы знаемъ, что подавляющее большинство больныхъ вообще, а въ томъ числѣ, конечно, и сифилитиковъ, остается у насъ безъ всякой медицинской помощи: знаемъ, что сифилисъ самъ собою не излечивается и что каждый пораженный имъ субъектъ, по условіямъ нашей народной жизни, роковымъ образомъ является разносителемъ и распространителемъ заразы, а разъ все это такъ, то было-бы удивительно, если-бы сифилисъ не прогрессировалъ

[1]) Въ настоящее время сифилитики во всѣхъ большихъ больницахъ составляютъ около 1/3 всего числа больныхъ.

въ народѣ съ ужасающею быстротою. Если положить, что теперь имъ страдаетъ всего только милліонъ человѣкъ, то съ годами мы будемъ имѣть два, три, пять, десять и т. д. милліоновъ больныхъ. Если мы обратимся къ другимъ источникамъ, то не замедлимъ убѣдится, что дѣйствительность еще болѣе печальна, чѣмъ это нами было изображено выше. Посмотримъ прежде всего, что говорятъ на счетъ распространенія сифилиса земскіе врачи, стоящіе близко къ народу и имѣющіе полную возможность болѣе или менѣе точно и близко къ истинѣ констатировать степень и характеръ болѣзненности населенія.—Въ упомянутой выше брошюрѣ—«Здоровье крестьянъ на Украйнѣ»—авторъ, между прочимъ говоритъ: «Во всѣхъ частяхъ Украйны, гдѣ мнѣ случалось быть, т. е. въ губерніяхъ Кіевской, Херсонской, Волынской, Полтавской и Харьковской, я, частью на основаніи собственныхъ наблюденій, частьюже по разспросамъ земскихъ врачей и другихъ лицъ, пришелъ къ заключенію, что вездѣ число больныхъ сифилисомъ не менѣе 10—15% всего населенія, а большею частью колеблется между 20% и 30%...» И далѣе: «въ нашемъ селѣ (Ярославка, Чигиринскаго у.), изъ котораго, со времени всеобщей воинской повинности, идутъ вынимать жребій ежегодно отъ 6 до 9 человѣкъ, всегда оказывается одинъ, а чаще двое негодныхъ, вслѣдствіе сифилиса. А наше село еще не изъ самыхъ зараженныхъ...» По медицинскимъ записямъ д-ра Романова, въ Кузнецкомъ уѣздѣ (Пензенской губ.) въ 1890 году обратилось за медицинскимъ пособіемъ 2,629 сифилитиковъ, что составляетъ почти 2% всего населенія Если столько больныхъ явилось къ врачамъ, то сколько-же, спрашивается, осталось ихъ еще дома?!. По словамъ того-же наблюдателя многія селенія означеннаго уѣзда доставили 23% общаго числа обращающихся за помощью больныхъ. На съѣздѣ врачей московскаго земства докладывалось, между прочимъ, что въ одномъ изъ медицинскихъ участковъ Московскаго уѣзда, въ общемъ итогѣ за семь лѣтъ, нѣкоторыя селенія дали число больныхъ сифилисомъ, соотвѣтствовавшее 34% всѣхъ ихъ жителей. На съѣздѣ самарскихъ земскихъ врачей много толковалось о томъ, что сифилисъ въ губерніи распространенъ повсемѣстно; въ Бугурусланскомъ уѣздѣ изъ общаго числа пользовавшихся больныхъ въ больницѣ ихъ было 30%... Въ Ливенскомъ уѣздѣ (Орловской губ.) во множествѣ деревень сифилисъ распространенъ почти поголовно (съѣздъ земскихъ врачей Орловской губ.). Насколько «благополучна» въ интересующемъ насъ отношеніи Казанская губернія, это прекрасно видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Еще въ 1878 году Спаская земская управа опредѣляла количество сифилитиковъ въ 10% всего населенія, причемъ констатировала тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуетъ буквально поголовное распространеніе сифилиса. По заявленію д-ра Соловьева, въ с. Сумароковѣ (Тетюшскаго уѣзда) число сифилитиковъ

простирается до 80% всего населенія!.. Земскій врачъ, Зинаида Ельцина, работавшая въ Крапивенскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), сообщаетъ, что на общее число амбулаторныхъ больныхъ ей приходилось принимать свыше 7% сифилитиковъ, причемъ прибавляетъ, что «цифра эта гораздо ниже дѣйствительной», — другими словами, въ массѣ населенія гораздо больше 7%. На очередномъ курскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи врачемъ Бондаревымъ прочитана была докладная записка о распространеніи сифилиса въ уѣздѣ; изъ нея мы узнаемъ, что на 10 приходящихъ больныхъ является одинъ сифилитикъ, что составляетъ 10% всѣхъ больныхъ... Во многихъ волостяхъ Миргородскаго уѣзда «почти четвертая часть населенія заражена сифилисомъ» («Южн. Край» 1890 г., январь). Изъ верхне-сергинскаго завода (Пермской губ.) пишутъ: «Можно смѣло утверждать, что треть населенія — сифилитики». («Русск. Вѣд.» 1891 г., августъ). Въ заключеніе всѣхъ этихъ примѣровъ, число которыхъ мы, въ случаѣ надобности, легко могли-бы удесятерить, мы сошлемся на свидѣтельство д-ра Зубковскаго относительно того, какъ быстро прогрессируетъ сифилисъ. Въ одномъ изъ участковъ Миргородскаго уѣзда имъ наблюдались три семьи, въ которыхъ до ноября 1888 года не было больныхъ сифилисомъ, а въ 1889 г. въ одной было уже три сифилитика, въ другой пять, а въ третьей семь. («Врачъ», 1893 г., май).

V.

Само собою разумѣется, что даже одного такого бича, какъ нашъ сифилисъ, неговоря уже о множествѣ другихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ томъ-же направленіи, вполнѣ достаточно для того, чтобы началось и быстро подвигалось впередъ вырожденіе населенія. И дѣйствительно, различныхъ указаній и фактовъ, свидѣтельствующихъ о дегенераціи, у насъ имѣется достаточно. Такъ, проф. Янсонъ въ своей «Сравнительной статистикѣ», категорически утверждаетъ, что населеніе всѣхъ нашихъ промышленныхъ центровъ вырождается. Далѣе. Изъ «Отчета медиц. департ.» за 1889 г. мы узнаемъ, что въ 1888 году изъ всѣхъ родившихся въ предшествовавшій періодъ мальчиковъ дожило до 21-лѣтняго возраста 49,5%, а сохранило полное здоровье 40%; между тѣмъ, въ 1889 году выжившихъ до того-же возраста оказалось уже 47,8%, а сохранившихъ полное здоровье всего только 37,6%. Слѣдовательно,—заключаетъ отсюда медицинскій департаментъ,—предшествовавшій 1888 г. «былъ благопріятнѣе отчетнаго, такъ какъ въ семъ послѣднемъ оказалось доживших до 21-лѣтняго возраста на 1,5% менѣе, а сохранившихъ полное здоровье на 2,4% менѣе». Если мы прибавимъ къ этому, что отчетный годъ вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ годовъ, что всевозможныя эпидеміи, въ этомъ числѣ и тѣ, ко-

торыя обрушиваются главнымъ образомъ на дѣтскія поколѣнія, у насъ, какъ мы это видѣли выше, изъ года въ годъ все ростутъ и ростутъ, то неизбѣжно придемъ къ заключенію, что регрессъ въ выживаніи и сохраненіи здоровья у насъ долженъ быть постояннымъ явленіемъ, другими словами, симптомы вырожденія населенія съ каждымъ годомъ должны выступать все рѣзче и рѣзче. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что какъ ни малъ самъ по себѣ указанный «Отчетомъ» процентъ молодыхъ людей, сохранившихъ ко дню совершеннолѣтія «полное здоровье», какъ выражается «Отчетъ», но въ дѣйствительности онъ долженъ быть еще гораздо меньше, какъ это хорошо видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Медицинскій департаментъ опредѣляетъ число здоровыхъ въ населеніи по количеству осматриваемыхъ и принимаемыхъ новобранцевъ, при чемъ предполагаетъ, что всѣ принятые на службу молодые люди пользуются «полнымъ здоровьемъ». На дѣлѣ-же это оказывается далеко не такъ: осмотръ и пріемка рекрутъ производится у насъ крайне поверхностно, благодаря чему воинскими присутствіями зачисляется на службу масса людей слабыхъ и больныхъ. «Изъ всѣхъ присланныхъ въ петербургскій округъ новобранцевъ Сѣдлецкой губ., — говоритъ Герценштейнъ,—10% оказались неспособными, Тверской и Курляндской—7% и т. д. Еще большая небрежность въ пріемѣ новобранцевъ замѣчается по отдѣльнымъ уѣздамъ, напр., Невельскій (Виленской губ.) и Горецкой (Могилевской губ.) уѣзды прислали на общее число своихъ новобранцевъ по 20% неспособныхъ, и т. д.»—«Если такое число неспособныхъ,—замѣчаетъ онъ далѣе,—могло найтись среди новобранцевъ, отправленныхъ въ петербургскій округъ, гдѣ требованія—гвардіи ради—сравнительно очень высоки, то легко представить, какая масса неспособныхъ новобранцевъ принимается ежегодно и разсылается въ округа съ меньшею требовательностью. Все это заставляетъ думать, что предполагаемые 37.6% сохранившихъ свое полное здоровье изъ общаго числа родившихся чрезмѣрно высоки и должны быть значительно понижены».

VI.

До какой степени плохъ въ физическомъ отношеніи средній русскій человѣкъ, это прекрасно видно, между прочимъ, на рекрутахъ, представляющихъ собою цвѣтъ нашего населенія. Оказывается, что самая здоровая, самая лучшая въ физическомъ отношеніи часть народа отличается узкою, впалою грудью, при которой, какъ извѣстно, организмъ сравнительно легко подвергается всевозможнымъ легочнымъ заболѣваніямъ и которая вообще свидѣтельствуетъ о тѣлесной слабости и недоразвитіи. Опытъ показалъ, что человѣкъ только тогда можетъ считаться здоровымъ и достаточно сильнымъ для перенесенія тягостей военной службы, когда

окружность его груди больше или, по крайней мѣрѣ, равна половинѣ его роста. Поэтому, такая минимальная грудная норма и принята для новобранцевъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, у насъ-же до самого послѣдняго времени пріемъ рекрутъ производился по низшей нормѣ, что дѣлалось, очевидно, въ виду недостатка «нормальныхъ» молодыхъ людей. Въ 1892 году военное министерство пришло къ мысли о необходимости повысить требованія при пріемахъ и въ этихъ видахъ обратилось къ воинскимъ присутствіямъ съ распоряженіемъ, по которому низшею грудною нормою должна считаться половина роста принимаемаго рекрута. Оказалось, что не подъ силу такое требованіе: во многихъ мѣстностяхъ молодыхъ людей, удовлетворяющихъ этому требованію, явилось такъ мало, что пришлось зачислить на службу льготныхъ высшихъ разрядовъ. Такъ, по словамъ «Южн. Кр.», по исчисленію, сдѣланному Харьковскимъ городскимъ головою, оказывается, что изъ принятыхъ въ 1892 г. на военную службу 128 молодыхъ людей было 88 человѣкъ изъ непривилегированныхъ классовъ, изъ нихъ, при дѣйствіи новаго правила объ объемѣ груди, было принято на службу едва 38 человѣкъ, т.-е. только около 4% всего комплекта. Этотъ фактъ, констатированный далеко не для одного только Харькова.

Понятно само собою, что въ результатѣ физическаго ослабленія и, вслѣдствіе того, усиленной болѣзненности населенія, процентъ смертности у насъ долженъ быть очень высокъ. И мы дѣйствительно видимъ, что смертность въ Россіи несравненно больше, чѣмъ въ какой-бы то ни было изъ европейскихъ странъ. Въ то время, какъ при нормальномъ коэфиціентѣ смертности въ 16‰ (16 на тысячу), смертность на Западѣ колеблется между 17‰ и 30‰ (Австрія—31, ‰, Германія—27,8‰, Франція—26,3‰, Англія—22,3‰, Норвегія—17,10‰, нѣкоторые нѣмецкіе города даже—14—12‰), въ то время, когда въ Лондонѣ и Парижѣ, съ ихъ многомилліоннымъ, крайне скученнымъ населеніемъ, умираетъ всего только 21 и 23 на тысячу и когда вообще на всемъ европейскомъ Западѣ смертность въ 31,50‰ считается чрезмѣрно сильною, а дойдя до 36,5‰, разсматривается уже, какъ народное бѣдствіе, вызывающее усиленныя и энергическія мѣры оздоровленія,—у насъ средняя смертность для всей страны опредѣляется ужасною, по западно-европейскимъ нормамъ, цифрою въ 36 на тысячу. Если мы исключимъ изъ общаго счета Финляндію съ коэфиціентомъ смертности—21,4‰, Прибалтійскій край, гдѣ умираетъ отъ 19‰ до 25‰, Привислянскій край, со среднею смертностью въ 23‰ и шесть сѣверозападныхъ губерній съ коэфиціентомъ 27‰, то увидимъ, что эта цифра для коренной Россіи должна быть еще сильно увеличена. Такъ, въ весьма многихъ губерніяхъ смертность колеблется между 40‰ и 54‰ [1]), поднимаясь для нѣкоторыхъ мѣстностей

[1]) Симбирская—40‰, Олонецкая—40,10‰, *Петербургская*—40,1‰, Тульская—40,20‰

до ужасающей высоты: въ самомъ Петербургѣ въ нѣкоторые годы она доходитъ до 60‰; тотъ-же самый процентъ оказывается и во многихъ другихъ мѣстахъ, каковы, напр., извѣстные районы въ губерніяхъ Олонецкой, Вятской, Смоленской и др.; по словамъ д-ра Осиповича, въ нѣкоторыхъ частяхъ Московскаго уѣзда умираетъ 73‰, въ Красноярскомъ округѣ, въ послѣднее время, по сообщенію врача Крутовскаго, смертность была 50‰, а съ умершими отъ дифтерита—100 на тысячу («Сибирскій Вѣстникъ», 1893 г., № 4)... Въ мирное время, при обыкновенномъ теченіи жизни, у насъ умираетъ 50, 60, 70 и даже 100 на тысячу; въ то время какъ во франко-прусской войнѣ общее число выбывшихъ изъ строя не превышало 108 на тысячу, а въ кровопролитныхъ сраженіяхъ подъ Еленою и Никополемъ (1877 г.) убыль нашихъ войскъ убитыми и ранеными составляла только 75 и 60 на тысячу.

VII.

Выше мы показали, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, что болѣзненность русскаго народа съ каждымъ годомъ все усиливается и усиливается. Факты вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Судя по оффиціальнымъ даннымъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ смертность въ Россіи была всего только 32,5%; въ семидесятыхъ-же и послѣдующихъ годахъ она опредѣлялась уже среднею цифрою въ 37—38‰; значитъ въ какія-нибудь 30—40 лѣтъ она увеличилась приблизительно на 5 съ тысячи, или на 15%. Для многихъ губерній Европейской Россіи болѣе или менѣе сильное возростаніе смертности констатировано и въ короткій промежутокъ между началомъ прошлаго и началомъ текущаго десятилѣтій; такъ за это время смертность поднялась: во Владимірской губерніи съ 43,5‰ на 44,1‰ (1,4%), въ Вятской съ 45,1‰ на 45,9‰ (1,8%) въ Самарской съ 44,6‰ на 46,7‰ (5%), въ Оренбургской съ 42,2‰ на 52‰ (20%), въ Московской съ 44,6‰ на 53,04‰ (20%) и т. д. Справедливость требуетъ прибавить, что по тѣмъ-же оффиціальнымъ даннымъ цифра смертности для нѣкоторыхъ другихъ губерній оказывается понизившеюся; но въ общемъ итогѣ фактъ повышенія остается несомнѣннымъ.

Если принять въ разсчетъ все вышесказанное, то для насъ станетъ совершенно понятно, почему у насъ естественный приростъ населенія крайне малъ, выражаясь всего только дробными долями процента, почему во многихъ губерніяхъ и краяхъ число жителей не увеличивается, почему, наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ, каковы, напр., нѣкоторые уѣзды Олонецкой, Вятской, Московской, Полтавской и другихъ южныхъ

Екатеринославская—41‰. Орловская—41,1‰, Вятская—41,6‰, Саратовская—43,7‰, Владимірския—44,1‰, Пензенская—44,5‰, Пермская—45,9‰, Самарская—46,7‰, Оренбургская—52‰. *Московская*—53,4‰, и т. д.

губерній. замѣчается даже ростущая изъ года въ годъ убыль, т. е. вымираніе населенія. Неудивительнымъ намъ покажется и тотъ въ высшей степени грустный фактъ, что, въ то время, какъ въ западной Европѣ средняя продолжительность жизни равняется 38—40 годамъ, у насъ она едва достигаетъ 30 лѣтъ, сплошь и рядомъ и не превышая 25, 20, 18 и даже 16 лѣтъ (промышленные уѣзды Московской губерніи).

Резюмируя, въ заключеніе, всѣ вышеприведенные факты и цифры, мы приходимъ къ слѣдующему, крайне прискорбному, общему выводу: болѣзненность и смертность съ теченіемъ времени у насъ все болѣе и болѣе ростетъ, сила и распространеніе всяческихъ эпидемій увеличиваются, средняя продолжительность жизни крайне ничтожна. Такова картина нашей санитарной дѣйствительности, невольно заставляющая тревожно задумываться. Не предполагая пускаться въ детальный разборъ этихъ причинъ, мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ слѣдующаго отзыва, даннаго однимъ изъ сенаторовъ, ревизовавшихъ внутреннія губерніи, о современномъ состояніи народнаго хозяйства. «Благосостояніе сельскаго сословія обревизованныхъ губерній, взятое въ совокупности, не поднялось, а понизилось противъ до-реформеннаго времени и продолжаетъ еще понижаться, несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличивающихъ доходность земли, и на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, значительно уменьшившее платимую крестьянами за ихъ надѣлъ ренту. Безспорными признаками обѣдненія крестьянъ служатъ: уменьшеніе прежде сохранявшихся хлѣбныхъ запасовъ и количество скота, въ особенности рабочаго, упадокъ строеній, истощеніе земли. Второстепенными признаками служатъ увеличеніе недоимокъ и сдержанное только недостаткомъ средствъ стремленіе крестьянъ къ переселенію. Число неимущихъ въ каждомъ почти селеніи увеличилось въ огромномъ размѣрѣ; при этомъ съ ужасающею быстротою возростаетъ число крестьянскихъ семействъ, изъ зажиточныхъ постепенно переходящихъ въ число нуждающихся и затѣмъ въ число вовсе необезпеченныхъ въ своемъ существованіи, т. е. семействъ, не имѣющихъ ни достаточнаго запаса хлѣба съ осени, ни надежнаго рабочаго скота и обремененныхъ неоплатными долгами» («Южн. Край», 1892 г., октябрь). Для каждаго непредубѣжденнаго и здравомыслящаго читателя должно быть совершенно очевидно, что вышеуказанный фактъ, констатируемый вполнѣ безпристрастнымъ и почтеннымъ лицомъ, фактъ прогрессивно возростающаго упадка благосостоянія народа относится къ доказанному нами выше факту прогрессивно усиливающихся болѣзненности, смертности и вырожденія населенія, какъ причина относится къ слѣдствію.

Н. Геренштейнъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Замкнутость нашихъ университетовъ и наше University Extension. — Образованіе особой коммисіи для разрѣшенія вопроса объ экономическомъ упадкѣ и прогрессѣ Россіи.—Рѣчь г. министра земледѣлія при открытіи второй сессіи сельскохозяйственнаго совѣта.—Прогрессъ сельскаго хозяйства и значеніе для этого прогресса общеэкономической обстановки.—Исполненіе государственной росписи за 1895 г. и взгляды «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на состояніе нашихъ финансовъ.—Новыя періодическія изданія.—Министерство народнаго здравія.—Взглядъ г. министра финансовъ на значеніе „постороннихъ заработковъ" въ крестьянскомъ хозяйствѣ.—Значеніе рабочихъ для развитія фабрично-заводской промышленности.—Общество улучшенія помѣщеній для рабочихъ.—Вопросъ объ «урегулированіи» положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Замкнутость, полная отрѣзанность отъ публики и полная обособленность другъ отъ друга являются характерными особенностями нашихъ университетовъ. Обсужденію этихъ особенностей можно придать характеръ чисто исторической справки. Стоитъ вспомнить о враждебномъ отношеніи нашихъ старыхъ либераловъ живыхъ и умершихъ къ планамъ Костомарова. Въ своемъ проектѣ Костомаровъ энергично настаивалъ на учрежденіи безусловно открытыхъ свободныхъ университетовъ, въ которыхъ студенты и посторонняя публика ничѣмъ бы другъ отъ друга не отличались. Къ такихъ планамъ Костомарова враждебно отнеслись Стасюлевичъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Чичеринъ, Андреевскій и бывшій тогда либераломъ Катковъ. Въ учрежденіи свободныхъ, незамкнутыхъ университетовъ увидѣли существенный вредъ для воспитательнаго значенія университетовъ. «Безъ воспитательныхъ университетовъ, писалъ Чичеринъ, не можетъ обойтить ни одно образованное общество, потому что прямое ихъ назначеніе давать серьезную, спеціальную подготовку людямъ, готовящимся къ важнѣйшимъ поприщамъ общественной жизни. Университетъ можетъ допускать въ свои стѣны публику, но публика въ немъ—гости, а не хозяева. Настоящіе хозяева тѣ, которые сдѣлали

науку, навсегда или на время, предметомъ жизненнаго занятія, и систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. Между ними образуется необходимо связь товарищества и преданія науки: ихъ окружаетъ извѣстная умственная отмосфера, ассимилирующая всѣ втекающіе въ университетъ элементы, проникающая всѣхъ, отъ новопоступившаго студента до профессоровъ, оказывающая на всѣхъ могучее вліяніе и составляющая одинъ изъ необходимыхъ воспитательныхъ элементовъ, важныхъ не менѣе самого чтенія лекцій».

Пироговъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ высказывался нетолько противъ замкнутости университетовъ, но и противъ обособленности ихъ другъ отъ друга. Общественное мнѣніе, доказывалъ Н. П. Пироговъ, въ дѣлахъ университетскихъ корпорацій должно быть допущено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и ему слѣдуетъ предоставить полную и всестороннюю свободу проявленія. Это общественное мнѣніе для университетовъ можетъ быть трехъ родовъ: оно образуется или въ ученомъ сословіи, или въ образованной части общества, или, наконецъ, между самими учащимися. До сихъ поръ у насъ мнѣніе одного университета, несмотря на общій уставъ или можетъ быть вслѣдствіе устава, мало вліяетъ на другой: между ними есть только формальная связь,— духовной-же или внутренней не существуетъ. Поэтому, гласность въ университетскихъ дѣлахъ и съѣзды профессоровъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходимы, если мы хотимъ развить общественное мнѣніе нашего ученаго микрокозма. Необходимо сдѣлать университеты не только самостоятельными, но и общественными; необходимо, чтобы университеты *обнародили* науку и разлили свѣтъ ея на большія пространства съ помощью публичныхъ лекцій, усиленія прикладной стороны преподаванія и другихъ средствъ. Нужно все сдѣлать, чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣніе, необходимое для его жизни. Но для этого необходима гласность, безъ которой всѣ мѣры будутъ напрасны. («Университетскій вопросъ», стр. 37—39).

Конечно, наши университеты не скоро доростутъ до такихъ благопріятныхъ условій, но уже дѣлаются нѣкоторыя попытки къ тому, чтобы «обнародить» науку. Это «обнародываніе» науки—University Extension— начинаетъ проявлять нѣкоторые слабые признаки своей жизненности. Общедоступные систематическіе курсы теперь читаются университетскими профессорами въ Одессѣ, Казани и Кіевѣ и привлекаютъ массу слушателей. Къ сожалѣнію, чтенія происходятъ по спеціальнымъ, а не по общественнымъ наукамъ. Въ программу открытыхъ курсовъ вошли химія ботаника, зоологія, минералогія и т. п. Правда, въ Кіевѣ, на ряду съ такими лекціями, мало доступными публикѣ, происходятъ чтенія по исторіи, психологіи, по исторіи нѣкоторыхъ экономическихъ и политическихъ ученій.

Въ общемъ ходѣ событій случилось нѣкоторое нарушеніе гармоніи Всѣ газеты сообщаютъ, что при департаментѣ окладныхъ сборовъ образована особая коммиссія, которой поручено выяснить вопросъ о томъ, двигается-ли Россія въ послѣднее время по пути къ обѣднѣнію или по пути къ обогащенію? Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ появились въ газетахъ краткія сообщенія о первыхъ засѣданіяхъ коммиссіи, въ помощь которой также чуть-ли не всѣ газеты стали украшать свои столбцы статьями на тему о томъ, богатѣетъ или бѣднѣетъ Россія. Никакихъ оффиціальныхъ опроверженій не послѣдовало и намъ приходится признать, что дѣйствительно теперь работаетъ особая коммисія надъ вопросомъ о томъ, разбогатѣла или обѣднѣла Россія за послѣдніе годы?

На этотъ вопросъ всѣ наши читатели, конечно, имѣютъ весьма опредѣленный отвѣтъ, который, навѣрно, совпадаетъ съ взглядами редакціи нашего журнала, выраженными въ цѣломъ рядѣ статей. Въ виду этого и по другимъ обстоятельствамъ, мы не будемъ заниматься формулированіемъ отвѣта на всѣмъ извѣстный вопросъ, а предлаемъ обратить вниманіе на самую постановку вопроса о томъ, разбогатѣла или обѣднѣла Россія за послѣднее время?—Быть можетъ, не безъ основаній можно было бы говорить о той послѣдовательности, которая указывала на необходимость сначала разрѣшить вопросъ о нашемъ экономическомъ прогрессѣ или регрессѣ, а потомъ уже, сообразно съ рѣшеніемъ этого вопроса, устраивать или не устраивать нижегорскую выставку. Эта послѣдовательность, такъ сказать, напрашивается быть поставленной во главу угла. Мы видимъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ государственныхъ операцій, ежегодно повторяющихся и всецѣло основанныхъ на томъ предположеніи, что Россія мощными шагами двигается по пути экономическаго прогресса. Само собою понятно, что это предположеніе въ руководящихъ сферахъ теперь признано сомнительнымъ, разъ образована цѣлая коммисія для его провѣрки и выясненія, дѣйствительно ли Россія двигается по пути къ экономическому благосостоянію или, быть можетъ, наоборотъ, она двигается по пути діатеметрально противоположному. Возьмемъ для примѣра нашъ колоссальный государственный бюджетъ. Несомнѣнно, онъ за послѣдніе годы увеличивался въ томъ предположеніи, что экономическое благосостояніе страны быстро двигается впередъ и позволяетъ такъ же быстро повышать потребности казны. Отъ бюджета можно было бы перейти къ цѣлой серіи разныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, предпринятыхъ или уже осуществленныхъ въ интересахъ *содѣйствія* дальнѣйшему росту нашего развивающагося благосостоянія. Многое множество разныхъ мѣропріятій (если не всѣ наши мѣропріятія) направляются къ поддержанію въ разныхъ сферахъ и областяхъ нашего экономическаго прогресса, признававшагося до сихъ поръ не только безспорнымъ, но и могучимъ. Говоря другими словами, дѣло начиналось у насъ съ конца, а не съ начала. Теперь же

образованіе коммисіи для выясненія вопроса о томъ, дѣйствительно ли нашъ экономическій прогрессъ является безспорнымъ, свидѣтельствуетъ о признанной потребности возвратиться къ началу дѣла и отказаться отъ *содѣйствія* тому, будто бы, развивающемуся благосостоянію, которое, по разслѣдованію коммиссіи, быть можетъ, окажется и несуществующимъ. Если коммисія придетъ къ такому именно заключенію, то въ такомъ случаѣ мѣры содѣйствія прогрессу окажется необходимымъ замѣнить сложными и разнообразными мѣропріятіями, могущими содѣйствовать, по крайней мѣрѣ, прекращенію дальнѣйшаго упадка.

Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ отношеніи можно было-бы что-либо добавить новаго къ прочно установившемуся мнѣнію въ печати и въ обществѣ. Мы и не думаемъ сказать что-либо новое на тему объ экономическомъ положеніи Россіи, а прямо перейдемъ къ самымъ послѣднимъ оффиціальнымъ заявленіямъ, относящимся къ современному состоянію Россіи. Открывая засѣданія второй сессіи сельскохозяйственнаго совѣта, министръ земледѣлія обратился къ членамъ совѣта съ слѣдующими словами: «Господа! Открывая первое засѣданіе второй сессіи сельскохозяйственнаго совѣта, я, къ крайнему своему сожалѣнію, все еще не имѣю возможности сказать, что продолжительный, тяжелый экономическій кризисъ, угнетающій повсемѣстно сельское хозяйство, миновалъ. Хотя съ поступленіемъ на рынки урожая настоящаго года цѣны на хлѣбъ замѣтно окрѣпли, сравнительно съ убыточно низкими осенними цѣнами двухъ предшествующихъ лѣтъ, но едва-ли мы вправѣ считать это повышеніе, вызванное недородомъ хлѣба во многихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ областяхъ нашего отечества, за признакъ прекращенія кризиса и устраненія причинъ, его породившихъ. Пережитые годы вездѣ оставили столь тяжелые слѣды, что если-бы виды на дальнѣйшій подъемъ цѣнъ и оправдались, то еще долгое время придется считаться съ разстроеннымъ состояніемъ большинства нашихъ хозяйствъ» [1]). Тутъ приходится напомнить, что Россія полностью и безусловно зависитъ отъ сельскаго хозяйства. Приходится напомнить и ту истину, что нашъ «продолжительный тяжелый кризисъ, угнетающій сельское хозяйство», о которомъ говоритъ г. министръ, не можетъ быть признанъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Сельскохозяйственный кризисъ въ сельскохозяйственной странѣ имѣетъ полное право на признаніе его общимъ экономическимъ кризисомъ. Такое значеніе едва-ли можетъ быть оспариваемо и у нашего сельскохозяйственнаго кризиса. Суть дѣла, однако, состоитъ не въ этомъ, а въ томъ, что нашъ сельскохозяйственный кризисъ не можетъ быть признанъ прямо сельскохозяйственнымъ и по природѣ тѣхъ при-

[1]) См. «Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», № 45 стр. 722.

чинъ, которыми онъ вызванъ и поддерживается. Большая половина этихъ причинъ не принадлежитъ къ категоріи сельскохозяйственныхъ; многія изъ нихъ не могутъ быть признаны даже и общеэкономическими. Этотъ вопросъ уже выяснялся на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» и мы тутъ считаемъ не лишнимъ напомнить, что и министерство земледѣлія признавало въ своихъ опубликованныхъ годовыхъ отчетахъ нашъ сельскохозяйственный кризисъ тѣсно связаннымъ съ общими экономическими условіями. Въ виду этого, мы вправѣ думать, что и по мнѣнію министерства земледѣлія наше сельское хозяйство не можетъ быть избавлено отъ кризиса мѣропріятіями чисто сельскохозяйственнаго характера.

Если нашъ сельскохозяйственный кризисъ, — допустимъ, — вызывается, главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, общеэкономическими причинами, то и борьба съ этимъ кризисомъ должна быть начата съ воздѣйствія на общія экономическія условія. Мало того, слѣдовало-бы придти къ сомнѣнію по вопросу о плодотворномъ значеніи специфическихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій при тѣхъ данныхъ общеэкономическихъ условіяхъ, среди угнетающаго воздѣйствія которыхъ имъ пришлось-бы пускать свои корни и развиваться. На этотъ вопросъ едва-ли можно дать положительный отвѣтъ. Въ цитированной рѣчи г. министръ земледѣлія, не отвергая основательность такого отвѣта, сказалъ, что «въ противность заявленіямъ крайнихъ пессимистовъ, что въ настоящихъ условіяхъ культурныя мѣры и улучшенія въ пріемахъ веденія сельскаго хозяйства имѣютъ малое значеніе въ сравненіи съ мѣропріятіями общаго экономическаго характера, московскій съѣздъ большую часть своихъ занятій посвятилъ обсужденію докладовъ, касавшихся собственно сельскохозяйственныхъ улучшеній, достиженія большей продуктивности земли, скотоводства, выбора наиболѣе выгодныхъ отраслей и хозяйства и т. п.» Напомнимъ, что здѣсь рѣчь идетъ о послѣднемъ московскомъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ, который занимался вопросами по напередъ утвержденной программѣ, въ которой не былъ поставленъ интересующій насъ вопросъ о взаимномъ отношеніи между общеэкономическими и спеціально сельскохозяйственными мѣропріятіями. Московскій съѣздъ обсуждалъ разныя сельскохозяйственныя мѣропріятія, пригодныя служить интересамъ сельскаго хозяйства, конечно, при соотвѣтствующей общеэкономической обстановкѣ. Было бы интересно внести на обсужденіе сельскохозяйственныхъ обществъ, сельскохозяйственныхъ съѣздовъ и земскихъ учрежденій вопросъ о взаимномъ отношеніи между общеэкономическими условіями и спеціальными сельскохозяйственными мѣропріятіями. Впрочемъ, земства уже въ достаточной степени охарактеризовали свой взглядъ на этотъ вопросъ въ отвѣтахъ, посланныхъ министерству земледѣлія на запросъ о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать

поднятію сельскаго хозяйства. Всѣ тѣ земства, которыя серьезно работали надъ запросомъ министерства, указывали на то, что сельское хозяйство прежде всего нуждается въ соотвѣтствующей общеэкономической обстановкѣ.

Конечно, не одно сельское хозяйство нуждается въ благопріятной общеэкономической обстановкѣ. Быть можетъ, эта потребность является особенно ощутительной для нашей государственной росписи, объ исполненіи которой за предшествовавшій 1895 годъ на дняхъ опубликованъ отчетъ государственнаго контроля. «Новое Время» пришло въ восторгъ отъ благополучнаго сведенія цифры доходовъ и расходовъ за 1895 г. и наговорило тьму несообразностей. «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ № 311 отвѣчали «Новому Времени» съ такимъ достоинствомъ, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» озаглавлена — «Оборотная сторона медали» и начинается слѣдующими словами: «въ № 7418 «Новаго Времени», неизвѣстный авторъ статьи «По поводу исполненія росписи 1895 г.» отдается чувству радости о томъ, что истекшій финансовый годъ, по всѣмъ почти статьямъ прихода, завершился избытками поступленій противъ ожиданія росписи. Этотъ признакъ народнаго благосостоянія обнаружился и по косвеннымъ, и по прямымъ налогамъ, а потому оптимистическое настроеніе почтеннаго автора совершенно понятно. Не совсѣмъ хороши только его заключительныя слова, утверждающія, будто Россія можетъ богатѣть, не смотря на угнетенное состояніе ея земледѣлія. Бѣглый анализъ бюджетныхъ цифръ, говорится въ упомянутой статьѣ, позволяетъ придти къ заключенію, что исполненіе государственной росписи 1895 г., во всякомъ случаѣ, было не отъ скудости и свидѣтельствуетъ вообще объ удовлетворительномъ ходѣ экономическихъ дѣлъ, не смотря на трудное положеніе въ сельско-хозяйственной средѣ, обусловленное упадкомъ хлѣбныхъ цѣнъ. Итакъ, страна можетъ процвѣтать при упадкѣ ея главнаго промысла? Не правильнѣе-ли было бы допустить, что ея кажущійся экономическій ростъ можетъ длиться нѣкоторое время, не смотря на то, что корни у него подрѣзаны? Вѣдь сорванный цвѣтокъ, воткнутый въ сырую землю, можетъ день-другой еще цвѣсти и благоухать, обманывая глазъ признакомъ жизни; но прождите еще нѣсколько дней и онъ завянетъ навѣрно. Не то ли происходитъ и съ нашимъ экономическимъ благополучіемъ?».

«С.-Петербургскія Вѣдомости», отвѣчая на поставленный ими вопросъ, прямо заявляютъ: «Къ сожалѣнію, мы въ этомъ можемъ увѣриться не путемъ однѣхъ только догадокъ. Съ цифрами исполненія росписи 1895 года («Вѣст. Финансовъ», № 41) стоитъ сравнить поступленія текущаго года за первые его 7 мѣсяцевъ (тамъ же, № 42). Здѣсь картина измѣняется. И прямые налоги, и потребительные давали большей частью не-

доборы, либо остались неподвижными. По выкупнымъ платежамъ недополучено, противъ тѣхъ же 7 мѣс. прошлаго года, 5 мил. руб. По поземельному налогу—3 мил., по сахарному акцизу—4 мил., по питейному—2 мил. и т. д. Исключеніе составляютъ казенныя желѣзныя дороги, давшія огромный переборъ въ 54 мил., нефтяной акцизъ (излишекъ въ 2 мил.) и ввозныя пошлины, тоже дающія крупную цифру въ 11 мил. перебора. И, въ концѣ-концовъ, благодаря этимъ статьямъ, въ общей сложности, поступленія 1896 г. даютъ итогъ большій, противъ соотвѣтствующаго въ 1895 г. въ 60 мил. Но объяснить этотъ съ виду блестящій результатъ не трудно: усиленный доходъ съ казенной сѣти—лишь прямое послѣдствіе расширенія государственнаго хозяйства, точно такъ же, какъ ростъ таможенныхъ пошлинъ вызванъ увеличеніемъ ввоза, грозящимъ въ скоромъ времени перевернуть не въ нашу пользу торговый балансъ. Что же касается увеличенія сборовъ по нефтяному акцизу, оно достаточно объясняется расширеніемъ потребленія нефтяныхъ продуктовъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и фабрикахъ, гдѣ они все болѣе вытѣсняютъ уголь и дрова. А это свидѣтельствуетъ лишь, что лѣса у насъ вырублены, уголь непомѣрно дорогъ, а электрическое освѣщеніе недостаточно быстро распространяется».

Насчетъ «опасностей», угрожающихъ нашему торговому балансу, мы, конечно, держимся совершенно иныхъ взглядовъ и всякія пошлинныя огражденія признаемъ орудіемъ, отжившимъ свой вѣкъ и тормазящимъ нормальное развитіе торговаго баланса. Искусственное направленіе торговаго баланса путемъ высокихъ пошлинъ въ концѣ концовъ невыгодно отражается и на государственномъ бюджетѣ, истощая платежную способность обывателей на доставленіе крупныхъ прибылей торговцамъ и промышленникамъ. Оспаривая въ этомъ пунктѣ мнѣнія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», мы соглашаемся съ дальнѣйшими указаніями газеты на то, что «и само по себѣ блестящее исполненіе росписи 1895 г. еще не служитъ доказательствомъ такого-же блестящаго экономическаго здоровья страны. Оно лишь повторяетъ собою явленіе, привычное для нашихъ финансовъ: хроническій переборъ доходовъ, не столько вызванный ростомъ благосостоянія, сколько усиленнымъ давленіемъ податного винта. Если мы сравнимъ цифры поступленій за 1895 годъ не съ тѣми, какія предвидѣлъ бюджетъ, а съ такими-же результатами за предыдущій 1894 годъ, то увидимъ, что поступательное движеніе въ 1895 г. нѣсколько даже замедлилось. Мы, стало быть, вправѣ разсматривать его какъ лишній шагъ на пути, по которому наши финансы идутъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, и притомъ шагъ не особенно бойкій».

Еще менѣе бойкими шагами, по мнѣнію «С.-Пет. Вѣд.», отличается наша роспись въ своемъ развитіи по смѣтѣ чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ. «Ожидалось, говорятъ «С.-Пет. Вѣд.», чрезвычайныхъ рес-

сурсовъ 2 милл., а чрезвычайныхъ расходовъ было предположено на 94. главнымъ образомъ на постройку новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Соотвѣтствующія цифры дѣйствительно поступившихъ доходовъ и совершенныхъ затратъ—162 и 384 милл. руб. Недоборъ по чрезвычайному бюджету представляетъ, стало быть, колоссальную цифру въ 221 милл., не смотря на то, что доходъ превысилъ ожиданія смѣты на 160 милл. При одномъ взглядѣ на эти голыя цифры, не вдаваясь даже въ ихъ подробный анализъ, нельзя не изумиться поразительно рѣзкимъ отступленіямъ государственнаго хозяйства отъ смѣтныхъ предположеній. Отступленія эти оставляютъ далеко за собою все, къ чему пріучило насъ прошлое русскихъ финансовъ. И невольно заурядный читатель утрачиваетъ сознаніе реальности бюджетныхъ цифръ, пріучаясь видѣть въ нихъ лишь благія намѣренія, которымъ, быть можетъ, и приблизительно не суждено осуществиться. Насъ поражаетъ самый фактъ «непредвидѣнности» такихъ крупныхъ операцій, какъ заемъ въ 147 мил. и затрата 280 мил. на усиленіе фонда и на погашеніе облигацій; эта непредвидѣнность представляетъ собою явленіе, настолько-же странное, какъ другая хроническая непредвидѣнность, заключающаяся въ постоянномъ и крупномъ превышеніи обыкновенныхъ доходовъ надъ ожиданіями росписей».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» недовольны и нашими дешевыми займами. «Займы по 3½ проц., конечно, говоритъ газета, служатъ признакомъ усилившагося довѣрія (?) къ нашимъ финансамъ, и, безспорно выгодно старые долги погашать новыми, по которымъ проценты уплачиваются въ уменьшенномъ размѣрѣ. Но, съ одной стороны, такіе займы у насъ постоянно заключаются на большую сумму, чѣмъ требуется для погашенія, и въ концѣ-концовъ, при всей выгодности подобныхъ операцій, государственный долгъ постоянно ростетъ». Правда, одновременно у насъ растетъ и такъ называемая свободная наличность государственнаго казначейства. Однако, и насчетъ этой наличности «С.-Пет. Вѣд.» признали необходимымъ сказать слѣдующее: «Вѣдь такъ называемая свободная наличность казначейства, точно такъ-же, какъ ежегодные переборы, ничто иное, какъ результатъ усиленнаго обложенія. А средства, добытыя этимъ путемъ, цѣною тяжелыхъ жертвъ, должны-бы затрачиваться лишь на безусловно необходимыя, нормальныя нужды государства. Взимать съ населенія, хотя-бы въ видѣ косвенныхъ налоговъ, ежегодно болѣе того, что требуется на обыкновенные расходы—это едва-ли не опаснѣе даже заключенія ежегодныхъ займовъ, обременяющихъ бюджеты лишь въ сравнительно ничтожномъ размѣрѣ платимыхъ за нихъ процентовъ, и, стало-быть, равномѣрнѣе ложащихся на цѣлый рядъ будущихъ годовъ».

Подводя итоги всѣмъ своимъ размышленіямъ, «С.-Пет. Вѣд.» въ заключеніе говорятъ: «Кто знаетъ, не близокъ-ли часъ, когда нашъ эко-

номическій организмъ, истощенный и надорванный, невольно откажется приносить государству излишки, и двѣ колоссальныя операціи, предпринятыя въ одно и то-же время, должны будутъ пріостановиться, какъ остаются иногда недостроенными роскошные дома, на довершеніе которыхъ владѣльцу не хватило средствъ».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» не могутъ быть заподозрѣны въ злонамѣренномъ хуленіи отечественныхъ финансовъ по отсутствію должнаго патріотизма и лояльности. Газета проявила ясное пониманіе того, что всякую критику отечественныхъ финансовъ не трудно возвести на степень ихъ хуленія и что самая несправедливая критика болѣе отвѣчаетъ интересамъ хотя бы того же патріотизма, чѣмъ подогрѣтые дифирамбы. Критика, даже самая несправедливая, всегда будитъ сознаніе о недостаткахъ и побуждаетъ къ усовершенствованію, а дифирамбы вызываютъ самообольщеніе и побуждаютъ къ самодовольству. Крымская исторія по достоинству оцѣнила нашихъ самодовольныхъ и самообольщающихся патріотовъ. Какъ всякому извѣстно, тогда пагубное самодовольство и самообольщеніе выросли на почвѣ полнаго изгнанія критики. Этотъ урокъ должны вспомнить и тѣ, кто развитіе прогресса въ странѣ склоненъ измѣрять даже такой малоподходящей мѣркой, какъ, такъ называемая, подготовленность къ войнѣ. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ любомъ органѣ мало-мальски серьезное критическое отношеніе къ тому или иному вопросу. Въ данномъ случаѣ мы отмѣтили критическое отношеніе къ нашимъ финансамъ такого изданія, которое является наименѣе близкимъ къ нашему журналу потому, что правда должна стоять выше направленій и журнальныхъ лагерей. Критика призвана служить именно интересамъ правды и сама не можетъ поколебать правду. Представимъ себѣ, что наши финансы, вопреки мнѣніи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Въ такомъ случаѣ самая придирчивая и несправедливая критика, не ослабляя ихъ цвѣтущаго состоянія, будетъ вызывать и поддерживать такое щепетильное отношеніе къ дѣлу, которое можетъ и должно содѣйствовать дальнѣйшему улучшенію порядковъ въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что къ инымъ результатамъ не можетъ вести строго-критическое отношеніе и къ другимъ вопросамъ и дѣламъ, относящимся къ комтетенціи другихъ вѣдомствъ. Объ этой азбучной истинѣ невольно вспоминаешь при чтеніи объявленій о новыхъ періодическихъ изданіяхъ, открывающихся съ будущаго года. Судя по количеству объявленій, можно думать, что съ новаго года наша періодическая печать сразу обогатится многими ежедневными изданіями. Это обстоятельство безотносительно нельзя не признать весьма отраднымъ, но при разсмотрѣніи его съ разныхъ точекъ зрѣнія, быть можетъ, пришлось-бы уменьшить его значеніе. Помимо общеизвѣстныхъ усло-

вій, большинство новыхъ изданій едва ли будетъ стойко слѣдовать тому строго-критическому направленію, которое въ данное время оказалось бы наиболѣе полезнымъ. Вся нравственная отвѣтственность въ данномъ случаѣ падетъ на тѣхъ лицъ, которыя принимаются за изданіе и редактированіе новыхъ органовъ печати, не имѣя ни малѣйшаго желанія служить призванію печати, а преслѣдуютъ иныя цѣли на этомъ тернистомъ пути. Мы отъ души желаемъ, чтобы въ числѣ новыхъ издателей и редакторовъ оказалось поменьше такихъ лицъ, для которыхъ торговля печатнымъ словомъ представлялась-бы дѣломъ, наиболѣе подходящимъ и наименѣе тернистымъ. Такіе люди, конечно, останутся глухими къ какимъ бы то ни было убѣжденіямъ и сама читающая публика можетъ покарать ихъ за ихъ неблаговидные планы и разсчеты. Съ своей стороны, мы считаемъ излишнимъ нарушать правило: nomina sunt odiosa, но не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, что въ числѣ новыхъ редакторовъ и издателей оказались люди, извѣстные стойкостью своихъ убѣжденій и вѣрой въ серьезное призваніе печати.

Безспорно, среди людей этой послѣдней категоріи имѣются охотники затратить и свои моральныя силы, и свои матеріальныя средства на веденіе періодическаго изданія, но одно ихъ желаніе въ данномъ случаѣ являтся далеко недостаточнымъ. Пожалуй, можно утверждать, что и появленіе этихъ людей во главѣ тѣхъ или иныхъ періодическихъ изданій не ознаменовалось бы *теперь* подъемомъ духа въ нашей періодической печати. Однако, они содѣйствовали бы поднятію престижа печати уже однимъ тѣмъ, что въ руководимыхъ ими изданіяхъ отсутствовало бы прямое стремленіе къ загрязненію печатнаго слова и опороченію призванія печати. Въ наше время это была бы великая услуга съ ихъ стороны. Быть можетъ, имъ удалось бы отъ времени до времени проводить на столбцахъ руководимыхъ ими изданій и какую-нибудь свѣтлую, бодрую мысль, признаковъ которой теперь тщетно ищетъ читатель въ нашихъ повседневныхъ изданіяхъ. Правда, въ данномъ случаѣ далеко не все зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ органовъ печати. Условія времени все нивелирують. Притупившіяся стремленія и дряхлость мысли кладутъ на все свой отпечатокъ. Только такимъ упадкомъ мысли и стремленій можно объяснить себѣ появленіе на свѣтъ разныхъ проектовъ, въ родѣ проекта объ учрежденіи въ Россіи особаго «министерства народнаго здравія».

Этотъ проектъ объ особомъ министерствѣ народнаго здравія представляется весьма поучительнымъ для прерванныхъ нами размышленій о нашемъ благосостояніи и нашемъ прогрессѣ. Быть можетъ, проектъ объ учрежденія особаго министерства народнаго здравія приходится по душѣ многимъ серьезнымъ людямъ изъ среды врачей, но въ его основаніи лежитъ самая несерьезная мысль. Министерство народнаго здравія только въ томъ случаѣ могло бы принести какую-нибудь пользу, если-бы

наше народное здравіе находилось въ плохомъ состояніи, вслѣдствіе отсутствія такого министерства. Министерство народнаго здравія можетъ издавать санитарныя предписанія, составлять разные проекты на счетъ водворенія гигіеническихъ условій жизни и т. п. Населеніе будетъ ихъ читать или слушать, но исполнять всѣ добрыя предписанія и полезныя указанія оно не въ силахъ. Это знаютъ всѣ земскіе врачи и они, навѣрно, скажутъ трезвое слово на предстоящемъ VII съѣздѣ врачей, которому предстоитъ обсудить проектъ о министерствѣ народнаго здравія, разработаный д-рами Эберманымъ и Розановымъ. Гг. Розановъ и Эберманъ никого не убѣдятъ въ томъ, что министерство народнаго здравія облегчитъ борьбу за существованіе для нарождающихся поколѣній. Смертность дѣтей всегда служитъ яснымъ указаніемъ на ту экономическую и культурную обстановку, среди которой живутъ массы народа. Вышедшій въ текущемъ году «Отчетъ медицинскаго департамента за 1892 годъ» въ этомъ отношеніи представляется весьма любопытнымъ. Мы приведемъ изъ этого «Отчета» данныя о рождаемости и смертности за пятилѣтіе—съ 1888 по 1892 г.

	Родилось.	Умерло.	Прирость населенія.
Въ 1888	47,6	31,0	16,0
» 1889	46,7	32,7	14,0
» 1890	46,1	33,5	12,6
» 1891	47,2	33,0	14,2
» 1892	43,2	38,2	5,0

Для выясненія поучительности этихъ цифръ «Отчетъ мадицинскаго департамента» приводитъ данныя о рождаемости и смертности въ другихъ странахъ и приходитъ къ тому заключенію, что Россія съ ея громадной рождаемостью по приросту населенія стоитъ ниже всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Ирландіи, имѣвшей приростъ 3,0⁰/₀₀ и Франціи, съ убылью населенія въ 0,5⁰/₀₀; даже въ бѣдной Сѣверной Норвегіи приростъ почти въ 2½ раза болѣе русскаго!

Жестоко ошибаются тѣ, которые такую усиленную смертность объясняютъ недостаткомъ медицинской помощи. Земскій врачъ прекрасно знаетъ, что самая напряженная его работа не въ состояніи уменьшить смертность среди дѣтей, начинающихъ первый день своей жизни среди тѣхъ сильно измѣнившихся условій жизни, въ которыя теперь все глубже и глубже погружается нашъ крестьянинъ. Земскіе врачи прекрасно знаютъ, насколько точно характеризуютъ физическія достоинства подростающихъ поколѣній данныя по призыву къ отбыванію воинской повинности. Эти данныя все въ большихъ и большихъ процентахъ отмѣчаютъ у цвѣта нашей молодежи, достигшей призывного возраста, дряблость, хилость, болѣзненность, низкорослость, слабое развитіе груди и

массу другихъ физическихъ недостатковъ. Всѣ эти недостатки въ отчетахъ земскихъ врачей объясняются ухудшившимися условіями жизни, начиная съ пищи [1]), одежды, жилища и т. д., кончая вообще упадкомъ хозяйства.

Вѣдь теперь уже оффиціально признано, что даже въ годы средняго урожая большинство крестьянъ вынуждено прикупать хлѣбъ для продовольствія. Въ объяснительной запискѣ къ государственной росписи на 1895 годъ г. министръ финансовъ говоритъ: «Большинство крестьянскихъ хозяйствъ добываетъ свои денежныя средства не столько путемъ продажи хлѣба, сколько различными промысловыми занятіями, сторонними заработками, сбытомъ другихъ продуктовъ хозяйства и проч.—и число крестьянскихъ хозяйствъ, прикупающихъ хлѣбъ, превышаетъ въ средніе годы число продающихъ его». Всѣ эти разные заработки, дающіе средства для прикупки хлѣба, сводятся къ двумъ главнымъ категоріямъ: къ работѣ на фабрикахъ и заводахъ и къ работѣ на поляхъ у землевладѣльцевъ. Въ какія-же экономическія и культурныя условія поставлены эти главныя категоріи «постороннихъ заработковъ»?

О фабрично-заводскомъ трудѣ мы говорить не будемъ. Считаемъ, однако, не лишнимъ напомнить, что въ послѣдней инструкціи членамъ фабричной инспекціи г. министръ финансовъ категорически указываетъ этимъ чинамъ на то, что отъ улучшенія участи рабочаго зависятъ успѣхи фабрично-заводской промышленности. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ много основаній и поводовъ могъ имѣть и министръ финансовъ для призванія фабричной инспекціи къ заботливости объ участи рабочихъ. Къ сожалѣнію, разныя общественныя начинанія въ этомъ направленіи далеко не вызываютъ общихъ симпатій и общей поддержки. Такъ, напр., въ Петербургѣ существуетъ общество улучшенія помѣщеній для рабочихъ, и этому обществу, въ видѣ исключенія, было разрѣшено выпустить акціи самой скромной купюры, а именно въ 25 р. Такихъ акцій было выпущено на 800,000 руб., а продано было всего на 40,000 руб. Слабый спросъ на акціи общество объясняло недопущеніемъ ихъ до котировки на биржѣ. Теперь имъ открытъ доступъ на биржу. Положимъ, что общество улучшенія помѣщеній для рабочихъ основано на коммерческихъ основаніяхъ, но все-же нельзя признать отраднымъ тотъ фактъ, что ему не удалось размѣстить свои акціи безъ содѣйствія биржи. Если-бы открывалась подписка на акціи какого-нибудь весьма сомнительнаго общества, заманивающаго въ свои сѣти ложными рекламами, то, навѣрное, его акціи были-бы весьма скоро разобраны

[1]) Общество охраненія народнаго здравія уже пыталось-было собрать точныя свѣдѣнія о томъ, чѣмъ теперь питается крестьянинъ, но получило на свой запросъ слишкомъ мало отвѣтовъ. Въ текущемъ году оно возобновило свою попытку и разослало «программу для собиранія свѣдѣній по пищевому довольствію населенія».

состоятельными людьми изъ нашей такъ-называемой мыслящей части общества. Мы указываемъ этой части общества не на пробѣлъ ея филантропическихъ начинаніяхъ въ пользу рабочихъ, а на пробѣлъ въ ея собственныхъ разсчетахъ. Разныя дутыя акціонерныя общества ведутъ ее навстрѣчу къ неизвѣстнымъ благамъ, а общество улучшенія помѣщеній для рабочихъ дало-бы крупный дивидендъ, такъ-какъ оно идетъ навстрѣчу самой насущной потребности.

Несомнѣнно у фабрично-заводскаго рабочаго остается безъ удовлетворенія масса насущныхъ потребностей, но все же онъ поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ сельско-хозяйственные рабочіе, на которыхъ правительство теперь остановило свое особое вниманіе. Уже было оффиціально объявлено (въ отчетѣ м-ства земледѣлія), что теперь работаетъ особая коммисія объ упорядоченіи отношеній между рабочими и ихъ нанимателями. Въ послѣднее время объ этомъ «упорядоченіи» снова стали ходатайствовать земства разныхъ губерній. Въ отвѣтъ на эти ходатайства, какъ сообщаетъ «Новое Время» (отъ 19 ноября), предполагается узаконить слѣдующія мѣры: 1) обязать рабочихъ, идущихъ на заработки за предѣлы своей волости, имѣть при себѣ рабочія книжки, а землевладѣльцевъ—не нанимать стороннихъ рабочихъ безъ этихъ книжекъ, подъ страхомъ уплаты штрафа въ 25 рублей за каждаго рабочаго, нанятаго безъ книжки, 2) предоставить земскимъ начальникамъ право административнаго взысканія за самовольный уходъ рабочихъ по ст. 61 полож. о земск. начал., съ увеличеніемъ наказанія до двухнедѣльнаго ареста, 3) разрѣшить волостному суду разбирательство дѣлъ о самовольномъ уходѣ рабочихъ, нанятыхъ по рабочимъ книжкамъ и 4) предоставить землевладѣльцамъ, потерпѣвшимъ убытки отъ самовольнаго ухода рабочихъ, въ случаѣ оправданія послѣднимъ земскими начальниками, право обжалованія таковыхъ рѣшеній. Быть можетъ, тутъ опущенъ пунктъ 5-й, который санкціонируетъ въ подобномъ же случаѣ подобное же право и рабочаго, но если такой пунктъ вовсе не предусмотрѣнъ, то необходимо его добавить въ отвѣтъ на земскія ходатайства. Этимъ замѣчаніемъ мы не думаемъ указать на преслѣдованіе земствами въ вопросѣ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ исключительно однихъ помѣщичьихъ интересовъ. Какъ извѣстно, южныя земства заботливо относятся къ облегченію положенія пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Корреспондентъ «Новостей» г. Н. М. подробно знакомитъ съ дѣятельностью херсонскаго губернскаго земства, направленной къ изысканію мѣръ, подходящихъ для улучшенія участи *весьма нужныхъ* мѣстнымъ землевладѣльцамъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ Херсонской губерніи «организація лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ, устраиваемыхъ губернскимъ земствомъ въ цѣляхъ санитарнаго надзора за пришлыми сельско-хозяйственными рабочими, существуетъ уже пять лѣтъ, и въ послѣдніе 2 года

херсонское земство, совмѣстно съ днѣпровскимъ, организовало такой-же санитарный надзоръ за рабочими въ м. Каховкѣ, наиболѣе крупномъ центрѣ скопленія пришлыхъ рабочихъ, во время тамошней Никольской ярмарки. За эти 5 лѣтъ произведена систематическая регистраціи около 300 тыс. рабочихъ, медицинская помощь оказана около 35 тыс. больнымъ и выдано изъ дешевыхъ столовыхъ около 200 тыс. обѣдовъ. Многіе рынки найма обзавелись специально построенными зданіями въ видѣ навѣсовъ съ приспособленіями для амбулаторіи и кухни. Огромный матеріалъ, полученный путемъ регистраціи рабочихъ, дастъ возможность освѣтить всѣ (?) стороны движенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Матеріалъ этотъ уже частью обработанъ въ трудахъ врачей гг. Тезякова и Кудрявцева. Въ отчетномъ году зарегистровано 72 тыс. рабочихъ; въ амбулаторіяхъ при лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ медицинская помощь оказана 14,614 больнымъ, т.-е. 16,8 проц. всѣхъ рабочихъ. Процентъ этотъ является очень высокимъ по сравненію съ предыдущими 2-мя годами, когда онъ не превышалъ 10,9 проц.». («Новости», 21 ноября).

Такая дѣятельность херсонскаго земства безспорно заслуживаетъ сочувствія, но самые плодотворные ея результаты не могутъ привести къ такому заключепію, что вопросъ объ улучшеніи положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и объ урегулированіи ихъ отношеній къ нанимателямъ есть вопросъ земскій, а не общегосударственный. Государство должно заботиться и тратить свои средства на урегулированіе отношеній между сельско-хозяйственными рабочими и нанимателями. Въ то-же самое время понятіе объ «урегулированіи» должно получить болѣе широкое содержаніе, которое не должно исчерпываться перечисленіемъ уголовныхъ каръ за самовольный уходъ. Въ этомъ отношеніи Положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы 1886 года оставляетъ желать многого. Къ желательному, доподленному «урегулированію» относятся только двѣ статьи этого Положенія, въ которыхъ сказано: «наниматель не долженъ возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, не свойственныхъ ихъ возрасту и силамъ» (ст. 34-я); «наниматель, по винѣ котораго рабочій получитъ поврежденіе въ здоровьи, обязанъ вознаградить его, а если вслѣдствіе поврежденій рабочій лишится возможности снискать пропитаніе трудомъ или умреть,—то тѣхъ членовъ семейства рабочаго, существованіе которыхъ было обезпечено его трудомъ. Размѣръ сего вознагражденія и время, до котораго оно должно производиться, опредѣляются по добровольному соглашенію сторонъ, а буде таковаго не послѣдуетъ, — по рѣшенію суда» (ст. 46). Примѣчаніе къ этой статьѣ гласитъ, что «рабочій не имѣетъ права на вознагражденіе, если поврежденіе здоровья произошло отъ его собственнаго нерадѣнія, безпечности или причинъ случайныхъ». Обѣ статьи, какъ справедливо утверждаетъ г. Тезяковъ, «редактированы настолько обще, что даютъ основаніе къ самымъ широкимъ и

произвольнымъ толкованіямъ. Примѣчаніе къ второй статьѣ уничтожаетъ почти всякое ея значеніе, такъ какъ всякое несчастіе всегда можно подвести подъ нерадѣніе, безпечность или случайность. Вѣроятно въ силу этого не слышно о случаяхъ, когда-бы владѣлецъ машины привлекался къ отвѣтственности за причиненное машиною увѣчье. Такъ, д-ръ Сочинскій, на основаніи своей 13-лѣтней практики заявляетъ, что ему неизвѣстенъ ни одинъ случай, гдѣ-бы хозяинъ молотилки за увѣчье рабочаго былъ-бы привлеченъ къ отвѣтственности» [1]).

Въ такомъ положеніи дѣло оставаться не можетъ. Еще въ 1891 году д-ръ Войцеховскій въ своей статьѣ о «травматическихъ поврежденіяхъ, происходящихъ отъ работъ на земледѣльческихъ машинахъ», категорически утверждалъ, что «производя въ теченіе долгаго времени осмотръ самого цвѣтущаго возростного состава населенія для опредѣленія годности его къ строевой военной службѣ, онъ могъ убѣдиться, что самыя частыя болѣзни, ведущія за собою негодность къ этой службѣ, суть криво сросшіеся переломы, не вправленные вывихи, неподвижность большихъ суставовъ, контрактуры конечностей послѣ нанесенныхъ ушибовъ, ранъ и пр., такъ что большинство забракованныхъ новобранцевъ подпадаютъ подъ разрядъ болѣзней, изложенныхъ въ 72 и 73 пунктахъ росписанія болѣзней, въ инструкціи врачамъ при осмотрѣ новобранцевъ. При опросѣ этихъ калѣкъ и увѣчныхъ о происхожденіи поврежденій оказывается, что таковыя получены ими во время полевыхъ работъ на машинахъ. Здѣсь, помимо травматическихъ поврежденій, производимыхъ исключительно машинами, много увѣчій получается отъ удара копытами лошадей, отъ паденія съ высоко нагруженной хлѣбомъ телѣги, отъ придавливанія перевернувшимися тяжестями и пр. Всѣ эти неблагопріятные для здоровья населенія факторы, связанные съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ, останутся и впредь, но къ нимъ прибавляется новый бичъ для здововья рабочихъ, это разрушительная сила сельско-хозяйственныхъ машинъ, каковой факторъ, по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ и по количеству уродуемыхъ ежегодно жертвъ, далеко оставляетъ за собою всѣ прежніе неблагопріятные моменты, сопряженные съ занятіями сельско-хозяйственнымъ трудомъ» [2]).

Эти заключенія д-ра Войцеховскаго теперь уже устарѣли. Они относятся къ тому времени, когда машины были еще слабо распространены. За послѣднія пять лѣтъ распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ на югѣ Россіи, куда стремится главная масса рабочихъ, получило почти

[1]) Тевяковъ. Объ огражденіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отъ поврежденій сельско-хозяйственными машинами. «Вѣстникъ общества охраненія народнаго здравія», августъ, 1896 г.

[2]) Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины, 1891 г., декабрь.

невѣроятно широкое распространеніе. Это распространеніе машинъ сопровождается: 1) уменьшеніемъ спроса на взрослыхъ мужчинъ, 2) уменьшеніемъ заработной платы, 3) широкимъ примѣненіемъ женскаго и дѣтскаго труда и 4) частыми увѣчьями рабочихъ. Эти частыя увѣчья, вызываемыя широкимъ примѣненіемъ машинъ безъ огражденій, въ количественномъ отношении зависятъ отъ многихъ условій. Тутъ, прежде всего, имѣютъ серьезное значеніе размѣры урожая. Г. Тезяковъ утверждаетъ, что «въ годы урожайные траматическія поврежденія повышаются въ зависимости отъ болѣе продолжительнаго сезона молотьбы и большей поспѣшности въ самыхъ работахъ, которыя нерѣдко производятся по ночамъ, при лунномъ освѣщеніи, или при факелахъ. Такъ, въ Елизаветградскомъ уѣздѣ земскія больницы и пріемные покои во время этого сезона наполняются почти исключительно травматическими больными со сложными переломами, тяжелыми обширными ранами, оторванными конечностями и проч. Въ это время, земскія лѣчебницы являются своего рода полевыми лазаретами для постоянно выбивающихъ изъ строя огромной арміи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, жертвъ безпощадной разрушительной дѣятельности сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій» [1]).— Далѣе на частое повтореніе случаевъ увѣчья дѣйствуетъ переутомленіе рабочихъ, такъ какъ рабочій день рѣдко понижается противъ нормы, т. е. 16 часовъ. Наконецъ, въ силу той-же продолжительности рабочаго дня, вызывающей переутомленіе, случаи увѣчій учащаются среди замѣнившихъ мужской трудъ женщинъ и дѣтей. У насъ не установленъ предѣльный возрастъ для дѣтей, поступающихъ на сельскохозяйственныя работы, а потому въ рядахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ попадаются нерѣдко дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста.

На такое положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ обратили вниманіе, прежде всего, земскіе врачи, энергичныя настоянія которыхъ предъ земскими собраніями увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Многія изъ южныхъ земствъ уже послали ходатайства, направленныя къ охраненію жизни и здоровья сельскохозяйственныхъ рабочихъ. За земствами послѣдовали и нѣкоторыя сельскохозяйственныя общества. Послѣдній 13-й съѣздъ земскихъ врачей Херсонской губерніи, между прочимъ, принялъ слѣдующія предложенія: 1) въ видахъ защиты рабочихъ отъ тяжелыхъ машинныхъ поврежденій, губернскимъ земствомъ должны быть изданы обязательныя постановленія относительно употребленія сельскохозяйственныхъ машинъ, съ необходимыми приспособленіями; составленіе проекта возложить на особую коммисію по выбору губернскаго съѣзда врачей. 2) Рабочіе, получившіе увѣчья отъ машинныхъ поврежденій, должны имѣть право на обезпеченіе. Въ случаѣ увѣчья по винѣ хозяина

[1]) Ibid.

машины, потерпѣвшій обезпечивается за счетъ послѣдняго. Вопросъ о страхованіи сельскихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и разработки. Послѣднія слова должны быть редактированы въ томъ смыслѣ, что введеніе страхованія среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ является безусловно необходимымъ. Не думая оспаривать у земства право издавать обязательныя постановленія, направленныя къ охраненію жизни и здоровья рабочихъ, мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ необходимо, прежде всего, распространить законодательнымъ порядкомъ на сельскохозяйственныхъ рабочихъ основныя начала фабричнаго законодательства. Законодательнымъ порядкомъ должны быть установлены и условія примѣненія женскаго труда и труда подростковъ въ разныхъ видахъ сельскохозяйственныхъ работъ.

Землевладѣльцы прямо заинтересованы въ такомъ «урегулированіи» положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Рабочій, болѣе обезпеченный въ своихъ правахъ, всегда проявляетъ наименьшую склонность къ произвольнымъ дѣйствіямъ и нерачительному труду. Онъ знаетъ, что въ случаѣ нарушенія его правъ, законъ открываетъ ему самый простой и скорый путь защиты судебнымъ порядкомъ. Вотъ этотъ судебный порядокъ тоже является весьма желательнымъ. Онъ долженъ быть простъ до такой степени, чтобы его могъ усвоить сѣрый крестьянинъ; въ противномъ случаѣ, самый благодѣтельный законъ, направленный къ самой тщательной охранѣ правъ рабочаго, не будетъ имѣть особаго практическаго значенія. Въ самомъ лучшемъ случаѣ его будутъ эксплоатировать тѣ подонки изъ адвокатской среды, которыя и теперь уже занимаются розысками и «скупкой увѣчныхъ», т.-е. потерпѣвшихъ увѣчья на службѣ по желѣзнымъ дорогамъ, фабрикамъ, заводамъ и т. д. Конечно, эти увѣчные въ массѣ случаевъ ничего не получили-бы, еслибы ихъ не розыскивали подонки адвокатской среды, но все-же трудно помириться съ той мыслью, что бы эти подонки занимались присвоеніемъ доброй половины вознагражденія увѣчныхъ въ случаѣ благополучнаго окончанія ими процесса о выдачѣ вознагражденія розысканному увѣчному.

Женскій международный конгрессъ въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ, съ 19-го по 26-е сентября текущаго года происходили засѣданія женскаго международнаго конгресса. Конгрессъ этотъ возникъ по инициативѣ Frau Lin'ы Morgenstern. Въ одномъ изъ собраній берлинскаго Hausfrauenverein'a, 8-го февраля текущаго года, Frau Lina Morgenstern, почтенная и уважаемая берлинскимъ бюргерствомъ старушка, въ первый разъ выразила присутствующимъ свое желаніе воспользоваться промышленной берлинской выставкой, которая, безъ сомнѣнія, привлечетъ много иностранцевъ, и устроить въ Берлинѣ-же, осенью, женскій интернаціональный конгрессъ. Это предложеніе Lin'ы Morgenstern было принято членами ферейна съ восторгомъ. Тогда Lina Morgenstern приступила къ осуществленію своего плана. Прежде всего она обратилась ко всѣмъ руководительницамъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и высшихъ женскихъ курсовъ съ предложеніемъ собраться 13-го января и всѣмъ вмѣстѣ обсудить способы выполненія предстоящей трудной задачи. Но изъ приглашенныхъ явились только немногіе. Изъ собравшихся на совѣщаніе 13-го января образовался мѣстный комитетъ. Первой предсѣдательницей его была избрана Lina Morgenstern, второй—Minna Cauer. Прежде всего комитетъ разработалъ предварительный проектъ программы конгресса. Выработанная программа была разослана во всѣ части свѣта. Началась оживленная и обширная переписка. Со всѣхъ частей свѣта являлись добрыя вѣсти, выражались берлинкамъ симпатіи, согласія и обѣщанія явиться на конгрессъ. Но нѣкоторыя изъ приглашенныхъ медлили своимъ согласіемъ, другія прямо уклонились отъ участія въ конгрессѣ.

Вечеромъ того-же дня въ зданіи англійскаго клуба послѣдовало открытіе самаго конгресса. Онъ начался привѣтственными рѣчами Frau Mari'и Stritt изъ Дрездена и Lin'ы Morgenstern, причемъ, послѣдняя закончила свою рѣчь небольшимъ стихотвореніемъ.

На слѣдующій день, состоялось первое публичное засѣданіе конгресса. Оно открылось подъ предсѣдательствомъ Frau Lin'ы Morgenstern и Freulein Mari'и Ragchke. Предметомъ этого засѣданія служилъ обзоръ «состоянія женскаго движенія«. На эту тему было прочитано 15 докладовъ. Первой читала Frau Maria Stritt изъ Дрездена. Докладъ ея о женскомъ движеніи является однимъ изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ, и заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманія. По мнѣнію Frau Mari'и Stritt исходный пунктъ и цѣль новаго женскаго движенія у всѣхъ народовъ одинаковы, такъ какъ природа и неизмѣнные законы человѣческаго развитія для всѣхъ одинаково предначертаны. Ни въ какой другой странѣ,— по заявленію Frau M. Stritt.—женскій вопросъ не обсуждался теоретически такъ основательно, какъ въ Германіи. Однако нигдѣ практическое осуществленіе женскихъ стремленій не стоитъ такъ низко и едва-ли гдѣ-либо также господствуетъ такое непониманіе назначенія женщины, какъ въ Германіи. Мало того—преимущественно теоретически доктринерское обсужденіе женскаго вопроса еще болѣе затемняло дѣло и мѣшало здоровому развитію женскаго движенія. Только преобразованіе хозяйственныхъ отношеній, благодаря открытіямъ и изобрѣтеніямъ, создало и то необходимое экономическое основаніе, въ которомъ такъ много и давно нуждалось женское движеніе для своего развитія. Нужда и вопросъ о хлѣбѣ побудили женщину стремиться къ расширенію поприща для примѣненія своего труда. Мужественныя женщины, преслѣдуемыя насмѣшками и издѣвательствами легкомысленной толпы, предприняли борьбу противъ невѣжества, предубѣжденій и эгоизма. Постоянно оттѣсняемыя отъ поставленной ими цѣли, онѣ, однако, медленно, но упорно шагъ за шагомъ, шли впередъ. Двумъ ферейнамъ: «всеобщему нѣмецкому женскому ферейну», основанному въ 1865 году, и «Letlevereіn'у» основанному въ 1866 году, нѣмецкія женщины обязаны расширеніемъ поприщъ для ихъ дѣятельности, а также и возникновеніемъ женскихъ школъ для дальнѣйшаго общаго и спеціальнаго образованія женщинъ Оба эти ферейна дѣйствовали и развивались самостоятельно. Въ этомъже духѣ работалъ еще третій ферейнъ «Frauenvahl», уже нѣсколько лѣтъ существовавшій въ Берлинѣ. Однако, всѣ эти ферейны еще далеко не удовлетворяютъ современнымъ женскимъ требованіямъ. Положеніе женщины можетъ измѣниться къ лучшему только при непремѣнномъ условіи одинаковаго вознагражденія за одинаковый трудъ. А чтобы трудъ женщины былъ равноцѣннымъ съ мужскимъ, женщина должна получать равное съ мужчиной образованіе. Но, по словамъ почтенной докладчицы, изъ суммъ, затрачиваемыхъ нѣмецкимъ правительствомъ на профессіональное образованіе юношества, приходится на женщинъ только $2^1/_4$%, а на мужчинъ $97^3/_{4}$%. Это было въ недалекомъ прошломъ. Въ настоящемъ, по мнѣнію докладчицы, это отношеніе едва-ли существенно измѣнилось. Поэтому всѣ

заботы о женскомъ образованіи почти исключительно лежатъ на ферейнахъ, которые по мѣрѣ силъ и возможности пытались и пытаются помочь бѣдѣ. Далѣе докладчица говоритъ о неудовлетворительномъ состояніи женскаго средняго и высшаго образованія въ Германіи и о попыткахъ нѣмецкихъ женщинъ пополнить этотъ пробѣлъ. Однако удовлетворить запросамъ женщинъ на высшее образованіе руководительницамъ существующихъ ферейновъ не удалось, за неимѣніемъ къ этому средствъ и организаціи. Правильной-же организаціи женскато движенія до сихъ поръ препятствовала хозяйственная, соціальная и правовая подчиненность нѣмецкой женщины. Въ Германіи до сихъ поръ замужняя женщина пріобрѣтала не для себя, а для своего мужа. Незамужняя женщина въ этомъ отношеніи ушла дальше: въ 1889 году Frau Minna Cauer основала «Hilfsverein» который насчитываетъ теперь 9,000 членовъ, главнымъ образомъ, приказчицъ. Годомъ позднѣе, подъ руководствомъ Freulein Lange и Frau Löper, организовались учительницы. Но всего труднѣе, по мнѣнію докладчицы, организоваться женщинамъ 4-го сословія, такъ какъ нигдѣ нѣтъ бо̀льшихъ противоположностей между бюргерскимъ и пролетаріатскимъ движеніемъ и столь сильнаго классоваго раздѣленія, благодаря политикѣ, фанатизму и взаимной ненависти, какъ въ Германіи. Докладчица въ этомъ отношеніи находитъ возможнымъ многому поучиться у Англіи, гдѣ женскій вопросъ разсматривается не политически, а хозяйственно. Однако, бюргерскія нѣмецкія женщины организацію среди работницъ признаютъ необходимой, даже если-бы надежда на совмѣстную работу съ демократками и не исполнилась скоро. Съ признаніемъ своей матеріальной и духовной нужды нѣмецкая женщина тѣсно соединяетъ и признаніе тяжелаго нравственнаго положенія своего пола. За поднятіе нравственности нѣмецкой женщины первой высказалась и энергично агитировала Frau Hanna Bieber-Böhm. «Всеобщій женскій ферейнъ» много также заботился и о правовомъ положеніи женщинъ. Затѣмъ, докладчица довольно подробно говорила объ агитаціи женщинъ противъ бюргерской Gesetz-Buch. Вообще-же, женское нѣмецкое движеніе имѣло мало практическихъ послѣдствій.

Въ государствѣ и обществѣ до сихъ поръ еще женщина не признается самостоятельной личностью. Доступъ къ общественнымъ должностямъ нѣмецкимъ женщинамъ закрытъ. Онѣ не имѣютъ также права голоса въ вопросахъ самоуправленія. Это крайне печально тѣмъ болѣе, что нѣмецкая женщина можетъ разрѣшить свой, женскій вопросъ только путемъ пріобрѣтенія гражданскаго или политическаго права. Тѣмъ не менѣе женское движеніе въ Германіи имѣетъ нѣкоторый успѣхъ: мнѣніе общества и прессы склоняется въ пользу него; затѣмъ, въ настоящее время существуетъ союзъ нѣмецкихъ женскихъ ферейновъ, къ которому принадлежатъ 75 отдѣльныхъ ферейновъ, съ 50,000 членовъ. Союзъ

этотъ, по сообщенію докладчицы, за послѣднее время присоединился къ «великому интернаціональному женскому союзу» («International Cauncil of Women»). Далѣе слѣдовали доклады представительницъ другихъ націй. Хотя всѣ они были кратки, однако, передъ слушателями довольно рельефно обрисовался общій контуръ современнаго состоянія женскаго движенія въ Европѣ и Америкѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, по словамъ американки-докладчицы, современное положеніе женщины хорошо. Изъ данныхъ народной переписи въ 1880 и 1890 годахъ видно, что изъ 30.554,370 женщинъ, жившихъ въ 1890 году въ Америкѣ, 3.914,711 занимали различныя должности. На «высшихъ должностяхъ» въ 1880 году было 177,255 женщинъ, въ 1890 году 312,682, т.-е. въ 10 лѣтъ—прибавка въ 75 на 100. Въ промышленности, на фабрикахъ и въ индустріи въ 1880 году было занято 1.027,525 американокъ, прислугой въ томъ-же году состояло—1.667,686, проповѣдницами—1,235, газетными корреспондентами—888, адвокатами—208, профессорами—735, врачами—4,555, зубными врачами –337, книгопродавцами и издателями—219, въ торговлѣ—250,000, образцовыми художниками и изобрѣтательницами—306, учительницами музыки—34,517, на службѣ у правительства—4,875. Въ американскихъ высшихъ школахъ въ 1892 году было 140,053 студентки, причемъ, $23^{1}/_{2}\%$ женщинъ, а не дѣвушекъ. Въ женскихъ Colleges въ 1894 году было не менѣе, какъ 22,949 студентокъ. Съ 1894 по 1895 гг. получили степень бакалавровъ свободныхъ искусствъ—1,609 дѣвушекъ, ту-же степень отъ науки—166, и, кромѣ нихъ, еще 207 женщ. получили другіе почетные академическіе титулы. Въ публичныхъ школахъ было 260,954 учительницы. Въ Соединенныхъ Штатахъ шесть лѣтъ тому назадъ образовался союзъ изъ 478 женскихъ ферейновъ, заключающій въ себѣ 100,000 объединенныхъ членовъ. Наконецъ, въ 36 штатахъ женщинамъ принадлежитъ право завѣдывать дѣлами обученія и занимать должности въ школахъ.

Въ Англіи за послѣднее время женское движеніе, по словамъ докладчицъ-англичанокъ, достигло значительныхъ размѣровъ. Тамъ, въ одной церкви. одна M-rs Ormiston Shant занимаетъ даже каѳедру проповѣдника. Эта M-rs первая изъ женщинъ заняла указанный постъ.

Француженкамъ также открыты университеты и общественныя службы. Служащіе въ телеграфахъ, почтовыхъ конторахъ, желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, большею частью, женщины. Одна француженка даже занимаетъ постъ начальника желѣзнодорожной станціи.

Въ Миланѣ женщины объединились въ ферейнъ, поставившій своей задачей брать на себя заботы объ обученіи дѣтей старше 10-ти-лѣтняго возраста, когда оно уже не является обязательнымъ. Приэтомъ, нѣкоторыя выдающіяся дѣятельницы женскаго движенія въ Италіи вышли, большею частію, изъ рабочихъ сферъ.

Въ Австріи женское движеніе распадается на двѣ группы: бюргерское и рабочее движеніе. Послѣднее, по свидѣтельству Frau Therese Schlesinger-Eckstein, въ Вѣнѣ представляетъ собою прочную организацію, сильно поддерживаемую мужчинами. Приэтомъ, женская рабочая организація является вполнѣ равноправной съ организаціей мужчинъ. Въ обѣихъ организаціяхъ строго соблюдается равенство половъ. Что-же касается бюргерскаго женскаго движенія, то оно началось въ Вѣнѣ только въ 1889 году, съ основаніемъ комитета, поставившаго своей задачей пропаганду и агитацію избирательнаго права женщинъ. Въ 1893 году, когда былъ основанъ всеобщій австрійскій женскій ферейнъ, комитетъ этотъ получилъ болѣе радикальный характеръ. Вновь-же возникшій «всеобщій австрійскій женскій ферейнъ» поставилъ своимъ девизомъ: стремленіе черезъ знаніе къ свободѣ и счастью. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ своихъ тенденцій, ферейнъ этотъ, работая, долженъ былъ бороться со многими трудностями. Несмотря на это, ему, однако, удалось достичь нѣкоторыхъ серьезныхъ и важныхъ практическихъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, онъ организовалъ вечера съ докладами и курсы обученія. Наконецъ, «всеобщій австрійскій женскій ферейнъ» принималъ самое дѣятельное участіе въ «анкетѣ» (публичномъ изслѣдованіи) экономическаго положенія современной работницы въ Вѣнѣ.

Въ Финляндіи также наблюдается значительное женское движеніе, притомъ, не только среди женщинъ буржуазіи, но и крестьянскаго и рабочаго сословія. Финляндскія женщины также организовались въ ферейнъ.

Наконецъ, значительное движеніе впередъ наблюдается и среди армянскихъ женщинъ: въ настоящее время существуетъ много женскихъ армянскихъ гимназій и до 120 женщинъ-армянокъ учится въ университетахъ.

Первое засѣданіе конгресса окончилось вполнѣ благополучно, если не считать инцидента, происшедшаго между предсѣдательницей засѣданія Lin'ой Morgenstern и Frau Therese Schlesinger-Eckestein, радикальный докладъ которой смутилъ умѣренную Frau Lin'у Morgenstern, и вызвалъ между нею и докладчицей нѣкоторыя пререканія.

Второе публичное засѣданіе конгресса состоялось *въ понедѣльникъ* 21-го сентября. Оно было посвящено чтенію цѣлаго ряда докладовъ на тему о дѣтскихъ садахъ и убѣжищахъ для юницъ. Докладчицами явились, главнымъ образомъ, представительницы стараго поколѣнія. Въ своихъ докладахъ онѣ страстно пропагандировали своихъ учителей, какъ, напримѣръ, Фребеля, и свои излюбленныя идеи.

Вечернее засѣданіе конгресса было занято вопросами: о воспитаніи дѣвушекъ, объ образованіи учительницъ, профессіональныхъ школахъ и пр. Мы ради краткости отмѣтимъ только одинъ докладъ Frl. Elisabeth Michsner изъ Берлина о народныхъ нѣмецкихъ учительницахъ. Въ Гер-

маніи, какъ видно изъ названнаго доклада, — на педагогическомъ поприщѣ работаетъ самый незначительный % женщинъ. Minimum вознагражденія—600 марокъ, maximum—2.500 марокъ. Frl., E. Michsner высказалась за полную равноправность мужчинъ и женщинъ педагоговъ, увеличеніе числа учительницъ, за передачу женскихъ школъ въ руки женщинъ, равный гонораръ за равный трудъ; наконецъ, за женскій надзоръ въ школахъ.

Утро 22-го сент. было посвящено секціонному засѣданію и обзору въ Лютерфельдѣ училища для учительницъ. Въ секціонномъ засѣданіи, на очереди стояли вопросы: о реформѣ платья и одежды и о нравственности. Затѣмъ, перешли къ вопросу о безнравственности и борьбѣ съ ней. Докладъ на эту тему прочитала Frau Bieber-Böhm.

Утреннее публичное засѣданіе конгресса въ среду 23-го сентября, безъ сомнѣнія, было интереснѣйшимъ и выдающимся изъ всѣхъ прочихъ. Столь интересныя темы, выпавшія на долю этого засѣданія, какъ женщина въ торговлѣ, промышленности и индустріи, привлекли многочисленнѣйшую публику. Предсѣдательствовала Frau S. Shwerin. Было прочитано 11-ть докладовъ. Первой выступила Frau Theresa Schlesinger-Eckstein, изъ Вѣны. Она сдѣлала докладъ объ «анкетѣ» положенія рабочихъ женщинъ въ Вѣнѣ. Анкетъ этотъ происходилъ въ мартѣ и апрѣлѣ текущаго года. Онъ раскрылъ мрачную и тяжелую картину современнаго состоянія женщинъ работницъ въ Вѣнѣ. Очень часто на долю вѣнской работницы выпадаетъ безработица, продолжающаяся нѣсколько мѣсяцевъ. Во многихъ отрасляхъ женскаго труда существуютъ только сезонныя работы. Какъ живутъ во время мертваго сезона работницы?—коммисіи не удалось достовѣрно узнать. Нѣкоторыя женщины прибѣгаютъ тогда къ помощи родныхъ; другія скудно питаются шитьемъ и мытьемъ. Но ни одна изъ работницъ не живетъ тогда на сбереженія отъ своего зимняго заработка, такъ какъ никакихъ сбереженій не имѣетъ. Женщины-работницы, въ большинствѣ случаевъ, исполняютъ разрушающую нервы работу, при этомъ онѣ часто получаютъ раны и увѣчья отъ машинъ, а также и— всевозможныя профессіональныя болѣзни. Помѣщенія рабочихъ, въ особенности въ мелкой промышленности, опасны для жизни и здоровья. Вознагражденіе за трудъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—ничтожное. Въ недѣлю обыкновенно получаютъ 4—5 гульденовъ, рѣже— 5—6. Иногда даже встрѣчаются болѣе ничтожныя вознагражденія и крайне рѣдко—болѣе высокія. Изъ опросовъ-же хористокъ выяснилось, что нѣкоторыя изъ нихъ даже совершенно ничего не получаютъ за свой трудъ «Дѣтство пролетаріатки, характеризуетъ Frau Schlesinger положеніе рабочей женщины въ Вѣнѣ,—голодъ и лишенія; учебные годы—голодъ и мученія; существованіе ея, какъ женщины—забота, нужда и переутомленіе.

Никакой перемѣны, никакого отдыха!..» Вообще, анкетъ относительно современнаго состоянія женскаго труда въ Вѣнѣ намѣтилъ цѣлый рядъ неотложныхъ реформъ, обнаружилъ необходимость фабричной женской инспекціи и попеченія о беременныхъ и престарѣлыхъ работницахъ и болѣе всего необходимость расширенія и укрѣпленія организаціи работницъ-женщинъ.

Не лучше также и положеніе англійской рабочей женщины. Тамъ до сихъ поръ она также сильно нуждается въ защитѣ и помощи, о чемъ засвидѣтельствовала на конгрессѣ Miss Florence Routledge, делегатка отъ Trade-Unions изъ Лондона, читавшая свой докладъ послѣ Frau Eckstein. Англійскія рабочія женщины страшно нуждаются. Многія изъ нихъ даже близки къ голодной смерти. Работа англійскихъ женщинъ крайне тяжелая; часы ея неограничены, такъ какъ англійская рабочая женщина стоитъ внѣ фабричнаго закона. Вознагражденіе за трудъ—скудное. Его едва хватаетъ на самое жалкое полуголодное существованіе. За послѣднее время англійскія рабочія женщины организуются. Организація ихъ идетъ медленно, но всетаки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваетси.

Затѣмъ выступила съ докладомъ о положеніи нѣмецкихъ работницъ Frau Lili Braun. Выходъ ея на каѳедру сопровождался громкими апплодисментами и шиканьемъ. Талантливая докладчица фактическому изложенію предпослала рядъ общихъ замѣчаній принципіальнаго характера. «Для насъ,—заявила Frau Lili Braun,—женскій вопросъ—только часть соціальнаго вопроса. Я сама вышла изъ нѣдръ бюргерскаго общества и хорошо понимаю ту Сизифову работу, которую берутъ на себя бюргерскія женщины. То хорошее, чего могутъ достигнуть «бюргерки», можетъ оказаться полезнымъ только малому числу женщинъ; масса-же страдающихъ женщинъ останется въ сторонѣ. Всѣ безпристрастно и логично мыслящіе и занимающіеся женскимъ, а не дамскимъ вопросомъ, а также всѣ, изучающіе соціальный вопросъ вообще, неминуемо должны придти къ нашимъ взглядамъ (одобреніе, безпокойство и шиканье). Я также,—заявляетъ далѣе Frau Lili Braun,—какъ и мои Genossinnen, отвергаю совмѣстную работу съ бюргерскими женщинами. Однако, въ виду присутствія на конгрессѣ иностранокъ, я рѣшилась выступить здѣсь съ рефератомъ. Онѣ, иностранки, знаютъ о пробудившемся въ послѣднее время женскомъ бюргерскомъ движеніи. Но онѣ не знаютъ ничего о женской борьбѣ нѣмецкой работницы; онѣ не знаютъ, что самая большая политическая партія Германіи, соціалъ-демократическая, внесла въ свою программу широкія требованія женщинъ, что въ парламентѣ 48 представителей этой партіи единодушно стоятъ за женщину. Наконецъ, онѣ не знаютъ, что нѣмецкая работница, несмотря на свое угнетенное матеріальное положеніе, въ общемъ, политически зрѣлѣе бюргерской нѣмецкой женщины и многихъ иностранокъ-работницъ.

Докладчица, между прочимъ, привела нѣскольк цифровыхъ данныхъ: въ Германіи изъ 5½ приблизительно милліоновъ трудящихся женщинъ—2½ милл. сельскихъ рабочихъ женщинъ, 1¼ въ прислугахъ и 1 милл. работницъ на фабрикахъ. Въ заключеніе, стѣсненная временемъ Frau Braun пригласила членовъ конгресса посѣтить два ближайшихъ женскихъ собранія той партіи, къ которой она принадлежитъ.

Хотя на народномъ собраніи въ Фридрихсгаймѣ пролетаріатскія женщины рѣзко и категорически отвергли предложенный имъ бюргерскими женщинами-конгресситками союзъ, однако, послѣднія не отвернулись отъ пролетаріатокъ, а наоборотъ — на слѣдующемъ-же секціонномъ собраніи конгресса, бывшемъ утромъ 25 сентября, съ еще большимъ воодушевленіемъ убѣждали ихъ присоединиться къ общему женскому движенію и совмѣстно, дружно работать. Г-жею Schwerin по этому поводу былъ прочитанъ спеціальный докладъ: «Въ какихъ областяхъ соціальнаго труда возможна для всѣхъ женщинъ соединенная общая работа?» Изъ среды бюргерскихъ женщинъ конгресситокъ еще выступило нѣсколько ораторовъ; всѣ они горячо поддерживали Г-жа Schwerin и такъ или иначе пытались доказать отсутствіе розни между бюргерскими и пролетаріатскими женщинами и осуществимость предложеній докладчицы. Такъ говорили ораторы, представители бюргерской группы женщинъ. Примирительный тонъ ихъ рѣчей зародилъ въ средѣ присутствующихъ нѣкоторую надежду на благопріятный исходъ возникшихъ дебатовъ. Но представительницы пролетаріатскихъ женщинъ, г-жи K. Zetkin и L. Braun, присутствовавшія на этомъ секціонномъ собраніи, отдавъ должную дань женскому бюргерскому движенію, сурово отклонили ихъ предложеніе. Г-жа Sckwerin, по мнѣнію г-жа K. Zetkin,—права: «пункты соприкосновенія между всѣми группамя женскаго движенія есть, и мы, напр.,—заявляетъ ораторъ отъ имени пролетаріатокъ,—за многія реформы и за освобожденіе женщинъ отъ рабства дѣйствуемъ съ твердостью и энергіей. Уже многіе годы мы открыто боремся за уравненіе политическихъ правъ мужчины и женщины и за право голосованія женщинъ. Мы разсматриваемъ нашу борьбу въ первой линіи, какъ классовую борьбу противъ капиталистическаго общества. Бюргерское-же общество противится всякой серьезной реформѣ. Мы далеко не противъ реформъ, но вотъ вопросъ—что и какъ желаютъ провести бюргеры? Г-жа Schwerin указываетъ, въ видѣ совмѣстной работы, на школьную реформу. Но она не задается вопросомъ—откуда пролетаріатка должна взять время для такой работы? У пролетаріатки есть свои громадныя задачи—она борется за нихъ въ своемъ лагерѣ. На основную задачу борьбы бюргерскихъ женщинъ — полное уравненіе политическихъ правъ женщины и мужчины, — мы только смотримъ, какъ на полезную дѣятельность, тогда какъ пролетаріатка съ избирательной запиской въ рукѣ является цѣннымъ союзни-

комъ своего мужа въ болѣе серьезной политической борьбѣ. Бюргерскія женщины останавливаются только на своихъ правахъ, тогда какъ онѣ должны были-бы дѣйствовать за реформу податей и налоговъ, за устраненіе порядка найма прислуги, за 8-ми часовой рабочій день». Г-жу Zetkin горячо поддержила ея подруга—L. Braun. Она указывала на особенности въ положеніи нѣмецкой пролетаріатки, мѣшающія ей, по примѣру женщинъ другихъ странъ, соединиться съ бюргерами для совмѣстной работы. Поле совмѣстной работы она считаетъ слишкомъ узкимъ.

Не будемъ здѣсь передавать дебатовъ, — они носили весьма рѣзкій, партійный характеръ, и закончились полнымъ разрывомъ отношеній. Бюргерскія женщины-конгрессистки, не достигнувъ въ своихъ переговорахъ съ пролетаріатками никакого успѣха, настолько раздражились, что въ концѣ этого-же собранія, въ лицѣ своей предсѣдательницы г-жи Schwerin, отказались отъ предложенія г-жи Braun посѣтить сегодняшнее народное женское собраніе. Однако, въ своемъ заключительномъ словѣ предсѣдательница собранія, г-жа Schwerin еще разъ указала на возможность для женщинъ всѣхъ направленій совмѣстной работы, замѣтивъ при этомъ, что «женщины женщинамъ не враги».

25 сентября состоялось общее собраніе конгреса, посвященное вопросамъ объ общественной помощи и правовомъ положеніи женщины. На эти вопросы былъ сдѣланъ цѣлый рядъ интересныхъ докладовъ. Особенно хорошо и подробно было обрисовано правовое положеніе женщины. Въ Англіи, напримѣръ, женщины принимаютъ участіе въ новѣйшихъ политическихъ движеніяхъ—устраненія рабства, парламентской реформы, отмѣны пошлинъ на зерновые хлеба и т. п. Въ Англіи законопроэкты о женскомъ избирательномъ правѣ уже 13 разъ вносились въ парламентъ. Хотя за послѣднее время, именно съ 1892 года подобные проэкты не вносились въ парламентъ, однако, если это произойдетъ, можно съ достовѣрностью разсчитывать на половину голосовъ въ нижней палатѣ въ пользу ихъ. Вообще-же англичанки требуютъ себѣ права на образованіе, равнаго вознагражденія за одинаковую работу, равенства въ законахъ о супружествѣ и въ отношеніи развода и дѣтей.

Въ Германіи женское право построено на попечительной власти мужа. Мужъ имѣетъ право располагать имуществомъ своей жены и употреблять его по личному усмотрѣнію. Въ случаяхъ злоупотребленій со стороны мужчины въ распоряженіи имуществомъ своей жены, послѣдняя можетъ обращаться только въ опекунскій судъ. Замужняя женщина можетъ взять на себя опекунство только съ согласія мужа. Согласно законодательнымъ постановленіямъ, подъ родительской властью разумѣется только власть отца. Мать не имѣетъ никакого права голоса при такихъ важныхъ моментахъ жизни своего ребенка, какъ напр., при женитьбѣ

или выходѣ замужъ своихъ дѣтей; она не можетъ «законно» говорить, т. е. имѣть одинаковый голосъ со своимъ мужемъ, отцомъ ея дѣтей. Особенно тяжело положеніе матери, незаконно прижившей ребенка, а равно и послѣдняго. На мать и на незаконное дитя законодательная книга смотритъ «двойной моралью». Дитя остается за матерью, носитъ ея имя и, какъ говоритъ законъ, между незаконнорожденнымъ ребенкомъ и его отцомъ не существуетъ родства.

Въ Австріи правовое положеніе женщины почти одинаково съ германскимъ. Тамъ только однѣ помѣщицы, впрочемъ, имѣютъ право политическаго выбора, черезъ своихъ представителей. Гражданскія права австріекъ ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же правъ нѣмокъ.

Правовое положеніе датскихъ и норвежскихъ женщинъ сравнительно сносно. Въ норвежскомъ и датскомъ правѣ существуетъ право общаго владѣнія имуществомъ. Безъ согласія жены мужъ не можетъ располагать ея приданымъ. Женщина сама можетъ управлять пріобрѣтеннымъ ею въ замужествѣ имуществомъ; она также можетъ требовать раздѣла имущества. Характерно, что мужъ не имѣетъ права наказанія. Родительская власть простирается только до 18-го года. Разводъ происходитъ по приговору судей и по взаимному согласію обѣихъ сторонъ, причемъ разведенные могутъ вступать въ новый бракъ только по истеченіи 3-хъ лѣтъ. Разводъ можетъ состояться и по предложенію съ одной стороны.

Въ Бельгіи относительно правъ женщины до сихъ поръ еще дѣйствуетъ кодексъ Наполеона. Согласно ему, женщина находится въ полной власти у мужа. Послѣдній имѣетъ неограниченное право распоряжаться имуществомъ своей жены. Мать не имѣетъ родительскаго права надъ своими дѣтьми.

Послѣднее общее собраніе конгресса было посвящено участію женщины въ литературѣ, наукѣ, искусствѣ и вопросѣ о мирѣ. На всѣ эти темы былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ въ присутствіи многочисленной публики. Особенно были интересны нѣкоторые изъ докладовъ объ участіи женщинъ въ литературѣ. Г-жа Ella Mensch, Dr. phil., изъ Дармштада, прочитала докладъ на тему: «Что можетъ ожидать женщина отъ новой литературы»? «Не ожидайте здѣсь пропагандистскихъ идей въ интересахъ какой-либо программы! — начала такъ свой докладъ Г-жа Mensch.—Въ искуствѣ и литературѣ,—продолжала она далѣе, — есть только вопросъ умѣнья, власти, силы, но не вопросъ пола. Здѣсь царство свободы; здѣсь господствуетъ не право, а сила и нигдѣ, какъ именно здѣсь, значитъ право сильнѣйшаго. Право стояло до сихъ поръ на сторонѣ мужчины, это фактъ, который мы должны признать. Чтобы отвѣтить на поставленный въ темѣ вопросъ, по мнѣнію докладчицы, прежде всего необходимо разсматривать женщину, какъ

предметъ литературы и, затѣмъ уже, какъ литературную личность. Въ поэзіи до Шекспира и нѣмецкихъ классиковъ женщины, по большей части, были абстракціями добродѣтелей или пороковъ, безплотными и безкровными существами. Даже у Шиллера и Лессинга еще замѣчается книжный идеалъ. Но Гете, этотъ великій знатокъ женщины, въ областяхъ чувствъ Иѳигеніи и принцессы Леоноры уже былъ какъ у себя дома. Послѣ Гете, Грильпарцеръ представилъ богатѣйшую галлерею женскихъ характеровъ. Рихардъ Вагнеръ, воспользовавшись старыми миѳами и сагами, въ образѣ Брунегильды создалъ послѣднее звено въ изображеніи женскаго идеала. Затѣмъ, въ поэзіи водворяется господство трезвой дѣйствительности. О женщинахъ-писательницахъ докладчица замѣтила только вскользь: реализмъ принесъ новой женщинѣ-писательницѣ освобожденіе отъ книжной мудрости и она овладѣетъ священнымъ правомъ имѣть свое поэтическое исповѣданіе, свою вѣру поэта. Прежде, заключилъ ораторъ свой докладъ, этого не было—и было гораздо хуже.

Г-жа Natalie von Milde, изъ Веймара, прочитала другой не менѣе интересный докладъ на тему: «Женская любовь и женская жизнь въ новой литературѣ». Докладъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Послѣдовалъ еще рядъ докладовъ, трактовавшихъ на ту или другую тему дня, затѣмъ, въ часъ пополудни, г-жа Cauer, поблагодаривъ всѣхъ участницъ конгресса, не исключая и пролетаріатокъ, со словами: «да будетъ конгрессъ имѣть хорошія послѣдствія!»—закрыла его.

Н. Вишневскій.

КРИТИКА.

Эдмонъ Ростанъ. Принцесса Греза. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переводъ съ французскаго Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина.

Эта пьеса сочинена для толпы, которая любитъ поэзію. Не заключая въ себѣ ни единаго живого слова, плоская и глупая по содержанію, она тѣмъ не менѣе способна дѣйствовать на нервы людей, склонныхъ къ сентиментальнымъ впечатлѣніямъ. Если поставить ее на сценѣ съ разными картинными декораціями и главную роль отдать актрисѣ, умѣющей выкрикивать громкія фразы, то пьеса будетъ имѣть оглушительный успѣхъ, потому что нѣтъ ничего пріятнѣе и любезнѣе для зауряцной публики, какъ банальная риторика на возвышенную тему. Такъ оно и случилось. «Принцессу Грезу» поставили на сценѣ «Литературно-артистическаго кружка», а роль Мелиссанды отдана была актрисѣ съ большими притязаніями, но безъ признака таланта. Публика неистово шумѣла, интеллигентные люди краснѣли отъ стыда, а въ газетахъ съ беззастѣнчивою развязностью трубили, что пьеса имѣла успѣхъ, приглашая при этомъ наивныхъ людей посмотрѣть на это произведеніе, написанное въ духѣ современныхъ литературныхъ теченій. Репортеры «Новаго Времени», заинтересованные въ успѣхѣ всякой бездарной пошлости, поставленной на сценѣ «Литературно-артистическаго кружка», кричали громче всѣхъ, притворно прославляя г-жу Яворскую, актрису посредственную, съ провинціальными замашками, обличающими отсутствіе артистическаго ума и вкуса. При невѣроятно плохихъ голосовыхъ средствахъ и необычайной склонности къ мелодраматическимъ позамъ, г-жа Яворская никогда не создастъ ни одного характера на сценѣ, не сыграетъ никакой роли такъ, какъ могли-бы ее сыграть такія талантливыя исполнительницы, какъ Савина или Ермолова, не говоря уже о первоклассныхъ европейскихъ знаменитостяхъ, до ко-

торыхъ имъ всѣмъ, какъ до звѣзды небесной, далеко. Когда на сценѣ появляется такой живой, подвижной и трогательный талантъ, какъ Дузе, чувствуется невольно, что предъ вами стоитъ что-то смѣлое, не заурядное, не пошлое—и вы можете отдаться сценической иллюзіи съ полной свободой. Вотъ искусство, которое волнуетъ, поднимаетъ и уносить, какъ поэзія. Несмотря на нѣкоторую монотонность исполненія, несмотря на отсутствіе широкой трагической изобразительности, какъ у Сары Бернаръ, эта великолѣпная актриса побѣждаетъ смѣлымъ лирическимъ изліяніемъ, не чуждымъ внезапныхъ откровеній. На сценѣ разыгрывается настоящая человѣческая драма. Каждая фраза, каждое слово, какъ-бы плохи они ни были въ текстѣ пьесы, произносятся такъ, что вы невольно сживаетесь съ актрисою, начинаете ей сочувствовать иногда вопреки разсудку. Именно въ этомъ талантъ Дузе. Въ какихъ-бы драматическихъ произведеніяхъ она ни выступала, она заставитъ васъ понимать ее самое, какъ исполнительницу роли, которая *въ ней* шевелитъ нервы и душу. Съ такою-же силою, а иногда и глубже, и всестороннѣе дѣйствуетъ на васъ сценическій талантъ Сары Бернаръ, съ ея могучими художественными средствами пластическаго изображенія и исполненія. Совсѣмъ другое дѣло—русскіе актеры и актрисы. За немногими исключеніями, зритель, пришедшій послушать почему-либо интересную для него пьесу, обреченъ на жестокія страданія, въ эстетическомъ смыслѣ слова. Не говоря уже о самыхъ произведеніяхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ изъ рукъ вонъ плохи, ему приходится въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выносить неестественное, безвкусное, бездарное кривлянье мало образованныхъ актеровъ, не прошедшихъ никакой серьезной умственной школы. Исполненіе невѣжественно. Роли читаются безобразно, съ выкрикиваніями эффектныхъ словъ и фразъ ради дешевыхъ аплодисментовъ, которые сыплются сверху съ необычайной готовностью. Когда актеру надо произнести «идейный» монологъ, онъ уже не жалѣетъ своего голоса, какъ будто сила впечатлѣнія была-бы особенно велика въ томъ случаѣ, если-бы голосъ его ревѣлъ, какъ труба. Покончивъ съ монологомъ и сдѣлавъ нѣсколько патетическихъ возгласовъ, указанныхъ въ пьесѣ, онъ мчится со сцены съ бодрымъ топотомъ и, бурно открывъ кулакомъ себѣ дверь, исчезаетъ за кулисами — при сочувственномъ браво толпы, охваченной радостнымъ волненіемъ. Актрисы, въ подражаніе своимъ талантливымъ товарищамъ, тоже надрываются на верхнихъ нотахъ, бѣшено жестикулируютъ и, если не открываютъ себѣ дверей кулаками, то конвульсивно вертятъ во всѣ стороны свои длинные шлейфы, никого, впрочемъ, при этомъ не удивляя и не увлекая. Такъ по временамъ исполняются пьесы на образцовой сценѣ русскаго театра, гдѣ есть актеры, не лишенные таланта, какъ Сазоновъ, Варламовъ, Давыдовъ—въ Петер-

бургѣ, какъ Горевъ, Садовскій, Южинъ — въ Москвѣ, гдѣ есть такія актрисы, какъ Ермолова, Ѳедотова, Савина, актрисы съ художественнымъ чутьемъ, съ литературною начитанностью и съ привычкою естественно и просто держаться передъ публикой. Теперь подумайте, какъ должна исполняться пьеса на сценѣ, которая до сихъ поръ не съумѣла показать ни одного своего талантливаго и умнаго актера. По непонятнымъ причинамъ, кружокъ петербургскихъ литераторовъ, управляющій въ настоящее время труппою Панаевскаго театра, не съумѣлъ привлечь ни одной настоящей артистической силы, кромѣ двухъ-трехъ актеровъ и актрисъ, которые нѣкогда подвизались на казенной сценѣ. За вычетомъ Далматова, актера съ недюжиннымъ талантомъ на фатовскія роли, весь прочій мужской персоналъ Панаевскаго театра ниже критики. При самомъ снисходительномъ отношеніи къ начинающимъ актерамъ, нельзя не видѣть, что между ними нѣтъ никакихъ живыхъ дарованій, что это люди, неспособные осилить мало-мальски талантливую пьесу, не умѣющіе ни читать, ни говорить, ни просто держаться на сценѣ. Даже самыя заурядныя водевильныя пьесы исполняются топорно, безъ искренняго веселья—такъ, какъ онѣ, вѣроятно, не исполняются и гдѣ-нибудь въ Астрахани. Отправляясь въ Панаевскій театръ безъ всякихъ розовыхъ мечтаній, мы всетаки должны сказать себѣ, что разочарованіе превзойдетъ всѣ надежды, потому что при безсмыслицѣ литературнаго произведенія, выбраннаго для постановки, сценическое исполненіе можетъ превратиться въ что-то невѣроятное. Когда актеры не умѣютъ играть, а драматическій писатель не выручаетъ ихъ своимъ талантомъ, въ театрѣ неизбѣжно воцаряется кутерьма невѣжества и глупости.

«Принцесса Греза» явилась неопровержимымъ доказательствомъ того, что заправилы Панаевскаго театра, какъ бы они ни распинались за самихъ себя на страницахъ газетъ, могутъ засорять сцену, но не могутъ служить ей такъ, какъ служатъ люди образованія и вкуса. Не понять, что это стихотворное издѣліе не должно было найти себѣ мѣста ни на какой порядочной сценѣ,—значитъ не умѣть различать между просто плохими вещами и явною пошлостью, достойною только сатирическаго осмѣянія. Не краснѣть отъ стыда, когда читаешь безвкусный риѳмованный бредъ, въ которомъ «лепетъ» и «трепетъ», фантастически переплетаясь съ «бѣлыми лиліями», вдругъ сливаются въ одномъ мечтательномъ теченіи съ «любовью безбрежною, нѣжною, безнадежною»—значитъ потерять эстетическую чувствительность къ тому, что можно и чего нельзя писать. Не чувствовать никакой неловкости, когда г-жа Яворская, нѣжно звенящимъ голосомъ, начинаетъ шептать на сценѣ слѣдующія слова: «О, лиліи, о чемъ онѣ молчатъ? Ихъ мистицизмъ мнѣ кажется порочнымъ», — право, это значитъ навсегда поссо-

риться съ собственнымъ здравымъ смысломъ, потому что, насколько намъ извѣстно, даже среди самыхъ нелѣпыхъ русскихъ пьесъ не найдется ни одной, гдѣ наивность достигала бы такой высоты, какъ въ «Принцессѣ Грезѣ». А «Новое Время» хвалило эту пьесу, распиналось за нее, истолковывало публикѣ ея символическій» смыслъ. Суворинъ и Буренинъ молчали. Буренинъ не извлекъ ни единой стрѣлы изъ своего юмористическаго колчана! Даже больше того: редакція позволяла расхваливать г-жу Яворскую, а репортеры внушали публикѣ, что «вдохновенно» выкрикивать комическіе стихи и жестикулировать съ вульгарнымъ изступленіемъ—значитъ играть, играть съ талантомъ, какъ настоящая сценическая примадонна. Пьесу давали множество разъ въ прошломъ году, ставятъ ее и теперь довольно часто, хотя ничтожность ея обнаружилась для всѣхъ съ полною очевидностью. Вотъ какъ устраиваются литературно-артистическія дѣла подъ руководствомъ развязныхъ заправилъ газетныхъ трущобъ. Вопреки разсудку и расходясь съ самыми примитивными правилами литературнаго приличія, «Новое Время» продолжаетъ изо всѣхъ силъ трубить, что актеры Панаевскаго театра имѣютъ успѣхъ, что г-жа Яворская великолѣпно декламируетъ стихи, что «Принцесса Греза» интересная пьеса, которая привлекаетъ и должна привлекать публику, слѣдящую за успѣхами русскаго сценическаго искусства. Ораторствуютъ какіе-то невѣдомые рапортеры, съ необычайною пылкостью, при безмолвномъ сочувствіи своихъ патроновъ и съ видомъ людей, увѣренныхъ въ томъ, что между риѳмованною галиматьею на современной подкладкѣ и стремленіями администраціи Литературнаго кружка существуетъ сердечное согласіе.

Для большей наглядности отмѣтимъ отдѣльные моменты этой пьесы. Принцъ Жоффруа Рюдэль влюбленъ безъ памяти въ принцессу Грезу, далекую, свѣтлоокую красавицу. Преодолѣвая безконечныя трудности, онъ мчится къ ней на кораблѣ. Вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ это героическое путешествіе къ свѣтлоокой Мелиссандѣ молодой поэтъ Бертранъ. Жоффруа умираетъ отъ тоски. Бури налетаютъ на корабль, матросы мрутъ, какъ мухи, но Жоффруа блѣднѣющими губами немолчно повторяетъ имя далекой и свѣтлоокой красавицы. А Бертранъ ободряетъ матросовъ пламенно мечтательнымъ разсказомъ о божественной красотѣ принцессы Грезы. Опасности велики, но они найдутъ Мелиссанду, далекую и свѣтлоокую, нѣжную и мятежную. Очарованные матросы успокаиваются. Тогда при всеобщемъ благоговѣйномъ молчаніи самъ принцъ Жоффруа, поэтъ, влюбленный «въ тѣнь и шорохъ вѣтра», произноситъ, аккомпанируя себѣ на арфѣ, слѣдующіе стихи:

Любовь—это сонъ упоительный,
Свѣтъ жизни, источникъ живительный.
Въ ней муки, восторгъ, въ ней весна,
Блаженства и горя полна.

И слезы,
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она.
Но чужды мнѣ дѣвы прекрасныя,
Объятья безумныя, властныя,
И шелковыхъ косъ ароматъ,
И очи, что жгутъ и томятъ,
И лепетъ,
И трепетъ,
И устъ упоительный ядъ.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною;
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.
Изъ царства видѣній слетая,
Лазурнымъ огнемъ залитая,
Нисходитъ на землю она,
Вся сказочной тайны полна,
И слезы,
И грезы
Такъ дивно даритъ мнѣ она.
Люблю—и отвѣта не жду я,
Люблю—и не жду поцѣлуя.
Вѣдь въ жизни одна красота—
Мечта, дорогая мечта;
И сладкой
Загадкой
Теперь моя жизнь обнята.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною;
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую!..
(Падаетъ почти безъ чувствъ).

Вдругъ раздаются шумные возгласы. Принцъ приподнимается на ложѣ, простирая руки къ небу. Земля, земля! Храбрый рыцарь и достойный трубадуръ, Бертранъ пойдетъ за Мелиссандой. Готовый на всякое самопожертвованіе, онъ идетъ за ней. Вотъ онъ видитъ, наконецъ, Мелисанду, которую охраняетъ высокій и толстый, какъ быкъ, Рыцарь. Зеленыхъ Латъ. Рыцарь мрачно слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, потому что онъ далъ обѣтъ сохранить ее для своего короля. Но сердце Мелисанды разбито «двойственностью». Упиваясь ароматомъ бѣлыхъ лилій, она не перестаетъ мечтать о принцѣ Жоффруа, имя котораго долетѣло до нея на крыльяхъ любви. Она страдаетъ неимовѣрно. Въ эту минуту

появляется Бертрамъ — мужественный посланецъ умирающаго принца. Охваченный яростью, Рыцарь Зеленыхъ Латъ выбѣгаетъ къ нему съ сѣкирою. Завязывается поединокъ и хотя жестокая борьба происходитъ за сценою, зрители догадываются о побѣдѣ Бертрана, потому что за кулисами вдругъ съ грохотомъ падаетъ на полъ что-то невѣроятно тяжелое: ясное дѣло, что рыцарь зеленыхъ латъ сраженъ рукою славнаго трубадура! Дѣйствительно, дверь шумно распахивается и на сценѣ появляется Бертранъ, съ окровавленнымъ рукавомъ Мелиссанды. Публика задыхается отъ волненія, Мелиссанда бросается навстрѣчу Бертрану и тонко звенящимъ голосомъ г-жи Яворской спрашиваетъ: «Что сюда васъ привело, мессиръ? Что вы хотите мнѣ сказать?» Бертранъ величественно протягиваетъ руку и отвѣчаетъ съ поэтическою краткостью, которая возбуждаетъ трепетное волненіе въ публикѣ: «Стихи!» Мелиссанда умолкаетъ, а Бертранъ читаетъ поэму принца Жоффруа: слезы и грезы, лепетъ и трепетъ, безбрежная, нѣжная, безнадежная! Мелиссанда не выдерживаетъ и, поддавшись очарованію великолѣпной версификаціи, мягко звенящимъ голосомъ г-жи Яворской обрываетъ Бертрана и вмѣсто него кончаетъ стихотвореніе принца Жоффруа: безбрежная, нѣжная, безнадежная, свѣтлоокая, далекая! Публика рукоплещетъ съ неистовствомъ. Но среди всеобщаго радостнаго смятенія Бертранъ падаетъ въ обморокъ. Голубоокая Мелиссанда подкладываетъ ему подъ голову свою обнаженную руку. На сценѣ страстный, любовный шепотъ, въ которомъ голосъ г-жи Яворской звучитъ, какъ тонкая струна подъ нѣжнымъ смычкомъ виртуоза. Въ третьемъ дѣйствіи полъ усыпанъ не бѣлыми лиліями, а красными розами—въ знакъ того, что теперь будутъ клокотать настоящія любовныя страсти. Происходятъ бурныя объясненія. Бертранъ неистово декламируетъ стихи, а принцесса Греза, устами г-жи Яворской, заливается, какъ флейта. Въ концѣ концовъ преодолѣваетъ принцъ Жоффруа. Въ послѣднюю минуту онъ тайною силою, дѣйствующею на влюбленныхъ, притягиваетъ ихъ къ себѣ, и Бертранъ и Мелиссанда летятъ къ нему на крыльяхъ нравственнаго долга. Актъ четвертый и послѣдній. Принцъ Жоффруа на прежнемъ мѣстѣ. Лицо его блѣдно. Мелиссанда не идетъ еще, но она придетъ непремѣнно. Она идетъ, она пришла. Матросы кричатъ: тише, тише! Срывая съ себя куртки, они устилаютъ ими палубу. Какой-то морякъ, съ умильнымъ лицомъ, выпячивается изъ толпы и тихо произноситъ: «Святая Дѣва!» Два раба выступаютъ впередъ, чтобы развернуть передъ принцессой богатый коверъ, но она останавливаетъ ихъ величественнымъ жестомъ: не надо, не надо! Медленно она подвигается впередъ къ тому, кто лежитъ на смертномъ одрѣ, потрясенная, блѣдная, готовая подарить ему первую и послѣднюю любовную ласку. Тихая музыка, облака куреній, цѣлый дождь цвѣтовъ. Мелиссанда наклоняется надъ принцемъ Жоффруа и нѣжно звенящимъ голосомъ г-жи Яворской шепчетъ: «Люблю, люблю тебя!» А принцъ Жоф-

фруа, уже совершенно обезсиленный болѣзнью, не перестаетъ повторять одно только слово: «Говори, говори, говори!. »

На этомъ кончается пьеса. Публика аплодируетъ въ послѣдній разъ съ неистовымъ бѣшенствомъ. Такъ на глазахъ интеллигентныхъ людей на поверхность литературы выносится жалкое въ своей заурядности произведеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что «Принцесса Греза», несмотря на лепетъ и трепетъ, пьеса недостойная серьезнаго вниманія, что никакой даже самый крупный талантъ не могъ-бы внести своимъ исполненіемъ въ эту пьесу живой струи. А между тѣмъ, она съ блескомъ и трескомъ расхвалена на страницахъ «Новаго Времени», какъ настоящее и притомъ талантливое литературное произведеніе. Заправилы «Артистическаго кружка» ставятъ ее чаще другихъ пьесъ, не стѣсняясь, какъ мы сказали, никакими литературными приличіями, пренебрегая умственными интересами общества съ чисто коммерсантскою развязностью. Они не чувствуютъ никакой неловкости, хотя самаго ограниченнаго разумѣнія достаточно, чтобы понять весь комическій паѳосъ этихъ слезъ и грезъ, разогрѣтыхъ посредственной стихотворной риторикой на тему о двойственности и мистическомъ молчаніи бѣлыхъ лилій. Объ исполненіи г-жи Яворской, несмотря на примитивную безвкусность ея театральныхъ жестовъ, на отсутствіе художественной мѣры и такта, на напряженность и аффектированное переигрываніе въ самые простые моменты драмы, пишутся длинныя газетныя рецензіи, хотя для всякаго должно быть ясно, что это—актриса безъ вдохновенія, безъ таланта, безъ артистическаго изящества, неразлучнаго съ актерскою скромностью. Преисполненная какой-то неестественной суетливости, ея сценическая карьера можетъ считаться уже законченною, потому что г-жа Яворская актриса безъ всякой вдумчивости, безъ малѣйшей потребности въ самокритикѣ, не говоря уже о ничтожествѣ образованія, безъ котораго нельзя сдѣлаться замѣтной величиной въ театральномъ мірѣ. Театралы недоумѣваютъ. Никто не въ силахъ понять, какъ могло сложиться въ Петербургѣ это уродливое явленіе, подъ претенціозно-крикливымъ названіемъ: «Литературно-артистическій кружокъ», съ его неприличною безтактностью въ выборѣ и постановкѣ пьесъ, съ его безшабашною развязностью и цинизмомъ въ привлеченіи бездарныхъ актеровъ и актрисъ, съ его тайнымъ и явнымъ насиліемъ надъ легкомысленною богемою газетныхъ репортеровъ, обязанныхъ громко трубить объ успѣхѣ Панаевскаго театра. Никакихъ стѣсненій и церемоній! Глупѣйшую пьесу можно расхвалить со звономъ, который будетъ гудѣть отъ края до края! Каждую посредственную и не умную актрису можно, при помощи упорной рекламы, сдѣлать любопытною для наивной публики! А другого ничего не нужно...

Вотъ какъ газетные люди орудуютъ дѣлами искусства, когда они попадаютъ въ ихъ руки.

А. Волынскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

П. Дружбинъ. **И все это правда! Умъ и нравы животныхъ.** Спб. 1896. 262 стр. Изд. А. Ф. Девріена.

Книга г. Дружбина представляетъ сборникъ разсказовъ изъ жизни животныхъ, составленный, главнымъ образомъ, по Брэму и Роменсу. Въ ней повѣствуется объ обезьянахъ, собакахъ, лисицахъ, о волкѣ и шакалѣ, о домашней кошкѣ, львѣ, слонѣ и птицахъ. Замѣчательные факты, подтвержденные солидными изслѣдователями и доказывающіе умъ многихъ изъ этихъ животныхъ, легкое, простое изложеніе дѣлаютъ книгу интересной и полезной не для однихъ только дѣтей и юношей, которые благодаря современной системѣ образованія искусственно оторваны отъ живой природы. Книга напечатана на прекрасной бумагѣ четкимъ шрифтомъ и снабжена хорошими иллюстраціями. Все это позволяетъ рекомендовать трудъ г. Дружбина, какъ прекрасный подарокъ дѣтямъ къ предстоящимъ праздникамъ.

Библіотека дѣтскаго чтенія. Ручей и его исторія. (По Элизе Реклю). *Д. А. Коробчевскаго.* Съ рисунками. М. 1896. Ц. 50 к.

Интересно разсказанная мирная исторія ручья пробуждаетъ мирныя и чистыя настроенія. Конечно, такія книги слѣдуетъ давать ребятамъ предпочтительно предъ всякими другими исторіями, и конечно, такія книги должны имъ нравиться. Печать хороша, цѣна (за 138 стр.) не высокая.

Звуковой букварь. Цѣна 8 к. Москва 1896.—Предисловіе къ звуковому букварю. Цѣна 15 к.

Умѣнье писать безъ ошибокъ дается школьникамъ съ трудомъ; полезно, съ первыхъ уроковъ букваря, вести дѣло такъ, чтобы ошибки въ правописаніи, по возможности, устранялись. Вотъ основная мысль этого «перваго труда» начинающаго автора, труда, который является плодомъ «довольно долгихъ» учительскихъ занатій. Выполнена эта мысль не безъ пониманія, хотя и съ нѣкоторою поспѣшностью, дошедшею до того, что въ первомъ изданіи букваря буква Ц была пропущена. Но авторъ исправилъ свою ошибку тѣмъ, что «изданіе было *безплатно пожертвовано* въ воскресную школу». Имени автора на обложкѣ нѣтъ, и только введеніе къ «предисловію» подписано такъ: народная учительница С. Глинка.

А. Н. Островскій. **Біографическія свѣдѣнія и разборъ его произведеній для учащихся.** Составилъ С. Бураковскій. Новгородъ. 1896. Ц. 50 к.

Мнѣнія критиковъ, изъ небрежнаго подбора кототыхъ составлена, главнымъ образомъ, эта книжка, такъ и оставлены составителемъ несогласованными, отчего и случается, что напечатанное на одной страницѣ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что попало на слѣдующую,—и составитель, повидимому, этого не замѣчаетъ: собственной руководящей идеи у него вовсе нѣтъ. Преемственная связь произведеній Островскаго съ тѣмъ, что было написано раньше, совсѣмъ не указана. Ни для учащихся, ни для кого другого книжка не можетъ быть полезною.

Энрико Ферри. **Преступники въ искусствѣ.** Переводъ съ французскаго Н. Л. Москва. 1896. Цѣна 20 к,

Книга представляетъ бѣглый обзоръ преступниковъ всякаго сорта, преимущественно убійцъ, изображенныхъ извѣстными поэтами и живописцами. Изъ этого обзора читатель вынесетъ только ту слишкомъ без-

спорную мысль, что художники изображали вѣрно своихъ героевъ, не дожидаясь современныхъ открытій уголовной антропологіи. Переводъ мало удовлетворителенъ.

В. П. Вахтеровъ. **Внѣшкольное образованіе народа.** М. 1896. Ц. 1 р.

Изъ статей, составляющихъ эту книгу, первая—Сельскія библіотеки — появилась первоначально въ «Сѣв. Вѣстн.», теперь же значительно дополнена и переработана, какъ и другія три статьи: «Книжные склады», «Воскресныя школы» и «Порядокъ открытія воскресныхъ школъ», помѣщенныя раньше въ книгѣ «Частный почипъ въ дѣлѣ народнаго образованія». Книга очень поучительна. Любопытные примѣры, собранные въ ней, ярко представляютъ всю нашу поразительную отсталость въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія не только отъ З. Европы, но даже и отъ нашихъ собственныхъ окраинъ.

Николай Сперанскій. **Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ.** М. 1896. Цѣна 2 р.

Эта книга представляетъ попытку самостоятельно разобраться въ богатомъ матеріалѣ по исторіи народной школы, накопившемся во французской литературѣ въ послѣднія 20—30 лѣтъ. Въ результатѣ этой попытки получилась прекрасная исторія народной школы въ средніе вѣка. Увлекательное и живое изложеніе, множество интересныхъ подробностей, отсутствіе всякой предвзятости въ выводахъ автора, опирающихся на богатый и тщательно разобранный матеріалъ, и многія другія выдающіяся достоинства этой книги ставятъ ее очень высоко въ нашей литературѣ, оригинальной и переводной, по исторіи педагогики, и даютъ ей несомнѣнное право на самое глубокое вниманіе всѣхъ, интересующихся этимъ предметомъ.

II. МЕДИЦИНА.

Д-ръ В. Гориневскій. **Какъ намъ обуваться?** О нормальной обуви по преимуществу дѣтской. Спб. 1896.

Авторъ указываетъ на вредныя стороны современной обуви: высокіе каблуки, узкіе носки и т. п. На первый взглядъ можетъ казаться, что вредъ этотъ—чисто мѣстный, и что потому даже не стоитъ говорить о такой мелочи, какъ напр. измѣненіе формы ступни или пальцевъ. Однако, на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное. Высокіе каблуки заставляютъ опираться на кончики пальцевъ, при этомъ центръ тяжести тѣла перемѣщается впередъ, и для равновѣсія приходится откидывать туловище назадъ, т. е. значительно изогнуть спину. При продолжительномъ ношеніи высокихъ каблуковъ такое искривленіе позвоночника дѣлается привычнымъ и къ нему присоединяется наклоненіе таза, которое можетъ вызвать весьма серьезныя осложненія напр. при беременности. Все это слишкомъ серьезно, и все это слѣдуетъ знать тѣмъ, кто, слѣпо подчиняясь капризамъ моды, пренебрегаетъ законами природы. Другой недостатокъ д-ръ Гориневскій видитъ въ самомъ матеріалѣ современной обуви, но здѣсь его пожеланія встрѣтятъ въ толпѣ, пожалуй, еще больше сопротивленія. Верхняя комнатная обувь, согласно его выводамъ, должна приготовляться изъ плотной шерстяной ткани, а подошвы изъ тонкой кожи или войлока: въ обуви, предназначенной для прогулокъ, подошва должна быть водоупорной, напр. резиновой. Авторъ вполнѣ сознаетъ, что «взрослые люди легко дѣлаются консерваторами, когда вопросъ идетъ объ измѣненіи собственныхъ дурныхъ гигіеническихъ привычекъ», но надѣется, что родители, понявшіе вредъ нелѣпой моды, захотятъ съ малолѣтства пріучать своихъ дѣтей къ нормальному образу жизни, чтобы впослѣдствіи они рѣшили тотъ же споръ между рутиной и наукой, между модой и здоровьемъ такъ, какъ того требуетъ благоразуміе. Мысль эта заслуживаетъ вниманія. Дѣйствительно мы слишкомъ рабски слѣдуемъ завѣтамъ сѣдой старины: за что напр. должны дѣти терпѣть стѣсненіе отъ одинаковыхъ башмачковъ, надѣтыхъ на разныя ножки? Почему никто до сихъ поръ не додумался до необходимости обращать вниманіе на строеніе организма? Пожелаемъ, чтобы брошюрѣ д-ра Гориневскаго удалось разсѣять туманъ, царящій въ обществѣ относительно этого вопроса.

Первая помощь. Изданіе Общества Врачей Гомеопатовъ въ С.-Петербургѣ 1896.

Врачи гомеопаты считаютъ за правило время отъ времени напоминать публикѣ о своемъ существованіи и ежегодно дарятъ ей по нѣскольку брошюрокъ, составленныхъ съ весьма коварной цѣлью—подорвать уваженіе къ представителямъ научной медицины и еще болѣе поднять безъ того уже значительно распространенное въ обществѣ довѣріе къ лѣченію собственными силами. Въ только что изданной брошюрѣ «Первая помощь» эта цѣль не остается скрытой между строкъ, какъ это до сихъ поръ практиковалось, а высказана съ поучительной откровенностью. На стр. 8 неизвѣстные авторы, говоря о дифтеритѣ, совѣтуютъ въ спорныхъ случаяхъ «немедленно обращаться къ врачу-гомеопату, или, за неимѣніемъ таковаго къ врачу-аллопату, но къ послѣднему уже не для лѣченія болѣзни, а лишь для опредѣленія ея», потому что аллопаты, «не только не приносятъ никакой пользы больному, а часто значительно вредятъ своими смазываніями и прижиганіями зѣва». Диф-

теритъ, конечно, болѣзнь серьезная, и потому лѣченіе ея лучше не довѣрять врачамъ, но гг. гомеопаты не довѣряютъ этимъ послѣднимъ даже.... разстройство кишекъ, «Если не помогаютъ скоро указанныя средства — говорится въ брошюрѣ — слѣдуетъ немедленно обратиться къ врачу гомеопату или въ крайнемъ случаѣ...» — вы думаете: къ обыкновенному врачу? нѣтъ, это было бы слишкомъ любезно. Оказывается: «въ крайнемъ случаѣ ознакомиться съ лѣченіемъ болѣзни по хорошему полному руководству, такъ какъ она нерѣдко приводитъ къ опаснымъ послѣдствіямъ» (стр. 15). Это уже совсѣмъ обидно! Даже «въ крайнемъ случаѣ» совѣтуютъ выписать изъ Петербурга «хорошее (?) полное руководство» (адресъ гомеопатической аптеки напечатанъ на каждой страницѣ брошюры—стало быть 57 разъ) и изучать его въ пріятной увѣренности, что болѣзнь въ этомъ случаѣ подождетъ «приводить къ опаснымъ послѣдствіямъ», пока послушный профанъ успѣетъ разобраться во всѣхъ хитросплетеніяхъ пресловутой гомеопатической фармакологіи! При такихъ условіяхъ, конечно, удобнѣе лѣчиться гомеопатіей! Только вотъ одного еще гг. гомеопаты не придумали. Если врачи только смущаютъ публику и приносятъ ей прямой вредъ, не лучше ли закрыть всѣ университеты? И тогда спросъ на «хорошія полныя руководства» усилится, и «аптека общества врачей гомеопатовъ» будетъ торговать еще болѣе бойко. Слѣдовало бы «обществу» обсудить этотъ вопросъ, и въ слѣдующихъ изданіяхъ высказываться еще болѣе откровенно. Вѣдь, храбрость города беретъ.

Д-ръ *Б. Шапиро*. **Учебникъ фармакологіи**. Основы лѣкарствовѣдѣнія въ систематической обработкѣ. 5-ое изданіе, просмотрѣнное и дополненное, съ прибавленіемъ о новыхъ средствахъ. Спб. 1896, ц. 2 руб.

Имѣющіеся у насъ учебники и руководства по фармакологіи — по большей части книги объемистыя и по преимуществу переводныя. Оригинальныхъ руководствъ въ нашей отечественной медицинской литературѣ очень мало, да при томъ всѣ они составлены по образцу нѣмецкихъ учебниковъ. Этого, однако, нельзя сказать относительно учебника Б. Шапиро, въ которомъ кратко и ясно излагаются основы лѣкарствовѣдѣнія. При всемъ своемъ небольшомъ объемѣ книга содержитъ въ себѣ все необходимое не только для студентамедика, но и для практическаго врача. Внѣшній видъ книги удовлетворительный; цѣна книги немного высока.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Проф. А. Эспинасъ. **Исторія политико-экономическихъ доктринъ**. Юридическая Библіотека. № 12. Изданіе Я. Канторовича.

Главное достоинство книги проф. Эспинаса заключается въ ея популярности и въ томъ, что она даетъ читателю не конспекты экономическихъ книжекъ, вышедшихъ въ разныя эпохи, а сущность экономическихъ доктринъ въ связи съ условіями даннаго историческаго момента. Не менѣе симпатиченъ общій тонъ книги, ея основной, такъ сказать, девизъ, который мы находимъ и въ заключительныхъ словахъ автора: «экономистъ, говоритъ онъ, долженъ взять въ руководители одно чувство, которое по своей всеобщности и постоянству способно доминировать надъ всѣми остальными, — любовь къ справедливости и человѣчеству». Экономическія ученія разсматриваются въ названной книгѣ и съ этой точки зрѣнія.

Авторъ ищетъ зачатки экономическихъ доктринъ въ трудахъ древнихъ философовъ, находитъ ихъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія. Говоря о новѣйшемъ времени, онъ переходитъ къ меркантилистамъ и заканчиваетъ изложеніе національной школой Ф. Листа. Школы катедеръ и научныхъ соціалистовъ, такъ же какъ и соціалистовъ христіанъ не нашли себѣ мѣста въ русскомъ переводѣ этой книги. Говоря о древнихъ вѣкахъ, авторъ цитируетъ одинъ изъ діалоговъ Платона, изъ котораго явствуетъ, что этотъ философъ вполнѣ ясно и опредѣленно изложилъ законъ раздѣленія труда, такъ что позднѣйшіе экономисты могли бы не открывать его заново, а цѣликомъ заимствовать у древняго мудреца. Древніе философы отрицательно относились къ богатству, такъ какъ не считали его факторомъ прогресса или необходимымъ для индивидуальнаго счастья условіемъ. Въ средніе вѣка, отчасти какъ отголосокъ древняго времени, раздаются протесты противъ ростовщичества, а позднѣе противъ порчи монеты. Эпоха возрожденія не ограничивается признаніемъ неденія не ограничивается признаніемъ совмѣстимости добродѣтели съ богатствомъ, а ищетъ лучшей экономической организаціи общества, чѣмъ занимались и древніе философы: появляются труды Т. Мора, Кампанеллы; Бодэнъ высоко поднимаетъ знамя справедливости и нападаетъ на произволъ правителей.

Книга пр. Эспинаса читается легко, можетъ навести внимательнаго читателя на размышленія и является цѣннымъ вкладомъ въ нашу популярно-экономическую литературу.

И. Гурвичъ. **Экономическое положеніе русской деревни**. Переводъ съ англійскаго А. А. Санина, подъ редакціей и съ предисловіемъ автора. Изданіе М. Водовозовой. М. 1896. Ц. 1 р. 25 к. XVI+290+66+XXIII стр.

Книга г. Гурвича, какъ и большинство современныхъ политико - экономическихъ

книгъ, является отраженіемъ такъ называемаго экономическаго матеріализма. По этой доктринѣ экономическіе факторы дѣйствуютъ самостоятельно, независимо отъ другихъ факторовъ общественной эволюціи. Мало того: всѣ факторы общественной эволюціи, каковы религія, наука, и т. д. обусловливаются экономическими. Г. Гурвичъ анализируетъ на основаніи болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ современное экономическое положеніе русской деревни. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ относительно ея ближайшаго будущаго, далеко не утѣшительны. Крестьянская реформа и періодъ пореформенный, по мнѣнію автора, суть лишь необходимыя ступени въ долгой эволюціи отъ первобытнаго коммунизма къ частной поземельной собственности. Община обречена историческимъ закономъ на разложеніе; въ нѣдрахъ общины таятся силы, которыя независимо отъ внѣшнихъ вліяній рано или поздно повлекутъ за собою ея разложеніе. Данныя, хотя и отрывочныя, даютъ право заключить о присутствіи въ русскомъ земледѣліи «задатковъ капиталистическаго развитія». Общинная земля концентрируется въ рукахъ наиболѣе обезпеченныхъ «сильныхъ» хозяевъ; она обречена на раздѣлъ между крупнымъ капиталистомъ и мелкимъ сельскимъ хозяиномъ. Основные элементы экономическаго строя Россіи въ прошломъ—это «семейная кооперація, деревенская община и натуральное хозяйство»; экономическій строй Россіи въ будущемъ—«крестьянская буржуазія, земледѣльческій пролетаріатъ и капиталистическое хозяйство». Таковы основные выводы этой любопытной книги.

Авторъ можетъ быть и правъ относительно ближайшаго будущаго русской деревни, но лишь въ томъ случаѣ, если экономическимъ факторамъ *будетъ предоставлено* дѣйствовать самостоятельно. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представится картина будущаго русской деревни, если мы вспомнимъ, что сознательное работа общества можетъ направить стихійную эволюцію по своему усмотрѣнію.

Нейманъ-Спаллартъ. **Протекціонизмъ и всемірное хозяйство.** (Критика системы покровительственныхъ пошлинъ) перев. съ нѣмец. Зака. Одесса, 1896 г. Ц. 20 к.

Небольшая брошюрка Неймана-Спалларта составляетъ 9-й выпускъ «Библіотеки Общественныхъ Знаній». Появленіе этой брошюры принесетъ свою пользу нашей средней читающей публикѣ и познакомитъ ее съ ходячими (но вѣрными) возраженіями противъ огражденія таможенными ставками. Нейманъ-Спаллартъ передалъ эти возраженія остроумно и съ увлеченіемъ. Онъ признаетъ «всемірное хозяйство единственной выдерживающей критику экономической формой» (стр. 15). По его мнѣнію, такое положеніе подтверждается элементарной здравой «логикой». Человѣчество, говоритъ Нейманъ-Спаллартъ, въ теченіе столѣтій сдѣлало большіе успѣхи, распространивъ свою экономическую жизнь на большіе круги, перешедши отъ городского округа къ провинціи, отъ провинціи къ государству, отъ государства къ федераціи, отъ федераціи къ союзу государствъ. Почему не идти дальше? Противъ такой постановки вопроса спорить трудно. Къ сожаленію, Нейманъ-Спаллартъ не можетъ похвалиться особой послѣдовательностью. Указывая на разныя средства защиты національнаго хозяйства, Нейманъ-Спаллартъ стоитъ за это хозяйство и утверждаетъ, что народное хозяйство «не должно погибнуть безпомощно, расплывшись во всемірномъ хозяйствѣ, его слѣдуетъ поддерживать и охранять». Послѣ этого заявленія Нейманъ-Спаллартъ возвращается къ протекціонизму, снова одолѣвающему чуть ли не всѣ государства, и увѣряетъ, что онъ не имѣетъ будущности. «Прошло время страха передъ кометой, говоритъ онъ,—пройдетъ также время страха передъ всемірнымъ хозяйствомъ. Небо омрачается, свѣтъ прогресса покрывается тучами сомнѣнія. Но пройдутъ тучи и засіяетъ правда. Эта правда,—свобода торговли». Мы раздѣляемъ эти надежды и желаемъ Нейману-Спалларту работать въ пользу ихъ осуществленія съ большей послѣдовательностью.

М. Гернесъ. **Исторія первобытнаго человѣчества.** Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Березина. Спб. 1896. 126 стр. Ц. 50 к.

Редакціи журнала «Образованіе» пришла благая мысль издавать переводы популярныхъ книгъ и брошюръ по разнымъ отраслямъ знанія. «Исторія первобытнаго человѣчества» Гернеса имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ тѣмъ періодомъ человѣческой культуры, о которомъ можно судить лишь по слабымъ намекамъ, сохранившимся въ языкѣ, миѳахъ, религіи, а также по вещественнымъ предметамъ, оставленнымъ доисторическимъ человѣкомъ. Брошюра разсчитана довольно удачно относительно содержанія. Можно было бы поставить на видъ редакціи, что она не позаботилась устранить изъ текста все то, что можетъ затруднить пониманіе писателя. Брошюра разсчитана на читателей незнакомыхъ напр., съ науками, касающимися первобытнаго развитія нашей планеты. Слѣдовательно, спеціально научная терминологія, представляющая для обыкновеннаго читателя наборъ пустыхъ звуковъ, должна быть или устранена, или объяснена въ выноскахъ. Что такое бронзовый то-

поръ *политическаго* періода? Что такое періоды Довонскій, Силурійскій, Пермскій, и т. д.? Этого читатель не знаетъ и не обязанъ знать. Въ концѣ брошюры, правда, приложенъ списокъ нѣкоторыхъ терминовъ и именъ. Но, во-первыхъ, читатель наткнется на этотъ списокъ лишь тогда, когда дойдетъ до конца. А во-вторыхъ, даже и этотъ списокъ во всѣхъ отношеніяхъ недостаточенъ. Указанъ порядокъ и дѣленіе геологическихъ періодовъ, т. е. приведены названія и совсѣмъ не указаны характерныя черты каждаго изъ нихъ (кромѣ третичнаго и четвертичнаго).

М. Аксеновъ. **О времени.** Трансцендентально-кинетическая теорія времени. Не—«университетская философія». Этюдъ I. Харьковъ. 1896. 38 стр. Ц. 60 к

Г. Аксеновъ съ похвальною скромностью утверждаетъ, что онъ не имѣетъ предшественниковъ. Исключеніе дѣлается только для Спинозы и главнымъ образомъ для Канта, которые до нѣкоторой степени все-таки догадывались объ основныхъ положеніяхъ не—«университетской философіи». Своей теоріи авторъ придаетъ громадное значеніе. Значеніе это, говоритъ онъ, «такъ велико, что о немъ можно было бы написать цѣлый трактатъ» (35). Онъ не стремился заводить читателя въ эту глубь своихъ тайнъ, и потому «трансцендентально - кинетическая» теорія времени покажется всякому читателю чрезвычайно и простой и понятной. Вотъ эта теорія: «временное слѣдованіе есть трансцендентальная возлѣположность; законосообразность — количественное единообразіе трансцендентальныхъ соотношеній; причинность — качественное единообразіе таковыхъ соотношеній; эмпирическая свобода—свобода полета пушечнаго ядра». Принимая во вниманіе, что авторъ не—«университетской философіи» нигдѣ не даетъ объясненія своей терминологіи, мы должны сознаться, что его теорія необыкновенна проста и ясна. По той же самой причинѣ мы думаемъ, что авторъ лишь изъ крайней скромности допускаетъ существованіе какихъ-то тамъ своихъ предшественниковъ...

Ш. Летурно. **Соціологія по даннымъ этнографіи.** Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора А. Трачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. XVI+360 стр. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1896.

«Соціологія» Летурно, написанная со свойственною этому автору живостью и популярностью, носитъ фактическій характеръ. Въ ней авторъ сгруппировалъ массу этнографическаго матеріала, касающагося общественныхъ отношеній людей. Этотъ матеріалъ чрезвычайно поучителенъ съ философской точки зрѣнія. Одни и тѣ же общественныя отношенія складывались у разныхъ народовъ различнымъ образомъ. Возьмемъ хотя бы, напр., бракъ. У однихъ племенъ господствуетъ кровосмѣшеніе, у другихъ—полигамія, у третьихъ—поліандрія, у четвертыхъ—не полный бракъ, заключаемый на недѣлю, на мѣсяцъ и допускающій для обѣихъ сторонъ многочисленныя связи, у пятыхъ—моногамія и т. д. Такое разнообразіе общественныхъ отношеній невольно отвлекаетъ мысль отъ традиціонныхъ взглядовъ, сложившихся подъ вліяніемъ вѣковыхъ привычекъ. Невольно возникаетъ вопросъ, какія изъ существующихъ и существовавшихъ формъ общественныхъ отношеній выше и разумнѣе? Европеецъ привыкъ считать моногамію высшей формой брака. Но вотъ оказывается, что эта форма господствуетъ у веддаховъ Цейлона, которые лишь немногимъ стоятъ выше нѣкоторыхъ животныхъ. Такое же разнообразіе формъ наблюдается и въ прочихъ общественныхъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, что общественное творчество можетъ принимать самыя причудливыя формы. Книги, подобныя «Соціологіи» Летурно, поучительны въ томъ отношеніи, что пріучаютъ человѣка понимать временность всѣхъ существующихъ формъ и отношеній.

Признавая, съ этой точки зрѣнія, важное значеніе за книгой Летурно, мы въ то же время отказываемся видѣть въ ней соціологію въ полномъ смыслѣ этого слова. Задача соціологіи состоитъ въ томъ, чтобы выработать начала *идеальнаго* общественнаго устройства. Для осуществленія этой задачи соціолоія вынуждена прибѣгнуть къ помощи этики, указывающей личности верховныя цѣли дѣятельности, и къ метафизикѣ, обосновывающей эти цѣли путемъ анализа нѣкоторыхъ теоретическихъ идей. Такимъ образомъ, соціологія, какъ наука, носитъ характеръ отвлеченный, умозрительный. Та же соціологія, которую предлагаетъ намъ Летурно, есть не что иное, какъ сборникъ сырого этнографическаго матеріала, объединеннаго чисто внѣшнимъ образомъ по случайнымъ категоріямъ.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896. VIII+318 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга «Промышленность» составлена изъ отдѣльныхъ статей огромнаго нѣмецкаго «Словаря государственныхъ знаній». Издатели остановили свой выборъ на этомъ словарѣ потому, что, по ихъ мнѣнію, у авторовъ словаря на первомъ мѣстѣ всегда стояли «дѣло», «суть» а не «мнѣнія». И дѣйствительно, если исключить изъ книги

все то, что носитъ догматическій характеръ, то окажется, что читатель извлечетъ серьезныя фактическія знанія, касающіяся промышленности. Вотъ перечень помѣщенныхъ здѣсь статей: Производство, Крупное и мелкое производство, Фабрика, Машины, Перепроизводство, Кризисы, Союзы предпринимателей, Производительные товарищества, Промышленныя и хозяйственныя товарищества, Сырьевыя товарищества, Домашняя промышленность, Промышленная статистика, Доходъ.

А. П. Мещерскій. **Письмо деревенскаго хозяина.** Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Подъ такимъ заглавіемъ г. Мещерскій выпустилъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ статей, такъ или иначе касающихся сельскаго хозяйства. Первый очеркъ посвященъ оцѣнкѣ А. Н. Энгельгардта, какъ хозяина. Г. Мещерскій, признаетъ что А. Н. Энгельгардтъ оказалъ великія услуги для техники русскаго сельскаго хозяйства, но онъ не одобряетъ его размышленій по вопросу объ отношеніяхъ между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ. Г. Мещерскій въ планы Энгельгардта счелъ нужнымъ внести свои помѣщичьи поправки. Мы предлагаемъ г. Мещерскому подумать о томъ, что болѣе важно для успѣховъ русскаго сельскаго хозяйства: разрѣшеніе тѣхъ или другихъ чисто техническихъ вопросовъ или разрѣшеніе вопроса объ упорядоченіи отношеній между крестьянами и землевладѣльцами? Признавая послѣдній вопросъ болѣе важнымъ, мы не можемъ согласиться съ поправками къ планамъ Энгельгардта, предлагаемымъ г. Мещерскимъ въ интересахъ залѣчиванія ранъ, нанесенныхъ имѣніямъ «послѣ положенія».

Изъ другихъ очерковъ обращаютъ на себя вниманіе по заглавію «Основы правильнаго хозяйства» и «Хозяйство въ нечерноземной полосѣ безъ денежныхъ затратъ и навоза». Послѣднее заглавіе достаточно говоритъ о неудержимыхъ порывахъ фантазіи г. Мещерскаго. Всѣ интересующіеся веденіемъ хозяйства безъ денежныхъ затратъ могутъ послѣдовать его совѣтамъ, если не желаютъ видѣть никакихъ признаковъ своего хозяйства. «Основы правильнаго хозяйства» также можно рекомендовать вниманію тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые умѣютъ вести неправильное хозяйство.

Популярно-юридическая библіотека. (Изданіе Ф. Павленкова). № 2. Наслѣдство и раздѣлъ. Составилъ *Я. В. Абрамовъ.* Спб. 1896. Ц. 25 к.

По своей идеѣ «Популярно-юридическая библіотека» г. Павленкова заслуживаетъ полнаго одобренія. Ознакомленіе съ дѣйствующими законами возможно большаго числа лицъ содѣйствуетъ болѣе скорому усовершенствованію законовъ. У насъ знакомство съ законами является до крайности слабымъ и служитъ опорой для сохраненія въ нихъ такихъ законодательныхъ постановленій, которыя уже давно подлежатъ сдачѣ въ архивъ. Не подлежитъ спору, что наибольшей отсталостью законодательство страдаетъ въ области семейственныхъ отношеній и русскіе обыватели наши не знакомы съ написаннымъ для нихъ семейственнымъ правомъ. Къ сожалѣнію, выпуски популярно-юридической библіотеки составляются не особенно внимательно и изданы весьма небрежно по сравненію съ «Юридической Библіотекой» г. Я. Канторовича, правда, болѣе дорогой чѣмъ «Библіотека» г. Павленкова, о второмъ номерѣ которой нельзя отозваться съ особой похвалой—ни за избранную г. Абрамовымъ систему изложенія, ни за самое изложеніе. Правда, русское законодательство по наслѣдству и раздѣлу съ трудомъ поддается систематичному и логическому изложенію во всей детальной полнотѣ. Поэтому г. Абрамову слѣдовало бы уменьшить количество сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и облегчить ихъ усвоеніе болѣе стройнымъ изложеніемъ. Читатель узналъ бы меньше по количеству, но зато это немногое онъ усвоилъ бы твердо и ясно.

И. Г. Якушевичъ. **Недуги школьнаго классицизма и мѣры для борьбы съ ними.** Дидактическій этюдъ. Витебскъ. 1896. 92 стр. Ц. 35 к.

Г. Якушевичъ—убѣжденный приверженецъ классическаго образованія. Въ своей брошюрѣ онъ разсматриваетъ «недуги» классицизма и предлагаетъ мѣры для борьбы съ ними. Главный недугъ состоитъ въ «явномъ нерасположеніи» учениковъ къ древнимъ языкамъ. Имъ объясняется тотъ фактъ, что окончившіе курсъ гимназисты, послѣ восьмилѣтняго упорнаго труда, достигаютъ лишь умѣнья перевести страничку изъ Ливія въ теченіе двухъ, трехъ и даже четырехчасового напряженія. (О достоинствѣ перевода умалчиваемъ). Г. Якушевичъ справедливо возмущается такимъ положеніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на главномъ недугѣ, онъ ведетъ борьбу съ его многочисленными слѣдствіями и думаетъ, что дѣло классическаго образованія будетъ немедленно выиграно, если преподаватели станутъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики не списывали словъ у товарищей или изъ недозволенныхъ пособій, и т. д. Мы думаемъ, что вопросъ, поставленный г. Якушевичемъ, не такъ легко разрѣшается. Г. Якушевичъ долженъ былъ бы прослѣдить возникновеніе классическаго образованія въ западной Европѣ и выяснить, какіе историческіе факторы вызвали его къ жизни. Затѣмъ ему слѣдовало бы обратиться къ нашему отечест-

ву и посмотрѣть, имѣли ли у насъ мѣсто эти факторы или, по крайней мѣрѣ, равные имъ по могуществу. Было ли у насъ что-нибудь подобное тому умственному и политическому состоянію, которое подготовило западно-европейцевъ къ воспріятію духовныхъ сокровищъ греко-римскаго міра?

П. П. Кулишеръ. **Коневодство.** 3-е дополненное и исправ. изд. съ 123 политипажами въ текстѣ. Изданіе Девріена. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Г. Девріенъ предпринялъ цѣлую серію изданій учебниковъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Нужно отдать ему справедливость въ томъ, что не безъ риска онъ содѣйствуетъ пополненію нашей бѣдной спеціальной сельско-хозяйственной литературы. Въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, между издателями трудно найти охотника для изданія такихъ книгъ, какъ «Коневодство» «Общее животноводство» «Частное растеніеводство» и т. п. Вѣдь наши сельскіе хозяева ощущаютъ всѣ свои потребности, кромѣ потребности въ чтеніи полезныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Если «Коневодство» проф Кулишера и выходитъ третьимъ изданіемъ, то такой значительный спросъ на нее объясняется распространеніемъ этой книги среди молодежи, учащейся въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы не будемъ отрицать того факта, что для учащейся молодежи «Коневодство» проф. Кулишера является подходящимъ руководствомъ, но, къ сожалѣнію, въ немъ нѣтъ свѣдѣній о русскомъ коневодствѣ, а разныя случайныя замѣчанія на эту тему не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣла. Молодежь, поучающаяся коневодству по руководству проф. Кулишера, пришла бы въ недоумѣніе, встрѣтившись съ настоящимъ русскимъ, т. е. крестьянскимъ коневодствомъ. Крестьянская лошадь загадочная лошадь по своей породѣ, питанію и т. п. О ней можно было-бы написать цѣлую книгу, въ которой историческая часть, посвященная выясненію вопроса о происхожденія современной загадочной крестьянской лошади, явилась-бы весьма интересной даже и для всей исторіи нашего загадочнаго крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, по этому вопросу въ «Коневодствѣ» проф. Кулишера мы нашли только нѣсколько словъ на стр. 113-й: «Крестьянская лошадь, равно какъ и другія домашнія животныя, содержимыя въ хозяйствѣ нашего крестьянина, представляетъ собою, говоритъ Кулишеръ, продуктъ неудовлетворительнаго кормленія и ухода, а потому единственнымъ достоинствомъ такой выродившейся, заморенной лошади можетъ считаться ея нетребовательность и способность переносить всякія невзгоды». Проф. Кулишеръ напрасно ограничился однимъ этимъ замѣчаніемъ; ему не мѣшало бы обогатить науку разъясненіемъ вопроса о томъ, какимъ образомъ наша крестьянская лошадь ухитряется не только ноги передвигать, но и работать. Это обстоятельство—загадка для науки.

Сельскохозяйственныя учрежденія: фермы, опытныя поля и станціи, садовыя учрежденія и проч. Справочная книжка. Ч. I-я. Сельскохозяйственныя фермы. Спб. 1896.

Эта справочная книга, задуманная по широкой программѣ, составлена и издана чинами министерства земледѣлія въ интересахъ русскихъ сельскихъ хозяевъ. Помимо практическихъ цѣлей, вообще интересно имѣть въ своемъ распоряженіи изданіе, постоянно знакомящее насъ со всѣми существующими въ Россіи сельско-хозяйственными фермами, преслѣдуемыми ими задачами. До сихъ поръ такого изданія у насъ не существовало и представляется весьма и весьма затруднительнымъ ознакомиться съ вопросомъ о томъ, что дѣлаютъ наши сельско-хозяйственныя фермы. Теперь является возможнымъ оцѣнить ихъ значеніе и призваніе. Фермъ у насъ не много, около 20 и на такомъ громадномъ пространствѣ, какое занимаетъ Россія, онѣ представляются разбросанными и едва замѣтными точками.

Статистическій сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1895 г Новг. 1896 г.

Опытъ Новгородскаго губернскаго земства по изданію статистическаго сборника производитъ странное впечатлѣніе: новгородскій сборникъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ установившихся въ земско статистической литературѣ типовъ статистическихъ ежегодниковъ и скорѣе напоминаетъ случайно подобранныя и сброшюрованныя вмѣстѣ отдѣльныя главы общаго отчета о годичной дѣятельности земской управы. Сборникъ состоитъ изъ однѣхъ только таблицъ: въ немъ нѣтъ ни строчки текста, нѣтъ даже предисловія, изъ котораго можно было бы видѣть, на основаніи какихъ данныхъ составленъ самый сборникъ.

Добрую половину его составляютъ свѣдѣнія о ходѣ взаимнаго обязательнаго и добровольнаго страхованія за 1895 г., причемъ по многимъ вопросамъ страхованія приведены сравнительныя данныя и за предыдущіе годы. Цифроваго матеріала дано очень много, и матеріала цѣннаго для изученія и выясненія различныхъ сторонъ земскаго страховаго дѣла, но это матеріалъ сырой, мало обработанный и совсѣмъ не освѣщенный и не объясненный. Далѣе въ сборникѣ помѣщены столь же подробныя (поволостныя) свѣдѣнія о движеніи населенія въ губерніи за два послѣдніе года (1894 и 1895), разработанныя, очевидно,

по статистическимъ карточкамъ, доставляемымъ духовенствомъ. Наконецъ, въ последнемъ отдѣлѣ заключаются такъ называемыя «общія статистическія свѣдѣнія за 1895 г.», т. е. различныя отчетныя вѣдомости, касающіяся земскаго хозяйства. Впрочемъ, помѣщены тутъ и двѣ таблицы 1) о фабрикахъ и заводахъ и 2) объ учебныхъ заведеніяхъ въ губерніи), составленныя по образцу таблицъ губернаторскихъ отчетовъ и неизвѣстно для чего попавшія въ земскій сборникъ. Вотъ и все содержаніе новгородскаго сборника.

Изъ отчетовъ новгородскаго губернскаго земства видно, что при его управѣ есть статистическое отдѣленіе съ завѣдующимъ-спеціалистомъ во главѣ. О дѣятельности этого отдѣленія давно ничего не слышно, какъ будто оно превратилось въ отдѣленіе управской канцеляріи. На эту же мысль наводитъ и разсмотрѣнный нами статистическій сборникъ, отъ котораго вѣетъ мертвящей канцелярщиной.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, Томской губерніи. Отчетъ за 1895 (одинадцатый) **годъ**. Барн. 1896 г.

Годичный отчетъ захолустнаго сибирскаго Общества о своей дѣятельности служитъ наглядным доказательствомъ, что и въ нашемъ обществѣ, вообще очень инертномъ и вяломъ, кроются живыя силы, которыя, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, проявляются въ различныхъ начинаніяхъ, содѣйствующихъ измѣненію и улучшенію непригляднымъ сторонъ дѣйствительной жизни. Симпатичная задача Общества—содѣйствовать распространенію начальнаго образованія въ средѣ городского населенія и возможность принять участіе въ осуществленіи этой задачи «лицамъ обоего пола, всѣхъ званій и состояній, безъ различія вѣроисповѣданій»—сгруппировала мѣстную интеллигенцію въ дѣятельный кружокъ, сумѣвшій за 11 лѣтъ своей плодотворной работы открыть въ городѣ прекрасную начальную школу, въ которой учатся свыше 200 мальч. и дѣвочекъ, организовать народно - школьную библіотеку, книжный складъ, бюро объявленій, принять дѣятельное участіе въ поддержкѣ городской общественной библіотеки и приступить къ устройству разумныхъ народныхъ развлеченій (народный театръ) и народныхъ чтеній. Вообще, дѣятельность барнаульскаго Общества для провинціальныхъ работниковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія можетъ служить примѣромъ, заслуживающимъ подражанія, а для столичныхъ составителей проектовъ новыхъ уставовъ обществъ грамотности—указаніемъ на безцѣльность и даже вредъ вносимыхъ въ дѣятельность такихъ обществъ различныхъ ограниченій и стѣсненій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

Плоды «русской недѣли».

Если октябрь называли порой «русской недѣли», то ноябрь можно наименовать эпохой послѣдствій этой недѣли. То былъ медовый мѣсяцъ союза между «сѣвернымъ колоссомъ» и величайшею въ Европѣ республикой, украшенный изліяніями взаимныхъ чувствъ да цвѣтами краснорѣчія,—цвѣтами живыми и искусственными. Теперь настали заботы новаго домоводства, а также сборъ плодовъ. Мы говорили, въ прошлый разъ, о міровомъ значеніи такого крупнаго новорожденнаго, какъ *двойственница*. Нижеслѣдующія строки покажутъ на фактахъ весь ея глубокій смыслъ.

Конечно, вліяніе двойственницы прежде всего и сильнѣе всего отражается на томъ великомъ вопросѣ, который и безъ нея былъ бы теперь первымъ во вниманіи всего міра. Но, помимо восточной смуты, оно явственно проходитъ передъ нами по всѣмъ европейскимъ отношеніямъ, глубоко врѣзываясь во внутренній строй почти всѣхъ государствъ. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что вокругъ новаго явленія сами собой группируются основные вопросы въ жизни разныхъ странъ Европы. Мы принуждены воспользоваться этимъ новымъ способомъ для обозрѣнія ноябрьскихъ событій,—впрочемъ, съ благодарностью судьбѣ: иначе намъ было-бы трудно овладѣть пестрой множественностью дѣлъ повсюду, полныхъ интереса и значенія для будущаго. Но сначала представимъ положеніе самой двойственницы. Вѣдь, этому новорожденному уже почти два мѣсяца; а теперь жизнь обществъ несется такимъ вихремъ, что въ полсотни дней иногда и не узнаешь стараго знакомаго: быть можетъ, именно это и случится съ нами сейчасъ.

II.

Настроеніе Франціи.

Прежде всего приходится, заодно со всѣми, спросить себя: да что она такое, эта двойственница? Покуда это—все еще таинственная незнакомка. Загадачная личность несомнѣнно существуетъ: она ходитъ по маскараду, на глазахъ у всѣхъ, и весьма реально заявляетъ о себѣ чувствительными толчками направо и налѣво. Но она еще не снимала маски. Пожалуй, этому-то обстоятельству она обязана отчасти тѣмъ гвалтомъ, тѣми сплетнями, которыми полонъ журнальный и дипломатическій міръ не меньше, чѣмъ базары салопницъ и гостиныя провинціальныхъ дамъ. Мы увѣрены, по крайней мѣрѣ, что тутъ лежитъ причина «разоблаченій» той злополучной архи-сплетницы дипломатіи во Фридрихсруэ, которая и на этотъ разъ немножко займетъ наше вниманіе.

Круто приходилось французскому министру иностранныхъ дѣлъ, г-ну Ганото (Hanoteaux); но этого человѣка не проберешь. Ганото—едва-ли не самый вліятельный теперь министръ во Франціи, и не только потому, что его постъ, въ сію минуту, самый важный, а его товарищи не хватаютъ звѣздъ съ неба. По своимъ личнымъ качествамъ, это—представитель современнаго настроенія страны. Мы помнимъ наши встрѣчи, 15 л. тому назадъ, съ этимъ, тогда еще совсѣмъ молодымъ ученымъ, который занимался новѣйшей исторіей Франціи, въ одно время съ нами, въ архивѣ на quai d'Orsey. Конечно живой, но для француза сдержанный и вдумчивый, онъ производилъ на насъ успокоительное впечатлѣніе; намъ казалось даже, что труды его будутъ дѣльны, но суховаты, какъ и вышло на дѣлѣ. Такимъ оказался Ганото и на столь отвѣтственномъ теперь постѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Всѣ признаютъ его дѣльность, хладнокровіе и «корректность». Онъ не разсыпается въ приторныхъ любезностяхъ, но и не тронетъ никого. Онъ не любитъ говорить много, и особенно избѣгаетъ импровизацій: рѣчи его тщательно написаны; онъ отвѣчаетъ за каждое ихъ слово и нерѣдко отсылаетъ къ уже напечатаннымъ, не желая повторяться. Хладнокровный, недоступный уколамъ самолюбія, онъ нигдѣ не выскочитъ впередъ, но стоитъ твердою скалой за разъ поднятое дѣло.

Спокойствіе, осторожность, особенно въ виду необычной и крайне отвѣтственной связи съ такимъ незнакомцемъ, какъ «сѣверный медвѣдь»,—таково настроеніе и большинства націи въ эту минуту. Оно, конечно, лучше всего отражается на стремленіяхъ и на судьбѣ всего министерства и парламента. Въ палатѣ господствуетъ самый невинный, умѣренный республиканизмъ, прямо поддерживаемый правою стороной, словно

опять образуется болотце съ зародышами панамскихъ бактерій. Крайнія партіи въ загонѣ: немедленно погасаютъ такія ихъ вспышки, какъ ревизія конституція, передѣлка или отмѣна сената, подоходный налогъ, немедленное превращеніе всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ свѣтскія, отмѣна конкордата, посланничества въ Ватиканѣ и даже всего бюджета исповѣданій, попытки поднять соціальный вопросъ (по поводу новыхъ безпорядковъ въ злополучномъ Карно) или новую панаму (по поводу желѣзнодорожныхъ махинацій, или измѣнника Дрейфуса). И такое министерство, какъ Мелина, у котораго нѣтъ за душой ни ньюкестльской да и никакой программы, а потому нѣтъ и вѣры въ самого себя, само изумляется, какъ это палата старается упрочить его, награждая его большинствомъ въ 80—300 голосовъ, а иногда принимая его предложенія единогласно и даже безъ преній (напр., расходы по русской недѣлѣ!) А депутаты опять носятся съ старымъ и празднымъ вопросомъ,—какъбы имъ походить на англичанъ, завести своихъ строгихъ торіевъ и виговъ, вмѣсто кучи «фракцій» или партіекъ, особенно среди нервной лѣвой, среди радикаловъ и соціалистовъ, распадающихся на множество враждебныхъ кружковъ. И въ нѣдрахъ Франціи замѣчается тоже движеніе. Словно въ отвѣтъ на провинціальную рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ Барту, въ октябрѣ, гдѣ онъ заявилъ себя злѣйшимъ врагомъ соціализма, 29 ноября, въ Бордо, были враждебно встрѣчены населеніемъ депутаты-соціалисты, съ Жоресомъ во главѣ.

Правда, лѣвая, несмотря на свою разношерстность, не унываетъ: вѣдь, пора-же свалиться министерству, которое держится цѣлыхъ полгода! Она вспоминаетъ, что, года три тому назадъ, кабинетъ Рибо вышелъ побѣдителемъ изъ очень опаснаго положенія, по поводу преній о томъ-же Кармо; а на другой день онъ рухнулъ отъ второстепеннаго вопроса о южныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Къ тому-же лѣвая принимаетъ свои мѣры: только-что поднялся вопросъ о сліяніи радикаловъ съ соціалистами, о дружбѣ между Мильераномъ, Жоресомъ, Буржуа и Гоблэ, которые уже вмѣстѣ будутъ вести главный органъ оппозиціи — «Petite République», издававшійся до сихъ поръ однимъ Мильераномъ. А главное, за нихъ—крайне серьезные и неотложные вопросы, касающіеся всего общественнаго и политическаго строя страны. Вѣроятно, въ слѣдующемъже мѣсяцѣ мы услышимъ опять о громкихъ событіяхъ внутри Франціи; но они, во всякомъ случаѣ, будутъ связаны все съ тою-же двойственницей. А относительно нея французы выказали рѣдкое единодушіе. И положеніе г-на Ганото оказалось, сверхъ ожиданія, вовсе не затруднительнымъ.

III.

Высшая мудрость,—знай, что ничего не знаешь.

Г-ну Ганото было легко потому, что запросы о двойственницѣ были не партійными уколами, а голосомъ всей встревоженной націи. Палата добивалась только того, чтобы узнать все, что она *можетъ знать.* И, не узнавши ничего, она успокоилась, убѣдившись, что ничего больше не можетъ знать.

Первый выстрѣлъ въ невозмутимаго послѣдовалъ 3-го ноября, съ правой стороны. Передъ засѣданіемъ, въ одной церкви армянскій священникъ отслужилъ панихиду по 130,000 убіенныхъ, среди множества изумлявшихъ парижанъ «мерлушковыхъ шапокъ»: тогда въ Парижѣ было уже 2,000 армянъ и поджидалась еще тысяча. Правая, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, упрекала Европу въ равнодушіи къ участи несчастныхъ, которыхъ такъ легко назвать мятежниками; но справедливо-ли прилагать эту кличку къ народу, котораго изъ года въ годъ угнетаютъ, мучаютъ, избиваютъ безъ жалости? Она требовала, чтобы «кровавое пятно было смыто». Затѣмъ всѣ ораторы явно выказывали недовѣріе къ Англіи. А радикалъ Гюббаръ сказалъ: «Смотрите, чтобы она не заняла Арменіи, какъ заняла Египетъ. Россія одна можетъ добиться въ Константинополѣ важныхъ послѣдствій для армянскаго дѣла. Министерство иностранныхъ дѣлъ должно ознакомить насъ съ намѣреніями державы-друга. Странѣ нѣтъ никакой выгоды отъ какой-то таинственной дипломатіи. Нехорошо держать парламентъ въ сторонѣ отъ всякой иностранной политики».

Ганото вообще старался длинными историческими справками охлаждать армянскія симпатіи и сердечную тревогу депутатовъ. Прямо отстраняя вмѣшательство державъ, которое могло бы нарушить цѣлость Турціи, онъ утѣшалъ палату тѣмъ, что во время русской недѣли между новыми друзьями «произошелъ обмѣнъ взглядовъ на армянскія дѣла», и что тутъ «несомнѣнно существуетъ общность чувствъ и интересовъ». Затѣмъ ораторъ сказалъ, что хорошо, что державы хоть достигли «нѣкоторыхъ правилъ (principes)» для своего поведенія въ столь мудреномъ вопросѣ. А именно. 1) Имъ нужно соблюдать между собой «твердое и честное (loyale) согласіе». И онѣ сейчасъ занимаются этимъ труднымъ дѣломъ. 2) Уже отсюда вытекаетъ неизбѣжность «устраненія всякой мысли объ отдѣльномъ дѣйствіи». И англичане согласны съ этимъ, какъ доказываетъ поступокъ Розбери, совпадающаго тутъ во вглядахъ съ Солисбери. 3) Но совмѣстное дѣйствіе державъ «отнюдь не должно нарушать цѣлости Оттоманской имперіи и положенія, установленнаго договорами». Ганото прибавилъ, что это—«одно изъ самыхъ почтенныхъ преданій французской политики и исторіи», а также «одна изъ самыхъ прочныхъ основъ европейскаго равновѣсія».

Съ этими-то «правилами» Ганото надѣется смыть кровавое пятно, добиться отъ султана «исполненія уже дарованныхъ реформъ и расширенія ихъ, гдѣ нужно»—для всѣхъ подданныхъ Порты, безъ различія религій. Правда, это—«трудная задача», и она влечетъ за собой «видимыя задержки» (lenteurs apparentes). Но Ганото вѣритъ въ успѣхъ, снова выставляя подконецъ принципъ «умѣренности» (modération) и грозя мятежникамъ, что Европа «не потерпитъ, чтобы новыя неожиданности отвратили ее отъ ея задачи». Словно для того, чтобы еще болѣе охладить горячія сердца, ораторъ, въ заключеніе, снова напомнилъ историческое призваніе Франціи быть на стражѣ цѣлости Турціи и сказалъ: «наученная прошлымъ, она отвергаетъ духъ приключеній; она знаетъ, сверхъ того, что ея обязанности въ мірѣ многообразны».

Въ отвѣтъ, Жоресъ горячо обвинялъ Европу, и въ особенности двойственницу, за новыя турецкія звѣрства, такъ что вызвалъ даже замѣчаніе со стороны призидента палаты. Его послѣднимъ словомъ было: «Такъ какъ Европа не въ силахъ положить конецъ нынѣшнему положенію дѣлъ въ Арменіи, то это—банкротство христіанской и капиталистической Европы».

Палата одобрила министерство большинствомъ 402 голосовъ противъ 90: такой благодати во Франціи давно не получалъ ни одинъ министръ! Но общественное мнѣніе находило, что Ганото ничего не сказалъ. Оно продолжало безпокоиться—и 21-го ноября послѣдовалъ новый запросъ въ палатѣ. Онъ былъ тѣмъ болѣе интересенъ, что обнаружввалъ взглядъ крайнихъ партій на дѣло: его сдѣлалъ одинъ изъ вождей соціалистовъ, Мильеранъ. Онъ сказалъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ: «Существованіе франко-русскаго союза не было бы неожиданностью: то былъ бы не первый примѣръ союза между демократической страной и автократической имперіей. Съ 1875 г., когда кн. Горчаковъ воспротивился замысламъ желѣзнаго канцлера противъ Франціи, видно было постепенное сближеніе между двумя странами. Такъ нужно знать условія и характеръ этого соглашенія, чтобы оно не сплеталось съ заботами *внутренней* политики. Франція должна знать, не вовлечетъ ли оно ее въ *приключенія*, которыхъ никогда не утвердилъ бы парламентъ, этотъ единственный опредѣлитель войны или мира. Нужно также знать, соблюдено ли достоинство Франціи: не заставили-ли ее, вопреки ея волѣ, склониться передъ совершившимся фактомъ? Министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ сказать прямо и твердо. Страна требуетъ этого, чтобы не впасть современемъ въ самое жестокое разочарованіе».

Ганото «прочелъ» краткую «декларацію». Изъ нея выходитъ, что министры уже много лѣтъ налаживали тѣ отношенія къ Россіи, поддержанныя «невольнымъ народнымъ чувствомъ», которыя привели «молодыхъ монарховъ во Францію привѣтствовать правительство друже-

ственной націи». Въ пріемѣ «знаменитыхъ гостей» было столько «радушія и достоинства», что «весь міръ почуялъ совершеніе торжественнаго акта». Въ немъ соединилось все во Франціи — и «то, что связано съ прошедшимъ, и то, что смотритъ въ будущее». Въ заключеніе, Ганото сказалъ: «Могу отвѣчать Мильерану однимъ только словомъ. Все, что можетъ и должно быть сказано публично, было заявлено, въ умѣренныхъ, прямыхъ (corrects) и точныхъ выраженіяхъ, Его Велич. русскимъ Императоромъ и г. президентомъ республики въ Шербургѣ, Парижѣ и Шалонѣ. Моя должность, а также понятный палатѣ высшій интересъ, вмѣняютъ мнѣ въ обязанность ничего больше не прибавлять по поводу *согласія* (entente), котораго теперь уже никто не думаетъ отрицать или подвергать сомнѣнію».

Но немного помогла другая сторона. Когда пошли разныя дипломатическія сплетни, газета «Nord» начала ревностно подхватывать ихъ, пользуясь ими для дружественныхъ заявленій по адресу Франціи. Въ концѣ ноября она охладила англичанъ, которые радовались молчанію Петербурга относительно Египта: «этотъ вопросъ попрежнему составляетъ предметъ заботъ Франціи и Россіи, и политическій міръ скоро удостовѣрится въ этомъ». Мѣсяцъ спустя, «Nord» выразилась по поводу слуховъ о желаніи Россіи осоюзиться съ Турціей, такъ: «у Россіи одна только *союзница*—Франція». Въ то же время совершился небывалый фактъ: русскій министръ публично держалъ рѣчь во Франціи. А. С. Ермоловъ сказалъ во французскомъ обществѣ земледѣлія, членомъ котораго онъ состоитъ: «Путемъ нѣкотораго взаимнаго соглашенія, направленнаго къ выгодѣ обѣихъ націй, мы могли бы достигнуть оживленія нашихъ *торговыхъ* сношеній и тѣмъ способствовать еще большему скрѣпленію соединяющихъ насъ узъ».

IV.

Царь скандалистовъ и теорія дружбы съ врагами друзей.

Дипломатическія сплетни, на разоблаченіе которыхъ двойственницѣ приходится тратить драгоцѣнное время, связаны, прежде всего... понятно съ кѣмъ. Царь скандалистовъ «конца вѣка», отставной геній, занималъ міръ своею особой и въ ноябрѣ.

Ровно мѣсяцъ спустя послѣ саморазоблаченій желѣзнаго канцлера, о которыхъ мы говорили въ прошлый разъ, его архи-рептилія, «Hamburger Nachrichten», учинила новый скандалъ. Чувствуя, что ему предстоитъ трепка въ рейхстагѣ, по поводу русско-германскаго договора 1884 г., престидижитаторъ пустилъ наканунѣ такое заявленьице, чтобы отвлечь вниманіе міра къ другой жертвѣ: «Конечно было бы особенно интересно узнать, какіе мотивы побудили гр. Каприви порвать

связь, прикрѣплявшую Германію къ Россіи? Правительство, разумѣется, можетъ успокоить общественное мнѣніе, доказавъ, что, принимая такое важное рѣшеніе, оно вовсе не дѣйствовало *подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ*, которымъ могло мѣшать соглашенію Германіи съ Россіей». Эта прелесть, изложенная суконнымъ языкомъ канцелярской кляузы, есть ни что иное, какъ корсиканская стрѣла, пущенная изъ Фридрихсруэ въ сердце коварнаго Альбіона! Вслѣдъ затѣмъ рептиліи стали чуть не ежедневно поносить Англію, взводя на нее даже обвиненіе за стачку портовыхъ рабочихъ въ Гамбургѣ.

Но тщетно. 16 ноября новый канцлеръ Гогенлоэ выставилъ стараго дѣльца на нелицепріятный судъ передъ представителями всей Германіи. Рейхстагъ представлялъ видъ параднаго спектакля: депутаты налицо всѣ, не исключая Герберта Бисмарка; много сановниковъ и представителей германскихъ государствъ; масса публики. Изъ центра послѣдовалъ запросъ—и не объ одномъ договорѣ 1884 года, а также о томъ, «какое вліяніе имѣли новѣйшія публикаціи объ этомъ событіи на положеніе Германіи въ тройственномъ союзѣ и на ея отношенія къ остальнымъ державамъ Европы?» Указывая на «живое движеніе и безпокойство въ нѣмецкомъ народѣ» по поводу тѣхъ публикацій, авторъ запроса добивался знать, не «измѣнилось ли теперь сколько-нибудь взаимное довѣріе» между Германіей, Австріей и Италіей? Кстати онъ плакался, бѣдняга, при всеобщемъ одобреніи, на то, что «вообще рейхстагу достается мало свѣдѣній о ходѣ иностранной политики».

Имперскій канцлеръ отвѣчалъ кратко: «не могу офиціально сообщить о переговорахъ между Германіей и Россіей въ 1884—1890 гг., ибо въ свое время было установлено соблюдать безусловную тайну; а потому нельзя дать исчерпывающаго отвѣта и насчетъ отношеній Германіи къ Россіи съ весны 1890 г. Замѣчу только, что совершенно неосновательно утвержденіе, будто тогда дѣйствовали вообще иностранные, и въ особенности англійскія, вліянія. Облако недовѣрія со стороны нашихъ союзниковъ, показавшееся, было, въ первую минуту, теперь снова разсѣялось; а наши отношенія къ Россіи ни на минуту не переставали быть дружественными».

Гвоздемъ засѣданія рейхстага была рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ, Маршаля, о которой гораздо больше говорили повсюду, чѣмъ сколько сказала она сама. «Отъ меня-то не ждите никакихъ разоблаченій», заявилъ ораторъ: «я не уполномоченъ на это; да и, вѣроятно, это только увеличило бы борьбу, которой и безъ того достаточно въ нашей землѣ». Онъ взялся только отклонить «извѣстныя нападки», особенно ту, «къ которой, скажемъ съ гордостью, мы наиболѣе чувствительны». Тутъ послышались крики: «совершенно вѣрно!» При новыхъ знакахъ одобренія, Маршаль заявилъ: «Германія не уговаривалась ни

съ однимъ государствомъ ни о чемъ, что было бы несовмѣстно съ существующими договорами. (Крики: Этого не было! Слушайте, слушайте!). И при всякомъ новомъ упрекѣ, всѣ нѣмцы должны единодушно протестовать (шумное одобреніе): вѣдь, если бы упрекъ укоренился, намъ былъ бы вредъ, а нашимъ врагамъ—радость и удовлетвореніе».

V.

Новое международное право.

Дальнѣйшая рѣчь Маршаля представляетъ особый интересъ: тутъ говорилъ уже не государственный мужъ, а теоретикъ, даже творецъ новаго ученія. Вотъ до чего измѣняется теперь политика! Это, конечно, потому, что, подойдя къ германской политикѣ съ 1890 г., т.-е. съ паденія Бисмарка, Маршаль почувствовалъ себя въ еще болѣе «узкихъ границахъ»—и ограничился «академическимъ изложеніемъ». Оно очень интересно. Маршаль напалъ на новое, поистинѣ геніальное, правило отставного генія, — что «перестраховка укрѣпляетъ страховку». (Rückversicherung die Versicherung stärkt). «Конечно, ядовито сказалъ онъ, Бисмаркъ имѣлъ въ виду застрахованіе мира, и онъ думаетъ, что договоры упрочиваютъ всеобщій миръ». Но если-бъ и такъ, то «сомнительно, чтобы съ увеличеніемъ числа договоровъ и союзовъ возрастало внутреннее достоинство каждаго изъ нихъ, а не наоборотъ: не является-ли опасность, что многократное страхованіе измѣнитъ именно въ рѣшительную минуту?» Вѣдь, въ наше время все дѣло въ томъ, чтобы остановить нападающаго: «наступательныя войны принадлежатъ исторіи; теперь всюду такая глубокая потребность въ мирѣ, что всякое правительство старается свалить на другого тягость нападенія. Но нынѣ дается большой просторъ въ отвѣтѣ на вопросъ: кто нападчикъ? Стало быть, теперь все дѣло не въ союзныхъ договорахъ, а въ *воззрѣніяхъ*, которыя дѣлаютъ союзниковъ поборниками праваго дѣла, а не нападчика. А эти воззрѣнія покоятся на сознаніи взаимныхъ интересовъ». Вотъ примѣръ. «Говорятъ, что до 1890 г. между Германіей и Россіей было такое соглашеніе, что, въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, другая должна соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Не знаю, такъ-ли это; но знаю, что въ § 1 нашего договора съ Австріей сказано, что, въ случаѣ нападенія на нее Россіи, мы должны помогать ей всѣми силами». Но какъ быть, въ случаѣ войны между обѣими союзницами Германіи? «Ей пришлось-бы рѣшать вопросъ, кто нападчикъ, кто защищающійся?» Да и какъ соблюсти тайну? Въ договорѣ-же съ Австріей была предусмотрѣна возможность сообщить о немъ секретно русскому императору, что и было потомъ исполнено. Вотъ сколько затрудненій! Бисмаркъ не боялся ихъ: «его государственное искусство стоитъ такъ высоко во мнѣніи

образованнаго міра, что оно не нуждается въ оправданіи отдѣльныхъ его дѣйствій». Но могутъ быть разные взгляды. Каприви смотрѣлъ иначе на перестраховку и на соблюденіе тайны, которое только питаетъ недовѣріе; а такой человѣкъ «стоитъ выше поднятыхъ противъ него нападокъ». Да и о самомъ Бисмаркѣ нужно сказать, что «было-бы уменьшеніемъ и униженіемъ его заслугъ утверждать, будто-бы до 1890 г. дружественныя отношенія къ Россіи покоились лишь на хрупкомъ кристалѣ сдѣлокъ, возобновляемыхъ отъ времени до времени».

Маршаль сбиваетъ значеніе договоровъ и на примѣрѣ другой клеветы Бисмарка, будто Каприви помогъ франко-русскому сближенію, уничтоживъ соглашеніе 1884 года, сей «клинъ между двумя великими націями»: дружба между послѣдними обусловлена «многообразными общими интересами внутри и внѣ Европы и ея зарожденіе относится къ 70-мъ годамъ». Ораторъ выставилъ, при всеобщемъ одобреніи, и одно любопытное противорѣчіе зарапортовавшагося генія: «Восхваляютъ государственное искусство, которое, наряду съ тройственнымъ союзомъ, устроило договоръ съ третьей державой. Въ то-же время хвастаютъ, что черезъ это третья держава лишилась возможности заключать другіе договоры... Но если тройственный союзъ не помѣшалъ намъ устроить сдѣлку съ третьей державой, то что-жъ-бы помѣшало этой третьей искать сближенія съ другою державой и учинить съ ней перестраховку?» Въ заключеніе Маршаль сказалъ благородныя и глубокомысленныя слова, не подъ-стать легкимъ канцелярскимъ статьямъ отставного генія: «Никто и не думалъ, чтобы задачей германской политики было разлучить двѣ великія націи: это стоило бы намъ непосильныхъ жертвъ. Мы должны возвратиться къ спокойному, наблюдательному положенію, тѣмъ болѣе, что теперь крайне невѣроятно, чтобы какая-нибудь держава подала поводъ къ войнѣ. Германская политика останется неуклонно вѣрною союзу съ Австріей и Италіей, поддерживая дружбу съ Россіей и съ другими державами, и всегда готовая положить свое могущество на вѣсы мира».

Отвѣты Маршалю не имѣли особеннаго значенія. Парламентскія рептиліи назвали Бисмарка «безсмѣннымъ первымъ канцлеромъ Имперіи», а Либкнехтъ снабдилъ его именемъ «опытнаго преступника». Одни старались оправдать отставного генія желаніемъ «блага отечеству», ибо его разоблаченія вылили много холодной воды на французскую восторженность. Другіе замѣчали, что даже Гербертъ не смѣетъ защищать своего отца. Многіе раздѣляли мнѣніе Маршаля о договорахъ, одобряя вождя южно-германской народной партіи, который сказалъ: «тысячи нитей, завязанныхъ торговымъ договоромъ, служатъ лучшими узами, чѣмъ тайный договоръ».

Маршаль вдругъ сталъ героемъ дня. И нѣмецкія и иностранныя газеты единогласно объявили его новымъ Цицерономъ дипломатическаго

краснорѣчія. Всѣ восхваляли его стремленіе никого не раздражать и всѣхъ успокоить. Нѣмцы радовались его словамъ, какъ мирному противовѣсу воинственному характеру ихъ новаго бюджета, а также какъ подтвержденію правъ рейхстага на участіе въ управленіи своею иностранной политикой. Австрійцы и отчасти итальянцы ликовали, что тройственница «вышла благополучно изъ труднаго испытанія» (слова офиціознаго вѣнскаго «Fremdenblatt»). Англійскія газеты выражали свою признательность и за успокоеніе вообще, и за то, что получилъ головомойку авторъ «безсмысленнаго, пожалуй, даже злонамѣреннаго измышленія насчетъ англійскаго вліянія», какъ выразился «Times».

Для насъ рѣчь Маршаля имѣетъ болѣе глубокій смыслъ. Какъ разоблаченіе «разоблаченій» Бисмарка, она представляетъ голосъ новаго времени противъ брюжжанья пережитковъ меттерниховской эпохи. Царю скандалистовъ хотѣлось пересорить всѣхъ, чтобы его призвали къ руководству новымъ кровопусканіемъ. Онъ сначала затронулъ Францію, Россію и Австрію, потомъ Англію; а на другой день послѣ трепки въ рейхстагѣ выпустилъ новую утку, которая тотчасъ-же была подстрѣлена опроверженіемъ газеты «Nord»: былъ-де, въ 1891 г., какой-то тайный договоръ между Россіей и Италіей, причемъ будто-бы Квириналъ далъ понять Петербургу, что въ его собственныхъ глазахъ его союзъ съ Австріей не имѣетъ серьезнаго значенія. И оказывается, что сладкою мечтой Бисмарка было привести къ тому-же и Австрію,—политика, которую даже благовоспитанный «Temps» назвалъ «дипломатіей больничной палаты».

Такъ, въ ослѣпленіи местью и старческой немочью, Бисмаркъ сдѣлалъ все, чтобы доканать собственное дѣтище, тройственницу, и тѣмъ внести полное разложеніе въ политику Европы. А Маршаль всѣхъ успокоилъ, поставилъ вещи на ихъ прежнія мѣста, намекнулъ даже на совмѣстность дѣйствій Германіи, Франціи и Россіи на дальнемъ Востокѣ. Онъ прямо и горячо высказался противъ войны и призналъ ея невозможность теперь. Маршаль какъ-бы извинился передъ міромъ, отрекшись отъ политическаго плутовства, по поводу котораго мы спрашивали, въ прошлый разъ: какъ долженъ чувствовать себя всякій порядочный нѣмецъ послѣ «разоблаченій» рептилій? Онъ развернулъ передъ нами картины двухъ міровъ—отживающаго и новорожденнаго: съ одной стороны—безчестный «маклеръ», съ его гешефтмахерскою «перестраховкой», съ другой—напоминаніе о симпатичной «новой эрѣ» Каприви, съ его торговыми договорами, вмѣсто крови и желѣза. Маршаль указалъ, насколько это было возможно въ его положеніи, на новое международное право. Онъ погребалъ бумажный хламъ трактатовъ и выдвигалъ значеніе интересовъ да воззрѣній. Богатая тема, о которой стоитъ поговорить особо!

Да, и здѣсь, какъ вездѣ теперь, столкнулись, хотя отчасти и безсо-

знательно, два міровоззрѣнія—борьба, характеризующая «конецъ вѣка». И утѣшительно, что даже такой рыцарь безъ страха, но съ упрекомъ, какъ Бисмаркъ, устыдился-таки себя самого. Онъ начинаетъ оправдываться, конечно, черпая оружіе изъ того-же собранія древностей и тѣмъ окончательно разоблачая печальную старину. Онъ, видите-ли, поневолѣ обманывалъ своихъ союзниковъ: Россія не желала разглашать своего договора съ Германіей. А главное—cherchez la femme, какъ говорили встарь политиканы и историки, въ особенности-же—la polonaise: такъ сказалъ Бисмаркъ самолично одному корреспонденту. Бѣдный! Онъ не знаетъ, въ своемъ захолустьѣ, что теперь даже прусскіе юнкера жалуются, какъ трудно становится находить и просто-то femme, не то что политика въ юбкѣ...

VI.

Гогенцоллернъ и Габсбургъ.

Конечно, стыдъ отставного генія—новая плутня. И онъ можетъ утѣшиться созерцаніемъ международной смуты, которая кипитъ и безъ его разоблаченій, благодаря силѣ такихъ пережитковъ, какъ жажда пріобрѣтеній и порождаемая ею ревность между державами. Бисмаркъ ошибется въ разсчетѣ на ея исходъ; но она истомитъ народы и безъ кровопролитія. Дѣло идетъ опять о двойственницѣ, но на этотъ разъ въ связи съ такимъ мучительнымъ дѣломъ, какъ восточный вопросъ.

Прежде всего, необходимо слѣдить за крайне любопытнымъ передвиженіемъ въ политикѣ почти всѣхъ государствъ Европы, подъ вліяніемъ «русской недѣли»,—передвиженіемъ, которое, въ концѣ концовъ, отражается и на судьбѣ всеобъемлющаго восточнаго вопроса. Появленіе на политическомъ горизонтѣ такого крупнаго свѣтила, какъ двойственница, должно было отразиться на всей европейской системѣ—и не только на планетахъ, но и на ихъ мелкихъ спутникахъ.

Конечно, интереснѣе и важнѣе всего поведеніе Англіи. Но поэтому то мы и скажемъ о немъ особо, въ связи съ восточнымъ вопросомъ, который тѣсно сплетается съ нимъ. Положеніе Германіи уже уяснилъ намъ Маршаль, съ случайною помощью Бисмарка. Это—попрежнему ключъ тройственницы, если только не одинъ Берлинъ составляетъ теперь настоящую тройственницу. И — странно сказать! — это теперь самое мирное, спокойное государство. 25 сентября нѣмецкій императоръ окончилъ симпатичную аллегорію къ одной изъ своихъ рѣчей: громадный «Михель» (Германія), въ полномъ вооруженіи, охраняетъ храмъ мира отъ потрясающихъ факелами бѣсенятъ, т. е. нарушителей мира. А сейчасъ онъ трудится, также ради мира, надъ моделью огромнаго кубка—награды на гонкѣ англійскихъ судовъ въ праздникъ 60-лѣтія царствованія королевы Викторіи.

Но остальные члены искалѣченной тройственницы чувствуютъ себя не въ порядкѣ и тревожатся. Мучительнѣе и загадочнѣе всего положеніе Австріи. Послѣ Россіи, она всегда была наиболѣе заинтересована въ восточномъ вопросѣ, самомъ близкомъ къ ней и по географіи, и по исторіи. Сколько вѣковъ боролась она съ османліями непосредственно, а потомъ—съ ихъ соплеменниками, мадьярами! Какъ озабочена была она, въ послѣднее время, своею «сферою вліянія на Балканскомъ полуостровѣ», которая навязала на ея плечи такую обузу, какъ Боснія и Герцеговина, этотъ австрійскій Египетъ! Какую непрестанную борьбу, то явную, то подспудную, выносила она, на нашихъ глазахъ, съ Россіей изъ-за балканскихъ славянъ и румынъ! Теперь на нее опять надвинулась грозная туча восточнаго вопроса, а у нея и дома-то не совсѣмъ ладно.

Какъ нарочно, Австрія переживаетъ сейчасъ довольно острый кризисъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Рѣчь идетъ ни больше, ни меньше какъ объ исчезновеніи изъ дипломатическаго словаря неуклюжаго слова *Австро-Венгрія*. Настала пора возобновленія федеральнаго договора 1867 года. И тутъ-то оказалось изумительное съ виду и весьма поучительное явленіе въ исторіи: чуть-ли не приходится расторгнуть насильственный бракъ, вслѣдствіе обычнаго мотива — «не сошлись характерами». Оказалось, что два народа разошлись въ возрастахъ — и къ какому афронту для бѣлой породы, для горделивыхъ арійцевъ или индо-европейцевъ! Представители желтыхъ турамцевъ въ Европѣ, мадьяры, опередили въ развитіи—кого-же! Знаменитыхъ «культуртрегеровъ», нѣмцевъ. Не вдаваясь покуда въ соціологическое объясненіе этого замѣчательнаго факта, замѣтимъ только, что Венгрія представляетъ теперь одно изъ самыхъ передовыхъ государствъ по своей внутренней политикѣ. Она сломила-таки заматерѣлую силу такихъ пережитковъ, какъ клерикализмъ, ретроградный аристократизмъ и всякое человѣконенавистничество, съ юдофобствомъ во главѣ. Всѣ усилія этихъ пережитковъ, горячо поддерживаемыхъ Австріей, пали въ тщетной борьбѣ съ тѣмъ крѣпкимъ и разумнымъ, спокойнымъ либерализмомъ, который достигъ еще невиданной въ Европѣ высоты, въ формѣ тѣхъ законовъ, которые не разъ объяснялись въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». На парламентскихъ выборахъ 28 октября—5 ноября, либеральное министерство Банфи одержало такую блистательную побѣду, какой свѣжее направленіе въ Венгріи не запомнитъ въ теченіе 20 л. Изъ 415 депутатскихъ мѣстъ оно получило около 300, а остальные разбились между многими ничтожными партійками. На его сторону перешли даже многіе члены заскорузлаго магнатства. Важнѣе всего, что главный врагъ либерализма, клерикализмъ, поддержанный всею силой цезаро-папизма Габсбурговъ и Ватикана и бросившійся къ мужику въ деревню, какъ

партія «народно-католическая», получилъ всего 21 мѣсто въ пештской палатѣ, и именно лишь въ нѣмецкихъ комитатахъ, пограничныхъ съ Нижнею Австріей!

Таковъ отвѣтъ Пешта на реакцію, которая именно теперь подняла голову у его супруги, Вѣны, и особенно въ Нижней Австріи, въ этомъ центрѣ сѣдыхъ габсбургскихъ преданій: здѣсь 4-го ноября, на выборахъ въ ландтагъ или мѣстный сеймъ, почти во всѣхъ округахъ, даже тамъ, гдѣ всегда преобладали либералы, избраны реакціонеры, которые называются въ той странѣ антисемитами по преимущесту. Это, конечно, поддержитъ ретроградное направленіе въ самомъ рейхстатѣ или австрійскомъ парламентѣ. Тамъ и безъ того бездарное министерство Бадени привело къ вавилонскому столпотворенію. Вмѣсто всеобщаго успокоенія, о которомъ мечтало оно, оказалось раздробленіе нѣмецкой либеральной партіи и усиленіе крайнихъ элементовъ: тамъ насчитываютъ теперь не менѣе 28 партій, фракцій и «дикихъ», слоняющихся между партіями! Наконецъ не забудемъ, что графу Бадени приходится бороться съ такими образованными и опытными въ политикѣ народностями, какъ поляки и въ особенности чехи. А вожди послѣднихъ, младо-чехи, уже заявляютъ, что, конечно, не пропустятъ удобнаго случая: они хотятъ, чтобы, при возобновленіи договора 1867 г., ихъ спросили, какъ *равноправнаго* третьяго члена монархіи.

Чехамъ на руку распря между Австріей и Венгріей, которая принимаетъ уже острый характеръ. Гордая Вѣна, увы! принуждена признаться, что ея супругъ опередилъ ее и въ экономическомъ отношеніи; но она хочетъ воспользоваться хоть своею бѣдностью. А Пештъ вовсе не желаетъ платить больше нея на общіе расходы: вѣдь это было-бы карой за его успѣхи! И вотъ, почти вся печать двухъ странъ, не исключая офиціозной, осыпаетъ другъ друга бранью: мадьяры и австрійцы называютъ себя взаимно своими «злѣйшими врагами». Начинаются и взаимныя оскорбленія въ парламентахъ Вѣны и Пешта. Венгерскія газеты уже договорились до того, что прямо грозятъ расторженіемъ федеральнаго договора. Онѣ справедливо предостерегаютъ также графа Бадени отъ тяжелыхъ послѣдствій клерикализма относительно союза съ Италіей: вѣдь, клерикалы—заклятые враги объединенной Италіи, они мечтаютъ о востановленіи свѣтской власти папы. А Вѣна отвѣчаетъ имъ какими-то невмѣняемыми поступками. 21-го ноября, Францъ-Іосифъ, съ знаменитымъ габсбургскимъ упрямствомъ, совершилъ, какъ придворное событіе, бракъ Филиппа Орлеанскаго съ эрцгерцогиней Доротеей, которую чествовали чуть не какъ будущую королеву Франціи...

Намъ не къ лицу смущать умы кровавыми пророчествами. Въ дѣлахъ Австріи мы вѣчно видимъ подобныя сумятицы, а Габсбургъ всегда выйдетъ сухъ изъ воды. Унія съ Венгріей не расторгнется: Вѣна смирится. Быть

можетъ, ей придется даже удовлетворить чеховъ—и явится федерація трехъ королевствъ, выгодная для всѣхъ нихъ. Но пока положеніе Габсбурга не легко. Италія можетъ обрадоваться случаю выйти изъ противоестественнаго союза съ своимъ исконнымъ врагомъ. Да и вообще надежды на тройственницу лопнули послѣ «разоблаченій» рептилій. А двойственница съ восточнымъ вопросомъ подымаются подбокомъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Остается схватиться за свою «сферу вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ. А послѣдній и самъ идетъ навстрѣчу.

VIII.

Черногорія, Сербія и Румынія.

Упитанный кровью Балканскій полуостровъ самъ по себѣ кишитъ вопросами, какъ нерѣшенное дѣло въ канцеляріи исторіи. Удѣлъ неразвитыхъ націй—служить источникомъ смутъ. Тутъ все неустановлено, а первобытныя страсти гуляютъ на просторѣ, безъ путъ цивилизаціи. Но окружающая культура непреодолимо влечетъ къ себѣ юные народцы, жаждущіе жизни, какъ всякое существо на свѣтѣ. Идетъ мучительный выборъ культуръ, школъ, вліяній старшихъ братьевъ (Wahl macht Quall); да еще приходится заботиться о своей независимости. Всякому юнцу хочется жить по своему, показать міру нѣчто новое; а старшіе, которымъ притомъ ужъ тѣсно у себя дома, хотятъ содрать съ учениковъ побольше за науку. И при такихъ-то естественныхъ условіяхъ борьбы и тревоги, крайне отвѣтственное географическое положеніе. Гдѣ-бы ни рубили такое бревно, какъ восточный вопросъ, а щепки прежде всего полетятъ сюда, на этихъ бѣдныхъ, слабосильныхъ славянъ, румынъ, грековъ, албанцевъ и т. под.! Слѣдуетъ погуманнѣе относиться ко всякимъ превращеніямъ въ политикѣ этихъ народцевъ и меньше сердиться на нихъ по-родительски, по завѣтамъ Домостроя, а больше помогать имъ по-братски, по слову Христа. Этимъ правиломъ нужно-бы вооружиться особенно теперь, когда тутъ творятся любопытныя превращенія, а завтра послѣдуютъ, вѣроятно, и еще болѣе загадочныя и серьезныя явленія...

Поставьте себя на мѣсто любого изъ мелкихъ балканскихъ общежитій—и вы почувствуете, какъ дрожь пробѣжитъ у васъ по тѣлу, при видѣ разложенія тройственницы и появленія на горизонтѣ лучезарной двойственности и послѣдней «фазы» восточнаго вопроса. Понятно, что всякій изъ народцевъ шевелится, корчится, мечется, ища поддержки если не для своихъ преуспѣяній, то хоть для спасенія своей шкуры. И здѣсь воочію совершается сейчасъ одно изъ любопытнѣйшихъ соціологическихъ явленій, на которое еще мало обращено вниманія, отчасти отъ дробности и неясности фактовъ, отчасти отъ ослѣпленія старыми страстями...

Насколько естественна и сильна оторопь, овладѣвшая балканскими народностями, видно уже изъ поведенія крошечной, но живучей Черногоріи, у которой всего-то 300.000 душъ и 30.000 солдатъ. Эта вѣковѣчная, какъ бы прирожденная подруга «сѣвернаго медвѣдя», на всякій случай заключила теперь новый, совершенно неожиданный брачный союзъ—съ сосѣдней Италіей, т. е. подготовляется къ тройственницѣ, чему мы можемъ только радоваться. Въ самомъ дѣлѣ, Италія въ силахъ помогать развитію нашихъ испытанныхъ друзей и въ культурѣ вообще, и особенно въ морскомъ дѣлѣ. А главное, вѣдь, Черногорія не измѣнитъ намъ: слѣдовательно, она только послужитъ новымъ звеномъ въ той связи, которая завязывается между Италіей и Франціей, т. е. и Россіей. Въ этомъ смыслѣ, мы, право, благодарны даже близорукости оплошавшаго генія: вѣдь, если-бы ему удалось довести до конца свою теорію дружбы съ врагами друзей, онъ, такъ сказать, переженилъ-бы всѣхъ въ Европѣ другъ на другѣ,—и война исчезла бы сама собой, къ ужасу и изумленію престидижитатора, уже помогшаго гибели собственнаго дѣтища—тройственницы.

Тоже видимъ у сосѣдки Черногоріи, причемъ это движеніе въ политикѣ Сербіи гораздо проще и понятнѣе. Эта страна уже давно служитъ маятникомъ между вліяніями сосѣднихъ колоссовъ: здѣсь даже какъ только Обреновичи перестаютъ сочувствовать ближайшей сосѣдкѣ, тотчасъ на сцену выступаютъ пріютившіеся тамъ Корагеоргіевичи. Немудрено, что, въ послѣднее время направленія въ политикѣ Сербіи мѣняются чуть не съ каждымъ половодьемъ: министерства живутъ не больше полугода. Поэтому считалось чудомъ, что нынѣшній кабинетъ Новаковича уже покрывается мхомъ: онъ существуетъ уже цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ! Его сила состоитъ въ томъ, что хотя онъ и считается «напредняцкимъ», т. е. австрофильскимъ, почему ему и удалось заключить таможенный договоръ съ Вѣной, однако, цѣль его—стоять выше партій: имъ довольны и въ Петербургѣ. Оппозиція патріотовъ, съ «радикалами» или народниками во главѣ, собиралась низвергнуть его, требуя замѣны временной конституціи 1869 года новымъ государственнымъ уложеніемъ.

Новый король Александръ вдругъ поѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ вотъ уже съ годъ правитъ либеральная партія Стурдзы, недавно низложившая консерватора и «націоналиста», митрополита-примаса Геннадія, и даже заточила его въ монастырь, не спросясь совѣта другихъ православныхъ церквей. Александръ былъ отмѣнно принятъ королемъ румынскимъ, который только-что оказалъ такое же гостепріимство Францу-Іосифу, пріѣзжавшему на открытіе канала Желѣзныхъ воротъ. Мало того. Вслѣдъ затѣмъ, король Александръ появился въ Вѣнѣ, гдѣ его принимали чуть-ли не по родственному. Ходили матримоніальныя слухи, вѣроятно, потому что Austria felix nube всегда имѣютъ въ запасѣ невѣстъ, а

Александръ находится въ возрастѣ жениха. Наконецъ, произошло нѣчто въ родѣ паломничества византійства въ Римъ передъ паденіемъ Константинополя: сербскій король оказался въ Римѣ. Телеграфъ возвѣстилъ, что 25 ноября короли Александръ и Гумбертъ «облобызались многократно»; а 26-го, въ Ватиканѣ, папа «трижды пожалъ руку» властителю Сербіи; затѣмъ, на прощанье, оба короля снова «сердечно обнялись и облобызались». И прошелъ слухъ о конкордатѣ между Бѣлградомъ и Ватиканомъ, — фактъ важный: до сихъ поръ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ въ одной Сербіи, гдѣ не болѣе 10,000 католиковъ, подчиненныхъ хорватскому владыкѣ, Штросмайеру, не было католическихъ епископовъ, тогда какъ ихъ по два даже въ Болгаріи и Румыніи и одинъ — въ Черногоріи. Конечно, въ иностранныхъ газетахъ заговорили о приступленіи Сербіи къ тройственницѣ. Съ другой стороны, прибавляютъ, что здѣсь не должно искать соперничества между домами Сербіи и Черногоріи. Напротивъ, быть можетъ, Александръ даже думаетъ породниться съ Римомъ чрезъ Цетинье: у князя Николая черногорскаго есть другая невѣста, младшая дочь.

А такъ какъ сама-то тройственница разваливается, то начинаютъ говорить о какомъ-то пяти-этажномъ союзѣ балканской мелочи, подъ руководствомъ Австріи. По крайней мѣрѣ, указываютъ на соотвѣтственное поведеніе Греціи и Болгаріи.

VIII.

Греція и Болгарія.

Положеніе родины Ѳемистокловъ крайне неавантажно. Маленькая страна съ великими воспоминаніями, съ нищимъ населеніемъ, съ дырявыми финансами и съ жалкой борьбой партій на личной подкладкѣ,— страна, растерявшая свою націю по множеству сосѣднихъ острововъ, находящихся въ чужихъ рукахъ, она и рада бы по одежкѣ протягивать ножки. Но неумолимая судьба, въ лицѣ все той-же исторіи и географіи, прежде всѣхъ затягиваетъ ее въ восточный вопросъ. Къ нищимъ бѣгутъ нищіе соплеменники съ Крита; свои голодающіе образуютъ банды, переходящія въ сосѣднія области, греческія-же, но принадлежащія османліямъ. А тутъ естественные крики патріотовъ о собираніи греческой земли. Несчастная Греція то бросается на послѣдніе гроши помогать критянамъ, то, по мановенію державъ, даже отрекается отъ своихъ благородныхъ порывовъ. И все поджидала она, что державы, какъ всегда, подарятъ ей что-нибудь, выхваченное изъ зубовъ турка, въ память заслугъ предъ человѣчествомъ ея Перикловъ, Сократовъ и Аристотелей. Какъ вдругъ — грозная двойственница! Понятно, что уже съ начала ноября въ аѳинскихъ газетахъ пошли сочувственные толки о судьбѣ

тройственницы. Затѣмъ король Георгъ появился въ Вѣнѣ, и такъ внезапно, что оффиціозы не успѣли сочинить никакого благовиднаго предлога. Просто пріѣхалъ Георгъ—и телеграфъ извѣстилъ насъ: «въ Вѣнѣ не скрываютъ политическаго значенія частыхъ свиданій греческаго короля съ императоромъ и Голуховскимъ; тамъ считаютъ его истиннымъ руководителемъ внѣшней политики Греціи». А когда Георгъ возвратился во-свояси, «аѳинскіе оффиціозы стали опровергать слухъ о присоединеніи Греціи къ тройственницѣ».

Многострадальнымъ болгарамъ становится еще болѣе тяжело и тревожно, чѣмъ грекамъ: тутъ восточный вопросъ и двойственница ужъ совсѣмъ подъ-бокомъ, и нельзя откладывать рѣшенія—на какую ногу стать. Оттого-то и намъ, русскимъ, нужно быть особенно хладнокровными и гуманными въ сужденіяхъ о дѣлахъ спасенной нами страны. Съ турками у болгаръ еще съ полгоря: тутъ, съ одной стороны, вся нація единодушна въ своихъ стремленіяхъ, съ другой — растерявшійся турокъ самъ идетъ на уступки и даже подлещается, въ виду надвигающейся на него грозы. Но отношенія къ двойственницѣ касаются глубокихъ основъ національной жизни: они сплетаются со всѣми партіями и неизбѣжными политическими кознями. Если прибавить къ этому условія нашей и отчасти болгарской печати, то станетъ ясно, почему дѣла Болгаріи такъ неясны и зачастую поражаютъ насъ кажущимися неожиданностями.

Вотъ и теперь. Что бы ни было въ прошломъ... Накинемъ покровъ на прошлое; припомнимъ пословицу—кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, слѣдуя примѣру самихъ нашихъ братушекъ. Мы радовались, что, какъ ни какъ, братья опять стали братьями. Правда, въ силу историческихъ соображеній, мы не вѣрили на этотъ разъ въ прочность забвенія; но мы не ожидали, чтобы жизнь потребовала такъ быстро новой загадочности. Только съ появленіемъ двойственницы послѣдняя уже не можетъ считаться чудомъ; и мы не изумлены относительно общаго хода дѣла. Постараемся только внимательнѣе присматриваться къ событіямъ, чтобы не ошибиться въ подробностяхъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, подготовлялось примиреніе Болгаріи съ Россіей: наконецъ, даже наслѣдникъ престола, Борисъ, былъ присоединенъ къ православію, и воспитывать его былъ приставленъ архимандритъ Василій. Руководить политикой «новой эры» суждено было министерству Стоилова, какъ человѣка умѣреннаго, который самъ хлопоталъ о примиреніи съ Россіей, хотя получилъ западное воспитаніе: онъ учился въ американскомъ Robert College (близъ Стамбула) и въ гейдельбергскомъ университетѣ. Народное собраніе, срокъ которому истекалъ лишь въ 1899 году, казалось прочнымъ. Но вскорѣ оказалось, что это новое спокойствіе было построено на пескѣ. Примиреніе съ Россіей,

конечно, выразилось въ возвращеніи пріютившихся у нея «эмигрантовъ», съ Цанковымъ во главѣ. Надняхъ объявлено даже, что всѣ 60 офицеровъ (кромѣ Бендерева, Груева и Дмитріева, замѣшанныхъ въ военномъ заговорѣ противъ принца Александра) получатъ мѣста, и пребываніе въ Россіи зачтется имъ въ службу. Эмигранты—какъ эмигранты: они приносятъ съ собою особую жажду дѣятельности и желаніе наверстать упущенное, какъ больные, долго пролежавшіе въ лазаретѣ. А болгары, какъ всякая новая нація, — записные политики. Недавно г. Кузнецовъ, посланный къ нимъ нашимъ географическимъ обществомъ, сообщилъ послѣднему: «Болгары очень любятъ заниматься политикой: это—ихъ отличительная черта. Въ любой захолустной деревнѣ вы услышите политическіе разговоры, нерѣдко оканчивающіеся кровопролитной дракой. При обиліи политическихъ партій, можно встрѣтить семьи, въ которыхъ отецъ—стамбуловецъ, а его взрослые сыновья—каравеловцы или радослависты». А тутъ два такихъ основныхъ вопроса—внѣшней и внутренней политики, что отъ нихъ вскружилась-бы голова и зрѣлой націи. Это—отношенія къ Россіи и къ существующей въ Болгаріи конституціи.

И возгорѣлась борьба между правительствомъ и оппозиціей. Члены послѣдней—въ сущности взаимные враги, соединившіеся лишь въ виду своей слабости: тутъ Цанковъ, Каравеловъ, Радославовъ и... вождь стамбуловцевъ, Грековъ. Они называютъ себя «либералами», такъ какъ, по ихъ словамъ, «консерваторы» (партія Стоилова) стремятся къ сокращенію конституціонныхъ правъ народа. Въ своемъ воззваніи къ странѣ, 18-го октября, они объявили, что правительство не сдержало даннаго имъ, весной 1894 г., обѣщанія—исполнить ихъ требованія, а именно «добросовѣстно примѣнять конституцію, соотвѣтственно демократическому духу нашего народа, и вести внѣшнюю политику, которая была-бы не лишена довѣрія къ нашей освободительницѣ». Отвѣтомъ на это воззваніе было распущеніе народнаго собранія и назначеніе новыхъ выборовъ.

Результатъ выборовъ можно было предвидѣть. Уже въ сентябрѣ, на муниципальныхъ выборахъ, изъ 78 городовъ оппозиція взяла верхъ только въ трехъ. И софійскій голова, бывшій министръ Начевичъ, который въ 1882 г., вмѣстѣ съ Стоиловымъ, выдерживалъ борьбу съ русскими министрами, Соболевымъ и Каульбарсомъ, смѣло сказалъ: «Россія стремится къ разрушенію Болгаріи; но она встрѣтитъ должное сопротивленіе, ибо болгарская армія—ея врагъ». Въ то-же время выяснилось, что «уніонисты» (Маджаровъ, Бобчевъ) или депутаты южной Болгаріи (Восточной Румеліи), которыхъ либералы считали своими, наполовину стоятъ за правительство. 29 ноября происходили горячіе выборы въ собраніе: тамъ и сямъ, особенно въ Софіи, оппозиція произвела кровавые безпорядки. Но она потерпѣла позорное пораженіе: изъ 160

мѣстъ ей досталось 15 (еще есть 5 дикихъ и 2 соціалиста); и народъ кричалъ—«долой Цанкова!», а Стоилову устроилъ овацію. Самъ Стоиловъ получилъ 6,714 голосовъ, чего не удостаивался еще ни одинъ избранникъ въ Болгаріи; подобное-же число голосовъ выпало на долю нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ кандидатовъ; а въ оппозиціи забаллотированы самые ея вожди, всѣ четверо.

Поворотъ въ политикѣ Болгаріи ясенъ. Теперь можно ожидать и немедленнаго заключенія торговаго договора съ Австріей, которая оттягивала его, несмотря на всѣ старанія князя Фердинанда: Францъ-Іосифъ уже выразилъ свое благоволеніе, пославъ свою фотографію военному министру, Петрову; и Фердинандъ возблагодарилъ его за подарокъ, какъ за отличіе всей болгарской арміи. Могутъ постепенно наступить и другія событія. На-дняхъ «Times» получилъ такого рода корреспонденцію изъ Вѣны: «Члены кобургской фамиліи съѣхались въ Эбенталь для поздравленія 80-ти-лѣтней принцессы Клементины съ днемъ рожденія и для совѣщанія о принцѣ Борисѣ, болгарскомъ наслѣдникѣ. На совѣщаніи присутствовали князь Фердинандъ, его братья принцы Филиппъ и Августъ и супруга, княгиня Марія-Луиза. Княгиня съ необычайной энергіей настаиваетъ на необходимости сдѣлать изъ православнаго принца католика и противится всякимъ попыткамъ воспитывать его на началахъ православной вѣры. Воспитатель принца Бориса, архимандритъ Василій, уже поселился въ княжескомъ дворцѣ въ Софіи, но княгиня не позволяетъ ему приступить къ отправленію своихъ обязанностей».

IX.

«Уличный фонарь» и искупленіе страдалицы.

Остается сказать о злополучной Италіи, объ этомъ «третьемъ въ союзѣ»: вѣдь во всякомъ тріумвиратѣ есть свои Крассы и Лепиды! Истерзанная тройственницей и Англіей, эта жалкая «великая» держава стремится воспользоваться случаемъ, чтобы вздохнуть свободно, чтобы отказаться отъ возобновленія тройственнаго союза въ маѣ 1897 г.: безъ двойственницы ей трудно было-бы ускользнуть изъ когтей такихъ своихъ Бисмарковъ, какъ синьоръ Криспи.

Конечно, этотъ мѣстный Мефистофель и полишинель, подобно Бисмарку, не унываетъ: такіе молодцы, сколько они ни позорятся, все считаютъ себя геніями, которымъ опять поклонятся разоренныя ими націи. Нужды нѣтъ, что нищая Италія издержала, въ 1881—1894 годахъ, 4 милліарда франковъ на войско, которое генералъ Рикотти уподобилъ недавно «кораблю, давшему повсюду течь». Нужды нѣтъ, что абиссинская экспедиція стоила, сверхъ того, 113 милл. франковъ и опозорила имя итальянцевъ. Нужды нѣтъ, что дове-

денный до отчаянія народъ недавно уже начиналъ цѣлую голодную революцію. Синьоръ Криспи, подобно своему неугомонному образцу во Фридрихсруэ, не перестаетъ орудовать и злиться въ своихъ роскошныхъ палаццахъ въ Неаполѣ, воздвигнутыхъ во время его министерства. Онъ поставилъ на воротахъ свирѣпыхъ бронзовыхъ грифоновъ, очень похожихъ, говорятъ, на самого хозяина. Въ салонахъ донны Лины (супруги синьора) безпрерывная музыка и пѣніе. Ея дочь, княгиня Лингуаглосса, возвращается на разсвѣтѣ съ прогулокъ, трубитъ въ рогъ, щелкаетъ бичемъ, не давая спать обывателямъ. Нѣтъ только сына синьора, адвоката Луиджи, который стянулъ у своей любовницы брилліанты на 25,000 и бѣжалъ въ Америку, а за него обвинили какого-то лаццарона.

Самъ синьоръ катается по улицамъ, переполненнымъ, впрочемъ, полиціей и жандармами, охраняющими отъ ярости народа «Лампіоне Чиччьо», какъ называютъ итальянцы высокаго, лысаго Франческа Криспи (lampione—уличный фонарь; Ciccio—уменьшительное отъ Франциска). Но онъ больше занятъ дѣломъ. Онъ направляетъ «криспинцевъ», во главѣ которыхъ стоитъ Скарфольо, циничный редакторъ неаполитанскаго «Mattino» и супругъ писательницы Матильды Серао. Дѣло идетъ о низверженіи соперника, нынѣшняго министра Рудини. Въ день вступленія наслѣдницы престола на итальянскую землю, «Mattino» обратился къ самому королю съ такими словами: «ваши министры невѣжественны, глупы, низкія душонки, гадкіе люди (mala gente); это—позоръ націи!» И это въ то время, когда Рудини мучается надъ исправленіемъ зла, когда изо дня въ день, по разнымъ городамъ, раскрываются растраты и всякія плутни фонаря, арестуются его сановные друзья! Вотъ подвиги бандита въ отставкѣ, благодаря которымъ союзникъ, Вильгельмъ II, сказалъ на-дняхъ: «Италія теперь немногаго стоитъ; это—такая нація, которая не можетъ ни къ чему отнестись серьезно и не имѣетъ довѣрія ни къ чему, даже къ своему будущему!» А совѣсть націи, благородный поэтъ Кардуччи, отказался написать стихи на свадьбу наслѣдника престола, заявивъ, что «нельзя радоваться, пока не прекратятся бѣдствія и позоръ». И свадьба прошла печально: самъ король сказалъ, что чрезмѣрный восторгъ былъ-бы неумѣстенъ, такъ какъ Италія нуждается въ трудѣ и сосредоточеніи силъ «въ нынѣшнія тяжкія времена».

Послѣднимъ бѣдствіемъ, но благословляемымъ итальянцами, былъ позорный миръ съ Абиссиніей, заключенный 26 октября. Вся-то исторія злополучной Эритреи съ Массовой, этой итальянской колоніи на Чермномъ (Красномъ) морѣ—безконечный позоръ и недомысліе. Спаленная солнцемъ скала, гнѣздо лихорадокъ, куда нужно посылать все, отъ муки и сѣна до досокъ, она предназначалась, въ головѣ такихъ умницъ, какъ Криспи, служить опорнымъ пунктомъ для протектората надъ Абиссиніей.

А на дѣлѣ она только перессорила Италію съ Франціей и Россіей (итальянцы не пропускали даже отряда нашего Краснаго Креста къ Менелику), истощила страну матеріально и подвергла ея войска жестокому пораженію при Адуѣ. А теперь она доставила миръ, который уничтожаетъ всякіе замыслы о протекторатѣ: Италія признаетъ «безусловную независимость Абиссиніи» и еще обязуется, въ теченіе года, до проведенія пограничной черты, не отдавать своихъ земель никакой другой державѣ. И итальянцы ликуютъ! Они справедливо превозносятъ великодушіе негуса, который только отстоялъ свои права, не взялъ контрибуціи и даже удовольствовался 7-ю милліонами за содержаніе плѣнныхъ, которое ему самому обошлось дороже.

Но Седаны полезны: послѣ нихъ дремлющія, опускающіяся нравственно націи прозрѣваютъ и подымаются духомъ. Въ этомъ смыслѣ, можно поздравить итальянцевъ съ Адуей. Нужды нѣтъ, что король Гумбертъ съ трудомъ согласился на миръ съ Мениликомъ и на тунисское соглашеніе съ Франціей, что онъ мечтаетъ о новыхъ броненосцахъ и сотворилъ, по поводу свадьбы сына, 30 новыхъ сенаторовъ (а нужно кормить еще 300 старыхъ!). Напрасно синьоръ Криспи надѣется на воскресеніе! Негодующая Италія прозрѣла, а двойственница помогла ей начать «новую эру».

Абиссинская война была лучшимъ испытаніемъ тройственницы и Англіи. Между тѣмъ какъ бѣдная Италія несла тяжкое бремя издержекъ для выполненія своихъ обязательствъ по тройственному союзу, никто изъ этихъ мнимыхъ друзей не помогъ Италіи во все теченіе войны; никто не шевельнулъ пальцемъ въ ея защиту и при заключеніи мира съ Мениликомъ. Только теперь оффиціозы Германіи и Австріи стали расточать несчастной союзницѣ дешевыя похвалы и соболѣзнованія, которыя можно принять и за злую насмѣшку: одни изъ нихъ прославляютъ небывалыя побѣды итальянцевъ, другіе превозносятъ доблести и великодушіе Менелика. Италія, познала людей, увидала свою ошибку и почувствовала свою полную нравственную свободу. Она снова потянулась къ своимъ старымъ друзьямъ и соплеменникамъ, вырвавшимъ ее изъ австрійскаго ига. Уже въ октябрѣ она заключила съ Франціей договоръ о Тунисѣ, получивъ всѣ желательныя уступки, но признавъ ея протекторатъ надъ Тунисомъ. Затѣмъ явилась между двумя державами взаимно выгодная конвенція о мореплаваніи и уже подготовляется торговый договоръ. А теперь Рудини воспользовался новымъ международнымъ правомъ Маршаля: онъ объявилъ о томъ, что Италія свободна отъ своихъ обязательствъ передъ тройственницей, и телеграфировалъ Фору, по поводу мира съ Мениликомъ: «мы почтемъ за счастье, если друзья наши возрадуются вмѣстѣ съ нами». Президентъ французской республики отвѣчалъ: «радуюсь вмѣстѣ съ вами, какъ сосѣдъ и другъ».

Въ то-же время министръ финансовъ Луццати отказалъ морскому министру въ 100 милліонахъ на постройку новыхъ военныхъ судовъ. А въ парламентѣ уже подымаютъ вопросъ объ окончательномъ оставленіи Эритреи и города Массовы. Гумбертъ и тутъ криспинствуетъ, очевидно мало дорожа династическимъ интересомъ; но уже до 300 депутатовъ подписались подъ требованіемъ избавить страну отъ непосильной и безполезной обузы.

Конечно возникаетъ мудреный вопросъ о томъ, что сдѣлать съ Эритреей, особенно въ виду правъ Менелика по новому договору. И тутъ, безъ сомнѣнія, вырисуется жадная политика британскаго льва.

X.

«Чистыя руки».

Англіей намъ и приходится закончить, на этотъ разъ, круговой обзоръ европейской политики, въ связи съ двойственницей и восточнымъ вопросомъ.

Эти событія снова поглощали вниманіе англичанъ, тѣмъ болѣе, что ихъ парламентъ соберется не раньше января. Взглядъ націи на нихъ не ясенъ: и страшно высказываться вполнѣ, и тутъ изчезаютъ всякія партійныя окраски. Мы видѣли, какъ Розбери покинулъ постъ вождя либераловъ, чтобы не измѣнять своей партіи именно въ восточномъ вопросѣ. И этотъ постъ остался не занятымъ: Гаркортъ желаетъ сложить съ себя даже званіе члена парламента, хотя совѣтъ либеральной партіи и постановилъ, что онъ—самый достойный преемникъ Розбери.

Въ данномъ случаѣ англичанъ можно раздѣлить на новыя двѣ партіи, среди которыхъ размѣщаются въ перемежку и торіи, и виги: это—два лагеря патріотовъ, различно понимающихъ патріотизмъ, — лагери безсмертные и повсемѣстные. Съ одной стороны, передъ нами люди, съ другой—животныя: первые стоятъ за совѣсть, любовь къ ближнему и за честь, вторые — за земли, шиллинги и живоглотство. Представителемъ людей служитъ уже не Гладстонъ, совсѣмъ замолкающій, въ своемъ уединеніи, вперивъ взоры въ раскрывающуюся все шире могилу. На запросъ одного друга онъ напечаталъ, что «уже не принимаетъ никакого участія въ общей политикѣ, удалившись со сцены дѣйствительно, а не мнимо». Изъ мирнаго Говардена донесся только одинъ отголосокъ не политики, а послѣдней глубокой думы великаго старца, обращенной ко всему христіанскому человѣчеству. 9 ноября онъ написалъ одному итальянскому священнику, что разсчитываетъ на пробужденіе католицизма и на «борьбу всѣхъ христіанъ за святое дѣло». А когда студенты католическаго университета въ Лувенѣ сдѣлали горячее заявленіе въ

пользу армянъ, Гладстонъ написалъ имъ теплую записку, восхваляя ихъ «великое, справедливое, достойное дѣло».

Замѣстителемъ великаго старца въ должности стража нравственнаго идеализма въ Англіи выступилъ нашъ старый знакомый, питомецъ благородной школы Стюарта Милля, «честный Джонъ» [1]), тотъ самый чудакъ Джонъ, который отстаивалъ Францію въ 1870 г., когда всѣ «патріоты» въ Англіи радовались погибели своей соперницы, и предрекалъ паденіе злому дѣлу Бисмарка. Съ свойственной ему прямотой, иногда рѣзкой и сухой, Морлей сказалъ, 10-го ноября, въ Глазго, рѣчь, замѣчательную по своему благородству и гражданскому мужеству. Требуя заступничества за жертвы мусульманскаго изувѣрства, но отнюдь не «изолированнаго дѣйствія», онъ замѣтилъ: «Англія должна сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы увѣрить материковыя державы въ своемъ безкорыстіи. Если ей это не удастся, то это будетъ униженіемъ для всей Европы, но еще болѣе для нея самой». Далѣе ораторъ сказалъ: «нашъ походъ въ Донголу только увеличилъ подозрительность Европы, усилилъ недовѣріе къ Англіи. Теперь наступило время, когда наша дипломатія должна постараться сгладить впечатлѣніе, произведенное нѣкоторыми прежними рѣчами и нашей экспедиціей въ Суданъ. Египетъ не принадлежитъ намъ, какъ Индія (крики: почему нѣтъ?). Потому что всѣ министры заявляли поочереди, что мы находимся въ Египтѣ лишь для того, чтобы выполнить международный долгъ, а вовсе не для того, чтобы установить тамъ протекторатъ. Если мы отказывается отъ этихъ заявленій, то должны увѣдомить объ этомъ Европу. Мы должны дѣйствовать откровенно и помнить, что насъ всегда обвиняютъ въ томъ, что мы говоримъ одно, а думаемъ другое. Теперь какъ разъ наступила минута, чтобы попытаться вступить, наконецъ, въ соглашеніе съ Франціей по египетскому вопросу. Когда это будетъ достигнуто, мы получимъ право участвовать въ европейскихъ совѣтахъ съ *чистыми руками*; и уже одно это возвыситъ наше нравственное обаяніе въ Европѣ».

Какой нравственный урокъ всѣмъ «джинголистамъ, имперьялистамъ», бисмаркистамъ и криспинистамъ Англіи въ этихъ немногихъ и простыхъ словахъ честнаго человѣка! И какое утѣшеніе видѣть, что они не были оплеваны и осмѣяны, какъ измѣна, какъ little englendism, какъ бредни полоумныхъ или шалости ребятъ, со стороны серьезныхъ мужей совѣта, чтó такъ еще недавно было вездѣ съ словами Гарибальди и Гюго, а въ Англіи—съ рѣчами Брайтовъ и Кобденовъ! Рептиліи всѣхъ странъ промолчали или сдѣлали bonne mine à mauvais jeu; вся остальная печать благодарила честнаго Джона за то, что онъ возвысилъ свой мужественный голосъ за попранныя права нравственной чистоты. А тамъ, гдѣ

---

[1]) Нашу характеристику Морлея см. въ «Сѣв. Вѣстн.», октябрь 1892 г.

говорилъ Морлей, горячія рукоплесканія покрыли его указаніе на «чистыя руки». И его уже не выгнали изъ парламента, не мучили, какъ Брайта и Кобдена во время Крымской войны. И онъ уже не одинъ. Сэръ Дилькъ сказалъ тоже объ Египтѣ и еще о Кипрѣ: и его поддержалъ другой членъ палаты общинъ, Кауртней, въ открытомъ письмѣ. Бывшій посланникъ въ Парижѣ, Дюфферинъ, со многими членами парламента, основали англо-французское общество для развитія дружбы между сосѣдками-соперницами. Но...

Но, какъ мы видѣли, среди рѣчи честнаго Джона послышалось рычаніе алчнаго животнаго, когда ораторъ вырывалъ изъ его пасти египетскую добычу. Затѣмъ почти всѣ англійскія газеты обрушились на него, чуть не какъ на измѣнника, и едва-ли не ожесточеннѣе всѣхъ—et tu, Brute!—гладстонская «Daily News». Онѣ кстати напали на Розбери за то, что онъ упустилъ изъ рукъ Формозу, какъ теперь только разгласилось. Начали даже кричать, что необходимо предпринять еще болѣе обширную экспедицію въ Суданъ, чтобы захватить Хартумъ. Не вызволивши ничѣмъ несчастной Италіи, спѣшатъ слопать ея африканское наслѣдіе. По поводу оставленія Эритреи, пресыщенный милліонами «Times» грубо заявилъ напрямки, что Италія должна отдать ее Египту, которому колонія и принадлежала прежде. То-то было-бы хорошо! Опираясь на Египетъ, Донголу, Массову и Аденъ, британскій левъ держалъ-бы во всѣхъ своихъ четырехъ лапахъ Суэзскій каналъ, это «нейтральное» достояніе міра, а слѣдовательно и всю левантскую торговлю, этотъ источникъ неисчерпаемыхъ богатствъ. Вѣдь, лордъ Берефордъ не постыдился-же, почти въ одно время съ Морлеемъ, заявить міру въ публичной рѣчи, что съ Египтомъ связаны «такіе капиталы», что сама Франція должна чуть не просить Англію охранять ихъ своими войсками!

XI.

«Прекрасная идиллія».

Да, животныя положительно господствуютъ надъ людьми—и въ Англіи. Это ясно изъ оффиціальной рѣчи ихъ вождя, которую весь міръ ожидалъ съ такимъ напряженіемъ. 9 ноября Сольсбери говорилъ на обычномъ банкетѣ лорда-мера, гдѣ, по обычаю же, первый министръ Великобританіи изъясняетъ ся внѣшнюю политику передъ лицомъ посланниковъ и всякихъ сановниковъ. На этотъ разъ лордъ-мэръ счелъ нужнымъ напомнить, что у ея величества «почти 9 милл. кв. миль и немножко меньше 350 милл. человѣкъ всякихъ народовъ, всѣхъ цвѣтовъ». Онъ тотчасъ же прибавилъ: «Изъ дѣловыхъ мануфактурныхъ центровъ нашей страны доносится постоянное требованіе мира, а также много-

кратныя указанія на бѣдствія, неразлучныя съ войной. Хотя въ королевствѣ существуютъ двѣ всѣмъ извѣстныя партіи—партія мира во что бы ни стало и партія такъ называемыхъ джинговъ—однако, не всегда джинги обнаруживали боевой духъ и стояли за войну, а, бывало, и миротворцы выказывали необычайную драчливость».

Сольсбери тотчасъ замѣтилъ, что дѣйствительно партіи мѣняются ролями: вотъ и теперь были голоса миротворцевъ, горячо требовавшіе отдѣльнаго дѣйствія со стороны Англіи, т. е. войны. Особенно повинны въ этомъ «леди», съострилъ маркизъ при хохотѣ аудиторіи. «Но теперь—продожалъ ораторъ,—я не знаю никакихъ значительныхъ представителей такого мнѣнія. Отдѣльное дѣйствіе было бы самымъ вреднымъ дѣломъ для самихъ армянъ. А если вы питаете высшее желаніе—избавить всѣхъ, какъ христіанъ, такъ и мусульманъ, отъ страшно дурного правителя, вы должны стараться привлечь къ содѣйствію какъ можно больше націй всего свѣта... Иначе потребовалось бы военное занятіе турецкихъ земель; а это—крайне обширное предпріятіе, требующее большой военной силы. Тутъ недостаточенъ ни одинъ флотъ въ мірѣ.—И вотъ, пришлось бы начать съ введенія всеобщей воинской повинности. Да и то реформировать турецкое правительство въ глубинѣ Малой Азіи было бы не дѣломъ арміи острова, отстоящаго на 2.000 миль отъ тѣхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, я не вижу для насъ иного разумнаго исхода, кромѣ присоединенія къ *европейскому концерту*: только такъ мы избѣжимъ жестокихъ ужасовъ европейской войны. А если намъ не удастся уговорить Европу установить хорошее правленіе въ Турціи, то какое-же тутъ будетъ намъ униженіе, по словамъ Морлея?.. Говорятъ, что державы руководятся корыстолюбіемъ; но если это корыстолюбіе ведетъ къ отреченію отъ европейской войны, то нужно только восхвалять его и слѣдовать ему. Я отнюдь не осуждаю этого возвышеннаго, блестящаго, теплаго сочувствія къ страданіямъ чужихъ народовъ, которое проявляется у насъ: оно свидѣтельствуетъ и о величіи души нашего народа, и о свободѣ въ его выраженіи... Но не думайте, чтобы другія націи, особенно прилегающія къ восточному бассейну Средиземнаго моря, въ виду ужасовъ войны, смотрѣли на это дѣло съ той-же чувствительной и филантропической точки зрѣнія, съ которой смотрите вы въ вашемъ блестящемъ уединеніи. (Смѣхъ). Мы можемъ сказать, что онѣ затягиваютъ турецкую задачу и тѣмъ вызываютъ еще большую опасность; но у нихъ есть на то свои разумныя причины».

Затѣмъ, указавъ на рѣчи Морлея и Кауртнея, Сольсбери сказалъ: «Чтобъ убѣдить державы въ нашей собственной безусловной добродѣтели, мы должны начать съ акта блестящаго отреченія (ироническое «слушайте»!)—отреченія отъ политики прошлаго, отреченія отъ земель. Когда мы сдѣлаемъ это, всѣ державы, побѣжденныя сочувствіемъ (смѣхъ),

побѣжденныя страстнымъ желаніемъ признать все достоинство такого самоотрекающагося народа (смѣхъ), немедленно, не взирая на требованія благоразумія и политики, примутъ указываемый нами путь (смѣхъ и одобреніе). Это — прелестное, почти идиллическое представленіе о международной политикѣ. Но, признаюсь, я не вѣрю въ него. И во всякомъ случаѣ, я не вижу въ нынѣшней восточной задачѣ никакой причины, почему мы должны-бы покинуть нашу доселѣтнюю политику или поступиться хоть пядью занимаемой нами земли». (Громкое одобреніе). Тутъ маркизъ вознесъ до небесъ, какъ несравненныхъ героевъ британской исторіи, заправилъ въ Египтѣ, Кромера и Кичнера, и снова назвалъ отдѣльное дѣйствіе Англіи въ восточномъ вопросѣ самымъ безразсуднымъ дѣломъ».

Въ заключеніе, Сольсбери утѣшилъ слушателей заявленіемъ, что теперь дѣла въ европейскомъ концертѣ обстоятъ «лучше, чѣмъ когдалибо»: «наклонность къ взаимнымъ подозрѣніямъ уменьшилась». Маркизъ «въ главномъ, вполнѣ согласенъ съ Ганото»; а съ тройственнымъ союзомъ онъ «всегда сходился относительно восточнаго вопроса». Напрасно также говоритъ о «вѣчномъ и неизбѣжномъ соперничествѣ» между Англіей и Россіей Бисмаркъ, этотъ «величайшій изъ государственныхъ мужей, произведенныхъ второю половиной нашего столѣтія». «Я не знаю такого соперничества, не вижу даже причинъ къ нему. Къ сожалѣнію, у каждаго министерства бываютъ препирательства со всѣми державами, но препирательства съ Россіей вовсе не самыя многотомныя: я готовъ, пожалуй, сказать, что они самыя краткія. Это неизбѣжное соперничество — просто предразсудокъ устарѣвшей дипломатіи (одобреніе)... Касательно страшныхъ событій на Востокѣ, можетъ быть разногласіе только во взглядѣ на средства. Я скажу, какъ въ прошломъ году: черезъ султана, и только черезъ него, мы можемъ надѣяться распространить на христіанъ и мусульманъ Турціи частицу того хорошаго правленія, которое уже давно составляетъ привилегію Запада».

Насъ лично удовлетворила рѣчь Сольсбери. Она ясно выражаетъ стремленія животнаго: lasciate ogni speranza!—говоритъ людямъ поклонникъ желѣзнаго канцлера. Она ясно указываетъ на образъ дѣйствій Англіи въ роковомъ вопросѣ и даже намекаетъ на конституціонныя блага для подданныхъ султана. Она дышетъ миролюбіемъ и даже какъ будто страхомъ передъ всякимъ кровопролитіемъ. Бо̀льшаго нельзя и требовать отъ такихъ людей, какъ великолѣпный маркизъ. Было бы «прекрасною идилліей» ожидать отъ него возвышеннаго, трагическаго тона великаго старца. Англійскій маркизъ — дипломатъ старой школы. Это — немножко самодовольный полишинель. Онъ вывернулся изъ противорѣчія, мило забывъ, какъ онъ громилъ недавно султана. Онъ высказалъ мимоходомъ домостроевскій взглядъ

на женщину, подсмѣивался надъ Провидѣніемъ, отказываясь отъ пророчествъ, ибо оно разъ уже обмануло его. Говоря о раздирающихъ душу событіяхъ, онъ въ теченіи 40 минутъ 15 разъ вызвалъ смѣхъ у слушателей.

Почти всѣ англійскія газеты одобрили рѣчь Сольсбери; даже оппозиціонная печать упрекнула оратора только въ томъ, что онъ повторилъ слова Розбери и не прибавилъ ничего новаго. Въ то-же время другіе министры говорили подобныя-же рѣчи. А товарищъ министра колоній, лордъ Сельборнъ, заявилъ, въ эдинбургской рѣчи, что Англія обязана «исполнять общій долгъ національнаго возрожденія» не только въ Египтѣ, но и подальше: нужно занять Донголу и идти на Хартумъ; и «да будетъ извѣстно міру, что Англія не допуститъ соперничества или вмѣшательства какой-бы то ни было державы въ Южной Африкѣ, гдѣ верховное главенство принадлежитъ исключительно королевѣ Викторіи». Это уже вызовъ нѣмцамъ, поддержанный министромъ Индіи, Гамильтономъ, который далъ имъ строгій выговоръ, въ рѣчи въ Актонѣ, за ихъ наускиваніе Россіи противъ Англіи: «германской печати, сказалъ онъ, не слѣдовало-бы слишкомъ испытывать снисходительность Англіи постоянными на нее нападками». На это нѣмецкая печать всѣхъ оттѣнковъ отвѣчала еще большимъ ожесточеніемъ. «Kreuzzeitung» объявила даже, что Англія «исправится» только послѣ такой «катастрофы, которая подвергнетъ опасности самое ея существованіе». А офиціозный «Hamburger Correspondent», указывая на слова Ганото, что «Франція первая предложила Англіи выполнить ея обязательства относительно Египта», замѣтилъ, что Германія даже поддержитъ тутъ французовъ, если только... они безусловно признаютъ присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ ней.

XII.

А Васька слушаетъ да ѣстъ.

Такъ, изъ-за несчастныхъ подданныхъ султана проливается по всей Европѣ много слезъ и чернилъ, и течетъ цѣлый потокъ словъ, какъ академическаго, такъ и чисто дипломатическаго свойства. А что же дѣлается съ этими виновниками вообщей тревоги и съ ихъ повелителемъ? Мы опять должны припомнить дѣдушку Крылова: Васька слушаетъ да ѣстъ...

Выяснилось, что султанъ и его знаменитая камарилья даже не понимаютъ слова «реформа». Его мусульманскіе революціонеры, эти пресловутые софты, младо-турки, ушли не дальше своего повелителя въ политическомъ развитіи: они мечтаютъ лишь о городскихъ совѣтахъ да о нѣкоторомъ расширеніи

правъ государственнаго совѣта. Но и за это имъ достается поотечески отъ султана: то и дѣло телеграфъ извѣщаетъ объ арестѣ разныхъ мусульманъ, отъ сановниковъ до софтъ и воспитанниковъ военнаго и морского училищъ. А кому неизвѣстно, что такое турецкій «арестъ»? Нечего и говорить, что расправа съ заподозрѣнными армянами продолжается, только менѣе явно, чтобы посламъ не было особенно стыдно. Продолжается помаленьку и сборъ на вооруженіе мусульманъ: уже собрано до милліона піастровъ. Немудрено, что тамъ и сямъ снова вспыхиваютъ «звѣрства»: то въ Цезареѣ, то опять въ Діарбекирѣ и Харпутѣ рѣжутъ армянъ, какъ барановъ. И несчастные массами бѣгутъ въ Россію, Грецію, Болгарію, на западъ.

Къ Европѣ султанъ привыкъ: онъ умѣетъ обращаться съ ней, зная по опыту, какъ ея «концертъ» исполняетъ пьесы d'ensemble. Онъ возблагодарилъ французскаго посла за «прекрасную» рѣчь Ганото о восточномъ вопросѣ; съ еще большею признательностью принялъ подарокъ императора Вильгельма II, а самъ послалъ императору Францу-Іосифу цѣнныя античныя вещи и даже строитъ одну лодочку и одну яхточку для подарковъ Фердинанду болгарскому и Николаю черногорскому. Съ Россіей онъ ведетъ особые переговоры, какъ добрый сосѣдъ. А пресловутыя реформы? Султанъ хотя и далъ понять, что сами мусульмане, и особенно ихъ муфтіи, руководимые кораномъ, которому болѣе 1,200 л., не допустятъ ихъ, но онъ—не прочь. Только, вѣдь, онѣ требуютъ много денегъ, а у него министры и безъ того не смѣютъ сунуть носа въ свои канцеляріи: сейчасъ нападутъ голодные чиновники, давно не получающіе жалованья. Поэтому прежде всего пожалуйте денегъ: вѣдь и англичане говорятъ, что вся жизнь—въ «капиталахъ». А нужно, по крайней мѣрѣ, 150 мил. франковъ, да и то если избитые армяне уплатятъ всѣ громадныя податныя недоимки, да еще съ процентами. Такъ и возникла любопытная дипломатическая игрушка кузнецовъ, отклоняющихся въ разныя стороны: державы требуютъ прежде все гарантій реформъ, султанъ—прежде всего денегъ.

А когда султану станетъ очень плохо, онъ заговариваетъ зубы посламъ всяческими обѣщаніями и допускаетъ ихъ бесѣдовать вообще о немедленныхъ реформахъ, а самъ подставляетъ имъ мелкія практическія затрудненія, выжидая, пока державы перессорятся изъ-за прославленнаго маркизомъ Сольсбери корыстолюбія да изъ-за дипломатическихъ сплетенъ, о которыхъ мы говорили въ самомъ началѣ. Вотъ уже заговорили о томъ, что Россія стоитъ за берлинскій трактатъ и не желаетъ принимать принудительныхъ мѣръ противъ Порты. А съ другой стороны, англійскія и германскія газеты кричатъ о какихъ-то планахъ раздѣла Турціи, питаемыхъ Россіей, Австріей и Италіей! Словомъ, воздвигается такое столпотвореніе, что Васька можетъ спокойно кушать:

онъ довелъ дѣло до того, что послы ничего не могутъ подѣлать даже съ такимъ простымъ вопросомъ, какъ критская жандармерія и полиція; они не могутъ даже выжить изъ Крита суроваго турка, Саадина-пашу, ибо, отвѣчаетъ имъ султанъ, сей паша посланъ на островъ не въ качествѣ «политической личности». Дошло до того, что въ самомъ концѣ ноября и русское, и французское правительства принуждены были заговорить открыто. Газета «Nord», какъ мы видѣли, подтвердила, что у Россіи Франція не только «союзница, но и единственная». А Ганото возвѣстилъ въ совѣтѣ министровъ Франціи, что вновь съѣхавшіеся въ Константинополѣ послы (они 14-го ноября всѣ взяли отпускъ, кромѣ французскаго) дѣйствуютъ «энергично и въ полномъ согласіи»: они заняты теперь вопросами о судебной реформѣ, о возстановленіи смѣшанныхъ городскихъ совѣтовъ и о новой системѣ взиманія податей.

И пора. Въ настоящее время нельзя тянуть попрежнему такія великія дѣла. Помимо общаго ускоренія хода жизни, теперь, подлѣ дипломатіи и правительствъ, вездѣ выросли великія силы идей, чувствъ и обществъ. Восточный вопросъ раздваивается, такимъ образомъ, въ корнѣ и грозитъ опасными, небывалыми осложненіями. Общественное мнѣніе въ Европѣ можетъ постепенно дойти до сильнаго возбужденія: недавно, въ день покаянія, бѣдный маленькій цюрихскій кантонъ собралъ 50,000 фр. на армянъ. Именно послѣдніе дни ноября ознаменовались рядомъ тревожныхъ извѣстій, которыя и послужатъ, на этотъ разъ, послѣднимъ словомъ въ нашей ежемѣсячной бесѣдѣ съ читателемъ.

Аѳинская національная лига, устроившая македонское движеніе, издала манифестъ, призывающій всѣхъ грековъ соединиться для освобожденія тѣхъ греческихъ земель, которыя еще томятся подъ иностраннымъ игомъ.

Мы должны просить извиненія у читателя. Крайне сложный и интересный клубокъ европейской политики, сплетающійся вокругъ великаго восточнаго вопроса, поглотилъ, на этотъ разъ, все наше вниманіе. Намъ не остается мѣста для оцѣнки другого великаго событія, совершившагося въ ноябрѣ на другомъ краю свѣта: 4-го числа, въ Соединенныхъ Штатахъ выбранъ новый президентъ, республиканецъ Мак-Кинлей. Мы были-бы неправы и передъ такимъ фактомъ, и передъ читателемъ, если-бы шаблонно коснулись его въ двухъ словахъ, по телеграммамъ. Президентскіе выборы въ величайшей республикѣ всегда важны сами по себѣ; теперь-же они полны глубокаго смысла не только политическаго, но и соціально-экономическаго. Къ тому-же тамъ, въ Новомъ Свѣтѣ, все такъ ново и широко, что разсказу о выборахъ Мак-Кинлея будетъ прилично послужить фономъ для той политической картины всего 1896 года, которую мы имѣемъ въ виду предложить читателю на Новый годъ.

А. Трачевскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Равнодушіе печати къ нуждамъ деревни.—Боязнь корреспондентовъ и гласности.— Земская и церковно-приходская школа.

Провинціальнаго обозрѣвателя, просматривающаго изъ мѣсяца въ мѣсяцъ цѣлые вороха газетныхъ листовъ, не можетъ не поражать слишкомъ скромное мѣсто, отводимое на страницахъ провинціальныхъ изданій нашей «убогой» деревнѣ съ ея нуждами, радостями и печалями.

Если не считать вопросовъ начальнаго народнаго образованія, останавливающихъ на себѣ особенное вниманіе лучшей части нашего общества и разрабатываемыхъ провинціальною печатью довольно заботливо и внимательно, изъ другихъ вопросовъ, касающихся нуждъ современной деревни, нельзя указать почти ни одного, который бы встрѣчалъ на страницахъ провинціальныхъ газетъ систематическое и серьезное изученіе.

Большинство сообщеній о крестьянской жизни носятъ случайный, отрывочный, анекдотическій характеръ и не представляютъ общаго интереса. Тамъ злоумышленники подломали и обокрали церковь, здѣсь объявился колдунъ, эксплоатирующій народное невѣжество, въ третьемъ мѣстѣ произошло изъ-за недоразумѣнія столкновеніе крестьянъ съ мѣстными властями, въ четвертомъ—опустошительный пожаръ съ человѣческими жертвами, — вотъ преобладающій типъ извѣстій изъ деревни, попадающихъ на столбцы провинціальныхъ газетъ. Болѣе или менѣе полнаго освѣщенія и изученія какой-либо стороны крестьянской жизни— экономической, правовой, культурной — вы нигдѣ не встрѣтите. Мало того, при современныхъ условіяхъ очень часто неотложныя нужды и заботы нашей деревни оказываются вовсе незатронутыми печатью, и цѣлыя событія, оставляющія глубокій слѣдъ въ жизни населенія цѣлаго края, остаются неотмѣченными и неизученными.

Мы скорѣе получимъ извѣстія о голодовкѣ, постигшей далекую Индію, скорѣе соберемся придти на помощь абиссинцамъ, чѣмъ узнаемъ, напр., что населеніе половины уѣзда центральной губерніи переживаетъ экономическій кризисъ, голодаетъ и мретъ отъ голоднаго тифа (Осташковскій), что въ другомъ, также не особенно далекомъ, но дикомъ уѣздѣ свирѣпствуетъ скарлатина, унесшая въ могилу почти все поколѣніе дѣтей (Тираспольской).

И не провинціальную печать, конечно, приходится винить въ ненормальности такого положенія вещей. Если она на своихъ страницахъ отводитъ больше мѣста вопросамъ городской жизни (и въ числѣ ихъ оперетке, а также хроникѣ занимательныхъ происшествій и скандаловъ), то это только показываетъ, что въ современной читающей провинціальной публикѣ, преимущественно городской, преобладаетъ спросъ на подобнаго рода частный матеріалъ и что вопросы о существованіи «мужика» и «деревни» ее интересуютъ немного больше, чѣмъ и столичную читающую публику, которая теперь, кажется, совсѣмъ забыла о деревнѣ.

И такъ, нужды деревни не находятъ достаточно сильнаго отголоска въ провинціальной печати, во-первыхъ, благодаря вообще индифферентному отношенію къ деревнѣ, господствующему въ современномъ обществѣ. Во вторыхъ, въ томъ-же направленіи дѣйствуютъ и общія неблагопріятныя условія, среди которыхъ развивается наша не только провинціальная, но и столичная періодическая печать. Въ-третьихъ, большое значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ и крайне слабое распространеніе интеллигенціи среди сельскаго населенія. Земскій врачъ, народный учитель, приходскій священникъ, да кое-гдѣ волостной писарь,—вотъ и весь составъ интеллигентныхъ работниковъ деревни. Разрозненные, нерѣдко затерянные въ глуши медвѣжьихъ угловъ, подавленные массою текущей тяжелой работы, они не имѣютъ ни времени, ни силъ заняться изученіемъ окружающей ихъ жизни и сообщеніемъ своихъ наблюденій въ печати. А если и бываютъ исключенія изъ этого правила, если кто-либо изъ упомянутыхъ лицъ сдѣлаетъ попытку писать корреспонденціи въ газетѣ, то вѣдь всѣмъ намъ хорошо извѣстно, какая судьба постигаетъ такихъ смѣльчаковъ, когда о ихъ сотрудничествѣ въ газетахъ распространятся слухи среди сосѣдей или дойдутъ до «кого слѣдуетъ».

Характерной иллюстраціей отношенія провинціальной публики къ заподозрѣнному въ газетномъ сотрудничествѣ своему сосѣду можетъ служить недавно напечатанное въ «Екатеринбург, Губ. Вѣдом.» письмо къ редактору священника Гончарова, свыше 30 лѣтъ прослужившаго въ одномъ селѣ и, по его словамъ, старавшагося жить со всѣми въ мирѣ, любви и добромъ согласіи. Долгое время его старанія не были безплодны. «Но вотъ,—пишетъ онъ,—когда въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» уже

въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ стали помѣщаться корреспонденціи изъ нашего села, то мои знакомые, считая меня вашимъ корреспондентомъ, замѣтно начали холодно-учтиво обращаться со мной, стараясь въ разговорѣ быть сдержанными (куда бы я ни пришелъ); расположенности прежней и сердечныхъ отношеній какъ бы не бывало. Такъ какъ я вашимъ корреспондентомъ не состою, то, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, почтительнѣйше прошу васъ, м. г., войдя въ мое тяжелое положеніе, помѣстить настоящее письмо въ редактируемой вами газетѣ».

Вообще намъ, искони привыкшимъ къ спокойному прозябанію по своимъ угламъ подъ прикрытіемъ спасительнаго молчанія, трудно мѣриться даже съ самыми слабыми проблесками гласности. Простое указаніе на упущеніе или недосмотръ въ какомъ-либо дѣлѣ очень часто кажется выраженіемъ порицанія и недовѣрія, а сообщеніе о явныхъ противозаконныхъ поступкахъ должностныхъ лицъ признается чуть ли не призывомъ къ неповиновенію властямъ. А за симъ слѣдуютъ, конечно, соотвѣтствующія внушенія. съ которыми такъ хорошо знакома наша провинціальная печать.

«Волгарь», напр., касаясь порядковъ или вѣрнѣе, безпорядковъ, царящихъ на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прямо заявляетъ: «въ южной прессѣ не принято говорить о милыхъ желѣзнодорожныхъ порядкахъ ибо всякая печатная строчка немедленно вызываетъ возраженія, разъясненія, опроверженія и... *даже внушенія*». Этимъ «Волгарь» и объясняетъ тотъ фактъ, почему обличительныя статьи о «южныхъ» дорогахъ печатаются въ «сѣверной» газетѣ.

Каррикатурная, преувеличенная, но довольно мѣткая характеристика тѣхъ условій, которыми обставлена работа современныхъ газетныхъ тружениковъ, дается «Одесскимъ Листкомъ» въ слѣдующей сценкѣ.

Редакторъ спрашиваетъ репортера:

— Вы что сегодня въ газетѣ про городского голову написали?

— Я-съ?.. Ничего-съ... У меня только одна замѣтка о коровѣ, которая на Болотной площади паслась и ребенка забодала..

— «О коровѣ»! А корова-то чья? Корова-то городского головы! Я знаю, вы—либералъ! Вамъ все равно, про какихъ коровъ писать! У васъ всѣ коровы равны. Такъ, батенька, нельзя. Не про всякую корову писать можно!

— Помилуй, Петръ Ивановичъ! Какой же и либералъ? За что вы меня обижаете? Я вѣдь не зналъ, чья корова.

— Не знали, надо было узнать! Значитъ лица какого-нибудь корова, если она посреди городской площади пасется! Кажется не трудно догадаться. Я вамъ удивляюсь, Яковъ Николаевичъ,—обратился г. Курицынъ къ секретарю редакціи,—какъ вы могли такую замѣтку пропустить?

— Да вѣдь не могу же я всѣхъ коровъ въ городѣ знать!

— Вы не можете, онъ не можетъ, а отдуваться-то за все придется мнѣ. «Не можете знать». Надо знать, если въ провинціи работаете. Вотъ, голова теперь, говорятъ, рветъ и мечетъ. «Я, говоритъ, имъ покажу, какъ меня затрогивать». А онъ—сила.

Петръ Ивановичъ прошелся по редакціи.

— Напечатайте на завтра извиненіе.

— Передъ коровой?

— Да-съ, передъ коровой-съ! Что мы въ Парижѣ газету издаемъ, что ли? Такъ и напечатайте: «глубочайше извиняемся, молъ, что совершенно невольно затронули почтенную корову нашего уважаемаго городского головы». Ну, и добавьте тамъ, что корова, молъ, прекрасная, много молока даетъ... Ну, да вы ужъ умѣете этакъ, попоэтичнѣе! Примадоннъ же расписываете.

Конечно, это—фарсъ, но какъ много въ немъ горькой и обидной для печатнаго слова правды.

Окончаніе сельско-хозяйственныхъ работъ и наступленіе глубокой осени совпадаетъ съ началомъ учебнаго года въ сельскихъ начальныхъ училищахъ. Провинціальныя газеты за этотъ періодъ времени полны были сообщеніями какъ объ открытіи новыхъ училищъ, такъ и о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчались при устройствѣ школъ земскихъ.

Многими провинціальными газетами перепечатано было извѣстіе «С.-Петербургск. Вѣдом.» о новомъ синодскомъ распоряженіи, касающемся порядка учрежденія народныхъ училищъ. Св. Синодомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы «церковные причты во всѣхъ епархіяхъ открывали церковно-приходскія школы и школы грамотности независимо отъ того, существуютъ-ли въ данной мѣстности земскія и другія школы или нѣтъ, а также, чтобы во всѣхъ епархіяхъ, по возможности открывались школы грамотности для дѣвочекъ». Само по себѣ это распоряженіе не представляетъ ничего особеннаго. Но дѣло въ томъ, что обратнаго права для земства не существуетъ: земство при открытіи своихъ школъ всякій разъ должно входить въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ, если въ селеніяхъ, гдѣ проектируется земская школа, уже существуетъ, хотя-бы и на бумагѣ только, школа церковно-приходская. Почти всегда въ такихъ случаяхъ переговоры оканчиваются не въ пользу земства. Понятно, такой порядокъ приводитъ на практикѣ къ цѣлому ряду недоразумѣній и пререканій, давшихъ уже поводъ къ возбужденію вопроса о его измѣненіи законодательнымъ путемъ.

Въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, крестьяне борщевскаго сельскаго общества обратились въ земскую управу съ ходатайствомъ объ открытіи у нихъ земскаго училища, при чемъ согласились исполнить всѣ требованія управы, какія предъявляются населенію при открытіи земскихъ училищъ. Управа, конечно, изъявила полное согласіе на

удовлетвореніе ходатайства крестьянъ и послала инспектору народныхъ училищъ просьбу о разрѣшеніи открыть въ деревнѣ Борщовѣ земское училище. Но инспекторъ отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что въ этомъ селеніи уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта *предположено* открыть церковно-приходскую школу. Между тѣмъ крестьяне, узнавъ, что земская школа не открывается потому, что хотятъ открыть церковно-приходскую, заявили управѣ, что они желаютъ имѣть исключительно земское училище.

Въ селѣ Глаголевкѣ, Суджанскаго уѣзда, была школа грамоты, ютившаяся въ церковной сторожкѣ и разсчитанная всего на 12 учащихся. Школа эта уже по размѣрамъ своимъ не удовлетворяла спросу населенія на обученіе дѣтей. Въ виду этого, суджанское земство, при участіи трехъ крестьянскихъ обществъ, выстроило въ Глаголевкѣ прекрасную земскую школу, которую и намѣревалась открыть 1-го сентября. Но лишь только постройка земской школы была закончена, тотчасъ школа грамоты была превращена въ церковно-приходскую, т.-е. поставлено серьезное препятствіе къ открытію земской. Конечно, возникла переписка, но чѣмъ кончится—неизвѣстно. («Русск. Вѣдом.», № 282).

Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» недавно сообщенъ слѣдующій любопытный случай, касающійся одного изъ учителей, не удовлетворяющихъ скромнымъ требованіямъ крестьянъ. Крестьяне с. Богданова Сычевскаго уѣзда, недовольные своимъ учителемъ, діакономъ Бѣлявскимъ, подали прошеніе преосвященному о назначеніи къ нимъ другого учителя, вмѣсто дьякона. Прошеніе это смоленскою духовною консисторіею было признано заслуживающимъ уваженія и по этому поводу состоялась слѣдующая резолюція мѣстнаго епархіальнаго архіерея: «Дьякону Бѣлявскому, не подающему надежды на учительство, предлагается перемѣститься въ приходъ, гдѣ нѣтъ церковной школы, или платить учителю 120 р. въ годъ».

«Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, — пишутъ въ газету изъ Петровскаго уѣзда,—какъ въ нашей школѣ занимается учитель (съ 18-го сентября) и за все это время законоучитель посѣтилъ школу два раза. Это явленіе, повторяющееся у насъ изъ года въ годъ, повидимому, уже должно бы обратить на себя вниманіе нашего непосредственнаго начальства. Однако, послѣднее, въ лицѣ г. инспектора и особенно училищнаго совѣта, смотритъ на это какъ-бы сквозь пальцы». Такое отношеніе законоучителей къ своимъ обязанностямъ по земской школѣ нерѣдко ведетъ къ тому, что слабо подготовленные по Закону Божію ученики школы не могутъ выдержать по этому предмету экзамена и лишаются права на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ, хотя-бы по всѣмъ остальнымъ предметамъ курса начальной школы получили вполнѣ удовлетворительную подготовку.

Въ томъ-же Петровскомъ уѣздѣ, по сообщенію «Саратовскаго Листка», весною нынѣшняго года имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. 11-го мая происходили экзамены въ ключевской школѣ, на которые явились, кромѣ учениковъ мѣстной школы, еще ученики изъ сосѣдней варыпаевской,— явились съ учителемъ, но безъ законоучителя. Оказалось, что батюшка отказался прибыть на экзаменъ, о чемъ учитель и сообщилъ предсѣдателю экзаменаціонной комиссіи. Послѣдній тотчасъ написалъ бумагу священнику, на которую послѣдній отвѣтилъ: «на экзаменъ я не явлюсь и своихъ законоучительскихъ правъ никому не передаю».

Результатомъ такого отвѣта быто то, что дѣти (3 мальчика и 1 дѣвочка), выдержавъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, не были проэкзаменованы по Закону Божію, а поэтому и не могли получить установленныхъ свидѣтельствъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Новая наука и академикъ Имшенецкій.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Около года тому назадъ вышла въ свѣтъ въ Харьковѣ подробная біографія одного изъ выдающихся русскихъ математиковъ, академика Василія Григорьевича Имшенецкаго, скончавшагося въ маѣ 1892 года *). Авторъ этого сочиненія, профессоръ Андреевъ, уже не первый разъ выступаетъ съ подобнаго рода трудами: въ 1882 году онъ публиковалъ біографію французскаго академика Шаля а въ 1890 году — біографію русскаго академика В. Я. Буняковскаго.

Въ предисловіи къ своему новому труду, біографіи Имшенецкаго, г. Андреевъ, перечисливъ имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы, именно: личныя воспоминанія о покойномъ, его рукописи и переписку, а также сообщенія его сослуживцевъ и знакомыхъ, говоритъ: «Не можемъ поручиться, что всѣмъ этимъ матеріаломъ мы воспользовались какъ нельзя полнѣе. Легко можетъ быть, что тщательное изученіе такихъ источниковъ, какъ черновыя бумаги, содержащія слѣды кабинетнаго труда, откроютъ со временемъ что-либо ускользнувшее отъ нашего вниманія»... «Въ настоящее-же время, не считая себя въ правѣ медлить исполненіемъ того долга, который налагается на насъ чувствомъ высокаго уваженія къ памяти покойнаго ученаго и довѣріемъ лицъ, доставившихъ намъ свои воспоминанія и документы, мы постараемся изложить то, что оказалось для насъ доступно и съ чѣмъ мы успѣли ознакомиться основательно».

*) «Василій Григорьевичъ Имшенецкій». Біографическій очеркъ К. А. Андреева. Харьковъ, 1895. (Отдѣльный оттискъ изъ «Записокъ Харьк. Университета).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизнеописаніи ученаго фактамъ умственной его жизни слѣдуетъ придавать гораздо большее значеніе, чѣмъ, напримѣръ, перечисленію превратностей его карьеры, или-же описанію его привычекъ. Но особенно важнымъ представляется вопросъ объ отношеніи изображаемаго біографомъ ученаго къ какому-нибудь новому научному направленію, или, еще болѣе, къ какой-нибудь новой наукѣ. Случайность именно послѣдняго рода мы и встрѣчаемъ въ жизни Имшенецкаго, такъ какъ на его глазахъ возникла и развивалась новая наука—математическая логика. Какъ лицо, интересовавшееся и даже обязанное, по своему положенію, интересоваться всѣми новостями математики, Имшенецкій долженъ былъ занять какое-либо опредѣленное положеніе по отношенію къ этой новой наукѣ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но если самъ Имшенецкій не рѣшался высказывать свои взгляды на эту науку иначе, какъ только въ частной перепискѣ или въ устной бесѣдѣ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и въ подробной его біографіи взгляды эти надо скрывать отъ публики. И вотъ, на вдаваясь въ оцѣнку новаго труда г. Андреева въ какихъ-бы то ни было другихъ отношеніяхъ, я считаю нужнымъ выступить съ настоящею замѣткою для того, чтобы, съ одной стороны, показать, что о такомъ крупномъ фактѣ умственной жизни Имшенецкаго, какъ глубокое его сочувствіе къ математической логикѣ, біографъ не упоминаетъ вовсе, и, съ другой—восполнить этотъ пробѣлъ на основаніи документальныхъ данныхъ.

Надо принять во вниманіе также и слѣдующее важное обстоятельство. Основанная лѣтъ сорокъ тому назадъ англійскимъ математикомъ Булемъ математическая логика представляла собою геніальное рѣшеніе логическихъ задачъ при помощи запутанной и невѣроятной гипотезы, отвергнутой какъ логиками, такъ и математиками. Основы ученія Буля были шатки, его пріемы несовершенны и произвольны, но самыя рѣшенія задачъ, повидимому, всегда и вездѣ вѣрны. Однако, первыхъ двухъ обстоятельствъ было совершенно достаточно, чтобы погубить репутацію юной науки. Впослѣдствіи математическая логика возродилась съ новою силою и пріобрѣла вполнѣ и строго научный характеръ, но разъ утраченное ею довѣріе мѣшало и продолжаетъ мѣшать полному ея признанію. При такихъ обстоятельствахъ опубликованіе факта расположенія и довѣрія выдающагося ученаго къ математической логикѣ имѣло-бы особенно вѣское для нея значеніе. Кромѣ этого общаго факта, поучительно было бы также сообщить и нѣкоторыя частности, напримѣръ слѣдующую. Первоначально Имшенецкій, подобно многимъ другимъ ученымъ, отнесшимся съ большимъ интересомъ къ теоріи Буля, столь сильно разочаровался въ ней, что пересталъ знакомиться съ позднѣйшими работами по математич. логикѣ, но за то впослѣдствіи онъ, подъ вліяніемъ случайнаго знакомства съ однимъ сочиненіемъ,

снова заинтересовался этой наукою и сохранилъ къ ней любовь до самой смерти. Я особенно счастливъ высказать, что сломить въ Имшецкомъ недовѣріе къ новой наукѣ и замѣнить его полнымъ къ ней интересомъ и довѣріемъ выпало на долю моего сочиненія «О способахъ рѣшенія логическихъ равенствъ».

Испрашивая у меня письма Имшенецкаго, г. Андреевъ обѣщалъ мнѣ «съ опредѣленностью и увѣренностью высказаться въ біографіи о интересѣ покойнаго Василія Григорьевича къ математической логикѣ вообще и къ вашему (т. е. къ моему) сочиненію въ частности». Къ сожалѣнію, ознакомившись съ опубликованною біографіею, я нахожу себя вынужденнымь заявить, что первое изъ этихъ двухъ обѣщаній г. Андреева не исполнено имъ вовсе, а второе — исполнено до извѣстной только степени.

Вотъ буквально все, что мы встрѣчаемъ по разсматриваемому нами вопросу въ сочиненіи г. Андреева:

«Въ 1884 Имшенецкій получилъ отъ одного изъ нашихъ ученыхъ, бывшаго астронома-наблюдателя въ Казани П. С. Порѣцкаго, его только-что отпечатанный трактатъ по математической логикѣ, предмету, которымъ до того времени едва-ли кто интересовался болѣе чѣмъ поверхностно. Прочитавши значительную часть этого сочиненія, онъ писалъ автору, между прочимъ, слѣдующее: «Я приступилъ къ чтенію вашего послѣдняго большого трактата съ любопытствомъ, но не безъ опасенія, что едва-ли я буду въ состояніи слѣдить за вами. Мнѣ пріятно высказать, что никакихъ затрудненій я не встрѣтилъ до сихъ поръ и что интересъ къ предмету и къ мастерскому изложенію вашему чувствуется все болѣе, можно сказать, съ каждой прочитанной страницей»... «Благодарю васъ, прибавляетъ онъ далѣе, за большую долю труда, который нельзя не признать значительнымъ и отраднымъ явленіемъ въ нашей литературѣ».

«Изъ дальнѣйшей переписки (продолжаетъ г. Андреевъ) видно, что въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій физико-математическаго отдѣленія академіи Имшенецкій представилъ трудъ Порѣцкаго при одобрительномъ устномъ отзывѣ».

«Такихъ (заключаетъ біографъ) примѣровъ живого и дѣятельнаго участія къ трудамъ и интересамъ нашихъ ученыхъ, заброшенныхъ судьбою въ даль отъ научныхъ центровъ, можно указать въ жизни Имшенецкаго не мало».

Вотъ, повторяю, все, что мы встрѣчаемъ по интересующему насъ вопросу въ трудѣ г. Андреева.

Какъ видимъ, обѣщаніе «высказаться съ опредѣленностью и увѣренностью объ интересѣ Имшенецкаго къ математической логикѣ вообще» осталось безъ выполненія. Поучительный фактъ рѣзкихъ пере-

мѣнъ во взглядахъ авторитетнаго ученаго на одну и ту-же науку въ различныхъ фазисахъ ея развитія совершенно скрытъ отъ читателя. Мало того, одна изъ цитируемыхъ біографомъ фразъ на половину урѣзана какъ бы для того, чтобы не видно было и слѣдовъ этихъ рѣзкихъ перемѣнъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить отъ Имшенецкаго только три письма и притомъ въ одномъ и томъ-же 1884 г. Письма эти очень быстро слѣдовали одно за другимъ,—обстоятельство, показывающее, что то дѣло, о которомъ шла въ нихъ рѣчь, не терпѣло отлагательства. На каждое изъ нихъ я отвѣчалъ безъ промедленія. Мои отвѣты, кромѣ одного перваго, попали въ коллекцію неуничтоженныхъ Имшенецкимъ писемъ и, сдѣлавшись извѣстными г. Андрееву, побудили послѣдняго просить у меня подлинныя письма Имшенецкаго. Побывавши въ рукахъ г. Андреева и послуживъ ему для тѣхъ двухъ цитатъ, которыя читатель прочелъ выше, письма Имшенецкаго снова находятся въ моемъ распоряженіи и я имѣю возможность воспроизвести ихъ здѣсь съ полнѣйшею точностью. Вотъ текстъ перваго изъ этихъ писемъ:

«Петербургъ, 25 августа 1884 г.

Многоуважаемый Платонъ Сергѣевичъ!

Позвольте мнѣ покорнѣйше просить васъ, какъ секретаря Казанской физико-математической секціи [1]), сообщить ей выраженіе моей искренней признательности за присылку протоколовъ ея засѣданій, между прочимъ заключающихъ, въ послѣднемъ выпускѣ, прекрасное приложеніе къ изданію трудовъ М. И. Лобачевскаго, — его фотографію и два объемистыхъ труда, вашъ и В. П. Максимовича, съ интереснымъ содержаніемъ которыхъ я постараюсь ближе познакомиться при первой возможности.

Недавнее извѣстіе о смерти М. А. Ковальскаго [2]), котораго издавна я привыкъ уважать и любить, какъ своего профессора и потомъ старшаго товарища, глубоко меня опечалило. Утративши въ немъ опытнаго руководителя работъ, предпринятыхъ казанской обсерваторіей, я думаю и вы живо интересуетесь вопросомъ о его замѣщеніи. При первой встрѣчѣ, послѣ вакацій, съ О. В. Струве я имѣлъ случай убѣдиться, что и онъ не равнодушенъ къ этому вопросу, считая между своими сотрудниками Д. И. Дубяго вполнѣ достойнымъ открывшейся профессуры. Исполняя желаніе ихъ обоихъ, я написалъ вчера вашему ректору Н. Н. Буличу, прося его сообщить о настоящемъ положеніи этого дѣла. Понятно, что при этомъ у меня не могло быть иного побужденія, кромѣ

---

[1]) Въ то время Казанское физико-математ. общество, будучи вполнѣ самостоятельнымъ, все еще называлась секціей Общества Естествоиспытателей.

[2]) Профессора астрономіи казанскаго университета, скончавшагося въ маѣ 1884 года.

желанія оказать посильную услугу заинтересованнымъ лицамъ и можетъ быть казанскому физико-математ. факультету, если только его выборъ не рѣшенъ уже иначе. Но въ послѣднемъ случаѣ простая частная справка, обращенная не къ члену факультета, не можетъ быть сочтена помѣхою свободы дѣйствій послѣдняго. Прошу принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи къ вамъ готоваго къ услугамъ В. Имшенецкаго.»

Читатель теперь видитъ, что не сочиненіе мое, присланное ктому-же не мною, было поводомъ къ возникновенію переписки.

Письмо содержитъ обращеніе ко мнѣ и какъ къ секретарю математическаго общества, и какъ къ казанскому астроному, утратившему руководителя. Стало быть, тогдашнее пребываніе мое въ разрядѣ лицъ «заброшенныхъ судьбою въ даль отъ научныхъ центровъ», представляется совершенно фантастическимъ.

Обращаюсь къ второму письму Имшенецкаго.

«Петербургъ, 6 сентября 1884 г.

Многоуважаемый Платонъ Сергѣевичъ.

Прежде всего искренно благодарю Васъ за любезное сообщеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла о замѣщеніи въ Казани каѳедры астрономіи. Къ тому, что еще раньше сообщилъ мнѣ Н. Н. Буличъ въ отвѣтномъ письмѣ (которое немедленно было переслано мною О. В. Струве), прибавилось выясненіе отношенія къ этому дѣлу С. П. Глазенапа. Соглашаясь принять нѣкоторое участіе въ этомъ дѣлѣ, я, признаюсь, не желалъ, чтобы письму моему было дано оффиціальное назначеніе, и надѣялся, что оно только откроетъ путь прямыхъ объясненій факультета съ моими вполнѣ компетентными коллегами въ пикантномъ и важномъ вопросѣ оцѣнки относительныхъ и безъотносительныхъ достоинствъ кандидатовъ на каѳедру. Въ виду выяснившихся теперь обстоятельствъ, я считаю себя обязаннымъ заявить, что, принявъ на себя роль доброжелательнаго посредника для посильнаго содѣйствія одному кандидату, я даже не зналъ о существованіи другого или другихъ и не могъ слѣдовательно желать уменьшать его (или ихъ) шансовъ успѣха. Не желая лишній разъ утруждать Н. Н. Булича, я просилъ бы, если это не затруднитъ васъ, передать ему искреннюю признательность мою за его любезный и скорый отвѣтъ и за обѣщаніе увѣдомить объ окончаніи всего дѣла.

Въ прошломъ письмѣ моемъ, назвавши интересной по содержанію только-что полученную вашу большую работу о математичеекой логикѣ. я сказалъ но первую попавшуюся мнѣ фразу. Напротивъ, мнѣ припомнился тотъ интересъ къ этому роду приложенія математическаго символизма и метода, который въ первый разъ, уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, пробудила во мнѣ небольшая брошюра Буля «A mathematical

Analysis of Logic». Однако, помнится, она меня не удовлетворила и хотя потомъ я видѣлъ большой трактатъ Буля, который вы цитируете, но у меня уже не достало рѣшимости изъ простого диллетантизма ознакомиться съ нимъ. Вашъ рефератъ о работѣ Шредера, ни самое это сочиненіе я какъ-то не собрался просмотрѣть. Поэтому я приступилъ къ чтенію вашего послѣдняго большого трактата съ любопытствомъ, но не безъ опасенія, что едва-ли я буду въ состояніи слѣдовать за вами. Мнѣ пріятно высказать, что никакихъ затрудненій я не встрѣтилъ до сихъ поръ (немного дочитавъ первой части) и что интересъ и къ предмету, и къ мастерскому изложенію вашему чувствуется все болѣе, можно сказать съ каждой прочитанной страницей. Можно себѣ представить длинный и трудный путь, пройденный вами, при несовершенствѣ хотя и объемистыхъ источниковъ, чтобы такъ овладѣть предметомъ, достичь такой maestria. Теперь ясныя и прочныя основы алгебраической логики найдены, благодаря [1]) васъ за значительную долю труда, который нельзя не признать значительнымъ и отраднымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Жаль было бы оставить его малоизвѣстнымъ (погребеннымъ въ протоколахъ), а для его вульгаризаціи полезно бы, отбросивъ критическій разборъ источниковъ, изложить сущность ученія догматически, въ видѣ краткаго руководства съ полно изложеннымъ рѣшеніемъ полезныхъ примѣровъ, снабдивъ задачами съ указаніемъ ихъ рѣшеній. Вотъ мое откровенное мнѣніе подъ первымъ впечатлѣніемъ еще не дочитанной книги вашей, но конецъ ея, не сомнѣваюсь, соотвѣтствуетъ началу. Понятно, что компетентнымъ судьей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужно быть не математикомъ только, но и философомъ, признавать себя я не смѣю, а потому, съ вашего позволенія, желалъ бы при случаѣ обратить вниманіе на вашу книгу акад. Грота и черезъ него его племянника [*]), мнѣніе котораго вы цитируете. Однако, надо кончить, пожелавъ вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ на этомъ прекрасномъ пути отъ искренно уважающаго васъ В. Имшенецкаго».

Письмо это, какъ видитъ читатель, содержитъ сжато изложенное и по необходимости недоходящее до конца (т. е. до момента смерти Имшенецкаго) восполненіе пробѣла, допущеннаго г. Андреевымъ, по важному вопросу объ отношеніи покойнаго академика къ математ. логикѣ. Явственно видно, что къ новой наукѣ Имшенецкій отнесся въ моментъ ея возникновенія съ большимъ интересомъ; что первое-же знакомство съ нею сопровождалось разочарованіемъ и полною потерею желанія слѣдить за ея развитіемъ; и что, начатое «не безъ опасенія», т. е. съ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ, чтеніе моего трактата произвело во взглядахъ Имшенецкаго на эту науку полный переворотъ, рельефно высказан-

[1]) А не благодарю васъ, какъ невѣрно цитируетъ это мѣсто г. Андреевъ.

[2]) Профессора философіи въ Москвѣ, Н. Я. Грота.

ный въ его восклицаніи: «теперь ясныя и прочныя основы алгебраической логики найдены». Картина получается вполнѣ опредѣленная, и для ея полноты недостаетъ только указаній—сохранилось-ли въ Имшенецкомъ довѣріе къ новой наукѣ послѣ 1884 года, или-же оно смѣнилось новымъ въ ней разочарованіемъ?

Перехожу къ третьему и послѣднему письму Имшенецкаго.

«Петербургъ. 26 сентября 1884 г.

Многоуважаемый Платонъ Сергѣевичъ.

Отложивъ на нѣсколько дней отвѣтъ на ваше письмо отъ 14 сентября, я за то могу сообщить, что въ одно изъ засѣданій 1-го отдѣленія, при докладѣ о сочиненіяхъ, присланныхъ въ даръ академіи, услышавъ названіе вашей работы, счелъ удобнымъ кратко указать на новость ея предмета и ея достоинства, послѣ чего было положено письменно благодарить автора за ея присылку [1]). Получивъ отъ васъ два экземпляра ея для Я. К. Грота, я лично отнесъ ихъ, но къ сожалѣнію не засталъ его, а вчера, при встрѣчѣ со мной на публичномъ засѣданіи для назначенія уваровскихъ премій, Я. К. просилъ меня передать вамъ его искреннюю признательность. Вѣроятно, онъ пожелаетъ знать мнѣніе о вашей работѣ своего сына, профессора философіи, которому приведется еще разъ провѣрить высказанный имъ взглядъ на примѣненіе математическаго метода въ логикѣ [2]).

Мнѣ истинно отрадно было узнать изъ вашего письма, что казанская математическая секція имѣетъ прекрасную мысль посвятить свое засѣданіе 29 сентября чествованію памяти М. А. Ковальскаго и протоколъ этого засѣданія въ траурной каймѣ издать съ его портретомъ. Уважаемое имя М. А. Ковальскаго связано въ моей памяти съ длиннымъ рядомъ самыхъ дорогихъ воспоминаній. Оно начинается съ поры моего студенчества, когда только-что началась профессорская дѣятельность Маріана Альбертовича; продолжается во время моей собственной подготовки къ научной дѣятельности, когда такъ полезно было находить у М. А. ободряющій совѣтъ и доброжелательную поддержку; наконецъ, во время общаго профессорства въ Казани, я имѣлъ случай еще ближе узнать его и соединить мое старинное почтеніе съ ученому съ любовью и уваженіемъ къ человѣку. Послѣдняя теплая встрѣча наша, когда М. А. послѣ неудачнаго лѣченія на Кавказѣ и въ Крыму, заѣхалъ въ Харь-

---

[1]) Этой благодарности отъ академіи я не получалъ. Мало того, о ней нѣтъ упоминанія и въ протоколѣ засѣданія.

[2]) Читалъ-ли проф. Н. Я. Гротъ мое сочиненіе и сохранилъ онъ или нѣтъ отрицательное отношеніе къ матем. логикѣ, высказанное въ 1882 г. въ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики»—мнѣ неизвѣстно.

ковъ повидаться съ прежними старыми товарищами, останется для меня неизгладимымъ воспоминаніемъ. Искренно уважающій и готовый къ услугамъ В. Имшенецкій.»

Теперь, имѣя передъ собою всѣ три полученныя мною отъ Имшенецкаго письма, читатель, надѣюсь, вполнѣ убѣдился, что отношеніе Имшенецкаго къ новой наукѣ вовсе не показано въ трудѣ г. Андреева, а отношеніе того-же ученаго ко мнѣ и моему сочиненію изложено тамъ не во всемъ согласно съ дѣйствительностью.

На этомъ я могъ бы и остановиться, если-бы имѣлъ въ виду ограничиться сопоставленіемъ писемъ, которыя я предоставлялъ въ распоряженіе г. Андрева, со сдѣланнымъ изъ нихъ употребленіемъ. Но я намѣреваюсь воспользоваться представившемся удобнымъ случаемъ для цѣли, болѣе возвышенной, а именно: заставить высокую и общепризнанную авторитетность Имшенецкаго сколько-нибудь послужить дѣлу распространенія уваженія и довѣрія къ новой наукѣ, имъ-же самимъ любимой. Для достиженія этой цѣли мнѣ необходимо еще доказать съ очевидностью, что тотъ интересъ къ математической логикѣ, который вторично возникъ въ Имшенецкомъ въ 1884 году подъ вліяніемъ чтенія моего труда, не ослабѣвалъ въ немъ до самой смерти, т. е. въ теченіи восьми лѣтъ. Такъ какъ доказательство этого крупнаго факта я могу заимствовать только изъ письма ко мнѣ г. Андреева, то я и позволяю себѣ воспроизвести здѣсь это письмо съ буквальною точностью. Вотъ что мнѣ писалъ г. Андреевъ, лично и до сихъ поръ мнѣ незнакомый, испрашивая у меня письма Имшенецкаго.

Харьковъ. 9-го ноября 1893 года.

Многоуважаемый Платонъ Сергѣевичъ!

По случаю смерти покойнаго Вас. Грис. Имшенецкаго всѣ его бумаги и переписки поступили, по желанію его наслѣдниковъ, на мое разсмотрѣніе. Пользуясь этимъ, а также и другими матеріалами, я составляю въ настоящее время біографію моего высоко-цѣнимаго и горько оплакиваемаго бывшаго сослуживца и друга, съ которымъ мои личныя и письменныя сношенія не прекращались до самаго дня его смерти. Мнѣ было извѣстно изъ этихъ сношеній, что онъ живо интересовался вашими работами по матеметической логикѣ. Уже послѣ его смерти покойная его супруга Марья Осиповна прислала мнѣ вашу книгу съ вашею на имя Василія Григорьевича надписью и выразила желаніе, чтобы въ память Василія Григорьевича эта книга принадлежала мнѣ, такъ какъ она постоянно лежала на его письменномъ столѣ и составляла любимое его чтеніе въ немногіе часы досуга. Въ виду всего этого мнѣ не хотѣлось-бы въ біографіи обходить молчаніемъ фактъ, что эта отрасль наукъ

такъ привлекала вниманіе покойнаго Василія Григорьевича, хотя въ бумагахъ его и не находится слѣдовъ его собственныхъ занятій этимъ предметомъ.

Въ числѣ писемъ, поступившихъ ко мнѣ, я нашелъ два вашихъ письма, писанныя въ сентябрѣ и октябрѣ 1884 года, въ которыхъ вы выражаете благодарность за доброе мнѣніе о вашей книгѣ и за сообщеніе о ней академіи. Это обстоятельство, равно какъ все вышеизложенное, побуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ слѣдующей покорнѣйшей просьбой. Если у васъ сохранились письма В. Г. Имшенецкаго, то не найдете-ли вы возможнымъ прислать ихъ мнѣ въ подлинникѣ или копіи. Если пришлете подлинныя письма, то я обѣщаюсь сохранить ихъ въ цѣлости и возвратить вамъ по вашему назначенію. Знакомство съ этими письмами для меня важно для того, чтобы съ большею опредѣленностью и увѣренностью высказаться въ біографіи о интересѣ покойнаго В. Г. къ математической логикѣ вообще и къ вашему сочиненію въ частности. Если вамъ можно будетъ удовлетворить мою просьбу, то будьте такъ добры не замедлить, такъ какъ я спѣшу окончить мой трудъ и въ декабрѣ начать печатать. Я былъ бы вамъ очень признателенъ, если-бы вы сообщили мнѣ также что-нибудь изъ вашихъ собственныхъ воспоминаній о личности В. Г. Имшенецкаго или доставили бы мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія или документы, могущіе въ какомъ бы то ни было отношеніи быть полезными въ качествѣ матеріала для біографіи. Прошу принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ къ вамъ уваженіи и душевной преданности. К. Андревъ».

Приведенное письмо, написанное лицомъ, наилучшимъ образомъ освѣдомленнымъ въ дѣлѣ, позволяетъ мнѣ дать точный и категорическій отвѣтъ по остававшемуся еще невыясненнымъ окончательно вопросу о томъ: сохранился-ли въ Имшенецкомъ возникшій вторично интересъ къ математической логикѣ, или-же онъ смѣнился новымъ въ ней разочарованіемъ? Компетентнѣйшій изъ свидѣтелей удостовѣряетъ, что и послѣ 1884 года Имшенецкій «живо интересовался работами по математической логикѣ», что одна изъ этихъ работъ «постоянно лежала на его письменномъ столѣ и составляла любимое его чтеніе въ немногіе часы досуга» и что вообще «эта отрасль наукъ такъ привлекала вниманіе покойнаго Василія Григорьевича». Констатированіемъ этихъ безспорныхъ фактовъ, весьма драгоцѣнныхъ для юной науки, успѣвшей выдержать строгое критическое испытаніе со стороны одного изъ выдающихся научныхъ умовъ, я и заканчиваю настоящую свою статейку.

Впрочемъ, сообщу еще читателю слѣдующее. Полученное отъ г. Андреева извѣстіе о необыкновенномъ вниманіи Имшенецкаго къ одному изъ моихъ сочиненій воскресило во мнѣ, вполнѣ было угасшее, желаніе

заниматься разработкою новой науки. И вотъ теперь, съ благослове[...]
Имшенецкаго, я предполагаю опубликовать, если посчастливится найти
издателя, продолженіе того самого труда, который такъ сердечно былъ
принятъ незабвеннымъ ученымъ [1]).

П. Порѣцкій, д-ръ астрономіи.

Село Жоведь, Городницкаго у. Черниг. губ.
28 сентября 1896 г.

---

[1]) Одну главу изъ этого новаго труда мнѣ удалось уже напечатать подъ названіемъ «Законъ корней въ логикѣ» въ журналѣ «Научное Обозрѣніе» (1896 г., № 19). Другія главы должны содержать изложеніе и доказательство слѣдующихъ законовъ логики, недавно мною найденныхъ: законъ формъ посылокъ, законъ замѣщенія системы посылокъ одною посылкою, законъ разложенія посылокъ на элементы, законъ исключенія терминовъ изъ посылокъ, законъ умозаключеній или слѣдствій и законъ причинъ.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе ноября мѣсяца.

Абрамовъ Я. В. Наслѣдство и раздѣлъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Авенаріусъ Б. П Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи: «Ученическіе годы Гоголя». Изд. П. П. Луковникова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Берендтъ Э. Орд. Профессоръ. Нѣсколько словъ о «Коллегіяхъ» Петра Великаго. Ярославль. 1896.

Бертенсонъ Левъ. О необходимости обученія техниковъ поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Бретъ-Гартъ и Диккенсъ. Рождественская ночь. Скруджъ. (Святочные разсказы). Спб. 1896. Ц. 25 к.

Бузескулъ В. Проф. Генрихъ Зибель, какъ историкъ политикъ. Харьковъ. 1896. Ц. 40 к.

Бьернсонъ-Бьернстьерне. Томъ IV. Переводъ М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1896. Ц. 35 к.

Бюхеръ К. Проф. Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго Л. С. Зака. Одесса. 1896. Ц. 20 к.

Вагнеръ К. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. С. Леонтьева. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Васильевъ В. И. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1895. Ц. 25 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ, Москва. 1896. Ц. 25 к.

— Ариѳметика, отношенія, пропорціи и пр. Москва. 1897. Ц. 25 коп.

Витковскій В. Міръ планетъ. Астрономическая лекція. Спб. 1897.

Внѣшняя торговля Россіи въ 1895 году. Предварительныя свѣдѣнія. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1896.

Вольтеръ Вавилонская принцесса. Спб. 1896. Ц. 35 к.

Вучетичъ Н. Г. Кузя. Разсказъ для дѣтей. Одесса. 1896.

Вундтъ В. Очеркъ психологіи. Перевелъ съ нѣмец. Г. А. Паперна. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Гауптманъ Э. Два разсказа. Стрѣлочникъ Тиль и Апостолъ. Переводъ съ нѣмецкаго З. Ж. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Гокинсъ Э. Англійско-русскій карманный словарь. Изданіе 1-е. Кіевъ. 1896. Ц. 60 к.

Гнейстъ Рудольфъ. Правовое государство и административные суды Германіи. Второе изданіе. Переводъ Ѳ. С. Фустова подъ редакціей М. И. Свѣшникова. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Подъ ред. Л. Ѳ. Баталина. Спб. 1896. Выпуски I—III по 1 р.

Гретъ В. Думы и пѣсни Екатеринбургъ. 1896. Ц. 35 к.

Греффъ Г., профессоръ общей соціологіи и философіи. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ франц. Г. Паперна. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ А. Н. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Изданіе восьмое. Кіевъ-Харьковъ. 1896. Ц. 1 р.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ 15 вѣкѣ. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

Долбинъ В. А. Курсъ законовѣдѣнья. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Залшупинъ А. С. Вопросы банковой политики. Къ реформѣ денежнаго обращенія. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Зкнинъ М. (С. Шараповъ). Кружнымъ путемъ. Романъ въ пяти частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ. Германъ. Разсказы кстати. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Ивановъ И. И. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Камаровскій гр. Л. А., проф. Восточный вопросъ. Москва. 1896. Ц. 25 к.

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Томъ III. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. Ц. 2 р.

Кольбъ Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Съ очеркомъ формъ государств. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Переводъ съ 3-го изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Выпускъ I и II. Кіевъ-Харьковъ. 1896.

Коринфскій, Аполлонъ. Вольная птица и другіе разсказы. Спб. 1897. Ц. 1 р.

— Тѣни жизни. Стихотворенія. 1895—1896. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Коринфскій, Аполлонъ. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи за 1895. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1896.

Кубасовъ П. И., д-ръ медицины. О грибкахъ палюдизма. Спб. 1896.

Кугушевъ князь А. П. Стихотворенія, Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Кулешовъ П. Н. Коневодство. 3-е изданіе. Спб. 1896. Ц. 1 р. 20 к.

Кутузовъ В. Н. Нѣмецко-русско-французскій и французско-русско-нѣмецкій лѣсотехническій словарь. Спб. 1896.

Лависсъ Эрнстъ и Рамбо Альфредъ. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ первый. Переводъ В. Невѣдскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. Ц. 3 р.

Лангстротъ Л. Л. Пчела и улей. Переводъ подъ редакціею Г. П. Кондратьева съ его предисловіемъ и примѣчаніями. Второе изданіе. Спб. 1896. 2 р. 50 к.

Ломшаковъ М. С., дом. учитель. Міровая Хрестоматія. Часть вторая, 1. Часть вторая, П. Спб. 1896. Ц. 40 к. и 60 к.

Лурбе, Жанъ. Женщина передъ судомъ современной науки. Переводъ съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Лѣсковъ Н. С. Полное собраніе сочиненій. Новое, второе изданіе въ 12 томахъ, съ критико-біографическимъ очеркомъ. Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Изд. А. Ф. Маркса. 1897. Ц 15 р.

Любимовъ Н. А., профессоръ. Исторія физики, опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть третья. Физика въ XVII в. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механическая философія. Спб. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

М. М. Поэзія Надсона. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Маршаль, Мильисъ А. Лягушка, введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Москва. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Мензисъ А., проф. университета въ С-тъ Андрью въ Шотландіи. Исторія религіи. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. Спб. 1897. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 1 р.

Мережковскій Д. С., Вѣчные спутники, портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897. Изд. П. П. Перцова. Ц. 2 р.

Милль Д. С., Спенсера Г. и Іордъ А. Огюстъ Контъ и Позитивизмъ. Москаа. 1897. Ц. 1 р.

Минскій Н. М. Ибсенъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Московскія хлебопекарни въ 1895 году. Москва. 1896.

Нейманъ-Спаллартъ Ф. Кс. Протекціонизмъ и всемірное хозяйство. Перев. съ нѣмецкаго Л. С. Зака. Одесса. 1896. Ц. 20 к.

Новодумъ Н., докторъ. Новый международный языкъ. «Прометей—просвѣтитель». Кіевъ. 1896. Ц 15 к.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи, по Европейской и Азіатской границамъ за 1894 г. Спб. 1896.

Орженцкій Р. Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Одесса. 1896.

Орловское общество любителей изящныхъ искусствъ, годъ $1895/_6$ (второй). Орелъ. 1896.

Острогорскій Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. второе. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Отчетъ Орловскаго комитета народныхъ чтеній за 1894–1895 г. Орелъ. 1896.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и Тамб. губерніи за $1895/_6$ г. Тамбовъ. 1896.

Отчетъ Совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества за 1893 годъ. Спб. 1896.

Предтеченскій Е. Кометы и падучія звѣзды. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Реклю Элизе. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Переводъ Д. А. Коробчевскаго. Спб. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изд. 2-ое. Харьковъ, 1896. Ц. 25 к.

Сборникъ управленія дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ желѣзн. дорогахъ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 коп.

Сельско-хозяйственныя учрежденія: фермы, опытныя поля и станціи, садовыя заведенія и пр. Справочная книжка. Часть I. (Сельско-хозяйственныя фермы). Спб. 1896.

Сеславинъ Д. Н. Карманный орѳографическій словарь. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Статистическій сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1895. Новгородъ. 1896.

Степовичъ А. У. 25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана. Кіевъ. 1896.

Тарасовъ И. Т. Очерки науки полицейскаго права. Пособіе для слушанія лекцій и для приготовленія къ экзамену. Москва. 1897. Ц. 4 р. 50 к.

Тимирязевъ К. Луи Пастеръ, проф. Москва. 1896. Ц. 25 к.

Тришканъ Ю. Девальвація. Выпускъ второй. Кіевъ. 1896. Ц. 50 к.

Уставъ театральнаго общества въ Москвѣ.

Уордъ Лестеръ. Психическіе факторы цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго Л. К. Давыдовой. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Уордъ Лестеръ. Психическіе факторы цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго Е. И. Бошняка. Москва Ц. 1 р.

Fani. Doll. Angelo. La deportatione Studio di diritto punitivo per dissertatioue di laurea in giorisprudenza. Perugia. 1896 Ц. Lire 3.

Шимковъ А. П. Докладъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. Москва. 1896.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

К. И. ТИХОМИРОВА.

Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Моск. Общ. Сельск. Хоз. и Моск. Ком. Нар. чтеній

Москва, Кузнецкій мостъ.

А. Адольфъ и С. Любомудровъ.—Orbis romanus pictus. Римскій міръ въ картинахъ. Латинская хрестоматія. Ч. II. Курсъ второго класса гимназій. Съ рисунк. Ц. 60 к.

Вернеръ К. Профес.—Чѣмъ опредѣляется размѣръ удобренія? Ц. 6 к.

Виноградовъ В. И. Профес.—Объ удобреніяхъ. Общія основанія ученія объ истощеніи и удобреніи почвъ. Составъ, свойства, дѣйствіе и примѣненіе различныхъ удобреній. Ц. 8 к.

Виноградовъ И. И.—Царь Миротворецъ Императоръ Всероссійскій Александръ III. Ц. 3 к.

Григорьевъ С. С.—Доступные опыты. I. Воздухъ и его свойства. Практическія занятія въ школѣ и дома въ свободное время. Изд. 2-ое. Съ рисунк. Ц. 35 к.

Дерягинъ Н. Н.—Цыгайское овцеводство, уходъ за овцами и торговля шерстью въ Россіи. Изд. 2-ое. Съ рисунк. Ц. 8 к.

Коменскій, Янъ Амосъ.—Великая Дидактика. Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ **Андрея Адольфа и Сергѣя Любомудрова.** Съ иллюстрированнымъ очеркомъ жизни и дѣятельности Коменскаго и указателемъ именъ и вещей. Ц. 8 руб.

Кантъ, Иммануилъ.—О педагогикѣ. Перев. съ нѣмецкаго **С. Любомудрова.** Ц. 75 к.

Локкъ Джонъ.—Мысли о воспитаніи. Перев. съ англійскаго **А. Басистова.** Ц. 1 р. 50 к.

Пахомовъ П.—Выборъ молочнаго скота и наиболѣе важныя породы его. Съ рисун. Ц. 10 к.

Песталоцци Генрихъ.—Избранныя педагогическія сочиненія. Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ **В. Смирнова.** Ц. 2. р. 50 к.

Придорогинъ М. Профес.—Бесѣды о скотѣ. I. Кормовыя дачи. Съ рисун. Ц. 5 к.— III. Подготовка корма. Съ рисун. Ц. 8 к.

Прянишниковъ Д. Профес.— Кормовыя травы. Съ рисун. Ц. 8 к.

Поспѣловъ. Н. Букварь для начальныхъ школъ. Ц. въ папкѣ 12 к.

Рабле Ф. Монтэнь М.—Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ «Гаргантуа» и «Пантагрюэля» Рабле и «Опытовъ» Монтэня. Перев. съ франц. **В. Смирнова.** Ц. 1 руб.

Руссо. Ж. Ж.—Эмиль или о воспитаніи. Перев. съ франц. **П. Первова.** Ц. 3 руб. 50 коп.

Ростовцевъ С.—Профессоръ.— Болѣзни растеній. Очеркъ I. Картофельная болѣзнь или мокрое гніеніе картофельной ботвы и клубней. Съ 1 хромолитограф. табл. и рисун. Ц. 15 к.

Рыловъ М. А.—Кожевенное производство. Выпускъ II. Выдѣлка выгодныхъ сортовъ кожъ и замши. Съ рисун. Ц. 25 к.

Сорокинъ Н.—Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ и т. д. Состав. по Карлу Глазелю. Изд. 2-ое Ц. 40 к.

Тарнавскій А.—Директоръ учит. семин.— Объ обязанностяхъ учителя начальнаго народнаго училища. Опытъ краткаго руководства для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и учителей начальныхъ училищъ. Ц. 50 к.

Фенелонъ.—О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ франц. **В. Недачина.** Ц. 75 к.

Хитровъ М. Евстаѳій Плакида. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I и II столѣтія. Изд. 2-ое Ц. 50 к.

Книжный магазинъ К. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ) высылаетъ по требованію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, кѣмъ-бы то ни было изданныя, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. (годъ XIII)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

ВОКРУГЪ СВѢТА

въ теченіе года подписчики получатъ **50** еженедѣльныхъ иллюстрированыхъ **№№**, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленые рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Ріу и другими, и содержащихъ въъ себѣ **СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ**

ЖЮЛЯ ВЕРНА

въ которомъ войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній: I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т.—II. Дѣти капитана Гранта 2 тома.—III. Таинственный островъ 3 тома.—IV. Воздушный корабль.—V. Зеленый лучъ.—VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.—VII. Вверхъ дномъ.—VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 роскошныя преміи**, состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ $20^1/_4$ верш. въ длину и $13^1/_2$ верш. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) **Южный берегъ Крыма съ видомъ Ялты**. 2) **Видъ Днѣпра у Кіева**. Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя.

НА ГОДЪ **съ собран. соч. Жюля Верна съ дост. и перес.** **4 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля и 1 іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

Годъ третій

Въ 1897 году

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1897 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями — по 2 рубля. Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года. Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года. Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

„Астраханскій Листокъ“

въ 1897 году (годъ XXXII) будетъ издаваться въ томъ-же большомъ форматѣ и съ тѣми-же рубриками.

Редакція стремится доставить читателямъ своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія- отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

Подписная цѣна съ перес. 1 г.—7 р. 50 к., полгода—5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи «Листка», по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. (ГОДЪ XV) НА

«ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

газету научно-литературную и политическую

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ издается ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійск. Телеграфн. Агентства.

Программа газеты: 1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей. 4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ приложеній періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 р.; за границу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., заграницу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается—3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты „Восточное Обозрѣніе“.

Редакторъ-издатель **И. И. Поповъ.**

„Волжско-Донской Листокъ“.

Открыта подписка на 1897 г. (годъ XIII).

Подписная цѣна: на годъ **6** руб., на полгода **3** р. **50** к., на мѣс. **75** коп.

Выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Газета въ своей программѣ имѣетъ правительственныя извѣстія, телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ, городскую хронику и торговый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются точныя торговые люди, имѣющіе торговыя сношенія съ Царицыномъ и Астраханью, всегда могутъ въ «В.-Д. ЛИСТКѢ» найти вѣрныя свѣдѣнія о партіонномъ рынкѣ.

Адресоваться слѣдуетъ: Цырицынъ-на-Волгѣ, въ редакцію газеты «Волжско-Донской Листокъ».

